

ISSN 2541-8297

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

2019 № 2 (12)

Federal State Budget Institution of Science
A.M. GORKY INSTITUTE OF WORLD LITERATURE
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
“LITERARY HERITAGE”

LITERARY FACT

Academic journal

Published since 2016

2019. No. 2 (12)

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
«ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО»

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

Научный журнал

Издается с 2016 г.

2019. № 2 (12)

Основан в 2016 г. Выходит 4 номера в год

Редакция

Олег Анатольевич Коростелев (главный редактор)
Сергей Игоревич Панов (заместитель главного редактора)
Владислав Александрович Резвый (выпускающий редактор)
Елена Валерьевна Глухова, Михаил Викторович Строганов (редакторы)
Виктория Юрьевна Попова (ответственный секретарь)

Редколлегия

Константин Маркович Азадовский, Германская академия языка и литературы
(Дармштадт, Германия / Санкт-Петербург)
Алексей Юрьевич Балакин, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург)
Николай Алексеевич Богомолов, МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)
Наталья Васильевна Корниенко, ИМЛИ РАН (Москва)
Вячеслав Анатольевич Кошелев, Арзамасский филиал Нижегородского
гос. университета им. Н.И. Лобачевского (Арзамас / Великий Новгород)
Александр Васильевич Лавров, Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН, (Санкт-Петербург)
Игорь Евгеньевич Лоцилов, Институт филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)
Дарья Сергеевна Московская, ИМЛИ РАН (Москва)
Вадим Владимирович Полонский, ИМЛИ РАН (Москва)
Федор Борисович Поляков, Институт славистики Венского университета (Австрия)
Олег Анатольевич Проскурин, университет Эмори (Атланта, Джорджия, США)
Абрам Ильич Рейтблат, ИД «Новое литературное обозрение» (Москва)
Андрей Львович Топорков, ИМЛИ РАН (Москва, Россия)
Марина Ивановна Щербакова, ИМЛИ РАН (Москва, Россия)

Международный редсовет

Стефано Гардзонио, Пизанский университет (Пиза, Италия)
Андрей Леонидович Зорин, Оксфордский университет (Великобритания) / Московская
высшая школа социальных и экономических наук (Москва)
Дмитрий Павлович Ивинский, МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)
Павел Михайлович Лавринец, Вильнюсский университет (Вильнюс, Литва)
Джон Малмстад, Гарвардский университет (Бостон, США)
Геннадий Владимирович Обатнин, университет Хельсинки (Финляндия)
Леа Лембитовна Пильд, Тартуский университет (Тарту, Эстония)
Даниела Рицци, университет Ca' Foscari (Венеция, Италия)
Александр Федорович Строев, Университет Новая Сорбонна–Париж 3
(Париж, Франция)
Роман Давидович Тименчик, Еврейский университет (Иерусалим, Израиль)
Лазарь Соломонович Флейшман, Стэнфордский университет (Пало-Алто, США)
Манфред Шруба, Миланский университет (Милан, Италия)

Founded in 2016. Quarterly edition

Editors

Oleg Korostelev (Editor-in-chief)
Sergei Panov (Deputy Editor-in-chief)
Vladislav Rezyi (Executive Editor)
Elena Glukhova, Mikhail Stroganov (Editors)
Victoria Popova (Managing Editor)

Editorial Board

Konstantin Azadovsky, German Academy for Language and Literature
(Darmstadt, Germany / Saint-Petersburg, Russia)
Alexei Balakin, Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the RAS
(Saint-Petersburg, Russia)
Nikolay Bogomolov, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
Natalia Kornienko, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia)
Vyacheslav Koshelev, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Arzamas
branch (Arzamas / Veliky Novgorod, Russia)
Alexander Lavrov, Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the RAS
(Saint-Petersburg, Russia)
Igor' Loshchilov, Institute of Philology, Siberian Branch of the RAS
(Novosibirsk, Russia)
Darya Moskovskaya, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia)
Vadim Polonsky, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia)
Fyodor Polyakov, Institute of Slavic Studies, University of Vienna
(Vienna, Austria)
Oleg Proskurin, Emory University (Atlanta, GA, USA)
Abram Reitblat, "Novoe literaturnoe obozrenie" Publishing House (Moscow, Russia)
Andrei Toporkov, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia)
Marina Shcherbakova, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia)

International Editorial Council

Stefano Garzonio, University of Pisa (Pisa, Italy)
Andrey Zorin, Oxford University (Great Britain), Moscow School of Social and
Economic Sciences (Moscow, Russia)
Dmitry Ivinsky, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
Pavel Lavrinets, Vilnius University (Vilnius, Lithuania)
John Malmstad, Harvard University (Boston, MA, USA)
Gennady Obatnin, University of Helsinki (Finland)
Lea Pild, University of Tartu (Tartu, Estonia)
Daniela Rizzi, University Ca' Foscari (Venice, Italy)
Alexander Stroeov, New Sorbonne University – Paris 3 (Paris, France)
Roman Timenchik, Hebrew University of Jerusalem (Jerusalem, Israel)
Lazar Fleishman, Stanford University (Palo Alto, CA, USA)
Manfred Schruba, Milan University (Milan, Italy)

Содержание

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Л.А. Сапченко. «Дар искренней любви...» (Неизданный альбом Н.М. Карамзина) 8

МЕМУАРЫ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ

А.В. Лавров. Письма Иванова-Разумника к М.О. Гершензону 58

А.Л. Соболев. Мемуары Виктора Мозалевого 99

В.И. Мозалевский. Тропинки, пути, встречи 115

ИДЕОЛОГИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

А.П. Богданов. «Прения с греками о вере» Арсения Суханова:
полный авторский текст 145

И.А. Виноградов. Феномен западничества в славянофильстве: взгляд Гоголя 189

СТАТЬИ. ЗАМЕТКИ. СООБЩЕНИЯ

А.С. Демин. Композиция и изобразительные мотивы древнерусского
пергаменного сборника конца XIV — начала XVI вв. 225

А.В. Курочкин. «Несчастный любовник венчаемой девицы»: знакомый А.С. Пушкина Василий Васильевич Давыдов 234

Н.Л. Васильев, Д.Н. Жаткин. Из переписки В.Г. Бенедиктова с П.А. Вяземским. Неопубликованное стихотворение Бенедиктова «Обновы 245

Б.Н. Романов. Андрей Белый и Е.Ф. Книпович 259

А.С. Пахомова. О людях и куклах: Пьеса «Вторник Мэри» и писательские стратегии М.А. Кузмина рубежа 1910–1920-х гг 285

А.Г. Мец. Три заметки к биографии Осипа Манделъштама 317

Р.Д. Тименчик. Заметки комментатора. 9. Два неопубликованных стихотворения об Одессе 332

ВОПРОСЫ ТЕКСТОЛОГИИ

О.А. Проскурин. «Отрывок из письма [к Д.]» А.С. Пушкина: адресат, функция, датировка 348

Contents

FROM LITERARY HERITAGE

<i>Lyubov Sapchenko</i> . “A Gift of True Love...” (N.M. Karamzin’s unpublished album)	8
--	---

MEMOIRS. LETTERS. DIARIES

<i>Alexander Lavrov</i> . Ivanov-Razumnik’s letters to M.O. Gershenzon	58
<i>Alexander Sobolev</i> . Viktor Mozalevsky’s memoirs	99
<i>Viktor Mozalevsky</i> . Paths, roads, encounters	115

LITERARY IDEOLOGY

<i>Andrei Bogdanov</i> . “The Debate on Faith with the Greeks” by Arseny Sukhanov: complete author’s text	145
<i>Igor Vinogradov</i> . The phenomenon of Westernism in Slavophilism: Gogol’s view	189

ARTICLES. NOTES. MATERIALS

<i>Anatoly Demin</i> . Composition and figurative motives of an Old Russian parchment collection of the late 14th — early 16th centuries	225
<i>Alexander Kurochkin</i> . “The unhappy lover of the girl getting married”: A.S. Pushkin’s acquaintance Vasily Vasilievich Davydov	234
<i>Nikolay Vasilyev, Dmitry Zhatkin</i> . From the correspondence of V.G. Benediktov with P.A. Vyazemsky. Benediktov’s unpublished poem “Novelties”	245
<i>Boris Romanov</i> . Andrei Bely and E.F. Knipovich	259
<i>Alexandra Pakhomova</i> . On people and puppets: The play “Mary’s Tuesday” and M.A. Kuzmin’s literary strategies of late 1910s and early 1920s	285
<i>Alexander Mets</i> . Three notes on Osip Mandelstam’s biography	317
<i>Roman Timenchik</i> . Notes of a commentator. 9. Two unpublished poems about Odessa	332

TEXTUAL CRITICISM ISSUES

<i>Oleg Proskurin</i> . “An excerpt from the letter [to D.]” by A.S. Pushkin: addressee, function, dating	348
--	-----

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

DOI 10.22455/2541-8297-2019-12-8-57

УДК 821.161.1

«Дар искренней любви...» (Неизданный альбом Н.М. Карамзина)

© 2019, Л.А. Сапченко

Аннотация: Впервые публикуемый здесь альбом был собственноручно составлен Н.М. Карамзиным в 1821 г. ко дню рождения императрицы Елизаветы Алексеевны, с которой его связывала переписка, духовное родство, взаимопонимание. В альбом вошли выписки из трудов европейских мыслителей и писателей, а также русские пословицы.

Этот альбом еще не был опубликован, между тем он представляет значительный интерес для понимания мировоззрения Карамзина в последние годы его жизни. Выписки касаются важнейших для Карамзина и, как он полагал, для человечества, для России, понятий: Провидение, Бог, Добродетель, Дружба, Любовь. 52 альбомных разворота содержат тексты, с которыми составитель альбома солидарен.

Наибольшее место принадлежит Руссо, за ним следуют Монтень, Боссюэ, Паскаль, Монтескье, Бюффон, Лафонтен, Ларошфуко, Помпиньян, Николь. Внесенные в альбом их высказывания позволяют воссоздать философскую антропологию Карамзина, проследить динамику его воззрений по сравнению с более изученными периодами. Вечные истины, любовь и дружество, народная мудрость становятся для него высшими ценностями бытия.

Ключевые слова: Н.М. Карамзин, литературный альбом, нравственно-философская литература, русские писатели и императорская фамилия, императрица Елизавета Алексеевна, архивные публикации

Информация об авторе: Любовь Александровна Сапченко, доктор филол. наук, проф., Ульяновский гос. пед. университет. Ульяновск, Россия.

E-mail: sssj-sla@mail.ru

Цитирование: Сапченко Л.А. «Дар искренней любви...» (Неизданный альбом Н.М. Карамзина) // Литературный факт. 2019. № 2 (12). С. 8–57. DOI 10.22455/2541-8297-2019-12-8-57

В 1859 г. Н. Лыжиным был опубликован альбом Н.М. Карамзина, собственноручно составленный им в 1811 г. для великой княгини Екатерины Павловны и содержащий высказывания европейских писателей и философов о Боге, государстве, о любви к отечеству, о супружестве, о добродетели, о дружбе и т.д.¹ Публикатор подчеркивал, что без этого альбома невозможна полная характеристика Карамзина как мыслителя². В 1821 г. Карамзин подготовил еще один альбом — для императрицы Елизаветы Алексеевны, с которой его связывала переписка, духовное единение, взаимопонимание. Этот альбом еще не был введен в научный оборот, между тем он представляет интерес для понимания эволюции мировоззрения Карамзина в последние годы его жизни³.

30 сентября 1821 г. Карамзин писал И.И. Дмитриеву: «Судьба странным образом приближила меня в летах преклонных ко Двору необыкновенному и дала мне искреннюю привязанность к тем, чьей милости все ищут, но кого редко любят. Ты не менее моего знаешь двух, но третью я узнал короче: Императрицу Елизавету Алексеевну, женщину редкую. С прошедшей осени я имел счастье беседовать с нею еженедельно, иногда часа по два и более, с глазу на глаз; иногда мы читали вместе; иногда даже спорили, и всегда я выходил из ее кабинета с приятным чувством»⁴.

Карамзин познакомился с Елизаветой Алексеевной в 1817 г., и отношения между ними вскоре приняли характер взаимного доверия и симпатии. Беседы Карамзина и чтение им страниц из «Истории государства Российского» заинтересовали императрицу, которая для практики в русском языке сама читала вслух произведения историка, и «при этом происходил оживленный обмен мыслей»⁵. Императрица доверяла Карамзину свои дневники, которые она вела все время пребывания в России.

В уже цитированном письме к Дмитриеву от 30 сентября 1821 г. Карамзин продолжает о Елизавете Алексеевне: «К ней написал я, может быть, последние стихи в моей жизни, в которых сказал:

¹ Лыжин Н. Альбом Н.М. Карамзина // Летописи русской литературы и древностей. М., 1859. Т. I. Отд. 2. С. 161–192.

² Лыжин Н. Материалы для характеристики Карамзина как практического философа // Летописи русской литературы и древностей. М., 1859. Т. II. Отд. 1. С. 3–12. Об этом альбоме см. также: Сапченко Л.А. Н.М. Карамзин в рус. общественном и литературном сознании середины и второй пол. XIX века. Ульяновск, 2013. С. 91–128.

³ См.: Сапченко Л.А. «"Мир совести и доверенности к Провидению" в альбомах Н.М. Карамзина» // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XIX веков. Вып. 5. Петрозаводск, 2008. С. 72–83.

⁴ Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 316.

⁵ Николай Михайлович, Вел. кн. Императрица Елизавета Алексеевна. СПб., 1909. Т. 3. С. 16.

Здесь все мечта и сон; но будет пробужденье!
Тебя узнал я здесь в прелестном сновиденье:
Узнаю наяву!

В самом деле, чем больше приближаюсь я к концу жизни, тем более она кажется мне сновидением. Я готов проснуться, когда угодно Богу: желаю только уже не иметь мучительных снов до гроба; а мысль о смерти, кажется, не пугает меня⁶.

9 ноября 1824 г. после петербургского наводнения Карамзин писал Елизавете Алексеевне: «К вам привязана душа моя, а душа нетленна. Кажется, что я люблю Вас еще более, нежели прежде; и как Вы равно милостивы ко мне и к жене моей, так мы оба нераздельны в нашем общем нежном к Вам чувстве»⁷.

Со временем его благоговение перед Елизаветой Алексеевной все усиливается. Сострадав ей в связи с кончиной Александра I, он пишет Дмитриеву 1 декабря 1825 г.: «Она кажется мне каким-то лучезарным Ангелом в состоянии неизъяснимом. Сердце рвется к ней»⁸.

В 1821 г. ко дню рождения императрицы Н.М. Карамзин подготовил альбом с различными выписками из европейских мыслителей и писателей, с выдержками из священных текстов.

По словам В.Э. Вацура, альбом, составленный Карамзиным в 1811 г. для великой княгини Екатерины Павловны, «представляет собою совершенно особое жанровое образование, трудно сопоставимое с альбомами XIX в. Это не столько альбом, сколько записная книжка с выписками и собственными стихами ...»⁹. Таков же и альбом 1821 года.

Перед нами собрание чужих текстов, посредством которых происходит передача собственных мыслей¹⁰. Само общение с помощью выписок отмечено уверенностью в возможности взаимопонимания. Акцент в альбомах Карамзина делается на принципиальных философских и нравственных позициях, на содержании таких важнейших для Карамзина и, как он полагал, для человечества, для России, понятий, как: Провидение, Бог, Добродетель, Дружба, Любовь, причем во всем этом ощущается личность составителя.

⁶ Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. С. 316.

⁷ *Карамзин Н.М.* Неизданные соч. и переписка. Ч. 1. СПб., 1862. С. 63.

⁸ Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. С. 410.

⁹ *Вацуро В.Э.* Литературные альбомы в собрании Пушкинского Дома (1750 — 1840-е годы) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 г. Л., 1979. С. 6.

¹⁰ См.: *Сапченко Л.А.* Выписки из франц. мыслителей в неопубликованном альбоме Н.М. Карамзина // *La Russie et l'Europe: autres et semblables, actes du colloque organisé par l'Université Paris-Sorbonne — Paris IV, 10–12 mai 2007.* URL: <http://institut-est-ouest.ens-lyon.fr/spip.php?article116>

Карамзину всегда была свойственна свобода проявлений своего политического и культурного самосознания, в определенном смысле можно сказать, что он пользовался свободой слова (о чем писал Гоголь в главе «Карамзин» «Выбранных мест из переписки с друзьями»). В данном случае, желая «сказать все», Карамзин опирается на своих единомышленников — выдающихся европейских философов, писателей, поэтов, которые в немалой степени определили его собственную позицию.

Наибольшее место занимают сентенции Руссо, за ним следует Монтень, а также те писатели и мыслители, которые упоминаются значительно реже или даже никогда не принимаются во внимание при характеристике религиозных и философских взглядов Карамзина: в первую очередь — Боссюэ, во многом определивший политические убеждения Карамзина в 1810–1820-е годы, затем Паскаль, Монтескье, Бюффон, Лафонтен, Ларошфуко, Помпиньян, Николь. Внесенные в альбом их высказывания, фрагменты их произведений, порой весьма пространные, позволяют воссоздать философскую антропологию Карамзина, проследить динамику его воззрений по сравнению с ранним, более изученным периодом творчества. Пятьдесят два альбомных разворота содержат тексты, с которыми составитель альбома солидарен (доказательство этой солидарности — воспроизведение ряда фрагментов также и в альбоме 1811 года, в письмах, записной книжке). Все это дает возможность не только точнее очертить круг чтения Карамзина, но и поставить конкретные проблемы, которые (за исключением темы «Карамзин и Руссо») никогда специально не рассматривались: Карамзин и Монтень, Карамзин и Боссюэ, Карамзин и Паскаль и т.п.

Выдержки из европейских авторов в альбоме 1821 года распределены Карамзиным по разделам: «Бог» (несомненное существование могущественной воли, которая управляет всем), «Христианская политика» (власть Провидения над судьбами государств и правителей), «Добродетель» (ответственность человека за свои поступки), «Монархическое правление» (необходимость сосредоточения в правителе абсолютного блага, абсолютного добра), «О препятствиях к добродетели на троне» (развращающее влияние двора на добродетельного правителя), «Евангелие» (христианская вера как единственная и совершенная нравственная опора человека), «Дружба» (родство душ как наивысшая ценность в общении между людьми), «Любовь» (сила чувства, преображающего человека и мир), «Бедность человеческая» (суетность ряда человеческих устремлений), «Разные мысли» (парадоксы человеческой психологии), «О жизни и смерти» (преодоление страха смерти верой в Провидение). В конце же помещена подборка русских пословиц (вековая житейская мудрость).

Если альбом 1811 года начинался разделом «Христианская политика», где говорится о власти Провидения, то альбом 1821 года открывает собственное стихотворение составителя, посвященное Елизавете Алексеевне: «Элизе. В день ея рождения 13 генваря». Затем помещен раздел «Бог», представленный пространными выдержками из письма Руссо к маркизу де Бомону: «Я признаю все же волю единственную и высшую, которая управляет всем, и могущество, единственное и высшее, которое исполняет все», и из писем Юлии к Сен-Пре из романа Руссо «Юлия, или Новая Элоиза»: «Ужели мы хотим погрузиться в бездонные и безбрежные пучины метафизики и терять в спорах о божественной сущности краткие дни нашей жизни, кои даны нам для того, чтобы прославлять бога. Мы не знаем, какова сущность божия, но знаем, что бог есть, и этого с нас достаточно: сущность его проявляется в его делах, мы чувствуем ее внутри нас. Мы можем сколько угодно спорить о ней, но мы не можем искренне не признавать бога...».

После этих высказываний Карамзин помещает раздел «Христианская политика», где Жак Бенинь Боссюэ (1627–1704), французский писатель, епископ, представлен своими мыслями о том, что «Бог на высочайшем небеси держит правление всех царств; сердца всех в руке его; иногда воздерживает, а иногда попускает он страсти, и чрез то колеблет всем человеческим родом» (разворот 5–6). В «Письмах русского путешественника» Карамзин, говоря о Французской революции, косвенно также цитировал Боссюэ: «Преддим, друзья мои, предадим себя во власть Провидению: Оно конечно имеет Свой план; в Его руке сердца государей — и довольно»¹¹.

Далее следует раздел «Добродетель», целиком составленный из высказываний Руссо. Карамзин приводит мысли Руссо о добродетели, дружбе и любви: добродетель заключается не в том, чтобы следовать своим наклонностям и поступать хорошо в соответствии с ними; она в том, чтобы бороться, побеждать их и делать то, что повелевает нам наш долг. Топос добродетели включает в себя понятия: борьба, победа, сила воли, господство, обуздание страстей, власть, справедливость, честность. Через добродетельные души вечное Провидение устанавливает прямое правление человеческим сообществом, дает силу добру.

Раздел «Добродетель» представлен в основном Руссо: его романами «Эмил» и «Новая Элоиза» (письма Юлии). Некоторые выдержки из этих произведений были помещены также и в рукописном альбоме Н.М. Карамзина, составленном для Великой Княгини Екатерины Павловны, однако раздел в альбоме 1821 года, где, впрочем, значительно

¹¹ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 227.

сокращены фрагменты о супружестве, имеет скорее не общественную, а личностную направленность.

Важно отметить, что пространные рассуждения о Боге и добродетели в тексте «Новой Элоизы» принадлежат Юлии. Пристрастие Карамзина к строкам, написанным от лица молодой женщины, объясняется тем, что в ее речах слышен голос умудренного летами не мальчика, но мужа, а именно: голос автора. Подобные сентенции в устах юной супруги Вольмара предполагают пережитое глубокое потрясение, ведущее к трудному опыту, чем собственно и определяется сюжет таких произведений, как «Новая Элоиза» Руссо, «Юлия» Карамзина, позже — «Семейное счастье» Л. Толстого. Героиня проходит испытание чувств с тем, чтобы в конце концов возобладала добродетель, не добродетель невинности, а умудренность страданием, духовно уравнивающая юную женщину с ее более зрелым мужем.

В разделе «Монархическое правление» приводятся также высказывания Руссо о монархии и самодержавии. Французский философ считает, что монархическое правление есть правление одного, которому другие обязаны своими возможностями. Наиболее действенное правление есть власть одного. Этот фрагмент, близкий Карамзину, как и некоторые другие, он включил в оба альбома — 1811 и 1821 годов.

Сопоставляя преимущества и недостатки монархической и республиканской форм правления, Карамзин и Руссо вместе приходят к выводу: «найти форму правления, которая поставила бы закон выше человека — это задача не менее неразрешенная, чем квадратура круга; и поэтому надо перейти к другой крайности и поставить вдруг человека выше всякого закона, т.е. установить неограниченное самодержавие: “Я бы желал, чтобы самодержец был Бог”»¹². Другими словами, править миром и человечеством должно Абсолютное Благо, Абсолютное Добро.

Специальный раздел посвящен препятствиям добродетели на троне. Подобранные высказывания подчеркивают трудность правления: правители принуждены бороться с препятствиями, «почти непреодолимыми при помощи одного ума: доброта и щедрость увеличивают требования со стороны лиц, приближенных к государю, низкопоклонство с одной стороны заставляет его презирать людей, с другой вредит ему самому; отсутствие искренности в советниках затрудняет выбор лиц подведомственных, который по необходимости зависит от более или менее случайных обстоятельств. Все это и монарху напоминает, что, если он хочет принести пользу народу, то должен с молитвою обращаться к Богу»¹³.

¹² *Льжжин Н.* Альбом Н.М. Карамзина // *Летописи русской литературы и древностей.* М., 1859. Т. I. Отд. 2. С. 162.

¹³ Там же.

Далее следует раздел под названием «Евангелие», где текст Священного писания предстает как единственная, абсолютная и универсальная нравственная опора человечества. «Признаюсь вам также, что святость Евангелия это такой аргумент, который говорит моему сердцу и против которого мне даже жаль было бы найти какое-нибудь дельное возражение. Посмотрите на книги философов со всею присущею им пышностью; как они ничтожны по сравнению с этою книгою! Возможно ли, чтобы книга столь возвышенная и в то же время столь простая, была произведением человеческим?» (разворот 21).

В альбом составитель выписывает также фрагменты из Руссо о безуспешности представить Бога вне его творений.

От раздумий о Боге и государях в разделе «Дружба» Карамзин переходит к высказываниям об отдельной человеческой личности, взятой в стороне от света, вне общества. В то же время он остается верен своей постоянной теме — теме дружбы. Карамзин выписывает из Монтеня: «Если бы у меня настойчиво требовали ответа, почему я любил моего друга, я чувствую, что не мог бы выразить этого иначе, чем сказав: “Потому, что это был он, и потому, что это был я”» (разворот 28).

В альбоме помещены также многочисленные афоризмы («мысли») Ларошфуко, Монтескье, Паскаля, Николя (1625–1695), известного французского моралиста и богослова, а также строки французского поэта Жан-Жака Помпийяна (1709–1784) о человеке, природе, обществе.

Раздел «Мысли» можно рассматривать как «умственную исповедь» составителя альбома. Реальность противоречива, и потому истинная мысль о ней парадоксальна. Писателя всегда отличала терпимость к иным мнениям и воззрениям, его привлекали парадоксы в чужих устах. Парадокс для Карамзина есть мнимое противоречие.

Представление о существовании универсальной истины сталкивается с ее индивидуально-личностной (лирической) и исторической природой, в результате чего и рождается парадокс. Тетрагоа определяют тогес, но также и человека. Отсюда следует вывод: чтобы познать правду, познать человека, надо сопоставить века и эпохи, познать меняющееся время.

Раздел «Любовь» особенно наглядно демонстрирует изменения, которые происходили в эти годы во взглядах Карамзина. Еще в 1797 г. в письме к И.И. Дмитриеву Карамзин выразил свои «Мысли о любви». Имея в виду Бюффона, он писал: «Один великий писатель сказал, что, кроме физического удовольствия, ничего нет, ни хорошего, ни естественного в любви. Этот великий писатель имел весьма малую душу.

Физическое удовольствие не значит ничего в истинной любви; предмет ее слишком свят, слишком божествен в наших глазах и не может

возбуждать желаний: чувства спокойны, когда сердце взволновано, — а оно всегда в волнении при этой страсти»¹⁴.

В «Вестнике Европы» в 1802 г. Карамзин помещает материал под названием «Бюффон и Руссо», где сопоставляет их мнения о любви: «Оба писали о любви: изображая ее сладость и муку с жаром и трогательною истиною, Руссо восхитил сердца чувствительных; Бюффон оскорбил их, утверждая, что одна физическая любовь хороша и что моральная есть зло»¹⁵.

Однако в альбоме, поднесенном Елизавете Алексеевне, в разделе, озаглавленном «Любовь», Карамзин помещает только один отрывок — из Бюффона. Французский философ и естествоиспытатель определяет здесь любовь как сокровенное желание, как основание и неисчерпаемый источник существования, как душу природы, верховную могущественную силу, которая может все и которой противостоять не может ничто, благодаря которой все движется, все дышит, все обновляется; как божественное пламя, начало бесконечности, луч Провидения, дыхание жизни; как то драгоценное чувство, которое единственно может растопить железные и ледяные сердца, «вороша» внутренний жар; как первопричину всего добра, всех сообществ, непротиворечиво объединенных лишь чарами самой природы, единственный неиссякаемый источник всех удовольствий, всех наслаждений...

Карамзин находит теперь союзника в своем бывшем оппоненте — Бюффоне. И значительно сокращает в альбоме 1821 года число цитат, в которых на первом месте стояли гражданские добродетели и идея долга.

Зато разделы «Христианская политика» и «Монархическое правление» дополняются им фрагментами о всевластии божественной воли над судьбами государств и правителей: *«Бог есть блажен, и един сильный, Царь царствующих и Господь господствующих: блажен в неподвижном покое, видит все переменяющееся, не пременяя самого себя, и непрременным советом производит все перемены; дает и отъемлет силу, переносит ее от одного человека к другому, из дому в дом, из народа в народ, дабы оказать, что они ее токмо заимообразно имеют, а он един, в котором она естественно жительствоет»* (Боссюэ) (разворот 8). А также о взаимоотношениях властителя и закона: «Пусть же не смеют говорить, что суверен не подвластен законам его Государства, потому что положение обратное — это истина международного права, которую льстецы иногда оспаривали, но которую добрые государи всегда почитали как боже-

¹⁴ Пер. с франц. цит. по: Карамзин Н.М. Избр. статьи и письма. М.: Современник, 1982. С. 173.

¹⁵ Карамзин Н.М. Бюффон и Руссо // Вестник Европы. 1802. № 8. С. 340.

ство — покровительницу их государств. Насколько справедливее сказать вместе с Платоном, что для полного благополучия королевства нужно, чтобы подданные повиновались государю, чтобы государь повиновался Закону и чтобы Закон был справедлив и всегда был направлен к общественному благу» (цитата, приведенная в «Рассуждении о происхождении неравенства между людьми» Руссо и противоречащая тому, что было высказано им в письме к Мирабо) (разворот 16).

По сравнению с альбомом 1811 года Карамзин вводит дополнительные разделы: «Евангелие», «Любовь», «Бедность человеческая», «Русские пословицы», что свидетельствует о его выходе на новый уровень человековедения.

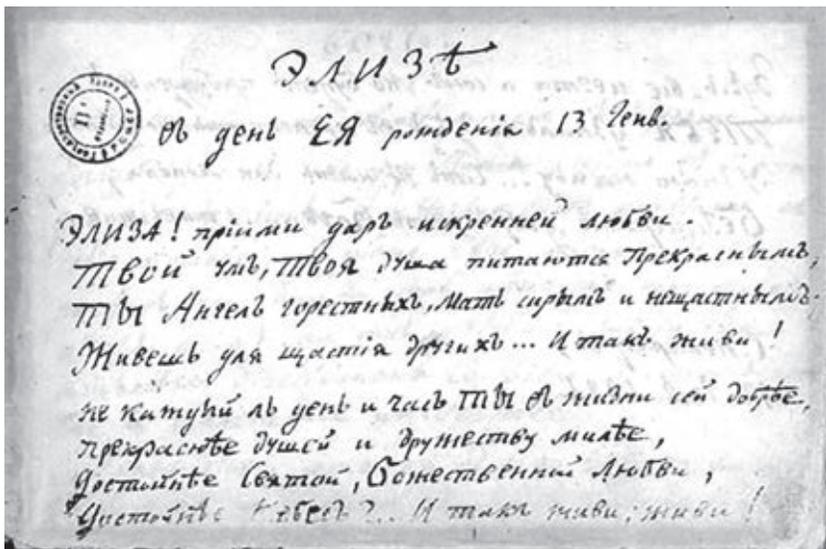
От культа личной и гражданской добродетели как долга (главная идея альбома 1811 года) Карамзин на новом уровне возвращается к мыслям о воле Провидения, о личности правителя, к парадоксам души человеческой, к изгибам человеческой психологии, к поэтизации непосредственного, искреннего чувства, вполне принимая также и выработанную веками народную житейскую мудрость.

В 1820-е гг. не гражданский долг, не политика, не государство Российское в его прошлом и настоящем, а человеческие связи в собственном смысле слова, сочувствие с современниками и потомками, любовь и дружество, родство душ становятся для него высшими ценностями бытия. Затруднившись решить: поставить человека выше закона или закон выше человека, — он сосредоточивается на святости Евангелия и парадоксах человеческого сердца. В надежде на сочувствие и взаимопонимание он составляет дарственный альбом для Елизаветы Алексеевны, по которому мы можем судить о системе ценностей Карамзина в последние годы его жизни.

Текст альбома публикуется по рукописи: ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Т. 1. Индекс 567. Благодарим Л.Ф. Семенову за помощь в переводе французских текстов.

Н.М. Карамзин

Альбом, поднесенный императрице
Елизавете Алексеевне
в день ее рождения в 1821 году

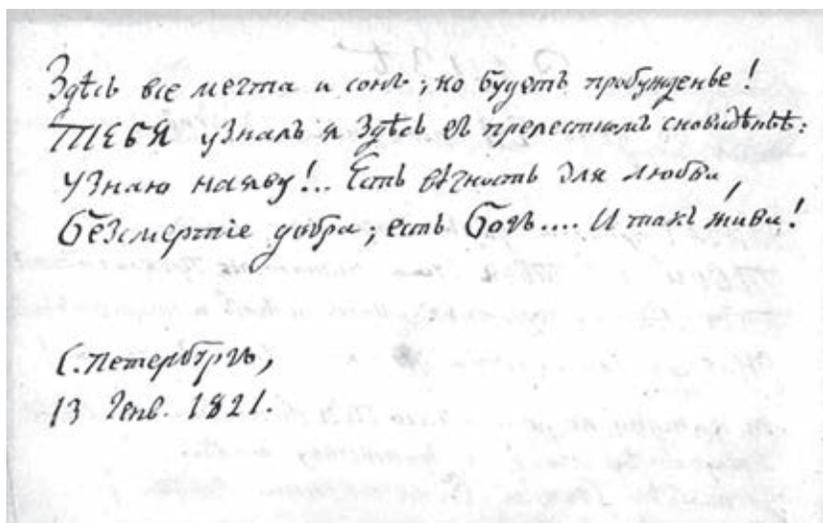

Первый лист альбома (ГАРФ; сайт <http://karamzin.rusarchives.ru>).

Элизе
в день ЕЯ рождения 13 Генв[аря]

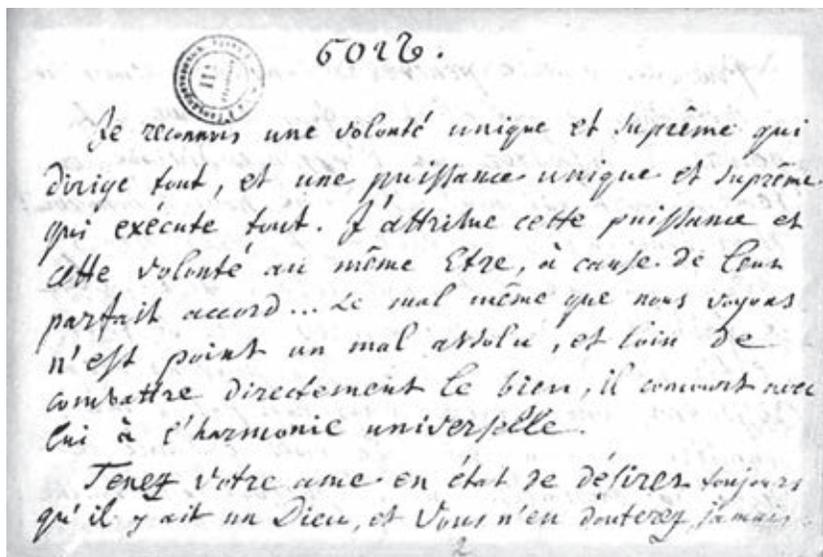
Элиза! прими дар искренней любви.
Твой ум, Твоя душа питаются Прекрасным;
Ты Ангел горестных, Мать сирым и несчастным;
Живешь для щастия других... И так живи!

Не каждый ль день и час Ты в жизни сей добрее,
Прекраснее душой и дружеству милее,
Достойнее Святой, Божественной Любви,
Достойнее Небес?.. И так живи, живи!

Здесь все мечта и сон; но будет пробужденье!
 Тебя узнаю я здесь в прелестном сновиденье:
 Узнаю наяву!.. Есть вечность для любви,
 Бессмертие добра; есть Бог... И так живи!

С. Петербург, 13 Янв[аря] 1821

БОГ

Je reconnois donc une volonté unique et suprême qui dirige tout, et une puissance unique et suprême qui exécute tout. J'attribue cette puissance et cette volonté au même Être, à cause de leur parfait accord... Le mal même que nous voyons n'est point un mal absolu, et, loin de combattre directement le bien, il concourt avec lui à l'harmonie universelle¹.

Tenez votre âme en état de désirer toujours qu'il y ait un Dieu, et vous n'en douterez jamais².

Pourquoi vouloir pénétrer dans ces abîmes de la métaphysique qui n'ont ni fond ni rive et perdre à disputer sur l'essence divine ce temps si court qui nous est donné pour l'honorer! Nous ignorons ce qu'elle est, mais nous savons qu'elle est; que cela suffise: elle se fait voir dans ses œuvres elle se fait sentir aux dedans de nous. Nous pouvons bien disputer contre elle, mais non pas la reconnaître de bonne foi. Elle nous a donné ce degrés de sensibilité qui l'aperçoit et la touche. Plaignons celui à qui elle ne l'a point départi³.

De combien de douceurs n'est-il point privé! Quel sentiment peut le consoler dans ses peines? Quel spectateur anime les bonnes actions qu'il fait en secret? Quelle voix peut parler au fond de son âme? Quelle prix peut-il attendre de sa vertu? Comment doit-il envisager la mort?⁴

¹ Я признаю все же волю единственную и высшую, которая управляет всем, и единственную и высшую власть, которая все вершит. Я приписываю это могущество и эту власть одному Существу, по причине их совершенного согласия... Само зло, которое мы видим, не есть абсолютное зло, и, не в силах победить добро, оно содействует ему в установлении всеобщей гармонии. (Руссо Ж.-Ж. Письмо к Кристофу де Бомону. [Rousseau 1763. P. 36]. Пер. Л.Ф. Семеновой).

² Пусть душа ваша всегда будет в таком состоянии, чтобы она желала существования Бога, — и вы никогда не будете в этом сомневаться. (Руссо Ж.-Ж. Исповедание веры савойского викария. [Руссо 1981. Т. 1. С. 375]. Пер. П.Д. Первова и И.Я. Волевича).

³ Ужели мы хотим погрузиться в бездонные и безбрежные пучины метафизики и терять в спорах о божественной сущности краткие дни нашей жизни, кои даны нам для того, чтобы прославлять Бога? Мы не знаем, какова сущность Божия, но знаем, что Бог есть, и этого с нас достаточно; сущность его проявляется в его делах, мы чувствуем ее внутри нас. Мы можем сколько угодно спорить о ней, но не можем искренне не признавать Бога. Бог даровал нам ту степень чувствительности, благодаря коей мы его постигаем, ощущаем его. Пожалеем же того, кому это не дано. (Руссо Ж.-Ж. Юлия, или Новая Элоиза. Ч. 6. Письмо 8. От г-жи де Вольмар. [Руссо 1961. Т. 2. С. 620]. Пер. Н.И. Немчиновой).

⁴ Ведь сколь многих радостей он лишен! Какое чувство может его утешить в горестях? Кто зрит добрые его дела, кои он творит втайне? Какой голос может говорить в глубине его души? Какой награды может он ждать за свою добродетель? Как должен он смотреть в лицо смерти? (Там же. С. 621).

Imaginez tous vos philosophes anciens et modernes, ayant d'abord épuisé leurs bizarres systèmes de forces, de chances, de fatalité de nécessité, d'atomes, de monde animé, de matière vivante, de matérialisme de toute espèce, et après eux tous, l'illustre Clarke, éclairant le monde, annonçant enfin l'être des êtres et le dispensateur de choses. Avec quelle universelle admiration, avec quel applaudissement unanime n'eut point été reçu ce nouveau système, si grand, si consolant, si sublime, si propre à élever l'âme, à donner une base à la vertu, et en même temps si frappant, si lumineux, si simple, et, il me semble offrant moins de choses incompréhensibles à l'esprit humain, qu'il n'en trouve d'absurdes en tout autre système! (...) Celui-là seul qui explique tout, ne doit-il pas être préféré, quand il n'a pas plus de difficulté que les autres?⁵

À mesure que j'approche en esprit de l'éternelle lumière, son éclat m'éblouit, me trouble... plus je m'efforce de contempler son essence infinie, moins je la conçois; mais elle est, cela me suffit, moins je la conçois, plus je l'adore. Je m'humilie et lui dis: «Être des êtres, je suis, parce que tu es: c'est m'élever à ma source que de te méditer sans cesse. Le plus digne usage de ma raison est de s'anéantir devant toi: c'est mon ravissement d'esprit, c'est le charme de ma foiblesse de me sentir accablé de ta grandeur».

*J.J. R.*⁶

⁵ Представьте себе всех ваших философов, древних и современных, предварительно исчерпав все их странные системы, трактующие о силе, случайности, предопределении, необходимости, атомах, одушевленном мире, живой материи, всякого вида материализме, и после всех них знаменитого Кларка, который освещает мир, возвещая, наконец, о Существо существ и Подателе благ. С каким всеобщим удивлением, с каким единодушным восторгом была бы принята эта новая система, столь великая, столь утешительная и возвышенная, столь способная поднять душу, дать основу добродетели и в то же время поразительная, лучезарная, — простая система, в которой непостижимых для человеческого ума вещей меньше, мне кажется, числа абсурдов, встречаемых во всякой другой системе! [...] Эта единственная система, которая объясняет все, не должна ли быть предпочтена, если непонятого в ней не больше, чем в остальных? (*Руссо Ж.-Ж.* Исповедание веры savoйского викария. [Руссо 1981. Т. 1. С. 318–319]. Пер. П.Д. Первова и И.Я. Волевича).

⁶ По мере того как я мысленно приближаюсь к вечному свету, его блеск ослепляет меня, приводит в смущение... чем больше я напрягаю усилия, чтобы усмотреть Его бесконечную сущность, тем менее я постигаю ее; но она есть, — и этого для меня достаточно; чем менее я ее постигаю, тем более преклоняюсь перед ней. Я смиряюсь, я говорю ему: «Существо из существ! Я существую, потому что существуешь Ты; непрестанно помышлять о Тебе для меня значит возвышаться до моего начала. Самое достойное употребление моего разума — это уничтожаться перед Тобою, чувствовать себя подавленным твоим величием — вот восхищение для моего ума, вот чем очаровательна моя слабость. *Ж.-Ж. Руссо*] (Там же. С. 339–341).

ХРИСТИАНСКАЯ ПОЛИТИКА

Dieu tient du plus haut des Cieux les rênes de tous les Royaumes: il a tous les coeurs en sa main: tantôt il retient les passions, tantôt il leur lâche la bride et par-là il remue tout le genre humain.

Veut-il faire des conquérans? il fait marcher l'épouvante devant eux, et il inspire à eux et à leurs soldats une hardiesse invincible.

Veut-il faire des législateurs? Il leur envoie son esprit de sagesse et de prévoyance, il leur fait prévenir les maux, qui menacent les Etats, et poser les fondemens de la tranquillité publique.

Il connoit la sagesse humaine toujours courte par quelque endroit: il l'éclaire, il étend ses vues, et puis il abandonne à ses ignorances; il l'aveugle, il la précipite, il la confond par elle-même: elle s'enveloppe, elle s'embarasse dans ses propres subtilités, et ses précautions lui sont un piège.

Dieu exerce par ce moyen ses redoutables jugemens, selon les règles de sa justice, toujours infaillible.

C'est lui qui prépare les effets dans les causes les plus éloignées, et puis frappe ces grands coups, dont le contrecoup porte si loin.

Quand il veut lâcher le dernier et renverser les Empires, tout est faible et irrégulier dans les Conseils.

L'Égypte, autrefois si sage, marche enivrée, étourdie et chancelante, par ce que le Seigneur a répandu l'esprit de vertige dans ses Conseils; elle ne sait plus ce, qu'elle fait: elle est perdue.

Mais que les hommes ne s'y trompent pas: Dieu redresse, quand il lui plait, le sens égaré, et celui, qui insultoit à l'aveuglement des autres, tombe lui même dans ses ténèbres plus épaisses, sans qu'il faille souvent autre chose pour lui renverser le sens, que ses longues prospérités.....

C'est ainsi que Dieu règne sur tous les peuples. Ne parlons plus de hasard, ni de fortune, ou parlons-en seulement comme d'un nom dont nous couvrons notre ignorance: ce qui est hasard à l'égard de nos conseils incertains, est un dessein concerté dans un conseil plus haut, c'est-à-dire dans ce conseil éternel qui referme toutes les causes et tous les effets dans un même ordre⁷.

⁷ Бог на высочайшем небеси держит правление всех царств; сердца всех в руке его; иногда воздерживает, а иногда попускает он страсти, и чрез то колеблет всем человеческим родом. / Естьли хочет он произвесть завоевателей: то пустит ужас перед ними, и вложит в них в их воинов непобедимую отвагу. / Естьли ж хочет он произвесть законодавцов: то пошлет им свой дух премудрости и прозорливости; даст им силу предупреждать беды грозящая государством, и ставить основания тишины всеобщей. / Он знает, что мудрость человеческая чем-нибудь всегда недостаточна; он ее просвещает, распространяет ея намерения, а потом оставляет ее в ея невежестве, ослепляет ее, и низвергает; приводит ее в замешательство от самой

De cette sorte tout concourt à la même fin, et c'est faute d'entendre le tout, que nous trouvons du hasard ou de l'irrégularité dans les rencontres particulières.

Par-là je vérifie ce que dit l'Apôtre que "Dieu est hasard et le seul puissant, roi des rois, et seigneur des seigneurs". Hasard dont le repos est inaltérable, qui voit tout changer sans changer lui-même, et qui fait tous les changemens par un conseil immuable; qui donne et qui ôte la puissance; qui la transporte d'un homme à un autre, d'une nation à une autre, pour montrer qu'ils ne l'ont tous que par emprunt et le seul en qui elle réside naturellement⁸.

C'est pourquoi tous ceux, qui gouvernent, se sentent assujettis à une force majeure.

Ils font plus ou moins, qu'ils ne pensent, et leurs conseils n'ont jamais manqué d'avoir des effets imprévus.

Ni ils sont maîtres des dispositions, que les siècles passés ont mises dans les affaires, ni ils ne peuvent prévoir le cours, que prendra l'avenir, loin qu'ils le puissent forcer.

Celui-là seul tient tout en sa main, qui sait le nom de ce, qui est et de ce qui n'est pas encore; qui préside à tous les tems et prévient tous les conseils.

*Bossuet*⁹

себя: она ж запутывается, и в смятение приходит от собственных своих тонкостей; и предосторожности ея в сеть ей обращаются. / Бог производит сим способом страшные суды свои, по правилам своего всегда истинного правосудия. / Он приготавливает действия в самых дальних причинах; и сражает великими ударами, которые надолго чувствительны. / Когда он похочет пустить удар последний и опровергнуть империи: то все будет слабо и непорядочно в советах. / Египет наперед сего толь мудрый, идет пьян, безумен и дряхл от того, что Господь излил дух кружения в его советы; он не знает уже и сам, что делает, и погибает. / Но да не обманутся в том люди: Бог исправляет, когда ему угодно, заблудившиеся чувства: ибо кто поругался ослеплению другого, сам впадает в густейший мрак, так что часто опровержения чувств его не иное как долговременное его благоденствие причиною бывает. / Что удачею называем в рассуждении не основательных наших советов, оное есть предпринятое намерение в вышнем совете то есть, в сем вечном совете, которой замыкает все причины и действия в одном порядке. (*Боссюэ* Ж.Б. Разговор о всеобщей истории. [Боссюэ 1761–1762. Ч. 3. С. 83–84]. Пер. Василия Наумова).

⁸ И так все стекается к одному концу. Но мы за недостатком разумения, все вообще полагаем на удачу, или непорядок в особенных случаях. / Чрез то уверяется речь Апостольская, что Бог есть блажен, и един сильный, Царь царствующих и Господь господствующих: блажен в неподвижном покое, видит все переменяющееся, не премеяния самого себя, и непрременным советом производит все перемены; дает и отъемлет силу, переносит ея от одного человека к другому, из дому в дом, из народа в народ, дабы оказать, что они ея токмо заимообразно имеют, а он един, в котором она естественно жительствоует. (Там же. Ч. 3. С. 83).

⁹ Поэтому все те, кто правит, чувствуют себя подчиненными высшей силе. Они действуют, не особенно задумываясь, и их советы всегда неожиданны. Они не хозяева положений, которые прошедшие века внесли в дела, они не умеют предвидеть

ДОБРОДЕТЕЛЬ

Il n'y a point de vertu à suivre ses penchans et à se donner, quand ils nous y portent, le plaisir de bien faire; mais elle consiste à les vaincre, quand le devoir le commande, pour faire ce, qu'il nous prescrit¹⁰.

Il n'y a point de vertu sans combat. Le mot de vertu vient de force; la force est la base de toute vertu. La vertu n'appartient qu'à un être faible par sa nature et fort par sa volonté: c'est en cela que consiste le mérite de l'homme juste; et quoique nous appellons Dieu bon, nous ne l'appellons pas vertu, parce qu'il n'a pas besoin d'efforts pour bien faire.

Celui, qui n'est que bon, ne demeure tel qu'autant, qu'il a du plaisir à l'être: la bonté se brise et périt sous le choc des passions humaines; l'homme qui n'est que bon, n'est bon que pour lui.

Qu'est-ce donc que l'homme vertueux?

C'est celui, qui sait vaincre ses affections; car alors il sait sa raison, sa conscience, il sait son devoir, il se tient dans l'ordre et rien ne l'en peut écarter¹¹

Il n'est pas si facile, qu'on pense, de renoncer à la vertu.

Elle tourmente longtems ceux, qui l'abandonnent; et ses charmes, qui font les délices des âmes pures, sont le premier supplice du méchant, qui les aime encore et n'en sauroit plus jouir¹².

направление, которое примет будущее, а тем более не умеют его преодолеть. Только он держит все в своих руках, знает имя тому, чего еще нет, только он управляет всеми временами и упреждает все указания. *Боссюэ (Боссюэ Ж.Б. Разговор о всеобщей истории. Пер. Л.Ф. Семенович). — У В. Наумова: «Таким образом Бог царствует над всеми народами. Не будем более говорить ни о удаче, ни о шастии, или будем только сими именами прикрывать наше незнание» [Боссюэ 1761–1762 . Ч. 3. С. 84].*

¹⁰ Добродетель не в том, чтобы следовать своей склонности и доставлять себе, когда захочется, удовольствие доброго дела, а в том, чтобы побеждать свою склонность, когда этого требует долг, и делать, что он предписывает. (*Руссо Ж.-Ж. Прогулки одинокого мечтателя. Прогулка шестая. [Руссо 1961. Т. 3. С. 622]. Пер. Д.А. Горбова).*

¹¹ Нет счастья без мужества, нет добродетели без борьбы. Добродетель называют доблестью: доблесть есть основание всякой добродетели. Добродетель свойственна существу слабому по своей природе и сильному по своей воле: в этом одном и состоит заслуга справедливого [праведного] человека; и хотя Бога мы называем добрым, но мы не называем Его добродетельным, потому что Ему не нужно никаких усилий для того, чтобы делать добро. / Но кто добр только, тот остается таким лишь до тех пор, пока находит в этом удовольствие: доброта сокрушается и гибнет при столкновении с людскими страстями; кто только добр, тот добр лишь только для себя. / Что же такое человек добродетельный? / Это тот, кто умеет побеждать свои привязанности; ибо в этом случае он следует разуму, совести своей, исполняет долг свой, держит себя в порядке, — и ничто не может сбить его с пути. (*Руссо Ж.-Ж. Исповедание веры савойского викария. [Руссо 1981. Т. 1. С. 546–547]. Пер. П.Д. Первова и И.Я. Волевича).*

¹² Не так легко, как полагают, отвергнуть добродетель. Долго еще она терзает тех, кто ее покинул, и ее чары, отрада чистых душ, служат первейшим источником

Si la vie est courte pour le plaisir, qu'elle est longue pour la vertu!

Il faut être incessamment sur ses gardes. L'instant de jouir passe et ne revient plus: celui de mal faire passe, et revient sans cesse: on s'oublie un moment et l'on est perdu¹³.

Tel est l'effet assuré des sacrifices, qu'on fait à la vertu, s'ils coûtent souvent à faire, il est toujours doux de les avoir faits, et l'on n'a jamais vu personne se repentir d'une bonne action¹⁴.

La vertu est un état de guerre et, pour y vivre, on a toujours quelque combat à rendre contre soi.

Occupons-nous moins des dangers que de nous, afin de tenir notre âme prête à tout événement.

Si chercher les occasions, c'est mériter d'y succomber, les fuir avec trop de soin, c'est souvent nous refuser à de grands devoirs; et il n'est pas bon de songer sans cesse aux tentations, même pour les éviter¹⁵.

Les plus sublimes vertus sont négatives: elles sont aussi les plus difficiles, parce qu'elles sont sans ostentation et au-dessus même de ce plaisir, si doux au coeur de l'homme, d'en renvoyer un autre content de nous. O quel bien fait nécessairement à ses semblables celui d'entre eux, — s'il en est un, — qui ne leur fait jamais de mal! De quelle intrépidité d'âme, de quelle vigueur de caractère il a besoin pour cela! Ce n'est pas en

страданий для грешника, который все еще стремится к ним, но уже никогда не будет ими наслаждаться. (*Руссо Ж.-Ж.* Юлия, или Новая Элоиза. Ч. 3. Письмо XVIII. От Юлии. [Руссо 1961. Т. 2. С. 288]. Пер. А.А. Худадовой).

¹³ Жизнь коротка для наслаждений, но как она длинна для подвигов добродетели! / Все время надо держаться настороже, минута блаженства промелькнет и никогда больше не вернется, а угрызения совести за дурной поступок будут терзать всю жизнь. Забудется человек на одну секунду, и все погубило. (Там же. С. 589. Ч. 6. Письмо VI. От г-жи де Вольмар. Пер. Н.И. Немчиновой).

¹⁴ Таковы благие плоды жертв, которые мы приносим добродетели; и если иной раз жертвы обходятся дорого, зато всегда бывает приятно, что ты принес их, и еще никогда не случалось, чтобы человек раскаялся в добром поступке. (Там же. С. 93. Ч. 1. Письмо XLIV. От Юлии. Пер. А.А. Худадовой).

¹⁵ Разве вы не знаете, что добродетель — это состояние войны? Ведь для того чтобы жить в добродетели, надо всегда бороться с собою. Будем же меньше думать об опасностях, чем о нас самих, дабы душа наша была готова достойно встретить любое испытание. / Кто ищет соблазнов, — конечно, может пасть и заслуживает такой участи, но кто слишком осторожен и убегает от соблазнов, тот нередко уклоняется из-за этого от выполнения долга; поему не стоит непрестанно думать об искушениях даже для того, чтобы их избежать. (Там же. С. 604. Ч. 6. Письмо VII. От г-жи де Вольмар. Пер. Н.И. Немчиновой)].

raisonnant sur cette matière, c'est en tâchant de la pratiquer, qu'on sent, combien il est grand et pénible d'y réussir¹⁶.

Quand une fois on a perdu le gout des plaisirs de l'âme, qu'il est difficile de le reprendre! Qu'il est difficile encore de le prendre, quand on ne l'a jamais eu! S'il existoit un homme assez misérable pour n'avoir rien fait en toute sa vie, dont le souvenir le rendît content de lui même et bien aise d'avoir vécu, cet homme seroit incapable de jamais se connoître; et faute de sentir, quelle bonté convient à sa nature, il resteroit méchant par force et seroit éternellement malheureux. Mais croyez-vous, qu'il y ait sur la terre entière un seul homme, assez dépravé, pour n'avoir jamais livré son coeur à la tentation de bien faire? Cette tentation est si naturelle et si douce, qu'il est impossible de lui résister toujours et le souvenir du plaisir, qu'elle a produit une fois, suffit pour la rappeler sans cesse. Malheureusement elle est d'abord pénible à satisfaire; on a mille raisons pour se refuser au penchant de son coeur; la fausse prudence le resserre dans les bornes du moi humain; il faut mille efforts de courage pour oser les franchir. Se plaire à bien faire est le prix d'avoir bien fait, et ce prix ne s'obtient qu'après l'avoir mérité. Rien n'est plus aimable que la vertu, mais il en faut jouir pour la trouver telle. Quand on la veut embrasser, semblable au Protée de la fable, elle prend d'abord mille formes effrayantes et ne se montre enfin sous la sienne qu'à ceux, qui n'ont point lâché la prise.

*J.J.R.*¹⁷

¹⁶ Самые высокие добродетели суть добродетели отрицательные; они вместе с тем и самые трудные, потому что чужды тщеславия и стоят выше даже того, столь сладостного для человеческого сердца удовольствия, чтобы другого отпустить от себя довольным. О, какое благо непременно делает своим ближним тот (если есть такой человек), кто никогда не делает им зла! Какая отвага духа, какая мощь характера нужна для этого! Не рассуждениями об этом правиле, но только пытаюсь приложить его к делу, можно убедиться, как важно и трудно иметь в этом успех. (*Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании.* [Руссо 1981. Т. 1. С. 110]. Пер. П.Д. Первова и И.Я. Волевича).

¹⁷ О, как трудно, раз я потерял вкус к душевным удовольствиям, снова приобрести его! Насколько труднее еще получить его, если никогда не имел! Если бы существовал человек настолько жалкий, что во всю жизнь свою ничего не совершал бы такого, воспоминание о чем делало бы его довольным самими собою и тем, что жил, такой человек был бы неспособен когда-либо познать себя; в не сознавая, насколько доброта соответственна его природе, он насильно оставался бы злым и был бы вечно несчастным. Но неужели вы думаете, что есть в целом мире хоть один человек, настолько испорченный, что сердце его никогда не поддавалось искушению делать добро? Это искушение столь естественно и столь сладко, что невозможно противостоять ему всегда; а вспоминать об удовольствии, которое оно доставило хоть раз, достаточно для того, чтобы вспоминать о нем непрерывно. К несчастью, искушение это на первых порах трудно удовлетворить; всегда имеешь множество оснований, чтобы противиться склонности своего сердца; ложная мудрость ограничивает его пределами человеческого я; нужна тысяча мужественных усилий, чтобы осмелиться перешагнуть эти пределы. Находить наслаждение

МОНАРХИЧЕСКОЕ ПРАВЛЕНИЕ

La gouvernement monarchique est celui d'un magistrat unique, dont les autres tiennent leurs pouvoirs. Le plus actif d'un gouvernement est celui d'un seul.

Tout au contraire des autres formes de gouvernement, où un être collectif représente un individu, dans celle-ci un individu représente un être collectif, en sorte que l'unité morale, qui constitue le souverain, est en même temps une unité physique, dans laquelle toutes les facultés, que la loi réunit dans l'autre avec tant d'efforts se trouvent naturellement réunies.

Ainsi la volonté du peuple et la volonté du Prince, et la force publique de l'état et la force particulière du Gouvernement, tout répond au même mobile; tous les ressorts de la machine sont dans la même main; tout marche au même but; il n'y point de mouvemens opposés, qui s'entredétruisent et l'on ne peut imaginer aucune sorte de constitution, dans laquelle un moindre effort produise une action plus considérable. Archimède, assis tranquillement sur la rivage et tirant sans peine à flot un grand vaisseau, me représente un monarque habile, gouvernant de son cabinet ses vastes états, et faisant tout, en paroissant immobile.

Un défaut essentiel du gouvernement monarchique est, que le mérite n'y parvient pas aussi facilement que dans le gouvernement républicain. Dans celui-ci la voix publique n'élève presque jamais aux premières places que des hommes éclairés et capables.

Le peuple se trompe bien moins dans ses choix que le prince, et un homme d'un vrai mérite est presque aussi rare dans le ministère, qu'on soit à la tête d'un Gouvernement républicain. Aussi, quand par quelque heureux hazard, un de ces hommes, nés pour gouverner, prend le timon des affaires, dans une monarchie presque abîmée par ces hommes médiocres, on est tout surpris des ressources qu'il trouve, et cela fait époque dans un pays¹⁸.

в делании добра — это награда за сделанное добро, а награду эту получают лишь после заслуги. Нет ничего милее добродетели; но чтобы найти ее таковою, нужно вкусить ее. Когда хотят обнять ее, подобно сказочному Протею, она принимает сначала тысячу ужасающих форм и, наконец, показывается в своем собственном виде лишь тем, кто не выпустил из рук добычи. *Ж.-Ж. Руссо*] (Там же. С. 347–348).

¹⁸ [Монархическое правление есть правление одного, которому другие обязаны своими возможностями. Наиболее действенное правление есть власть одного. — *Прембула Карамзина к выписке из Ж.-Ж. Руссо.*]

Совершенной противоположностью другим видам управления, при которых собирательное существо представляет индивидууму, является данный вид, при котором индивидуум представляет собирательное существо, так что то духовное единство, что образует государя, здесь является одновременно и физической

La souveraineté n'étoit, à proprement parler, que l'exercice de la volonté générale ou du bien public, le souverain ne peut pas sans contradiction se regarder, comme au-dessus des loix. Voici un passage d'un écrit célèbre, publié en 1667; au nom et par les ordres de Louis XIV:

“Qu'on ne dise pas que le souverain ne soit point sujet aux lois de son état, puisque la proposition contraire est une vérité du droit des gens que la flatterie a quelque fois attaquée, mais que les bons Princes ont toujours défendue comme une divinité tutélaire de leurs états. Combien est-il plus légitime de dire avec le sage Platon, que la parfaite félicité d'un royaume est qu'un Prince obéisse à la loi, et que la loi soit droite, et toujours dirigé au bien public!”¹⁹

единицей, в которой все способности, соединяемые Законом с такими усилиями при другом Правлении, оказываются объединенными сами собою. / Так воля народа и воля государя, и публичная сила Государства, и отдельная сила Правительства — все поднимается одной и той же движущей силой; рычаги машины находятся в одних и тех же руках; все движется к одной и той же цели. Нет никаких направленных в противоположные стороны движений, которые уничтожались бы; и нельзя меньшее усилие производило бы большее действие. Архимед, спокойно сидящий на берегу и без труда спускающий на воду большой корабль, напоминает мне искусного монарха, который из кабинета управляет своими обширными Провинциями, приводит все в движение, а сам выглядит при этом неподвижным. [...] Существенный и неизбежный недостаток, который при всех условиях ставит монархическое Правление ниже республиканского, состоит в том, что при втором из них голос народа почти всегда выдвигает на первые места только людей просвещенных и способных, которые занимают их с честью; тогда как те, кто достигает успеха в монархиях, это чаще всего мелкие смутьяны, ничтожные плуты, мелочные интриганы, чьи жалкие талантики позволяют им достичь при дворе высоких должностей, но лишь для того, чтобы, едва их достигнув, обнаружить перед народом полную свою неспособность. Народ гораздо реже ошибается в выборе такого рода, чем государь, и человек, истинно достойный, оказывается на посту министра при монархии почти столь же редко, как глупец на посту главы Правительства при республике. Поэтому, если, по некой счастливой случайности, один из этих людей, рожденных, чтобы править, берется за кормило управления в монархии, которую уже почти привела на край пропасти кучка столь славных правителей, то всех поражает, как он мог найти выход из этого положения — и это составляет эпоху в жизни страны. (Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Кн. III. Гл VI: О монархии. [Руссо 1969. С. 203, 205]. Пер. А.Д. Хаютина и В.С. Алексеева-Попова)

¹⁹ Верховная власть есть, в сущности, выражение общей воли или общественного блага, монарх не может без противоречия считать себя выше закона. Вот отрывок из следующего известного сочинения, обнаруженного в 1667 году от имени и по приказанию Людовика XIV: «Пусть же не смеют говорить, что суверен не подвластен законам его Государства, потому что положение обратное — это истина международного права, которую льстецы иногда оспаривали, но которую добрые государи всегда почитали как божество — покровительницу их госудаств. Насколько справедливее сказать вместе с Платоном, что для полного благополучия королевства нужно, чтобы подданные повиновались государю, чтобы государь повиновался Закону и чтобы Закон был справедлив и всегда был направлен к общественному благу» (Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми. [Руссо 1969. С. 88]. Пер. А.Д. Хаютина). Начало отрывка у Карамзина изменено.

A ne considérer que l'institution humaine, si le prime ou le magistrat, qui a tout le pouvoir en main, avoit le droit de renoncer à l'autorité, à plus forte raison le peuple, qui paye toutes les fautes de ses chefs, devoit avoir le droit de reconcer à la dépendance; mais les dissensions affreuses, les désordres infinis qu'entraîneroit nécessairement ce dangereux pouvoir, montrent, plus que toute autre chose, combien les Gouvernements humains avoient besoin d'une base plus solide que la raison, et combien il étoit nécessaire au repos public que la volonté divine intervînt pour donner à l'autorité souveraine un caractère sacré et inviolable qui ôtât aux sujets le funèbre droit d'en disposer. Quand la religion n'auroit fait que ce bien aux hommes, on seroit assez pour qu'ils dussent la chérir et l'adopter, même avec ses abus puisqu'elle épargne encore plus de sang, que le fanatisme l'en fait couler²⁰.

Voici, dans mes vieilles idées, le grand problème en Politique, que je compare à celui de la quadrature du cercle en Géometrie et à celui des longitudes en Astronomie. *Trouver une forme de gouvernement, qui mette la loi au-dessus de l'homme*. Si malheureusement cette forme n'est pas trouvable, — et j'avoue ingénument que je crois, qu'elle ne l'est pas, — mon avis est qu'il faut passer à l'autre extrémité et mettre tout d'un coup l'homme autant au-dessus la loi qu'il peut l'être, par conséquent, établir le Despotisme arbitraire qu'il est possible: je voudrois, que le Despote pût être Dieu.

En un mot je ne vois point de milieu supportable entre la plus austère Démocratie et le Hobbisme le plus parfait, car le conflit des hommes et des lois, qui met dans l'état une guerre intestine continuelle, est le pire de tous les états politiques.

²⁰ К тому же, — если рассматривать, как мы это и делаем, лишь то, что установлено людьми, — если магистрат, держащий в своих руках всю полноту власти и присваивающий себе все выгоды договора, имеет все же право отказаться от власти, то народ, который расплачивается за все ошибки правителей, тем более должен иметь право отказаться от зависимости. Но ужасные раздоры и бесконечные неурядицы, которые неизбежно повлекла бы за собою эта опасная возможность, лучше, чем что-либо иное, показывают, насколько Правительства, людьми установленные, нуждаются в основе более прочной, чем один только разум, и насколько необходимо было для мира в обществе, чтобы божественная воля вмешалась, дабы придать верховной власти характер священный и неприкосновенный, что отняло у подданных пагубное право ею распоряжаться. Если бы религия принесла людям лишь только это благо, то и этого было бы достаточно, чтобы люди должны были дорожить ею и принять ее, даже с присущими ей злоупотреблениями, так как она сберегает больше крови, чем фанатизм заставляет ее проливать» (Там же. С. 91).

Mais les Caligula, les Néron, les Tibère! Mon Dieu!.. Je me roule par terre, et je gémis d' être homme.

J.J.R.²¹

О ПРЕПЯТСТВИЯХ ДОБРОДЕТЕЛИ НА ТРОНЕ

Le premier devoir de l'homme est d'étudier ses devoirs, et cette connoissance est facile à acquérir dans les conditions privées. La voix de la raison et le cri de la conscience s'y font entendre sans obstacle; et si le tumulte des passions nous empêche quelquefois d'écouter ces conseillers importants, la crainte des lois nous rend justes, notre impuissance nous rend modérés; en un mot, tout ce que nous environne, nous avertit de nos fautes, les prévient, nous en corrige, ou nous en punit²².

Les Princes n'ont pas sur ce point les mêmes avantages. Leurs devoirs sont beaucoup plus grands et les moyens de s'en instruire beaucoup plus difficiles. Malheureusement dans leur élévation, tout semble concourir à écarter la lumière de leurs yeux et la vertu de leurs coeurs. Le vil et dangereux cortège des flatteurs les assiège de leur plus tendre jeunesse, leur faux amis, intéressés à nourrir leur ignorance, mettent tout leur soin à les empêcher de rien voir par leurs yeux.

Des passions que rien ne contrairt, un orgueil que rien ne mortifie, leur inspirent les plus monstrueux préjugés, et les jettent dans un aveuglement funeste que tout ce qui les approche ne fait qu'augmenter: car, pour être

²¹ Вот, среди моих старых идей, великая проблема политики, которую я сравниваю с проблемой квадратуры круга и с проблемой долгот в астрономии: найти форму правления, которая поставила бы закон выше человека. Если же она, к несчастью, не находима, я признаю простодушно, что она не существует, и потому — мое мнение таково — надо перейти к другой крайности и разом поставить человека настолько выше всякого закона, насколько это может быть, следовательно, установить самое неограниченное самодержавие: я бы желал, чтобы самодержец был Бог. / Одним словом, я не вижу середины между самой суровой демократией и совершеннейшим гоббизмом, потому что конфликт человека и закона, который повергает в состояние междоусобной войны, является наихудшим из всех политических состояний. / Но Калигулы, но Нероны, но Тиберию! Я катаюсь по земле и стыжусь за человечество (Руссо Ж.-Ж. Письмо к маркизу Мирабо от 26 июня 1767. [Rousseau 1824. P. 314–315]. Пер. Л.Ф. Семеновой).

²² Первый долг человека — изучать свои обязанности, и это легко сделать в частных условиях. Голос разума и крик совести слышатся беспрепятственно, и если нагромождение страстей мешает нам иногда услышать этих важнейших советчиков, страх перед законом делает нас справедливыми, наше бессилие делает нас умеренными. Одним словом, все, что нас окружает, предупреждает нас о предотвращении наших ошибок, исправляет или наказывает нас. (Rousseau J.J. Oraison funèbre S.A.S. Monseigneur le Duc D'Orléans Premier Prince du Sang de France (février 1752). [Rousseau 1839. P. 519]. Пер. Л.Ф. Семеновой).

puissant sur eux, on n'épargne rien pour le rendre foible, et la vertu du maitre sera toujours l'effroi des courtisans.

C'est ainsi que les fautes des Princes viennent de leur aveuglement plus souvent encore que de leur mauvaise volonté, ce qui ne rend pas ces fautes moins criminelles, et ne le rend que plus irréparables.

*J.J. R.*²³

ЕВАНГЕЛИЕ

La science s'étend et la foi s'anéantit. Tout le monde vient enseigner à bien faire, et personne ne veut l'apprendre; nous sommes tous devenus docteurs, et nous avons cessé d'être chrétiens.

Non, ce n'est point avec tant d'art et d'appareil que l'Évangile. C'est étendu pas tout l'univers, et que la beauté ravissante a pénétré les coeurs; le divin, le seul nécessaire à un chrétien, et lui plus utile à quiconque même ne le seroit pas, n'a besoin que d'être médité pour porter dans l'âme l'amour de son auteur, et la volonté d'accomplir des precepts, jamais la vertu n'a parlé un si doux langage; jamais la plus profonde sagesse ne s'est, exprimée avec tant d'énergie et de simplicité. On ne quitte point la lecture sans se sentir meilleur qu'auparavant²⁴.

Le Christianisme est dans son principe une religion universelle, qui n'a rien d'exclusif, rien de local, rien de propr à tel pays plutôt qu'à tel

²³ Властители не имеют на эту точку одинаковых мнений, их обязанности гораздо более обширны и возможности образовываться гораздо более трудные. К несчастью, и в их воспитании все делается для того, чтобы удалить свет из их глаз и добродетель из их сердец. Опасный кортеж из лести их сопровождает с нежной юности, их ложные друзья питают их невежество и стараются помешать им смотреть на все собственными глазами. Страсти, которые ничто не сдерживает, гордость, которую ничто не умерщвляет, им внушают самые чудовищные предрассудки и бросают их в такое ослепление, что все, что к ним приближается только их усиливает: потому что, чтобы быть могущественными над ними, ничего не жалеют, чтобы сделать его слабым, и добродетель хозяина будет всегда страхом приближенным. Таким образом, ошибки властителей исходят из их ослепления чаще, чем из их плохой воли, что не делает эти ошибки менее преступными и непоправимыми. *Ж.-Ж. Р[уссо]*(Там же).

²⁴ Наука распространяется, и вера исчезает. Весь мир пытается делать добро, но никому это не удастся. Мы все стали учеными, и мы перестали быть христианами. Это вовсе не искусственно, что Евангелие распространилось во всем мире и что чарующая красота пронзила сердца. Божественная книга, единственно необходимая христианину, и наиболее ему полезная, нуждается в том, чтобы размышлять над ней, чтобы привнести в душу любовь своего автора и волю исполнить заветы. Добродетель никогда не говорила столь мягким языком. Никогда самая глубокая мудрость не выражалась с такой энергией и простотой. Мы покидаем чтение, ощущая себя лучше, чем прежде. (*Rousseau J.J. Réponse au roi de Pologne. Réponse au discours qui a remporté le prix de l'Académie de Dijon, par le roi de Pologne // Collection complète des oeuvres. Genève, 1780–1789. Пер. Л.Ф. Семеновой.*)

autre. Son divine, auteur embrassant également tous les hommes dans la charité sans bornes, est venu lever la barrière qui séparait les nations et réunir tout le genre humain dans un peuple des frères: car en toute nation celui qui le craint et qui s'adonne à la justice, lui est agréable (Act. Apost. C.10. V. 35)²⁵.

Par cette religion sainte et sublime véritable, les hommes, enfans du même Dieu, se ressemblent tous pour frères, et la société qui les unit ne se dissout pas même à la mort²⁶.

Je ne sais pourquoi l'ont veu attribuer aux progrès de la philosophie la belle morale de nos livres. Cette morale, tirée de l'Évangile, étoit chrétienne avant d'être philosophique. Les chrétiens l'enseignent souvent sans la pratiquer, je l'avoue; mais que font de plus les philosophes, si ce n'est de se donner à eux-mêmes beaucoup de louanges?

Les préceptes de Platon sont souvent très sublimes; mais combien n'erre-t-il pas quelquefois, et jusqu'où ne vont pas ses erreurs?

Quant à Cicéron, peut-on croire que sans Platon ce rhéteur eût trouvé ses offices? L'Évangile seul est, quant à la morale, toujours sûr, toujours vrai, toujours unique et toujours semblable lui-même²⁷.

²⁵ Христианство в своем существе есть универсальная религия, которая не имеет ничего исключительного, ничего местного, ничего присущего тому или другому. Его божественный автор, обнимающий равно всех людей в безграничной милости, пришел уничтожить барьер, который разделял нации, и объединить весь человеческий род в братство народов: потому что в любой нации тот, кто его боится и кто отдается на его милость, ему приятен. (Деяния апостолов: 10: 35). (Руссо Ж.-Ж. Письма с горы. Письмо 3. [Руссо 2013. С. 286]. Пер. С.В. Занина и В.В. Некрасова).

²⁶ Согласно этой религии, святой, возвышенной и истинной, люди, чада единого Бога, признают себя все братьями; а общество, которое их объединяет, не распадается даже с их смертью. (Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Кн. IV. Гл. VIII; см.: [Руссо 1969. С. 252]. Пер. А.Д. Хаютина и В.С. Алексеева-Попова).

²⁷ Я не знаю, почему хотят приписать к чести философии прекрасную мораль наших книг. Эта мораль, извлеченная из христианского Евангелия, была христианской до того, как стать философской. Христиане часто проповедуют ее, не практикуя ее, я это признаю, но что делают более философы, кроме того, что восхваляют себя? Я не понимаю, почему у людей возникает желание приписать прекрасную мораль из наших книг развитию философии. Эта мораль, почерпнутая из Евангелия, носила христианский характер до того, как стала философской. Христиане наставляют в ней, не проводя ее в жизнь, я с этим согласен; но чем заняты философы, если не тем, что расточают себе похвалы, (которые никто, кроме них, вслед за ними не повторяет, и при этом ничего особенного, по-моему, не доказывают). / Уроки Платона часто носят чрезвычайно возвышенный характер; но сколько раз он заблуждается, и куда заводят его заблуждения! Что касается Цицерона, то можно ли себе представить, чтобы этот напыщенный оратор создал свой трактат «Об обязанностях», не будь Платона? В том, что касается морали, только Евангелие является всегда достоверным, истинным, и всегда верным самому себе. (Руссо Ж.-Ж. Письма с горы. Письмо 3. [Руссо 2013. С. 309]).

Je ne puis m'empêcher de dire qu'une des choses qui me charment dans le caractère de Jésus n'est pas seulement la douceur des moeurs, la simplicité, mais la facilité, la grace et même l'élégance. Il ne voyait ni les plaisirs ni les fêtes, il alloit aux noces il voyait les femmes, il jouait avec les enfans, il aimoit les parfums, il mangeait chez les financiers. Son austérité n'étoit point fâcheuse. Il étoit à la fois indulgent et juste, doux aux foibles et terrible aux méchans. Sa morale avoit quelque chose d'effrayant, de caressant, de tendre; il avoit le coeur sensible, quand il n'eût pas été le plus sage des mortels, il eût été le plus aimable...²⁸

Je vous avoue que la majesté des écritures m'étonne; la sainteté de l'Évangile parle à mon coeur. Voyez les livres des philosophes avec toute leur pompe: qu'ils sont petits près de celui là! Se peut-il qu'un livre, à la fois sublime et si simple, soit l'ouvrage des hommes? Se peut-il que celui dont il fait l'histoire, ne soit qu'un homme lui-même?²⁹

Est-ce là le ton d'un enthousiaste ou d'un ambitieux sectaire? Quelle douceur, quelle pureté dans ses moeurs! Quelle grace touchante dans ses instructions! Quelle élévation dans ses maximes! Quelle profonde sagesse dans ses discours! Quelle présence d'esprit, quelle finesse et quelle justesse dans ses réponses! Quel empire suit ses passions! Où est l'homme, où le sage qui sait agir, souffrir et mourir sans foiblesses, et sans affectation? Quand Platon peint son juste imaginaire couvert de tout l'opprobre du crime et digne de tous les prix de la vertu il peint pour trait Jésus-Christ: la ressemblance est si frappante que tout les pères l'ont sentie et qu'il n'est pas possible de s'y tromper. Quelle préjugés quel aveuglement ne faut-il point avoir pour oser comparer le fils de Sophronisque au fils de Marie! Quelle distance de l'un à l'autre! Socrate mourant sans douleur, sans

²⁸ Я не могу удержаться от того, чтобы не сказать, что одна из вещей, которые меня очаровывают в характере Иисуса, есть не только кротость нрава и простота, но и легкость, грация и даже элегантность. Он не избегал ни удовольствий, ни праздников, он смотрел на женщин, играл с детьми, ходил на свадьбы, ему нравились благоволия, он вкушал пищу у мытарей. Его ученики отнюдь не голодали; его суровость не была невыносимой. Он был снисходителен и справедлив, мягок со слабыми и грозен с негодяями. Его мораль была в чем-то притягательна, ласкова, нежна, у него было чуткое сердце, и он ценил хорошее общество. И если бы он не был самым мудрым из смертных, то оказался бы самым любезным (Там же. С. 335–336).

²⁹ Признаюсь вам также, что святость Евангелия это такой аргумент, который говорит моему сердцу и против которого мне даже жаль было бы найти какое-нибудь дельное возражение. Посмотрите на книги философов со всею присущею им пышностью; как они ничтожны по сравнению с этою книгою! Возможно ли, чтобы книга столь возвышенная и в то же время столь простая, была произведением человеческим? (Руссо Ж.-Ж. Исповедание веры савойского викария. [Руссо 1981. С. 370]).

ignominie, soutient aisément jusqu' au bout son personnage, et si cette facile mort n'eût honoré sa vie, on douterait si Socrate avec tout son esprit, fut autre chose qu'un sophiste. Il invente dit-on la morale: d'autres, avant lui l'ont mise en pratique; il ne dit que dire ce qu'ils aient fait il ne fit que mettre en leçons leurs exemples. Aristide avoit été juste avant que Socrate eût dit ce que c'étoit que justice; Leonidas étoit mort pour son pays avant que Socrate eût fait un devoir d'aimer la patrie; Sparte étoit sobre avant que Socrate eût loué la sobriété; avant qu'il eût défini la vertu... la Grèce abondoit en hommes vertueux. Mais, ou Jésus-Christ avoit-il pris chez les siens cette morale élevée et pure dont lui seul a donné les leçons et l'exemple? Du sein du plus furieux fanatisme la plus haute sagesse se fit entendre, et la simplicité des plus héroïques vertus honore le plus vif de tous les peuples. La mort de Socrate philosophant tranquillement avec les amis, est la plus douce qu'on puisse desirer: celle de Jésus expirant dans les tourmens, injurié, raillé, maudit de tout un peuple, est la plus horrible qu'on puisse craindre, Socrate, prenant la coupe empoisonnée, bénit celui qui la lui présenté et qui pleure: Jésus, au milieu d'un supplice affreux, prie pour ses bourreaux acharnés. Oui, si la vie et la mort de Socrate sont d'un sage, la vie et la mort de Jésus sont d'un Dieu.

Dirons-nous que l'histoire de l'Évangile est inventée à plaisir? Mon ami, ce ne pas ainsi qu'on invente, et les faits de Socrate, dont personne ne doute, sont moins attestés que ceux de Jésus-Christ. Au fond, c'est reculer la difficulté sans la détruire; il seroit plus inconvenable que plusieurs hommes d'accord eussent fabriqué ce livre, qu'il ne l'est qu'un seul en ait fourni le sujet. Jamais des auteurs juifs n'eussent trouvé ni ce ton, ni cette morale, et l'Évangile a des caractères de vérité si grands, si frappans, si parfaitement inimitables, que l'inventeur en seroit plus étonnant que le héros.

*J.J.R.*³⁰

³⁰ Таков ли тон энтузиаста или честолюбивого основателя секты? Какая кротость, какая чистота в Его нравах! Какая трогательная прелесть в его наставлениях! Какая возвышенность в Его правилах! Какая глубокая мудрость в Его беседах! Какое присутствие духа, какая тонкость и правильность в Его ответах! Какое у него господство над страстями! Где человек, где мудрец, который умеет действовать, страдать и умирать без проявления слабости и самохвальства? Когда Платон изображает своего воображаемого праведника, заклеянного всем позором преступления и достойного всех наград добродетели, он черта в чету рисует Иисуса Христа; сходство столь поразительно, что все святые Отцы чувствовали его, да и нельзя на этот счет ошибиться. Какие предрассудки. Какое ослепление нужно иметь, чтобы осмеливаться сравнивать сына Софрониска с сыном Марии! Какая разница между одним и другим! Сократ, умирающий без боли, без позора, легко выдерживает до конца свою роль; и если бы эта легкая смерть не покрыла почетом его жизнь, можно было бы сомневаться, не был ли Сократ, при всем своем уме, не чем иным, как софистом. Он изобрел, говорят, мораль; но другие раньше него применяли ее на практике: он лишь говорил то, что те делали, он лишь извлекал

ДРУЖБА

Je suis convaincu, qu'il n'est pas bon, que l'homme soit seul. Des âmes humaines veulent être accouplées pour valoir tout leur prix; et la force unie des amis, comme celle des lames d'un aimant artificiel, est incomparablement plus grande, que la somme de leurs forces particulières. Divine amitié! C'est ton triomphe!

L'attachement peut se passer de retour, jamais l'amitié! Elle est un échange, un contrat comme les autres, mais elle est le plus saint de tous. Ce n'est qu'en rendant ou feignant de rendre l'amitié, qu'on peut l'obtenir. S'épancher est un besoin pour les âmes sensibles. La communication des coeurs imprime à la tristesse je ne sais quoi de doux et de touchant, que n'a pas le contentement; et l'amitié a été spécialement donnée aux malheureux pour le soulagement de leurs maux et la consolation de leurs peines.

Les épanchements de l'amitié se retiennent devant un témoin, quel qu'il soit. Il y a mille secrets que trois amis doivent savoir et qu'ils ne peuvent se dire que deux à deux...

Que les délices du recueillement en présence de son ami sont connues de peu de gens! La conversation des amis ne tarit jamais, dit-on: il est vrai, la langue fournit un babil facile aux attachements médiocres; mais l'amitié, l'amitié, sentiment vif est céleste! quels discours sont dignes de

уроки из их примеров. Аристид был справедливым прежде, чем Сократ определил, что такое справедливость; Леонид умер за свою страну прежде, чем Сократ из любви к отечеству создал долг; Спарта была воздержанною прежде, чем Сократ воздал должную похвалу воздержанности; прежде чем он дал определение добродетели, Греция изобиловала добродетельными людьми. Но где у своего народа мог Иисус заимствовать эту возвышенную и чистую мораль. уроки и пример которой он один давал? Из среды самого бешеного фанатизма провозглашена была самая возвышенная мудрость, и простодушие самых героических добродетелей почтито презреннейшей из всех народов. Смерть, Сократа, спокойно философствовавшего со своими друзьями, – самая приятная, какую только можно пожелать; смерть же Иисуса, испустившего дух среди мук, поносимого, осмеиваемого и прокливаемого всем народом, – самая ужасная, какой только можно бояться. Сократ, принимая чашу с отравой, благословляет человека, с плачем подающего ее; Иисус среди ужасного мучения, молится за своих остервенелых палачей. Да, если жизнь и смерть Сократа достойны мудреца, то жизнь и смерть Иисуса суть жизнь и смерть Бога. Скажем ли мы после этого, что евангельская история произвольно вымышлена? Друг мой, вымыслы бывают не таковы; а деяния Сократа, в которых никто не сомневается, менее засвидетельствованы, чем деяния Иисуса Христа. В сущности это значило бы переносить в другое место трудность, а не устранять ее, непостижимым было бы еще более предположение, что несколько человек сообща сфабриковали эту книгу, сюжет для которой доставило всего одно лицо. Иудейские писатели никогда не выдумали бы ни этого тона, ни этой морали; а Евангелие включает в себе столь великие, столь поразительные, столь неподражаемые черты истины, что изобретатель был бы еще более удивительным, чем сам герой. *Ж.-Ж. Руссо*] (*Руссо Ж.-Ж.* Исповедание веры савойского vicария. [Руссо 1981. С. 370–371]).

toi? quelle langue ose être ton interprète? Jamais ce qu'on dit à son ami peut-il valoir il qu'on sent à ses côtés? Mon Dieu, qu'une main sacrée, qu'un regard animé; qu'un soupir defend de choses et que-le premier mot qu'on prononce est froid après tout cela!

Que les délices de cet état sont connues de peu de gens ! Je n'ai vu personne en France en avoir la moindre idée. « La conversation des amis ne tarit jamais », disent-ils.

Il est sûr que cet état de contemplation fait un de grands charmes des hommes sensibles. Mais j'ai toujours trouvé que les importuns empêchaient de la goûter, et que les amis ont besoin d'être sans témoin pour pouvoir ne se rien dire qu'à leur aise. On veut être recueilli pour ainsi dire, l'un dans l'autre: les moindres distractions sont désolantes la moindre contrainte est insupportable. Si quelquefois le coeur porte un mot à la bouche, il est si doux de pouvoir le prononcer sans gêne! Il semble que la présence d'un seul étranger rétrienne le sentiment et comprime des âmes qui s'entendraient bien sans le témoin³¹.

³¹ Я убежден, что нехорошо человеку быть одному. Человеческие души хотят соединиться, чтобы открылась вся их ценность; сила, притягивающая друзей друг к другу, словно магнитом, неизмеримо больше, чем сумма их отдельных сил. Божественная дружба! Это твой триумф! / Привязанность может обойтись без взаимности, дружба — никогда. Она есть такой же обмен, такое соглашение, как и другие чувства, но она святейше из всех. Только отвечая на дружбу, или притворяясь, что отвечаешь, можно ее завоевать. / Излияния дружбы — потребность для чувствительных душ. Общение сердец придает дружбе нечто приятное и трогательное, что не имеет утolenя, и дружба была дана несчастным для облегчения их страданий и утешения их горестей. / Излияния дружбы сдерживаются в присутствии свидетеля, кто бы он ни был. Есть тысяча секретов, известных только друзьям, о которых можно говорить лишь наедине друг с другом. / Шесть дней мы потратили на пустые разговоры с безразличными нам людьми, а нынче провели первое утро на английский лад, то есть собрались все трое, но молчали, наслаждаясь удовольствием быть вместе и чувством тихой сосредоточенности. Ах, сколь немногим знакомо это блаженное состояние! Во Франции я не видел никого, кто имел бы об этом хоть слабое представление. Меж друзьями беседа никогда не затихает, говорят они. Конечно, при поверхностной приязни язык вертится легко и болтовня идет сама собой. Но дружба, милорд, дружба! Чувство животворное и небесное, какие речи достойны тебя? Какими словами передать тебя? Разве то, что говоришь своему другу, может выразить, какие чувства ты испытываешь близ него? Сколь много могут сказать пожатие руки, оживленный взор, объятие и вздох, что следует за ним! И каким холодным в сравнении с этим покажется произнесенное слово. / Несомненно, в созерцательном состоянии много прелести для чувствительных душ. Я всегда находил, что докучные болтуны мешают им наслаждаться и что друзьям необходимо побыть одним, без посторонних, иметь возможность говорить меж собой непринужденно. Они жаждут, так сказать, сосредоточиться друг в друге; и как бывает невыносимо, ежели что-либо их от этого отвлекает и делает беседу принужденной! Иной раз с уст сорвется сердечное слово, — и как приятно бывает произнести его без стеснения! Кажется, нельзя и думать свободно, раз не смеешь свободно говорить; кажется, от одного лишь присутствия сникнет чувство и сожмется душа, меж тем как без чужих все так хорошо понимали друг друга! (Руссо Ж.-Ж. Юлия, или Новая Элоиза. Ч. 5. Письмо III. От Сен-Пре к милорду Эдуарду. [Руссо 1961. Т. 2. С. 486]. Пер. Н.И. Немчиновой).

C'est la foiblesse de l'homme qui le rend sociable: ce sont nos misères communes qui portent nos coeurs à l'humanité: nous ne lui devrions rien, si nous n'étions pas hommes. Tout attachement est un signe d'insuffisance: si chacun de nous n'avoit nul besoin des autres, il ne songerait guère à s'unir à eux. Ainsi de notre infirmité même naît notre frêle bonheur.

Un être vraiment heureux est un être solitaire: Dieu seul jouit d'un bonheur absolu; mais qui de nous en a l'idée? Si quelque être imparfait pouvoit se suffir à lui-même, de quoi jouiroit il selon nous? Il seroit seul, il seroit misérable. Je ne conçois pas, que celui, qui n'a besoin le rien, puisse aimer quelque chose; je ne conçois pas que celui, qui n'aime rien, puisse être heureux³².

L'heureux ne sait pas s'il est aimé, dit un poète latin, et moi j'ajoute: l'heureux ne sait pas aimer!

*J.J.R.*³³

Si on me presse de dire, pourquoi j'aimois mon ami, je sens que cela ne se peut exprimer qu'en répondant: parce que c'est lui, parce que c'est moi. Il y avoit je ne sais quelle force inexplicable et fatale, médiatrice de cette union. Nous nous cherchions avant que de nous être vus, se croiser par quelque ordonnance du Ciel. Nous nous embrassions, par nos noms, et à notre première rencontre nous nous trouvâmes, si pris, si connus, si obligés entre nous, que rien dès lors ne nous fut si proche que l'une à l'autre.

*Montaigne*³⁴

³² Слабость человека делает его общительным. Общие наши бедствия — вот что влечет наши сердца к обществу; мы ничем не были бы ему обязаны, если бы не были людьми. Всякая привязанность есть признак несостоятельности; если бы каждый из нас не имел нужды в других, он не подумал бы с ними объединяться. Так из нашей немощи рождается наше зыбкое счастье. / Истинно счастливое существо есть существо одинокое. Только Бог наслаждается абсолютным счастьем: но кто из нас имеет о нем понятие? Если бы какое-нибудь несовершенное существо могло довольствоваться только собою, чем оно, с нашей точки зрения, стало наслаждаться? Оно было бы одиноким, несчастным. Я не понимаю, как тот, кто ни в ком не имеет нужды, может любить что-нибудь: я не понимаю, как тот, кто ничего не любит, может быть счастливым» (пер. с франц.) (*Руссо Ж.-Ж. Эмиль*; см.: [Руссо 1981. С. 258]).

³³ Счастливый не знает, любим ли он, говорит латинский поэт, я же добавлю — счастливый не умеет любить. *Ж.-Ж. Руссо*]. (*Руссо Ж.-Ж. Письмо к Г-же де *** 27 марта 1763 г.* [Rousseau 1822. P. 309]. Пер. Л.Ф. Семеновой).

³⁴ Если бы у меня настойчиво требовали ответа, почему я любил моего друга, я чувствую, что не мог бы выразить этого иначе, чем сказав: «Потому, что это был он, и потому, что это был я». Где-то за пределами доступного моему уму и того, что я мог бы высказать по этому поводу, существует какая-то необъяснимая и неотвратимая сила, устроившая этот союз между нами. Мы искали друг друга прежде, чем свиделись [...] Самые имена наши сливались в объятиях. И уже при первой встрече [...] мы почувствовали себя настолько очарованными друг другом,

Qu'un ami véritable est une douce chose!
 Il cherche vos besoins au fond de votre coeur;
 Il vous épargne la pudeur
 De les lui découvrir vous-même.
 Un songe, un rien tout lui fait peur,
 Quand il s'agit de ce qu'il aime.

*Lafontaine*³⁵

ЛЮБОВЬ

«Amour, désir inné, âme de la nature, principe inépuisable d'existence, puissance souveraine qui peut tout, et contre la quelle rien ne peut, par qui tout agit, tout respire et tout se renouvelle, divine flamme, germe de perpétuité, que l'Éternel a répandu partout avec le souffle de vie, précieux sentiment qui peut seul amollir les coeurs féroces et glacés, en les pénétrant d'une douce chaleur, cause première de tout bien, de toute société, qui réunit sans contrainte et par ses seuls attraits les natures sauvages et dispersées; source unique et féconde de tout plaisir, de toute volupté... Amour! pourquoi fais-tu l'état heureux de tous les êtres et le malheur de l'homme?»

*Buffon*³⁶

настолько знакомыми, настолько связанными между собой, что никогда с той поры не было для нас ничего ближе, чем он мне, а я ему. (*Монтень М.* О дружбе. [Монтень 1979. Кн. 1-2. С. 176]. Пер. А.С. Бобовича).

³⁵

О что за клад — сердечный друг!
 Он в сердце вашем сам заботы открывает,
 И вашу скромность он щадит.
 Сон, мелочь всякая, пустяк его страшит,
 Когда о друге он мечтает.

Лафонтен

([Лафонтен 2000. С. 328], пер. П.Ф. Порфинова). Ср. в пер. М.Н. Муравьева (1780-е):

Во друге истинном какое наслажденье!
 Выводит нужды он из сердца твоего,
 Предупреждает униженья
 Открытья самого.
 Его смущает сновиденье,
 Безделки, ничего
 Когда касается любимого его.

(Муравьев М.Н. Стихотворения. Л., 1967. С. 233).

³⁶ Любовь! Врожденный инстинкт! Душа природы! Неисчерпаемый источник существования! Высшее могущество, которое может все, которому никто не в силах противостоять, благодаря которому все движется, все дышит и все обновляется! Божественное пламя, источник вечного продолжения рода, который Творец своим

БЕДНОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ

Quand je me suis mis à considérer les diverses agitations des hommes, les périls et les peines où ils s'exposent, à la cour, à la guerre, dans la poursuite de leurs prétentions ambitieuses, d'où naissent tant de querelles, de passions et d'entreprises funestes, j'ai souvent dit que tout le maleur des hommes vient de ne savoir pas se tenir en repos dans une chambre...

Mais quand j'y ai regardé de plus près, j'ai trouvé que cet éloignement, que les hommes ont du repos et de demeurer avec eux-mêmes, vient d'une cause bien effective, c'est-à-dire du malheur naturel de notre condition faible et mortelle, et si misérable, que rien ne nous peut consoler lorsque rien ne nous empêche d'y penser et que nous ne voyons que nous.

Qu'on choisisse telle condition qu'on voudra, et qu'on y assemble tous les biens et toutes les satisfactions qui semblent contenter un homme. Si celui qu'on aura mis en cet état est sans occupation et sans divertissement, et qu'on le laisse faire réflexion sur ce qu'il est, cette félicité languissante ne le soutiendra pas. Il tombera par nécessité dans des vues affligeantes de l'avenir : et si on ne l'occupe hors de lui, le voilà nécessairement malheureux.

La dignité royale n'est elle pas assez grande d'elle même pour rendre celui qui la possède heureux par la seule vue que de ce qu'il est? Qu'on en fasse l'épreuve, qu'on laisse un Roi tout seul, sans aucun soin dans l'esprit, penser à soi tout à loisir, et l'on verra qu'un Roi qui se voit est un homme plein de misères...

De là vient que les hommes aiment tout le bruit et le tumulte de monde, que la prison est un supplice si horrible et qu'il y a si peu de personnes qui soient capables de souffrir en solitude.

Les hommes ont un instinct secret que les porte à chercher le divertissement et l'occupation au dehors, qui vient du ressentimens de leur misère continuelle. Et ils ont un autre instinct secret qui reste de la grandeur de leur première nature, qui leur fait connoître que le bonheur n'est, en effet,

дыханием жизни распространил повсюду! Бесценное чувство, которое одно лишь может смягчать сердца кровожадные и холодные, пронизывая их сладостным жаром! Первопричина любого блага, любого общества, способная объединять без всякого принуждения и одними своими чарами даже натуры дикие и ожесточенные! Единственный и плодотворный источник всякого удовольствия, всякого наслаждения! Любовь! Почему ты составляешь счастье всех живых существ и приносишь несчастье одному лишь человеку? *Бюффон* (пер.: *Разумовская М.В.* Бюффон-писатель. Французские естествоиспытатели XVIII в. и литература. СПб., 1997. С. 74).

que dans le repos. Et de ces deux instincts contraires il se forme en eux un projet confus, qui se cache à leur vue dans le fond de leur âme, qui les porte à tendre au repos pas l'agitation, et à se figurer toujours que la satisfaction, qu'ils n'ont point, leur arrivera, si, en surmontant quelques difficultés qu'ils envisagent, ils peuvent s'ouvrir par-là la porte au repos.

*Pascal*³⁷

О ЖИЗНИ И СМЕРТИ

Celui qui feint d'envisager la mort sans effroi, ment. Tout homme craint de mourir: c'est la vraie foi des êtres sensibles, sans laquelle toute espèce mortelle seroit bientôt détruite. Cette crainte est un simple mouvement de la nature, non seulement indifférent, mais bon en lui-même et conforme à l'ordre...³⁸

La vie peut-elle être jamais un mal? En considérant cette foule d'erreurs, de tourmens et de vices dont elle est remplie, on seroit bien plus

³⁷ Я неоднократно размышлял о том, сколько беспокойств, опасностей и невзгод навлекают на себя люди, живя при дворе или сражаясь на войне, о вечных расприх, неистовствах, дерзких, а порою и преступных замыслах и т.д., я пришел к выводу, что главная беда человека — в его неспособности к домоседству. .../ Но потом я глубже вник в эту бедственную людскую особенность, мне захотелось докопаться до причины, лежащей в ее основе, и такая причина. Действительно, нашлась, и очень серьезная; она коренится в изначальной бедственности нашего положения, в хрупкости, смертности и такой ничтожности человека, что стоит подумать об этом — и уже ничто не может нас утешить. / Из всех положений, обильных благами, доступными смертным, положение монарха, очевидно, наизавиднейшее. Он убогаторен во всех своих желаниях, но попробуйте лишить его развлечений, предоставить думам и размышлениям о том, что он такое, — и это бездеятельное счастье рухнет, он целиком погрузится в мысли об угрозах судьбы, о возможных мятежах, наконец, о смерти и неизбежных недугах. И окажется, что, лишенный развлечений, монарх несчастен, несчастнее, чем самый жалкий его подданный, который предается играм и другим развлечениям... / Вот почему люди так любят шум и движение, вот почему им так непереносимо тюремное заключение и так непонятны радости одиночества. / Безотчетное чувство толкает их в погоню за мирскими развлечениями и занятиями, и происходит это потому, что они непрерывно ощущают горечь своего бытия. А другое безотчетное чувство — наследие, доставшееся нам от нашей первоначальной, непорочной природы, — подсказывает, что счастье не в житейском водовороте, а в покое. Столкновение столь противоречивых чувств рождает в людях смутное, неосознанное желание искать бури во имя покоя, равно как и надежду, что, победив еще какие-то трудности, они обретут наконец вечно ускользающее счастье и продолжат путь к душевному умиротворению. *Паскаль* ([Паскаль 1974. С. 142]. Пер. Э. Линецкой).

³⁸ Тот, кто прикидывается способным смотреть без страха в лицо смерти, лжет. Человек боится смерти, и это великий закон для земных созданий, не будь его, быстро пришел бы конец всему смертному. Страх этот — простое движение души, подсказанное самой природой, не только безобидное, но по существу своему ведущее к добру и способствующее порядку... (*Руссо Ж.-Ж.* Юлия, или Новая Элоиза. Ч. 1. Письмо LVII. От Юлии. [Руссо 1961. Т. 2. С. 121]. Пер. А.Д. Худаковой).

tenté de demander si jamais elle fut un bien. Le crime assiège sans cesse l'homme le plus vertueux: chaque instant qu'il vit, il est prêt à devenir la proie du méchant, ou méchant lui-même. Combattre et souffrir, voilà son sort dans ce monde: mal faire et souffrir, voilà celui du malhonnête homme. Dans tout le reste ils diffèrent entre eux, ils n'ont rien en commun que les misères de la vie...³⁹

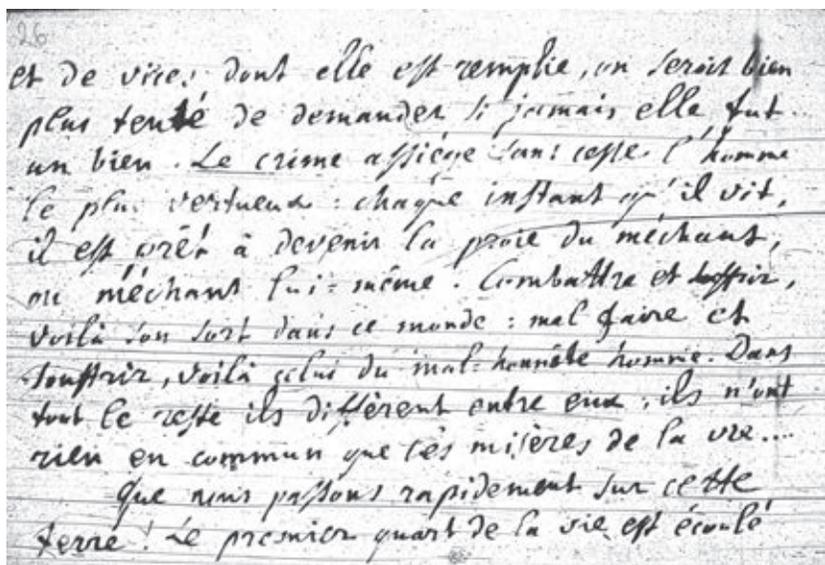
Que nous passons rapidement sur cette terre! Le premier quart de la vie est écoulé avant qu'on en reconnoisse l'usage; le dernier quart s'écoule encore après qu'on a cessé d'en jouir. D'abord nous ne savons point vivre: bientôt nous ne le pouvons plus; et dans l'intervalle qui sépare ces deux extrémités inutiles, les trois quarts du tems qui nous reste sont consumés par le sommeil, par le travail, par la douleur, par la contrainte, par les peines de toute espèce. La vie est courte, moins par le peu de tems qu'elle dure, que parce que de ce peu de tems nous n'en avons presque point nous la goûter⁴⁰.

Si nous étions immortels, nous serions des êtres très-misérables. Il est dur de mourir, sans doute: mais il est doux d'espérer qu'on ne vivra pas toujours, et qu'une meilleure vie finira les peines de celle-ci. Si l'on nous effroit l'immortalité sur la terre, qui est-ce qui voudroit accepter ce triste présent? Quelle ressource, quel espoir, quelle consolation nous resteroit-il contre les rigueurs du sort et contre les injustices des hommes?.. La nécessité de mourir n'est à l'homme sage qu'une raison pour supporter les peines de la vie. Si l'on n'était pas sûr de la perdre une fois, elle coûteroit trop à conserver...⁴¹

³⁹ Может ли жизнь быть злом? Когда раздумываешь о целом скопище заблуждений, мук и пороков, которыми она полнится, испытываешь гораздо больше искушение спросить: да бывала ли она когда-нибудь благом? Преступные силы беспрерывно осаждают и самого добродетельного человека, в каждое мгновение своей жизни он может стать жертвою зла. Бороться и терпеть — вот удел его в этой жизни — творить зло и терпеть — вот удел человека непорядочного. Во всем они чужды друг другу, и общее у них лишь одно — жизненные невзгоды... (Руссо Ж.-Ж. Юлия, или Новая Элоиза. Ч. 3. Письмо XXI. Письмо к милорду Эдуарду [Руссо 1961. Т. 2. С. 319]. Пер. А. Д. Худаховой).

⁴⁰ Как быстро мы проходим свое земное поприще! Первая четверть жизни протекла прежде, чем мы научились пользоваться жизнью; последняя четверть наступает уже после того, как мы перестали наслаждаться ею. Сначала мы не умеем жить, а вскоре затем — не в состоянии жить; в промежутке же, разделяющем эти два крайних периода, бесполезных для нас, три четверти времени уходит на сон, труд, горе, принуждение — на всякого рода страдания. Жизнь коротка не потому, что недолго продолжается, а потому, что из этого незначительного времени нам почти ничего не остается на наслаждение ею. (Руссо Ж.-Ж. Эмиль. Кн. IV. [Руссо 1981. С. 245]).

⁴¹ Если бы мы были бессмертны, то мы были бы самыми несчастными существами. Тяжело, конечно, умирать, но зато приятно надеяться, что не вечно

Vivre sans peine n'est pas un état d'homme; vivre ainsi, c'est être mort. On jouit — moins de ce qu'on a, que de ce qu'on désire. Celui qui pourrait tout sans être Dieu seroit une misérable créature, il seroit privé du plaisir de désirer: toute autre privation seroit plus supportable.

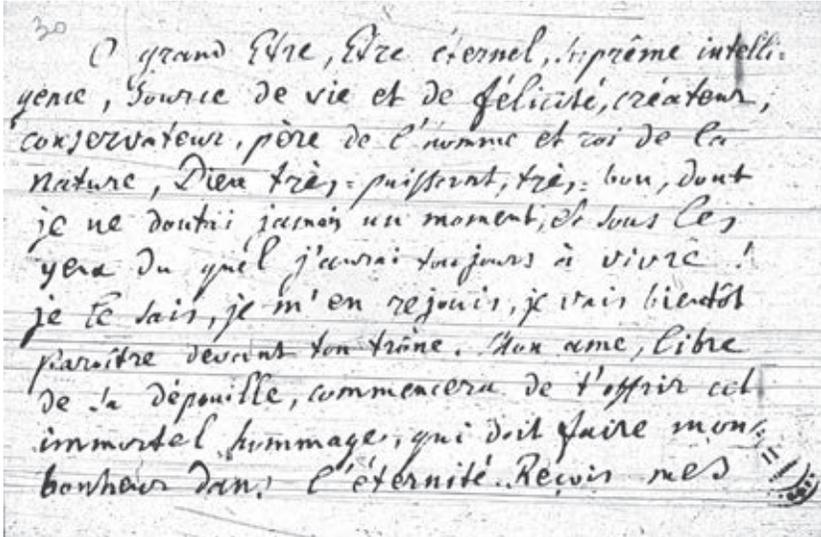
La préparation à la mort est une bonne vie, je n'en connois pas de meilleure. En remplissant les devoirs que Dieu impose, on se dispose à paroître devant lui sans crainte.

O grand Être, Être éternel, suprême intelligence, source de vie et de félicité, créateur, conservateur, père de l'homme et roi de la nature, Dieu tres-puissant, tres bon, dont je ne doutai jamais un moment, et sous les yeux duquel j'aurais toujours à vivre! Je le sais, je m'en réjouis, je vais bientôt paroître devrant ton trône. Mon âme, libre de la dépouille, commencera de t'offrir cet immortel hommage, qui doit faire mon bonheur dans l'éternité... Reçois mes adorations et le repentir de mes fautes. Plein

будешь жить и что скорби этой жизни закончатся лучшею жизнью. Если бы нам предложили бессмертие на земле, кто захотел бы принять этот печальный дар? Какое прибежище, какая надежда, какое утешение оставалось бы нам против жестокостей судьбы и несправедливости людей?.. Для человека мудрого необходимость умереть — это только довод в пользу того, чтобы переносить скорби. Если бы мы не были уверены, что некогда расстанемся с нею, то не стоило бы и сохранять ее... (Руссо Ж.-Ж. Эмиль. Кн. II. [Руссо 1981. С. 80]).

de confiance bez tes bontés, je vois approcher la mort sans effroi; qui s'en dort dans le sein d'un père, n'est pas en souci du rêveil.

J.J. R.⁴²

⁴² Жизнь без тягот не есть участь человека; жить так — значит быть мертвым. Мы менее наслаждаемся тем, что имеем, чем тем, чего бы мы желали. Тот, кто объемлет все, не будучи богом, был бы жалким созданием, он был бы лишен удовольствия желать: всякое другое лишение было бы менее тягостным (более переносимым). / Честно прожитая жизнь — вот приурочивание к смерти, иного приурочивания я себе и не мыслю. Когда я беседовала с вами, когда я сосредоточивалась мыслями в уединении, когда я старалась выполнить обязанности, возложенные на меня господом, — я уже тогда готовилась предстать перед ним, и я поклонялась ему, устремляя к нему все силы, дарованные мне небом.

Страдать и умереть — вот все, что мне еще остается, — это дело природы; но я всегда старалась жить так, чтобы мне не надо было бояться смерти, и ныне, когда она близится, я без страха смотрю ей в лицо. Кто засыпает в лоне отца своего, не боится пробуждения.

О Предвечный! Боже великий, верховный разум, источник жизни и радости, творец и вседержитель, отец человека и царь природы, боже всемогущий, всеблагий, ни на миг не усомнилась я в тебе и всегда хотела жить перед всевидящим твоим взором. Скоро я предстану перед престолом твоим и, зная это, радуюсь. Пройдет несколько дней, и душа моя, сбросив бременную свою оболочку, начнет более достойно возносить тебе бессмертную хвалу, которая будет блаженством моим на веки веков... / Прими мое обожание и раскаяние в моих ошибках, полное доверия к твоей доброте, и ныне, когда смерть близится, я без страха смотрю ей в лицо. Кто засыпает в лоне отца своего, не боится пробуждения. Ж.Ж. Руссо] (Руссо Ж.-Ж. Юлия, или Новая Элоиза. Ч. 6. Письмо XI. От г-на де Вольмара. [Руссо 1961. Т. 2. С. 634, 635]. Пер. Н.И. Немчиновой).

РАЗНЫЕ МЫСЛИ

L'univers est un cercle dont le centre est partout et la circonférence nulle part⁴³.

Peu de chose nous console, parce que peu de chose nous afflige⁴⁴.

Quand tout se remue également, rien ne se remue en apparence comme en un vaisseau. Quand tous vont vers le dérèglement, nul ne semble y aller. Qui s'arrête, fait remarquer l'emportement des autres comme un point fixe⁴⁵.

Le sentiment de la fausseté des plaisirs présents, et l'ignorance de la vanité des plaisirs absents, causent l'inconstance⁴⁶.

À mesure qu'on a plus d'esprit, on trouve qu'il y a plus d'hommes originaux⁴⁷.

Diseur de bons mots, mauvais caractère.

*Pascal*⁴⁸

L'étude a été pour moi le souverain remède contre les dégoûts de la vie, n'ayant jamais eu de chagrin qu'une heure de lecture n'ait dissipé⁴⁹.

Je m'éveille le matin avec une joie secrète de voir la lumière; je vois la lumière avec une espèce de ravissement, et tout le reste du jour je suis content. Je passe la nuit sans m'éveiller, et le soir, quand je vais au lit, une espèce d'engourdissement m'empêche de faire des réflexions.

⁴³ Вселенная это не имеющая границ сфера, центр ее всюду, периферия нигде [Паскаль 1974. С. 122].

⁴⁴ Нас утешает любой пустяк, потому что любой пустяк приводит нас в уныние (Там же. С. 140).

⁴⁵ Когда все предметы равномерно движутся в одну сторону, кажется, будто они неподвижны, например, когда находишься на корабле. Когда все идут по пути безнравственности, никто этого не видит. И только если кто-нибудь, остановившись, уподобляется неподвижной точке, мы замечаем бег остальных (Там же. С. 174).

⁴⁶ Человек чувствует, как тщетны доступные ему удовольствия, но не понимает, как суетны чаемые; в этом причина людского непостоянства (Там же. С. 136).

⁴⁷ Чем умнее человек, тем больше своеобычности он находит во всяком, с кем общается (Там же. С. 114).

⁴⁸ Хороший остров — пустой человек. *Паскаль* (Там же. С. 120).

⁴⁹ Занятия были всегда для меня лучшим лекарством против жизненных неудач; как бы ни были велики мои заботы, они рассеивались часами чтения ([Монтескье 1885. С. 114]. Пер. А. Воейковой).

J'ai cru trouver de l'esprit à des gens qui passaient pour n'en point avoir.

J'aime les maisons où je puis me tirer d'affaire avec mon esprit de tous les jours.

Quand je me fie à quelqu'un, je le fais sans réserve; mais je me fie à très peu de personnes⁵⁰.

Je suis amoureux de l'amitié⁵¹.

Quand je vois un homme de mérite, je ne le décompose jamais; un homme médiocre qui a quelques bonnes qualités, je le décompose⁵².

Ce qui m'a toujours beaucoup nui, c'est que j'ai toujours méprisé ceux que je n'estimois pas⁵³.

J'étais ami de presque tous les esprits et ennemi de presque tous les coeurs⁵⁴.

Deux chefs-d'oeuvres: la mort de César dans Plutarque et celle de Néron dans Suétone⁵⁵.

Pour juger les hommes, il faut leur passer les préjugés de leur tems⁵⁶.

Les maximes de la Rochefoucauld sont les proverbes des gens d'esprit⁵⁷.

⁵⁰ Утром я встаю с тонким удовольствием, что вижу свет, свет я встречаю с каким-то особенным восторгом и весь день я в хорошем расположении духа. Ночью я не просыпаюсь, а вечером, когда отправляюсь спать, мой отяжелевший мозг мешает мне предаваться размышлениям. / Мне не раз приходилось видеть ум у таких людей, которые славились недостатком его. / Я люблю дома, где я могу выходить из положения, полагаясь на свой практический ум. / Когда я доверяюсь кому-нибудь, — я доверяюсь ему вполне, но делаю это только в отношении немногих (Там же. С. 115, 116).

⁵¹ Я влюблен в дружбу (*Montesquieu*. *Pensées diverses*. [La Rochefoucauld — Montesquieu. P. 120]. Пер. Л.Ф. Семеновой).

⁵² Когда я вижу выдающегося человека, я его никогда не анализирую; человека обыкновенного я всегда, наоборот, анализирую ([Монтескье 1885. С. 117], пер. А. Воейковой).

⁵³ Мне всегда вредило обстоятельство, что я всегда презирал тех, которых не мог уважать (Там же. С. 118).

⁵⁴ Я был другом почти всех умов и врагом почти всех сердец (Там же. С. 120).

⁵⁵ Два совершенные сочинения: смерть Цезаря у Плутарха и смерть Нерона у Светония (Там же. С. 122).

⁵⁶ Чтобы судить о людях, надо прощать им предрассудки их времени (Там же. С. 123).

⁵⁷ Максими Ларошфуко — это поговорки умных людей (Там же. С. 124).

Quel siècle que le nôtre, où il y a tant de critiques et de juges, et si peu de lecteurs!⁵⁸

Voltaire n'est pas beau: il n'est que joli⁵⁹.

Aimer à lire, c'est faire un échange des heures d'ennui que l'on doit avoir en sa vie contre des heures délicieuses⁶⁰.

Malheureuse condition des hommes: à peine l'esprit est-il parvenu à sa maturité, que le corps commence à s'affaiblir⁶¹.

Un homme qui écrit bien, n'écrit pas comme on écrit, mais comme il écrit; et c'est souvent en parlant mal qu'il parle bien⁶².

Voici comme je définis le talent: un don que Dieu nous a fait en secret, et que nous révélons sans le savoir⁶³.

L'attente est une chaîne qui lie tous nos plaisirs⁶⁴.

Il faut avoir beaucoup étudié pour savoir peu⁶⁵.

On auroit dû mettre l'oisiveté parmi les peines de l'enfer; il me semble au contraire qu'on l'a mise parmi les joies du Paradis⁶⁶.

Je vois des gens qui s'effarouchent des digressions: je crois que ceux qui savent en faire, sont comme les gens qui ont des grands bras: ils atteignent plus loin⁶⁷.

⁵⁸ В каком удивительном веке мы живем, где так много критиков и так мало читателей! (Там же).

⁵⁹ Вольтер не красив, он всего лишь привлекателен (*Montesquieu. Pensées diverses.* [La Rochefoucauld — Montesquieu. P. 127]. Пер. Л.Ф. Семеновой).

⁶⁰ Любить читать — значит менять часы скуки, неизбежные в нашей жизни, на восхитительные часы (Там же. P. 133).

⁶¹ Несчастна участь людей: едва дух достигает своей зрелости, как тело начинает разрушаться (Там же).

⁶² Человек, который пишет хорошо, пишет не так, как все, но так, как пишет он: и часто, говоря плохо, он говорит хорошо (Там же).

⁶³ Вот как я определяю талант: это дар, который Бог дал нам втайне, и который мы обнаруживаем, не сознавая этого (Там же).

⁶⁴ Ожидание — это цепь, которая связывает все наши удовольствия (Там же. P. 134).

⁶⁵ Необходимо многое изучить, чтобы узнать немного (Там же. P. 134).

⁶⁶ Праздность следовало бы поместить среди мук ада: мне, напротив, кажется, что она обитает среди радостей рая (Там же. P. 135).

⁶⁷ Я знаю людей, которые пугаются отклонений: я же думаю, что те, кто это делают, подобны людям с длинными руками, они достигают большего (Там же. P. 137).

On ne sauroit croire jusqu'où a été dans ce siècle la décadence de l'admiration!⁶⁸

Quand, dans un royaume, il y a plus d'avantage à faire sa cour qu'à faire son devoir, tout est perdu⁶⁹.

Remarquez bien que la plupart des choses qui nous font plaisir, sont déraisonnables⁷⁰.

Montesquieu

Il y a de quoi bien et mal faire partout⁷¹.

Il se faut réserver, une arrière-boutique toute notre, toute franche en laquelle nous établissons notre vraie liberté⁷².

Nous avons une âme contournable en soi même; elle se peut faire compagnie⁷³.

La foule me repousse à moi⁷⁴.

Il est incertain où la mort nous attend: attendons la partout⁷⁵.

Pourquoi craindrions-nous de perdre une chose, laquelle perdue ne peut être regrettée?⁷⁶

Et puisque nous sommes menacés de tous de façons de mort, n'y a-t-il pas plus de mal à les craindre toutes qu'à en soutenir une?⁷⁷

⁶⁸ Трудно поверить, до какой степени обожание в нашем веке потеряло в цене (Там же. Р. 138).

⁶⁹ Когда в королевстве выгоднее прислуживаться, чем исполнять свой долг, все погибло (Там же. Р. 139).

⁷⁰ Заметьте, что большинство тех вещей, что доставляют нам удовольствие, неразумны (Там же).

⁷¹ Всюду есть то, из чего можно делать и добро и зло (*Монтень М.* Об уединении. [Монтень 1979. Кн. 1–2. С. 216]).

⁷² Нужно приберечь для себя какой-нибудь уголок, который был бы целиком наш, всегда к нашим услугам, где мы располагали бы полной свободой, где было бы главное наше прибежище, где мы могли бы уединиться (Там же. С. 219).

⁷³ Мы обладаем душой, способной общаться с собой; она в состоянии составить себе компанию (Там же).

⁷⁴ Толпа заставляет меня замыкаться в себе (Там же. Кн. 3. С. 37).

⁷⁵ Неизвестно, где поджидает нас смерть, так будем же ожидать ее повсюду (*Монтень М.* О том, что философствовать — это значит учиться умирать [Монтень 1979. Кн. 1–2. С. 82]).

⁷⁶ Стоит ли бояться потерять нечто такое, потеря чего уже не сможет вызвать в нас сожаления? (Там же. С. 86).

⁷⁷ Но и такое соображение: раз нам угрожают многие виды смерти, не тягостнее ли страшиться их всех, чем претерпеть какой-либо один? (Там же. С. 86–87).

Le dernier pas ne fait pas la lassitude: il la déclare; tous les jours vont à la mort: le dernier y arrive⁷⁸.

Soyons de notre esprit les seuls législateurs,
Vivons libres du moins dans le fond de nos cœurs:
C'est le trône de l'homme; il règne, quand il pense.

*Pompignan*⁷⁹

Le bonheur ne nous est guère sensible en cette vie que par la délivrance de mal.

«Heureux celui qui voit le jour!» dit un aveugle; mais un homme qui voit clair, ne le dit plus.

«Heureux celui qui est sain!» dit un malade; quand il est sain, il ne sent plus le bonheur de la santé⁸⁰.

Il y a dans le coeur de tous les hommes un petit royaume composé de leurs mouvemens intérieurs, et personne n'est si esclave qui n'ait en son pouvoir plusieurs actions extérieurs qui dépendent de ses mouvemens; car chacun est maître et roi de son estime, de sa confiance et de son affection; (...) aux uns nous donnons notre créance, (...) à d'autre notre tendresse, (...) notre familiarité. Si l'on veut bien savoir quel conseiller nous choisissons pour distribuer toutes les offres, il se trouvera que c'est l'amour-propre (...)

C'est une adresse de l'amour-propre, quand il est repris de quelque défaut, d'envisager à l'heure même, non la vertu qui tient le milieu entre les deux excès, mais le vice opposé (...) et de se défendre par-là⁸¹.

⁷⁸ Последний шаг не есть причина усталости, он лишь дает ее почувствовать. Все дни твоей жизни ведут тебя к смерти; последний только подводит к ней (Там же. С. 90).

⁷⁹ Будем единственными законодателями нашего разума,
Будем свободны хотя бы в глубине нашего сердца:

Это трон человека; пока он мыслит, он царствует.

Помпьян. (Послание к Дамону. [Pompignan 1822 P. 37]).

⁸⁰ Счастье в этой жизни особенно ощутимо, когда мы избавляемся от мук. / «Счастлив тот, кто видит день!», говорит слепой; но человек, который видит хорошо, не говорит этого. / «Счастлив тот, кто здоров!», говорит больной; когда же он здоров, он не чувствует более счастья быть здоровым! (Николь. Мысли. [Nicole 1832. P. 95]. Пер. Л.Ф. Семеновой).

⁸¹ В сердцах всех людей есть маленькое королевство, составленное из его внутренних побуждений, и никогда не попадет в рабство тот, чьи действия определяются этими побуждениями, т.к. каждый есть хозяин и король своего уважения, своего доверия и своей привязанности; некоторым мы дарим наше доверие, другим нежность, (...) привязанность. Если хочешь узнать, какого советчика выбрать, то выбирай самолюбие (...) / Самолюбие поможет превратить недостаток не в добродетель, находящуюся между двумя крайностями, но в порок, который поможет себя защитить (Там же. P. 94).

Ainsi, lorsqu'on fait remarquer aux personnes lentes, qu'elles écoulent une partie de leur vie dans l'inactivité: *Vous voudriez donc*, disent-elles, que nous *fussions des têtes de soufre et de salpêtre*; comme s'il n'y avait pas de milieu entre une lenteur paresseuse (...) et une l'activité précipité!

Nicole⁸²

Il y a dans le coeur humain une génération perpétuelle de passions, en sorte que la ruine de l'une est presque toujours l'établissement d'une autre⁸³.

La constance des Sages n'est que l'art de renfermer leur agitation dans le coeur⁸⁴.

La philosophie triomphe aisément des maux passés et des maux avenir; mais les maux présents triomphent d'elle⁸⁵.

Le mal que nous faisons ne nous attire pas tant de persécutions et de peine que nos bonnes qualités⁸⁶.

Le caprice de notre humeur est encore plus bizarre que celui de la fortune⁸⁷.

La sincérité est une ouverture de Coeur: on la trouve en fort peu de gens; et celle que l'on voit d'ordinaire c'est qu'une fine dissimulation pour attirer la confiance des autres⁸⁸.

⁸² Так, когда делают замечание ленивцам, что они проводят часть жизни в бездействии, они говорят: неужели вы хотели бы, чтобы мы воспламенялись как сера или селитра, как будто нет середины между ленивой медлительностью и суетливой активностью! (Там же. Р. 117–118).

⁸³ В человеческом сердце происходит непрерывная смена страстей, и угасание одной из них почти всегда означает торжество другой ([Ларошфуко 1974. С. 34. № 10]. Пер. Л.Э. Линецкой).

⁸⁴ Невозмутимость мудрецов — это всего лишь умение скрывать свои чувства в глубине сердца (Там же. С. 35. № 20).

⁸⁵ Философия торжествует над горестями прошлого и будущего, но горести настоящего торжествуют над философией (Там же. № 22).

⁸⁶ Зло, которое мы причиняем, навлекает на нас меньше ненависти и преследований, чем наши достоинства (Там же. С. 36. № 29).

⁸⁷ Наши прихоти куда причудливей прихотей судьбы (Там же. С. 38. № 45).

⁸⁸ Искренность — это чистосердечие. Мало кто обладает этим качеством, а то, что мы принимаем за него, чаще всего просто тонкое притворство, цель которого — добиться откровенности окружающих (Там же. С. 40. № 62).

C'est une preuve de peu d'amitié de ne s'apercevoir pas du refroidissement de celle de nos amis⁸⁹.

C'est être véritablement honnête homme que de vouloir être toujours exposé à la vue des honnêtes gens⁹⁰.

Qui vit sans folie n'est pas si sage qu'il le croit⁹¹.

En vieillissant on devient plus fou et plus sage⁹².

Nous plaisons plus souvent dans le commerce de la vie, par nos défauts que par nos bonnes qualités⁹³.

Dans toutes les professions chacun affecte une *mine* et un exteieur pour paroître ce qu'il veut qu'on le croit: ainsi on peut dire que le monde n'est composé que de *mines*⁹⁴.

C'est se tromper que de croire, qu'il n'y ait que les violentes passions comme l'ambition et l'amour, qui puissent triompher des autres. La paresse, toute lanquissante qu'elle est, ne laisse pas d'en être souvent la maîtresse, elle usurpe sur tous les desseins et sur toutes les actions de la vie; elle y détruit et y concume insensiblement les passions et les vertus⁹⁵.

Le mérite des hommes a sa saison aussi bien que les fruits⁹⁶.

⁸⁹ Не замечать охлаждения друзей — значит мало ценить их дружбу (Там же. С. 102. № 590).

⁹⁰ Кто стремится всегда жить на виду у благородных людей, тот поистине благородный человек (Там же. С. 56. № 206).

⁹¹ Кто никогда не совершал безумств, тот не так мудр, как ему кажется (Там же. С. 56. № 209).

⁹² К старости люди становятся безрассуднее и мудрее (Там же. № 210).

⁹³ В повседневной жизни наши недостатки кажутся порою более привлекательными, чем наши достоинства (Там же. С. 43. № 90).

⁹⁴ Каждый человек, кем бы он ни был, старается напустить на себя такой вид и надеть такую личину, чтобы его приняли за того, кем он хочет казаться; поэтому можно сказать, что общество состоит из одних только личин (Там же. С. 62. № 256).

⁹⁵ Ошибается тот, кто думает, будто лишь таким бурным страстям, как любовь и честолюбие удаётся подчинить себе прочие страсти. Самой сильной нередко оказывается бездельная леность: завладевая людскими помыслами и поступками, она незаметно подтачивает все их стремления и добродетели (Там же. С. 63–64. № 266).

⁹⁶ У людских достоинств, как и у плодов, есть своя пора (Там же. С. 66. № 291).

Ce qui nous empêche d'ordinaire de faire voir le fond de notre coeur à nos amis n'est pas tant la défiance que nous avons d'eux, que celle que nous avons de nous-mêmes⁹⁷.

Les personnes foibles ne peuvent être sincères⁹⁸.

Nos actions sont comme les bouts-rimés que chacun fait rapporter à ce qu'il lui plait⁹⁹.

On peut être plus fin qu'un autre, mais non pas plus fin que tous les autres¹⁰⁰.

Il y a une élévation qui ne dépend point de la fortune: c'est un certain air qui nous distingue et semble nous destiner aux grandes choses; s'est un prix qui nous nous donnons imperceptiblement à nous-mêmes; c'est par cette qualité que nous usurpons les déférences des autres hommes, et c'est celle d'ordinaire qui nous met plus au-dessus d'eux que les dignités et le mérite même¹⁰¹.

Nous arrivons tout nouveaux aux divers âges de la vie, et nous y manquons souvent d'expérience malgré le nombre des années¹⁰².

Le plus grand effort de l'amitié n'est pas de montrer nos défauts à un ami, c'est de lui faire voir les siens¹⁰³.

⁹⁷ Нашей полной откровенности с друзьями мешает обычно не столько недоверие к ним, сколько недоверие к самим себе (Там же. С. 69. № 315).

⁹⁸ Люди слабохарактерные не способны быть прямодушными (Там же. С. 69. № 316).

⁹⁹ Наши поступки подобны строчкам буримы: каждый связывает их, с чем ему заблагорассудится (Там же. С. 76. № 382).

¹⁰⁰ Можно перехитрить кого-то одного, но нельзя перехитрить всех на свете (Там же. С. 77. № 394).

¹⁰¹ Людям иной раз присуща величавость, которая не зависит от благосклонности судьбы: она проявляется в манере держать себя, которая выделяет человека и словно пророчит ему блистательное будущее, а также в той оценке, которую он невольно себе дает. Именно это качество привлекает к ним уважение окружающих и возвышает над ними так, как не могли бы возвысить ни происхождение, ни сан, ни даже добродетели (Там же. С. 78. № 399).

¹⁰² Мы вступаем в различные возрасты нашей жизни, точно новорожденные, не имея за плечами никакого опыта, сколько бы нам ни было лет (Там же. С. 79. № 405).

¹⁰³ Величайший подвиг дружбы не в том, чтобы показать другу наши недостатки, а в том, чтобы открыть ему глаза на его собственные (Там же. № 410).

La confiance fournit plus à la conversation que l'esprit¹⁰⁴.

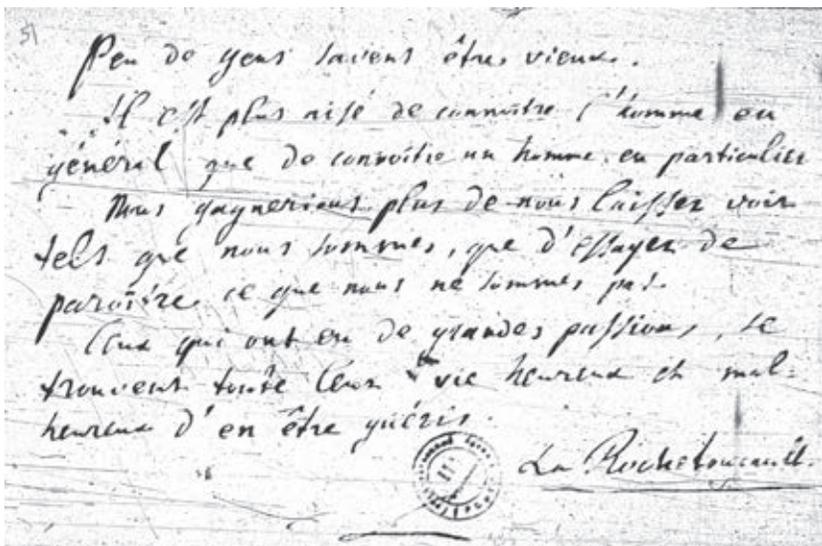
Peu de gens savent être vieux¹⁰⁵.

Il est plus aisé de connoître l'homme en général que de connoître un homme en particulier¹⁰⁶.

Nous gagnerions plus de nous laisser voir tels que nous sommes, que d'essayer de paroître ce que nous ne sommes pas¹⁰⁷.

Ceux qui ont eu de grandes passions, se trouvent toute leur vie heureux et malheureux d'en être guéris¹⁰⁸.

La Rochefoucauld

¹⁰⁴ Больше всего оживляет беседы не ум, а взаимное доверие (Там же. С. 80. № 421).

¹⁰⁵ Как мало на свете стариков, владеющих искусством быть стариками! (Там же. С. 81. № 423).

¹⁰⁶ Легче познать людей вообще, чем одного человека в частности (Там же. С. 82. № 436).

¹⁰⁷ Мы выиграли бы в глазах людей, если бы являлись им такими, какими мы всегда были и есть, а не прикидывались такими, какими никогда не были и не будем (Там же. С. 84. № 457).

¹⁰⁸ Те, кому довелось пережить большие страсти, потом всю жизнь и радуются своему исцелению, и горюют о нем (Там же. С. 87. № 485).

РУССКИЕ ПОСЛОВИЦЫ

Материно сердце в детях, а детское — в камне.
Материнские побои не больны.
Милой не злодей, а сушит до костей.
Мило, пока не простыло.
Милость и на суде хвалится.
Милует Бог, а жалует Царь.
Царев гнев посол смертной.
Царством владеть на Бога надежду иметь.
Милее всех, кто любит кого.
Мирская молва, морская волна.
Много желать, добра не видать.
Много разумных, а вдвое безумных.
Мокрой дождя не боится.
Молоденький умок, что вешний ледок.
Топит море, а крушит горе.
Муж жену любит здоровую, а брат сестру богатую.
Мысль за горами, а смерть за плечами.
Менять, не пенять.
На грех мастера нет.
Надсаженной конь, надломленный лук, замиренной друг не надежен.
Ум любит простор.
По платью встречают, по уму провожают.
На зачинающего Бог.
На милость образца нет.
Нам добро и никому зло, то законное житьё.
На небо крыл нет, а в землю путь близок.
На одном месте и камень мхом обрастает.
Написано пером, не вырубишь топором.
На резвом коне жениться не едут.
На сильного Бог да Государь.
На поклеп денег не наготовишься.
На хороший цветок и пчелка летит.
Не боюсь богатых гроз, боюсь убогих слез.
Не будь гостю запасен, а будь ему рад.
Не бывала ль на тебя беда? Не умирала ль жена?
Не велит Москаль, да Бог!
Не вскормя, ворога не увидишь.
Не верь времени, не печалься безделице.
Невеста родится, а жених на коня садится.

Не годы стареют, горе.
Не дать взаимы, остуда на время; а дать, ссора навеки.
Не держи сто рублей, держи сто друзей.
Незнакомая прямизна наведет на кривизну.
Неизведан, друг; а изведан, два.
Не избевай постылаго: возьмет Бог милого.
Без денег в город, сам себе ворог.
Без пастуха овцы не стадо.
Без притчи век не проживешь.
Береги денежку на черный день.
Береженаго и Бог бережет.
Близ Царя, близ смерти.
Голенький ох, а за ним Бог.
Богатство гниет, а нищета живет.
Богу молись, а сам не плошись.
Бог видит, да нам не скажет.
Бог высоко, а Царь далёко.
Бог даст день, Бог даст и пищу.
Бог не выдаст, свинья не съест.
Бог старой чудотворец.
Бояться себя заставишь, а любить не принудишь.
Брось хлеб назад, а будет наперед.
Меня любить, мою собаку не бить.
Будь приметлив, да не будь изветлив.
Было бы счастье, а дни впереди.
Беглому одна дорога, а погонщику сто.
Беда глупости сосед.
Глаза глядят, а руки делают.
Где больно, там рука, а где мило, там глаза.
Друга без беды не узнаешь.
Друга иметь, себя не жалеть.
Друг о друге, а Бог обо всех.
Друг познается на войне, да в беде.
Жена мужу пластырь, а он ей пастырь.
Женою доброю и муж честен.
Женския немочи догадки лечат.
Женский обычай беде слезами помогать.
Закрытую рану лечить трудно.
Злая совесть стоит палача.
И доброй временем плачет, а худой скачет.
К правому делу надобно быть смелу.

Кому время служит, тот ни о чем не тужит.
После рати храбрых много.
Посеянное взойдет.
Поезжай на обед, а слово повези на ответ.
При солнце тепло, а при матери сыну добро.
При старости бедность тяжка.
В старости не желай обогащенья, желай грехам прощенья.
Сытой помни голод, богатой не забывай убожества.
Приехала холя, привезла гребень.
Пьют для людей, едят для себя.
Пьяного речи, а трезваго мысли.
Разумной согрешит, многих глупых соблазнит.
Родимся на смерть, умрем на живот.
Рок головы ищет.
Рыба ищет, где глубже, а человек, где лучше.
Рыбам море, птицам воздух, а человеку отчизна вселенной круг.
Резвой сам натечет, а на тихого нанесет.
Самолуб всякому нелюб.
Рассуждай, а больше на Бога уповай.
Сам себя не хвали, ни хули.
Свадьба скорая, что вода поляя.
Свободной человек никого не боится.
Своя ноша не тянет.
Сиди у моря теплаго, жди погоды доброй.
Сильно милым не будешь.
Сказка складка, а песня быль.
Сколько голов, столько умов.
Свой ум царь в голове.
Сей совет на волю дан.

ЭПИЛОГ¹⁰⁹

Благодарю судьбу, что грамоте умею!
Писатель для других, а для тебя писец,
В изображенье букв совсем не образец,
Но криво ставя их, я не кривлю душою:
Достойное хвалы хвалю,
Достойное любви люблю:

¹⁰⁹ Автограф без заглавия: РГАЛИ. Ф. 248. Оп. 1. Ед.хр. 4. Л. 1. — Под заглавием «Стихи с поднесением выписок» опубли.: *Карамзин Н.М.* Неизд. соч. и переписка. Ч. 1. С. 188.

Тебя! И выбрав здесь без строгого разбора,
Что нравилось мне, согласен я без спора
Все на-двое делить: прекрасное твое,
А слабое мое!

Источники

- Боссюэ 1761–1762 — *Боссюэз Иаков Бенигн*. Разговор о всеобщей истории. Ч. 1–3. М., 1761–1762.
- Ларошфуко 1993 — *Ларошфуко Ф. де*. Максимы. Паскаль Б. Мысли. Лабрюйер Ж. де. Характеры. М.: Худож. литература, 1974. (БВЛ)
- Лафонтен 2000 — *Лафонтен Ж.* Басни. М., 2000.
- Монтень 1979 — *Монтень М.* Опыты: В 3 кн. М.: Наука, 1979. («Лит. памятники»)
- Монтескье 1885 — *Монтескье*. Персидские письма. Ч. 2. СПб., 1885 (Библиока европейцев писателей и мыслителей, издаваемая В.В. Чуйко).
- Паскаль 1974 — *Паскаль Б.* Мысли. М., 1974.
- Руссо 1961 — *Руссо Ж.-Ж.* Избранные сочинения: В 3 т. М., 1961.
- Руссо 1969 — *Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. М.: Наука, 1969. («Лит. памятники»)
- Руссо 1981 — *Руссо Ж.-Ж.* Педагогические сочинения: В 2 т. М., 1981.
- Руссо 2013 — *Руссо Ж.-Ж.* Политические сочинения. СПб.: Росток, 2013.
- La Rochefoucauld — *Maximes de duc de La Rochefoucauld*. Pensées diverses de Montesquieu. Paris, s.a.
- Nicole 1832 — *Pensées de Nicole*. Paris. Libraire de Lecointe, 1832.
- Pompignan 1822 — *Oeuvres choisies de Le Franc de Pompignan*. Tome second. Paris, Ménard et Dessenné, Fils, 1822.
- Rousseau 1763 — *Rousseau J.J.* Lettre à Christophe De Beaumont. A Amsterdam, Chez Marc Michel Rey, MDCCLXIII.
- Rousseau 1822 — *Rousseau J.J.* Oeuvres de Rousseau. Correspondance. Tome II. Paris, 1822.
- Rousseau 1824 — *Rousseau J.J.* Oeuvres complètes. Correspondance. Tome IV. Paris, 1824.
- Rousseau 1839 — *Rousseau J.J.* Oeuvres complètes. Correspondance. Tome I. Paris, MDCCCXXXIX.

Литература

Вацуро В.Э. Литературные альбомы в собрании Пушкинского Дома (1750 — 1840-е годы) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 г. Л.: Наука, 1979. С. 3–56.

Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1984. 718 с. («Лит. памятники»).

Сапченко Л.А. Выписки из французских мыслителей в неопубликованном альбоме Н.М. Карамзина // *La Russie et l'Europe: autres et semblables, actes du colloque organisé par l'Université Paris-Sorbonne — Paris IV, 10–12 mai 2007*. URL: <http://institut-est-ouest.ens-lyon.fr/spip.php?article116> (дата обращения: 02.03.2019).

Сапченко Л.А. «Мир совести и доверенности к Провидению» в альбомах Н.М. Карамзина // *Евангельский текст в русской литературе XVIII–XIX веков*. Вып. 5. Петрозаводск: ПетрГУ, 2008. С. 72–83.

Сапченко Л.А. Н.М. Карамзин в русском общественном и литературном сознании середины и второй половины XIX века. Ульяновск: УлГПУ, 2013. 256 с.

References

Karamzin N.M. *Pis'ma russkogo puteshestvennika* [Letters of a Russian Traveler]. Leningrad, Nauka Publ., 1984. 718 p. (In Russ.)

Sapchenko L.A. Vypiski iz frantsuzskikh myslitelei v neopublikovannom al'bome N.M. Karamzina [Citations from the French philosophers in an unpublished album by N.M. Karamzin]. *La Russie et l'Europe: autres et semblables, actes du colloque organisé par l'Université Paris-Sorbonne — Paris IV, 10–12 mai 2007*. Available at: <http://institut-est-ouest.ens-lyon.fr/spip.php?article116> (accessed: 02.03.2019). (In Russ.)

Sapchenko L.A. “Mir sovesti i doverennosti k Provideniiu” v al'bomakh N.M. Karamzina [“Conscience and Trust in Divine Providence” in N.M. Karamzin’s albums]. *Evangel'skii tekst v russkoi literature XVIII–XIX vekov. Vyp. 5* [Gospel texts in the Russian literature, XVIII–XIX centuries. Issue 5]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2008, pp. 72–83. (In Russ.)

Sapchenko L.A. *N.M. Karamzin v russkom obshchestvennom i literaturnom soznanii serediny i vtoroi poloviny XIX veka* [N.M. Karamzin in Russian social and literary thought in the middle and in the end of the XIXth century]. Ulyanovsk, Ulyanovsk State Pedagogical University Publ., 2013. 256 p. (In Russ.)

Vatsuro V.E. Literaturnye al'bomy v sobranii Pushkinskogo Doma (1750–1840-e gody) [Literary albums in Pushkin House collections, 1750s–1840s]. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1977 g.* [Pushkin House Manuscript Department Annual for 1977]. Leningrad, Nauka Publ., 1979, pp. 3–56. (In Russ.)

“A Gift of True Love...” (N.M. Karamzin’s unpublished album)

© 2019, Lyubov Sapchenko

Abstract: The album published for the first time was compiled by N.M. Karamzin all by himself in 1821 as a present for the Empress’ birthday. Empress Elizaveta Alekseevna and Karamzin wrote letters to each other and maintained relations of affinity and harmony, sympathetic mutual understanding, good faith and trust. The album includes citations from various European writers and philosophers, and Russian proverbs.

The unpublished album is of great importance because it helps to better understand Karamzin’s worldview and attitudes in his last years. The citations has to deal with the ideas that Karamzin viewed as basic and cardinal for Russia and humankind in general: Divine Providence, God, Virtue, Friendship, Love. Texts compiled on the 52 broadsides contain ideas that the author of the album shared.

Henri Rousseau goes first followed by Montaigne, Bossuet, Pascal, Montesquieu, Buffon, La Fontaine, La Rochefoucauld, Pompidan, Nicole. Their sayings help understand Karamzin’s anthropological philosophy, trace the evolution of his worldview and compare it to his earlier periods. Love and amity, proverbial wisdom and the eternal truths become his highest values.

Keywords: N.M. Karamzin, literary album, moral-philosophical literature, Russian writers and imperial family, Empress Elizaveta Alekseevna, archived materials

Information about the author: Lyubov Sapchenko, Doctor Hab. in Philology, Professor, Ulianovsk State Pedagogical University, Ulianovsk, Russia.

E-mail: ssj-sla@mail.ru.

Citation: Sapchenko Lyubov. “A Gift of True Love...” (N.M. Karamzin’s unpublished album). *Literary fact*, 2019, no. 2 (12), pp. 8–57. (In Russ.) DOI 10.22455/2541-8297-2019-12-8-57

МЕМОУАРЫ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ

DOI 10.22455/2541-8297-2019-12-58-98

УДК 821.161.1

Письма Иванова-Разумника к М.О. Гершензону

© 2019, А.В. Лавров

Аннотация: В публикации представлены письма Иванова-Разумника (Р.В. Иванова) к М.О. Гершензону за 1907–1922 гг. Это весь сохранившийся корпус переписки двух писателей. В письмах раскрываются детали журнальных и издательских буден, обсуждаются планы новых литературных проектов; представляют интерес краткие замечания Иванова-Разумника об общественно-политической ситуации 1917 г. В письмах фигурирует целый ряд важных фигур литературного мира, издательской сферы (М.К. Лемке, И.Д. Сытин, Андрей Белый, М.М. Пришвин и др.).

Ключевые слова: русская литература начала XX века, история журналистики и общественной мысли, переписка писателей, Иванов-Разумник, Михаил Гершензон, архивные публикации

Информация об авторе: Александр Васильевич Лавров, д.ф.н., академик РАН, ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: litfact@gmail.com

Цитирование: *Лавров А.В.* Письма Иванова-Разумника к М.О. Гершензону // Литературный факт. 2019. № 2 (12). С. 58–98. DOI 10.22455/2541-8297-2019-12-58-98

Историк русской литературы и общественной мысли, критик и публицист Иванов-Разумник (литературный псевдоним Разумника Васильевича Иванова; 1878–1946) активно содействовал формированию литературных репутаций у многих писателей-современников, таких как А.М. Ремизов, М.М. Пришвин, Е.И. Замятин и др., он же одним из первых по достоинству оценил творчество крупнейших мастеров-символистов А. Блока и Андрея Белого. Со всеми упомянутыми авторами Иванова-Разумника связывали и тесные, доверительные личные взаимоотношения, а с некоторыми они выросли в близкую, многолетнюю дружбу. Будучи по типу личности фигурой «общественной», тяготеющей к идейно-эстетической консолидации, он способен был произвольным

образом оказываться в центре притяжения разнонаправленных творческих сил, в результате чего складывались такие литературные объединения, как круг авторов журнала «Заветы», издательство «Сирин», содружество писателей-«скифов».

Интенсивность и многообразие личных контактов характеризуют Иванова-Разумника и на параллельном его творческом поприще — историка литературы, публикатора и комментатора. В сфере его профессионального общения — многие историки, филологи, библиографы; наиболее прочные, многолетние деловые и доверительно-приятельские связи устанавливаются с М. К. Лемке, Ф. И. Седенко (Витязевым), А. Г. Горнфельдом. Живой, устойчивый интерес к истории России XIX в. и к человеческим судьбам, сквозь которые эта история прошла, — в первую очередь к тем лицам, которые находились в оппозиции по отношению к правящему режиму, — сблизил Иванова-Разумника с Михаилом Осиповичем Гершензоном (1869–1925), историком и мыслителем, не разделявшим его народническо-социалистических идеалов. Принципиальное идейное противостояние в сочетании с личным дружественным взаимным расположением — главная отличительная особенность их отношений.

Дружественная нота, неизменно сказывавшаяся на разных поворотах и стадиях их общения, была, опять же, во многом обусловлена идейной субстанцией, на которую в равной мере опирались Иванов-Разумник, исповедовавший верность заветам Герцена и Михайловского, и Гершензон, в историческом прошлом находивший опору в декабристах и идеалистах 40-х гг., а в живой современности солидаризировавшийся с представителями русского религиозно-философского ренессанса. Субстанциональная основа их мировоззрения — представление о приоритете личности, человеческой индивидуальности как высшем мериле при оценке и толковании любых внеличных — исторических, социальных, психологических — событий и явлений; идея личностного самосознания и самоутверждения как предпосылки творческих исканий и реализации социально-культурных форм. Отмеченная генерализирующая установка прослеживается на всем протяжении масштабного двухтомного доктринального труда Иванова-Разумника «История русской общественной мысли. Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX в.» (1907), которым он громко возвестил о своем вхождении в литературную жизнь. В сходных контурах вырисовывается и историко-софская позиция Гершензона, заявленная в его многочисленных статьях 1900-х гг. — живых исторических реконструкциях образов и явлений, в монографии «П. Я. Чаадаев. Жизнь и мышление» (1908), в «Истории молодой России» — собрании очерков о М. Ф. Орлове, В. С. Печерине,

Н.В. Станкевиче, Т.Н. Грановском и других представителях российского мыслящего сообщества первой половины XIX в.

Контакты между Гершензоном и Ивановым-Разумником завязались в 1907 г. на сугубо деловой почве: будучи одним из редакторов московского критико-библиографического журнала «Критическое обозрение», Гершензон привлек Иванова-Разумника к сотрудничеству. Деловое общение по переписке переросло в личное в один из приездов Иванова-Разумника в Москву. 27 марта 1908 г. Гершензон сообщал в письме к брату: «Четвертого дня был у нас Иванов-Разумник, автор “Ист[ории] рус[ской] общ[ественной] мысли”, быстро прославившийся; он долго сидел и обедал с нами — было очень интересно»¹. Приязненные отношения укрепились в ходе их летних встреч, и 11 июня 1908 г. Гершензон отмечал в письме к брату: «Близко я сошелся в эти дни с Ивановым-Разумником»². Переписка между ними приобретает хотя и не интенсивный, но достаточно регулярный характер. К сожалению, мы располагаем только письмами Иванова-Разумника, отложившимися в архиве Гершензона; ни одного из писем Гершензона в царскосельском архиве Иванова-Разумника, в значительной части погибшем во время немецкой оккупации, не уцелело.

О том, что в ходе общения Гершензон и Иванов-Разумник достигли достаточно высоких степеней взаимопонимания и идейного соприкосновения, можно заключить хотя бы из того факта, что автор «Истории русской общественной мысли» первоначально рассматривался Гершензоном, инициатором, составителем и редактором сборника «Вехи», как один из возможных сочинителей вступительной статьи к этому изданию. С.Л. Франк, приглашенный к участию в «Вехах», предупреждал Гершензона, разбирая предложенный им план будущего сборника, в письме от 19 октября 1908 г.: «Вступительную *captatio benevolentiae*³ я считаю ненужной и даже вредной. [...] Во всяком случае, такого рода вступительную статью нельзя поручать Иванову-Разумнику, сотрудничество которого я вообще считаю нежелательным — он сам слишком “современный интеллигент” со всеми недостатками этого типа»⁴. «Современный интеллигент» в понимании Франка — это тот массовидный образ, критическое развенчание которого поставили своей коллективной задачей участники «Вех»; образ носителя идей обще-

¹ Цитируется в комментариях А.Л. Соболева в кн.: *Гершензон Михаил, Гершензон Мария*. Переписка. 1895–1924. М., 2018. С. 340.

² Цит. по: *Проскурина В.* Течение Гольфстрема: Михаил Гершензон, его жизнь и миф. СПб., 1998. С. 114.

³ Снискание расположения (*лат.*); термин риторической теории.

⁴ К истории создания «Вех» / Публ. В. Проскуриной и В. Аллоя // *Минувшее: Исторический альманах*. 11. Paris, 1991. С. 252.

ственного радикализма и утилитаризма, догматического приверженца революционно-максималистских стремлений, чуждого подлинной философской и правовой культуре и враждебного любому государственно-политическому устройству. В идеологических установках и предпочтениях Иванова-Разумника, действительно, было больше черт сходства с объектом «веховских» инвектив, чем с той общей позицией, которую отстаивали участники сборника.

В ожесточенной полемике, разразившейся на страницах периодики сразу после появления «Вех», Иванов-Разумник деятельного участия не принял. О своем отношении к «сборнику статей о русской интеллигенции» он высказался немного позднее в сборнике «Литература и общественность» и во втором издании книги «Об интеллигенции» (1910). В статье «Жизнь и теории (Что думает “народ”?)», вошедшей в «Литературу и общественность», критик ставит под сомнение базовое положение авторов «Вех» («наших кабинетных пророков») относительно непримиримого противостояния народа и интеллигенции, утверждает его обосновательность и бесперспективность: «...ясней, чем когда-либо, мы увидели, как близки идеалы народа к тем теоретическим воззрениям русской общественной мысли, которые двигали русской интеллигенцией от Герцена вплоть до Михайловского — вплоть до 1905 года. [...] Мы лишний раз убедились в том, что устами русской интеллигенции XIX века говорил сам народ, что само это противопоставление “интеллигенции” и “народа” есть чисто внешнее, лишенное внутреннего смысла. Мы, “интеллигентный народ”, близко познакомились с “народной интеллигенцией” — с теми иногда безграмотными крестьянами, которые силой творческого духа иной раз превышают многих кабинетных пророков...»⁵

Осмыслению феномена «Вех» Иванов-Разумник посвятил специальную статью «Что такое “кающиеся разночинцы”? К вопросу о “Вехах”»⁶. Задача, которую поставил перед собою критик, — не полемическая, не обличительная, а аналитическая; он посчитал даже необходимым дистанцироваться по отношению к своим потенциальным единомышленникам из радикального лагеря, отметив, что в их среде «Вехи» вызвали «целую бурю очень несочувственной и иногда очень пристрастной и несправедливой

⁵ Иванов-Разумник. Литература и общественность: Сб. статей. I. СПб., 1910. С. 46.

⁶ См.: Иванов-Разумник. Об интеллигенции: Что такое махаевщина. Кающиеся разночинцы. 2-е изд. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1910. С. 161–220. О первом издании этой книги Иванова-Разумника — «Что такое “махаевщина”? К вопросу об интеллигенции» (СПб.: Изд. С.В. Бунина, 1908) — Гершензон отозвался резко критически (в письме к М.К. Лемке от 29 сентября 1907 г.): «...его книжка о махаевщине совсем плоха: ни одного слова ответа по существу, всё придирки и передержки, — даже неприятно» (ИРЛИ. Ф. 661. Ед. хр. 311).

полемики»⁷. Более того, он заступился за Гершензона, возбудившего повсеместное негодование из-за фразы в его «веховской» статье «Творческое самосознание»: «*Каковы мы есть*, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, — бояться его мы должны пуше всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной»⁸. «Эта фраза возмутила многих — и совершенно неосновательно, — разясняет Иванов-Разумник: — ведь тут слово “должны” означает, с точки зрения кающегося разночинца, не нравственное долженствование, а историческую необходимость: не “wir sollen”, а “wir müssen”. Это только очень яркая формулировка мысли о противопоставлении интеллигенции и народа, о качественном различии между ними, о “метафизической розни” [...]; но именно яркость этой фразы и обнаруживает рознь между нею и истиной...»⁹ Уязвимость позиции, отстаиваемой Гершензоном и другими участниками сборника, Иванов-Разумник усматривает в головном, абстрактном представлении о народе, который обращается мифологическим порождением мыслительных конструкций: «Какое абсолютное незнакомство с действительной жизнью надо иметь для того, чтобы с пафосом провозглашать этот “мистический ужас”, эту “метафизическую рознь”! Те, кто поддерживают такое мнение — видели ли они когда-нибудь “народ” иначе как из окна своего кабинета или из книг славянофильской окраски? Они воссоздают себе “народ” по Достоевскому, по Хомякову, не имея о нем никакого другого понятия»¹⁰.

Одной из глубинных психологических подоплек, способствовавшей выработке «вехистами» общей идейной платформы, — сводящейся, в основных чертах, к отторжению «греха прошлого» — «признания примата общественных форм» и исповеданию «примата внутренней жизни», — является, по убеждению Иванова-Разумника, тот факт, что большинство участников сборника начинало свою деятельность на поприще ортодоксального марксизма. Эта доктрина последовательно нивелировала и уничтожала человеческую личность, «а теперь вышедшие из марксистского лона и прошедшие эту полосу кающиеся разночинцы неизбежно впадают в противоположную крайность [...]»¹¹. Обличениям «общественной» «интеллигентской правды», предпринятым в «Вехах»,

⁷ Иванов-Разумник. Об интеллигенции. С. 163–164.

⁸ Вехи: Сб. статей о русской интеллигенции. М., 1909. С. 92.

⁹ Иванов-Разумник. Об интеллигенции. С. 204. Сам Гершензон посчитал необходимым во втором издании «Вех» пояснить пресловутую фразу подстрочным примечанием, в котором, в частности, указывал: «“Должны” в моей фразе значит “обречены”: мы собственными руками, сами не сознавая, соткали эту связь между собою и властью, — в этом и заключается ужас, и на это я указываю» (Вехи; Из глубины. М., 1991. С. 90).

¹⁰ Иванов-Разумник. Об интеллигенции. С. 204–205.

¹¹ Там же. С. 194.

Иванов-Разумник противопоставил свою твердую убежденность в том, что «общественного переустройства можно достигнуть только путем общественной борьбы, т.е. тем самым [...], каким шла и будет идти русская интеллигенция, каким шли и будут идти все общественно-прогрессивные группы всего мира»¹². Возражая всем авторам сборника, сформированного Гершензоном, по существу, Иванов-Разумник в то же время признает его безусловное, по-своему этапное значение, поскольку «Вехи» продемонстрировали исчерпанность и обветшалость многих догматических установлений, которые проросли в толщу русской интеллигенции и ограничили возможности ее творческого развития и самоутверждения: «С этим мещанством “интеллигенции” надо бороться всеми силами, надо не уставая поражать этот партийный догматизм, эту групповую узость и самоудовлетворенность, эту идейную консервативность, эту духовную реакционность. Это сознали кающиеся разночинцы и резко выразили в своем “сборнике [...]”; в этой резкой борьбе против “мещанства интеллигенции” — та сторона проповеди “Вех”, которая заслуживает самого серьезного внимания»¹³.

Еще одним основанием для принципиального идейного размежевания с Гершензоном стало отношение Иванова-Разумника к участию России в Первой мировой войне. В своем решительном и безапелляционном неприятии войны уже с самых первых дней ее объявления он увидел себя среди русских публицистов едва ли не в полном одиночестве; Гершензон же оказался в рядах тех представителей московского Религиозно-философского общества, которые проповедовали, по словам Иванова-Разумника в его антивоенной статье «Испытание огнем», «философско-религиозное оправдание войны, “мессианское” утверждение национализма»¹⁴. «Наивные статьи» Гершензона, в которых за военными действиями угадывается отстаивание сверхрациональных, религиозных ценностей, вызывают у Иванова-Разумника лишь горькую усмешку: «О, святая простота!» — заключает он по адресу их автора, одного из «мило-наивных людей», возмущающихся варварскими средствами ведения современных боевых действий¹⁵. Гектографированный оттиск статьи «Испытание огнем» Иванов-Разумник переслал Гершензону с надписью (29 апреля 1916 г.): «Михаилу Осиповичу Гершензону в знак полного духовного расхождения с приветом Р. Иванов»¹⁶.

¹² Там же. С. 191.

¹³ Там же. С. 215.

¹⁴ Скифы. СПб., 2018. С. 348.

¹⁵ См.: Там же. С. 350, 377.

¹⁶ РГБ. Ф. 746. Карт. 51. Ед. хр. 15; Макагонова Т.М. Дни и труды М.О. Гершензона (По материалам архива) // Записки отдела рукописей [Российской государственной библиотеки]. Вып. 50. М., 1995. С. 45.

Остро переживавшееся «духовное расхождение», впрочем, вскоре исчерпало себя в связи с решительной переменой всех исторических декораций. В первые пореволюционные годы Гершензон и Иванов-Разумник выдвинулись на авансцену литературно-общественной жизни: первый в марте 1917 г. стал одним из организаторов Всероссийского Союза писателей и какое-то время был его первым председателем, затем — членом Бюро Литературного отдела Наркомпроса (1920–1921), одним из учредителей РАХН (ГАХН) и т.д.; второй организовал литературное объединение «Скифы» и затем стал одним из учредителей петроградской Вольной Философской Ассоциации. Однако с усилением идеологической и политической экспансии большевизма обе эти фигуры — и нераскаянный «идеалист», и нераскаянный «неонародник» — становились всё более не ко двору. Гершензон успел «благополучно» скончаться в 1925 г., Иванову-Разумнику суждено было испытать все особенности неблагоприятия последующих советских лет. И обоим им было уготовано забвение — на долгие десятилетия.

Письма Иванова-Разумника к М.О. Гершензону публикуются по автографам, хранящимся в архиве Гершензона в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки (РГБ. Ф. 746. Карт. 34. Ед. хр. 2).

1

26 / IV 1907. СПб.

Многоуважаемый Михаил Осипович,
очень извиняюсь, что не мог доставить Вам обещанный «Обзор» к 25-му апр[еля], как думал раньше¹. Он у меня почти готов, но всё же осталось работы еще дня на два, так что вышло Вам его 29-го числа. Во всяком случае — крайний срок его получения Вами — 1-ое мая.

Причина задержки — глазная болезнь, помешавшая моим занятиям на целую неделю.

С искренним уважением

Р. Иванов.

СПб. Чернышев пер. д. 20, кв. 50.

Закрытое письмо — «секретка». П. шт. получения: Москва. 27.III.1907. Отправлено по адресу редакции журнала «Критическое обозрение» (Б. Никитская, д. 20, кв. 18).

¹ В неизвестном нам письме Гершензона, с которого, видимо, началось его эпистолярное общение с Ивановым-Разумником, содержалось предложение написать обзорную статью о публикациях, касающихся прошедших революционных событий, для московского критико-библиографического журнала «Критическое обозрение» (1907–1909; редактор-издатель Е.Н. Орлова). Гершензон заведовал в журнале литературным отделом. В письме к М.К. Лемке от 16 февраля 1907 г. Гершензон просил передать свою просьбу конторщикам типографии М.М. Стасюлевича сообщить ему имя и отчество, а также адрес ряда литераторов, которых он намеревался пригласить в «Критическое обозрение», в этом перечне упомянут и Иванов-Разумник (ИРЛИ. Ф. 661. Ед. хр. 311).

2

28 / IV 1907. СПб.

Многоуважаемый Михаил Осипович,
высылаю Вам сегодня заказной бандеролью свою статейку «Характер русской революции» и извиняюсь еще раз, что запоздал с ее отсылкой. Хочу кстати сказать Вам еще следующее:

1) Размер статьи 12–13 тысяч букв, т.е. несколько больше предполагавшегося. Если найдете длинным, то сокращения предоставляю сделать Вам.

2) Я получил I № «Крит[ического] Обозрения» и, судя по находящимся в нем трем «Обзорам»¹, полагаю, что моя статейка, быть может, не подойдет к «Кр[итическому] Об[озрению]» (как стоящая в общем на социалист[ической] точке зрения). Имея это в виду, я нисколько не буду в претензии, если мой «Обзор» покажется Вам неподходящим для «Кр[итического] Обозр[ения]»².

С искренним уважением

Р. Иванов.

СПб. Чернышев пер., д. 20, кв. 50.

Закрытое письмо — «секретка». П. шт. получения: Москва. 29.III.1907. Направлено по адресу редакции «Критического обозрения».

¹ Открывающая вып. 1 «Критического обозрения» (1907) рубрика «Обзоры» содержит: «Введение в философию (Обзор литературы)» Н. Виноградова (С. 3–8), «История освободительного движения в России (Обзор литературы)» В. Бочкарева (С. 9–15), «Конституционное право (Основные руководства, появившиеся за два последние года)» А. Яценко (С. 15–21). Согласно сообщению Гершензона в письме к М.К. Лемке от 20 апреля 1907 г. (ИРЛИ. Ф. 661. Ед. хр. 311), 1-й выпуск журнала вышел в свет в этот день.

² Статья Иванова-Разумника «Характер русской революции (Обзор литературы)» была помещена в «Критическом обозрении» (1907. Вып. 2. С. 10–16).

Многоуважаемый Михаил Осипович,
очень сожалею, что не могу исполнить Вашего желания — написать отзыв о «Никол[аевских] жандарм[ах]» М.К. Лемке¹; это для меня неудобно ввиду того, что М.К. принадлежит отзыв о моей «Ист[ории] русск[ой] общ[ественной] мысли»²: могут подумать, что «кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку»...³

Высылаю Вам одновременно с этим две мои только что вышедшие книги⁴.

С искренним уважением

Р. Иванов.

Царское Село. Колпинская ул., д[ом] Кучумова.

Открытка. П. шт.: Петербург. 14.10.07; Москва. 15.10.07. Отправлено по адресу: Поварская, Борисоглебский пер., дом Балашевой.

¹ Книга «Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. По подлинным делам Третьего Отделения Соб. Е.И.В. Канцелярии» (СПб.: Изд. С.В. Бунина, 1908) историка и публициста Михаила Константиновича Лемке (1872–1923). О своем намерении обратиться к Иванову-Разумнику с просьбой написать для «Критического обозрения» рецензию на эту книгу Гершензон сообщил Лемке в письме от 23 сентября 1907 г. (ИРЛИ. Ф. 661. Ед. хр. 311).

² Книга Иванова-Разумника «История русской общественной мысли: Индивидуализм и мешанство в русской литературе и жизни XIX в.» (Т. 1–2. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1907) вышла в свет в октябре 1906 г. (тираж 3000 экз.) при активном содействии Лемке (см.: Иванов-Разумник в начале литературной жизни (Письма к А.Н. Римскому-Корсакову 1902–1906 гг.) / Публ. А.В. Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2016 год. СПб., 2017. С. 348–349), он же опубликовал рецензию на книгу, расценив ее как «весьма крупный историко-литературный факт» (Книга. 1906. № 2, 9 нояб. С. 20). Упомянув Иванова-Разумника в письме к Гершензону от 1 декабря 1906 г., Лемке отмечал: «...хочу обратить внимание на нового серьезного историка мысли» (РГБ. Ф. 746. Карт. 36. Ед. хр. 19).

³ Заключительные строки басни И.А. Крылова «Кукушка и Петух» (Басни, кн. 9, X). Ту же басню упоминает Лемке в письме к Гершензону от 24 сентября 1907 г., говоря об Иванове-Разумнике как о возможном рецензенте «Николаевских жандармов...»: «Книга моя выйдет к 1 числу. Иванов вряд ли будет писать отзыв, потому что иначе дело будет похоже на басню: “Кукушка и петух”...» (РГБ. Ф. 746. Карт. 36. Ед. хр. 20). В результате в «Критическом обозрении» была помещена рецензия на «Николаевских жандармов...» В.Е. Чешихина-Ветринского (1907. Вып. 5. С. 39–41). Рецензию на книгу Лемке написал также сам Гершензон (см.: Вестник Европы. 1908. № 1. С. 368–371. Без подписи). 20 ноября 1907 г. Гершензон извещал Лемке: «О “Жандармах” пишет Ветринский, должен доставить мне рецензию к 25-му; это для “Крит[ического] Об[озрения]”. Для В[естника] Евр[опы] исподволь сам читаю их и теперь буду писать, т.е. для января» (ИРЛИ. Ф. 661. Ед. хр. 311).

⁴ В октябре 1907 г. вышло в свет 2-е издание «Истории русской общественной мысли» (Т. 1–2. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1908) тиражом 6000 экз.

4

Многоуважаемый Михаил Осипович,
отзыв о книге Кульчицкого («Ист[ория] р[усского] р[еволюционного] дв[ижения]»)¹ могу доставить Вам не раньше 15-го ноября; если это слишком поздно, то Вы еще успеете черкнуть мне об этом и передать книгу на рецензию кому-нибудь другому. Извиняюсь за еще недоставленные Вам мои книги; мой переезд из СПб. в Царское² выбил меня на две-три недели из колеи. Отправляю эти книги сегодня и прошу их принять от меня в знак моего искреннего к Вам уважения.

Ваш Р. Иванов.

31 X 1907.

Царское Село. Колпинская ул., д[ом] Кучумова, кв. № 2.

Открытка. П. шт.: Петербург. 31.10.07; Москва. 1.XI.1907. Отправлено по прежнему адресу.

¹ «История русского революционного движения» (Перевод с рукописи, переработанный автором для русского издания. СПб.: Изд. О.С. Иодко, 1908) Людвика (Людвига Станиславовича) Кульчицкого (Kulczycki; 1866–1941), польского революционера, социолога, публициста и политического деятеля; издана в польском оригинале в 1905 г.

² Переезд Иванова-Разумника из отцовской петербургской квартиры в Царское Село по адресу, впервые указанному в п. 3, состоялся в октябре 1907 г. По указанному адресу Иванов-Разумник с семьей прожил двадцать два года, после чего в октябре 1929 г. был выселен согласно распоряжению местных властей (см.: Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ. А.В. Лаврова и Дж. Мальмстада. СПб., 1998. С. 659).

5

8 XI 1907.

Царское Село. Колпинская ул., д[ом] Кучумова, кв. 2.

Многоуважаемый Михаил Осипович,
рецензия на книгу Кульчицкого отослана мною Вам вчера¹. На днях получил Вашу книгу, за которую очень благодарю².

С искренним уважением

Р. Иванов.

Открытка. П. шт.: Петербург. 9.11.07; Москва. 10.XI.07. Отправлено по прежнему адресу.

¹ Рецензия Иванова-Разумника на эту книгу (см. п. 4, примеч. 1) была опубликована в «Критическом обозрении» (1907. Вып. 5. С. 46–48).

² Речь идет о книге Гершензона «П.Я. Чаадаев. Жизнь и мышление» (СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1908). Она была отпечатана в середине октября 1907 г.; Гершензон, согласно сообщению в его письме к Лемке от 28 октября 1907 г. (ИРЛИ. Ф. 661. Ед. хр. 311), получил авторские экземпляры накануне. Ср. письмо А.М. Ремизова к Гершензону от 18 ноября / 1 декабря 1907 г.: «Спасибо Вам за Чаадаева. Получил недели две назад [...]» (*Гершензон М.* «Узнать и полюбить»: Из переписки 1893–1925 годов / Сост. Е.Ю. Литвин. М.; СПб., 2016. С. 312).

6

2 янв[аря] 1908 г.

Многоуважаемый Михаил Осипович!

Не пригодится ли для «Крит[ического] Обзор[ения]» прилагаемая мною при этом рецензия?¹ Если она по тем или иным причинам окажется ненужной, то попрошу Вас отправить ее в сорную корзину.

Кстати, хотел Вас просить — нельзя ли выслать мне «Крит[ическое] Обзор[ение]» по моему нижеуказанному адресу; мой бывший петербургский адрес с нового года не действителен.

С искренним уважением

Р. Иванов.

Царское Село (Пет[ербургской] губ[ернии]).

Колпинская ул., д[ом] Кучумова, кв. 2.

¹ Видимо, вместе с письмом Иванов-Разумник отослал рукопись своей рецензии на книгу: *Слобожанин М.* [Максимов Е.Д.] На культурной работе: Очерки и воспоминания. СПб.: Общественная польза, 1908. Она была опубликована в «Критическом обозрении» (1908. Вып. 3. С. 78–80). Автор рецензируемой книги — Евгений Дмитриевич Максимов (1858–1927), экономист и публицист, теоретик и практик земского движения и кооперации, приверженец народнических идей; отец историков русской литературы В.Е. Евгеньева-Максимова и Д.Е. Максимова. В архиве Иванова-Разумника сохранилось письмо Е.Д. Максимова к нему от 22 сентября 1910 г. (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 294). В письме к жене от 19 августа 1908 г. Иванов-Разумник характеризует его так: «Евгений Дмитриевич Максимов — дворянин, действительный статский советник, председатель правления русского торгово-промышленного банка» (Там же. Ед. хр. 198. Л. 105 об.).

7

21– X–1909.

Царское Село.

Многоуважаемый Михаил Осипович,

спасибо Вам за «Исторические Записки», полученные мною на днях¹; вероятно, Вы уже получили мои книги из склада Стасюлевича². Хотя Вы меня очень не одобряете в Вашей книге³, а я в своих — очень резко полемизирую с Вами⁴, однако мы обмениваемся нашими книгами. Это

хороший знак. Это показывает, что ни Вы, ни я — не подвергаем сомнению *искренности убеждения* друг друга, а это — самое главное.

Искренне уважающий

Р. Иванов.

¹ Книга Гершензона «Исторические записки (о русском обществе)» (М., 1910) вышла в свет в октябре 1909 г., была издана журналом «Критическое обозрение». Об отсылке книги Иванову-Разумнику Гершензон упоминает в письме к М. К. Лемке от 19 октября 1909 г. (ИРЛИ. Ф. 661. Ед. хр. 312).

² В типографии М. М. Стасюлевича были отпечатаны книги Иванова-Разумника «Об интеллигенции: Что такое махаевщина. Кающиеся разночинцы» (2-е изд. СПб., 1910), «О смысле жизни: Ф. Сологуб, Л. Андреев, Л. Шестов» (2-е изд. СПб., 1910) и сборник статей «Литература и общественность» (СПб., 1910). Ср. замечание в письме Гершензона к Лемке от 15 октября 1909 г.: «Вижу, что Ив[анов]-Разумник выпустил у Вас две книги; очень интересуюсь, — он верно пришлет» (ИРЛИ. Ф. 661. Ед. хр. 312).

³ В «Исторических записках» Гершензона «История русской общественной мысли» Иванова-Разумника оценивается как книга «талантливая и во многом замечательная», но дающая заведомо предвзятую интерпретацию «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголя: «Чудовищное искажение Гоголевских мыслей и слов, оторванных от своего корня и грубо истолкованных, в конце концов должно вызвать в читателе определенное представление о книге Гоголя, как об отвратительной смеси ханжества и лжи, пошлости и бессердечия» (Гершензон М. Избранное. Т. 3: Образы прошлого. М.; Иерусалим, 2000. С. 490, 491).

⁴ Подразумеваются критико-полемические положения, направленные по адресу сборника «Вехи», во вступительной части статьи «Жизнь и теории (Что думает “народ”?)» в сборнике «Литература и общественность» (С. 45–46) и развернутая оценка «Вех» в статье «Что такое “кающиеся разночинцы”? К вопросу о “Вехах”» (Об интеллигенции. С. 161–220). Подробнее см. в предисловии к публикации.

8

26 II 1911.

Многоуважаемый Михаил Осипович,

в день отъезда из Москвы я телефонировал Вам, почему мне и Пришвину не удалось побывать у Вас вторично¹. — Быть может, я попаду еще в Москву в марте — тогда увидимся. — По Вашему совету я отправил №№ «Историко-Литерат[урной] Библ[иотеки]» к Сытину², с письмом, в коем предлагал ему это издание. Ответа не имею, а вторично писать ему не намерен. Если не ошибаюсь, Вы имеете случаи видеться с ним; не будете ли Вы в таком случае любезны спросить его об этом деле? Очень меня этим обяжете.

Если соберетесь в СПб., то не пропустите «по дороге» Царского Села.

Искренне уважающий

Раз. Иванов.

Ц[арское] С[ело]. Колпинская, 20.

¹ Иванов-Разумник приезжал в Москву, видимо, во второй половине февраля 1911 г. (в первую декаду февраля он общался с Гершензоном во время его пребывания в Петербурге). С Михаилом Михайловичем Пришвиным (1873–1954) Иванов-Разумник познакомился через А.М. Ремизова, видимо, в 1909 г. (см.: Письма М.М. Пришвина к А.М. Ремизову / Публ. Е.Р. Обатниной // Русская литература. 1995. № 3. С. 158–161, 172–173); он высоко оценил ранние книги Пришвина (в частности в статье «Великий Пан», опубликованной в газете «Речь» 24 января 1911 г.).

² Иван Дмитриевич Сытин (1851–1934) — основатель (в 1883 г.) московского издательского товарищества «И.Д. Сытин и К^о», выпускавшего к 1914 г. четверть книжной продукции России. См.: *Динерштейн Е.А.* Иван Дмитриевич Сытин и его дело. М., 2003. «Историко-литературная библиотека» — массовая книжная серия, издававшаяся в Петербурге типографией М.М. Стасюлевича. В 1911–1913 гг. в ней были выпущены в свет под редакцией, со статьями и примечаниями Иванова-Разумника «Стихотворения» Г.Р. Державина (№ 12), «Поэмы» (№ 38) и «Евгений Онегин» А.С. Пушкина (№ 39), статьи В.Г. Белинского (№ 72–77).

9

Ц[арское] С[ело]. 19 — III — 1911.

Многоуважаемый Михаил Осипович,

спасибо Вам за хлопоты¹. От Сытина никакого ответа не имею; если спросите «старика» — буду благодарен. — Взял у Ремизова на прочтение полученный им от Вас листок с гекзаметрами²; вещь потрясающая простотой, верой и силой. Кстати о Ремизове: а насчет «Рождества» прав-то был я. Рассказ принят в «Русск[ие] Вед[омости]», но напечатан будет только 25 декабря; гонорар же за него предлагают выдать авансом немедленно³. — Черкните мне Ваше мнение о моей второй статье о Мережковском, которая скоро появится в «Русск[их] Ведомостях»⁴.

Ваш Р. Иванов.

Открытка. П. шт. получения: Москва. 20.3.11. Отправлено по адресу: Арбат, Никольский пер., д. 13.

¹ Вероятно, речь идет о посредничестве в переговорах с И.Д. Сытиным. Ранее в его типографии печатался журнал «Критическое обозрение», а в его издательстве вышла книга Гершензона «История молодой России» (М., 1908).

² Подразумевается некий «текст греческий» (за него Ремизов благодарил Гершензона в письме от 12 марта 1911 г.; см.: *Гершензон М.* «Узнать и полюбить». С. 317), отправленный Гершензоном Ремизову в письме от 3 марта 1911 г. с пояснением: «... вложена бумага, это я переписал для Вас всех, — и для Раз[умника] В[асильевича] и Мих[аила] Мих[айловича]; я им говорил здесь об этом. Русский перевод — для дам, а Вы читайте по-гречески. Тут всё дело в музыке чувств и слов, а в переводе — только глубокомыслие» (Там же. С. 315). Излагая в письме к жене от

4–5 марта 1911 г. содержание этого письма Гершензона, Ремизов о присланном при нем рукописном тексте не упоминает (см.: На вечерней заре. Письма А.М. Ремизова С.П. Ремизовой-Довгелло: 1911 год / Публ. Е.Р. Обатниной и А.С. Урупинной // Русская литература. 2018. № 1. С. 199).

³ Имеется в виду «Рождество Христово. Отреченная повесть» Ремизова. 12 марта 1911 г. Ремизов писал Гершензону: «Отреченную повесть о Рождестве в Р[усских] в[едомостях] соглашаются напечатать только на Рождество. Придется взять назад. Повесть эта должна занять место в Лимонаре» (Там же. С. 317). Иванов-Разумник содействовал публикации «Рождества Христова» через сотрудника редакции газеты И.Н. Игнатова; 15 апреля 1911 г. он писал Ремизову: «...я сообщаю Вам, что гонорар из “Русск[их] Вед[омостей]” Вы получите на днях, а Вы хотите получить обратно “Рождество”. — Конечно, взять следует — по причинам экономическим; но тут уж Вы действуйте сами: мне неловко перед Игнатовым. [...] Так мол и так — нужна рукопись обратно, а я-де пришла Вам к декабрю другую вещь, тоже-де очень хорошую...» (Письма Р.В. Иванова-Разумника к А.М. Ремизову (1908–1944 гг.) / Публ. Е. Обатниной, В.Г. Белоуса и Ж. Шерона // Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре: Публикации и исследования. Вып. II. СПб., [1998]. С. 49). Видимо, Ремизов не согласился на предложенную комбинацию. «Рождество Христово» впервые увидело свет в рождественском номере «Русских ведомостей» за 1911 г. (№ 297, 25 дек.), а том «Сочинений» Ремизова, включающий цикл «Лимонарь: Луг духовный», завершаемый этим произведением, вышел в свет в петербургском издательстве «Шиповник» в 1912 г. (Т. 7. Отреченные повести). В книгу Ремизова «Звезда надзвездная. Stella Maria Maris» (Paris: YMCA-Press, 1928) вошло под заглавием «Рождество». См.: *Ремизов А.М.* Собр. соч.: Звезда надзвездная. СПб., 2018. С. 47–60.

⁴ Статья Иванова-Разумника «Мертвое мастерство (Д. Мережковский)» была опубликована в «Русских ведомостях» 27 марта 1911 г. (№ 70), ей предшествовала статья «Пастырь без стада (Д. Мережковский)», опубликованная там же 6 марта 1911 г. (№ 53). В книге Иванова-Разумника «Творчество и критика» они объединены в одну статью под заглавием «Мертвое мастерство (Д. Мережковский)» (СПб.: Прометей, 1912. С. 110–179).

10

4 апреля 1911.

Царское Село. Колпинская, 20.

Многоуважаемый Михаил Осипович,

очень Вы меня сконфузили Вашим письмом; я и не подозревал, что доставлю Вам столько телефонных хлопот своей просьбой¹. Большие извинения и большое спасибо; если Сытин пожелает вести переговоры об этом издании — буду рад; но вряд ли тут поможет мне М.К., который, по-видимому, не хотел бы упускать эту «Ист[орико]-лит[ературную] библиотеку» из своих рук, т[ак] к[ак] идет она очень хорошо². Во всяком случае — еще раз приношу Вам благодарность и извинения.

Главу о 20–30-х гг. в III изд[ании] «Ист[ории] р[усской] общ[ественной] м[ысли]»³ читать Вам не советую: она элементарна, да к тому же и не нова (взята в значительной части из 4 вып[уска] «Ист[ории] р[усской] лит[ературы]» изд-ва «Мир») ⁴. — Что касается Мережковского⁵ — Вы

знаете, что я долго колебался именно в вопросе *нравственного права*, но все-таки решился написать и не раскаиваюсь: *dura veritas, sed veritas**. — Розанов в «Нов[ом] Времени» по поводу моих статей о М[ережковск] ом написал премилую статейку, проникнутую презрением ко мне⁶; но о Мережковском и он повторяет буквально то же самое по существу.

Пришвин давно уже уехал — куда-то на Оку⁷; мы с Ремизовым собираемся устроиться на лето вместе — где-нибудь на Волге⁸. — До того времени, вероятно, увидимся — т[ак] к[ак] я приеду в Москву в мае — говорить о Белинском на заседании О[бщест]ва Люб[ителей] Росс[ийской] Слов[есности]⁹. — Если Вы раньше этого снова соберетесь в Петербург — не забудьте о Царском Селе.

Всего лучшего.

Ваш Р. Иванов.

¹ См. примеч. 1 к п. 9.

² Имеется в виду М.К. Лемке, управлявший типографией и книжным складом М.М. Стасюлевича; книги серии ««Историко-литературная библиотека» печатались в типографии Стасюлевича.

³ 3-е, дополненное издание «Истории русской общественной мысли» Иванова-Разумника вышло в свет в 1911 г.

⁴ Имеется в виду «История русской литературы XIX в.» под редакцией Д.Н. Овсяннико-Куликовского (Т. I–V. М.: Мир, 1908–1909).

⁵ Подразумеваются статьи Иванова-Разумника о Мережковском, опубликованные в «Русских ведомостях» (см. примеч. 4 к п. 9).

⁶ В статье «И шутя, и серьезно...» (Новое время. 1911. № 12590, 31 марта) В.В. Розанов характеризует выступления Иванова-Разумника по адресу Мережковского преимущественно в ироническом плане: «“Иванову-Разумнику” на роду написано: 1) быть литератором, 2) очень рассудительным, почти умным и 3) не иметь ни капли поэтического чувства»; «...весь “разбор-разнос” г. Иванова-Разумника в высшей степени основателен, “научен”, доказателен. Прямо наконец — он справедлив»; «Иванов-Разумник написал однобокую статью, которая, будучи столь истинною и в то же время глубоко ошибочна, и есть почти клевета или памфлет» (Розанов В.В. Собр. соч.: О писательстве и писателях. М., 1995. С. 498, 499–500).

⁷ В марте — апреле 1911 г. Пришвин жил в Жабыни близ города Белёва (Тульской губернии) на Оке. См. его дневниковые записи, относящиеся к этому времени (13 марта — 8 июня): *Пришвин М.М. Ранний дневник*. СПб., 2007. С. 419–463.

⁸ Нереализованное намерение.

⁹ 30 мая 1911 г. исполнилось 100 лет со дня рождения В.Г. Белинского. К этому юбилею приурочена статья Иванова-Разумника «Великий искатель. В.Г. Белинский. 1811–1911» (Русское богатство. 1911. № 5. Отд. I. С. 145–175). В том же году под

* Сулова истина, но это — истина (*лат.*).

редакцией Иванова-Разумника, с его вступительными заметками, примечаниями, историко-критическим и биографическим очерком было выпущено в свет юбилейное издание — Собрание сочинений Белинского в трех томах (СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича). В дни празднования юбилея Белинского в «Русских ведомостях» были напечатаны три работы Иванова-Разумника: «Неизвестная статья Белинского» (№ 122, 29 мая) — об опубликованной анонимно в «Отечественных записках» (1842) статье о книге Ф. Лоренца «Руководство по всеобщей истории», «Дома Белинского в Москве и Петербурге» (Там же. Подпись: И.-Р.), «Белинский и Бакунин в 1840 году (Неизданные письма Белинского)» (№ 124, 1 июня).

11

4[17] июля 1911 г. Финляндия. *Териоки*.

Новые Места, дача Калачевой № 4.

Многоуважаемый Михаил Осипович,

Вы мне писали 7 июня, а я отвечаю Вам только через месяц, так как только теперь получил Ваше письмо, съездив на два-три дня в Царское Село. Я устроился по-дикому: не распорядился пересылать мне письма в Териоки, где я живу это лето¹.

Поручения Ваши остались поэтому невыполненными — очень досадую; я бы устроил Вам это легко. Если не поздно — можно и теперь: все указанные три книги Вы найдете в конторе типографии Стасюлевича, у М. К. Лемке — до 15 июля (потом он уезжает). Я уже написал ему об этом². Хотя на этот раз мне и не пришлось помочь Вам в «библиотечном деле», но все же хочу сказать Вам, что впредь надеюсь быть Вам более полезным, если случится. Обращайтесь без церемонии. Кстати, я буду в СПб. между 14 и 16 июля. Не нужно ли чего?

Живем мы близко друг от друга — но это близость локтя: залив разделяет³. Быть может, соберетесь в Териоки погостить несколько дней? Рад буду Вас видеть, комната готова. Через неделю или полторы приедет ко мне сюда жить Ремизов — прямо из Парижа⁴; несколько позднее жду Пришвина (он теперь на Оке, в деревне)⁵; вот бы все вместе и съехались.

Посылаю Вам оттиск из «Р[усского] Б[огатства]» — статью о Белинском, сплошь одни цитаты⁶. Есть удивительные. Место о Пушкине, поразившее Вас, поразило меня не менее; и я готов видеть в этом изумительнейшем проникновении одну из вершин всей русской критики. В нескольких строках — вся поэзия Пушкина, до дна⁷.

С Историко-Лит[ературной] Библ[иотекой] никак не устроился, печатаю очередные №№ по-прежнему у Стасюлевича. Письма Белинского собирается издать некий Бухштаб (кажется так, — московский житель); по-видимому, издание будет неполное, с купюрами⁸. Кстати: в оттиске надписываю Вам (по памяти) все измененные слова.

Всего лучшего, и до свидания.

Ваш Р. Иванов.

¹ Ср. сообщение в письме Иванова-Разумника к Ремизову от 3/16 июня 1911 г.: «Вот уже неделя, как мы в Териоках: дачка милая и уединенная, хотя и близко от моря» (Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре: Публикации и исследования. Вып. II. С. 54).

² В тот же день Иванов-Разумник передал в письме к М.К. Лемке просьбу Гершензона («который обратился [...] ко мне, не найдя Вас в Петербурге во второй половине июня»): «Он просит добыть ему из Академической библиотеки три книги: 1) Степанов — “Енисейская губерния”, 2 тома. 2) Записки декабриста Розена (ред[акция] Щеголева). 3) Отчет Имп[ераторской] Публ[ичной] Библ[иотеки] за 1892 год. Книги эти он через две недели “аккуратно пришлет назад в посылке”» (ИРЛИ. Ф. 661. Ед. хр. 471. Л. 31). Упомянуты книги «Енисейская губерния» (Ч. 1–2. СПб., 1835) А.П. Степанова и «Записки декабриста А.Е. Розена» (Ред. П.Е. Щеголева. СПб., 1907). 7 июля 1911 г. Гершензон сообщал Лемке из Силламяг: «Пишет мне Раз[умник] Вас[ильевич], что Вы 15-го уезжаете. Куда? отдохнуть? [...] Раз[умник] Вас[ильевич] писал Вам насчет книг, о которых я его просил, а 14-го Вы его увидите; итак, прошу Вас: если книги добыты, велите, пожалуйста, за мой счет выслать их мне сюда, именно: *Записки Розена и Степанов* [...], а Отчета Публ[ичной] библ[иотеки] уже не надо, — я его выписал за деньги» (ИРЛИ. Ф. 661. Ед. хр. 313).

³ Лето 1911 г. (со второй половины мая до конца августа) Гершензон проводил на южном берегу Финского залива — в Силламягах Эстляндской губернии, на одной из дач барона Штакельберга.

⁴ Ремизов проживал в Париже с 22 апреля / 5 мая по 21 июня / 4 июля. В Териоки он приезжал, согласно его свидетельствам, 17 июля и 23–24 июля ст. ст. 1911 г. (РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 3. Л. 15).

⁵ См. п. 10, примеч. 7.

⁶ См. примеч. 9 к п. 10. Статья построена главным образом на материале неизданных к тому времени писем Белинского.

⁷ Видимо, в несохранившемся письме к Иванову-Разумнику от 7 июня 1911 г. Гершензон привел слова Белинского о Пушкине — не исключено, что ту общую характеристику поэта в статье пятой «Сочинения Александра Пушкина», которой открывается его очерк «Мудрость Пушкина» (1917). См.: *Гершензон М. Избранное*. Т. I: Мудрость Пушкина. М.; Иерусалим, 2000. С. 9–10.

⁸ Это издание не состоялось. Письма Белинского в трех томах (редакция и примечания Е.А. Ляцкого) были выпущены в свет в 1914 г. петербургским акционерным издательским обществом «Огни».

Многоуважаемый Михаил Осипович,
письмо Ваше на имя М. К. Лемке, для меня, переслано мне только теперь, т[ак] к[ак] М. К. уже 13 июля уехал до 1 августа в деревню. Книги для Вас он, как говорил мне, взял и собирался послать¹; если он не успел этого сделать, то напомните об этом его заместителю — Ивану Николаевичу Литенину, фактору типографии, — он Вам вышлет. Сам я не буду в Петербурге еще долго. — В середине августа собираюсь в Крым на два-три месяца²; проездом через Москву обратно, быть может, побываю у Вас. Ремизов приехал — и снова уехал в Новгород, на съезд³.

Наконец-то мы греемся после холодов! Да уж наше северное лето...
Всего лучшего.

Ваш Р. Иванов.

¹ См. п. 11, примеч. 2.

² Иванов-Разумник прожил в Крыму (Артек) с сентября до середины декабря 1911 г. В ответ на запрос Гершензона об адресе Иванова-Разумника Ремизов сообщал 10 ноября 1911 г.: «Ив[анов]-Разумн[ик] 15 XII вернется в Царское Село. А теперь его адрес: Крым, Гурзуф, Артек» (*Гершензон М. «Узнать и полюбить»*. С. 321).

³ См. примеч. 4 к п. 11. Имеется в виду XV археологический съезд, открывшийся 22 июля 1911 г. в зале Новгородской мужской гимназии; в его работе участвовали многие видные российские ученые, а также более 200 депутатов от общественных учреждений и лиц, записавшихся в участники съезда. Съезд закрылся 4 августа. См. репортажи о работе съезда в газете «Новгородская жизнь» (1911. № 261, 24 июля. С. 1–8; № 262, 27 июля. С. 3–6; № 263, 31 июля. С. 2–5; № 264, 3 авг. С. 2; № 265, 7 авг. С. 2–4). К работе Археологического съезда была приурочена выставка, на которой экспонировались «древности первобытные и древности исторические до 1825 года включительно» из многочисленных частных коллекций (К предстоящей археологической выставке // Там же. 1911. № 260, 20 июля. С. 2–3).

21 ноября 1912.

Даже не извиняюсь пред Вами, Михаил Осипович, за то, что молчал две недели, не отвечая на Ваше письмо: писем 20–30 лежат на моем столе, и на каждое я уже давно должен бы был ответить! Ноябрьский №-р журнала не давал мне ни отдыха, ни срока¹. Теперь он готов, и я недели на полторы-две свободнее. Кстати, обратите внимание на этот №-р: — это первый, к которому я руку приложил. Сообщите откровенное мнение — особенно если минусы заметите.

Теперь о деле Вашем — насчет писем Герцена и Огарева². Я недавно узнал, что Ляцкие сердиты на меня (за то, что в статьях своих я писал —

и справедливо, — что *мне* удалось случайно найти в архиве Пыпина то-то и то-то)³. Так что помощь моя Вам в этом деле неосуществима.

Рецензия Ваша очень мне понравилась; но все же я отослал ее «Dahin», чтобы не вышло недоразумений с остальной редакцией⁴. Получу ее к 1-му декабря.

Посылаю проспект на 1913 г.; — кажется, ничего? — № 7-ой конфискован и привлечен по 129 статье (за Суханова) и 73-ей (за «Владыку»)⁵.

Вероятно, через неделю увидимся: собираемся в Москву с Варварой Николаевной⁶, — побываем у Вас. Привет Вашей супруге⁷, жму Вашу руку.

Р. Иванов.

Написано на бланке редакции журнала «Заветы» (Петербург, Косой пер., д. 11).

¹ Ежемесячный литературный и общественно-политический журнал «Заветы» (левонароднический по направлению и эсеровский по политической ориентации) был начат изданием в Петербурге (под редакцией В.М. Чернова и В.С. Миролюбова) в апреле 1912 г. Иванов-Разумник вошел в круг руководителей журнала в сентябре того же года — по договоренности с Черновым в ходе общения с ним в июне 1912 г. (ср. сообщение в письме Иванова-Разумника к М.К. Лемке из Коппе от 4/17 июня 1912 г.: «...только что приехал я в Швейцарию — а то всё время сидел у Чернова и говорил с ним о журнале» // ИРЛИ. Ф. 661. Ед. хр. 471), — стал заведовать литературно-критическим отделом. См.: Литературно-критические выступления Р.В. Иванова-Разумника в журнале «Заветы» / Сост. Н.В. Новикова. Саратов, 2007.

² Запрос Гершензона, безусловно, был связан с подготовкой им к печати архивных и новонайденных материалов о Герцене и Огареве, которые были опубликованы в 1913 г. в «Голосе минувшего» (Новые материалы о М.А. Бакуanine и А.И. Герцене // № 1. С. 185–189; Н.П. Огарев // № 2. С. 230–234; О способе распространения «Колокола» // № 5. С. 234–236; Письма А.И. Герцена к Н.П. Огареву // № 7. С. 190–198; Неизданные материалы о Н.П. Огареве // № 11. С. 205–209).

³ Историк русской литературы, этнограф, фольклорист и литературный критик Евгений Александрович Ляцкий (1868–1942) был женат на Вере Александровне Пыпиной (1864–1930), старшей дочери историка литературы и общественной мысли Александра Николаевича Пыпина (1833–1904) — двоюродного брата Н.Г. Чернышевского и хранителя его архива, а также держателя многих других архивных материалов. Иванов-Разумник работал с материалами из собрания Пыпина и в своих публикациях приносил «глубокую благодарность наследникам А.Н. Пыпина, любезно разрешившим [...] изучить неизданные еще письма Белинского, собранные А.Н. Пыпиным и хранящиеся в его архиве» (Великий искатель. В.Г. Белинский. 1811–1911 // Русское богатство. 1911. № 5. Отд. I. С. 146; Неизвестная статья Белинского // Русские ведомости. 1911. № 122, 29 мая); аналогичная благодарность — за использование неизданных писем Герцена по спискам Пыпина (Драмы Герцена // Русское богатство. 1912. № 3. Отд. I. С. 225–248). Как выясняется из письма Гершензона к Ляцкому от 27 мая 1912 г., Иванов-Разумник показывал ему «тетрадь копий» с письмами Герцена из собрания Пыпина (см.: Гершензон М. «Пусть меня судят по моим писаниям...»: Из переписки 1904–1925 годов. М.; СПб., 2018. С. 455.

Публ. Л. Л. Тумаринсона). Казус, на который здесь намекает Иванов-Разумник, был в подробностях ранее изложен Ляцким в письме к Гершензону от 7 июня 1912 г. и затрагивал статью Иванова-Разумника «Неизвестная повесть Герцена (А. И. Герцен и П. П. Медведева)» (Русское Богатство. 1912. № 5. Отд. I. С. 232–256): «Раз[умник] Вас[ильевич] в последней статье своей в “Рус[ском] Бог[атстве]”, говоря о повести Герцена “Там”, выразился неточно: “Наконец нам удалось [...] найти в бумагах А. И. Пыпина считающуюся утерянной повесть Герцена “Там”. Неточность двойная [...] выходит так, будто я предоставил Раз[умнику] В[асильевичу], без ведома наследников Пыпина, право искать и производить открытия в бумагах Пыпина, на что я полномочий не имел. В действительности, на *определенный* запрос Раз[умника] Вас[ильевича] о материалах по Белинскому и Герцену ему были предоставлены *определенные* тетради, и он поступил совершенно корректно, осведомив чрез меня наследников Пыпина о сделанных им извлечениях. Вторая неточность заключается в том, что Раз[умник] Вас[ильевич] не указал, что в бумагах Пыпина оказался лишь *список* повести, а не оригинал, которого нет. [...] после этого случая наследники Пыпина решили не предоставлять материалов для пользования никому и приступить самим к их изданию» (*Гершензон М.* «Пусть меня судят по моим писаниям...» С. 457. Упомянутая повесть Герцена ныне печатается под окончательным названием «Елена», см.: *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1954. Т. 1. С. 139–169).

⁴ Слово “dahin” (*нем.* туда) подразумевает здесь отправку за границу, к редактору «Заветов» Чернову в Италию. Рецензия Гершензона в «Заветах» не появилась (см. п. 15, 16).

⁵ В № 7 (октябрьском) «Заветов» за 1912 г. были помещены статья публициста и политического деятеля (в 1910-е гг. внефракционного социал-демократа) Николая Николаевича Суханова (наст. фам. Гиммер; 1882–1940) «По вопросам наших разногласий» (Отд. II. С. 1–45) и повесть прозаика и драматурга Константина Андреевича Тренева «Владыка» (Отд. I. С. 49–105). Статья 129 Уголовного уложения предполагала наказание виновного за призывы «1) к учинению бунтовщического или изменнического деяния; 2) к ниспровержению существующего в государстве общественного строя; 3) к неповиновению или противодействию закону [...]»; статья 73 — наказание виновного в богохулении, «в поношении Священного Писания, или церкви православной и ее догматов, или вообще веры христианской» (Новое уголовное уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб., 1903. С. 44, 26).

⁶ В. Н. Иванова (урожд. Оттенберг; 1881–1946) — жена Иванова-Разумника.

⁷ Мария Борисовна Гершензон (урожд. Гольденвейзер; 1873–1940).

14

18 декабря 1912.

Дорогой Михаил Осипович,
спасибо за милое письмо, и простите, что пишу ответ на сухом редакторском бланке. Но кстати и письмо Ваше «Заветов» касалось. Рад, что во многом схожусь с Вами — во взглядах на Тренева, Суханова, Дермана, Вольного, Бисер Малый¹. На днях получите 9-ую книжку; в ней есть кое-что интересное (но 8-ая была лучше и цельнее).

Что касается «Черной России»², то мой ответ на Ваше сегодняшнее письмо уже напечатан в 9-ой книжке журнала³. В новой своей статье

я как раз пишу о Староколенном, окончившем гимназию и прошедшем даже через верхи европейской культуры⁴. Что получилось — увидите. На вопрос же Ваш, — что надо Староколенному? — я отвечу двояко, ибо раздвоюю вопрос. Что нужно Староколенному? — Ему нужна та *трагедия* духа (а не драма), которая лишь одна делает человека — человеком. Но что нужно Староколенным? Им нужна, по Вашему выражению, «гимназия» — я ни на минуту не побоюсь «плоскости» такого ответа. Но всё ли это? Конечно нет, ибо oprичь всяческих «гимназий» должны пройти они (каждый из них) и через человеческую трагедию. Но бывает и так: все гимназии и университеты окончены, а всё с жерновами стопудовыми остаются. И тогда *в этом* — их трагедия. Пояснять не буду — пришло Вам № 9 «Заветов». (Там же и о Гончарове прочтете⁵).

Утешьте меня — напишите мне хорошее о «Градах и Весах» Пришвина⁶. Ведь они — лучшая статья 8-ой книжки. —

Шлем, Варвара Николаевна и я, сердечный привет Вашей жене и Вам; с удовольствием вспоминаем вечер, проведенный в Вашей уютной квартире. Славных Сережу и Наташу⁷ поцелуйте от нас.

Ваш Р. Иванов.

Написано на бланке редакции журнала «Заветы».

¹ Речь идет о публикациях в «Заветах» в 1912 г. См. примеч. 5 к п. 13, а также статью Ник. Суханова «По вопросам наших разногласий» в сентябрьском номере (№ 6. Отд. II. С. 1–23) и пьесе К. Тренева «Дорогини» в июньском номере (№ 3. Отд. I. С. 81–124). Прозаик и критик Абрам Борисович Дерман (1880–1952) опубликовал статьи «Джэк Лондон» (№ 7. Отд. II. С. 125–130) и «О центральной идее Л.Н. Толстого» (№ 8. Отд. II. С. 59–72). Под псевдонимом И. Вольный в «Заветах» печаталась «Повесть о днях моей жизни, радостях моих и злоключениях» (№ 1–4, 6, 8, 9) прозаика Ивана Егоровича Вольнова (1885–1931), публикация была завершена в журнале в 1913–1914 гг. «Бисер Малый: От словес Дебренского старца» — цикл миниатюр А.М. Ремизова (№ 8. Отд. I. С. 42–60).

² Статья Иванова-Разумника «Черная Россия (“Пятая язва” и “Никон Староколенный”»)» (Заветы. 1912. № 8. Отд. II. С. 68–97), построенная на анализе двух произведений, упомянутых в подзаголовке, соответственно, Ремизова и Пришвина; вошла в книгу Иванова-Разумника «Заветное. О культурной традиции. I. Черная Россия: Статьи 1912–1913 гг.» (Пб.: Эпоха, 1922).

³ Имеется в виду статья Иванова-Разумника «Моховое болото» (Заветы. 1912. № 9. Отд. II. С. 106–111); вошла в ту же его книгу.

⁴ Герой повести Пришвина «Никон Староколенный», опубликованной в «Литературно-художественных альманахах изд-ва “Шиповник”» (Кн. 18. СПб., 1912. С. 205–231). В своей статье Иванов-Разумник уподобляет дремучие социально-религиозные взгляды этого косного мужика идейным построениям С.Н. Булгакова, излагаемым в статье «На выборах (Из дневника)» (Русская Мысль. 1912. № 11.

Отд. II. С. 185–192): «...это уже современный Никон, это уже “модернизированный” Староколенный [...] здесь интересен тип; интересна сущность статьи Староколенного наших дней, прошедшего через всю европейскую культуру и сохранившего всю староколенную психологию дней былых»; по убеждению Иванова-Разумника, «наши скрепленные Староколенные» переживают двойную трагедию: «они ушли от широкого демократизма и пришли на лоно православной церкви» (Заветы. 1912. № 9. Отд. II. С. 106, 108).

⁵ Имеется в виду статья Иванова-Разумника «Новое о Гончарове» (Заветы. 1912. № 9. Отд. II. С. 174–178).

⁶ «По градам и весям» — очерк Пришвина (Заветы. 1912. № 9. Отд. II. С. 73–82), положивший начало одноименному авторскому циклу, печатавшемуся в «Заветах».

⁷ Дети Гершензонов. Впоследствии Сергей Михайлович Гершензон (1906–1998) — генетик и вирусолог, академик АН Украины; Наталья Михайловна Гершензон-Чегодаева (1907–1977) — историк искусства, автор книги воспоминаний «Первые шаги жизненного пути» (М., 2000).

15

15 янв[аря] 1913.

Дорогой Михаил Осипович,

«Р. В. Иванов», печатающий ужаснейшие стихи¹, — «Род. Вас. Иванов, н. с., В. О. 4 лин. 49. Канц. Гос. контр.» (см. «Весь Петербург», 1913 г.). Хоть бы под псевдонимом писал! А то все меня допекают им немилосердно.

Рецензия Ваша, с тех пор как уехала за границу — не возвращалась². Очень извиняюсь за своих «по-ту-сторонних» коллег и пишу им с настоятельной просьбой ответа. А мое мнение — Вы знаете: такие рецензии только и надо печатать. Как только получу ответ от трансцендентных соредакторов — в тот же день напишу Вам.

Получили ли Вы декабрьский № «Заветов»? Он был очень слаб (кроме Пришвина³). Январский будет, по-видимому, хорош и интересен. Обратите внимание на статью Лундберга о Гиппиус⁴; я под ней подписываюсь всецело. Неожиданная от Лундберга статья и по форме и по содержанию. Да и кроме нее есть кое-что интересное.

Мое «Моховое болото», правда, спешное; но, думается мне — верное (по тону ответа Булгакову)⁵. Что Булгаков есть Староколенный, кочка на моховом болоте истории — в этом, я думаю, моя правда. А что «Русь крепка» — так в народничестве это *вера* (что и я подчеркиваю), а не «факт, требующий доказательств»⁶. Вера в народ не более доказуема, чем вера в Бога. Разница в том, что вера в Бога дается мистическим опытом, а в народ — опытом социальным. Я уверовал в народ только тогда, когда вплотную подошел к нему в 1903–4–5 году. Если бы я прожил в нем десятки лет, то, быть может, явилась бы не вера, а познание. А где вера и познание Булгаковых?

Бессвязно написалось — тороплюсь. От нас обоих привет Вашей супруге и Вам; не собираетесь ли в Петербург? Нас не минуйте.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш Р. Иванов.

Написано на бланке редакции журнала «Заветы».

¹ Несохранившееся письмо Гершензона к Иванову-Разумнику, определенно, содержало указание на «двойника» адресата — Родиона Иванова, автора семи стихотворных сборников, из которых 1-й и 2-й вышли в Петербурге в 1912 г. См.: Русские поэты XX века. Материалы для библиографии / Сост. Л.М. Турчинский. М., 2007. С. 217.

² См. п. 13, примеч. 4.

³ В этом номере «Заветов» было помещено продолжение авторского цикла Пришвина «По градам и весям» (1912. № 9. Отд. II. С. 119–129).

⁴ Статья прозаика и критика Евгения Германовича Лундберга (1883–1965) «Проза и поэзия З. Гиппиус» (Заветы. 1913. № 1. Отд. II. С. 68–79).

⁵ См. п. 14, примеч. 4. Сергей Николаевич Булгаков (с июня 1918 г. отец Сергей Булгаков; 1871–1944) — философ, богослов, экономист, публицист.

⁶ Вероятно, здесь приводятся слова из несохранившегося письма Гершензона к Иванову-Разумнику с оценкой его статьи «Моховое болото».

16

26 декабря 1913.

Царское Село. Колпинская, 20.

Дорогой Михаил Осипович,

с Новым Годом! — и да забудутся мои старые прегрешения перед Вами. Я чувствовал себя без вины виноватым, но все же виноватым. Ведь дело в том, что рецензия Ваша, год тому назад переданная Вами мне, так до сих пор и не возвращена мне из Италии, и на все мои вопросы о ней — нет ответа¹. Рецензия — мелочь, но я не хотел бы, чтобы Вы *меня* считали виноватым в этой бесцеремонности и небрежности.

Был я в Москве налетом дважды — в июле и октябре, но оба раза на дня два, и оба раза метался по тысяче журнальных дел, а к Вам не попал. Когда-то увидимся? «Заветы» отнимают все мое время; в «Сирине» — дела мало², Брюсов и Сологуб выходят своим чередом, — и лишь Сборники — мои детища³. Я очень стою за никем еще (в печати) не понятым роман А. Белого и очень рад, что один я настоял на печатании его в «Сирине»⁴. Увидимся — поговорим.

Искренний привет Варвары Николаевны и мой — Вашей жене; крепко жму Вашу руку.

Искренно Ваш Р. Иванов.

¹ См. п. 13, примеч. 4.

² Петербургское издательство «Сирин» было основано в октябре 1912 г. сахарозаводчиком и финансистом Михаилом Ивановичем Терещенко и его сестрами Елизаветой Ивановной и Пелагеей Ивановной Терещенко при ближайшем участии Ремизова. Иванов-Разумник руководил делопроизводством «Сирина», был его штатным редактором.

³ В «Сирине» в 1913 г. были предприняты издания Полного собрания сочинений и переводов Валерия Брюсова в 25 томах и Собрания сочинений Федора Сологуба в 20 томах (оба издания остались незаконченными: вышли в свет 8 томов Брюсова и 15 томов Сологуба), а также издания сборников-альманахов под заглавием «Сирин» (Сб. 1–3, 1913–1914). 1-й сборник вышел в свет в середине октября 1913 г., 2-й — в конце декабря 1913 г.

⁴ Роман Андрея Белого «Петербург» был опубликован в трех сборниках «Сирина»; инициативу в этом начинании проявил А. Блок, активно поддержанный Ивановым-Разумником. См.: *Лавров А. В. Этюды о Блоке*. СПб., 2000. С. 103–104.

17

1 марта 1914. СПб.

Дорогой Михаил Осипович,
спасибо за книгу Вашу¹, только что получил ее и в присест прочитал с большим интересом. Получил и рукопись, но еще не успел прочесть; ответом не замедлю².

На днях с ужасом увидел, что среди моих книг спокойно стоит в шкапу надписанная для посылки Вам еще в декабре 1912 года!³ Посылаю ее Вам теперь — оправданий не имею.

Если попаду в Москву (что пока не решено) — увидимся; не минуйте нас, если будете в Петербурге. Жена шлет искренний привет Вашей супруге и Вам.

Крепко жму руку.

Ваш Р. Иванов.

¹ Имеется в виду книга Гершензона «Грибоедовская Москва» (М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1914).

² Какую рукопись Гершензон отправил Иванову-Разумнику, неясно. В журнале «Заветы», для которого она могла предназначаться, в 1914 г. публикаций Гершензона не было.

³ Видимо, подразумевается один из томов «Сочинений» Иванова-Разумника, выпущенных в свет петербургским издательством «Прометей» в 1912 г., — «Литература и общественность» (т. 1. 2-е изд., перераб.), «Творчество и критика» (т. 2), «Великие искания» (т. 3).

18

9 апреля 1914.

Царское Село. Колпинская, 20.

Дорогой Михаил Осипович,

письмо Ваше ко мне шло пять дней (я его только что получил), — так медленно ходят письма на Пасху¹. За Кривцова — заранее спасибо²; второй экземпляр передам М.М. Пришвину, он после Пасхи приедет на неделю-другую в Петербург. Он не замолк, а пишет много, — почти в каждом №-ре «Заветов». Особенно в январьском №-ре был хорош его «Деревенский ренессанс»³.

«Петербургом» я очень увлечен, — сильнейшая вещь, несмотря на все «штейнеризмы»⁴ и длинноты. Ненавижу только его юмор — потуги, никому не смешные.

Жена моя шлет привет Вашей супруге; попадем в Москву — будем непременно у Вас.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш Р. Иванов.

¹ Пасха в 1914 г. — 6 апреля.

² Имеется в виду книга Гершензона «Декабрист Кривцов и его братья» (М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1914), вышедшая в свет в марте 1914 г.

³ В № 1 «Заветов» за 1914 г. напечатана очередная публикация из цикла Пришвина «По градам и весям» (I. Грамофон на деревне; II. Змеинный хутор; III. Дух-Пух // Отд. I. С. 87–100).

⁴ Подразумеваются следы воздействия религиозно-философских воззрений Рудольфа Штейнера и специфической антропософской терминологии на образную ткань романа Андрея Белого «Петербург». В печати свою высокую оценку романа Иванов-Разумник впервые сформулировал в обзорной статье «Русская литература в 1913 году» (Заветы. 1914. № 1. Отд. II. С. 92–93).

19

15 апреля 1914.

Царское Село. Колпинская, 20.

Дорогой Михаил Осипович,

спасибо за книги; Пришвину переслал¹.

Письмо это Вам передаст Ольга Дмитриевна Форш² (рассказ ее Вы читали в «Русской Мысли»; она же — А. Терек в «Заветах»³); ей очень хотелось бы попасть на «Свободную Эстетику»⁴ — не укажете ли Вы ей пути?

Крепко жму Вашу руку.

Ваш Р. Иванов.

¹ Речь идет об экземплярах книги «Декабрист Кривцов и его братья» (см. п. 18, примеч. 2).

² С О.Д. Форш (1873–1961) Иванов-Разумник общался в Царском Селе, где она проживала с 1910 по 1917 г.

³ В журнале «Русская мысль» были опубликованы рассказы О. Форш «Был генерал» (1908. № 10), «Застрельщик» (1909. № 4), «За Жар-птицей» (1910. № 2), «Дети земли» (1910. № 8), «Белый слон» (1913. № 9) и сказка «Медведь Панфамил» (1909. № 8). В «Заветах» под указанным псевдонимом был напечатан ее рассказ «Шелушья» (1913. № 7).

⁴ Общество Свободной Эстетики — московское литературно-художественное объединение, функционировавшее в 1906–1917 гг. См.: [Шруба М.] Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. М., 2004. С. 161–162.

20

29 — IV — 1914.

Многоуважаемый Михаил Осипович,
черкните мне, пожалуйста, — до которого числа остаетесь Вы в Москве;
мне надо повидаться с Вами по делам Сирина¹.

Крепко жму руку.

Ваш Р. Иванов.

Р. S. Живу я все там же: Царское Село, Колпинская, д. 20.

Написано на бланке издательства «Сирин» (Пушкинская ул., д. 10).

¹ Конкретная договоренность о встрече — в телеграмме Иванова-Разумника, отправленной Гершензону 5 мая: «Буду у Вас четверг днем Разумник Иванов» — т. е. 8 мая.

21

27 — V — 1914.

Дорогой Михаил Осипович,

не писал Вам, потому что нечего было писать: я все еще был один в Петербурге, а решение можно принять только всему комитету¹. Напишу Вам без промедления в день собрания. Думаю, что делу следовало бы выйти, хотя не думаю, чтобы «С[ирин]» мог ассигновать на гонорар очень большую сумму. Впрочем — до скорого письма.

Жму руку. Ваш Р. Иванов.

Открытка. П. шт. отправления: Царское Село. 27. 5. 14.

¹ Подразумевается неформальный редакционный комитет издательства «Сирин», т.е. в первую очередь определявшие издательские планы и их финансовую составляющую М.И. Терещенко и его сестры. Терещенко возвратился в Петербург 2 июня 1914 г. (см. запись А. Блока от 3 июня: *Блок А. Записные книжки. 1901–1920. М., 1965. С. 231*). На заседании комитета предполагалось рассмотреть те договоренности, к которым пришли Иванов-Разумник и Гершензон при встрече в Москве (см. п. 20, примеч. 1). В каком именно начинании «Сирина» предполагалось участие Гершензона, неясно; возможно, что это был нереализованный замысел издания А.С. Пушкина или тематически связанный с Пушкиным (ср. вопрос М.Б. Гершензон в письме к Гершензону от 31 мая 1914 г.: «А что ты решил о Пушкине» — и его ответ в письме от 4 июня: «От Пушкина я отказался» // *Гершензон М.О., Гершензон М.Б. Переписка 1895–1924. С. 519, 528*).

22

10 — VI — 1914.

Дорогой Михаил Осипович,

долго не писал Вам — причина в том, что типография еще не доставила расчеты, после которых можно установить с совершенной определенностью сумму, которую можно ассигновать на «редакцию»¹. Точную сумму сообщу Вам не позднее, чем через неделю, но уже теперь во всяком случае выяснилось, что размер «редакторского» гонорара по изданию *ни в коем случае не может превысить 5.000 рублей*.

Если сумма эта покажется Вам достаточной или, наоборот, недостаточной — черкните и в том и в другом случае. А я к тому времени сообщу Вам результаты точного подсчета.

Всего лучшего. Жму Вашу руку.

Р. Иванов.

P.S. Посылаю Вам свои «оттиски» последних месяцев². В одном из них есть кое-что сердитое о Вас, — за старые грехи³.

Написано на бланке издательства «Сирин».

¹ Подразумевается редакторская работа Гершензона по подготовке издания, запланированного «Сирином» (см. примеч. 1 к п. 21).

² Видимо, речь идет об оттиках статей Иванова-Разумника, опубликованных в «Заветах» в первой половине 1914 г.

³ Подразумевается полемическая статья из авторского цикла «Литература и общественность» — «Заветы прошлого и достижения будущего. (О “врагах” справа и слева)», — в которой, возражая П. Б. Струве, высоко оценившему общественное значение сборника «Вехи», Иванов-Разумник констатирует его «полный провал»: «Вехи» «оказались соломенными и никого не заманили на свою дорогу»; «... все мы как нельзя лучше знаем, что “Вехи” прошли мимо жизни, скользнули по поверхности, наделали только шума, а моря не зажгли. Полный крах всех этих “кающихся разночинцев” из “Вех” определился уже давно [...]». Иванов-Разумник неоднократно использует в статье формулировки, восходящие к «веховской» статье Гершензона: «метафизическая рознь»; народ, ненавидящий интеллигенцию с «бессознательным мистическим ужасом» («... в этот “мистический ужас” они возвели естественное недоверие крестьянина к “барину” [...]». Так вещали они, кабинетные пророки, в своих “Вехах”») и т. д. (Заветы. 1914. № 5. Отд. II. С. 97–99).

23

12 сентября 1914 г.

За добрую память и доброе слово спасибо, Михаил Осипович; от врага — вдвойне. (А ведь мы с Вами, как известно, «враги».¹) «Заветы» задавлены на время военного положения²; не надеюсь, чтобы оно закончилось раньше, чем к концу 1915 года, — да и то еще, вероятно, считаю слишком оптимистически. Так или иначе, но «Заветы» воскреснут — хотя бы к концу будущего года. А пока все равно писать нельзя. Я пробовал для «Русск[их] Вед[омостей]», послал статью — нецензурно вышло. А все-таки пишу — Вы правы, другой темы, кроме войны, нет и быть не может³.

Как и что думаете Вы о войне — не знаю, а что думаю я — о том в письме писать неудобно. Разве в виде анекдота или побасенки. Некий профессор философии Московского университета сороковых годов так объяснял студентам — что есть «скептицизм»: идет мужик и ведет на веревке поросеночка, а прохожий смотрит и говорит: полно, так ли, не поросеночек ли ведет мужика? Так вот, я думаю, что в великих событиях наших дней — поросеночек ведет мужика. А мужик уверен в противоположном. Так это или нет — события скоро покажут, события после войны. А вот будут ли эти «события» или по-прежнему будет сонный «быт» — об этом можно спорить. Я верю в события.

Много нашему поколению пережить довелось. Я, помню, боялся бывало, что на нашу жизнь мало «событий» отведено промыслом, что всё

нашим детям останется. А теперь (да и не только теперь, а, пожалуй, уже лет 10–15) думаю, не в обиде ли дети наши будут, оставим ли мы им что-нибудь? Но и тут верю, как вечный оптимист, — и им хватит.

Всего доброго. Кланялся Вам Михалмихалыч Пришвин, — я его сегодня утром проводил в Киев: пробирается он в Галицию, на передовые позиции, большие получил связи и надеется пробраться⁴. В Петербурге жизнь шибче пошла за последние недели — «в общественном отношении»; попробовал я было засесть в своей келье под елью и заняться давно намеченной работой за это время бездействия и «Заветов» и «Сирин»⁵ — да скоро сообразил и почувал, что и пробовать не стоит.

Жму руку. Искренний привет.

Р. Иванов.

Написано на бланке редакции журнала «Заветы» (Рыночная ул., д. 10, против Соляного Городка).

¹ Иванов-Разумник обыгрывает ироническое употребление этого слова в статье «Заветы прошлого и достижения будущего. (О “врагах” справа и слева)», начинающейся словами: «“У Карла есть враги!..” Так в какой-то опере трагическим шепотом сообщает “в публику” певец [...] У всякого Карла всегда есть враги, и чем Карл этот больше, тем и врагов у него больше» (Заветы. 1914. № 5. Отд. II. С. 93).

² Журнал «Заветы» после выхода в свет № 7 за 1914 г. был приостановлен Главным управлением по делам печати, а 16 сентября 1914 г. запрещен по приговору Петербургской судебной палаты (см.: *Балтрушайтис Ю.К.* Письма к В.С. Миролюбову и Р.В. Иванову-Разумнику / Публ. Б.Н. Капелюш // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979. С. 163).

³ Свою последовательно антивоенную позицию Иванов-Разумник обосновал в статье «Испытание огнем», написанной в конце 1914 — начале 1915 г., которая распространялась в гектографических копиях. Статья впервые опубликована в альманахе «Скифы» (Сб. 1. [Пг.:] Скифы, 1917. С. 261–304).

⁴ Пришвин поехал военным корреспондентом на фронт; 24 сентября 1914 г. он прибыл в Киев, оттуда 1 октября — во Львов и далее в район боевых позиций, возвратился во Львов 18 октября, в начале ноября был уже в Петербурге (см.: *Пришвин М.М.* Дневники. 1914–1917. СПб., 2007. С. 96–124). По впечатлениям от увиденного он написал очерк «На братскую линию», опубликованный в «Речи» 30 октября и 2 ноября 1914 г. См.: *Пришвин М.М.* Цвет и крест / Сост.: В.А. Фатеев. СПб., 2004. С. 466–478.

⁵ С началом войны издательство «Сирин» стало сворачивать свою деятельность (семья Терещенко перенаправила свои капиталы на обеспечение военных нужд) и в январе 1915 г. было ликвидировано. См.: *Голлербах Е.А., Мухаркин Д.М.* Издательство «Сирин» // Книжное дело в России в XIX — начале XX века: Сб. научных трудов. Вып. 12. СПб., 2004. С. 67–68.

24

22 дек[абря] 1915.

Милый Михаил Осипович,

рад был получить несколько строк от Вас. На писания Ваши и не думаю «сердиться», но не мог не считать их общественно-вредными — особенно в начале звериного хора, когда люди принуждены были замолчать. Но теперь вреда уже нет, ибо человеческое снова вступает в свои права повсюду. Постоянно встречать Ваши статьи среди звериных, в «Биржевых Ведомостях», — было досадно¹; досадно было слышать, как вы серьезно говорили об «этике войны»² — и еще многое другое.

Постараюсь прислать Льву Исааковичу мою большую статью «Испытание огнем»³; там кое-что есть о Вас и о вас⁴.

Привет супруге Вашей и милой детворе. М. М. Пришвин живет в Ельце⁵; мы с ним провели лето вместе на реке Шелони⁶.

Всего доброго. Ваш Р. Иванов.

¹ Начиная с июня 1915 г. Гершензон регулярно выступал в «Биржевых Ведомостях» со статьями, большинство их затрагивало современную политическую и военную проблематику. Ход войны Гершензон поначалу воспринимал в патетическом ключе: «...это зрелище кажется мне великим и торжественным; ибо есть величие в одновременном признании десятками миллионов людей малоценности мирского богатства по сравнению с ценностями высшего порядка»; «...жертвенная готовность воюющих ныне народов — акт высочайшего религиозного идеализма» (Второй год войны // Биржевые ведомости. Утр. вып. 1915. № 14931, 28 июня. С. 3).

² Имеется в виду прежде всего статья Гершензона «Турнир и война» (Биржевые ведомости. Утр. вып. 1915. № 14903, 14 июня), цитируемая Ивановым-Разумником в статье «Испытание огнем». В ней Гершензон противопоставляет войну ушедшего времени, которая «была не бойней, а турниром, т. е. состязанием на первенство в силе под условием соблюдения определенных правил», и нынешнюю войну без правил, которой «немцы с первых дней придали другой характер»: «Весь прошлый опыт человечества для них ничто — во всеоружии науки они вернулись к нравам гуннов». Сходные соображения относительно нарушения норм «этики» в военных действиях — в статьях Гершензона «Жестокость немцев» (Там же. 1915. № 14969, 17 июля), «Новый опыт» (Там же. 1915. № 14977, 21 июля).

³ См. примеч. 3 к п. 23. Упомянут философ и писатель Л. И. Шестов (наст. фам. Шварцман; 1866–1938), дружески общавшийся с Ивановым-Разумником и с Гершензоном.

⁴ Имеются в виду как лично Гершензон, так и философы и публицисты, объединявшиеся в это время вокруг московского Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева. В статье «Испытание огнем» Иванов-Разумник, отвергая «философско-религиозное оправдание войны, “мессианское” утверждение национализма», указывает и на конкретных проповедников этой идеологии: «Прочтите искренние, но не всегда умные излияния С. Булгакова, развязные статьи г-на Эрна, умные и всегда “себе на уме” статьи Вяч. Иванова, затем несколько иного оттенка косноязычные статьи Бердяева, наивные статьи Гершензона — нет,

не иссякла еще Москва славянофилами, есть еще порох в пороховницах!» (Скифы. СПб., 2018. С. 348, 350).

⁵ В тридцати верстах от Ельцы находилось имение Хрущево, принадлежавшее матери писателя М.И. Пришвиной, там он родился и провел детство, в Ельце учился в гимназии.

⁶ Летом 1915 г. Иванов-Разумник и Пришвин жили в деревне Песочки, близ станции Сольцы Московско-Виндавско-Рыбинской железной дороги (Псковская губерния). 9 июня 1915 г. Иванов-Разумник писал оттуда А.М. Ремизову: «...вот уже месяц, как мы здесь [...] что здесь за красота, какая река, какой лес, какой народ новгородский» (Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре: Публикации и исследования. Вып. II. С. 85).

25

31–V–1916.

Сольцы (Псковск[ой] г[убернии]), дер. *Песочки*.

Милый Михаил Осипович,

летом я читаю «Биржевку», — а значит и Ваши статьи. Только что прочел «О современной литературе» (редкую статью Вашу, с которой я согласен!)¹ — и думаю, что это лишь первая из цикла. Если так, то вот «просьба читателя»: напишите о «Петербурге» Андрея Белого². Книгу надо двинуть всячески, положение автора — поистине «фи-нансовое», говоря без шуток — очень тяжелое и трудное. Получили ли Вы экземпляр романа?³ Если еще нет — черкните мне по летнему адресу (дан выше).

Как Вы устроились в этом году с летним вопросом? Привет от жены и меня всей Вашей семье.

Жму Вашу руку.

Р. Иванов.

Открытка. П. шт. отправления: Сольцы Пск. 1. 6. 16.

¹ Статья Гершензона «О достижениях и заслугах новейшей русской литературы» была опубликована в «Биржевых ведомостях» 28 мая 1916 г. (Утр. вып. № 15585).

² Статью о романе Андрея Белого Гершензон не написал.

³ Отдельное издание романа «Петербург» было выпущено в свет книжным складом М.М. Стасюлевича в середине апреля 1916 г. тиражом 6000 экз. (об истории этого издания и его распространения см. переписку А. Блока и Иванова-Разумника: Литературное наследство. Т. 92: Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 2. М., 1981. С. 392–403); текст был сброшюрован из первой публикации в трех сборниках «Сирин», каждая из трех частей с отдельной пагинацией (см.: Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 65–66).

31 января 1917.

Милый Михаил Осипович, — целый ряд «импульсов» написать к Вам: лекция Ваша¹, приезд к нам Бориса Николаевича², письмо ко мне Льва Исааковича³. Начать с лекции — очень хотелось мне быть на ней, и билет был, но я слишком по-леонидоандреевски⁴ провел предыдущие дни — ложился в 5, вставал в 8 (утра!) и ко дню лекции Вашей вдвойне расклеился, и телесно, и духовно. Лекцию Вашу, о которой так много интересного слышал и с которой заранее во многом согласен (за исключением того, что Вы разум третируете *en canaille*^{*}) — я, конечно, где-нибудь и когда-нибудь прочту; а вот что Вас не повидал — досадно. Особенно досадовал я, когда на следующий день, в 3 часа дня, получил от Сологуба приглашение на завтрак к 1 часу дня, с припискою, что и Вы там будете⁵. Повидаться, значит, была не судьба.

А повидать Вас хотелось, особенно после того, когда я узнал, что Вы приняли к сердцу последнее мое письмо, полу-шуточное и полу-серьезное⁶. Обидеть Вас *лично* — совсем и совсем мне не хотелось, так как сердечно к Вам я расположен; обидеть не Вас, а *Ваше* — к тому же наносное, пережитое, «отработанное» — я никогда не боялся, и впредь не побоюсь, ни письменно, ни устно, ни печатно. Если же я затронул еще свежее, не отжитое, болезненное — то сердечно сожалею, хотя бы по существу я и был прав.

Ибо все вы, москвичи, с самого начала «мировой войны» писали о ней словами недостойными, поистине пачкая белую бумагу. Неужели до сих пор не стыдно Трубецкому за те статьи, в которых описывал он свое удовольствие — прочесть к утреннему кофе о двух тысячах пленных германцев?⁷ Или Булгакову за его постыднейшие статьи в «Утре России»?⁸ Или Вам — хотя бы за то самое, что теперь Вы приняли к сердцу? И разве моя вина, что так блистательно поддержал Вас военный министр в Государственной Думе?⁹ И неужели до сих пор не стыдно Вячеславу Иванову призывать к «жертвенному себяотданию»¹⁰ — крепко сидя дома, забронировываясь своим возрастом и совершеннейшим от войны иммунитетом?

Скажу Вам по совести — глядеть на все это со стороны было очень противно. И, вероятно, — вдвое противнее тем, кто читал эти (пусть искренние) статьи где-нибудь «в окопах». И теперь — одно из двух: либо вы (не Вы, а вы) сознали свои грехи первых месяцев угара, — и тогда надо печатно же отказаться от многого из всуе реченного в те дни — в этом и была серьезная часть шуточного моего письма, либо вы ничего

* пренебрежительно (*франц.*).

не прозрели, ничего не увидели за эти три года — и тогда письмо мое, действительно, неуместно и обидно. Но из этих двух «либо» — я не допускаю второго. Если ошибся, то очень просил бы Вас, милый Михаил Осипович, считать письмо мое за “*nulle et non avenue*”*. Хотя, должен Вам сказать, что я вскоре надеюсь и печатно сказать «вам» всё то, «распространительно», о чем я шутил говорил в трех строках письма к Вам. Мораль статьи моей¹¹ такова: очень хорошие все «вы» люди, интересные, глубокие подчас, но — возделывайте свой сад и не занимайтесь «политикой», не путайтесь под ногами мировых событий.

Так вот что хотел я Вам сказать. Отношение мое к Вам по-прежнему очень хорошее и повидаю я Вас, как всегда, очень охотно. Если Ваше отношение изменилось, если встреча была бы Вам неприятна — скажите откровенно; тогда пожмем друг другу руки и пойдем — каждый в свою сторону.

Сердечный привет Марии Борисовне и всего доброго Вам.
Жму руку крепко.

Ваш Разумник Иванов.

P.S. Два дня уже у нас Борис Николаевич, приезд которого и мне и жене принес искреннюю радость. «Котика Летаева» я перечел (корректуру держал!)¹² раз пять — и еще, по-видимому, без всяких корректур, прочту и перечту снова и снова. Удивительное произведение — насквозь антропософия, которую побеждает и претворяет в жизнь гениальный художник. Рад был прочесть Ваш фельетон об этом романе¹³.

¹ Гершензон прочитал в Петрограде лекцию «Мудрость Пушкина» 26 января 1917 г. в Концертном зале Тенишевского училища, возвратился в Москву 28 января. См.: *Соболев А.Л.* Пять лекций Гершензона (январь, февраль, март 1917 года) // Перелом 1917 года: революционный контекст русской литературы. Исследования и материалы. М., 2017. С. 624–629.

² Б.Н. Бугаев — Андрей Белый. Согласно комментаторскому пояснению Иванова-Разумника, Белый «пробыл у P.B. и В.Н. Ивановых в Царском Селе с 30 января по 8 марта 1917 года» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 93).

³ Это письмо Л.И. Шестова не сохранилось. Согласно описи писем, полученных Ивановым-Разумником (составлена им в 1940 г., также сохранилась не полностью), в его архиве было 107 писем Шестова за 1908–1917 гг. (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 88. Л. 14), из них уцелели 4 письма за 1908–1910 гг. (Там же. Ед. хр. 346).

⁴ Для Л.Н. Андреева был характерен, по мемуарной формулировке К. Чуковского (1922), «гиперболический стиль» жизни, предполагавший и постоянные ночные бдения: «Писал он почти всегда ночью — я не помню ни одной его вещи, которая была бы написана днем» (*Чуковский К.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 5. М., 2001. С. 111, 119).

⁵ Ср. сообщение в письме Гершензона к Ал.Н. Чеботаревской от 19 января 1917 г., отправленном перед поездкой в Петроград: «Приеду в самый день лекции и на другой день уеду, и нигде не буду, кроме, может быть, Сологубов, у которых обещал

* Недействительное и не имевшее места (*франц.*).

завтракать 27-го» (приведено в комментариях А. Л. Соболева в кн.: *Гершензон М. О., Гершензон М. Б. Переписка 1895–1924*. С. 691).

⁶ Имеется в виду п. 24.

⁷ Религиозный философ, правовед и общественный деятель князь Евгений Николаевич Трубецкой (1863–1920) в первые месяцы войны выступал с последовательно патриотических позиций в газете «Русские ведомости» со статьями «Патриотизм против национализма» (1914. № 177, 2 авг.), «Россия, Польша и славянство» (№ 178, 3 авг.), «Смысл войны» (№ 181, 8 авг.), «Победа» (№ 203, 4 сент.). В них, однако, приводимое в письме высказывание не обнаружено. См. также публицистические брошюры Трубецкого «Война и мировая задача России» (М., 1914), «Отечественная война и ее духовный смысл» (М., 1915).

⁸ С. Н. Булгаков опубликовал в московской газете «Утро России» статью «Родине» — восторженный отклик на вступление России в мировую войну: «...над родиной совершилось чудо исцеления. Расслабленный, одержимый многими демонами русский исполин вдруг поднялся в державной красе своей. [...] О, родина, земля святая! Наконец, показался из-за туч светлый лик твой, узрели мы твою мужественную благодать, твой жертвенный порыв и жертвенное себяотдание в кротком послушании Промыслу. Как невеста в брачном уборе, повторяет родина свои обеты Христу и отрицается темных дел своего прошлого», и т. д. (1914. № 181, 5 авг. С. 1). См. в той же газете статью Булгакова «Поверженный кумир» (1914. № 205, 30 авг.), а также текст его публичной лекции «Война и русское самосознание» (М., 1915).

⁹ Вероятно, имеется в виду патетическое выступление в IV Государственной думе 4 ноября 1916 г. генерала от инфантерии Дмитрия Савельевича Шуваева (1854–1937), военного министра с 13 марта 1916 по 3 января 1917 г., провозглашавшего скорую победу над врагом; оно было с воодушевлением встречено депутатами всех фракций. См., например: Военный и морской министры в Гос. Думе // *Биржевые ведомости*. Утр. вып. 1916. № 15905, 5 нояб. С. 4.

¹⁰ Приводимая формулировка — из статьи С. Н. Булгакова «Родине» (см. выше, примеч. 8). См. статьи Вяч. Иванова «Вселенское дело» (*Русская мысль*. 1914. № 12), «Славянская Мировщина» (Новое звено. 1914. № 49, 29 нояб.), «Живое предание» (*Биржевые ведомости*. Утр. вып. 1915. № 14734, 18 марта), «Россия, Англия и Азия» (Там же. 1915. № 15277, 18 дек.), «Легион и соборность» (*Утро России*. 1916. № 58, 27 февр.), «Два лада русской души» (Там же. 1916. № 101, 10 апр.). Позднее все они вошли в кн.: *Иванов Вяч. Родное и вселенское: Статьи (1914–1916)*. М.: Изд. Г. А. Лемана и С. И. Сахарова, 1917.

¹¹ Имеется в виду статья «Испытание огнем» (см. примеч. 3 к п. 23), готовившаяся в это время к публикации в первом сб. «Скифы», сланном в типографию в декабре 1916 г. В письме к Ф. Сологубу от 7 февраля 1917 г. Иванов-Разумник сообщал, что сборник «выходит в конце февраля» (Федор Сологуб: Разыскания и материалы. М., 2016. С. 484), однако его удалось отпечатать только к 1 августа (см.: Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 127).

¹² Роман Андрея Белого «Котик Летаев» был опубликован в «Скифах» (Сб. 1–2. [Пг.], 1917–1918).

¹³ Свою оценку «Котика Летаева» (основанную на предварительной публикации глав из романа в утреннем выпуске «Биржевых ведомостей» 2 мая 1916 г. и в «Русских ведомостях» 13 ноября, 4 и 25 декабря 1916 г.) Гершензон дал в статье «Заметки о Пушкине. I. Недра» (*Биржевые ведомости*. Утр. вып. 1916. № 16010, 30 дек. С. 7), вошедшей в его книгу «Мудрость Пушкина» (1919). См.: *Гершензон М. Избранное*. Т. 1: Мудрость Пушкина. С. 64–66.

27

15/XII 1919. СПб.

Многоуважаемый Михаил Осипович,

просьба: дать заметку, статью (до $\frac{1}{4}$ печ. л.) в сборный и единственный №-р журнала, небольшого (2 печ. л.), посвященного памяти Герцена в январе 1920 г.¹ Выбор темы — в Вашей воле; предположен ряд статей со всех флангов общественности². Адрес редакции (редактирование я взял на себя) — СПб., просп[ект] Володарского (б. Литейный), д. 21, кв. 14, мне. Главное — очень спешно; если не откажете — большое спасибо³.

С приветом

Разумник Иванов.

¹ Речь идет об издании сборника, приуроченного к 50-летию со дня смерти Герцена: А.И. Герцен. 1870—21 января—1920. Пб.: Гос. изд-во, 1920. Имя Иванова-Разумника как его составителя и редактора в книге не было указано. В сборнике были помещены его статьи «Скиф сороковых годов» (С. 11–14), «Герцен и социализм» (С. 48–51) и составленная им «Герцениана (хроника)» (С. 62–63. Без подписи).

² Ср. указание во вступительной заметке «От редакции»: «Редакция настоящего издания попыталась, с одной стороны, объединить в чествовании Герцена различные общественные течения новой России, а — с другой — познакомить широкие круги читателей с личностью и ролью непримиримого разрушителя «старого мира»» (С. 7).

³ Гершензон не принял участия в сборнике. Помимо Иванова-Разумника, в нем выступили: М.Л. Биншток, С.А. Венгеров, Д.С. Мережковский, Ал. Блок, А.А. Гизетти, А.З. Штейнберг, В. Водовозов, Н. Глебов-Путиловский, М.К. Лемке, Э.Л. Радлов.

28

22 янв[аря] 1922. Ц[арское] С[ело].

Милый Михаил Осипович,

сожалею, что не удалось мне повидаться с Вами осенью, когда я был в Москве. Собираюсь в Вашу столицу в феврале — но не знаю, попаду ли: что-то расхворался. Хотел я у Вас взять оставленную у Вас для меня пьесу Мих. Мих. Пришвина, о которой он мне пишет, справляясь, — переслали ли Вы ее мне¹. Не будете ли добры передать ее «подателю сего письма», который в свою очередь передаст Вам от меня книжку «Памяти Александра Блока», только что изданную нашей Вольфилой².

Жму руку; искренний привет.

Ваш Р. Иванов.

Написано на бланке редакции сборников «Скифы». Отправлено не по почте по московскому адресу Гершензона: Арбат, Никольский пер., д. 13.

¹ Письма М.М. Пришвина, относящиеся к этому времени, в архиве Иванова-Разумника не сохранились. Имеется в виду «Базар (Пьеса для чтения вслух)» (первоначальное название — «Чертова Ступа», 1916–1920), впервые опубликованная в составе авторского цикла «Слепая Голгофа» (*Пришвин М.М.* Собр. соч. Т. 4: От земли и городов. М.; Л., 1928. С. 159–194). См.: *Пришвин М.М.* Цвет и крест. С. 339–357.

² Вольфила — Вольная философская ассоциация, объединение, действовавшее в Петрограде в 1919–1924 гг.; Иванов-Разумник в нем — товарищ председателя (председатель — Андрей Белый) и фактический руководитель (см.: *Белоус В.* Вольфила (Петроградская Вольная философская ассоциация). 1919–1924. Кн. 1–2. М., 2005; *Белоус В.Г.* Вольфила, или Кризис культуры в зеркале общественного самосознания. СПб., 2007; *Вольная философская ассоциация. 1919–1924.* М., 2010). Книга «Памяти Александра Блока: Андрей Белый. Иванов-Разумник. А.З. Штейнберг» (Пб., 1922) включает стенографическую запись выступлений на 83-м открытом заседании Вольфила 28 августа 1921 г., посвященном памяти Блока; вышла в свет в середине января 1922 г.

29

19 февр[аля] 1922.

Милый Михаил Осипович,

получили ли Вы с месяц тому назад мое письмо?¹ В нем я просил Вас переслать мне лежавшую у Вас для меня пьесу Пришвина (о чем этот бороволок сообщил мне письмом²). Если не передали и если она у Вас — передайте, пожалуйста, Ефиму Яковлевичу Белицкому³.

Об его издательских планах — Вы знали в Москве раньше меня в Петербурге (я был болен и недели 3 не выезжал из Царского Села). В добрый час! Еф[им] Як[овлевич] расскажет Вам теперь подробно обо всем; а от него буду ждать рассказов о Ваших планах и работах. Кто в Москве мог бы не враждебно отнестись к идее «духовного максимализма, динамизма, катастрофизма»?⁴

Посылаю Вам посвященную этой теме книжку «Памяти Александра Блока», изданную Вольной Философской Ассоциацией⁵. На авось посылаю и письмо к М.М. Пришвину — не передадите ли ему, когда он будет проезжать через Москву? (Он собирался быть там в феврале⁶). На днях в Вольфиле у нас был доклад А.А. Мейера: «Мудрость Пушкина» (о Вашей книге)⁷; была «благожелательная», но довольно острая критика (впрочем, «острая» — не подходит к мягкому Мейеру) на тему, что «благая весть» — не дошла до М.О. Гершензона.

Этим кончаю свое спешное письмо — надеюсь теперь довольно часто обмениваться с Вами и мыслями и вестями.

Искренний привет.

Ваш Р. Иванов.

Написано на бланке редакции сборников «Скифы».

¹ Имеется в виду п. 28.

² Бороволок — неологизм Пришвина. В его повести «Иван-Осляничек (Из сказаний у Семибратского кургана)» (Заветы. 1912. № 2, 3) фигурируют диковинные существа — «заречные лесные *бороволоки*», великаны «с волнистыми громадными бородами [...] в овечьих шурах» — «бороволоки со светлой земли» (Пришвин М.М. Цвет и крест. С. 243, 263). Ср. сообщение в письме Пришвина к Иванову-Разумнику, занесенном в дневник (7 февраля 1922 г.): «Задумал я, было, составить книгу под общим заглавием “Чертова Ступа” — первой поместил бы сцену (пьесу) [...]» (Пришвин М.М. Дневники. 1920–1922. М., 1995. С. 235). Относительно упомянутой пьесы Пришвин предупредил Гершензона в письме от 3 марта 1922 г.: «У Вас лежит моя вещичка “Чертова Ступа”, если у Вас ее будут просить — не давайте, п[отому] что я ее сильно изменил» (РГБ. Ф. 746. Карт. 40. Ед. хр. 38).

³ Е.Я. Белицкий (1895–1940, расстрелян) — заведующий отделом управления Петроградского Совета в 1917–1922 гг., руководитель петроградского издательства «Эпоха»; с 1922 г. — заместитель заведующего Ленинградского отделения Государственного издательства. Деятельно помогал Иванову-Разумнику в разнообразных делах (см., например: Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 229).

⁴ Вероятно, обозначаются программные установки неосуществленного журнала издательства «Эпоха», который Иванов-Разумник предполагал выпускать с марта 1922 г. (редакция — Андрей Белый, Иванов-Разумник, Конст. Эрберг; секретарь редакции — Д.М. Пинес, представитель издательства — Е.Я. Белицкий). Среди участников журнала был указан и Гершензон. См.: Лавров А.В. Неосуществленные издательские проекты Иванова-Разумника (1922–1923) // Лавров А.В. Русские символисты: Этюды и разыскания. М., 2007. С. 568–570.

⁵ См. примеч. 2 к п. 28.

⁶ В цитированном выше письме от 3 марта 1922 г. (ст. Дурово Александровской ж. д., Иваники) Пришвин просил Гершензона: «Раз. Вас. Иванов послал Вам на мое имя письмо — пошлите его мне сюда». В Москву Пришвин приехал 22 марта 1922 г., 14 апреля посетил Гершензона (см. его запись за этот день: Пришвин М.М. Дневники. 1920–1922. С. 244–245).

⁷ Религиозный мыслитель, философ, историк Александр Александрович Мейер (1875–1939) выступил с докладом «Мудрость Пушкина (По поводу книги М. Гершензона)» на 116-м заседании Вольфилы, состоявшемся 12 февраля 1922 г. (см.: Вольная философская ассоциация. 1919–1924. С. 255).

Литература

Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступ. статья и коммент. А.В. Лаврова и Дж. Мальмстада; подгот. текста Т.В. Павловой, А.В. Лаврова и Дж. Мальмстада. СПб.: Atheneum — Феникс, 1998. 736 с.

Балтрушайтис Ю.К. Письма к В.С. Миролюбову и Р.В. Иванову-Разумнику / Публ. Б.Н. Капелюш // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л.: Наука, 1979. С. 159–177.

Белоус В.Г. Вольфила, или Кризис культуры в зеркале общественного самосознания. СПб.: Миръ, 2007. 432 с.

Белоус В. Вольфила (Петроградская Вольная философская ассоциация). 1919–1924. Кн. 1, 2. М.: Модест Колеров и «Три Квадрата», 2005. 842, 800 с.

Вольная философская ассоциация. 1919–1924 / Изд. подгот. Е.В. Иванова при участии Е.Г. Местергази. М.: Наука, 2010. 484 с.

Гершензон М.О., Гершензон М.Б. Переписка. 1895–1924 / Изд. подгот. А.Л. Соколов. М.: Трутенъ, 2018. 816 с.

Гершензон М. «Пусть меня судят по моим писаниям...»: Из переписки 1904–1925 годов / Сост. Л.Л. Тумаринсон. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 560 с.

Гершензон М. «Узнать и полюбить»: Из переписки 1893–1925 годов / Сост., коммент. Е.Ю. Литвин. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 512 с.

Голлербах Е.А., Мухаркин Д.М. Издательство «Сирин» // Книжное дело в России в XIX — начале XX века: Сб. научных трудов. Вып. 12. СПб., 2004. С. 57–74.

Динерштейн Е.А. Иван Дмитриевич Сытин и его дело. М.: Московские учебники, 2003. 368 с.

Иванов-Разумник в начале литературной жизни (Письма к А.Н. Римскому-Корсакову 1902–1906 гг.) / Публ. А.В. Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2016 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. С. 340–433.

К истории создания «Вех» / Публ. В. Проскуриной и В. Аллоя // Минувшее: Исторический альманах. 11. Paris: Atheneum, 1991. С. 249–291.

Лавров А.В. Русские символисты: Этюды и разыскания. М.: Прогресс-Плеяда, 2007. 696 с.

Лавров А.В. Этюды о Блоке. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2000. 320 с.

Литературное наследство. Т. 92: Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 2. М.: Наука, 1981. 416 с.

Литературно-критические выступления Р.В. Иванова-Разумника в журнале «Заветы» / Сост., автор вступ. статьи и примеч. Н.В. Новикова. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2007. 265 с.

Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь / Автор-сост. М. Шруба. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 440 с.

Макагонова Т.М. Дни и труды М.О. Гершензона (По материалам архива) // Записки отдела рукописей Российской Государственной Библиотеки. Вып. 50. М.: РГБ, 1995. С. 5–103.

На вечерней заре. Письма А.М. Ремизова С.П. Ремизовой-Довгелло: 1911 год / Вступ. статья и коммент. Е.Р. Обатниной; подгот. текста Е.Р. Обатниной и А.С. Урюпиной // Русская литература. 2018. № 1. С. 163–209.

Письма М.М. Пришвина к А.М. Ремизову / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. Е.Р. Обатниной // Русская литература. 1995. № 3. С. 157–208.

Письма Р.В. Иванова-Разумника к А.М. Ремизову (1908–1944 гг.) / Публ. Е. Обатниной, В.Г. Белоуса и Ж. Шерона; вступ. заметка и коммент. Е. Обатниной и В.Г. Белоуса // Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре: Публикации и исследования. Вып. II. СПб., 1998. С. 19–122.

Пришвин М.М. Цвет и крест. О трагической истории революционной эпохи / Сост., вступ. статья, подгот. текста и коммент. В.А. Фатеева. СПб.: Росток, 2004. 608 с.

Проскурина В. Течение Гольфстрема: Михаил Гершензон, его жизнь и миф. СПб.: Алетейя, 1998. 512 с.

Русские поэты XX века. Материалы для библиографии / Сост. Л.М. Турчинский. М.: Знак, 2007. 717 с.

Соболев А.Л. Пять лекций Гершензона (январь, февраль, март 1917 года) // Перелом 1917 года: революционный контекст русской литературы. Исследования и материалы. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 616–636.

References

Andrei Belyi i Ivanov-Razumnik. Perepiska [Andrei Bely and Ivanov-Razumnik. Correspondence], publ., intro and comment. by A.V. Lavrov and J. Malmstad, ed. by T.V. Pavlova, A.V. Lavrov and J. Malmstad. St. Petersburg, Atheneum Publ., Feniks Publ., 1998. 736 p. (In Russ.)

Baltrushaitis Iu.K. Pis'ma k V.S. Miroljubovu i R.V. Ivanovu-Razumniku [Letters to V.S. Miroljubov and R.V. Ivanov-Razumnik], publ. by B.N. Kapeliush. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1977 god* [Pushkin House Manuscript Department Annual for 1977]. Leningrad, Nauka Publ., 1979, pp. 159–177. (In Russ.)

Belous V. *Vol'fila (Petrogradskaia Vol'naia filosofskaia assotsiatsiia). 1919–1924. Kn. 1, 2* [Vol'fila (Petrograd Free Philosophical Association). 1919–1924. Books 1, 2]. Moscow, Modest Kolerov and “Tri Kvadrata” Publ., 2005. 842, 800 p. (In Russ.)

Belous V.G. *Vol'fila, ili Krizis kul'tury v zerkale obshchestvennogo samosoznaniia* [Vol'fila, or Crisis of culture in the mirror of public self-consciousness]. St. Petersburg, Mir Publ., 2007. 432 p. (In Russ.)

Dinershtein E.A. *Ivan Dmitrievich Sytin i ego delo* [Ivan Dmitrievich Sytin and his business]. Moscow, Moskovskie uchebniki Publ., 2003. 368 p. (In Russ.)

Gershenzon M. “Pust' menia sudiat po moim pisaniiam...”: *Iz perepiski 1904–1925 godov* [“Let me be judged by my writings ...”: From the correspondence of 1904–1925], comp. by L.L. Tumarinson. Moscow, St. Petersburg, Center for Humanitarian Initiatives Publ., 2018. 560 p. (In Russ.)

Gershenzon M. “Uznat' i poliubit’”: *Iz perepiski 1893–1925 godov* [“To get to know and get to like”: From the correspondence of 1893–1925], comp., comment. by

E.Iu. Litvin. Moscow, St. Petersburg, Center for Humanitarian Initiatives Publ., 2016. 512 p. (In Russ.)

Gershenzon M.O., Gershenzon M.B. *Perepiska. 1895–1924* [Correspondence. 1895–1924], ed. by A.L. Sobolev. Moscow, Truten' Publ., 2018. 816 p. (In Russ.)

Gollerbakh E.A., Mukharkin D.M. Izdatel'stvo "Sirin" [Sirin Publishing House]. *Knizhnoe delo v Rossii v XIX — nachale KhKh veka: Sb. nauchnykh trudov. Vyp. 12* [Book industry in Russia in the 19th — early 20th centuries: A collection of research papers. Iss. 12]. St. Petersburg, 2004, pp. 57–74. (In Russ.)

Ivanov-Razumnik v nachale literaturnoi zhizni (Pis'ma k A.N. Rimskomu-Korsakovu 1902–1906 gg.) [Ivanov-Razumnik in the beginning of his literary life (Letters to A.N. Rimsky-Korsakov, 1902–1906)], publ. by A.V. Lavrov. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2016 god* [Pushkin House Manuscript Department Annual for 2016]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2017, pp. 340–433. (In Russ.)

K istorii sozdaniia "Vekh" [On the history of creation of the collection "Vekhi"], publ. by V. Proskurina and V. Alloy. *Minvshee: Istoricheskii al'manakh. 11* [The Past: Historical almanac. 11]. Paris, Atheneum Publ., 1991, pp. 249–291. (In Russ.)

Lavrov A.V. *Etiudy o Bloke* [Studies about Blok]. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2000. 320 p. (In Russ.)

Lavrov A.V. *Russkie simvolisty: Etiudy i razyskaniia* [Russian Symbolists: Studies and research articles]. Moscow, Progress-Pleiada Publ., 2007. 696 p. (In Russ.)

Literaturnoe nasledstvo. T. 92: Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniia. Kn. 2 [Literary heritage. Vol. 92: Alexander Blok. New materials and studies. Book 2]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 416 p. (In Russ.)

Literaturno-kriticheskie vystupleniia R.V. Ivanova-Razumnika v zhurnale "Zavety" [R.V. Ivanov-Razumnik's literary and critical materials in the magazine "Zavety"], comp., intro. and notes by N.V. Novikova. Saratov, Saratov University Publ., 2007. 265 p. (In Russ.)

Literaturnye ob'edineniia Moskvy i Peterburga 1890–1917 godov: Slovar' [Literary associations of Moscow and St. Petersburg in 1890–1917: Dictionary], comp. by M. Schruha. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2004. 440 p. (In Russ.)

Makagonova T.M. Dni i trudy M.O. Gershenzona (Po materialam arkhiva) [M.O. Gershenzon's days and works (Based on archival materials)]. *Zapiski otdela rukopisei Rossiiskoi Gosudarstvennoi Biblioteki. Vyp. 50* [Russian State Library Manuscript Department Proceedings. Iss. 50]. Moscow, Russian State Library Publ., 1995, pp. 5–103. (In Russ.)

Na vechernei zare. Pis'ma A.M. Remizova S.P. Remizovoi-Dovgello: 1911 god [At the evening dawn. A.M. Remizov's letters to S.P. Remizova-Dovgello: 1911], intro and comment. by E.R. Obatnina, ed. by E.R. Obatnina and A.S. Uriupina. *Russkaia literatura*, 2018, no. 1, pp. 163–209. (In Russ.)

Pis'ma M.M. Prishvina k A.M. Remizovu [M.M. Prishvin's letters to A.M. Remizov], intro., ed. and notes by E.R. Obatnina. *Russkaia literatura*, 1995, no. 3, pp. 157–208. (In Russ.)

Pis'ma R.V. Ivanova-Razumnika k A.M. Remizovu (1908–1944 gg.) [R.V. Ivanov-Razumnik's letters to A.M. Remizov (1908–1944)], publ. by E. Obatnina, V.G. Belous and G. Chéron, intro and comment. by E. Obatnina and V.G. Belous. *Ivanov-Razumnik. Lichnost'. Tvorchestvo. Rol' v kul'ture: Publikatsii i issledovaniia. Vyp. II* [Ivanov-

Razumnik. Personality. Works. Role in culture: Publications and studies. Iss. 2]. St. Petersburg, 1998, pp. 19–122. (In Russ.)

Prishvin M.M. *Tsvet i krest. O tragicheskoi istorii revoliutsionnoi epokhi* [Blossom and cross. On the tragic history of the revolutionary era], comp., intro., ed. and comment. by V.A. Fateev. St. Petersburg, Rostok Publ., 2004. 608 p. (In Russ.)

Proskurina V. *Techenie Gol'fstrema: Mikhail Gershenzon, ego zhizn' i mif* [The course of Gulfstream: Mikhail Gershenzon, his life and myth]. St. Petersburg, Aleteia Publ., 1998. 512 p. (In Russ.)

Russkie poety XX veka. Materialy dlia bibliografii [Russian poets of the 20th century. Materials for bibliography], comp. by L.M. Turchinsky. Moscow, Znack Publ., 2007. 717 p. (In Russ.)

Sobolev A.L. *Piat' lektsii Gershenzona (ianvar', fevral', mart 1917 goda)* [Five lectures by Gershenzon (January, February, March 1917)]. *Perelom 1917 goda: revoliutsionnyi kontekst russkoi literatury. Issledovaniia i materialy* [The Break of 1917: the revolutionary context of Russian literature. Studies and materials]. Moscow, Institute of World Literature Publ., 2017, pp. 616–636. (In Russ.)

Vol'naiia filosofskaia assotsiatsiia. 1919–1924 [Free Philosophical Association. 1919–1924], ed. by E.V. Ivanova with the participation of E.G. Mestergazi. Moscow, Nauka Publ., 2010. 484 p. (In Russ.)

Ivanov-Razumnik's letters to M.O. Gershenzon

© 2019, Alexander Lavrov

Abstract: The publication presents letters from Ivanov-Razumnik (R.V. Ivanov) to M.O. Gershenzon for 1907–1922, the entire surviving correspondence of the two writers. The letters reveal the details of journalistic and publishing weekdays, the discussion of plans for new literary projects; Ivanov-Razumnik's short comments on the socio-political situation of 1917 are of interest. The letters feature a number of important figures in the literary world and the publishing industry (M.K. Lemke, I.D. Sytin, Andrei Bely, M.M. Prishvin and others).

Keywords: Russian literature of the early 20th century, history of journalism and social thought, correspondence of writers, Ivanov-Razumnik, Mikhail Gershenzon, archival publications

Information about the author: Alexander Lavrov, Doctor Hab., Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Russian Literature (Pushkin House), St. Petersburg, Russia. E-mail: litfact@gmail.com

Citation: Lavrov Alexander. Ivanov-Razumnik's letters to M.O. Gershenzon. *Literary fact*, 2019, no. 2 (12), pp. 58–98. DOI 10.22455/2541-8297-2019-12-58-98

DOI 10.22455/2541-8297-2019-12-99-144
УДК 821.161.1

Мемуары Виктора Мозалевского

© 2019, А.Л. Соболев

Аннотация: Впервые печатаются в полном объеме и с подробным комментарием мемуары писателя Виктора Ивановича Мозалевского (1889–1970). Будучи малозаметным, но деятельным участником литературной жизни с середины 1900-х годов, Мозалевский оставил яркие словесные портреты В. Брюсова, Б. Садовского, Ю. Слезкина, С. Ауслендера, Е. Наградской, М. Булгакова и многих других.

Ключевые слова: В. Мозалевский, литературная жизнь, мемуары.

Информация об авторе: Александр Львович Соболев, независимый исследователь, Москва, Россия. E-mail: trirodov@gmail.com

Цитирование: *Соболев А.Л.* Мемуары Виктора Мозалевского // Литературный факт. 2019. № 2 (12). С. 99–144. DOI 10.22455/2541-8297-2019-12-99-144

Один из устойчивых мотивов прозы Виктора Ивановича Мозалевского (1889–1970) — существование героя внутри неподходящей ему исторической эпохи в качестве живого анахронизма: таковы граф Константин Волковисский из «Исчезнувшей мечты», насильственно отъединившийся от тревожной обстановки начала XX в., или Митродора, бывшая прилежная читательница «Аполлона», закапсулированная в атмосфере раннесоветской Москвы («Дуэль»). Полтора десятка его опубликованных рассказов (по сути — единственный его вещественный вклад, вобранный мировой словесностью) написаны между 1910 и 1923 гг.; следующие сорок семь лет жизни он провел в роли собственного персонажа, полностью мимикрировав под мелкого клерка и оставаясь писателем только в стенах собственной квартиры.

Набрасывая в конце 1950-х гг. краткую автобиографию, он уместает долитературную часть своей жизни в единственный абзац: «Родился я в 1889 г. в маленьком городке Влоцлавске (Польша), в котором отец мой — врач — служил тогда на военной службе. (По национальности) — русский). В 1907 г. окончил Тифлисскую гимназию, а в 1913 —

юрид[ический] факультет Москов[ского] Университета»¹. Здесь есть вынужденное умолчание: его отец, Иван Викторович, хотя и врач по образованию (он окончил киевскую Военно-медицинскую академию), в действительности был крупным армейским чиновником, генерал-лейтенантом медицинской службы². Служил в Измаиле, после был переведен в Тифлис³, а оттуда на Дальний Восток: состоял главным врачом Заамурского окружного госпиталя и санитарным городским врачом Харбина, каковым и остался после 1917 г. Исследовал ламаизм, переведя с немецкого монографию по истории вопроса⁴; собрал значительную коллекцию восточного искусства, которую продал в Японию в 1926 г.⁵

Семья за ним не последовала. Мать с тремя сыновьями осталась в Тифлисе, а потом, около 1908 г., судя по всему, переехала в Киев: по крайней мере, и Виктор, и его младший брат Иван⁶, будущий художник, учились там — первый в университете, второй в художественном училище.

Весной 1912 г. Виктор отправляет в петербургский «Аполлон» несколько рассказов и стихотворений и получает ответ — вероятно, от С.К. Маковского или Е.А. Зноско-Боровского, — который кажется ему обнадеживающим (все эти письма не сохранились). И тогда он предпринимает следующий, вполне логичный шаг — отправляет письмо уже не на адрес редакции, а тому из авторов журнала, чьи стихи и проза кажутся ему наиболее близкими по духу, — Кузмину:

Милостивый Государь!

Недавно я посылал в редакцию журнала Ἀπόλλων свои рукописи («Утро княжны», «Вивея» и несколько стихотворений), к[ото]рые получил обратно с оговоркой — «они заинтересовали редакцию». Последняя оговорка и Ваш адрес, написанный (и зачеркнутый) на уголке

¹ РГАЛИ. Ф. 2151. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 1 (датировано 10 ноября 1957 г.). О биографии Мозалевского см.: *Лавров А.В.* Мозалевский Виктор Иванович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 4: М — П. М., 1999. С. 118–119. Очерк творчества см.: *Обухова О.* «Только читать и этому не верить»: Виктор Мозалевский и его проза // *Russian Literature*. 1999. № XLV. P. 457–467.

² См. прежде всего: *Хисамутдинов А.А.* Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке: Биобиблиографический словарь. Владивосток, 2001. С. 209; Российское научное зарубежье. Материалы для биобиблиографического словаря. Пилотный вып. 1: Медицинские науки. М., 2010. С. 150; *Волков С.В.* Высшее чиновничество Российской империи: Краткий словарь. М., 2016. С. 437.

³ Этот факт, отсутствующий в его официальных биографиях, установлен по: *Кавказский календарь на 1907 год.* Тифлис, 1906. Паг. III. Стлб. 46.

⁴ *Пандер Е.* Пантеон Чжан Чжа Хутухты: Материал для иконографии ламаизма. Вып. 1. Харбин, 1919.

⁵ О его собрании восточных древностей см., напр.: *Огрызко В.* Отечественные исследователи народов севера и Дальнего Востока. М., 2013. С. 43.

⁶ См. о нем: *Северюхин Д.Я., Лейкинд О.Л.* Художники русской эмиграции (1917–1941): Биографический словарь. СПб., 1994. С. 335–337.

одной рукописи, придает мне смелость написать Вам это письмо и заранее попросить у Вас, Милостивый Государь, извинения за несколько неуместную просьбу.

Вы, вероятно, еще помните (если только читали — ведь это, в конце концов, мое предположение) содержание «Вивееи», «Утро» и т.д., и я обращаюсь с прямым вопросом: как Вам кажется — это вещи вполне незрелые или намек на «произведения», каковы недостатки стиля, содержания, формы etc? Моя просьба, возможно, звучит нескромно, но самокритика вещь невозможная, хочется услышать авторитетный отзыв, руководствоваться этим “*magister dixit*”⁷, а в Киеве, надо сказать, нет *magistr*’ов, заслуживающих доверия.

Моя нескромность идет дальше. Я очень Вас прошу, если мои (я, по возможности, избегаю этого слова) произведения удовлетворительны, дать мне совет, где, кроме Αθήνων, я мог бы поместить их.

Еще раз приношу мои почтительнейшие извинения.

С искренним уважением

Виктор Мозалевский

Киев Александровская д. № 37А, кв. 17⁸.

Кузмин отвечал ему, и это письмо (которое также не сохранилось) явно настроило Мозалевского на оптимистический лад. Впрочем, продолжая переписку, он делает невольный faux pas, ошибаясь в отчестве адресата:

Киев 4/IV 12 г.

Многоуважаемый Михаил Александрович [sic!]

Прежде всего, приношу Вам мою искреннюю благодарность за Ваше письмо, которое меня глубоко обрадовало: услышать о своих произведениях такой хороший отзыв одного из самых любимых поэтов, от автора «Александрийских песен», и так рано (мне 22 года) — это ли не радость... Посылаю Вам свои рукописи (кроме «Утра княжны»). Что касается «вольностей», попадающихся в «Вивее» и ч.н. другом, то я, безусловно, доверяю Вашей *magisteria elegantiarum*⁹ и литературному такту. Покорнейше прошу их исключить. Мне стыдно, что я приношу Вам некоторое беспокойство, я глубоко извиняюсь.

С искренним уважением и всегдашней благодарностью

Виктор Мозалевский.

Александровская д. № 37 (а) кв. 17 (до 23 мая)¹⁰.

⁷ Мастер сказал (*букв. лат.*).

⁸ Недатированное письмо: ИРЛИ. Ф. 123. Оп. 2. Ед. хр. 277. Л. 3–4.

⁹ Наставлению в области изящного (*лат.*).

¹⁰ ИРЛИ. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 547. Л. 1.

Два дня спустя он осознал свою ошибку — и отправил, не дожидаясь ответа, новое письмо с извинениями:

Киев 6/IV 12

Многоуважаемый Михаил Алексеевич!

Три дня назад я послал Вам рукописи и письмо, письмо слишком поспешно написанное, а потому несколько безграмотное. Но — что всего неприятнее — я назвал Вас Михаилом Александровичем, а не Михаилом Алексеевичем. Я очень, очень этим расстроен, ибо Вас могла покоробить эта мовэтонная [sic] небрежность.

Объясните это как угодно — некоторой неразумностью, временным затемнением сознания под влиянием Вашего письма — но мне было бы страшно больно, если бы Вы объяснили это именно «мовэтонной небрежностью». Моим маленьким оправданием может служить только одно: слово «Алексеевичем» было написано Вами немного неразборчиво, и я прочел «Александровичем». Теперь я понял ошибку. Всё это на меня неприятно действует и потому, что Ваша фраза — «звуют меня Михаилом Алексеевичем» — меня необыкновенно растрогала. Казалось, что Вы мне протягиваете руку... И в ответ на это — неоправдаваемая, почти абсурдная небрежность. К стыду моему, надо сознаться, что вообще я очень скверно владею т.н. эпистолярной формой, вместо одного письма пишу три и, таким образом, и время у Вас отнимаю.

Приношу Вам мои искренние извинения и прошу простить всю мою бестактную невнимательность.

С искренним уважением

Виктор Мозалевский¹¹.

Названная в предыдущем письме дата предстоящего отъезда из Киева — 23 мая — обозначала окончание целого этапа его жизни: по неизвестным нам причинам он вынужден был, оставив предпоследний курс юридического факультета Киевского университета, перевестись на такой же факультет в Москву (его здешнее личное дело будет заведено 7 июня 1912 г.¹²). Еще два месяца спустя он предпринял то, что в начале 1910-х гг. проделывал едва ли не каждый молодой московский поэт, принадлежащий к определенному направлению, а именно — написал письмо Брюсову, приложив к нему набор своих ювенилий:

¹¹ Письмо от 6 апреля 1912 г.: РНБ. Ф. 124. Ед. хр. 2879. Л. 1–1 об.

¹² ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 326. Ед. хр. 1280.

Милостивый Государь!

Прежде всего я глубоко извиняюсь, что отнимаю у Вас время своим письмом и своими рукописями. Я бы никогда не стал посылать своих вещей, если бы о них не отозвался хорошо Михаил Алексеевич Кузмин (я говорю это о «Вивее» и стихах). Вам покажется, видно, очень странным, с какой стати я посылаю их сейчас Вам? Но я не знаю — я нигде не печатался, не имею понятия, куда бы я мог направить свои вещи... И очень бы просил Вас, Милостивый Государь, если Вам будет угодно, а, главное, нетрудно, прочесть их и посоветовать мне, как с ними быть?

Я еще раз почтительно извиняюсь перед Вами, но, может быть, моя молодость и неопытность послужат некоторым основанием для того, чтобы Вы снисходительней отнеслись к просьбе моей.

С уважением Виктор Мозалевский.

Москва Малая Бронная 4 кв. 15¹³.

В печатаемых ниже мемуарах Мозалевский склонен ретроспективно идеализировать случившиеся далее события: согласно его воспоминаниям, Брюсов, хотя сперва и показался ему суровым, впоследствии сделался приветливым и радушным — прочел предложенную рукопись и предложил бывать на литературных «четвергах». В действительности эти отношения наладились не сразу. Сперва Брюсов, изможденный самоотъемом рукописей, поступавших к нему не только как к некоронованному предводителю московских модернистов, но и по служебной линии (он возглавлял тогда литературный отдел «Русской мысли»), принял Мозалевского за искателя протекции в последней и манускрипты отверг, так что начинающему автору пришлось объясняться:

Милостивый Государь Валерий Яковлевич!

Приношу Вам свою благодарность за Ваше письмо. Я хотел было пойти к Вам сегодня, но не хотел беспокоить Вас.

Между прочим, я знал, что мои рассказы не подойдут к «Р[усской] М[ысли]», и я просил в письме Вас о следующем: не найдете ли Вы возможным устроить их в к[акой-]н[ибудь] альманах или ч[то-]н[ибудь] в этом роде.

Простите за беспокойство.

С уважением Виктор Мозалевский.

Малая Бронная 4 кв. 15¹⁴.

¹³ РГБ. Ф. 386. Карг. 95. Ед. хр. 19. Л. 1–1 об. Письмо не датировано, но среди конвертов в этой единице хранения есть один с почтовым штемпелем 18 августа 1912 г., который мы считаем принадлежащим к этому посланию.

¹⁴ Там же. Л. 3–3 об. Этому письму мы условно присваиваем конверт, проштемпелеванный 11 октября 1912 г.

Впрочем, дальнейшая литературная судьба Мозалевского несет следы аккуратного и благотворного брюсовского вмешательства, в частности, явно по рекомендации Брюсова вчерашний студент становится членом «Общества свободной эстетики»¹⁵ и даже получает приглашение прочитать свой рассказ на очередном заседании. Брюсов же, согласно воспоминаниям, познакомил Мозалевского с его первым издателем, А.М. Кожебаткиным, владельцем издательства «Альциона».

Уже утвердившись в качестве московского студента, Мозалевский вновь пишет Кузмину: к этому времени неловкость с «Михаилом Александровичем» была уже, кажется, преодолена и даже изящно обыграна адресатом, судя по ответной шутке:

М. Бронная 4 кв. 15

Многоуважаемый Михаил Алексеевич!

Если Вас не затруднит, сообщите мне, будете ли Вы на Праздники в СПб? Я, возможно, приеду туда. Мне бы очень хотелось повидать Вас и поговорить о своих произведениях. Написал я, кроме известных Михаилу Александровичу вещей, еще: Игрушку, воспоминания Анжелики и «Эолина и Макарей». Кое-что читал В.Я. Брюсов, отзывался очень хорошо, но... «по направлению не подходит». В СПб есть издательство «Цех поэтов». Быть может, Вы, Михаил Алексеевич, знаете, что это за и[здательств]во? Словом, мне очень бы хотелось повидаться с Вами, и, конечно, не только ради судьбы моих горемычных произведений, но и для того, чтобы познакомиться с поэтом, которого так любит

Его уважающий и покорный слуга

Виктор Мозалевский¹⁶.

Чаемая поездка состоялась: впервые Мозалевский упоминается в дневнике Кузмина в записи 18 декабря 1912 г.: «Приезжала Мозалевская почему-то, думая меня похитить к мужу, но я должен был ехать к Е[вдокии] А[поллоновне Наградской] [...]»¹⁷. Любопытно здесь не только первое появление в документированной вселенной жены Мозалевского (ее зовут Маргарита Иосифовна, она — дочь директора 1-й Тифлисской гимназии, которую некогда окончил ее муж), но и поневоле создающееся впечатление, что она познакомилась с Кузминым первой. На следующий день тот же источник фиксирует их встречу: «Вечером собрались ко мне

¹⁵ Впервые его имя появляется в печатном списке «членов-посетителей» за сезон 1913–1914 г. (см. примеч. 43 к тексту мемуаров).

¹⁶ Недатированное письмо // РНБ. Ф. 124. Ед. хр. 2879. Л. 2–3.

¹⁷ Кузмин М. Дневник 1908–1915 / Предисл., подгот. текста и коммент. Н.А. Богомоллова и С.В. Шумихина. СПб., 2005. С. 385.

Геркен, Мозалевский и Бартенев. Геркен оказался очень милым, но не другие. [...] Потом с Герк[еном] и Мозал[евским] поехали к Альберу, где сидели в кабинете»¹⁸. Очевидно, в один из ближайших дней Мозалевские вернулись в Москву¹⁹.

В 1913 г. в издательстве «Альциона» выходит книга Мозалевского «Фантастические рассказы», объединившая все те сочинения, которые он до этого читал писателям обеих столиц: «Вивея», «Игрушка», «Эолина и Макарей», «Воспоминания Анжелики», «Чувствительная повесть» и «Май». Встречена книга была в основном отрицательно. Б.А. Садовской, чья творческая манера очевидным образом повлияла на Мозалевского, отозвался о ней неодобрительно: «В самом деле, перед читателем целый поток (166 стр.) неудержимой болтовни, странной и нелепой, местами напоминающей наших романтиков тридцатых годов, местами Кузмина, иногда гоголевские “Арабески”, но до того неискренней и нарочитой, что нельзя не досадовать на автора, заглушающего собственный голос старыми чужими словами»²⁰. Сходным было мнение коллеги-юриста и писателя П.К. Губера: «Рассказы г. Мозалевского перегружены ненужными вставными эпизодами и подробностями описательного характера, тогда как основное ядро сюжета большею частью вовсе

¹⁸ Там же.

¹⁹ Этой реконструированной хронологии отношений Мозалевского и Кузмина противоречит еще одно, традиционно недатированное письмо:

Многоуважаемый Михаил Алексеевич!

Меня в тот день так истомила Спбургская жара, и я забыл написать Вам... не знаю, как это сказать... благодарность моя Вам велика. Вы благословили мои ребяческие начинания, и я немного ободрился. Ах, все-таки горестно писать, в конце концов, без толку. Сейчас мои вещи у Валерия Яковлевича Брюсова (я написал еще «Игрушку»), но, что ждет потом, не знаю. Простите же меня: я снова напомню о себе. Глупо это, быть может, но я шлю Вам и только Вам свои стихи. Название их: моей музе мои мольбы. Лишь хочется, чтобы они Вас не рассердили.

Искренне уважающий Вас Виктор Мозалевский.

Мой адрес до Рождества: Малая Бронная 4 кв. 15. Я буду все это время в Москве, разве 20–25 сент. поеду на неделю в Киев.

Я был бы очень тронут, если бы Вы, будучи в Москве, провели минутку в моей комнате. Я думаю, она Вам чуточку понравится

(ИРЛИ. Ф. 123. Оп. 2. Ед. хр. 277. Л. 1–2; к нему приложено стихотворение Мозалевского «Моей музе — мои мольбы», посвященное Кузмину). Рассказ «Игрушка» написан летом 1912 г., у Брюсова он, вероятно, был между концом августа и началом сентября того же года: на этот сезон указывает и упоминание жары, и планы сентябрьской поездки в Киев. Но тогда надо признать, что знакомство с Кузминым произошло летом 1912 г. в Санкт-Петербурге, не оставив иного следа ни в дневнике, ни в переписке.

²⁰ Северные записки. 1914. № 3. С. 181.

исчезает из поля зрения. Кажется, что смотришь театральную пьесу, исполняемую на фоне пестрых декораций разодетыми и нарумяненными актерами. Постановка пышная — что и говорить. Но, к несчастью, драматург забыл разработать интригу и диалог, а потому психологическая мотивация совершающихся на сцене событий остается неизвестной»²¹.

Напротив, те же черты восхитили С. Соколова (Кречетова): «С глубоким интересом прочел я “фантастические рассказы” Виктора Мозалевского. (К-во “Альциона”. М. 1913. 1 р.). Среди множества книг тусклых и тягучих, как жеваная резина, книга Мозалевского дает подлинную радость. В нашей современной изящной литературе область фантастики представлена особенно скудно, и, кроме одиноко стоящего в своем блестящем своеобразии Федора Сологуба, в ней нет ничего или почти ничего. Поэтому появление Виктора Мозалевского нельзя не приветствовать.

На нем чувствуется влияние Амедея [sic] Гофмана и (в меньшей мере) Андерсена, но эти влияния — возвышенного порядка и далеки от всякой имитации. Эта книга не из тех, которые перелистываешь бегло, чтобы, минуя рассуждения и описания, поскорее добраться до действия. Ее страницы, написанные языком изысканным, богатым и полноценным, смакуешь неторопливо, как густое, ароматное старое вино в граненом хрустале»²².

В последние дни зимы 1914 г. он вновь оказывается в Петербурге. 28 февраля Кузмин записывает в дневнике: «Был Сашенька [А.И. Божерянов] и потом Мозалевский, принес альманах»²³. Этим альманахом был первый сборник издательства «Альциона», снискавший двусмысленную славу и отбросивший ее отблески на всех своих вкладчиков: сразу по выходе книга была конфискована за шокирующий (даже по меркам привычного к изнеженности нравов 1914 года) рассказ Брюсова²⁴. В результате рассказ был изъят и истреблен, а освободившееся место заполнили стихотворениями того же автора, после чего книга поступила в продажу. Мозалевский поместил там повесть «Исчезающая мечта»²⁵, на которую откликнулся громадной — на полтора газетных

²¹ Русская мысль. 1913. № 10. С. 369.

²² Кречетов С. Одиннадцать (Критические заметки по текущей русской литературе) // Утро России. 1914. № 20, 25 янв. С. 6.

²³ Кузмин М. Дневник 1908–1915. С. 435.

²⁴ В газетной хронике писалось: «Приговором московского [...] окружного суда постановлено изъять и уничтожить из первой книги альманахов издательства “Альцион” [sic], изд. 1914 г., рассказ Валерия Брюсова под заглавием “После детского бала”» (Утро России. 1916. № 80, 20 марта. С. 5; см. также: Русские ведомости. 1916. № 66, 20 марта. С. 6).

²⁵ В автобиографии 1922 г. Мозалевский безосновательно считает объектом цензурного недовольства собственный текст: «Напечатана повесть в альманахе “Альциона”, февраль 1914 г. Альманах был конфискован, в повести нашли признаки

«подвала» — апологетической статьёй влиятельнейший критик А.А. Измайлов: «Вся повесть — образец утонченного, рафинированного искусства, той “литературы литераторов”, о которой когда-то говорил Тургенев. Мозалевский, уже заявивший себя книгой “Фантастических рассказов”, по-видимому, всего ближе примыкает к категории беллетристов-стилизаторов, в роде Кузмина, Ауслендера, Садовского, [Ю.Д.] Беляева, возлюбивших больше настоящей жизни прошлое, век париков и фижм, клавесин и бабушкиных вальсов, гусаров пушкинской поры и уланов, кутящих в Красных кабачках. [...] Печать изысканной литературности лежит на его повести, как лежала прежде на его “Фантастических рассказах”. Он много читал и хорошо запомнил, что прочитал»²⁶. Вероятно, понравилась повесть и Кузмину, который в своем докладе о современной русской прозе, прочитанном в «Бродячей собаке» 13 апреля 1914 г., цитировал ее фрагменты²⁷. Месяц спустя он сам сообщил об этом автору:

Многоуважаемый Виктор Иванович,
спасибо за письмо. Я читал из «Альционы» и всем очень понравилось. Я очень рад, что с Вас сняли всякие «статьи закона»²⁸. Я уже давно живу в Павловске (Садовая 35, тел. 174), но писать можно и на город. На днях вышло Вам книжку.

Хотел бы попросить Вас об одной услуге. Напишите мне, вернулся ли из Нижнего Александр Мелетьевич, в Москве ли он и что «Безумцы», потому что от него конечно никакого толку не добьешься.

преступлений — богохульства, оскорбления армии и чуть ли не порнографии» (Мозалевский В. Обман и др. Берлин, 1923. С. 7). Материалы цензурного дела (ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 3. Ед. хр. 1907) это не подтверждают.

²⁶ Биржевые ведомости. 1914. № 14093, 10 апр. С. 2–3. Вероятно, Мозалевский поблагодарил его за отзыв; тот отвечал:

Искренноуважаемый собрат,

Благодарю Вас за отклик. В огромном большинстве отклики, получаемые человеком, который пишет о книгах, совсем другого свойства. Впрочем, я лично всегда слишком ясно сознаю субъективность своего мнения, ни для кого другого не обязательного, и не очень огорчаюсь отсутствием единомыслия. Но наличие единомыслия всегда приятно.

Приятно и то, что Вы, по-видимому, так серьезно и честно смотрите на свой литературный труд, как теперь немногие, в особенности из молодых. Это так редко, что иногда просто думаешь, — да стоит ли, в самом деле, смотреть на это и самому так серьезно?

(письмо от 28 мая — вероятно, 1914 г. // РГАЛИ. Ф. 2151. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 1–1 об.).

²⁷ Парнис А.Е., Тименчик Р.Д. Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры. Новые открытия. 1983. М., 1985. С. 233.

²⁸ Подразумевается отзыв цензурных претензий к альманаху.

Пока — всего хорошего.

Ваш М. Кузмин
23 мая 1914²⁹

Несколько месяцев спустя Мозалевский был призван в действующую армию, где провел с небольшими перерывами почти четыре года. Летом 1917 г., незадолго до мобилизации, он отправил письмо Брюсову — мгновенный снимок его умонастроения этих лет:

8 августа 1917 г.

Действ[ующая] Армия. Румыния.

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич!

Вас удивит мое послание, мои слова, быть может, неуместно искренние и сказанные слишком не вовремя. Судьба предопределила, чтобы я через четыре года снова заговорил языком милого провинциала, просящего мнения [?] о своих пьесах. Кстати, я помню Вас летом 1913 года, Вы куда-то ехали, строго веселый, Вы рвали беспощадно какие-то письма, строки какого-то поэта «поцеловав твой мех соболий, коснусь коленами колен»³⁰ жалобно прозвучали в Вашей столовой, о, как не хотелось бы мне, чтобы это письмо постигла та же участь. Я отстал от жизни и одичал, меж тем не уставая писать, и, верю, мое творчество не стало банальнее, не поглупело, не офальшивилось. Я помнил Ваши строгие слова о стиле «Вивеи» и как будто чеканил стиль. Я написал много, писал упрямо, забывая о войне, о д[ействующей] армии. Но разве мы пишем для себя, мы, глупые поручики в наших глупых землянках, мы, кажется, тщеславны, и мое сердце сжимается от боли, что сейчас в литературе имя Виктор Мозалевский умерло почти не родившись, сверкнув детским неумышленным [sic] сиянием в померкнувшей «Альционе» (здесь я извиняюсь, что утруждаю внимание).

Не знаю, что именно влечет меня написать это Вам. Но я не Эли Древе, которому поэмы Марка Антуана Кердрана, мнившиеся вначале великолепными, вдруг после стали плохи и не забавны³¹, и Вы были, есть и будете мой maître, и если не учитель, то первый, кто сказал мне, что я не навоз, не Брешко³² и не... простите, пишу слишком глупо. За это время я написал: «Пантеистичную Полину», «Милую елку»,

²⁹ РГАЛИ. Ф. 2151. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 1. «Безумцы» — книга Кузмина «Венецианские безумцы», готовившаяся к печати Александром Мелетьевичем Кожебаткиным (о котором см. далее в мемуарах).

³⁰ Текст этот нам неизвестен.

³¹ Сюжет из романа Анри де Ренье «Первая страсть»; выходил в переводе священицы Брюсова Б.М. Рунт с предисловием Брюсова.

³² Мозалевский упоминает имя журналиста и писателя Николая Николаевича Брешко-Брешковского (1874–1943) как символ несправедного литературного успеха.

«Дженни», «Любовники Химер», «Записки Вадима Мозовецкого» etc, фолианты, пожалуй, и все это умерло, как жук, я барахтаюсь в исписанных лепестках, и умираю от тоски не видать все это в печати. Милое желание! Но когда я читаю книгу, чувствую запах типографской краски, черные буквы застывают в глазах, и невзрастенический поручик Мозалевский говорит: не мои, не мои... Я не знаю, что модно и не модно, кого читают, на кого смотрят завистливым взглядом, надо ли говорить о культе Диониса или об облаках в штанах³³, я — последний могикан, негодный тряпичник литературы и хочу умереть неопозоренным эстетом *pur sang*³⁴. Флобер, Бальзак, Стендаль, я окружил себя ими, их книги целые события в моей жизни, большие, быть может, чем события 1-го марта³⁵, а рука все пишет, и падают лепестки «Пантеистич[ой] Полины», «Елки» и т.д. беззвучно без смысла, и будто все умерло вокруг. Я старею, дни становятся все меньше для моей жизни. И мне думается, что Вы не будете так жестоки со мною, как с бедным поэтом с Востока, к[ото]рый говорил о «собольем мехе». Я шлю Вам рассказ «Бертольдины». Я прошу Вас, как маленький никчемный брат, киньте его на белые страницы какого угодно журнала, но так больно сознавать, что ты умер, заглох, не расцветя даже чертополохом. Это не жажда славы, какая там слава на фоне афишных стихов и полной протрации, вакханалии пошлости и потных рубаш. Верлэн перед смертью водил золотой кисточкой по глупым буржуазным вещам своей комнаты, а я не хочу умирать, но умру, если не услышу запаха моей типографской краски.

Прощайте, глубокоуважаемый Валерий Яковлевич, и не думайте обо мне плохо. Целую руки Жанне Матвеевне.

С искренним уважением всегда преданный Виктор Мозалевский.
Д[ействующая] армия 270-ый Гатчинский Полк³⁶.

Парадоксальным образом, прожив почти всю свою сознательную жизнь в Москве, он остался полностью петербургским писателем по манерам, поэтике и литературным знакомствам: даже в редкие отлучки с фронта он едет именно в Петроград и обретает там то, чего болезненно вожделеет, — публикации, аудиторию и признание. В 1915 г. в журнале «Лукоморье» печатается его рассказ «Сверхженщина» (в героине которого мы, кажется, без труда опознаем Палладу Богданову-Бельскую³⁷); следом он покидает

³³ Вряд ли требуют комментария очевидные намеки на Вяч. Иванова и В.В. Маяковского.

³⁴ Чистокровным (*фр.*).

³⁵ Т.е. события Февральской революции.

³⁶ РГБ. Ф. 386. Карт. 95. Ед. хр. 19. Л. 5–7 об.

³⁷ Лукоморье. 1915. № 27, 4 июля. С. 12–14.

этот журнал — не без скандала, но в приятной компании: письмо в редакцию с объявлением разрыва подписано им совместно с Ауслендером, Кузминым, Сологубом, Георгием Ивановым, М. Долиновым, Садовским и Слезкиным³⁸. С четырьмя последними Мозалевский будет встречаться в литературном кружке «Медный всадник», организованном в Петрограде в 1916 г.³⁹ Неудивительно, что, демобилизовавшись и вернувшись в Москву в конце 1917 или начале 1918 г., он оказывается в социальном и литературном вакууме. Изоляцию первого рода он — обладатель юридического образования, лояльный к советской власти — преодолевает без труда, устроившись юрисконсультom в Военно-строительное управление Красной армии. С остальным сложнее, и первое явственное предложение о писательском союзничестве приходит к нему из Петрограда:

Дорогой Виктор Иванович,

Во-первых — с праздником! Поздравляю сердечно Вас, жену Вашу, Ниночку⁴⁰ и няню. А во-вторых — с радостью, и даже двойной. Первая лучше всяких слов ясна Вам из прилагаемого мною письма Вашего брата. Вторая в следующем:

Мы издаем тут журнал «Петербург» раз в две недели (будет ежемесячным). Я — постоянная сотрудница; редактор — чудесный и умный филолог В. Шкловский. Издатель — денежный. Марка — «Алконоста» (лучшего издательства в П.). Ваше участие было бы очень ценно, но я не знаю, есть ли у Вас подходящие рассказы (нужны короткие (1/2 листа, не больше) и современные). Выберите, что сможете и пришлите. За рассказ плата 500–700 тысяч. За статьи кажется 150–200–250 т. Очень нужна статья о Москве ругательная. Гоненье на Москву — халтурницу [sic] и хулиганку. Чудесно было бы, если б написали. Журнал: задорный, боевой, веселый, талантливый, очень занимательный, но хорошей марки и von ton'a. Итак пишите и присылайте, а еще лучше приезжайте дня на 2, чтоб лично оглядеться и пристроить вещи. Издательства здесь есть. Издатели платят. Но т.к. у нас жизнь на 1/3 дешевле московской, то и цены у нас значительно ниже.

До свиданья, всего доброго всем вам. Не хандрите, не бросайте литературу, не валяйтесь без дела, не треплите себя по ненужным делам, — пишите. Вы год назад иронически писали обо мне, что я «в экстазе» (или как?). Я и теперь всё та же и также. Жизнь ничуть не плоха, а трудности — только напруживают волю к ней.

Ваша М. Шагинян⁴¹.

Из этого плана ничего не вышло — журнал «Петроград» прекратился на втором номере, но сама идея бегства из Москвы должна была всерьез занять

³⁸ День. 1915. № 299, 30 окт. С. 3.

³⁹ Подробнее о «Медном всаднике» см. в комментариях к соответствующей главе мемуаров.

⁴⁰ Нина Викторовна Мозалевская (1913–1990) — в будущем художница.

⁴¹ Письмо от 20 декабря 1921 г. // РГАЛИ. Ф. 2151. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 2–2 об.

его воображение. Могли его подталкивать и семейные обстоятельства: брат, художник Иван Иванович Мозалевский (по прозвищу Мозоль⁴²), в 1920 г. эмигрировал в Австрию, после чего перебрался в Берлин, где работал в местном отделении советского Госиздата и частных книжных предприятиях. По некоторым данным, в 1921 г. последовать его примеру собирался и Виктор Иванович⁴³, но план этот не воплотился. Два года спустя, заканчивая предисловие ко второму сборнику рассказов «Обман и др.» (вероятно, с помощью брата переправленному в берлинское издательство Е.А. Гутнова), Мозалевский пишет: «Что же сказать еще? Я люблю Россию, как она есть, верю в нее, жить могу только в ней и только ее жизнью. По профессии основной я юрист. Работаю в *** по своей специальности, работаю с любовью и, конечно, крикну всякому, кто говорит, что это де — *jus asiaticum, nefas*⁴⁴: неправда!»⁴⁵

Убедительность этой спонтанной присяги подверглась в ближайшие годы суровому испытанию: в 1927 г. было разгромлено общество «Зеленая лампа», в деятельности которого Мозалевский принимал живое участие⁴⁶; за несколько лет до этого сошла на нет работа литературного кружка, группирующегося вокруг машинописного журнала «Гермес»⁴⁷. В том же 1927 г. Мозалевский обращается с письмом к В.Г. Лидину:

⁴² Ср., напр., реплику И. Билибина: «Мозалевский ничего себе парень, но, как говорят в Одессе, “чтобы да, так нет”, и, во всяком случае, не проstack (это Вы не раскусили), а хитрюга основательная и не слишком искренний, прикидывается. Мы с Нарбутом знали его хорошо. Нарбут называл его: Мозоль. Конечно, он не дурной человек, и я буду рад его увидеть» (И.Я. Билибин в Египте. 1920–1925: Письма, документы и материалы. М., 2009. С. 156).

⁴³ *Лавров А.В.* Мозалевский Виктор Иванович. С. 119.

⁴⁴ Азиатское право, беззаконие (*лат.*).

⁴⁵ *Мозалевский В.* Обман и др. С. 8.

⁴⁶ См. об этом комментарии к соответствующей главе воспоминаний.

⁴⁷ Мозалевский кратко упоминается в основополагающей статье: *Чудакова М.О., Устинов А.Б., Левинтон Г.А.* Московская литературная и филологическая жизнь 1920-х годов: машинописный журнал «Гермес» // Пятые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига, 1990. С. 188; подробнее см.: *Горнунг Л.* «Свидетель терпеливый...»: Дневники, мемуары / подгот. текста, предисл., коммент. Т. Нешумовой. М., 2019 (ук.). См. также смутное упоминание об организованном П.Н. Зайцевым кружке «писателей-фантазеров», куда, помимо Мозалевского, входили Булгаков, С.С. Заяицкий, М.Я. Козырев и Л.М. Леонов (*Зайцев П.Н.* Воспоминания / Сост. М.Л. Спивак. М., 2008. С. 272–275). Сложившейся картине противоречит впечатление М. Горнунга, основанное на семейном предании (он состоял с Мозалевским в родстве): «У Мозалевского в те годы [начало 1920-х] собирались шумные компании поэтов и писателей. За одним столом сидели и те, кто, как и хозяин дома, еще до первой мировой войны вошел в литературу, и те, совсем молодые, кто еще только мечтал увидеть напечатанными плоды своего творчества» (*Горнунг М.* Зарницы памяти. М., 2013. С. 18–19).

Глубокоуважаемый Владимир Германович!

Просьба, с которой я смею к Вам обратиться, обычно ставит просимого в положение неловкости: он не знает, как отнестись к ней — с сожалением, с насмешкой, холодно, безразлично.

Но мне почему-то верится, что Вы-то откликнитесь на нее не так. Вот моя просьба.

Я писатель или был таковым в *plus que parfait*⁴⁸. За эти годы написал я фолианты. Но всюду и везде, в местах, откуда кидают наши горения в ротатор или корзину, я получал мягкое ласковое: нет.

Как лондоновский Мартин Идэн, был я упорен. Годами околачивал я пороги редакций журналов, издательств. Тщета! И у меня вдруг в сознании: да, не бездарен ли я и впрямь? И вместе с ним в этом сознании: нет, не верю.

И вот о чем прошу я Вас (пусть не будет это Вам страшно). Если Вы мне позволите я пришлю Вам для прочтения (или сам прочту) 2–3 из моих рассказов. Читайте их месяц, год, и скажите мне откровенно: стоит ли мне пепелеть?

Мне кажется, что Вы меня поймете, человек — добрый, чуткий и не утерявший столь редкого сейчас качества — писательского доброжелательства.

Мой адрес: Красная Площ., 2 дом РВС СССР, Юриконсульту Воен[но-Стр[оительного] Упр[авления] В.И. Мозалевскому. Тел. (служ.) — 19770. Доб. 18.

Простите за беспокойство.

С искренним уважением Виктор Мозалевский⁴⁹.

Получив от Лидина ответ (вероятно, обнадеживающий), Мозалевский в конце декабря отправляет ему рукописи — и переписка обрывается на тридцать лет. Еще одну попытку вернуться в литературу он предпринимает год спустя, написав Е.Ф. Никитиной, главе и вдохновительнице последнего вольного литературного общества, но и здесь терпит неудачу⁵⁰. Единственным его знакомым, связанным с официальной советской писательской жизнью, оставался И.А. Новиков, спорадическая переписка с которым затухла только в 1940-е⁵¹.

Последнее усилие этого рода было сделано им только в 1956 г. при помощи того же Лидина:

⁴⁸ Предпрошедшем времени (фр.).

⁴⁹ Письмо от 24 ноября 1927 г. // РГАЛИ. Ф. 3102. Оп. 1. Ед. хр. 760. Л. 1–2 об.

⁵⁰ Глубокоуважаемая Евдоксия Федоровна!

В апреле с/г я передал Вам свои рукописи.

Если они не подошли для «Н[икитинских] С[уботников]», не откажите в любезности возвратить рукописи подательнице этого письма, моей дочери.

С уважением В. Мозалевский

(письмо от 2 октября 1928 г. // РГАЛИ. Ф. 341. Оп. 1. Ед. хр. 153. Л. 1).

⁵¹ Письма Мозалевского к Новикову сохранились в архиве последнего (РГАЛИ. Ф. 343. Оп. 4. Ед. хр. 762).

Глубокоуважаемый Владимир Германович!

Прошу извинить меня за беспокойство.

Много лет назад Вы относились ко мне хорошо, приветливо, человечно.

Пишет Вам Виктор Иванович Мозалевский, которого Вы могли бы и не помнить

От литературы отошел я давно по той, главным образом, причине, что своего почерка (если он у меня есть) я не менял, а почерк был «не тот».

У меня немалое «прижизненное» наследство, но... я не умер, а почти полвека и почти безвылазно в Москве, служа во всяких учреждениях, с 1.Х — пенсионер.

В чем же моя просьба?

Жалко как-то, что все написанное обречено исчезнуть втуне. А, может быть, кое-что можно было бы и напечатать. Но я, право, не знаю, с чего начать, к кому обратиться за консультацией, т.е. стоит ли мне ч.н. предпринимать?

Я не смею просить Вас прочесть что-нибудь из моих *oeuvres*⁵². Но, может быть, Вы скажете мне, к кому обратиться, разумеется, к человеку умному, отзывчивому и сведущему.

Быть может, Вы нашли бы возможным уделить мне несколько минут и услышать меня где-нибудь в Союзе Писателей или в ином месте.

Телефона у меня нет (дом.), а с 1.Х я уже не служу.

Еще раз прошу прощения за беспокойство.

С искренним уважением

В. Мозалевский

Москва Г117

Плющиха, д. № 35 кв. 3⁵³.

К письму прилагалась краткая библиография напечатанного (увенчанная переводами нескольких рассказов Мопассана, вышедшими в госиздатовских сборниках 1946 и 1951 гг.) и значительный реестр неизданного: рассказы, две поэмы, сборник стихов и литературные мемуары⁵⁴. Как представляется, именно последний пункт оказался адресату наиболее перспективным: по крайней мере, уже в ближайшем

⁵² Сочинений (*ŕp.*).

⁵³ Письмо от 7 октября 1956 г. // РГАЛИ. Ф. 3102. Оп. 1. Ед. хр. 760. Л. 4–5.

⁵⁴ Единственное известное нам стороннее свидетельство о работе над ними принадлежит Б. Горнунгу: «Побочным толчком к тому, что я стал писать в 1948 году, было то, что в это же время Ю.Н. Верховский начал писать (вернее, диктовать) свои воспоминания о смоленской гимназии, о петербургском университете 90-х годов и о своем общении с А.Н. Веселовским. Тогда же начал писать воспоминания о литературно-богемной Москве 1911–1914 годов В.И. Мозалевский» (*Горнунг Б. Поход времени. Кн. 2: Статьи и эссе. М., 2001. С. 316*).

письме, обсуждая первые практические шаги к собственной легализации (заявление в Литфонд, обращение в «Литературную Москву»), Мозалевский особенно останавливается на работе над этим текстом: «Сейчас я занят подготовкой к машинке своих воспоминаний, в декабре, думаю, приготовлю и тогда, если позволите, позвоню Вам п/телеф.»⁵⁵. Впрочем, несмотря на оптимистические ауспиции, в последующие годы напечатать из портфеля рукописей не удалось ничего — за исключением маленькой литературоведческой работы⁵⁶. Но в любом случае череда предпринятых мер к возобновлению писательского статуса дала свои плоды, хотя и не вполне такие, как ожидалось:

Глубокоуважаемый Владимир Германович!

Я получил от Ц. Г. А. Л. И. письмо-предложение приобрести рукопись моих воспоминаний.

Приношу Вам самую глубокую благодарность за заботы о моих «Тропинках». Разумеется, согласие я даю. Что же касается моих попыток к возвращению в литературу, то я пока что не очень пытался.

И, говоря в плане юмористическом: «Да вознесет Вас Господь Бог в свое время» (надпись на медали в память Русско-Японской войны 1904–1905 гг.). Иначе сказать, — не время и «е.б.ж.» («если буду жив») — успею.

Еще раз благодарю Вас за всё, Вы у меня, не шутя, единственный...⁵⁷

Появившийся в результате этой негодии маленький фонд Мозалевского в РГАЛИ насчитывает всего 23 единицы хранения, наиболее существенная по значению среди которых — печатаемые ниже мемуары. Минимальную известность они приобрели благодаря случайному гостю: в описании «Зеленой лампы» несколько строк посвящены М.А. Булгакову⁵⁸. Мы печатаем их текст полностью, в авторской редакции, по машинописи с правкой: РГАЛИ. Ф. 2151. Оп. 1. Ед. хр. 19. Общеизвестные имена и события не комментируются. Пользуемся случаем поблагодарить за помощь В.Я. Мордерер, В.В. Нехотина, П.Е. Поберезкину, Н.Н. Соболеву и Р.Д. Тименчика.

⁵⁵ Письмо от 12 ноября 1956 г. // РГАЛИ. Ф. 3102. Оп. 1. Ед. хр. 760. Л. 8.

⁵⁶ Французский писатель о Тургеневе. Воспоминания Жюль Кларти / Публ. В.И. Мозалевского // Литературное наследство. Т. 76: И.С. Тургенев. Новые материалы и исследования. М., 1967. С. 483–488.

⁵⁷ Письмо от 10 октября 1957 г. // РГАЛИ. Ф. 3102. Оп. 1. Ед. хр. 760. Л. 9–9 об.

⁵⁸ Это упоминание учтено в прославленной монографии: *Чудакова М.О.* Жизнеописание Михаила Булгакова. М., 1988. С. 191–195, 218–221.

ТРОПИНКИ, ПУТИ, ВСТРЕЧИ

Поэты Эмиль Верхарн, Валерий Брюсов, Маяковский, Есенин... и много еще имен, лиц, образов вспоминаю я, какие-то тропинки, по которым начал я свой путь десятки лет (эпох!) назад, привели меня к встречам с ними. Встречи эти оставили во мне неизгладимый след, воспоминания о них дороги, и, может быть, читатель найдет в моих воспоминаниях что-нибудь новое, достойное памяти о людях искусства, «замечательных людях»⁵⁹.

Но прежде чем начать об этих встречах с «замечательными людьми», хочется (и, вероятно, надо) сказать о себе, своих сверстниках, сказать, как протаптывались с юных лет мои тропинки.

Мои воспоминания — это жизнь моя и моих сверстников «в искусстве» в начале XX века.

В 1907 году несколько юнцов после окончания гимназии очутились вместе студентами Киевского Университета.

Дружба гимназических лет объединила их. Были все мы, если не «нищие студенты», то студенты достатков скромных, помощь родительская плюс «уроки», т.е. репетирование отстающих гимназистов, реалистов плюс случайные заработки (статисты в театре, контролеры на к[аком-] н[ибудь] налетно-гастрольном спектакле, или концерте и т.п. Одного студента-статиста долгие годы дразнили мы: «задние ноги слона»).

Мечтая стать знаменитыми писателями, поэтами, художниками, мы объединились в какое-то литературное «братство», образовали свой маленький «клан».

Университетские науки нас не заинтересовали.

То было время реакции — 1907, 1908 гг. Мы авторитетно решили, что профессора Университета консервативны, безынтересны, учиться у них нечему.

Кружок наш состоял из юристов, филологов, естественников (был один только естественник среди нас). Слушать лекции почли «дурным тоном», но экзамены кое-как сдавали, знакомясь иногда с профессором только на экзамене.

Объединило юношей одно: все мы были опьянены, отравлены искусством. Еще не познав в те годы Г. Флобера, его романы, его жизнь, мы, подобно ему, ставили выше всего в жизни — литературу.

Мы думали, что писатели, поэты (пророки) помогут нам разрешить множество вопросов, тревоживших, волновавших, порой пугавших нас:

⁵⁹ Вероятно, автор апеллирует к знаменитой серии биографий «Жизнь замечательных людей», выпускавшейся с 1890-х гг. издательством Ф. Павленкова и возобновленной в 1930-е гг.

смысл жизни, бессмыслица смерти, борьба с несправедливостью, с ужасающей эксплуатацией человека, мерзости социального неравенства, любовь к человеку, к народу и, конечно, любовь к женщине...

Литература, поэзия, музыка, театр — без этого, как давно порешили мы, жить и бороться (если мы хотим бороться) — нельзя — вот чуть сумбурный наш тогдашний Standard of life⁶⁰.

СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ — КИЕВ 1907–10 ГГ.

Мы были отравлены сладким целебным ядом литературы... С 1907–1908 г. (и так было до 1914 года — распада нашего клана) с нами рядом шел Гоголь... Как часто в разных ситуациях нашей тогдашней жизни цитировали мы друг другу из «Мертвых душ», из «Ревизора», порою подтрунивали: «ты, брат, совсем, как Хлестаков — с Пушкиным на одну ногу... Ну, что, брат, Пушкин?» или юнцу расхваставшемуся: «40.000 курьеров...» или констатировали «запах Петрушки», войдя в непроветренную комнату заспавшегося студента, или к[акой-]н[ибудь] кисейной курсистке: «Вы, как Анна Андреевна, мечтаете об амбре», или напоминали франту-студенту, любующемуся новыми ботинками: «ты совсем поручик из “Мертвых душ”, упивающийся всю неделю лихо стачанными каблуками сапог...»

«Нос», «Шинель», «Вий» и «Страшную месть» мы так любили перечитывать!

Годами звучали в нас и для нас «как арфа», «как кимвал, как цевница» Пушкин, Лермонтов...

И каждый из нас, мальчишек, был немного Печорин. Мы хорошо знали и часто говорили фразами из «Героя нашего времени» — друг другу, про себя или курсисткам, за которыми на манер Грушницкого — «волочились...»

И особенно часто: (говорю на память, как 40 лет назад) «Я спрашиваю себя, для чего я жил, для какой цели я родился? А ведь, верно, она существовала и было мне назначение высокое, ибо я чувствую в душе своей силы необъятные...»⁶¹

Помню, уже в Москве (1914 г. начало) пришел ко мне молодой поэт Тихон Чурилин в чрезвычайно возбужденном состоянии: в этот день вышел в свет прекрасно изданный издательством «Альционной» [sic] с литографиями художницы Гончаровой Н. сборник стихов его — «Вес-

⁶⁰ Стандарт жизни (англ.).

⁶¹ Мозалевский приводит по памяти монолог Печорина: «Пробегаю в памяти всё мое прошедшее и спрашиваю себя невольно: зачем я жил? для какой цели я родился? . . . А, верно, она существовала, и, верно, было мне назначение высокое, потому что я чувствую в душе моей силы необъятные...»

на после смерти...»⁶². Он обнял меня. Я улыбнулся и сказал: «Пришел Грушницкий и бросился мне на шею: он произведен в офицеры...»

Но вот в 1907–08 гг. самые разные издательства — сборники «Знания», и [здательств]во «Скорпион» и ряд других одарили нас К. Гамсуном — «Пан», «Голод», «Виктория», «Мистерии», «Роза», «Бенони»...⁶³ Может быть, отчасти потому, что автор (Гамсун *tex лет*), думалось нам, был беден, богемен, смел, оригинален — книги эти вскружили голову! Кто из нас чуточку не подражал тогда лейтенанту Глану, Нагелю! Один художник, член нашего клана, в течение года все ездил по небесам в призрачной лодке и удил серебряной удочкой, как Нагель («Мистерии»). Мы любили природу, бродяжничество по лесам, по горам, но Гамсун делал эту любовь каким-то суеверием, какой-то религией. Нам было так понятно, почему Глан поцеловал со слезами на глазах жалкую изломанную ветку, дружил с горным камнем («Пан»). Вся природа, как в стихе А.К. Толстого, была в объятиях наших⁶⁴.

Гамсун устами своего Нагеля ругнул Льва Толстого⁶⁵. Озоруя, и мы, было, завторили Гамсуну-Нагелю. Но ненадолго! В 1909–10 гг. мы вновь не отрывали своих восхищенных взоров от сияющих факелов — страниц

⁶² Книга вышла в свет весной 1915 (а не 1914) г., см.: Книжная летопись Главного управления по делам печати. 1915. № 12, 19 марта. Перечень в алфавитном порядке книг, поступивших с 11-го по 18-е марта 1915 г. С. 26. В начале 2000-х гг. экземпляр «Весны после смерти», преподнесенный Мозалевскому (№ VII, Виктора Михайловича [sic! — скорее ошибка публикатора, нежели автора] Мозалевского и Маргариты Иосифовны Мозалевской) продавался на одном из московских аукционов; составитель не справился с расшифровкой чурилинского почерка — действительно, впрочем, непростого, — так что из текста инскрипта уцелели и зафиксированы лишь отдельные фрагменты: «Виктору Мозалевскому дружески с любовью (Пантеистичная, Полная Романтики etc, Мозель Мозалевского Тихон де [Какату] [sic!]. Маргарите Иосифовне Мозалевской преданно, с любовью (Нина Сакс) 10 марта 1915 Москва. День выхода книги» (Сафонова К.В. Аукционная лихорадка нынешней весной // Про книги. 2012. № 2. С. 103). Невероятно «Какату» — очевидно, неправильно прочитанное «Кикапу». «Пантеистичная» — намек на название рассказа Мозалевского «Пантеистичная Полина». М.И. Мозалевской Чурилин посвятил стихотворение «Июль (идиллия)» («Прекрасная темнота...»): Свободный журнал. 1915. № 9/10. Стлб. 33–34.

⁶³ Первое русское издание «Пана» было выпущено «Скорпионом» в 1901 г., «Голод» вышел еще в 1892 г. в издательстве Павленкова, «Виктория» одновременно издана в Москве и Одессе в 1908-м, «Мистерии» вышли в том же году в «Северных сборниках» издательства «Шиповник», а «Бенони» — в сборнике издательства «Знание» на 1908 год. Роман «Роза» впервые напечатан в 1911 г. Подробнее см.: Кнут Гамсун в России. Библиографический указатель (с литературными иллюстрациями). М., 2009.

⁶⁴ Из поэмы А.К. Толстого «Иоанн Дамаскин»: «О, если б мог в свои объятия / Я вас, враги, друзья и братья, / И всю природу заключить!» На аллюзиях к роману «Пан» построен рассказ Мозалевского «Вероника» (Полон: Литературный сб. Пг., 1916. С. 113–120).

⁶⁵ Монолог Нагеля о Толстом находится в тринадцатой главе «Мистерий»: Гамсун К. Мистерии. Роман / Пер. с норвежск. М.П. Благовещенской. М., Бг. С. 212–220.

«Войны и Мира», «Анны Карениной», «Севастопольских рассказов», «Казаков»...

И во всех перипетиях нашей студенческой бродячей жизни с нами всегда был Чехов.

Если слово «родной» не приобрело оттенка какой-то пошловатости, то должен сказать, что «родным», близким, ни на что не претендующей родней, был нам Чехов. Во всяких спорах и разглаголях иные из нас обращались за словами к Астрову из «Дяди Вани». Например, «Женщина может быть другом мужчины в такой последовательности, сначала жена или любовница, а потом уже друг...» И, гуляя по аллеям Сокольников в Москве в 1909–10 гг., вспоминали фразу Ярцева (из рассказа «Три года»): «Москва — город, которому суждено много страдать...»

О, мы ведь хорошо знали тогда и других, но уже страшных героев: Рогожина, Парфена, князя Мышкина, Верховенских, Ставрогиных, Карамазовых, Раскольниковых, но смотрели на них издалека и чуть испуганно.

А герои чеховских шедевров шли рядом с нами.

Глядя из окна загона на фруктовый сад, где-нибудь под Харьковом, мы неизменно вспоминали «Черного монаха». Звуки духового оркестра, военной музыки переносили нас к «Трем сестрам», к «Анне на шее».

Случайный разговор с к[аким-]н[ибудь] военным врачом типа д-ра Самойленко из «Дуэли» молниеносно претворялся в нас в целый калейдоскоп лиц и образов: южное море, батумский духан, неврастения Лаевского, распутство его жены, дуэль...

И должен сознаться, что порою мы вполне разделяли весьма безутешные выводы о смысле жизни героя «Скучной истории» и Мисаила из «Моей жизни».

Денег на покупку книг было мало, но Пьер И. (Петя в сущности), один из членов клана, работал (нештатно) в публичной библиотеке⁶⁶, а новые книги давала нам киевская «Библиотека Идзиковского» (частная)⁶⁷. Казалась она нам раем, дарящим за гроши великие сокровища. Она давала «Северные Сборники» (в них печатались «Мистерии» Гамсуна), подарила «Наоборот» Гюисманса, предложила романы Винниченко,

⁶⁶ Петр Федорович Иноземцев, служивший в Киевской русской публичной библиотеке в 1910–1930-х гг. помощником библиотекаря, помощником заведующего библиотекой и библиографом (см.: Літопис Національної парламентської бібліотеки України. Ч. 1: 1866 — лютий 1917 р. / Авт. кол.: П. Б. Гапченко та ін.; наук. ред. С.І. Білокін. Київ, 1996. С. 80, 109). Указано П.Е. Поберезкиной.

⁶⁷ Библиотека, основанная книгоиздателем Леоном Викентьевичем Идзиковским (1827–1865) и содержавшаяся после его смерти вдовой и сыном. Каталоги библиотеки, издававшиеся в 1892, 1902, 1906 и 1915 гг., изобличают широкие вкусы комплектаторов (в 1902 и 1906 г. составителем их был Иван Иванович Самоненко, создатель киевского «Чтеца-декламатора»).

Арцыбашева (это были уже не «сокровища», но хотелось ругать их, а ругать, не читая, казалось неблагородным). Охотились за очередным номером литературно-художественного журнала «Аполлон»... «Аполлон» однажды сильно поднадул нас.

В одном из номеров появились богато иллюстрированные каким-то большим художником-графиком (позабыл кем) — стихи поэтессы «Черубины де Габриак»⁶⁸.

Такие строки, как:

«... С моею царственной
мечтой
Брожу одна во всей
вселенной»⁶⁹,

слегка отуманивали голову (а ведь в ту пору мы, мальчишки, слегка были ушиблены Ибсеном и утверждениями его героев, что тот-де свободен, кто безнадежно одинок)⁷⁰.

Довольно скоро мы узнали, что никакой «Черубины де Габриак» в земных пространствах не существует, что это мистификация, а стихи Черубины написал поэт М. В. (Макс. Волошин)⁷¹.

Мы изругали «Аполлон», но кто-то из более взрослых утешал нас, что такие мистификации не «мовэтон», сообщив нам о Кларе Газуль (Меримэ), об его других «мистификациях»⁷².

А кстати, узнали мы случайно, что в одном из тогдашних журналов «для женщин» лицо, ведущее отдел «письма старой маркизы» — это... не совсем «старая маркиза», а старый лысый «желчевник» при черной бороде, в очках⁷³.

⁶⁸ Первая публикация стихов Черубины де Габриак (Е.И. Дмитриевой) появилась в № 2 «Аполлона» за 1909 г. (Отд. II. С. 3–10); напечатаны они без иллюстраций. Напротив, следующая подборка (1910. № 10. Отд. II. С. 3–14) была орнаментирована графикой Е.Е. Лансере.

⁶⁹ Первые строки стихотворения (с небольшой погрешностью), открывавшего вторую подборку Черубины де Габриак (Аполлон. 1910. № 10. Отд. II. С. 3).

⁷⁰ Подразумевается финальная реплика доктора Стокмана (Штокмана) из пьесы Ибсена «Враг народа»: «Вот видите ли, что я открыл: самый сильный человек в этом мире тот, кто более всех одинок!» (Ибсен Г. Враг народа (доктор Штокман): Драма в пяти действиях / Пер. с норвежск. Н. Минович. М., 1901. С. 107).

⁷¹ Мозалевский преувеличивает: хотя М.А. Волошин действительно принимал энергичное участие в создании образа Черубины де Габриак, истинным автором ее стихов была Е.И. Дмитриева.

⁷² «Театр Клары Газуль, испанской комедиантки» — сборник пьес, написанных и изданных Проспером Мериме в 1825 г. под видом сочинений испанской актрисы. Из других мистификаций Мериме наиболее известная — “Guzla” (1825), сборник псевдославянских песен.

⁷³ Вероятно, Мозалевский имеет в виду легендарную «Игрушечную маркизу», много лет дававшую советы читателям со страниц московского «Журнала для хозяек». Впрочем, истинное имя и пол ее до настоящего дня остаются неизвестны. О многочисленных примерах травестийных псевдонимов см. чрезвычайно удачную работу: *Обатнин Г.* Женская культура как развлечение мужчин // Русская

Прелесть и мудрость Бальзака, Стендаля, Флобера, мы увы, познали не сразу. А зачитывались Германом Бангом, Йенс Петер Якобсенем, Гамсуном.

Может быть, спросят, что это за нелюбовь такая к *русской* литературе?

О, нет! Мы к тем годам по многу раз перечитали Пушкина, Гоголя, Тургенева, Гончарова, Достоевского, Толстого Льва, Чехова и (наивно) думали: нечего читать. Много позднее немногие оставшиеся в живых члены маленького «клана» горько сожалели, что когда хватало времени, ума не хватало познать сокровища Горького тех лет (Горького эпохи Челкаша, Данко, мы знали гимназистами), Лескова, узнать о существовании Вельтмана, да и не погнушаться Боборыкиным, Мельниковым-Печерским, Маминным-Сибиряком.

В 1909 или 1910 г. Пьер И., член нашего «Клана»⁷⁴, сын плотника, как и Жюльен Сорель, канонизировал Стендаля⁷⁵.

На наших чердаках, мансардах, на наших более приличных (с течением времени) «жилплощадях», в пути, в столовых, в ресторанах, в кафе — о, почти везде до дней распада «клана» (конец 1914 г.) неизменно присутствовали и Фабрицио дель Донго, и «умная бестия» граф Моска, а героинь наших романов в жизни мы в мечтах преображали в мадам де Реналь, в Матильду де Ла Моль и в прекрасную мудрее древних Аспазий и Эгерий — герцогиню Сан-Северона⁷⁶.

Но мы внешне были озорники, чуть циники и не признавались друг другу, что незримо чувствуем возле себя этих героев, а не просто говорим о них, как какие-нибудь литературоведы-гробокопатели.

КИЕВ, МОСКВА 1907–14 ГГ.
ЖИВОПИСЬ, ОЧАРОВАНИЕ ТЕАТРА. ИБСЕН
ПОЛЕТ «БОСОНОЖЕК».

В понимании изобразительного искусства были мы в те годы юности — то озорные снобы, то просто невежды, несведущи! Случилось так, что Ван Гога, Гогена мы увидели, узнали (на выставках в Киеве) раньше, чем Боровиковского, Брюллова, Крамского. С легкой руки историка искусств Бенуа вдруг ополчились мы на Репина, разругали картину «Какой простор» за «грубую символику», за «никولاевскую шинель» героя

развлекательная культура Серебряного века. 1908–1918 / Сост. Н. Букс, Е. Пенская. М., 2017. С. 134–157.

⁷⁴ См. примеч. 8.

⁷⁵ Жюльен Сорель — герой романа Стендаля «Красное и черное».

⁷⁶ Перечислены герои романов Стендаля «Пармская обитель» и «Красное и черное». В современных переводах названная последней героиня титулуется «герцогиня Сенсеверина», в старых — «Сансеверина».

картины студента, легкомысленно окунающего шинель эту в соленые воды⁷⁷. Словом, тешась, пугали речами о Репине собеседниц курсисток (оказалось впоследствии, лучше нас разобравшихся в Репине). Но зато яро пропагандировали Врубеля («Пан», «Демон») и... французского художника Фелисьена Ропса, «Бодлэра в живописи и в рисунках»⁷⁸.

В 1908 (или 1909 г.) какие-то безумные жулики выкрали из Лувра «Джоконду» Л. да Винчи. Это было в те годы мировой сенсацией не меньшей, чем гибель «Титаника»⁷⁹.

И портрет бедной Моны Лизы незамедлительно появился на коробках с пудрой, конфетами, одеколоном, духами. Разъяренные этим, стали мы шельмовать на наших собраниях и вечеринках «бессмертную людскую пошлость», но досталось, как это ни странно, не только мешанам, заговорившим вдруг о «загадочной улыбке исчезнувшей Джоконды», но и самому да Винчи, и... Рафаэлю (перекликнулись с Базаровым!).

А один из главных «заводил» нашего клана Пьер И. вешал, что когда произведения великих мастеров делаются достоянием пошлой толпы, — «сами произведения перевоплощаются в банальность, пошлость...»

И в виде какого-то протеста Ярский⁸⁰ и Пьер, купив на последние деньги немецкие издания (альбомы) монографии о «прафаэлитях», знакомили «непосвященных» юношей и дев с репродукциями с картин мистиков Берн-Джонса и Данте Габриеля Росетти — английских «прафаэлитов».

Никто из нас не мечтал «стать артистом», но шуршание театрального занавеса было для нас началом некой небесной симфонии.

Очень сильно обламывал наши души в те годы (1907–10) Ибсен, его драмы. Цитаты из «Гедды Габлер», из «Пера Гюнта» стали у нас оби-

⁷⁷ Подразумевается картина Репина 1903 г., на которой изображены студент и барышня, стоящие среди бушующих волн. Впервые выставленная на 31-й выставке передвижников весной 1903 г., она вызвала беспрецедентный вал печатных отзывов (см. библиографию: *Бурова Г., Гапонова О., Румянцева В.* Товарищество передвижных художественных выставок. Т. 2: Обзоры выставок в периодической печати. М., 1959. С. 265–271). Взгляды А. Бенуа на Репина суммированы в соответствующей главе его монографии «История русской живописи в XIX веке» (СПб., 1902. С. 175–186).

⁷⁸ Источник цитаты (если он существовал) не обнаружен. Ф. Ропс сопоставляется с Бодлером в статье И. Грабаря «Письма из Мюнхена. II. Фелисьен Ропс» (Мир искусства. 1899. № 5. С. 31, 33) и в монографии Н. Евреинова (*Евреинов Н.* Ропс. Критический очерк. СПб., 1910. С. 27).

⁷⁹ «Джоконда» была похищена 21 августа 1911 г. В одном из киевских литературных журналов по этому поводу писалось: «Пропала Джоконда! / Поют печально барды. / Пропала Джоконда; / Наследье Леонардо. // Печальные стены Лувра; / Полиция плачет горько / И шарит в портах Дувра / В палатце Нью-Йорка. // Но мало перемены — / Конца нет сыска преньям; / От пэра до гамона / Все, все под подозреньем. // Стал миллионным фондом / Фонд, собранный для вора; / Но нет все Джоконды — / И полон Лувр позора» (*Строй-Нов.* Джоконда // Киевская неделя. 1911. № 5, 27 авг. С. 14).

⁸⁰ Неустановленное лицо.

ходными словечками. Мы (наивно, вероятно) находили черты Сольвейг у А.-филологички, а политехника Б. находили похожим на Левборга, потерявшего свою рукопись в кабаке («Гедда Габлер»). (Политехник от увлечения поэзией перешел к увлечению занятиями в Институте).

Спорили на тему тезиса ибсеновского доктора Штокмана: «сильнее всего в мире — тот, кто больше всех одиноков». Заколдовал нас Пер Гюнт (серебро григовских мелодий способствовало этому немало). Мы счастливо (это «счастье» мы поняли, однако, много позднее!) прошли мимо драм Станислава Пшибышевского, разрешающих путанные сексуальные неполадки.

Но уже не к счастью, а юношеского снобизма ради никогда не простаивали ночами в очередях «на Шалапина и на Собинова» (Голос Собинова сводил с ума иных наших сверстниц-курсисток). Слушали мы «знаменитостей» весьма редко, больше на студенческих «благотворительных концертах». Драмы Метерлинка «принимались», а музыку И. Саца к «Синей птице»⁸¹ расценили, как трогательно-простую, почти гениальную.

Начиная с гимназических моих лет, в каком бы городе или городке я ни жил — Измаиле, Одессе, Киеве, Москве, Тбилиси — рано или поздно туда, как херувимы, прилетали два одаренных брата-Адельгейма. Наш «клан» по без споров установившейся традиции, считал обязательным вспоминать гимназические годы и смотреть гастролеров Адельгеймов, пережить театральный трепет сильно драматических пьес «Казнь», «Трильби»⁸².

Пьеса А. Дюма «Кин» и весьма чувствительная драма «Две сиротки»⁸³ пронизывали нас не меньшим трепетом. В «Кине» нашим любимцем-исполнителем был артист Блюменталь-Тамарин⁸⁴. Был слушок (вероятно несоответствующий истине, как 99/100 таких слухов), что Б.Тамарин в жизни своей похож на героя драмы великого Кина, беспутного гения.

Но слушку мы верили, и смотрели пьесу и «Кина» с Блюменталь-Тамариным с замиранием сердца.

Пьеса «Две сиротки» (XVIII век, канун Великой Французской революции) десятки лет не сходила со сцены, а в 1930 г. в Москве в Худо-

⁸¹ Наиболее известное произведение Ильи Александровича Саца (1875–1917), созданное для постановки «Синей птицы» в Московском Художественном театре (премьера 30 сентября 1908 г.).

⁸² Роберт Львович (1860–1934) и Рафаил Львович (1861–1938) Адельгейм. «Трильби» и «Казнь» — пьесы Григория Григорьевича Ге (1867–1942).

⁸³ Пьеса А.Ф. Деннери и П.-Э. Кормона.

⁸⁴ Всеволод Александрович Блюменталь-Тамарин (1881–1945). Возможно, далее Мозалевский, говоря о «слушке», намекает на действительно имевшее место в годы войны энергичное коллаборантство актера, заочно приговоренного в СССР к смертной казни и убитого в Германии при таинственных обстоятельствах.

жественном театре она с успехом шла под названием «Сестры Жерар». Тонко и выразительно играл в ней роль добродетельного точильщика ножей и ножниц молодой артист Х[удожественного] Т[еатра] Владимир Сеницын, с которым был я знаком и дружен в последние годы его жизни. В судьбе и жизни этого артиста было что-то «киновское», а жизнь свою окончил он тоже почти что безумным образом: он, хороший, ловкий гимнаст, любил лазить по карнизам и в 1930 г. (нарочно или случайно?) сорвался с 5-ого этажа и разбился насмерть. Он создал незабываемый образ Яго, но об этом забыли⁸⁵.

В 1907–09 гг. в Киеве мы мечтали увидеть в театре пьесы Карло Гоцци, инсценировку повестей Амадея Гофмана. Мечтали, злобствуя и скрежеща зубами, так как афиши в большинстве своем вешали нам о представлениях «пошлых» и «безвкусных», «успокаивающих обывательщину» пьес, каких-то: «Золотых клеток»⁸⁶, пьес Потапенко, Анри Батайля⁸⁷, «Шерлока Холмса» Протопопова⁸⁸.

Увы, много лет спустя (1921–22 г.), когда война и другие грозные встряски человечества рассеяли наш клан, я в Москве увидел (без ожидаемого трепета, однако, года выветрили его) — и «Принцессу Брамбиллу» (Камерный театр) и «Турандот» — гениальную выдумку артиста Вахтангова. «Турандот» шла в студии Художественного театра, ныне театр Вахтангова. Было холодно, вряд ли топили в помещении театра... Но как было пышно, остроумно, звонко, какая жизнь, какая радость в публике и на сцене! И никакие гурии и херувимы не играли бы и не пели бы лучше, чем артисты студии Вахтангова, играющие «на гребешках» шедевры Сизова⁸⁹, написавшего музыку к «Турандот».

⁸⁵ Владимир Андреевич Сеницын (1893–1930) — артист МХАТ, масон, член ложи, возглавлявшейся поэтом Б.М. Зубакиным. Последний посвятил его памяти стихотворение «Ночь» («Оставьте путнику ночному...»: *Зубакин Б. Медведь на бульваре*. [М.], МСМХХХХ. С. 43), где иносказательно описывается его самоубийство.

⁸⁶ «Золотая клетка» — пьеса К.С. Гогеля (Острожского).

⁸⁷ Анри Батайль (1872–1922) — французский драматург. В России были популярны его пьесы «Он осмелился», «Нежность», «Светочи», «Вечер любви», «Дитя любви», «Неразумная дева» и др.

⁸⁸ Виктор Викторович Протопопов (1866–1916) был лишь переводчиком пьесы Ф. Бона «Шерлок Холмс».

⁸⁹ Николай Иванович Сизов (1886–1963). Ср. в воспоминаниях Ю.Б. Елагина: «Это был угрюмый, на редкость неприветливый и неразговорчивый молодой человек. Его звали Николай Иванович Сизов. Незадолго до того он окончил Московскую государственную консерваторию по классу Николая Метнера. Кроме нескольких маленьких сочинений для роля и голоса, Сизов ничего не написал и композитором себя не считал. Две ночи напролет говорил с ним Вахтангов, развивая свои идеи о музыке к “Турандот”, и, к концу второй ночи, убедился, что хмурый молодой человек понял его вполне. И это было действительно так. “Принцесса Турандот” получила именно ту музыку, какую должна была получить. Как верно найденная краска в картине, эта музыка вошла в спектакль, создавая вместе с актерами и художником совершенное произведение искусства. Интересно, что Сизов ввел

Сейчас по совершенно непонятным причинам исчезла со сцены одноактная пьеса Артура Шницлера (Австрия) «Зеленый попугай». События пьесы происходят в кабачке дяди Проспера в день 14 июля 1769 года — взятия Бастилии. Пьеса полна динамики, актеры, воры, аристократы, полицейские сыщики — все живет, стремительно, бурно, — вы чувствуете на щеках пламя революции, слышите грохот обрушивающихся камней Бастилии. Когда мы в Киеве где-то в маленьком театре смотрели эту пьесу, по всамделишному затаив дыхание, зачарованные, способные выбежать из театра и разгромить царские бастилии, — ведь нам казалось: «Да, да и у нас в России, в Киеве 1907 (или 1908 гг.) зажглось пламя революции», и мы кричали в финале пьесы вместе с актерами «Зеленого попугая», вместе с большей частью публики: Да здравствует свобода! Да здравствует свобода!⁹⁰

Мы были отравлены волшебными музами Терпсихорой, Эрато, Клио, Мельпоменой, но это не значит, что к борьбе нас изо дня в день не звала та «Муза», которой имя Революция.

1905–06 гг. мы шли за ней в гимназических куртках. Студентами мы, наш клан, принимали участие в т.н. «студенческих беспорядках», в 1907–08 гг. меня, Ярского и двух других близких клану студентов арестовала полиция за участие в «беспорядках» и [мы] были исключены из слушателей «Университета св. Владимира»⁹¹.

В 1908 г. в Россию приехала прошумевшая тогда «на весь мир» знаменитая танцовщица «босоножка» Айседора Дункан. Показала она свое искусство и в Киеве. И... «пошла писать (т.е. плясать!) губерния»...

Эстетствующие курсистки филологички, исторички, слушательницы всяких фельдшерских и массажа курсов, просто иные мамыны дочки на выданье, киевские Ирины, Ревекки, Матильды и даже новонареченные «Айседоры» стали танцевать в клубах, на вечеринках, на всяких благотворительных вечерах, одетые только в белые хитоны, и, конечно, босые, с распущенными волосами.

Плясали они... Шопэна, Листа, Грига. Тогдашней публике (не всей, конечно), увидевшей в системе Айседоры что-то протестующее, что-то новое в танце без юбочек, пачек и туфелек и Айседора и «движение босоножек» пришлось по вкусу. «Босоножки» долго еще плясали и иные кочевряжились на подмостках всяких «театров-миниатюр», но взорвался войной 1914 год и пришла пора и им обуться, мода на них ушла.

в состав оркестра гребешки, покрытые папиросной бумагой, придав общему звучанию характер странный, резкий и пронзительный» (*Елагин Ю.Б.* Укрощение искусств. М., 2002. С. 31; ср.: Там же. С. 88–95).

⁹⁰ Киевские постановки «Зеленого попугая» 1900-х гг. нам неизвестны.

⁹¹ О студенческих беспорядках в Киеве см.: *Бондаренко И.Н.* Большевики Киева в первой русской революции (1905–1907 гг.). Киев, 1960. С. 170–184.

МУЗЫКА БЕТХОВЕНА, ШОПЭНА, ГРИГА.
«ССОРА» С ВАГНЕРОМ. КИЕВ 1907–10 ГГ.

И, конечно, музыка воспитывала, облагораживала бушующие сердца юнцов. Были мелодии, которым долгие годы мы не могли «внимать без волнения». Экспромты Шуберта — «Лесной царь», фортепианные сонаты Бетховена. Особенно «Лунная», «Патетическая». И Григ — навалился на наши души, как северный медведь, своими «Пер Гюнтом», сонатами, песнями, концертами для фортепиано с оркестром.

Я пишу о неведомом «маленьком клане» — нескольких юношах-студентах, отравленных искусством — поэзией, литературой, театром, музыкой.

Но мы не были какими-то особенными «вне, экстра, сверх», таких заколдованных музами было немало. Один из нашего клана, Пьер И., был увлечен Себастьяном Бахом, Гайдном, Генделем. Другие не поняли, вероятно, ни фуг, ни ораторий — не зачаровывались.

Шопэн, его образ, его жизнь, его музыка — все было «нашим». Шопэн не только в вальсах, полонезах, балладах, скерцо, сонатах, мы любили слушать этюды, особенно один этюд, т.н. «революционный». Как часто вели мы беседы о жизни Шопэна в Париже, о его романе с Жорж Занд, кто-то из нас зло ругал «Аврору Дюдеван» за то, что она... погубила Шопэна, «втащила его в себя», в свои суматошные сумасшедшие, семейные и прочие дела в Париже и Ногане. И этот же кто-то говорил, что недаром Достоевский относился к Ж. Занд и «Жоржзандкам» с глубокой иронией.

Другой («посмертный») этюд Шопэна мы пронесли через всю нашу (короткую, увы, для клана!) жизнь, этюд не меланхолический, не отчаяния, а наполненный радостью, надеждами, уверенным спокойствием летней вечерней зари.

К сожалению по бедности нашей (а м.б. просто из лени стоять в очередях) мы редко слыхали музыку в концертных залах. Наши спутницы — курсистки и консерваторки, а порой мамы и бабушки их, играли нам на пианино, на рояле, а знакомые «самодеятельные» студенты играли на скрипке. Нам казалось, что играют все они тонко, прочувствовано и не надо было нам игры Кубелика или Ауэра.

Одно время вдруг мы ополчились против Вагнера. Член «клана» Ярский убедил нас, что в музыке Вагнера уж слишком много труб, литавр, барабанов, воинствующей тевтонской спеси и в доказательство приводил... победы немцев в 1871 г., рассказы Мопассана о войне 1871 г. и даже слова Ницше (цитирую на память): «Вагнер нашел в музыке средство возбуждать усталые нервы и сделал музыку большой»⁹².

⁹² Из статьи Ницше «Казус Вагнера. Проблема музыканта»: «Вагнер — великая порча для музыки. Он угадал в ней средство возбуждать больные нервы, — для этого

Но к 1909 г. — 1910 г. мы поумнели и в опьянении слушали в Киевском оперном театре «Полет Валькирии», чертыхаясь и ругая (неизвестно кого!), что так редко можно услышать в Киеве «Тангейзера», «Лоэнгрина», а уж слышать «Смерть Изольды», «Парсифэль» — совершенно несбыточная мечта!⁹³

К сожалению, долгие годы (1907–1910) наша родная русская музыка — Глинка, Чайковский, Мусоргский, Бородин, Рахманинов — звучала где-то далеко от нас. Вероятно, отчасти и потому, что на оперный театр не хватало денег. Но «Времена года» Чайковского мы все знали и любили еще с гимназических лет. Наши мамы и тетки воспитывались на них.

Моцарта, как следует, мы не знали, но мы никогда (до конца клана) не теряли из вида маячащий в призрачных далях величественный, как памятник Мавзолу, памятник — бессмертный «Реквием». «Моцарт и Сальери» Пушкина мы читали беспрестанно и почти всю трагедию знали наизусть. Но оперы «Моцарт и Сальери» тогда не слышали и даже не знали об ее существовании.

Строгие и благородные музы музыки, быть может, спасли нас в будущем от заманчивого увлечения какофоническими стихами, выкрикнутыми в 1913–14 гг. — спасли от всех этих — «Дыр... Бул... шур...», «О, засмейтесь, смехачи...», «Кричу кирпичу... Чу»⁹⁴ и от других в подобном роде давно забытых призраков галиматьи.

ВАЛЕРИЙ ЯКОВЛЕВИЧ БРЮСОВ. МОСКВА 1912 Г.

Свой (один из первых) рассказов «Вивея»⁹⁵ я писал в читальных залах Киевской Публичной библиотеки, где тогда работал Пьер И.

Он первый вселил в нас очарование гофманской фантастики (1907–08 гг.), а позднее, убрав Гофмана с полок библиотеки душ наших, достаточно смятенных, наполнил полки эти романами Стендаля и Бальзака.

он сделал больно музыку» (*Ницше Ф.* Собрание сочинений в пяти томах. Т. V. СПб., 2011. С. 239; пер. Н. Полилова, Я. Бермана).

⁹³ Согласно отзывам киевской печати, «Валькирия» была впервые поставлена в Киевской опере в сезон 1908/1909 гг. (*Орфей.* Городской театр // В мире искусств. 1909. № 2/3. С. 48; рецензент сообщает, среди прочего: «Нельзя упускать из виду и того, что киевская опера первая в провинции решилась показать Вагнера (читатель, разумеется, понимает, что я говорю не про Вагнера, как автора «Тангейзера» и «Лоэнгрина», а про Вагнера-реформатора)); «Тангейзер», начиная с сезона 1909/1910 гг., был введен в постоянный репертуар той же оперы, а «Зигфрид» отложен до следующего года (см.: *Орфей.* Музыкальные итоги сезона // В мире искусств. 1910. № 1/3. С. 48).

⁹⁴ Перечислены знаменитые строки А. Крученых (правильно: «Дыр бул щыл»), В. Хлебникова (первая строка ст-ния «Заключение смехом»; правильно: «О, рассмейтесь, смехачи!...»), В. Маяковского (из ст-ния «Я» («По мостовой / моей души изъезженной...»); правильно: «Кричу кирпичу»).

⁹⁵ Напечатан: *Мозалевский В.* Фантастические рассказы. М., 1913. С. 5–25.

Рассказ свой я осмелился послать в журнал «Аполлон» (Петербург).

Рассказ не взяли, но я получил одобряющие письма: от редакции и от поэта Михаила Кузмина, книгу стихов которого «Сети» мы хорошо знали⁹⁶.

Кузмин в очень приветливых словах отозвался о рассказе, нашел в нем что-то.

А через год, переведясь в Московский Университет⁹⁷ (почти все члены «клана» переехали в Москву) я отправился с письмом М.А. Кузмина к В.Я. Брюсову на дом и, конечно, шел не без волнения...⁹⁸

Незабываемый Валерий Яковлевич! Увидел я его в черном сюртуке, показался он мне строгим, чуть надменным, каким-то сверх взрослым, но вдруг одна мимолетная улыбка его сразу подбодрила меня, прием оказан был радушный. Он довольно быстро прочел мою рукопись и пригласил бывать на (литературных) «четвергах» в его квартире на 1-й Мещанской улице.

Я всю жизнь помнил его чуткое заботливое отношение ко мне, желторотому тогда еще какому-то начинающему «кропателю» от литературы. И ведь не только ко мне он так человечески отнесся. Я встречал на его «четвергах» самую разнообразную молодежь, рвущуюся (или лезущую) в литературу, поэзию, жаждающую говорить, писать, печататься.

Ведь в 1912 г. (год встречи моей с ним) он был занят чрезвычайно, он был отцом символизма, редактором многих изданий, директором Московского Литературно художественного кружка, редактором культурнейшего передового ежемесячника-журнала «Русская мысль», директором (или председателем?) Литературного «Общества свободной Эстетики»... (о нем, обществе этом, скажу дальше).

И вот Брюсов находил время слушать меня, говорить со мной о моих рассказах, планах, о Гофмане и немецких романтических повестях начала XIX века и о многом другом, а с каким-то вихрастым студентом Ш.⁹⁹ (по совести сказать, показавшимся мне не совсем «в себе») чуть не час говорить об йогах, о какой-то неведомой мне тогда Анни Безант и о высшей математике.

В.Я. Брюсов ввел меня в «Общество Свободной Эстетики», им взлелеянное литературное Общество, где писатели и поэты читали свои произведения, где организовывались концерты, диспуты.

⁹⁶ Эти письма не сохранились.

⁹⁷ Мозалевский перевелся в Московский университет перед последним курсом, в 1912 г., и закончил его в 1913-м (личное дело: ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 326. Ед. хр. 1280).

⁹⁸ Подробнее об этом визите и предшествовавшем ему письме см. во вступительной заметке.

⁹⁹ Неустановленное лицо.

Один из современных нам ведущих писателей, бывавший в те годы в «О.С.Э.» в дни своей молодости, почел за благо поругать, унижить «О-во Свободной Эстетики»: «разряженные эстетствующие дамы-де развлекались там, попивая жиденький чай» и... будто бы ничего боле?¹⁰⁰

Но это, конечно, не так. И попробуем «о мертвых», об этом Обществе, сказать хорошо. Были там на вечерах, разумеется и эстетствующие дамы, и блистали красотой, нарядами и камнями богатые буржуазки, лик которых мы и сейчас можем увидеть в музеях на полотнах больших художников. Но я слышал там, в «обществе», игру Рахманинова, Бориса Красина, Добровейна, Сабанеева. Читал свои рассказы и стихи Валерий Брюсов, Садовской Борис, Ходасевич Владислав. Нам мальчишкам (каким был и измурдовавший [sic] впоследствии «Общество» писатель) давали показать свое что-то. Стихи и какие-то доклады читал Вадим Шершеневич, читали там поэты Николай Бернер, Осип Мандельштам, С. Рубанович, К. Липскеров, всех не припомнишь, прошло свыше 40 лет!¹⁰¹

Неутомимый В.Я. Брюсов организовывал в «Обществе» конкурсы баллад, вирелэ, организов[ыв]ал выставки художников «Мир искусства», музыкальные вечера.

В начале 1914 года мы слышали там Эмиля Верхарна и слушали со священным вниманием великого поэта Бельгии, друга Брюсова не только «эстетствующие» дамы...¹⁰² И насколько помню в залах «Общества»

¹⁰⁰ Имеется в виду рассказ Л. Никулина «Вот Москва», где, в частности, говорилось: «В проходной комнате раз в неделю собиралось общество “Свободная эстетика”. Поэты читали стихи и запивали жиденьким чаем с лимоном. Литературные дамочки томилась от стихов Северянина — он снизошел до “Свободной эстетики” и позволил себя чествовать товарищеским ужином вкладчину» (*Никулин Л.* Вот Москва // Красная новь. 1935. № 5. С. 103).

¹⁰¹ Впервые имя Мозалевского появляется в списке «Членов-посетителей» «Общества свободной эстетики» в сезоне 1913 — 1914 гг. (см. печатный экземпляр списка, отложившийся в архиве Брюсова: РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 42. Л. 34 об.), при этом посещать открытые и «полуоткрытые» заседания он мог и не будучи членом общества. Его членский билет сохранился: РГАЛИ. Ф. 2151. Оп. 1. Ед. хр. 3. Сам он выступал в «Эстетике» с чтением рассказа «Вивея» 24 января 1913 г. Существенную часть перечисленных поэтов он мог слышать в одном заседании, на «вечере поэтов» 3 ноября 1911 г., ср. в рукописном отчете: «Вечер поэтов. Читали свои произведения Алякринский, Ю. Анисимов, В.Я. Брюсов, А. Булдеев, С. Головачевский, М. Гальперин, С. Липскеров, Н. Львова, С. Раевский, С.Я. Рубанович, Борис Садовской, А. Сидоров, В. Станевич, В. Ходасевич, В. Шершеневич, М.Я. Шик, И.И. Шюзевиц. В конце вечера В.Я. Брюсов объявил о поэтическом конкурсе, устраиваемом Обществом. Присутствовало 160 человек» (РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 38. Л. 76). Н. Бернер читал доклад «Весна или осень русской поэзии» 25 апреля 1913 г. Выступление Мандельштама в «Обществе свободной эстетики» нам неизвестно.

¹⁰² Э. Верхарн выступал в «Свободной эстетике» 3 декабря 1913 г. Подробности подготовки визита см.: Переписка [Брюсова] с Эмилем Верхарном. 1906–1914 / Вступ. ст. и публ. Т. Г. Динесман // Литературное наследство. Т. 85. М., 1976. С. 616–619.

в том же 1914 году патетически читал свои стихи «король поэтов» француз Поль Фор¹⁰³ и там же шумел воинственный итальянский футурист Маринетти, поведавши слушателям о детище своем не менее воинственном футуристе Мафарке (в потенции фашистском молодчике!)¹⁰⁴.

Может быть в воспоминаниях и неудобно говорить об этом, но разве можно вспоминать о Валерии Яковлевиче и не сказать о гостеприимной чудесной хозяйке салона на 1-й Мещанской-32, об образованнейшей женщине эпохи, верной подруге, помощнице поэта, о женщине, которой мы должны гордиться так же, как гордимся О.С. Чернышевской, Марией Башкирцевой и другими «Русскими женщинами». Я говорю об Иоанне Матвеевне Брюсовой.

МОСКВА 1911–15 ГГ.

ПИВНЫЕ МОСКВЫ. ЖУРНАЛ «САТИРИКОН», САША ЧЕРНЫЙ, АВЕРЧЕНКО. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЧТЕНИЯ В ПИВНОЙ. БУРГУНДСКОЕ ВИНО.

Нас, наш «маленький клан», в те годы (1911–1914) буквально очаровывали... московские пивные. Много было их раскидано по городу. Они заменяли нам (конечно, в фантазии), потенциально великим поэтам, беллетристам, художникам те кабачки и кафе, в которых мы бывали в мечтах же, — путешествуя по романам Бальзака, Флобера, рассказам Мопассана.

Дешевенькое пиво в кружках, скромные дешевые закуски. К пиву на чистых блюдечках подавались (бесплатно) мятый горошек, моченый горошек натуральный, кусочки воблы, копченой колбаски, 2–3 солью посыпанных бублика или солененькие же сухарики из черного хлеба. Иногда заказывали мы и яичницу и «печеные» яйца, раков, сосиски, но это был для нас уже некий «люкс».

За кружкой пива заводились знакомства с посетителями пивной, говорили о событиях дня, о театре (как-то спорили о постановке в Художественном Театре «Братьев Карамазовых»), кто-то из студентов парадоксально доказывал, что играя барона Тузенбаха в «Трех сестрах»,

¹⁰³ Поль Фор, стихи которого перевел Брюсов, был в России в 1914 г., подробнее см.: *Тименчик Р.* Из мимолетностей французско-русских литературных связей XX века. Письмо Поля Фора Владимиру Пясту // *Russies. Melanges offerts a Georges Nivat pour son soixantieme anniversaire.* Lausanne, 1995. P. 145–149.

¹⁰⁴ Ф.Т. Маринетти выступал в Обществе свободной эстетики 13 февраля 1914 г. (см.: *Харджиев Н.* От Маяковского до Крученых: Избранные работы о русском футуризме. М., 2006. С. 129–133). О шумном скандале, устроенном футуристами на его выступлении, см.: *Асеев Н.* Родословная поэзии. М., 1990. С. 250–251; ср. также газетные отчеты: *Б.л.* Футуристская битва в «Эстетике» (Русские ведомости. 1914. № 37. 14 февр. С. 5); «Инциденты в Кружке» (Русское слово. 1914. № 37. 14 февр. С. 5). Мафарка-эль-Бар — герой книги Маринетти «Футурист Мафарка. Африканский роман» (русское изд.: М., 1916; пер. В.Г. Шершеневича).

Качалов в звучание речи барона ввел... карамазовщину¹⁰⁵). В пивной самые разнообразные посетители-студенты, пролетарии, которые в наши пивные ходили, быть может, вовсе не для того, чтобы судачить с нами о балканской войне, а для встреч с товарищами по делам борьбы с царской властью, какие-то скромные московские клерки, порою старые выпивохи в стиле Мармеладова (конечно, они не были такими Мармеладовыми на самом деле, а это мы глядели на них сквозь «магический кристалл» литературы).

Иногда затевался общий волнующий разговор и неизменно, конечно, ругали и правительство и царя. Может быть и вероятнее всего в пивной посиживали и «шпики», но мы болтуны-студенты, да еще болтающие нередко о таких скучнейших с точки зрения шпииков вещах, как драмы Ибсена «Гедда Габлер», цитирующие ибсеновского же Пера Гюнта и Бранда — вряд ли их заинтересовывали...

Во многих пивных бывал телефон, так и вещала вывеска «Пивная. Телефон». В иных пивных в специальных рамках-палках — «к услугам посетителей» — немало было газет, журналов. Читали мы там «литературную страничку» петербургской газеты, газеты с весьма своеобразными названиями: «Биржевые ведомости». Читали юмористический журнал «Сатирикон», журнал «Огонек» и вылетевший в те же годы бомбой бульварный «желтый» в полном смысле этого слова, но называвшийся «Синим» (по обложке) «Синий журнал»¹⁰⁶. Журнал был наполнен всякой всячиной, сплетнями, литературными, политическими, всякими выкрутасами в духе Лямшина из «Бесов» Достоевского.

Упивались мы в «Сатириконе» стихами Саши Черного. Но как-то всех нас почему-то возмущали такие его строки, как: «Она целовала меня, я ее тоже *обратно*»¹⁰⁷.

Правилось и запомнилось надолго (по сейчас)

«...Васильевский остров
прекрасен, как жаба
в манжетах»¹⁰⁸.

¹⁰⁵ Премьера «Братьев Карамазовых» в Московском Художественном театре состоялась 12 и 13 октября 1910 г. (спектакль шел два вечера; В.И. Качалов играл Ивана Карамазова); «Три сестры» были поставлены еще в 1901 г., Качалов играл Тузенбаха с 1902 г.

¹⁰⁶ «Синий журнал» выходил в Петербурге (Петрограде) с 1910 по 1918 г.

¹⁰⁷ Из стихотворения «Прекрасный Иосиф» («Томьясь, я сидел в уголке...»); впервые: Альманах «Шиповник». Кн. 13. 1910. С. 125–127. По поводу этого выражения возникла отдельная полемика, в ходе которой автору пришлось объясняться, см.: *Черный С.* «Обратно» // Сатирикон. 1910. № 44. С. 5.

¹⁰⁸ Из стихотворения «Под сурдинку» («Хочу отдохнуть от сатиры...»); впервые: Сатирикон. 1909. № 44. С. 5.

Или (на даче)

«Звонок! Шаромыжник бродячий,
Случайный знакомый по даче,
Приходит, подсел к фортепьяно
И лупит... Неправда ли странно?

...Прилезла рябая девица
Нечаянно «Месяц в деревне»
Прочла и пришла поделиться...»

Словом, дачники...
в отчаянии.

«...Какие-то люди звонили,
Какие-то люди входили.
Боясь, что кого-нибудь плюхну,
Я бегал тихонько на кухню
И плакал за вьюшкой грязной
Над жизнью моей безобразной...»¹⁰⁹

Или запомнилось (цитирую все на память, м.б. не совсем точно)

«Любил медичку филолог.
Фадей Николаевич Смяткин,
Рассказ мой будет недолог,
Филолог влюбился по пятки».

Филолог ждет свою «мечту» в ее комнате. Наконец, поздно вечером она приходит.

«...Устала. Вскрывала студента
Труп был мерзок и грязен,
Холодна была сталь инструмента».

Она поведала далее, что «срезала пуповину, разлагала мочевины»
И нежно предлагает Смяткину «чаю».

«— Спасибо, ответил он глухо...
Словом, филолог удрал,
Любовь ухнула»¹¹⁰.

¹⁰⁹ Из стихотворения «Всероссийское горе» («Итак — начинается утро...»); впервые: Сатирикон. 1910. № 2. С. 2.

¹¹⁰ Со значительными разночтениями цитируется стихотворение «Городская сказка» («Профиль тоньше камеи...»); впервые: Сатирикон. 1909. № 46. С. 7.

В «Сатириконе» были интересные хлесткие карикатуры (художников Радакова, Ре-ми), в карикатурах высмеивались Гучковы, Пуришкевичи, Марковы, пошляки, тогдашние мещане... К сожалению, мало что запомнилось в деталях. Помню только, в одном из номеров (на первом листе) был нарисован отцом (или генералом) литературы Лев Толстой, а у ног его целый выводок «детей» — современных писателей — Леонид Андреев, Арцыбашев, других не помню, вероятно, Сологуб Федор был там. В руках у Толстого — дитя — писатель Куприн с книжкой в руках — держит рассказ свой «Изумруд». Толстой гладит разумное дитя по головке, нравоучительно говоря, что те вон внизу пишут невесть что, а «капитан» Куприн взял кусочек настоящей жизни и создал «Изумруд»¹¹¹. «Сатирикон» громил декадентов.

В Аверченко, капитане «Сатирикона», мы находили многое от раннего Чехова, но иногда спорили, нет ли в нем и Джером К. Джерома, и Марка Твена, и... что-то есть в нем от одесского коммивояжера-весельчака и неистощимого анекдот-махера. Как-то кто-то из нас вслух прочел всем гостям пивной рассказ Аверченко «Бургундское вино»¹¹². И всем слушателям рассказ понравился чрезвычайно. Много смеялись.

Постараюсь посылить припомнить содержание рассказа:

Петербургский извозчик, ну из таких, каким он знаком нам по чеховскому рассказу, медленно везет зимним вечером на санках барина в собольей шубе и закутанную в меха и шали благоуханную даму, везет он их в ресторан. Извозчик мало прислушивается к словам седоков, но запоминает некий диалог (имевший для извозчика роковое значение!)

— Зачем ты меня везешь в ресторан, милый? Сегодня мне так не хочется пить... — говорит дама.

— И не надо пить, дорогая. Ну закажем что-нибудь легкое, воздушное. Какое-нибудь бургундское...

Поздно ночью, развезя по домам соответствующую партию пьяных или трезвых обывателей, извозчик отправляется в ночной извозничий трактир и там, вытряхивая санный коврик, обретает оброненный каким-то седоком туго набитый кредитками бумажник. Он смутно вспоминает, что видел такой точно бумажник у давешнего седока в собольей шубе.

— Эх вы — укоризненно шепчет извозчик. — Вот тебе и бурхундское.

Извозчик честен. Ему удастся найти собственника сокровищ, тот оказался крупным судебным работником — мировым судьей и извозчик

¹¹¹ Вероятно, ошибка памяти: в «Сатириконе» подобная карикатура не появлялась (хотя сам Толстой регулярно изображался и даже был центральным персонажем особого «толстовского номера» — 1908. № 21, 30 авг.).

¹¹² Автор пересказывает рассказ Аверченко «Приключение номера 24345» (Сатирикон. 1909. № 38. С. 7–8).

возвращает судье утерянное. Судья в умилении от честности русского извозчика и вознаграждает эту честность кредиткой в 25 рублей.

Извозчик, однако, выходит из кабинета судьи с ощущением какой-то досады. — Что же делать с этими деньгами? Деньги эти дурные. Надо их не иначе, как пропить.

Поздно вечером он выпивает в трактире изрядное количество водки, съедает и кулебяки, и сельдь, и осетрину с хреном, но «дурные деньги» истрачены не целиком.

— Слушай, милый, обращается он к трактирному половому — А бурхундское у вас есть?

Малый удивлен таким вопросом, но отвечает.

— Вино бургундское? Найдется.

— Так подай мне квартиру что ли...

— Какую такую квартиру? Бутылочку прикажете?

И извозчику подали бутылку кислого бургундского вина.

«Всем известно, — говорит Аверченко, — что бургундское вино производит действие легкого изящного опьянения, но на извозчика оно подействовало ужасно...»

Он рассвирепел. Он сразу как-то познал мерзость социального неравенства, гнусность буржуазно-помещичьего строя, когда одни, моты, развратники, угнетатели грабят народ, пьют бургундские вина, а народ в унижении, в нищете, в голоде... Извозчик, взволнованный вином, тяжелыми мыслями, учиняет в трактире великий дебош и попадает в полицейский участок.

А за дебош его судит тот самый мировой судья... Судья, выслушав извозчика, признает его виновным, но после долгого раздумия, выносит оправдательный приговор, «ввиду наличия в деле смягчающих обстоятельств».

Конечно, надо бы прочитать сейчас рассказ Аверченко, чтобы понять, почему московская «харчевня Королевы Педок»¹¹³, т.е. московская пивная закружилась тогда в смехе. Но где же достать сейчас книги Аверченко, и приходится ограничиться моим скромным пересказом.

Аркадий Аверченко давно умер. Он, обуреваемый идеями Остапа Бендера, увы, как «осколок разбитого вдребезги» (название книги Аверченко о белоэмиграции) вылетел из России.

Трудно понять, почему уехал он. Он смело мог бы до конца своих дней идти по путям русской, т.н. юмористической литературы рядом с Пантелеймоном Романовым, Зощенко, да, я думаю, и Ильф и Петров не пренебрегли бы его дружеским рукопожатием собрата.

¹¹³ Название повести Анатоля Франса (в других переводах — «Харчевня королевы Гусиные лапки»).

В «Синем журнале», помню блеснул в 1910 или 1911 г. мемуарами какой-то знаменитый тогда атлет-борец (забыл фамилию, что, впрочем, неважно!). Он сверкающими фразами писал, как он клал на обе лопатки других не менее знаменитых, как пьянит слава, писал о горящих глазах зрителей цирка, «женщины бросаются мне на шею...» и пр. и пр...¹¹⁴

Кстати сказать, тогда еще шумел пошлейший роман Арцыбашева «Санин».

Тема «клоуна», или, как сказали бы сейчас «артиста цирка», была когда-то очень модной, вдруг снова разгорелась, а Леонид Андреев и Куприн своими рассказами и пьесами подливали масла в огонь¹¹⁵. Нашему маленькому «клану» тема казалась пошлой, избитой, но для обитателей пивных 1911–1914 гг. она была и гвоздевой и огневой и мы все же принимали большое участие во всяких разглаголях и дискуссиях на эту тему.

Как-то уже в другом месте, в кофейной под названием «Кофейня грека» на Тверском бульваре¹¹⁶, студент Ярский с пеной у рта старался доказать незнакомцу писательского вида в черном пальто при черной пушкинской шляпе, что после шедевров «Братьев Земгано» Гонкуров, после «Гутаперчевого мальчика» Григоровича, после «Четырех бесов» Банга и «Каштанки» Чехова — много было написано пошлостей о клоунах и цирке, а «Тот» — Леонида Андреева, рассказы из жизни цирка Куприна — струи потока этой же пошлости.

Незнакомый «писатель» со снисходительно приветливой улыбкой смотрел на нас, мягко возражая Ярскому.

Уже много позже, кажется в 1914 г., узнали мы, что мимолетным собеседником нашим в кафе «Грека» был известный Киевский театральный критик П.Я.¹¹⁷

МОСКВА 1912–15 ГГ.

¹¹⁴ В «Синем журнале» регулярно печатались материалы о спортсменах-борцах (см., напр.: Студент А.Ш. Студент-борец о себе // 1910. № 3. С. 14; Геркулесы XX века. Очерки из быта «чемпионов мира» // 1912. № 10. С. 12–13; Исповедь Ваньки Каина // 1912. № 19. С. 15), но в 1910–1912 гг. не было ни одного, который печатался бы с продолжением.

¹¹⁵ Подразумевается пьеса Л.Н. Андреева «Тот, кто получает пощечины», пьеса А.И. Куприна «Клоун» и серия цирковых рассказов Куприна: «Дочь великого Барнума», «В цирке», «Ольга Сур» и др.

¹¹⁶ Открытое лишь в теплое время года кафе на Тверском бульваре, излюбленное место встреч московских писателей. См. о нем: *Лобанов В.М.* Кануны. Из художественной жизни Москвы в предреволюционные годы. М., 1968. С. 80–82.

¹¹⁷ Вероятно, Петр Михайлович Ярцев (1870–1930) — театральный критик и драматург. См. о нем: *Петкова Г. П.М.* Ярцев — забытый театральный деятель // Новый журнал. 1999. № 216. С. 186–194.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЛЬЦИОНА». ИЗДАТЕЛЬ А. М. КОЖЕБАТКИН
И «ЕГО ОКРЕСТНОСТИ». МОЯ ВСТРЕЧА С А. В. ЛУНАЧАРСКИМ.

В 1912 году Валерий Яковлевич Брюсов сказал мне, прочитав в рукописи три моих рассказа: — обратитесь в «Альциону», к Александру Мелетьевичу Кожебаткину. Я говорил с ним. Может быть, он издаст ваши рассказы.

С трепетом юного Люсьена Шардона («Погибшие мечтания» Бальзака) поднимался я на лифте на IV этаж многоэтажного дома по Трехпрудному переулку, где жил А.М. Кожебаткин и там же была, в сущности, «редакция», ибо вопросы издания решал как будто он один¹¹⁸.

Много лет с тех пор мы с Кожебаткиным были в самых дружеских отношениях, до последних лет его жизни (он умер в 1941 г.¹¹⁹) хотя на протяжении этих почти 30 лет случалось так, что годами не встречались.

В 1912 г. я был то, что называется, обласкан им, он (без какой-либо для себя корысти, а скорее с риском) взялся издать мои «фантастические рассказы» (1913 г.). Попозднее я попенял его за то, что он издал все, даже и очень слабые рассказы («Май», например), не заставил меня кое-что отшлифовать, исправить... Он отшучивался, говорил, что вообще издавать их не надо было, а этого уж не исправишь...

В редакции «Альционы» я встречал меж гекатомб пахнувших типографской краской книг, среди множества картин, развешанных на стенах и просто поставленных у стен — много людей, казавшихся мне студенту-юнцу «знаменитыми». Бывал там часто художник график Н.П. Феофилактов. Его рисунки я знал по журналам «Весы», «Аполлон», по выставкам художников группы «Мир искусств[а]». Манера его напоминала мне манеру Обри Бердслея, — но добродушный и скромнейший Н.П.¹²⁰ очень обижался, когда кто-нибудь говорил об этом сходстве¹²¹.

¹¹⁸ Московский адрес Кожебаткина: Трехпрудный пер., д. 5/15.

¹¹⁹ В научной литературе в качестве даты смерти Кожебаткина указывается обычно апрель 1942 г., вероятно, начиная с: *Берков П.Н.* История советского библиофильства. М., 1971. С. 105.

¹²⁰ Ср. противоположную характеристику: «Изысканность модного костюма и европейской прически Николая Петровича Феофилактова странно противоречила его грубости в обращении и приемах» (*Садовской Б.А.* «Весы». Воспоминания сотрудника / Публ. Р.Л. Щербакова // *Минувшее: Исторический альманах*. 13. М.; СПб., 1993. С. 26).

¹²¹ Ср. кстати в воспоминаниях современника: «Где-то увидел Модест [Дурнов] рисунки какого-то безвестного автора, они его очень заинтересовали. Оказалось, что рисовал их какой-то юный писец на почтамте. Дурнов разыскал его и изъясил из почтамта. Это и был Феофилактов. Как-то быстро совершилось превращение из почтамтского человека в «сверхэстета». На лице появилась наклеенная мушка, причесан стал, как Обри Бердслей, и во всем его рисовании было подражание этому отличному острому английскому графику» (*Виноградов С.* Превращение. Воспоминания / Авт.-сост. Н. Лапидус. Рига, 2001. С. 137).

Н.П. Феофилактов умер в 1940 г., прожив 60 лет скромной жизни, посвятив ее искусству и (несколько лет) работе в музеях¹²².

В тридцатых годах он готовил иллюстрации к рассказам Т.А. Гофмана для [издательств] «Академия». Часть была издана¹²³, а папку с другой, большей частью рисунков-оригиналов Н.П., рассеянный, уже не совсем здоровый, где-то не то потерял, не то забыл. Тщетно эти утраченные рисунки разыскивала его жена¹²⁴, публиковала в газетах соответствующие обращения.

Десятки кропотливо выполненных рисунков (на что ушло немало дней и ночей) безвозвратно погибли.

Н.П. был крайне неразговорчив в те годы знакомства моего с ним. Крайне резко и презрительно относился он к тогдашним новаторам-кубистам, «лучистам», «пуантилистам». Тем не менее он очень дружелюбно уживался с часто посещающим «Альциону» художником Якуловым Г.Б., писавшим свои вещи в весьма отличной от художников «Мира искусства» манере. Н.П. был западного типа романтик, но он зачитывался и Чеховым и Достоевским. В разговорах со мной на всякие литературные темы, он часто цитировал Гете. Любил особенно Мицкевича (мать Н.П.¹²⁵ была полькой).

¹²² Николай Петрович Феофилактов (1876–1941) в 1917–1918 гг. работал хранителем восточной коллекции («Восточного музея») в бывшем доме В. Гиришмана; в 1919–1923 гг. был хранителем собрания Первого музея Новой западной живописи (см.: *Киселев М.Ф.* Николай Петрович Феофилактов. Материалы к биографии // Памятники культуры. Новые открытия. 2002. М., 2003. С. 421).

¹²³ Подразумевается книга: *Гофман Э.Т.А.* Повелитель блох / Пер. под ред. В.Р. Гриба; илл. Н.П. Феофилактова; оформ. Н.П. Ульянова и А.И. Порет. М.–Л., 1937. В ней помещен 1 лист фронтисписа (портрет) и 7 листов полосных иллюстраций.

¹²⁴ Жена Феофилактова — искусствовед Наталия Александровна Радзимовская. Вероятно, Мозалевский ошибается; ср. в стенограмме устных воспоминаний Феофилактова: «Среди других заказов издательства “Academia” мной были выполнены до 50 рисунков к книгам Л. Стерна “Тристам Шенди” и “Сентиментальное путешествие”. Они были приняты и утверждены зав. худ. частью издательства М.П. Сокольниковым. Эта работа была вершиной моего графического мастерства. Они оказались утерянными (выпали из папки на улице) и я ничего не знаю о их судьбе...» (Стенограмма беседы В.М. Лобанова с художником Н.П. Феофилактовым 22 февраля 1940 г. // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 2002. М., 2003. С. 431). Действительно, согласно договору Феофилактов должен был исполнить для книги Стерна 17 полностраничных рисунков, 8 на 3/4 страницы, 20 на 1/2 страницы, 5 заставок, 5 концовок, суперобложку и рисунок переплета (РГАЛИ. Ф. 2419. Оп. 2. Ед. хр. 23. Л. 1). Впрочем, и в договоре на книгу Гофмана значились 16 полностраничных рисунков, фронтиспис, 2 заставки и 2 концовки (Там же. Л. 2), в итоге иллюстраций оказалось всего 7 (плюс фронтиспис). Возможно, рисунки к Стерну были утрачены при перевозке их с выставки «Художники РСФСР за 15 лет», открывшейся 10 декабря 1933 г.: по крайней мере, на момент написания автобиографии Феофилактова 1934 г. они еще находились в экспозиции (РГАЛИ. Ф. 2419. Оп. 2. Ед. хр. 22. Л. 1).

¹²⁵ Клавдия Ивановна Феофилактова.

Конечно, не я, а кто-то другой из знавших его художников и искусствоведов (ныне здравствующих) должен был бы написать о жизни и работах благороднейшего, честнейшего и скромнейшего талантливового русского художника-графика начала века Н. П. Феофилактова.

Кого только я не встречал в те годы (1912–1914) в «Альционе».

В русской рубашке-косоворотке, потряхивая кудрями, вел какую-то веселую беседу молодой композитор Борис Борисович Красин¹²⁶. Ругая (кого ругал, не помню, но ругал крепко), докладывал свои суждения о «голубом солнце» и о «построении живописи на скоростях стекол» художник Якулов Георгий Богданович, одетый в «кричащий» яркий костюм¹²⁷.

Добродушно улыбался всем говорунам и спорщикам скромный молчаливый художник Арапов Анатолий Афанасьевич (звали его все «Афанасьич»¹²⁸).

Гремел звонким металлом голос Вадима Шершеневича, «испытанного остряка», весь вечер неугомонно разбрасывающего свои остроты о тех или иных писателях и поэтах.

В «Альционе» бывали Шершеневич, Ходасевич, Рубанович¹²⁹, Охрамович¹³⁰ [sic]. И вот, помню, какой-то шутник запел приятным баритоном на мотив из «Травиаты» (арию Виолеты: «Быть свободной и пр.»):

... Шершеневич, Ходасевич,

Охрамович, Рубанович...

Бывали в «Альционе», но не в шумном окружении, а в обстановке деловой и строгой Валерий Яковлевич Брюсов и профессор Саводник¹³¹, и много других писателей, художников. Часто бывал книговед, которого знают все «библиофаги» Москвы — Давид Самойлович Айзенштадт¹³².

А.М. Кожебаткин был человеком большой культуры. Он прекрасно знал книгу, книжное дело, любил и знал Пушкина, русскую литературу

¹²⁶ Борис Борисович Красин (1884–1936) — композитор; после 1917 г. крупный деятель советской музыкальной культуры.

¹²⁷ «Голубое солнце» — статья Георгия Богдановича Якулова (1884–1928), напечатанная в единственном альманахе «Альционы» (Альциона. Кн. первая. М., 1914. С. 236–239; на шмуцтителе и в оглавлении «Дневник художника»). «Построение на скоростях стекол» — подзаголовок его картины «Городская живопись», экспонировавшейся на выставках 1913 и 1914 гг. (см.: *Аладжалов Г.И.* Георгий Якулов. Ереван, 1971. С. 306).

¹²⁸ Анатолий Афанасьевич Арапов (1876–1949) — художник и сценограф.

¹²⁹ Поэт и критик Семен Яковлевич Рубанович (1888–1930).

¹³⁰ Имеется в виду писатель и переводчик Витольд Францевич Ахрамович (1882–1930), сменивший Кожебаткина на посту секретаря редакции издательства «Мусагет».

¹³¹ Владимир Федорович Саводник (1874–1940) — ученый-филолог, автор популярного учебника.

¹³² Давид Самойлович Айзенштадт (1880–1947) — антиквар и собиратель, компаньон Кожебаткина по эфемерному издательству «Венок».

XIX века. Он страстно любил Чехова, цитировал много фраз из его рассказов и эти фразы (к месту, конечно) вспоминали мы с ним многие годы, как родные созвучия...

А.М. научил меня любить Флобера, особенно горячо. В самом Александре Мелетьевиче были как будто черты издателя Арну из «Сентиментального воспитания» Флобера¹³³, но А. М. очень не любил, когда я или к[то-]н[ибудь] другой, смеясь, говорил ему об этом сходстве, а (в отместку!) находил и в нас, юнцах его окружающих, не весьма хорошие черты иных героев того же романа — Делорье, Сенекалья, Гюссонэ.

У А.М., как издателя, был широкий размах мецената, но, увы, не было достаточных средств, что заставляло его осуществлять издание книг приемами в стиле издателя Жака Арну... Клеветой было бы сказать, что он плохо платил гонорары сотрудникам «Альционы», но в 1912–15 г.г. иногда болтали, что расплачивался А.М. с литераторами и поэтами... счетами ресторанов! Но вольно же было нам, юнцам, засиживаться с ним в ресторанах и не платить по счету ни гроша (платил «меценат»).

Книги «Альционы» А.М. издавал хорошо и со вкусом (в части оформления), обложки и иллюстрации писал Сарьян, Крымов, Феофилактов, Якулов Г.Б., Сапунов¹³⁴. Он издал иллюстрированные монографии О. Бердслея, Стенлейна¹³⁵. Издавал статьи Брюсова В.Я., Андрея Белого, стихи Сергея Клычкова, Юл. Анисимова, Юрия Сидорова (совсем молодым), в зелено-бирюзовой с золотом обложке издал стихи «Песок и розы» К. Липскерова, издал «Ориенталия» Мариетты Шагинян...¹³⁶ Из иностранных — Поля Верлэна, Жюля Лафорга (стихи «Феерический Собор»), Анри де Ренье, Э.Т.А. Гофмана («Золотой

¹³³ В классическом переводе — «Воспитание чувств».

¹³⁴ М.С. Сарьян рисовал обложку для книги М.С. Шагинян «Orientalia» (1-е изд.: М., 1913) и иллюстрировал (вместе с Г.Б. Якуловым) сборник В.Ю. Эльснера «Пурпур Киферы» (М., 1913); Н.П. Крымов рисовал обложку для книги Г.И. Рыбинцева «Осенняя просинь» (М., 1914); Н.П. Феофилактову (см. прим. 64) принадлежит издательская марка «Альционы»; работ Н.Н. Сапунова для «Альционы» мы не знаем.

¹³⁵ Мозалевский ошибается: двухтомная монография о Бердслее («Избранные рисунки» и «Жизнь и творчество»), подготовленная А.А. Сидоровым, была издана Кожебаткиным вместе с Д.С. Айзенштадтом и А.Г. Вишняком под маркой издательства «Венок» (М., 1917); по внешности увраж действительно напоминает лучшие образцы «Альционы». Брошюра А.А. Сидорова «Стейнлен художник парижского пролетариата» (М., 1919) была издана под маркой «Государственного издательства».

¹³⁶ Единственная изданная «Альционной» нехудожественная книга Брюсова — «Краткий курс лекций о стихе» (М., 1919). Далее имеются в виду книги: *Белый А.* Луг зеленый. М., 1910; *Клычков С.* Потаенный сад. М., 1913; *Анисимов Ю.* Обитель. М., 1913; *Сидоров Ю.А.* Стихотворения. М., 1910 (здесь aberrация памяти: Юрий Ананьевич Сидоров был не просто молодым, но рано умершим; 1887–1909); *Липскеров К.* Песок и розы (М., 1916). О книге М.С. Шагинян см. примеч. 76.

горшок»)¹³⁷. Издавал три или четыре альманаха (в них статьи, рассказы А.Н. Толстого, В. Брюсова, М. Шагинян, Садовского Бориса, Кузмина М.А., Стендаля, В. де Лиль Адана и др.)¹³⁸.

Многие писатели, в том числе и я, многим обязаны А. М. К-ну в начале своего литературного пути (пути всегда нелегкого!).

Вспоминаю, что А. Белый манерно плохо говорит об А. М. и то как-то вскользь «кем-то подобранный» К-н, «гнусавила дудка К-на...»¹³⁹ Кроме гадостей, как будто уж и нечего было вспоминать А. Белому о нем!

Мы, тогдашнее О-во «Альционы» видели, конечно, в Александре Мелетьевиче не только Жака Арну или ибсеновского разбитого крахом Джона Габриэля Боркмана¹⁴⁰. Он был непревзойденный знаток русского языка, русских пословиц, сердился, когда к[то]-н[ибудь] из нас говорил «не по-русски» и смело мог бы заменить тогда иным плохо знающим русский язык литераторам «Московских просвирен»¹⁴¹.

Годами «возился» А. М. с весьма самолюбивым, вскидчивым, дерзким и обидчивым поэтом Тихоном Чурилиным.

Его сборник стихов «Весна после смерти» издан был «Альционной» превосходно (с иллюстрациями Наталии Гончаровой)¹⁴².

А Т. Чурилин метался тогда в состоянии немалого пауперизма и А.М. помогал ему много¹⁴³.

¹³⁷ *Верлен П.* Записки вдовца / Пер. С. Рубановича; вступ. ст. В. Брюсова. М., 1911; *Лафоре Ж.* Феерический собор / Вступ. ст., пер., примеч. и библиогр. В. Брюсова, Н. Львовой, В. Шершеневича. М., 1914; *Ренье А. де.* Маркиз д'Амеркер / Пер. М. Волошина. М., 1914; *Гофман Э.Т.А.* Золотой горшок / Пер. В. Соловьева. М., 1913.

¹³⁸ У «Альционы» был один-единственный одноименный альманах (Кн. 1. М., 1914), существующий в двух вариантах из-за цензурного вмешательства: он был арестован из-за рассказа Брюсова «После детского бала», который в большей части тиража пришлось заменить стихотворениями того же Брюсова.

¹³⁹ Мозалевский неточно цитирует отзывы о Кожебаткине из мемуарной книги Белого «Начало века»: «Сорвался он: заголосили все сразу, являя собой разложение звука, в котором окрепла гнусавая и деритонящая отвратительно, нас разлагавшая дудка: дудел... Кожебаткин, непрошено Эллисом втолкнутый в “Мусагет” [...]»; «Эллис ведь новых людей вырывал, как корни, из разных кварталов Москвы, то являясь [...] с где-то подобранным им Кожебаткиным [...]» (*Белый А.* Начало века / Подгот. текста и коммент. А.В. Лаврова. М., 1990. С. 99–100, 392).

¹⁴⁰ Главный герой пьесы Ибсена (сейчас его имя и ее заглавие переводят как «Йун Габриэль Боркман»).

¹⁴¹ Известное замечание Пушкина из «Опровержения на критики...»: «Альфieri изучал итальянский язык на флорентийском базаре: не худо нам иногда прислушиваться к московским просвирням».

¹⁴² См. примеч. 4. Сам Чурилин упоминает Мозалевского («молодой тогда писатель Виктор Мозалевский») среди слушателей своей пьесы «Последний визит», см.: *Чурилин Т.В.* Встречи на моей дороге / Вступ. ст., публ. и коммент. Н. Яковлевой // Лица: Биографический альманах. Т. 10. СПб., 2004. С. 460.

¹⁴³ Пауперизм — бедность, нищета.

В г.г. 1922–23, когда я уже реже с А.М. встречался, он заправлял совместно с А. Мариенгофом (и, кажется, Есениным?) «Книжной лавкой» имажинистов (на улице Герцена)¹⁴⁴.

Это были годы расцвета Камерного театра. А.М. «водил» меня в этот театр, который был очень близок ему.

Да и меня пленяли тогда и режиссер Таиров, и игра А.Г. Коонен, которую я считал современной Лекуврер, Клерон¹⁴⁵.

Из репертуара ярко запомнились «Жирофле-Жирофля», «Сакунтала», «Федра», «Адриенна Лекуврер», «Человек, который был четвергом» (рассказ Честертона, переплавленный в пьесу писателем Кржижановским С.)¹⁴⁶.

А.М. все собирался написать какую-то большую книгу о русской литературе, но так и не создал ничего в этом смысле, во время войны умер от дистрофии.

Какой-то злоюка острил, что А.М. за всю свою жизнь не писал ни писем, ни записок, ни статей, ничего либо иного, а только подписывал ресторанные счета, векселя и обязательства всякого рода. Под конец своей жизни, материально нуждаясь, он нередко облачался в тогу Чаадаева (эпохи «Писем»), брюзжал, сердился на русскую литературу тридцатых годов...

Об одном кутиле — юном писателе (годы 1913–14) Ал.М. сказал: «нет такого кабака, где бы не создавал он настроения неизмеримо ниже общего тона».

Некий неудавшийся литератор Ярский (безвременно давно погибший), бывавший много раз в «Альционе» в 1913–15 г., что-то

¹⁴⁴ Кожебаткин (вместе с С.А. Есениным, А.Б. Мариенгофом, С.Ф. Стрельцовым и Д.С. Айзенштадтом) был совладельцем книжной лавки на Б. Никитской (д. 13) в Москве, открывшейся под маркой «Московской трудовой артели художников слова» в конце 1919 г. (см. о ней прежде всего: *Петрова Н.* Есенин за прилавком // Книжная торговля. 1966. № 11. С. 40–41; см. также: *Божко В.* Сергей Есенин в Харькове. Харьков, 2008. С. 36; *Базанов В.В.* Сергей Есенин и книгоиздательство «Московская трудовая артель художников слова» // Есенин и современность. М., 1975. С. 120–141; *Юшкин Ю.* Есенин и «Московская трудовая артель художников слова» // В мире Есенина: Сб. статей. М., 1986. С. 607–618). Согласно сведениям, собранным Н. Петровой, Кожебаткин выставил на продажу через магазин «свою огромную библиотеку» (Книжная торговля. 1966. № 11. С. 41).

¹⁴⁵ Адриенна Лекуврер (1692–1730) и Ипполита Клерон (1723–1803) — знаменитые французские актрисы.

¹⁴⁶ «Жирофле-Жирофля» — комическая опера Ш. Лекока, премьера в Московском Камерном театре 3 октября 1922 г. (в главной роли А. Коонен); «Сакунтала» — драма Калидасы, первый спектакль Московского Камерного театра, премьера 12 декабря 1914 г.; «Федра» — драма Ж. Расина, премьера 8 февраля 1922 г.; «Адриенна Лекуврер» — пьеса Э. Скриба и Э. Легуве, премьера 25 ноября 1919 г.; «Человек, который был четвергом» — пьеса Сигизмунда Доминиковича Кржижановского (1887–1950) по одноименному роману Г. Честертон, премьера 6 декабря 1923 г.

сильно распьянствовался, растрянжирился, дойдя до того, что пытался (безуспешно) продать свои кожаные траченные временем краги. С продажей краг произошла какая-то история: хозяин пивной купил их... но, бессовестный, зачел должок Ярского... Через несколько дней ватага литературных «бесштаных» юношей сидела в гостеприимной столовой, съедали бутерброды, в огромном количестве сервированные Жанной Евгеньевной¹⁴⁷, женой А.М., пили красное вино и фантазировали о каком-то, преисполненном умными диалогами пире в стиле пира из «Шагреновой кожи» Бальзака, вычерчивая в мечтах тонкие вина, заморские яства, изысканных куртизанок, легкие костюмы, тоги, хитоны.. А А.М., слушая нас, сказал серьезно: «Из особого уважения к Ярскому мы разрешим ему остаться в крагах».

Как то в 1924 году я застал в «Альционе» А.В. Луначарского. Они беседовали с А.М. о каком-то проекте издания (кажется, художника Мазереля¹⁴⁸). А.М. представил меня Анатолию Васильевичу: — «Мозалевский». — Анатолий Васильевич с приветливой улыбкой посмотрел на меня и спросил: — «Мозалевский? Писатель Мозалевский?»

— Нет, декабрист, — сказал, смеясь А.М.

(В Ю[жном] О[бществе] декабристов был поручик Черниговского полка Мозалевский Андрей Евтихievич¹⁴⁹).

Одна литературная дама, чуть поэтесса, в 1925 г., наскучив посещать литературные вечера, сделалась «подругой» богатого сапожника-нэпмана, к литературе отношения не имевшего.

— Дай ей бог, она хорошая — процитировал А.М. фразу из чеховского рассказа...¹⁵⁰

(Окончание следует)

Литература

Базанов В.В. Сергей Есенин и книгоиздательство «Московская трудовая артель художников слова» // Есенин и современность / Под ред. В. Базанова и Ю. Прокушева. М.: Современник, 1975. С. 120–141.

Белый А. Начало века / Подгот. текста и коммент. А.В. Лаврова. М.: Художественная литература, 1990. 707 с.

Божко В. Сергей Есенин в Харькове. Харьков: Мачулин, 2008. 208 с.

¹⁴⁷ Жанна Евгеньевна Кожебаткина (?–1938); иными сведениями о ней не располагаем, добавим лишь ее характеристику как «милой и приветливой» (инскрипт С. Есенина; см.: Юсов Н.Г. «С добротой и щедротами духа...»: Дарственные надписи Сергея Есенина. Челябинск, 1996. С. 106).

¹⁴⁸ Издание это, вероятно, не состоялось.

¹⁴⁹ Декабриста Мозалевского звали Александр (не Андрей) Евтихievич (1803–1851).

¹⁵⁰ Из рассказа «Отставной раб» (1883).

Виноградов С. Пренная Москва: Воспоминания / Авт.-сост. Н. Лapidус. Рига: Multi Centrs, 2001. 216 с.

Горнунг Л. «Свидетель терпеливый...»: Дневники, мемуары / Подгот. текста, предисл., коммент. Т. Нешумовой. М.: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2019. 768 с.

Зайцев П.Н. Воспоминания / Сост. М.Л. Спивак. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 752 с.

И.Я. Билибин в Египте. 1920–1925: Письма, документы и материалы / Сост., предисл. и примеч. В.В. Белякова. М.: Дом Русского Зарубежья им. Александра Солженицына; Русский путь, 2009. 320 с.

Киселев М.Ф. Николай Петрович Феофилактов. Материалы к биографии // Памятники культуры. Новые открытия. 2002. М.: Наука, 2003. С. 420–453.

Лавров А.В. Мозалевский Виктор Иванович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 4: М — П. М.: Большая российская энциклопедия, 1999. С. 118–119.

Обатнин Г. Женская культура как развлечение мужчин // Русская развлекательная культура Серебряного века. 1908–1918 / Сост. Н. Букс, Е. Пенская. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. С. 134–157.

Обухова О. «Только читать и этому не верить»: Виктор Мозалевский и его проза // Russian Literature. 1999. № XLV. P. 457–467.

Парнис А.Е., Тименчик Р.Д. Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры. Новые открытия. 1983. М.: Наука, 1985. С. 160–257.

Переписка с Эмилем Верхарном. 1906–1914 / Вступ. ст. и публ. Т.Г. Динесман // Литературное наследство. Т. 85: Валерий Брюсов. М.: Наука, 1976. С. 559–621.

Садовской Б.А. «Весы». Воспоминания сотрудника / Публ. Р.Л. Щербакова // Минувшее: Исторический альманах. 13. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1993. С. 7–53.

Северюхин Д.Я., Лейкинд О.Л. Художники русской эмиграции (1917–1941): Биографический словарь. СПб.: Изд-во Чернышева, 1994. 592 с.

Тименчик Р. Из мимолетностей французско-русских литературных связей XX века. Письмо Поля Фора Владимиру Пясту // Russies. Melanges offerts a Georges Nivat pour son soixantieme anniversaire. Lausanne, 1995. P. 145–149.

Французский писатель о Тургеневе. Воспоминания Жюля Кларти / Публ. В.И. Мозалевского // Литературное наследство. Т. 76: И.С. Тургенев. Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1967. С. 483–488.

Харджиев Н. От Маяковского до Крученых: Избранные работы о русском футуризме / Сост. С. Кудрявцева. М.: Гилея, 2006. 557 с.

Чудакова М.О., Устинов А.Б., Левинтон Г.А. Московская литературная и филологическая жизнь 1920-х годов: машинописный журнал «Гермес» // Пятые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига: Зинатне, 1990. С. 167–210.

Чудакова М.О. Жизнеописание Михаила Булгакова. М.: Книга, 1988. 672 с.

Чурилин Т.В. Встречи на моей дороге / Вступ. ст., публ. и коммент. Н. Яковлевой // Лица: Биографический альманах. Т. 10. СПб.: Феникс; Дмитрий Буланин, 2004. С. 408–494.

Юшкин Ю. Есенин и «Московская трудовая артель художников слова» // В мире Есенина: Сб. статей / Сост. А.А. Михайлова, С.С. Лесневского. М.: Советский писатель, 1986. С. 607–618.

References

Bazanov V.V. Sergei Esenin i knigoizdatel'stvo "Moskovskaia trudovaia artel' khudozhnikov slova" [Sergey Yesenin and the publishing house "Moscow labor artel of literary artists"]. *Esenin i sovremennost'* [Yesenin and contemporaneity], ed. by V. Bazanov and Iu. Prokushev. Moscow, Sovremennik Publ., 1975, pp. 120–141. (In Russ.)

Belyi A. *Nachalo veka* [The beginning of the century], ed. and comment. by A.V. Lavrov. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1990. 707 p. (In Russ.)

Bozhko V. *Sergei Esenin v Khar'kove* [Sergey Yesenin in Kharkov]. Kharkov, Machulin Publ., 2008. 208 p. (In Russ.)

Chudakova M.O. *Zhizneopisanie Mikhaila Bulgakova* [The life story of Mikhail Bulgakov]. Moscow, Kniga Publ., 1988. 672 p. (In Russ.)

Chudakova M.O., Ustinov A.B., Levinton G.A. Moskovskaia literaturnaia i filologicheskaia zhizn' 1920-kh godov: mashinopisnyi zhurnal "Germes" [Moscow literary and philological life of the 1920s: the typewritten magazine "Hermes"]. *Piatye Tynianovskie chteniia: Tezisy dokladov i materialy dlia obsuzhdeniia* [Fifth Tynyanov proceedings: Abstracts and materials for discussion]. Riga, Zinatne Publ., 1990, pp. 167–210. (In Russ.)

Churilin T.V. *Vstrechi na moei doroge* [Encounters on my way], intro., publ. and comment. by N. Yakovleva. *Litsa: Biograficheskii al'manakh. T. 10* [Faces: Biographical almanac. Vol. 10]. St. Petersburg, Feniks Publ., Dmitrii Bulanin Publ., 2004, pp. 408–494. (In Russ.)

Frantsuzskii pisatel' o Turgeneve. Vospominaniia Zhiulia Klarti [The French writer about Turgenev. Jules Claretie's memoirs], publ. by V.I. Mozalevsky. *Literaturnoe nasledstvo. T. 76: I.S. Turgenev. Novye materialy i issledovaniia* [Literary heritage. Vol. 76: I.S. Turgenev. New materials and studies]. Moscow, Nauka Publ., 1967, pp. 483–488. (In Russ.)

Gornung L. "Svidetel' terpelivyi..." : *Dnevnik, memuary* ["The patient witness...": Diaries, memoirs], ed., intro., comment. by T. Neshumova. Moscow, AST Publ., Redaktsiia Eleny Shubinoi Publ., 2019. 768 p. (In Russ.)

I.Ia. Bilibin v Egipte. 1920–1925: Pis'ma, dokumenty i materialy [I.Ya. Bilibin in Egypt. 1920–1925: Letters, documents and materials], comp., intro. and notes by V.V. Beliakov. Moscow, Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad Publ., Russkii put' Publ., 2009. 320 p. (In Russ.)

Iushkin Iu. Esenin i "Moskovskaia trudovaia artel' khudozhnikov slova" [Yesenin and "Moscow labor artel of literary artists"]. *V mire Esenina: Sb. statei* [In Yesenin's world: A collection of essays], comp. by A.A. Mikhailov, S.S. Lesnevsky. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1986, pp. 607–618. (In Russ.)

Khardzhiev N. Ot Maiakovskogo do Kruchenykh: Izbrannye raboty o russkom futurizme [From mayakovsky to Kruchenykh: Selected works about Russian Futurism], comp. by S. Kudriavtsev. Moscow, Gileia Publ., 2006. 557 p. (In Russ.)

Kiselev M.F. Nikolai Petrovich Feofilaktov. Materialy k biografii [Nikolai Petrovich Feofilaktov. Materials for biography]. *Pamiatniki kul'tury. Novye otkrytiia. 2002* [Cultural monuments. New discoveries. 2002]. Moscow, Nauka Publ., 2003, pp. 420–453. (In Russ.)

Lavrov A.V. Mozalevskii Viktor Ivanovich. *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar'. T. 4: M — P* [Russian writers. 1800–1917: Biographical dictionary. Vol. 4: M — P]. Moscow, Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia Publ., 1999, pp. 118–119. (In Russ.)

Obatnin G. Zhenskaia kul'tura kak razvlechenie muzhchin [Women's culture as men's entertainment]. *Russkaia razvlekatel'naia kul'tura Serebriannogo veka. 1908–1918* [Russian entertainment culture of the Silver Age. 1908–1918], comp. by N. Buks, E. Penskaia. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2017, pp. 134–157. (In Russ.)

Obukhova O. “Tol'ko chitat' i etomu ne verit'”: Viktor Mozalevskii i ego proza [“Only to read and not to believe in it”: Viktor Mozalevsky and his prose]. *Russian Literature*, 1999, no. XLV, pp. 457–467. (In Russ.)

Parnis A.E., Timenchik R.D. Programmy “Brodiachei sobaki” [Programs of the cabaret “Brodiachaia sobaka”]. *Pamiatniki kul'tury. Novye otkrytiia. 1983* [Cultural monuments. New discoveries. 1983]. Moscow, Nauka Publ., 1985, pp. 160–257. (In Russ.)

Perepiska s Emilem Verkharnom. 1906–1914 [Correspondence with Emile Verhaeren. 1906–1914], intro. and publ. by T.G. Dinesman. *Literaturnoe nasledstvo. T. 85: Valerii Briusov* [Literary heritage. Vol. 85: Valery Briusov]. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 559–621. (In Russ.)

Sadovskoi B.A. “Vesy”. Vospominaniia sotrudnika [“Vesy”. Memoirs of an employee], publ. by R.L. Shcherbakov. *Minuvshee: Istoricheskii al'manakh. 13* [The past: Historical almanac. 13]. Moscow, St. Petersburg, Atheneum Publ., Feniks Publ., 1993, pp. 7–53. (In Russ.)

Severiukhin D.Ia., Leikind O.L. *Khudozhniki russkoi emigratsii (1917–1941): Biograficheskii slovar'* [Russian émigré artists (1917–1941): Biographical dictionary]. St. Petersburg, Chernyshev Publ., 1994. 592 p. (In Russ.)

Timenchik R. Iz mimoletnosti frantsuzsko-russkikh literaturnykh sviazei XX veka. Pis'mo Polia Fora Vladimiru Piastu [Some moments of the French-Russian literary connections in the 20th century. Paul Fort's letter to Vladimir Piast]. *Russies. Melanges offerts a Georges Nivat pour son soixantieme anniversaire*. Lausanne, 1995, pp. 145–149. (In Russ.)

Vinogradov S. *Prezhniaia Moskva: Vospominaniia* [The former Moscow: Memoirs], comp. by N. Lapidus. Riga, Multi Centrs Publ., 2001. 216 p. (In Russ.)

Zaitsev P.N. *Vospominaniia* [Memoirs], comp. by M.L. Spivak. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2008. 752 p. (In Russ.)

Viktor Mozalevsky's memoirs

© 2019, Alexander Sobolev

Abstract: Memoirs of the writer Viktor Ivanovich Mozalevsky (1889–1970) are for the first time published in full and with detailed commentary. Being an unobtrusive, but active participant of literary life since the mid-1900s, Mozalevsky left vivid literary portraits of V. Bryusov, B. Sadovskoy, Yu. Slezkin, S. Auslender, E. Nagrodskaya, M. Bulgakov and many others.

Keywords: V. Mozalevsky, literary life, memoirs.

Information about the author: Alexander Sobolev, independent researcher, Moscow, Russia. E-mail: trirodov@gmail.com

Citation: Sobolev Alexander. “Paths, Ways, Encounters” by Viktor Mozalevsky. *Literary fact*, 2019, no. 2 (12), pp. 99–144. DOI 10.22455/2541-8297-2019-12-99-144

ИДЕОЛОГИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

DOI 10.22455/2541-8297-2019-12-145-188
УДК 821.161.1

«Прения с греками о вере» Арсения Суханова: полный авторский текст

© 2019, А.П. Богданов

Аннотация: Публикация знакомит читателя с подлинным текстом одного из самых знаменитых русских публицистических произведений XVII в. Все знали этот выдающийся памятник литературы лишь по писцовой копии, пестрящей ошибками и бегло поправленной автором, обширные лакуны в которой издатели вольно заполняли по позднейшим и самым неподходящим спискам. Реконструкция авторского текста «Прений с греками о вере» стала возможной благодаря находке чернового автографа Суханова. Он сообщает две первые авторские редакции произведения, исправляет ошибки и заполняет большинство лакун третьей, окончательной редакции, а также дает ключ к выбору списков, которые достоверно закрывают оставшиеся пропуски в окончательном авторском тексте. Не прошло и 400 лет после того, как Арсений пустил рукопись в оборот, как мы вновь знаем, что он поведал читателям в несохранившемся протографе рукописной традиции.

Ключевые слова: Арсений Суханов, Прения с греками о вере, место России в мировом православии, русская публицистика XVII в., Раскол Русской Церкви.

Информация об авторе: Андрей Петрович Богданов, д.и.н., ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН, Москва, Россия. E-mail: bogdanovap@mail.ru

Цитирование: *Богданов А.П.* «Прения с греками о вере» Арсения Суханова: полный авторский текст // Литературный факт. 2019. № 2 (12). С. 145–188. DOI 10.22455/2541-8297-2019-12-145-188

Возможно, не все великие литературные произведения парадоксальны. Во всяком случае, не всесторонне. Но сочинению, которое переписчики стали называть «Прениями с греками о вере» (а митрополит Макарий закрепил это имя в печатной литературе) особенно повезло. Это самое яркое знамя раскола Русской Церкви, которое до сих пор переписывают староверы, было создано человеком, против реформ Никона никогда не выступавшим. За три года до начала реформ. Не в качестве

памятника публицистики и вообще не как произведение литературы. Сочинение всемирно знаменитое, хотя написанного автором текста никто достоверно не знал. — Вплоть до этого момента, когда вы можете его прочесть.

Просто администратор и дипломат, не столько монах, сколько церковный управляющий Арсений Суханов написал отчет о своей очередной миссии посла (1649–1650) в двух частях. И сдал «в вечеру» 9 декабря 1650 г. в Посольский приказ своему старому товарищу, думному дьяку М.Д. Волошенинову¹. Одна часть — о войне, политике и жарких словесных битвах с Богданом Хмельницким, с глубоким политико-психологическим портретом гетмана, мечтавшего втянуть Россию в войну без собственных обязательств, но проигравшего Суханову². Другая — о расследовании преступления греков, делегация которых в этих политических обстоятельствах служила Арсению прикрытием: сожжении на Афоне по обвинению в ереси книг, изданных Печатным двором от имени царя, по благословению Московского патриарха.

Как все посольские деяния Суханова, его церковные споры были вызваны совершенно конкретными событиями. Русский посол был *обязан* четко отвечать на вызовы закону, суверенитету и чести России. А греки с маниакальным упорством именно это и делали. Они отрицали русское и славянское двуперстное крестное знамение (Стоглавый собор 1551 г., 31-й ответ: «Аще ли кто двема персты не благословляет, яко же и Христос, или не воображает крестного знамения, да будет проклят»). Они объявляли русский обряд еретическим (принятое перед отъездом Арсения Уложение 1649 г., 1-й пункт 1-й главы, до царевбийства, оскорбление Русского Православия: «сыскивати всякими сыски накрепко» и сжечь без пощады). Аргументам посла от авторитетных текстов они противопоставляли детское: мы старше, значит имеем право учить вас, молодых в вере русских.

Наконец, когда Суханов завершил расследование, избличил виновных и гуманно вывел греков из-под действия огнепальных статей, сведя всё к оскорблению государевой чести (санкция — размер милостыни, и то по воле царя), его оппоненты стали отстаивать право четырех восточных патриархов *указывать* православному царю и патриарху всея Руси. Арсений побуждал их переформулировать мысль: может, всё-таки

¹ РГАДА. Ф. 52. Сношения России с Грецией. Оп. 1. Стлб. 7157/1649 г. № 8. Политический отчет — л. 1–34. Церковный отчет — л. 37–71. Между ними на л. 35–36 авторский перевод «Проречения над гробом Константина Великого» о будущей власти Руси над владениями Рима и Константинополя.

² Самое новое и доступное издание: Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы: В 3 т. М., 1953. Т. 2: 1648–1651 годы. С. 180–193 (№ 76).

советовать? — Нет, именно указывать, упорствовали греки: «невозможно не послушать четырех патриархов, как отпишут о чом». Тут они и получили от Арсения отповедь, которая выписана огненными буквами на скрижалях русской публицистики.

Церковный полемист на месте Суханова утонул бы в частных спорах. Никониане и старovery впоследствии этим и занялись. У русских дипломатов в XVII в. была иная задача: решать конфликты, а не раздувать их. И иные навыки: обобщать информацию историко-географически, выводя спор из умозрительной плоскости в практическую историю отношений. А также способность всегда, в любом случае (а случаи были самыми каверзными) четко сформулировать, что такое Россия, которую представляет посол, в контексте данных переговоров. Например, внятно объяснить королю-солнцу Людовику XIV, почему, точнее — перед каким величием он должен, несмотря на свои обычаи и застарелый фурункулез, встать и снять шляпу, произнося имя царя — истинного Солнца, озаряющего Вселенную светом благочестивой веры. Суханов не просто использовал отдельные приемы и идеи этого дипломатического стандарта — он в должной парадигме мыслил. Это и объединяет его суждения в диалоговой форме реального, а не платоновского спора, в совершенно ясную систему, захватывающую его читателей с середины XVII в. до наших дней.

В снятом виде его картина мира выглядит так. Русские с их двуперстным крещением — не оторванные от всего православного мира еретики, как уверяли греки. Русское православие представляет, как Суханов доказал текстами, всех русских, в том числе в пределах Речи Посполитой, и всех православных славян. Греки же — не те люди, что приняли веру от Христа и брата его Якова. В местах Христовой проповеди жили и теперь живет евреи и арабы. Греки, ареал расселения которых Суханов обозначил на Балканском полуострове и островах, крестились от апостола Андрея — того самого, что крестил Русь³. Вдобавок равноапостольный князь Владимир крестился в Корсуни, «еже ныне зовется Крым». Корсунь (Херсонес, ныне Севастополь) крестил сосланный туда Нероном первый папа римский Климент, ученик апостола Петра, брат апостола Андрея. Это учение Владимир Святой и принес на Русь. Русские держатся именно апостольских правил, от которых отступили греки, вплоть до обливательного крещения «по новому римскому уставу». Очевидно,

³ Это легенда, — скажете вы и будете правы. Тонкость состоит в том, что греки добавили в легенду о путешествиях апостола Андрея фрагмент о крещении им Византия точно так же, как русские затем добавили эпизод с крещением Руси. Стороны относительно легенды равны: *Чичуров И.С.* «Хождение апостола Андрея» в византийской и древнерусской церковно-идеологической традиции // *Церковь, общество и государство в феодальной России.* М., 1990. С. 7–23.

что русские не могли принять крещения от греков, иначе тоже впади бы в католические заблуждения.

Разумеется, Арсений здесь мягко шутил. Он уже объяснил грекам в отдельном диалоге, что троеперстное крестное знамение, обливательное крещение и т. п. католические заблуждения они сравнительно недавно заимствовали во время учебы в Венеции и Риме, пользуясь книгами венецианской и английской печати. Не имея своих училищ и типографий, лишенные всех прав под властью турок, живущие в убожестве и нищете, не только греки — все восточные православные, несомненно, отринуты Богом, как прежде них был проклят первоначально избранный Богом Израиль. Жалкое положение восточных патриархов, не все из которых имеют под началом хоть одного митрополита и даже епископа, а храмов и прихожан у них меньше, чем в беднейшей русской епархии — лучшее доказательство истины, что благочестие неразрывно связано со святостью царства.

Первоначально, объяснял Суханов, под властью благочестивого императора, первым в Церкви был папа Римский, за ним вторым по чести и роскоши — патриарх Константинопольский. Папе Сильвестру император Константин Великий пожаловал белый клобук «вместо царского венца». Когда Рим отпал от правой веры, первым в Церкви стал при благочестивом царе Константинопольский патриарх. Он тоже отпал от правой веры, покорившись папе (при захвате Царьграда крестоносцами в XIII в. и Флорентийской унии XV в.). Отринув Бога, греки погубили и свое царство, попавшее под власть мусульман. Вместо императора Бог воздвиг на Москве благочестивого царя. «И ныне у нас государь царь великий князь Алексей Михайлович всеа Русии самодержец, во всей подсолнечной своим благочестием сияет, яко солнце посреди земля, и во всём ревнует первому благочестивому царю Константину Великому, церковь Христову чисто снабдевает, и от всяких ересей защищает».

Нищий и бесправный Константинопольский патриарх не может почитаться и на уровне русского епископа. Вместо первого благочестивого папы главой мирового православия стал при царе Московский патриарх, недаром носящий белый клобук папы Сильвестра. Вместо четырех патриархов, над которыми возвышался Римский папа (Константинопольского, Антиохийского, Александрийского и Иерусалимского), он имеет под началом четырех митрополитов, множество архиепископов и епископов. Русь просияла святыми, украшена древними монастырями и бесчисленными храмами, святительским и монашеским чином. Не одно благочестие, но и церковные святыни с Востока перешли в Москву. Всё произошло, как было предсказано в Повести о белом клобуке. «Благодать и слава и честь православия» перешли от Рима к Константино-

полю, а затем к Москве, и «всё святое предано от Бога великой Русской земле», в том числе цареградский патриарший чин. «Слышите, греки, и внимайте, и не гордитесь, и не называйте себя источником, — заключил Суханов, — яко се ныне Господне слово евангелское збылося на вас. Были вы первии, а ныне стали последни. А мы были последнии, а ныне первии» (Мф. 19:30).

Просвещенный филолог, читая текст Арсения, увидит за его плечами светлые лики первого русского митрополита Илариона, составителя Начальной летописи Никона Великого, создателей Повести временных лет Нестора и Сильвестра, заложивших основу духовного противостояния Руси, этого Нового Израиля, православной империи ромеев. Узрит он и идейных отцов концепции «православного великого самодержавства» Святорусской земли Епифания Премудрого, Пахомия Серба и Симеона Суздальца, митрополитов Киприана, Иону, Феодосия, Фотия и Спиридона-Савву. Увидит среди источников мысли Арсения «Летописец еллинский и римский», величественные московские митрополичьи и великокняжеские своды XV в., Русский хронограф Досифея Топоркова и столь же хорошо известную Суханову Никоновскую летопись (он использовал ее в своем Хронографе по тексту Троицкой редакции⁴), еще более популярную Воскресенскую летопись и сверхпопулярную Степенную книгу.

Чем ближе ко времени Суханова, тем более эти лики должны хмуриться, осуждая простоту его манеры рассуждения о вещах возвышенных, священных и требующих в XVI–XVII вв. велеречивости. Однако нам не стоит забывать, что Арсений должен был в дискуссии выразить все эти непростые концепты на греческом языке, а затем записать внятно для дьяков Посольского приказа, царя и бояр, которым Волошенинов зачитывал статейный список о политических и церковных деяниях русского посланника. Велеречивости не способствовало и знакомство Суханова с государственными документами, начиная с чинов венчания русских царей, суммированных в чине Алексея Михайловича (1645), и продолжая книгами греческих дел, которые он перед отъездом обязан был просмотреть⁵. Там господствовала прямота выражений первых русских книжников.

⁴ Хронограф Суханова с его редактурой начала 1660-х гг.: РНБ. Ф.XVII.17. О нем: *Клосс Б.М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980. С. 274–276. Более ранняя версия Хронографа Суханова 1650-х гг. не привлекла внимания исследователей, хотя именно к ней он приложил черновой автограф первых двух редакций «Прений с греками о вере»: РГАДА. Ф. 181 (Собрание МГАМИД). Оп. 1. № 659. «Прения» приплетены после окончания текста чистыми листами, на л. 348–360.

⁵ Дело, ясно характеризующих историю отношений России с православным Востоком до миссии Суханова, было немного, и хранились они Посольским

Чтобы вдумчивый филолог не упустил чего-то из сочинений или документов, представляя себе пирамиду могучих авторов и крепких администраторов, на плечах которых стоял Суханов, я кратко, всего на 12 п. л., описал идейно связанные с «Прениями» тексты в монографии об этом памятнике⁶.

Литературные достоинства сочинения Арсения были достаточными, чтобы его читали и переписывали. Но изложение Сухановым общего мнения русских середины XVII в. не давало само по себе оснований для жарких споров, продолжавшихся до конца XIX в., с оргвыводами от сожжения (историк и поэт Сильвестр Медведев предлагал главоотсечение) до лишения докторской степени по церковной истории. Вернее сказать, утверждая книгу к печати в Институте российской истории весной 2018 г., я полагал, что спор, который Суханов провел летом 1650 г. в столице Валахии Тырговиштах, завершился в конце XIX в. К спору привела инициатива Богдана Хмельницкого использовать Иерусалимского патриарха Паисия, чтобы втянуть Россию в войну на Украине⁷. Летом 2018 г. новые украинские власти использовали Константинопольского патриарха для протипоправного вмешательства в дела Московского патриархата, я полагаю, с той же целью. Актуальность «Прений» не снижается. К сожалению. Потому что и изначально остроту тексту Суханова придали события ужасные и кровавые.

Явной причиной, почему естественные для образованного посла суждения о достоинстве русского обряда, единственном в мире священном православном царстве и превосходстве цветущей в этом царстве Русской Церкви над всем христианским миром стали необычайно популярны в обществе, были реформы патриарха Никона и деяния царя Алексея Михайловича. Никон в 1653 и 1656 гг. объявил, что двуперстное крестное знамение, которое защищал Арсений, неверно, а греки чуть ли не во всем правы. С 1655 г. греческие заблуждения одно за другим вносились в московский Служебник как единственная истина. Это позволило Никону избавиться от окружавших царя «ревнителей благочестия», из среды которых он вышел, и править царем единолично. В свою очередь

приказом в образцовом порядке: РГАДА. Ф. 52 (Сношения России с Грецией). Оп. 1. Кн. 1, 2, 3, 5.

⁶ Богданов А.П. «Прения с греками о вере» в русском державном самосознании. М., 2019. Ч. 3: Идеальный контекст Прений с греками о вере в XI–XVII вв.

⁷ Отношения с Паисием суммированы Посольским приказом: РГАДА, ф. 52 (Сношения России с Грецией). Оп. 1, стлб. 7157/1649 г. № 7. Ч. 1–2. По этим материалам см. исследование: Кантерев Н.Ф. Приезд в Москву иерусалимского патриарха Паисия в 1649 г. // Прибавления к изданию Творений св. отцев в русском переводе за 1891 г. М., 1891. Кн. 1; Кантерев Н.Ф. Сношения иерусалимских патриархов с русским правительством с половины XVI до конца XVIII столетия // Православный Палестинский сборник. Т. 15. Вып. 143. СПб., 1895.

Алексей Михайлович в 1666–1667 гг. отрешил Никона от престола судом Восточных патриархов, право которых судить в России, да и верность греческих обрядов опальный Московский патриарх теперь отрицал. — Вместе со староверами, которых Никон спровоцировал, и которые были прокляты решением греков вместе с ним.

Все эти внешне про-греческие деяния с циничным использованием греков для внутривластной борьбы выглядели настолько отвратительными, что читать и переписывать «Прения» Суханова стало приличным и даже необходимым для образованных людей, не говоря уже о староверах, перстосложение которых его текст защищал. Причем с ясностью и знанием источников, не достигнутой духовными вождями староверов XVII в. и сравнимой в следующем столетии лишь с «Поморскими ответами» князей Мышецких (известных как братья Денисовы), которые «Прения» внимательно читали. Как и многие честные люди после них.

Вспомните картину «Боярыня Морозова», которую В.И. Суриков начал писать в 1884 г., после выхода монографии Н.Ф. Каптерева, сделавшего «Прения» центром исследования отношений России с православным Востоком, а показал в 1887 г., в год начала издания его монографии о махинациях с греками Никона и Алексея Михайловича⁸. П.М. Третьяков купил картину и выставил в своей галерее, когда все говорили о том, что продолжение печатания книги Каптерева запрещено навсегда, а защита его докторской по этой книге (как и по предыдущей) отменена лично обер-прокурором Синода К.П. Победоносцевым⁹.

Скованная цепью рука боярыни Морозовой, которую мученица за веру демонстрирует свое кредо, являя миру два перста крестного знамения, объясняет, как люди в XIX в. читали «Прения» Суханова. Суриков показывает нам, почему П.И. Мельников-Печерский, по долгу службы обязанный обличать раскол, подробно пересказал «Прения» как «глас народа»¹⁰. А за ним, не жалея страниц, это сделал бестрепетный

⁸ Имеются в виду кн.: *Каптерев Н.Ф.* Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. М., 1885 (2-е изд.: Сергиев Посад, 1914); *Каптерев Н.Ф.* Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. Время патриарха Иосифа. М., 1887 (2-е изд.: Сергиев-Посад, 1913; перензд.: М., 2003). Полностью запрещенное разоблачение неблаговидных деяний патриарха и царя с греками вышло только после смерти К.П. Победоносцева: *Каптерев Н.Ф.* Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. 1–2. Сергиев-Посад, 1909–1912 (новое изд.: М., 1996).

⁹ *Богданов А.П.* Судьба профессора духовной академии // Буганов В.И., Богданов А.П. Бунтари и правдоискатели в Русской православной церкви. М., 1991. С. 493–517.

¹⁰ *Печерский Андрей [Мельников П.И.]*. Исторические очерки поповщины. Ч. 1. М., 1864. С. 16–21. Новое изд.: *Мельников П.И. (Андрей Печерский)*. Собрание сочинений: В 8 т. М., 1976. Т. 7. С. 191–555.

Н.И. Костомаров, который во всех ссылках уже побывал¹¹. И, наконец, честнейший митрополит Макарий перед смертью поступил так же, заодно доказав, что «Прения» написал именно Суханов, как бы ни отрицали это «обличители раскола», в том числе он сам¹².

«Прения» отвечали не только потребности образованного русского человека познавать и защищать истину, особенно гонимую. Ясный взгляд Суханова на Россию как на духовный центр мира в полной мере соответствовал народному и государственному самосознанию. Вопреки мнению Каптерева, истоки этого взгляда уходят не в XV, а в XI в., в самое начало русской книжности, и они вовсе не были разрушены деяниями Никона вкупе с царем. Концепция России как Нового Израиля, Святорусской земли, священного православного царства с единственно благочестивой Церковью вообще не пострадала в результате бурной разрушительной деятельности патриарха и Алексея Михайловича с сонмом подручных. Даже наоборот.

Арсений в «Прениях» сосредоточился на священном характере Русского царства. Он не упомянул родовые начала царской власти, идущей якобы от римских и ромейских императоров, которые Алексей Михайлович старательно собрал в своем чине венчания на царство в 1645 г. После воцарения в 1676 г. просвещенный Федор Алексеевич последовал за Сухановым. Вернее, за теми идеями, которые Арсений четко выразил и которые были присущи, как мы видим в огромном комплексе летописей и исторических записок второй половины XVII в., решительно всем слоям общества, начиная с дворянства. В своем чине венчания царь-реформатор сформулировал концепцию *Российского самодержавного православного царства*, в которой каждый из четырех идейных комплексов поддерживает одно непревзойденное в мире целое. Эта концепция была усилена в 1682 г. в чине венчания его младших братьев Ивана и Петра Алексеевичей¹³. Эта концепция настолько закрепилась в умах, что в 1832 г. граф С.С. Уваров употребил формулу «об истинно русских охранительных началах православия, самодержавия

¹¹ Костомаров Н.И. Исторические монографии и исследования. Т. XII. СПб., 1872; новое изд.: Костомаров Н.И. Раскол. Исторические монографии и исследования. М., 1994.

¹² Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской церкви. Т. XI. М., 1882. С. 148–158 (новое изд.: М., 1996). Ср. его прежнее мнение: Макарий (Булгаков), епископ Винницкий. История русского раскола. СПб., 1855. С. 153–154; 2-е изд.: (епископ Тамбовский и Шацкий). СПб., 1858. С. 152–154; 3-е изд.: (митрополит Московский и Коломенский). СПб., 1889. С. 154–156.

¹³ Подробно о развитии государственных идей в комплексах чинов венчания и летописей: Богданов А.П. Царь-реформатор Федор Алексеевич: старший брат Петра I. М., 2018. С. 294–355.

и народности» как истину, старую для всех, кроме слегка оторвавшегося от русской реальности А.И. Герцена¹⁴.

Помимо столь важных исторических и социально-психологических причин, превращению церковного отчета посла в мощный памятник публицистики способствовало множество частных факторов. Во-первых, Арсений был не тихим монахом, а службистом, каких поискать: начинал управляющим делами всесильного патриарха Филарета Никитича¹⁵, ведал хозяйствами Московского Богоявленского и богатейшего Троице-Сергиева монастырей, а закончил службу главным книгоиздателем, начальником Печатного двора. Во-вторых, он был опытным дипломатом, в том числе по церковным делам: уже разобрался с отступлениями от благочестия в Грузии, а вскоре сделает это в Святой земле. В-третьих, Арсений был страстным любителем славянской и греческой книжности, т. е. стоял на плечах колоссальной традиции. Это делало даже образованных греков, учившихся, как справедливо заметил Суханов, в Венеции и Риме по новым книгам, изданным в Венеции и Англии, заведомо проигравшими. Суханов их древнюю книжность знал шире, и через несколько лет доказал это, вывезя в Москву все лучшие манускрипты, которые можно было найти на Афоне, и которым греки не знали цены¹⁶. В-четвертых, дипломат являлся гениальным писателем.

Многие отчеты послов в XVII в. блистают тонкими наблюдениями и написаны прекрасным языком. Но Арсений так четко видел говорящие детали и описывал их столь правдиво, что временами сам хватался за голову, не крайний ли он реалист. Дважды переделывая свой знаменитый «Проскинитарий», книжный отчет о посольской миссии 1651–1653 гг., он в споре с греками Вифлеемского монастыря в словах: «вы в церкви *срете* всем миром и сделали ея конюшнею», как даже франки и турки не делают, — заменил выделенное слово на *испражняются*, а затем записал его транскрипцией с греческого — правдиво, ведь на греческом он

¹⁴ В докладе Николаю I о ревизии Московского университета: для соединения науки с нравственностью необходимо, «постепенно завладевши умами юношества, привести оное почти нечувствительно к той точке, где слиться должны, к разрешению одной из труднейших задач времени, образование, правильное, основательное, необходимое в нашем веке, с глубоким убеждением и теплою верой в истинно русские охранительные начала православия, самодержавия и народности, составляющие последний якорь нашего спасения и вернейший залог силы и величия нашего Отечества» (цит. по: Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 4. СПб., 1891. С. 82–83).

¹⁵ Богданов А.П. Патриарх Филарет. Тень за тронном. М., 2014.

¹⁶ Биография Суханова: Белокуров С.А. Арсений Суханов: Исследование. Ч. I: Биография Арсения Суханова. М., 1891. Ср.: Каган М.Д. Арсений (в миру Антон Суханов) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3: XVII в. Ч. 1: А–З. СПб., 1992. С. 98–103.

и вел диалог¹⁷. Сказав грекам, что среди них «шах посылает... выбирать хороших ребят *на постелью*», автор решил текст не менять — слова-то хорошие, мягкие; за него это сделали переписчики и издатели, которые предпочитали лишить фразу смысла, убрав последние слова, лишь бы таких ужасов не тиражировать¹⁸. В тексте «Прений» главные претензии переписчиков и редакторов 54-х известных сегодня списков были именно к языку Суханова: все считали его слишком прямым и ясным, полагали, что так нельзя писать о святых вещах, и упорно утяжеляли текст невразумительно-витиеватыми словесами.

Плоды их «творчества» вы и читаете в трех научных публикациях «Прений» Суханова¹⁹. Дело не только в том, что церковный отчет был крайне быстро написан приказными подьячими под диктовку Арсения, со слуха, чтобы устный доклад обо всех делах, сделанный утром, подкрепить полным письменным текстом уже «в вечеру». Суханов, разумеется, прочел текст и часть ошибок своей рукой поправил, но вычитал далеко не всё. И я не брошу в него камень, потому что все мы в срочных отчетах грешим. Но этого мало. «Прения» шли в конце, то есть сверху свитка. И сильно пострадали от времени. С середины рукописи идут растущие от склейки к склейке дыры, а конца текста вообще нет.

Издатели должны были обратиться к рукописной традиции — в то время, когда А.А. Шахматов начинал создавать научную текстологию, а другим археографам она и в ум не взбрела. В результате С.А. Белокуров заполнил зияющие лакуны архивной рукописи по «лучшему списку» из Московской духовной академии, где он учился и собирался защищать магистерскую диссертацию, так как тот «верен почти везде с буквальной точностью подлиннику». Когда не менее серьезный археограф Х.М. Лопарев сделал то же самое, Белокуров доказал, что это едва ли не самый плохой список «Прений», «изобилующий различными ошибками, пропусками и вставками, имеющий в некоторых местах совсем непонятное чтение»²⁰. И нашел другой «лучший список»: из компиляции сочинений

¹⁷ Последовательность редактирования «Проскинитария» в авторских рукописях: ГИМ. Синодальное собр. № 575 и 574; № 573 (производный чистовой).

¹⁸ Проскинитарий... С. 55–58, 108. Получается, что вроде бы научное издание «Проскинитария» тоже нужно переиздавать: оно основано на авторских рукописях, но не передает авторский текст.

¹⁹ Белокуров С.А. Старца Арсения Суханова «Статейный список» и «Прения с греками о вере» / С предисл., примеч. и прилож. С.А. Б-ва. СПб., 1883; Проскинитарий Арсения Суханова с рисунками и планом: 1649–1653 гг. / Подгот. текста Х.М. Лопарева; ред. и предисл. Н.И. Ивановского // Православный палестинский сборник. Т. 7. Вып. 3 (21). СПб., 1889. Приложение II: Прения с греками. С. 327–359; Белокуров С.А. Арсений Суханов: Исследование. Ч. II. Вып. 1: Сочинения Арсения Суханова. М., 1894. С. 25–101.

²⁰ Ср: Старца Арсения Суханова «Статейный список». С. 5; Белокуров С.А. Арсений Суханов. Исследование. Ч. I. С. СXXXII; Ч. II. С. XXII, XXVII.

Суханова конца XVIII в., сделанной человеком, имевшим доступ в Московский архив Коллегии иностранных дел. О ней можно сказать то же, что о списке МДА, включая «ошибки» и «непонятные чтения». С прибавлением, что изменения в текст Арсения вносились сознательно, а в реалиях 1650 г. редактор не разбирался так же, как большинство переписчиков. Зато язык «Прений» и политического отчета, с которым они в компиляции перемешаны, он обновлял последовательно, смело давая свои версии того, что не понял.

Этот фантастический текст издания Белокурова из смеси архивного списка и поздней редакции «Прений» лежит в основе научных суждений о сочинении Суханова, сделанных после митрополита Макария и Н.Ф. Каптерева, которые ограничились рукописью Посольского приказа вкупе с другими Греческими делами, отразившими его труды. Белокуров понимал, что что-то пошло не так. И вообще отказался от завершения обещанного им издания трудов Суханова, после которого должны были следовать его суждения о них. Вряд ли великого археографа можно винить. Даже в текстологической парадигме Шахматова архивный список «Прений» восстанавливается по другим рукописям с чрезвычайным трудом. Дело в том, что он не является протографом последующей рукописной традиции. Это мы сегодня, имея 54 списка «Прений» вместо 24-х у Белокурова (из которых он в той или иной мере использовал 19), знаем наверняка. В основе традиции лежит не найденная рукопись, по которой Суханов диктовал посольским подьячим и которую он пустил в оборот²¹.

Если протограф не найден, то откуда возьмется обещанное счастье знакомства с полным авторским текстом «Прений»? Из их прекрасно сохранившегося черновика. Белокуров, трогательно упрекая профессора Казанской духовной академии Н.И. Ивановского в том, что тот не нашел ценных списков «Прений» в библиотеке его Академии, пропустил автограф «Прений» в огромном Хронографе Суханова. И не во глубине сибирских руд, а в рукописном собрании Московского главного архива Министерства иностранных дел, где служил сам и где должен был смотреть в первую очередь. Вместо того, чтобы надсмехаться над коллегой, я выражаю ему искреннюю благодарность за поучительный пример ошибки, которую археограф ни в коем случае не должен совершать: корить товарищей, что они не нашли то, что нашел он.

Приплетенный к упомянутому выше первому Хронографу Суханова автограф «Прений», который я назвал списком МГАМИД, первоначально был беловиком. Арсений красивым почерком написал его на лучшей бумаге, которую он взял с собой в заграничную поездку и на которой

²¹ Подробная археография в кн.: *Богданов А.П.* «Прения с греками о вере». Ч. 1–2.

писал самые важные документы. Теми же темно-коричневыми чернилами (Ч-1) он тщательно выправил ошибки. Текст был готов к отправке в Посольский приказ. В этом случае очевидно, что имелся черновик, но он не найден. Через некоторое время автор светло-коричневыми чернилами (Ч-2) внес в рукопись значительную смысловую правку, превратив его в черновик, в том числе замечаниями о том, что еще надо добавить. Добавления были сделаны в протографе, отразившемся в авторизованной писцовой копии Посольского приказа (далее — Арх) и рукописной традиции. Редакционная работа Арсения от написания беловика до завершения несохранившегося протографа (X) уложилась в период с 6 июня (последняя дата белого текста) до 23 сентября 1650 г. (отъезд автора из Тырговишт с другой, весьма трудной дипломатической задачей). Она подробно рассмотрена²².

Смысл редактирования состоял в исправлении фактических ошибок, в уточнении и расширении формулировок, во вставке пропущенного. Суханов последовательно делал текст менее литературным, но более отражающим реальный ход споров. Первоначально отчет состоял из обыска о сожжении государевых книг и последовавшего затем спора о праве восточных патриархов указывать Московскому. Для этого Арсению пришлось исключить дискуссию 9 и 11 мая о печальном состоянии греческой науки, хотя в первой редакции остался ее след, в виде брошенной 6 июня констатации, что греки даже «лета от Рождества Христова потеряли», понятной лишь участникам предыдущего диалога, начинавшегося с этого вопроса. Вставка споров 9 и 11 мая при редактировании разрывала последовательность изложения обыска о сожжении государевых книг, но стремление к полноте отчета победило. Суханов не мог не писать отчет строго по хронологии событий. Не мог он и «перенести» спор на другие числа, ведь это было бы неправдой. Далее, вставкой спора об Израиле он просто уничтожил свою идеальную концовку: «А мы были последнии, а ныне первии», — внятно отсылающей к началу русской литературы в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона. Любитель книг, на которые всю жизнь тратил все свои деньги, не хуже нас с вами понимал силу такого финала. Но убил его продолжением, обрывающемся в никуда. Другие вставки (все они отмечены в публикации) были не столь драматичны, но для единства текста столь же печальны. Всё это было правильным для статейного списка посла, стремящегося рассказать о событиях, которыми являлись и его заявления, четко по

²² Богданов А.П. Автограф «Прений с греками о вере» Арсения Суханова // Источниковедение отечественной истории: Сб. статей. 1989. М., 1989. С. 175–205; Богданов А.П. «Прения с греками о вере». Ч. 2. Гл. 3–5.

датам. И неправильно для публициста, если бы Арсений видел себя при написании «Прений» в этом качестве.

В публикации видно, что список МГАМИД, передающий две первые авторские редакции, позволяет заполнить наиболее досадные лакуны авторизованного списка третьей редакции Арх и выправить в нем не замеченные Сухановым писцовые ошибки. Остающиеся лакуны легко заполняются общими чтениями группы списков рукописной традиции, которые оказались, при полном сличении текстов, наиболее близкими к тексту общего протографа, восстановленному по МГАМИД и Арх. Списки МДА и В (Ведерниковский), которые использовались для заполнения всех лакун Арх в изданиях Белокурова и Лопарева, не используются, поскольку, как подробно показано в моей монографии о «Прениях», представляют собой сознательную переделку авторского текста Арсения в XVIII в., не повлиявшую на рукописную традицию.

Несмотря на отдельные пропущенные Арсением писцовые ошибки, исправляемые в примечаниях по МГАМИД и традиции, последнюю авторскую волю выражает именно Арх. Ведь при редактировании написанного писцами свитка Суханов добавил в него несколько слов, не отраженных в протографе традиции. Арх и является основным текстом первой достоверной публикации «Прений с греками о вере». Не вполне обычная для литературного памятника XVII в., но характерная для Суханова разбивка текста на абзацы сделана по Арх с учетом МГАМИД.

Окончательный авторский текст

158-го марта в 30 день, едучи с Москвы живоначальные²³ Троицы Сергиева монастыря старец Арсений Суханов к Паисию патриарху Еросалимскому²⁴, ночевал²⁵ в Молдавской земле²⁶, в Васлюю, в монастыре сербском²⁷, в метохе²⁸ святых горы Зуграфского монастыря; и туто, сидя за трапезою, сказывал²⁹ игумен з братьею: деялось де у них во Афонской горе. Некто у них был старец честен, сербин, житием свят, и во всем искусен и леты стар; жил в ските, и держал книги московския у себя и крестился крестным знамением по московску³⁰, как писано в книге Кирила Еросалимского³¹, что печатана на Москве, — да и прочих де³² томуж учил. И сведали де про то греки, и сошлись все изо всех монастырей, и того сербина и с московскими книгами поставили на соборе и испытали во всем; и он де им ответ дал против книги Кириловой, как писал блаженный Феодорит, и Мелетий³³ патриарх Антиохийский и, последуючи им³⁴, писал Максим грек. И те де греки, выслушав у него³⁵, называли³⁶ московския книги еретическими. И он де им говорил, что есть у них книги старинныя сербския писменныя, а в них де писано о крестном знамении так же, как и в московских. И тое де книгу писменную, сыскав, принесли на собор, и спушали с московскою печатною книгою

²³ Живоначальные МГАМИД, А, Г, Б1; *жывоначальные* Т.

²⁴ Слово *Иерусалим* постоянно писалось в сокращении; употребление в нем гласных не является текстологическим показателем. В Арх сокращение раскрыто в начале стлб. 44: *Иеросалиме*; в МГАМИД нет и этого. В традиции в одном предложении одного списка можно прочесть, например, *во Иерусалиме* и *около Иеросалима* — при этом начальное *и* с легкостью опускалось.

²⁵ В Арх исправлено Сухановым из *начевал* — как осталось в С1 и 2, ИП2, Ун1, Ув1, Б3, Н; в МГАМИД *ночевал*.

²⁶ *Земли* МГАМИД, Б1, С 1 и 2, ИП2, А, Г; *земли в Даслюю* Ун1, Ув1, Б3, Н (Даслею).

²⁷ *Сербском* МГАМИД; отсутствие мягкого знака в этом слове, писавшемся Сухановым без выносного *б* — постоянное непоказательное разночтение с Арх.

²⁸ Так Арх, МГАМИД, С1 и 2, ИП2; *метохи* В.

²⁹ *Сказовал* МГАМИД; правильно по смыслу *сказывали* С1 и 2, ИП2; *говорили* А, Б1, Г.

³⁰ Так Арх и МГАМИД; *по московскому* С1 и 2, ИП2, Ув1, Ун1, Б3, В, Т, Н. Особенность письма Суханова, который ниже пишет *по греческу*, тогда так в традиции *по греческому*.

³¹ *Ер(о)с(а)л(и)мскаго* МГАМИД, А, Б1 и 3, Г.

³² *Де* нет МГАМИД, С1 и 2, ИП2, Ув1, Ун 1, Б1 и 3, А, Г, Н.

³³ В МГАМИД окончание на *ии* передано Сухановым сочетанием *ии*, в Арх и традиции правильное — *ии*.

³⁴ *Последуючи им* в Арх исправлено Сухановым из ошибочного относительно МГАМИД *последующим*. Видимо, ошибка протографа: *им* нет С1 и 2, ИП2, Ун1, Ув1, Б3, Н. Ошибка иначе исправлена *сим последуючи* А, Б1, Г.

³⁵ *Него* МГАМИД, С1 и 2, ИП2, Ув1, Ун1, Н, В.

³⁶ В Арх ошибочное *наказывали* исправлено Сухановым на: *называли* как в МГАМИД и традиции.

и все де сошлось слово в слово против московской книги. А та де книга, как писана, 130 лет тому. И греки де на того старца распыхались яростию велию³⁷ и хотели его жечь³⁸ с книгами. И на милость положили, что его не сожгли, а всяким жестоком смирением смиряли, и безчестили³⁹ и привели де его ко клятве, что впредь ему так не креститься и прочих не учить. А что де у него было книг печатных московских, и то у него все взяли и пожгли; да и сербскую⁴⁰ де писменую книгу туто ж сожгли. А московских книг сожгли: Кирила Еросалимского⁴¹, и Многосложной Свиток и Псалтырь следованием⁴².

Да тот же игумен говорил: греки де горды и нам сербом из давних веков ненавистны. Как де мы сербы и болгары крестились, и государи де наши посылали к ним, греком⁴³, чтоб оне нам преложили книги на словенской язык; и оне де нам отказали, ненавидя нас и чтоб им греком у нас быть во властех. И как де Бог дал нам Кирила философа, родился от отца болгарина, а от матери грекини, и навек грамоте греческой и латынской⁴⁴ и словенскому языку, и тот де Кирил ходил во⁴⁵ // (стлб. 38) Царьград, докладывал⁴⁶, чтоб ему поволрили сложить словенскую грамоту. И они де ему не поволрили и запретили. И он де ходил в Рим к папе Андреяну благочестивому, и папа де ему благословил. И как де Кирил грамоту словяном сложил⁴⁷. И греки де много искали, где б, сыскав ево⁴⁸, убить. И Кирил де, то сведав, укрывался в дальних словянях⁴⁹, что ныне живут под цесарем, и там де и преставился. И папа де повелел мощи его взять в Рим и погреб ево⁵⁰ в Риме в церкви святых апостол. А брата де его Мефодия папа Андреян поставил епископа⁵¹ в Паннонии⁵², иже ныне те

³⁷ В МГАМИД традиционное сокращение *вел(иею)*; *велиею* ИП2, Ун1, Ув1, Б3, В, Н; *великою* Б1, А, Г.

³⁸ *Сожечь* МГАМИД; *жечь* С1 и 2, ИП2, Ун1, Ув1, Б2, Н; *зжетчи* Т.

³⁹ *Безчестили* МГАМИД, ИП2; *бещестили* С1 и 2.

⁴⁰ *Сербскую* МГАМИД.

⁴¹ *...аго* МГАМИД.

⁴² *Со следованием* МГАМИД, В; *с следованием* С1, Т; *со воследованием* А, Б1, Г, Н.

⁴³ *Греком* вставлено Сухановым над строкой; нет МГАМИД, Ув1, Б3, Р, Т, Ун1, ИП2, С1 и 2, Б1, Г.

⁴⁴ *Латинской* МГАМИД.

⁴⁵ *В* МГАМИД (но без ъ).

⁴⁶ *Докладовал* МГАМИД.

⁴⁷ В Арх исправлено по верному чтений МГАМИД из *посложил* — так в Ун1, Ув1, Б3; *переложил* Н.

⁴⁸ *Его* МГАМИД, А.

⁴⁹ *Словянях* МГАМИД, С1 и 2, ИП2, А; *словянах* В, Б3, Ун1, Ув1, Н.

⁵⁰ *Его* МГАМИД, В, Н, Г, Б, С1 и 2, ИП2.

⁵¹ Так Арх, МГАМИД и большинство списков; правильное *епископом* С1 и 2, ИП2, Н.

⁵² Отличный показатель уровня знаний церковно-исторической книжности отдельными переписчиками: *Танноним* Ун1, Ув1, Б3; *Такноним* Н; *Панеоним* Б1, Г; *Пангеоним* А.

слова под цесарем и в Венграх. Да и до сех де мест нас ненавидят греки, что мы по словенским книгам чтем, и архиепископа, и митрополитов, и епископов и попов своих имеем; а им де хочетца⁵³, чтоб все оне у нас владычествовали. И тое де ради гордости греки и царство свое потеряли, и в церковь де оне на конех ездили, и причастие сидя на конех принимали.

Месяца априля в 24 день в Торговищи сидели за трапезою в патриарше монастыре с патриархом митрополит Мелетий Браиловский⁵⁴, архимарит Анфимий, архимарит Филимон, поп Макарий, Иасаф, даскол⁵⁵ Малахий и вся братья. И сидя за столом, говорил патриарх меж себя с митрополиты и архимариты о кресте, како рукою креститися. И говоря много меж себя, патриарх спросил старца Арсения, и показал руку свою, сложа три перста, и говорил: Арсение! Тако ли вы креститесь?

И старец Арсеней, сложа персты руки своя, как писано в Кириловой книге, и говорил патриарху: тако мы крестимся.

И патриарх говорил: кто вам так велел?

И старец Арсеней говорил: есть у нас о том писано во святых книгах; да и Святые горы ваш же гречанин Максим Грек так же писал.

И патриарх говорил: еретик есть Максим, той написал так.

И старец Арсеней говорил: владыко святой! Ты его ныне называешь, не зная его, еретиком, а ереси его никакой не ведаешь, но единого ради креста, что вас обличает. А котория патриархи старые⁵⁶, те его послали, знаячи, по прошению великого князя, не за еретика, но выбрали их двоих изо всей Греции и ис тех двоих его послали, выбрав лучшего. А по времени паки писали об нем ко⁵⁷ государю, чтоб государь его к ним отпустил; и в грамотах своих писали, назвали его вторым Златоустом, и просили того у государя с великим прошением; и с тех грамот списки и ныне на Москве. Ты⁵⁸ ныне называешь его еретиком, а и не знал его ты; у нас он писал много, а ереси никакой нет.

Старец же Арсеней спросил // (стлб. 39) у гречан: скажите ми вы от писания: где то написано, чтоб по вашему сложению велено креститися?

И оне все с патриархом сказали, что писал им о том Дамаскин иподьякон.

⁵³ *Хочется* МГАМИД.

⁵⁴ Еще один показатель удаленности переписчиков от церковно-географических реалий: *Браилевской* С1 и 2, ИП2; *Браилавский* Б1, А, Г; *Брамлавский* Ув1, Ун1, Н; *Брамранский* Б3; *Брачловский* В.

⁵⁵ В Арх и МГАМИД написание слова неустойчиво: *даскол* (чаще), *даскал*, *доскол*, *дидаскол*. В традиции та же картина.

⁵⁶ *Старья* МГАМИД, Т, Н.

⁵⁷ *К* МГАМИД.

⁵⁸ Исправлено Сухановым из *А ты* — как было в МГАМИД и отражено в С1 и 2, ИП2, Ув1, Ун1, Б3, В, Н, Т.

Арсений говорил: у нас Дамаскина иподьякона книги нет, и не знаем кто он. У нас есть книга Иованна⁵⁹ Дамаскина, что был в Дамаску, и рука ему была отсечена и Богородица тое руку ему исцелила в одну ночь; и о том ничего он не пишет.

И гречеаня⁶⁰ сказали: не⁶¹ Иван то им писал, но Дамаскин некто именем, иподиакон и студит; а был он в недавних летах, тому лет с семьдесят, как умер.

Арсений говорил: я тому вашему Дамаскину не верю, потому что был после седмаго⁶² собора спустя многое время; откуда он родом, и каково его житие было и в кое лето был он, того у вас про него не писано, и знаменания⁶³ и чудес от него никакова не бывало. Но был он некто именем⁶⁴ Дамаскин, иподиакон и студит, рекше тщатель во учении. Но скажите ми от древних отец писания.

И священник Макарий говорил: есть так; делом говорит Арсений. Книга Дамаскина иподиакона добра, а кто он, и где, и в кое время и каково его житие было, того мы не ведаем все и писания о том у нас нету.

Потом митрополит Мелетий и архимарит Анфим и Филимон говорили Арсению⁶⁵: коли ты не вериш Дамаскину, ино Иван Златоустый о том пишет.

Арсеней говорил: добро есть, будет Иван Златоустый писал. Я рад слушать; покажите ми.

И патриарх послал по Златоустову книгу. И как принесли книгу Ивана⁶⁶ Златоустаго в десть греческую, печатана в Венеции, и в Златоустове книге сыскали, писано глухо: повелевает крестообразно креститься, а как персты складать, и того ничего не писано.

И тут греки своего оправдания ничего не сыскали.

Патриарх говорил: Арсение! Да как то толкуется, как ты складаешь свою руку? // (стлб. 40)

Арсений говорил: великий, и малый, да третий, что подле малого, то мы исповедуем единого Бога в Троицы. А два перста вышний и средний великий, то признаваем два естества Христова, божество и человечество.

⁵⁹ *Ивана* МГАМИД, Ув1, Б3, Н; *Иоанна* В, Г, Б1, А.

⁶⁰ *Гречея* МГАМИД, Ун1, Ув1; *гречене* В; *гречена* Б3; *гречане* С1 и 2, ИП2; *гречани* А, Б1; *гречяни* Г.

⁶¹ В Арх справлено Сухановым из *ни* по правильному чтению МГАМИД.

⁶² 7 МГАМИД; цифровое написание не отразилось в традиции.

⁶³ Описка в Арх, не справленная Сухановым, правильно *знамения* МГАМИД, С1 и 2, ИП2, В, Ун1, Ув1, Б 1 и 3, А, Г, Н, Т.

⁶⁴ *Именем* МГАМИД, Б1, А, Г.

⁶⁵ *Арсению* в Арх вставлено Сухановым над строкой; нет в МГАМИД, С1 и 2, ИП2, Ун1, Ув1, Б3, Н.

⁶⁶ *Иоанна* В (на этот раз С1 и 2, ИП2 не исправляют написание *Иван*, как оно не было исправлено выше в списке В); *Иоаннову* А, Г.

А еже средний великий⁶⁷ перст мало наклонен, — то исповедуется, еже Сын Божий преклонь небеса, и сниде на землю и бысть человек нас ради. Также писал и древний во святых отцех блаженный Феодорит. Тем же крестом и Мелетий патриарх Антиохийский чюдо сотвори и еретиков посрами. Потом же, последуючи им, и Максим Грек пишет также.

И паки патриарх свою руку сложа три перста, и показал и рек: так мы крестимся⁶⁸; те де три перста знаменует пресвятяя Троицы образ.

И старец Арсений говорил: владыко святой! И у нас есть три перста во образ пресвятяя Троицы, да не те, которыя ты складаеш. Толко мы крест Христов воображаем⁶⁹ теми персты, которыя значат два естества Христова, божество и человечество, и снитие с небес на землю. Понеже на кресте страдал един Сын Божий, а не Троица. То мы теми персты и крест Христов, сиречь страсти его, знаменуем, а не теми тремя персты, которыя пресвятяя Троицы⁷⁰ значат.

Старец же Арсений говорил: как мы крестимся, так у вас и Спасов образ в церкви написан.

И патриарх сказал: то де благословенная рука; так благословлять подобает, а не креститися.

Арсений говорил: что есть и какое то различие Дамаскин вам учинил, что людем знамение крестное давать двема⁷¹ персты, а себе трема? У нас же крестное знамение едино святитель творит, како на людех, тако и на себе; а прочие⁷² потомуже.

И патриарх говорил: Арсение! Да откуда же вы то взяли? Ведь вы крещение приняли от греков? // (стлб. 41)

Арсеней говорил: владыко святой! Я вам и многожды говорил, как у нас писано, и вы тому не верите; и топеря⁷³ я от вас хошу слышати⁷⁴: вы учинились християне преже нас, а мы после. Скажите мне вы: откуда вы то⁷⁵ приняли, и от кого, и в кое время и где то писано у вас, чтоб по вашему трема персты креститись?

⁶⁷ В Арх Сухановым дополнено над строкой не раскрытое, но написанное писцом в строке без выносных сокращение *вели(кий)*; в МГАМИД традиционное сокращение; в традиции не вариативно.

⁶⁸ *Крестимся* МГАМИД; в традиции чтение Арх.

⁶⁹ *Воображаем* МГАМИД.

⁷⁰ Арх и МГАМИД не позволяют здесь вставить в текст литературно напрашивающееся слово *образ* С1 и 2, ИП2, как это сделал Белокуров, вопреки остальной традиции, следующей протографу.

⁷¹ Так и в МГАМИД; *двема* С1 и 2, ИП2, Ун1, Ув1, Б1 и 3, А, Г, Н.

⁷² В МГАМИД и Арх сокращенно *проч(ие)*; раскрытие сокращения, видимо, бывшего в протографе, привело к разнообразию чтений *прочи* С1 и 2, ИП2; *прочи* Н; *протчи* В; *протчи* А, Г, Б1.

⁷³ В Арх исправлено Сухановым из неясного слова; улучшение: *теперя* С1 и 2, ИП2; *топеря* Н.

⁷⁴ *Слышат(у)* МГАМИД; *слышать* Ув1, Ун1, Б3, В, Н.

⁷⁵ В Арх вписано Сухановым над строкой; есть в МГАМИД и традиции.

И патриарх и двожди и трожжи⁷⁶ то говорил: откуда вы то приняли? Арсений говорил: не стану я вам говорить. Скажите вы наперед про себя: от ково вы то приняли, потому что вы прежде нас крестились.

А архимарит Филимон сказал: нигде того у нас не писано, но мы сами так изначала приняли⁷⁷.

Арсеней говорил: добро ты так сказал, что вы сами так изначала приняли. И мы також(е) изначала сами приняли⁷⁸ от святого апостола⁷⁹ Андрея, такоже и блаженный Феодорит пишет и прочие⁸⁰.

Ты рек, что вы сами так изволили. Чем же вы лучши нас? Что ты сам, а мы ведь сами таковы же, как и вы. Такоже у нас Богу угодивших много, что и у вас было. А се вы веру приняли⁸¹ от апостол, а⁸² мы такоже от апостола Андрея. А хотя б и от грек, но от тех, которыя непорочно сохраняли⁸³ правила святых апостол и седми⁸⁴ вселенских соборов, а не от нынешних, которыя не соблюдают правил⁸⁵ святых апостол: в крещении обливаются вси и кропляются, а не погружаются в купели, и книг своих и науки у себя не имеют, но от немец принимают.

Истинну ты рек, что вы сами так изначала прияли, а не по святых отец преданию. Есть ли бы вы по святых отец преданию и по апостольскому благовестию ходили, то бы вы крестились⁸⁶ рукою по преданию блаженнаго Феодорита и Мелетия Антиохийскаго. А в крещении погружались бы, а не обливались, якоже римляне⁸⁷. А то вы своим упрямством претворяете, якоже Дамаскин зделал вам в одном кресте три креста. // (стлб. 42)

⁷⁶ 2-ж и 3-ж МГАМИД. В протографе традиции было словами *двожды и трожды* БЗ, Ув 1, Ун1; *двожды и трижды* ИП2, С1 и 2; *дважды и трижды* Т, П, А, Б1, Г.

⁷⁷ Так и в МГАМИД; *прияли* С1 и 2, Ув1, А, Б1 и 3, Г; *прияхом* ИП2.

⁷⁸ *Прияли* МГАМИД, С1 и 2, Ун1, Б1 и 3, А, Г, Н.

⁷⁹ В Арх пропущенное писцом вставлено Сухановым над строкой, чернилами правки.

⁸⁰ *Прочи* МГАМИД, В, А, Б1, Г; ошибочно *прочее* С1 и 2, ИП2.

⁸¹ *Прияли* МГАМИД, Ун1, Ув1, Б1 и 3, С1 и 2, ИП2, Г, Н.

⁸² В Арх вставлено Сухановым в строку: нет в МГАМИД, Ун1, Ув1, С1 и 2, ИП2, БЗ; и Н.

⁸³ Так в МГАМИД; в Арх исправлено Сухановым из *сохранили*; не исправленное в Ун1, Ув1, С1 и 2, ИП2, БЗ, Н.

⁸⁴ 7 МГАМИД.

⁸⁵ В МГАМИД сокращенно *прав(ил)*; в Арх выносное л; *правила* С1 и 2, ИП2; *правило* ИП2, Б1, А, Г.

⁸⁶ В Арх исправлено Сухановым из описки *крестили*; *крестились* Ув1, Ун1; в МГАМИД последнее с выносное.

⁸⁷ В Арх исправлено Сухановым из *рымляни*; *римляне* МГАМИД, С1 и 2, ИП2, Ун1, Ув1, БЗ; *рымляны* Н.

Архимарит же Филимон говорил: вы на Москве одне так креститесь; а в⁸⁸ Полской⁸⁹ земле⁹⁰ Русь по нашему по греческу⁹¹ крестятся.

Арсеней говорил: добро так говоришь. Хочешь ли тем своим словом прав и виноват быть?

Архимарит⁹² крепился первым своим словом, говорил дважды и трижды⁹³ то же слово.

А старец Арсеней говорил: одно⁹⁴ тебе говорю: хочеш ли тем словом прав и виноват быть?

И он узнал, такова слова не дал.

И Арсеней говорил: я хочу тем твоим словом и прав и виноват быть. Зде у вас в Торговищи сыщу такову книгу Полские земли печатную, а в ней писано о крестном знаменнии слово в слово против нашего, а та книга у втораго логовета⁹⁵ Удришта граматика словенская.

И на тех словах патриарх и все замолчали и, мало посидев, востав из-за трапезы, пошли кручиноваты, что хотели оправдатися святыми книгами, да нигде не сыскали, и то им стало за великий стыд.

И вышел из-за стола на монастыре митрополит Мелетий, и поп Макарий, да Иосиф⁹⁶ старцу Арсению // (стлб. 43) говорили: откуду ж вы веру приняли? Ведь от нас?

И⁹⁷ Арсеней говорил: мы веру приняли⁹⁸ от Бога, а не от вас.

Паки греки рекли: крещение вы приняли от нас греков?

И⁹⁹ Арсеней говорил: мы крещение изначала приняли от апостола Андрея, а не от вас.

И паки Арсеней говорил: скажите ми вы, греки, про себя: от ково вы крещение приняли¹⁰⁰?

И архимарит Филимон говорил: мы крещение прияли от Христа, и от апостол и от Якова брата Божия.

⁸⁸ Нет МГАМИД, Ув1, Ун1, С1 и 2, Б1 и 3, А, В, Г, Н.

⁸⁹ Полской МГАМИД; в Арх л выносное.

⁹⁰ Земли МГАМИД, Ув1, Ун1, С1 и 2, Б1 и 3, А, В, Г, Н; имеется в виду «Польской земли Русь».

⁹¹ По греческому С1 и 2, Ув1, Ун1, Б3, В, Н; по гречески А, Б1, Г. Особенность письма Суханова (ср. в начале текста его написание в МГАМИД и Арх по московску).

⁹² И архимарит МГАМИД; и архимандрит говорил А, Б1, Г.

⁹³ 2-ж и 3-ж МГАМИД; дважды и трижды С1 и 2, Ув1, Ун1, Б3, Г, Н.

⁹⁴ Одно МГАМИД.

⁹⁵ Логофета у МГАМИД; логофета С1 и 2, Ун1, А, В, Г, Н; лагофета Ув1, Б1; как и в традиции, в Арх здесь и далее у нет, но ниже правильное чтение *логофета*.

⁹⁶ Не исправленная Сухановым ошибкой писца Арх; правильно *Иосаф* МГАМИД; в традиции имя вызвало небольшое замешательство: *Иосаф* Ун1, Б3, Н; *Исаф* Г; в Ув1 *Иосаф* исправлено на *Иосиф*.

⁹⁷ Нет в МГАМИД, но отражено в традиции.

⁹⁸ Прияли МГАМИД, С1 и 2, ИП2, А, Б1, Г.

⁹⁹ Нет в МГАМИД, Ун1, Ув1, Б1 и 3, А, Г, Н.

¹⁰⁰ Прияли МГАМИД, С1 и 2, ИП2, А, Б1, В, Г.

Арсений говорил: то вы неправду говорите. Вы, греки, живете в Греции, и в Македони¹⁰¹ по сю страну Царяграда, подле Белого¹⁰² моря, и около Солуны и Афон горы. А Христос был во Иеросалиме, также¹⁰³ и Яков брат Божий. // (стлб. 44) А вы, греки, во Иеросалиме в то время не были: были в то время во¹⁰⁴ Иеросалиме жидаы и арапы. Да и ныне во¹⁰⁵ Иеросалиме и около Еросалима все арапы и сирьяне, а греков нет, окроме вас старцов, приходящих немногих, которья у патриарха живут; а еросалимския старцы все арапы по монастырем живут и у патриарха. А крещение вы прияли по Вознесении Христове от апостола Андрея и от прочих. И будучи в Цареграде апостол Андрей да и к нам пошел¹⁰⁶ Черным морем. И мы крещение в то же время прияли от апостола, как и вы, а не от вас¹⁰⁷ греков.

И поп Макарий говорил: делом Арсений говорит: во Иеросалиме тогда греков не было, да и ныне нету. И¹⁰⁸ видев даскола Лигоридия, призвали к себе и розказали¹⁰⁹ ему¹¹⁰ все, о чем за трапезою спор был о крестном знамении.

И даскал Лигоридий спросил старца Арсения: како руку складать и что тому толкование?

И старец Арсений сложа персты руки своя по древнему преданию блаженнаго Феодорита и прочих и толкование сказал против того ж писма.

И даскал Лигоридий сказал всем им: добро у них, так ещо и лучши нашего.

И патриарх, призвав к себе доскола¹¹¹ Лигоридия, и говорил ему, чтоб он приискал от писании святых о крестном знамении на оправдание им.

И даскол¹¹² говорил: не мочно¹¹³ сыскати такого оправдания.

И патриарх на него кручинился.

¹⁰¹ *Македони* МГАМИД, Ун1, С1 и 2, ИП2, Ув1, Н, В; *Македони* Б1.

¹⁰² *Белаго* МГАМИД; *Белое* А, Б1, Г.

¹⁰³ *Также* МГАМИД.

¹⁰⁴ *Въ* МГАМИД.

¹⁰⁵ *Въ* МГАМИД, Б3, Н.

¹⁰⁶ *Пошел* МГАМИД.

¹⁰⁷ В Арх пропущенное слово вставлено Сухановым над строкой, как оно было вставлено Ч-2 в МГАМИД; вошло в традицию.

¹⁰⁸ В Арх предложение не отделено от предыдущего; в МГАМИД отделено.

¹⁰⁹ *Разказали* МГАМИД.

¹¹⁰ В Арх пропущено писцов и вставлено Сухановым на поле основными чернилами текста.

¹¹¹ *Даскола* МГАМИД, Б3; *даскала* В.Н.Т; *дидаскола* С1 и 2, ИП2.

¹¹² *Даскал* МГАМИД, Б1, Г, В, Н, Т; *дидаскол* С1 и 2, ИП2; *дидаскал* А.

¹¹³ *Мошно* МГАМИД, С1 и 2, ИП2, Ув1, Б1, А, Г, Н; *мошно* Ун1, Б3, В, Т.

И сказывал то сам даскол, сидя за столом¹¹⁴ у второго логофета Удришта¹¹⁵, за что¹¹⁶ на него патриарх кручинился. А старцу Арсению сказовал Удриштов студент Федор русин: при нем де даскол то говорил¹¹⁷. // (стлб. 45)

158-го году мая в 8 день в Торговищи старец Арсеней¹¹⁸ ужинал у патриарха в келье. И после ужина, как пошел из-за стола, говорил Иоасафу попу, чтоб он доложил патриарха, чтоб патриарх велел кому из своих архимаритов с ним старцем Арсением посидеть и поговорить о летописце, что лета в русских книгах не сходятся з греческими от Христова Рожества.

И поп Иоасаф после старца Арсения патриарха докладывал и, сошед с веру, старцу Арсению сказал, что о том деле патриарх прикажет архимариту¹¹⁹ Анфиму¹²⁰ или кому иному.

Маия в 9 день сидели с патриархом в трапезе вся братья и после трапезы патриарх пошел к себе, а старцу Арсению велел за собою в верх итти: и, пришед в верх, учал говорить: Арсение! Вчера мне Иасаф говорил твоим словом, чтоб мне велеть с тобою кому посидеть и поговорить о летописце. Для чево то тебе надобно?

Арсении говорил: владыко святые! Надобно для того, что неведомо для чего у нас с вами летописец от Рожества Христова не сходитца.

И патриарх говорил: да как тебе мнится: у нас ли потеряно или у вас? Говори со мною.

Арсении говорил: владыко святые! С тобою мне о том говорит(ь) не умет(ь), любо речь в задор пойдет, чтоб тебя на гнев не привести. Вели со мною кому иному говорить; и что мы станем говорить, вели нам то записывать и к тем речам, каждому к своим, вели нам руки свои

¹¹⁴ За столом в Арх вставлено Сухановым чернилами правки, в МГАМИД в тексте.

¹¹⁵ МГАМИД: у Удришта.

¹¹⁶ МГАМИД: што.

¹¹⁷ Далее в МГАМИД помета Ч-2: *Здесь писать патриархов вопрос мая в 8 день*. В Арх на стлб. 45–53 другим писцом и более темными чернилами вставлен отсутствующий в МГАМИД текст о разговорах 8 и 9 мая. Первый писец, писавший текст до и после вставки светлыми чернилами, написал во вставке стлб. 51 теми же темными чернилами, что и вся вставка. Возможно, это показывает, что протограф Арх еще не был собран в виде единого рукописного текста, как он виден затем в рукописной традиции.

¹¹⁸ В Арх ошибочно недописанное писцом имя *Ар* дописано Сухановым на левом поле.

¹¹⁹ В Арх ошибочно недописанное писцом слово дописано Сухановым над строкой, в тексте было: *Архи*.

¹²⁰ В Арх исправлено Сухановым из *Афиму*. В традиции писцовой ошибки нет.

прикладывать, чтоб¹²¹ бесповоротно. И так у нас сыщется вся правда: хто будет прав, хто виноват, и вы ль потеряли или мы. // (стлб. 46)

И патриарх говорил: скажи мне хто тебе надобен, с кем тебе говорить: даскол Лигоридии да даскол митрополит Власии?

Арсеней говорил: владыко святыи! Дай мне кого из своих архимаритов, ково изволишь. А те люди науки высокой, говорить с ними не уметь о правде, понеже у них такова наука: тщатся оне не истину сыскать, но только бы перетягать и многословием своим истинну замять; на то оне тщатся и наука у них такова езуитская.

И патриарх говорил: для чево с ними не хошь говорить? Оне у нас дасколы и люди учоныя. // (стлб. 47)

И Арсеней говорил: вем, владыко святыи, что они дасколы, толко дасколы оне zde, а не в Еросалиме. А с теми я говорить для того не хочю, понеже в латынской науке много лукавства бывает, а истинну лукавством сыскать не мочно.

И патриарх говорил: коли так говоришь, з дасколами не хошь говорить, ино мне тебе нелзе о таком великом деле ответу дать одному, но писать о том ко всем чetyрем патриархом. // (стлб. 48)

Арсеней говорил: скажешь, пожалуешь ты — ино добро, а не скажешь — в твоей воли. И мы станем и инде о том спрашивать, есть ли ты не изволишь сказать.

Патриарх говорил: Арсеней! Не возможно чetyрем патриархом погрешить в таком деле, что ты говоришь о летописце, что будто¹²² у нас с вами не сходится; то у вас потеряно, а у нас у чetyрех патриархов у всех единосогласие. // (стлб. 49)

Арсеней говорил: владыко святыи! Мнится ми, что у вас погрешено, понеже по взятии Царяграда от турка латинницы книги греческия все выкупили и у себя переправя, печатали по греческий¹²³ и вам роздавали.

Арсеней ж говорил: владыко святыи! Высокую речь говоришь, что не возможно погрешить. Июда и апостол был и со Христом жил, и тот согрешил. Також и Петр апостол трижды отрекся Христа. Також // (стлб. 50) (и чetyре патриархи многи еретики были во Цареграде)¹²⁴; и во Александрии, и в Риме и многи ереси заводили; и того ради и царство

¹²¹ Добавлено: *было* С1 и 2, ИП2, Ув1, Ун1, Б3, В, Н, Т. Белокуров напрасно вставил в текст, так как отразилось лишь в части традиции, идущей от общего протографа с Арх. Нет в МГАМИД.

¹²² В Арх пропущенное слово вставлено писцом над строкой; нет С1 и 2, ИП2, Т.

¹²³ Ошибка писца, не исправленная Сухановым; *по гречески* С1 и 2, ИП2, А, Б1, В, Г, Т.

¹²⁴ Предполагаемый механический (связанный с повреждением конца стлб. 49) пропуск в Арх сравнительно с общим протографом традиции, читается в С1 и 2, ИП2, А, Б1, В, Г, три последних слова имеются, после указанной выше лакуны, в Ун1, Ув1, Б3, Н.

ваше разорилось. Да и до сех мест то у вас ведется в Цареграде: патриархов своих давите сами, а иных в воду сажаете; и ныне в Цареграде четыре патриархи. А что ты говоришь, будто вы, греки, источник всем нам вере, и то высокую ж речь говорите. Источник и предложитель вере Христос Бог, который за наше спасении¹²⁵ умер плотию, и воскрес, и на небеса взыде и седе одесную Отца, его же пришествия паки ждем судити всех нас.

Патриарх говорил: Арсени! Ведь вера изыде от Сиона и что есть доброго, то все от нас изыде. Ино мы корень и источник всем вере; и вселенския соборы у нас же были.

Арсени говорил: владыко святый! Истинну глаголеши, что закон изыде от Сиона и соборы у вас же были; тое и мы веру держим и проповедуем, которая от Сиона изыде и вселенскими соборы подкреплена. А вы, греки, тое веры не держите, которая от Сиона изыде, но токмо словом говорите. // (стлб. 51)

Греки говорили: мы веру держим, которая от Сиона изыде.

Арсени говорил: как вы то говорите, что будто вы веру держите, которая от Сиона изыде? Писано в 50 правиле святых апостол, велено крестить в купели в три погружении и вселенския соборы такоже велели; а святый апостоли то правило писали в Сионе, сиречь во Иеросалиме. И у нас то апостольское прав(ило) твердо хранят; а вы в купели в три погружении не креститесь, но обливаетесь; и то знатно, что вы не тое веру держите, которая от Сиона изыде. Апостоли ж написали в своем правиле: не молитесь со еретики¹²⁶ в церкви. А греки со армяны, и с римляны и с франками молятся в церкви единой и святыню им с верными вместе дают на обедни; а в Ясах ляцкой бискуп на Крещение на водосвящении облачался на собор с митрополитом волосским. А что вы называетесь источник всем, ино евангелие напредь написал Матфей, по 8 летех Вознесения Христова, жидовским языком к веровавшим¹²⁷ жидом, а не к греком; то есть первый источник вере Спасителя Бога. И то знатно, что не греки в начале крестились. Потом по 10 летех написав Марко в Риме римляном, а не греком; и посему знатно, что римляне преж греков благовестие прияли. Потом Лука написал по 15 летех к Феофилу князю. А по 32 летех преложи та¹²⁸ евангелия на еллинский¹²⁹ язык. Иоанн Бо-

¹²⁵ Не исправленная Сухановым ошибка писца Арх, видимо, имевшаяся и в протографе традиции; правильно: *спасение* С1 и 2, ИП2, Ун1, Ув1, Б3, В, Т; *спасения* Б1, Г.

¹²⁶ *Со еретики* в Арх вставлено Сухановым в строку на оставленное чистым место; *со еретиками* С1 и 2, ИП2; *с еретиками* Ун1, Ув1, А, Б1 и 3, Г, Н, Т.

¹²⁷ В Арх исправлено Сухановым из ошибочного *веровшим*.

¹²⁸ В Арх исправлено из *ми*.

¹²⁹ *На еллинский* в Арх вставлено Сухановым на оставленном писцом месте.

гослов и свое написал. И посему знатно, что не греки источник всем. // (стлб. 52)

Вы же говорите, что соборы у вас вселенские были, того ради называется источник. И на соборах не едины греки были, но и римляне и вси веровавшии по вселенней, а не одни греки. Да и вселенския соборы не источник вере, но на еретиков собиралися, которыя веру Христову, преданную нам от апостол, разоряли; и святыи отцы предание апостольское на соборах подкрепляли, а не вновь веру оставливали¹³⁰. И потому знатно, что и соборы вере не источник, но подкрепление. А вера изначала изыде от Христа Бога совершена и предана апостолом; а апостоли, взем от Христа, во весь мир предали веру совершену, а не в полы. // (стлб. 53)

Арсеней же говорил: вы, греки, называется источник всем верным, якоже и папа называет себя глава всей церкви. И мы глаголем вам: ни папа глава церкви, ни вы греки, источник всем. А есть ли и был, толко ныне пересох и сами жаждою страждете, нежели вам весь свет напаявати своим источником; а иныя ваши греки пьют из бусорманского¹³¹ источника. Мы же Русь крестихомся в смерть Христову, занеже и распялся Христос за нас, от Его же ребра изыде кровь и вода; тои нам источник источи веру из ребра Спасителя, а не греки нам источник вере. Турской царь и ближе нас у вас живет, да се не можете его напоить своим источником и к вере привести. // (стлб. 54)

И¹³² мая в 11 день сказовал старцу Арсеню даскол Григорий русин, что живет у митрополита Стефана Торговищскаго. Был де у митрополита Стефана за трапезою епископ Даниил Охридской и говорил про тебя Арсения, что де ты с ним спор чиниш о кресте, како рукою креститися. А как де у нас будет в Турской земли, сломают де ему те рога. Было де у нас такое дело во Афонской горе в русском монастыре, старец так крестился по московским книгам. И старцы де святогорския собралися все и ево¹³³, поставя пред собою, испытали. И он де говорил: как он креститися, так написано в московских печатных книгах.

А мы де сербы и болгары с Москвою чтем¹³⁴ одне книги. И старцы де святогорския того старца предали турку, и турок де держал его в темнице многое время; и как де он турка освободился, и мы де его заклиали; что впредь ему так не креститися и прочих не учить. А книги де московския

¹³⁰ Правильнее *устанавли* С1 и 2, ИП2, Ун1, Ув1, Б1 и 3, А, Г, Н, Т; *оставляли* В.

¹³¹ В Арх исправлено из *бусорманского*; вероятно, ошибка была и в протографе традиции *букомойского* С1 и 2, ИП2; *букаманскаго* Т; *букуманскаго* Б1, Г; *бусурманскаго* Ув1, Ун1, Б3, А.

¹³² Отсюда продолжается текст МГАМИД.

¹³³ *Его* МГАМИД; в традиции как в Арх.

¹³⁴ В Арх Суханов исправил *чтем* вместо *чтгъм*.

присудил я сожечь на огне. И те де книги, у того старца взем, пожгли. // (стлб. 55)

Июня в 1 день патриархов поп Иасаф¹³⁵ говорил старцу Арсению: после вечерни я де спрашивал в церкви у епископа Даниила: книги московския он ли присудил сожечь во Афонской горе? И он де о том не заперся¹³⁶: я де велел сожечь. А в то время были митрополит Браиловской Мелетий и многия люди, как Иоасаф сказовал то.

Того ж дни, мало погодя, поп Иоасаф, пришед, старцу Арсению говорил: я де про то дело сказывал¹³⁷ патриарху и патриарх де тому дивится; туто ж де и Амфилохий старец прилучился и он де¹³⁸ патриарху сказывал¹³⁹, что при нем жгли государевы книги во Афонской горе.

Июня в 2 день после заутрени, призвав патриарх к себе в келью старца Арсения, спрашивал: где то слышали¹⁴⁰ и давно ль, что государевы книги во Афонской горе пожгли греки? // (стлб. 56)

И старец Арсений патриарху говорил: про то дело слышал я в Васлюю от старцов Зуграфьского монастыря, да и в Торговищи от многих людей от здешних и от сербьских¹⁴¹ старцов; да и епископ Даниил Ахридонский¹⁴² сидел у митрополита Стефана Торговицкаго за столом, похвалялся тем, что то дело он судил и книги¹⁴³ сожечь он присудил московския.

И патриарх тому дивился много и говорил: напрасно де таким врагом государь царь и милостиню дает; прямо де мы тое своей ради¹⁴⁴ гордости и царство свое погубили. За што¹⁴⁵ де было книги жечь? Естли бы де и ересь какую сыскали, ино было то поморать,¹⁴⁶ а книг не жечь. И призвав старца своего Амфилохия, спрашивал пред старцом Арсением, потому что тот старец в то время был во Афонской горе, как книги жгли.

И старец Амфилохий говорил, что он в то время был во Афонской горе и то все видел. Сошлись де старцы святогорския все, и надели на себя патрахели, и привели старца с московскими книгами, и облекли его

¹³⁵ *Иоасаф* МГАМИД.

¹³⁶ *Заперся* МГАМИД и традиция.

¹³⁷ *Сказовал* МГАМИД.

¹³⁸ В Арх Суханов вписал на поле в строку; нет в МГАМИД, С1 и 2, ИП2, Ун1, Ув1, БЗ, Н.

¹³⁹ *Сказовал* МГАМИД.

¹⁴⁰ *То слышали* как в МГАМИД, С1 и 2, ИП2; в Арх исправлено из *где посылышали; где ты посылшал* В; *где ты слышал* А, Б1, Г; *слышал* Ун1, Ув1, Н.

¹⁴¹ *Сербских* МГАМИД; *серпский* С1 т 2, ИП2.

¹⁴² *Ахридонскои* МГАМИД; *архидонский* Б1, Г, Т; *аридонский* С1 (в С2 исправлено верно).

¹⁴³ *Книгъ* МГАМИД; в Арх исправлено Сухановым; в традиции *книги*.

¹⁴⁴ Еще один показатель, что писец Арх писал с голоса — перестановка слов, не нарушающая смысл; *ради своей* МГАМИД, С1 и 2, ИП2, Ув1, БЗ, В, Н, Т.

¹⁴⁵ Так Арх и МГАМИД, *что* С1 и 2, ИП2, Ув1, Ун1, Б1 и 3, А, Т, Н.

¹⁴⁶ *Помарать* МГАМИД.

в ризы, и поставили среди церкви, и называли его еретиком, и книги де держит еретическия, и крестится не по гречески, и хотели де его сожечь и с книгами; тутожде и турки стояли призваны. И по многом де безчестии тому старцу велели московския книги на огонь положить самому. И он де многое время не хотел на огонь класть, и за великую нужу, заплавав, положил, убоясь и сам того же огня. А сожгли де московских книг две в десть в(елик)ии¹⁴⁷, а третья¹⁴⁸ в полдесть, а иных де не помню каковы. А старца де того заклиали, что ему впредь так не креститься и никого не учить, и отдали его турку: и туок де держав ево¹⁴⁹ у себя в железах многое время и, взяв с него, отпустил.

Старец же Анфилохий патриарху сказывал, что другово¹⁵⁰ де такова старца у них во всей горе Афонской нету. Брада де у него до самой земли, якоже у Макария Великого¹⁵¹; а носит де ея, в мешечик склав, и тот мешечик з бороною // (стлб. 57) привязывает к поясу. А имя ему Дамаскин, муж де духовен и грамоте учон. И то де греки зделали от ненависти, что тот старец от многих почитаем, а сербин он, а не грек; греки де хотят, чтоб всеми оне владели.

Того ж дни за трапезою у патриарха сидел митрополит Власей и вся братья патриарша, и меж себя многия речи говорили про святогорских старцов, что оне не добро учинили.

В 3 день Паисия патриарх призвал к себе митрополита Власия, и своих архимаритов и старца Арсения и говорил: Арсение! Как ты мыслиш о вчерашнем деле? Чего ты хочеш от нас?

И Арсений говорил: владыко святой! Мне до того мало дела. Естьли¹⁵² государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии самодержец про то сведает, а святогорския старцы любо приедут к Москве, ему государю станут¹⁵³ бить челом о милостине, и оне сами за себя ответ дадут, за што оне государевы книги жгли. А топере я бью челом, чтоб того епископа велели вы поставить перед собою и допросить: за што оне государевы книги пожгли? Какую в них ересь сыскали? // (стлб. 58)

И патриарх и митрополит послали до епископа. И, как епископ Даниил пришол, учили ево¹⁵⁴ допрашивать: для чево¹⁵⁵ московския книги пожгли? И епископ в том заперся, а говорил: было де во Афонской горе

¹⁴⁷ В Арх текст поврежден; *велики* МГАМИД, Ув1, Ун1, Б3; *великих* С1 и 2, ИП2.

¹⁴⁸ *Третья* МГАМИД; Ун1, С1 и 2 как в Арх, с заменой *ъ* на *е*.

¹⁴⁹ *Его* МГАМИД.

¹⁵⁰ *Другого* МГАМИД; *другаго* В, Б1, Г, А, Т.

¹⁵¹ *Великаго* МГАМИД.

¹⁵² *Естли* МГАМИД.

¹⁵³ В Арх вставлено Сухановым над строкой; нет в МГАМИД, С1 и 2, ИП2, Ун1, Ув1, Б3, Н.

¹⁵⁴ *Его* МГАМИД; *а учили его* Ув1, Ун1, Б3.

¹⁵⁵ *Чего* МГАМИД.

так: собралися старцы на сербского¹⁵⁶ старца Дамаскина именем¹⁵⁷, что он крестит¹⁵⁸ не по гречески и иных тому ж учит. И того де старца, поставя на соборе, допрашивали: откуда он тому научился? И он де указал на сербскую¹⁵⁹ на писменую книгу, что в ней так писано креститися. И тое де книгу, взем у него, сожгли. А та де книга старинная сербская¹⁶⁰, тому 130 лет как писана. И тому де есть письмо зде прислано из Афонской горы к митрополиту Стефану Торговищскому. // (стлб. 59)

И патриарх Паисий и митрополит Власий епископу говорили: напрасно оне и тое книгу сожгли, понеже она на словенском¹⁶¹ языке, а не на греческом; а се она книга старинная.

Епископ же Даниил перед патриархом говорил, что они¹⁶² московских печатных книг не жгли, сожгли де одну сербскую¹⁶³ писменую.

Арсений говорил: святейший государь патриарх! Давече пред тобою говорил старец Амфилохий, что сож(гли он)и¹⁶⁴ при нем московских печатных книг — две великии¹⁶⁵ в десь, а третья¹⁶⁶ в полдесь, а иных, он сказал, не помнит.

И патриарх велел старца Амфилохия поставить с епископом с очей на очи.

И старец Амфилохий, став пред патриархом с епископом с очей на очи, говорил то ж, что и наперед сего патриарху сказал¹⁶⁷; а епископ сказал: того он не ведает.

Старец же Арсений взем книгу печатную грамматику¹⁶⁸ у патриарша доскола¹⁶⁹ Малахии¹⁷⁰, а в ней писано: «и в Духа Святаго, иже от Отца и Сына исходящаго», — и тое книгу принес на собор перед патриарха и говорил: сказываеете вы, что книги ваши греческия правят вам в Венеции и во Аглинской земли ваши православныя гречаня¹⁷¹; а то¹⁷² книга печатана в Венеции, а в ней писано самая головная римская ересь. Ино

¹⁵⁶ Сербскаго МГАМИД.

¹⁵⁷ Именем МГАМИД

¹⁵⁸ В Арх ошибочно; правильно *крестится* МГАМИД, В, Ун1, Ув1, БЗ, Н, С1 и 2, ИП2.

¹⁵⁹ Сербскую МГАМИД.

¹⁶⁰ Сербская МГАМИД.

¹⁶¹ Словенском МГАМИД.

¹⁶² Оне МГАМИД.

¹⁶³ Сербскую МГАМИД

¹⁶⁴ Оне МГАМИД.

¹⁶⁵ Велики МГАМИД.

¹⁶⁶ Третья МГАМИД.

¹⁶⁷ Сказовал МГАМИД; сказывал С1 и 2, ИП2, Ув1, Ун1, БЗ, Н.

¹⁶⁸ В Арх Суханов исправил из *грамоттику*; *грамматику* МГАМИД; *грамотику* С1 и 2, ИП2; *граматтику* Ув1, Ун1, Н; *грамматтику* БЗ.

¹⁶⁹ Даскола МГАМИД, Ув1, Н; *даскала* В; *дидаскола* С2, ИП2.

¹⁷⁰ Малахия МГАМИД.

¹⁷¹ Греченя МГАМИД, Ун1, БЗ.

¹⁷² Та МГАМИД, С1 и 2, ИП2, Ун1, БЗ, Н.

было довлеет вам те книги сожигать, а государевы было вам книги не за что¹⁷³ жечь. У нас государь царь благочестивой, ереси никакой не люби(т, и во всей его) государевой земле¹⁷⁴ ереси нету. А у (печ)а(ти) сидя(т) книги правят избранныя люди и (бе)зпрестани над тем сидят. А над теми людми надзирают по государеву указу митрополит и архимарит и протопопы, кому государь укажет, и о всяком деле докладывают¹⁷⁵ государя и патриарха. То вы зделали не гораздо, что наругались над ево¹⁷⁶ государевыми книгами. Хотя б вы его царьского имени устыдились, что в них писано: те книги печатаны его царским изволением. // (стлб. 60)

И патриарх говорил: Арсение! Не добро оне зделали; хотя б и ересь какую сыскали; ино было то поморать¹⁷⁷, а не всю книгу сожечь. И мы латынских¹⁷⁸ книг не жем, но будет, что есть еретическо, и мы поморем¹⁷⁹, а их держим.

И по многой беседе епископа Ахридонскаго¹⁸⁰ отпустили, а к Стефану митрополиту послали, чтоб он прислал к ним письмо, что прислали к нему из Афонской горы о крестном знамении.

Потом митрополит Власий старцу Арсению говорили¹⁸¹: Арсение! О крестном знамении ни евангелист, ни апостол ниhto не писал, как персты складать: то есть самоизв(олное; но)¹⁸² токмо подобает крестообразно крест (чинить), а то все добро и ереси и хулы на Бога ни(какой в том) нет. Мы складываем¹⁸³ великий перст з две(ма ве)рхними во образ Троицы и теми крестимся; а вы складываете¹⁸⁴ великий перст з двумя нижними во образ Троицы, а двумя верхними креститесь. То ж добро однако¹⁸⁵ крест Христов воображается; но толко нам мнится наше лутше¹⁸⁶, что мы старее. // (стлб. 61)

Арсений старец¹⁸⁷ говорил: вем, владыко, что вы старее; но старая одежда требует покрепления или, егда полата или церковь каменная по-

¹⁷³ *Што* МГАМИД.

¹⁷⁴ *Земли* МГАМИД.

¹⁷⁵ *Докладовают* МГАМИД.

¹⁷⁶ *Его* МГАМИД.

¹⁷⁷ *Помарать* МГАМИД.

¹⁷⁸ *Латинских* МГАМИД.

¹⁷⁹ *Помараем* МГАМИД.

¹⁸⁰ *Ахридонского* МГАМИД.

¹⁸¹ В МГАМИД и Арх по недосмотру не исправлено на *говорил*; исправлено в протографе традиции, правильное чтение в С1 и 2, ИП2, Ув1, Б1 и 3, В, Г, Н, Т, А.

¹⁸² Далее в Арх новая серия повреждений столбца, восстанавливается по МГАМИД, с учетом традиции.

¹⁸³ *Складаем* МГАМИД, Ун1, Ув1, Б3; *слагаем* Б1, Г, А.

¹⁸⁴ *Складаете* МГАМИД, Ув1, Ун1, Б3, Н; *слагаете* А, Б1, Г.

¹⁸⁵ *Одноко* МГАМИД

¹⁸⁶ *Лутчие* МГАМИД, А, Б1, В, Г; *лутче* Ув1, Ун1, Б3, Н, Т; *лутчи* С1 и 2, ИП2.

¹⁸⁷ Нет МГАМИД, С1 и 2, ИП2, Ув1, Ун1, Б1 и 3, А, Г, Н, Т; вероятно, вставка писца Арх, отсутствующая в протографе.

портится, то треба починить, и паки нова будет и крепка. А у вас и много есть розвалилось — предания апостольская и святых отец, сииречь¹⁸⁸ творите не по древнему¹⁸⁹ преданию, а починить, сииречь¹⁹⁰ справить, не хотите. Гордостью надувся, х(одите и н)азывается всем источник вере; и вместо погружения обливаеся и кропяеся, а о крестном знамении, оставя предание¹⁹¹ блаженнаго Феодорита и прочих, и держите наваго своего учителя Домаскина иподьякона.

Вы же сказываеяте, что вы так изначала приняи. А Спасов образ в церкви у вас написан, руку держит так, как мы крестимся и как блаженный Феодорит писал и прочии. // (стлб. 62)

И патриарх и митрополит сказали, что так де¹⁹² благословлять подо-баеяте, а не креститися.

Арсений гово(рил: егда святите)ль благословляеяте, крест же творит (на том, ко)го благословляеяте; ино у нас обыкло, по древнему преданию, которою рукою на людех крестное знамение творит, тою и на себе.

А то вы говорите неправду, что изначала так вы прияи креститися. Мне мнитися, изначала и вы так крестилися и благословляи, как и мы ныне, и как в церкви на иконе у вас и у нас Спасова рука пишетея. А то вам написал новой ваш учитель Дамаскин иподьякон и зделал вам в одном кресте три креста: людей велел крестить пятмя персты¹⁹³ странным обычаем, а себя тремя. А древнее предание, как Спас благословлял и как рука Его на образе пишетея, и то вы отставили, так ни благословляеяте, ни креститися¹⁹⁴.

Мы же старое предание держим, якоже блаженный Феодорит пишет и прочии. Аще и армяне, якоже вы сказываеяте, так крестятся, но мы того ради старого¹⁹⁵ предания креста Христова не перекладываем. Естли¹⁹⁶ армянин добро делает по старому преданию, чем то виновато? А естли¹⁹⁷ и грек сам изволит вновь и претворит старое предание, чем то право?

¹⁸⁸ Ошибка писца Арх; *сииречь* МГАМИД, С1 и 2, ИП2, Ув1, А, БЗ, В, Н.

¹⁸⁹ В Арх исправлено Сухановым из *древнему*.

¹⁹⁰ Ошибка писца Арх; *сииречь* МГАМИД, С1 и 2, ИП2, Ув1, А, БЗ, В, Н.

¹⁹¹ В Арх исправлено Сухановым по МГАМИД из *предании; предания* С1 и 2, ИП2.

¹⁹² В Арх добавлено Сухановым на правом поле в строку; нет МГАМИД, С1 и 2, ИП2, Ув1, Ун1, Б 1 и 3, А, Г, Н, Т.

¹⁹³ *Персты* МГАМИД.

¹⁹⁴ *Так ни благословляеяте, ни креститися* вставлено Сухановым в Арх чернилами правки; нет МГАМИД, С1 и 2, ИП2, Ув1, Ун1, БЗ, Н, Т.

¹⁹⁵ *Стараго* МГАМИД.

¹⁹⁶ *Естли* МГАМИД.

¹⁹⁷ *Естли* МГАМИД.

Естьли¹⁹⁸ бы вы изначала так приняли, ино б у в(ас о то)м было писание древних святых (отец, якоже и у нас. А то в)ы не можете никакого (писания мне п)оказат(ь) о том окроме Домаскина; и Домас(кин)¹⁹⁹ уже был от Создания мира во осмой тысящи и написал вам как персты складать благословенную руку и как креститися²⁰⁰.

[А не так, как вы креститесь рукою. — Ино мочно вам и потому разуметь: есть ли бы мы от вас крещение приняли, то бы мы²⁰¹ также бы обливались, как и вы: а то знатно, что мы не от вас греков крещение²⁰² прияли, но от апостола Андрея и от наместников апостольских, занеже и крестимся мы по их 50-му правилу в три погружения, а не по вашему обливаемся. — А у нас на Москве у государя царя и у единого²⁰³ епископа есть и до пятисот церквей, а у митрополита Новгородскаго будет и с²⁰⁴ 2000. Ино что то за²⁰⁵ патриарх и над кем он патриарх²⁰⁶, что одна церкви во всей его²⁰⁷ патриархии? И патриарх зовется отцем, начальник сиречь, имеет под собою митрополитов, архиепископов, и епископов. Ино кому он²⁰⁸ началник, ано у него другой²⁰⁹ церкви нет и никаких отцев у него под началом нету? А на Москве патриарх, аки папа в Риме, издавна устроен царем Константином. И в Великом Новеграде устроен митрополит, занеже Новград место старое²¹⁰, еще от Потопа устроен; и в латынских крониках²¹¹ про него пишут латынцы: кто может Богу и Великому Новуграду? Да и белой клубук архиепископу Василью, по ангелову²¹² и по Селивестрову²¹³ явлению дан бысть папы Селиверста²¹⁴ Римскаго. А в Казани митрополит, занеже то царство Казанское великое²¹⁵. А в Ро-

¹⁹⁸ *Естьли* МГАМИД.

¹⁹⁹ *Дамаскин* МГАМИД.

²⁰⁰ Конец стлб. 62. Далее в рукописной традиции вставка, отсутствующая в Арх и МГАМИД: *А не так, как вы креститесь рукою ~ Или хвалите турков лучше наших правителей, у нас же нельзя сделать так.* Текст следующего стлб. 63 написан другим почерком и чернилами. Допустимо предположение о механическом пропуске части текста Арх. Восстанавливается по общим чтениям Ув1, Ун1, Б3, Н, С1 и 2, ИП2, с учетом др. списков.

²⁰¹ *И мы* Ув1, Ун1, Б3, Н.

²⁰² Нет В, Ув2; *крещения* А, Б1, Г.

²⁰³ Нет В, С1, Ув1, Б1, А, Г, Т.

²⁰⁴ Нет В; нет и с С1 и 2, ИП2, Т.

²⁰⁵ *2000 церквей. А у вас что то за* С1 и 2, ИП2; нет за Ув1, Ун1, Б3, Н.

²⁰⁶ *И над кем он патриарх* нет С2, ИП2, А, Б1, Г, Т.

²⁰⁷ Нет Ув2, А, Б1, В, Г, Т.

²⁰⁸ Так Ув1, Ун1, Б3, Н; *ино он кому* С1 и 2, ИП2; *ино кому иному* Ув2; *иноков* А, Б1, Г; *иноком* Т; и *никому иному* В.

²⁰⁹ Так Ув1, Ун1, Б3, Н, С1 и 2, ИП2; *иной* В.

²¹⁰ *Старинное* Ув2, С1 и 2, ИП2; *второе* Ув1.

²¹¹ *Кройниках* С1 и 2, ИП2.

²¹² *Апостолову* Ув1, Ун1, Б3, Н.

²¹³ *Селивестрову* С1 и 2, ИП2 (согласно своеобразному написанию в Арх).

²¹⁴ *Селивестра* С1 и 2, ИП2.

²¹⁵ Нет В; *Казанское. В Растове* Ув2, Б1, С1 и 2, А, Г.

стве митрополит, занеже²¹⁶ княжество великое. В²¹⁷ Астрахани царство же велико²¹⁸ вместо Златыя орды устроено теми кирпичами²¹⁹. Сибирь царство же великое. А прочии архиепископы²²⁰ по великих княжествах, якоже бы вся Молдавия и Мултянской²²¹.

Патриарх говорил²²²: что у вас воров не смиряют, разбойников не вешают? Посидев в тюрьме, выходят²²³ и паки тож чинят. У нас, хотя и Турская земля, а смирно²²⁴, а сыскав воровство, казнят, отпуску нет, а в тюрьме не сидят.

Арсений говорил: у нас воров смиряют и казнят. — Да слышал я, что сказывал Назаретской митрополит, как сербскаго митрополита турчин²²⁵, вышел от кади²²⁶ и взял²²⁷ за бороду, заколол ножом до смерти; и для чего того турчина²²⁸ не казнили? А вы²²⁹ хвалите турков лутче²³⁰ наших правителей, у нас же нельзя зделать так.]

// (стлб. 63) Июня²³¹ в 4 день митрополит Стефан письмо святогорских²³² старцов к патриарху прислал. И патриарх, взял, отдал дасколу Лигаридию перевестъ на простой греческой язык.²³³

²¹⁶ Митрополит, занеже нет Ув1 и 2, Ун1, БЗ, Н.

²¹⁷ А в С1 и 2, ИП2.

²¹⁸ Великое Ув1, Ун1, БЗ, Н.

²¹⁹ Так устроено тое орды кирпичами С1 и 2, ИП2; китигами В.

²²⁰ Так Ув1, Ун1, БЗ, Н; архиепископы С1 и 2, ИП2; архиепископии В.

²²¹ Так в В; Мутьянской Ув2, Ун1, С1 и 2, ИП2, Т; Мулянской Б1, А, Г; Мурьянской Ув1; нет БЗ.

²²² Далее: Арсений Б1, А, Г.

²²³ Выходит Ув1, Ун1, БЗ, Н; далее вставлено: вон С1 и 2, ИП2, А, Б1, Г, Т.

²²⁴ Мирно Ув1, Ун1, БЗ, Н.

²²⁵ Турчанин Ув2, Б1, А, Г; турченин С1 и 2, ИП2.

²²⁶ Кадиш С1 и 2, ИП2; кадия А.

²²⁷ Взяв Ув1, Ун1, БЗ, Н.

²²⁸ Так Ув1, Ун1 и 2, Б1 и 3, А, Г, Т; турчанина В; турченина Н.

²²⁹ Так Ув1, Ун1, БЗ, Н; и вы С1 и 2, ИП2; или вы Б1; или В.

²³⁰ Лучше Ув2, А, Г; лутше Б1; лучьши С1 и 2, ИП2.

²³¹ Ошибочно: июля С1 и 2, ИП2.

²³² Святогорских МГАМИД.

²³³ Далее в рукописной традиции обширная вставка, отсутствующая в Арх и МГАМИД: Письмо святогорских старцов переведено з греческаго на словенский язык, что прислали святогорские старцы к Стефану митрополиту новое свое сложение на старца Дамаскина, у котораго московские книги пожгли крестнаго ради знаменья... что ся речет ересь совершенна у истинне нашей церкви. В Ув1, Ун1, БЗ, Н, В и Т вставка помещена в текст как его часть; в С1 и 2, ИП2 перед текстом вставки оставлено чистое место более 1 страницы; в Ув2, Б1, А и Г вставка нет. Вероятно, этот перевод был приложен к протографу с целью показать отсутствие у греков внятных аргументов в пользу троеперстия. Полубился переписчикам и этим, и должной с их точки зрения велеречивостью.

Июня²³⁴ в 6-й день черной поп патриархов Иоасаф и прочие греки старцу Арсению говорили: не добро делают на Москве, что в другой крестят крестьян²³⁵.

И старец Арсений говорил: у нас хто²³⁶ правым крещением крещен, того в другой не крестят.

Иоасаф говорил: римлян и ляхов у вас и в другой крестят.

Арсений говорил: римлян и ляхов потому у нас крестят, что оне²³⁷ миром не помазуются и не погружаются, но обливаются и покрываются.

Иоасаф говорил: ино было недокончанное исправить, а не совершенно²³⁸ во всем в другой крестить.

Арсений говорил: писано есть: «еретическое крещение несть крещение, но паче осквернение». Того ради у нас совершенно еретиков крестят²³⁹.

Иоасаф говорил: да что нас, греков не крестят? И мы обливаемся же, а не погружаемся в купели, мы так изначала приняли, у нас то и погружение имянуется, что трижды крещаемого возводит и низводит, егда воду льют на него.

Арсений говорил: есть так, вас, греков, и волох, и сербов и болгар не крестят у нас потому, что²⁴⁰ мы чаяли, вы творите у себя по преданию святых апостол крещение, а ныне естли сведают про ваше обливание, станут и вас совершенно крестить. А хто²⁴¹ не захочет креститься совершенным крещением, ино такого²⁴² у нас и гречина в церковь не пустят.²⁴³

Иоасаф говорил: не статное дело, что нас крестить. Не гораздо у вас то²⁴⁴ делают. О том патриарх хочет писать ко всем чetyрем патриархам; и согласясь будут о том писать к Москве к государю и патриарху.

Арсений говорил: будет добро станут патриархи писать, послушают, а естли не добро, ино на Москве и чetyрех патриархов не послушают,

²³⁴ В Арх отсутствует примерно один столбец с текстом: *Июня в 6-й день черной поп патриархов Иоасаф и прочие греки старцу Арсению говорили: не добро делают на Москве, что в другой крестят христиан... ино на Москве и чetyрех патриархов не послушают, знают у нас древнее предание святых апостол и святых отец и бес чetyрех патриархов*. Текст восстановлен по МГАМИД.

²³⁵ Христиан Ув1, Ун1, Б3, Н, С1 и 2, ИП2, В, Т, А, Г1, Б.

²³⁶ В традиции кто.

²³⁷ В традиции они — за исключением А, Б1 и Г, где в этом случае и далее сделаны заметные литературные изменения в тексте, не учитываемые в реконструкции протографа.

²³⁸ В традиции совершенно; совершенно но В.

²³⁹ В традиции крестят еретиков.

²⁴⁰ В МГАМИД вставлено Ч-1 над строкой; нет Ув1, Ун1, Б3, Н.

²⁴¹ В традиции кто.

²⁴² Таково Ув1, Ун1 и 2, Б3, С1 и 2, ИП2; такового В; и такового А, Б1, Г.

²⁴³ Всё предложение А хто... не пустят в МГАМИД вставлено в строку и на правом поле Ч-2; попустят Ув1, Ун1, Б3, Н; въпустят А, Г.

²⁴⁴ В традиции то у вас.

знают у нас древнее предание святых апостол и святых отец и бес четырех патриархов²⁴⁵.

// (стлб. 64) Иоасаф го(ворил: невозможн)о не послушать четырех патри(архов), как отпишут о чом²⁴⁶.

Арсений говорил: д(ля чего) невозможно? Папа был и головной у четыр(ех патри)архов, да се ныне не слушают его.

Иоасаф говорил²⁴⁷: папа еретик, потому не слушают его.

Арсений говорил: а и то неправославное ж дело, что святии апостоли и святии отцы велели крестить в три погружении, а четыре патриархи обливают, а инья и кропят вместо погружения, и то папиной же ереси часть.

Иоасаф же говорил: да как вам не послушать четырех патриархов? Кого же вам²⁴⁸ слушать?

Арсений говорил: естли по святых отец преданию станут писать, послушают; а не по преданию, ино не²⁴⁹ послушают. Могут на Москве и четырех патриархов откинуть, якоже и папу, естли оне не православны будут²⁵⁰.

Писано есть во святом евангилии Христове: «аще око твое соблажняет²⁵¹, истни е; аще рука или нога твоя соблажняет, отсецы ю. Лучше²⁵² бо ти есть слепу или (хрому вн)ити во царство небесное, неже(ли две ое и руке и)мушу, лишену быти царства н(ебеснаго». И то Христово сло)во толкуют отцы не о очах (и руках и ногах), но о сродниках и о друз(ех; сиречь) отец или мати или брат и с(ест)ра и др(уги)²⁵³ собла)жняют тя в вере, отсецы их, (сиречь откинь) их от себе или отстань от них;

²⁴⁵ Здесь кончается лакуна в Арх; далее текст по Арх с восполнением механических лакун по МГАМИД.

²⁴⁶ Так Арх, МГАМИД и традиция.

²⁴⁷ Говорил вставлено Сухановым в Арх чернилами правки, в соответствии с МГАМИД.

²⁴⁸ Вам и Ув1, Ун1, Б3, Н.

²⁴⁹ Не в Арх ошибочно повторено писцом дважды, первый раз зачеркнуто Сухановым.

²⁵⁰ В МГАМИД вместо следующего абзаца Арх: *Писано есть ~ Над ким он будет патриарх?* — была сделана вставка с черновым наброском этого будущего текста: *Писано есть: «аще око или рука или нога или иной кой уд соблажняет тя, отсецы его от себе, яко и кроме отсеченного уда мощно ти еси внити во царство небесное, сиречь и единому патриарху Московскому и кроме четырех патриархов мощно править закон Божий со своими властьюми, аще 4 патриархи неправославны будут. Лучши тебе слепу и хрому внити во Царство Небесное, нежели в муку. Такоже и мы, естли и 4 патриархи отступят, мы без них живем едины.* В традиции отразился текст, вошедший в Арх.

²⁵¹ В Арх исправлено из *соблажняло* (?).

²⁵² *Лутче* Ув1, Ун1, Б3, Н, Т; *лутши* в набросках этого текста МГАМИД и в тексте Б1, А, Г;

²⁵³ Лакуна восстановлена по Ув2; *другъ* Ув1, Ун1, Б3, Н, С1 и 2, ИП2; *другия* В; *други их* Т; *други* Б1, А, Г.

лу(чше)²⁵⁴ ти есть единому жити без отца и без матери и без сродник в законе, нежели с ними вне закона. Такожь и то. Естли 4²⁵⁵ патриархи неправославны будут и соблазн нам чинить своею слабостию учнут, мы на Москве живем и об одном своем²⁵⁶ патриархе и с митрополиты и архиепископы и епископы. // (стлб. 65) То ведь вам греком не мочно ничего делать без четырех патриархов своих, потому что в Цареграде был царь благочестивой един под солнцем²⁵⁷, и он учинил 4-х патриархов да папу в первых. И те патриархи были в одном царьствии²⁵⁸ под единым царем и на соборы збиралис(ь) патриархи по его царскому изволению. А ныне вместо того царя на Москве государь царь благочестивой, во всей подсолнычной²⁵⁹ един царь благочестивой, и царство христианское у нас Бог прославил. И государь царь устроил у себя в своем царстве вместо папы (патриарха) в царствующем граде Мо(скве, идеже и сам царь, а в) место ваших четырех патри(архов устроил²⁶⁰ на госуда)рственных местах че(тырех митроплитов; ино нам мочно) и без четы(рех) патриархов (ваших править закон Божий, занеже) ныне у нас глава православи(я царь благочестивый). // (стлб. 66) Ведь патриарх (зовется потому, что) имеет под собою митрополитов, (ар)хиепископов и епископов — потому патриарх. А ваш патриарх Александрийской над кем будет патриарх? Толко всего²⁶¹ у него две церкви во всей его епархии, а не имеет под собою ни единого митрополита и архиепископа и епископа. Над ким он будет патриарх?

Старец же Арсений говорил греком: вы говорите, что мы крещение от вас прияли, а не так как вы креститесь рукою крестимся. Ино чем вам тем величатися или укоряти²⁶² нас, скажите ми? Егда папа римской благочестив был, то он ис пети чювств началное и головное был чювство зрение. А егда то зрение туском заволокло, сиречь ересию и расколом церковным²⁶³, папа помрачился и света видети право не может. То четьри чювства, сиречь патриархи, и без зренья, сиречь и без папы живут. Такоже и мы можем ныне и без вашего учения быть.

Или папа егда благочестив был и в то время которых крестил, могут ли те нынешняго папу слушать или ни²⁶⁴? И хотя нынешней папа тем

²⁵⁴ Лутче Ув1, Ун1, Б3, Н, Т; *лучше* В.

²⁵⁵ *Четыре* вся учтенная традиция.

²⁵⁶ В Арх исправлено Сухановым из *о одно свое*.

²⁵⁷ *Солнцем* Ув1, Б1 и 3, Н, С1 и 2, В, В, Т.

²⁵⁸ *Царстве* Ув1, Ун1, Б3, Н, С1 и 2, ИП2, Г, В, Т.

²⁵⁹ *Подсолнечной* Ув1, С1 и 2, ИП2, В, А, Г.

²⁶⁰ Далее вставлено *государь* Ув1, Ун1, Б3, Н, С1 и 2, ИП2.

²⁶¹ Исправлено Сухановым из *всегда*.

²⁶² *Укоряти* МГАМИД.

²⁶³ *Церковным* МГАМИД

²⁶⁴ В Арх исправлено из *на*.

над ними и²⁶⁵ возноситься будет, и их укорять²⁶⁶ станет, что оне крестили(ся от Риму, а) его ныне не слушают, // (конец стлб. 66, далее столбец отсутствует)²⁶⁷ то не могут ли тии ему отвещати: «врачу, исцелися сам». Сиречь очисти свое зрение, и возри право и приими веру ту же, которую первыя благочестивыя папы держали, от них же мы веру прияли²⁶⁸. И тогда хвалися над нами, что мы от вас крещение прияли и мы будем тебе за главу приимати.

Такоже и мы вашим вопросам ответ даем: всуе вы хвалитея тем, что мы будто от вас крещение прияли.

Мы крещение прияли от апостола Андрея, как, по Вознесении Господни, прииде апостол Андрей в Византию, и оттуду Чорным²⁶⁹ морем шол²⁷⁰ до Днепра, и Днепром вверх до Киева, а от Киева даже и до Великаго Новаграда. И ходя тем путем, оучение свое о вере Христове распростирал, а иных крестил, а в Киеве будучи, и церковь воздвиг²⁷¹, якоже пишет в книге О правой вере²⁷².

// (стлб. 67) Потом сослан был от Нерона царя римского²⁷³ в заточение Климонт папа Римской в Корсунь, еже ныне зовется Крым. И он, будучи в Корсунь, своим учением корсунян в веру привел и крестил, и ту и преставился. А Климонт папа ученик Петра апостола и поставлен бысть им (в Риме, и был 1-й папа) в Риме. А Петр (апостол брат Андрею апосто)лу, которой будучи (у вас, и к нам пришел. И великий князь Вла(димер крестился в Корсунь от тех христиан), которы(я от Климонта крещены; и мощи Климон)товы ис Корсун(и взял Вла)димер к себе в Киев и митрополита и весь освященный чин. И мы как прияли веру и крещение от апостола Ондрея²⁷⁴, так и держим: крестимся даже и донныне по их 50-му правилу в купели в три погружении²⁷⁵ и их правило блюдем твердо. А вы, греки, апостольского²⁷⁶ правила не храните, в купели в три погружении²⁷⁷ ныне не креститея, но по новому римскому уставу обливааетея и кропяетея. И посему знатно, что мы крещение от апостол прияли, а не от вас греков. // (стлб. 68)

²⁶⁵ Нет Ув1 и 2, Ун1, Б3, Н, С1 и 2, ИП2, Т.

²⁶⁶ Укорять МГАМИД.

²⁶⁷ Текст отсутствующего столбца восстановлен по МГАМИД.

²⁶⁸ Приняли Б1, В.

²⁶⁹ В традиции Черным; Черным Т.

²⁷⁰ В традиции шел.

²⁷¹ Так МГАМИД, Ув1 и 2, Ун1, Б3, Н, С1 и 2, ИП2; смысловая правка *крест воздвигнул* В, Б1, А, Г, Т.

²⁷² Далее текст по Арх.

²⁷³ Римскаго МГАМИД

²⁷⁴ Андрея МГАМИД, Ун1, Ув1 и 2, Б1 и 3, Н, С1 и 2, ИП2, Т.

²⁷⁵ Так МГАМИД и Арх; во всей традиции *погружения*.

²⁷⁶ Апостольскаго МГАМИД;

²⁷⁷ Погружения Ув1, Ун1, Б3, Н, В, Т; погружение Б1.

Явно обличает вас греков божественное писание, яко древняя злоба нова благодать быть не хошет. Тако и²⁷⁸ вы греки закоснели есте, живучи меж бусорман, и за стыд свой или гордост(и ради) не хочете²⁷⁹ по(ви)нутися дре(внему) отцу блаженному (Феодориту и прочим, но прави(теся новым своим) дасколом Домоскином²⁸⁰ (иподьяконом. А старого пред)ания ника(кова о том не пока)ж(ете) ни²⁸¹ Феодорито(ва, ни иных. И) вы не токмо крестное знамение по древнему преданию потеряли, но и самое крещение. Святии апостоли написали в 50-м своем правиле: «аще епископ или поп крестит не в три погружении, да извержется». Также и вси святии отцы, последующи²⁸² сему правилу, писали, велели крестить в купели в три погружении²⁸³, а нихто не написал обливать или кроплять. Не сыщишь у вас в Греции и в Волохах ни единого человека правым крещением крещена.

И говорите, покрывая свой стыд²⁸⁴, что то есть все одно, погружать или обливать. А²⁸⁵ святии апостоли и святии отцы того нигде не написали, что то все одно, но велели погружать. И вы мало не соединачилися есте с римляны.

Да вы же и лета от Рожества Христова потеряли: пишете в нынешнем во 158-м году от Рожества Христова²⁸⁶ 1650-й год. И в том обличают вас ваши же)греческия книги, а повинутися не хочете. // (стлб. 69)²⁸⁷

(А все то вам прилнуло²⁸⁸ от римлян, занеже еллинского учения и штанбы²⁸⁹ у себя не имате и книги вам печатают в Венеции и во Англии. И еллинскому писанию ходите учиться в Рим и в Венецию, и дасколы у вас все от тех наук приходят к вам. И, там оне будучи, якоже в коростовом стаде и здравая скотина окоростовееет, тако и ваши дасколы приходят к вам из Риму и из Венеции все шолудивы²⁹⁰, якоже и Власий дидаскол рек от науки римских обычаев, и вас)²⁹¹ тому же учат. А вы их

²⁷⁸ И в МГАМИД вставлено в строку Ч-2; в Арх есть.

²⁷⁹ *Хочете* МГАМИД, Ув1, Ун1, БЗ, Н, С1 и 2, ИП2, Б1, А, Г.

²⁸⁰ *Домаскином* МГАМИД.

²⁸¹ Ошибочно на Ув1, Ун1, БЗ, Н.

²⁸² В Арх исправлено писцом из *последуютъ*; *последующи* Ув1, Ун1, БЗ, Н.

²⁸³ *Погружения* Ув1, Ун1, Б1 и 3, Н, В, Т, А, Г.

²⁸⁴ В Арх не замеченная Сухановым ошибка писца *сты* (под титлом); в МГАМИД *сты* (как сокращение *святы* под титлом) и выносное *д*, скрытое под вставкой текста над строкой, причем нижний росчерк буквы виден как титло; исправлено по МГАМИД и традиции.

²⁸⁵ В Арх не замеченная Сухановым ошибка писца *И*. Исправлено по МГАМИД, Ув1, Ун1, Б1 и 3, Н, С1 и 2, ИП2, А, В, Г.

²⁸⁶ Пропущено в Арх; есть МГАМИД, Ув1, Ун1, Б1 и 3, Н, С1 и 2, ИП2, В, Т, А, Г.

²⁸⁷ Далее в Арх часть столбца утрачена; текст восстанавливается по МГАМИД.

²⁸⁸ Так МГАМИД, Ун1, Ув1, БЗ, Н, С1 и 2, ИП2.

²⁸⁹ Так МГАМИД, Ув2, С1 и 2, ИП2; *штанб* Ун1, Ув1, БЗ, Н. Позднейший вариант: *печатной двор* В, А, Б1, Г.

²⁹⁰ В традиции *шелудивы*.

²⁹¹ Конец большой лакуны в Арх.

(во всем) слушаете, по(тому что у вас) своих наук нету еллинскому языку и книги от них при(имаете).

Прочее же реку, что у вас не²⁹² было доброго, то все (к Мос)кве перешло.

И архимариты говорили: а что от нас к вам перешло?

И старец Арсеней говорил: и все ваше начало к нам перешло.

Паки архимарит говорил: скажи нам имянно, что от нас к вам перешло.

И Арсеней говорил: первое начало, был у вас царь благочестивый, а ныне нету. И в то место воздвиг Господь Бог на Москве царя благочестиваго. И ныне у нас государь царь великий князь Алексей Михайлов(ич) всеа Русии самодержец, во всей под(солнечной своим) благочестием сияет, яко солн(це посреди земля, и во всем) ревну(ет первому благочестивому царю Константину) Великому, (церковь Христову чисто снабдевает, и от вся)ких²⁹³ (ересей защищает) чисто²⁹⁴.

Паки скажу вам о втором нача(ле²⁹⁵. Писано есть во втором вселенском соборе, величатися, сиречь украшати церковными утварми Константинопольскому патриарху, второму по Римском епископе, сиречь папе. И у вас ныне как и чем величатися патриарху, якоже Римскому епископу? Не могут патриархи ваши по граду со кресты ходити, и на главе креста носить, и на церкви креста имети, и над мертвецом) у // (стлб. 70) церкви отпевать²⁹⁶, и по граду нести или в колокола звонити и на осляти ездить²⁹⁷. И ныне не токмо, якоже Римскому епископу, ему величатися, но невозможно ему и против епископа Московского²⁹⁸ величатися. И в то место у нас ныне на Москве патриарх вместо Костянтинопольского, не токмо якоже второй по Римском величается²⁹⁹, но якож и первый епископ Римский, сиречь якоже древний и³⁰⁰ папа благочестивый, церковною утварию украшается, занеже и клобук белый первого³⁰¹ папы³⁰² Силивер-

²⁹² Ни МГАМИД, Ун1, Ув1, Б3, Н.

²⁹³ Так в МГАМИД и традиции; видимое в Арх окончание слова *сехъ* — вероятно, писец написал *всех*.

²⁹⁴ Чисто повтор в Арх, вероятно, из протографа; нет МГАМИД, С1 и 2, ИП2; непорочно А, Б1, Г.

²⁹⁵ В Арх утрачен конец столбца, лакуна заполнена по МГАМИД; текст есть в традиции.

²⁹⁶ Опевати МГАМИД, ответати А, Г, Т.

²⁹⁷ Ехать МГАМИД, Ув1, Ун1, Б1 и 3, Н, Т, С1 и 2, ИП2, А, Г; *отъехать* Ув2.

²⁹⁸ Московскаго МГАМИД.

²⁹⁹ Исправлено писцом Арх согласно МГАМИД из *величатся*.

³⁰⁰ В Арх, как в МГАМИД, было вставлено над строкой *древний и*; так в В, Б1; правильное и *древний* Ув2, С1 и 2, ИП2, А, Г; и *древле* Ун1, Ув1, Б3, Н.

³⁰¹ *Перваго* МГАМИД.

³⁰² В Арх исправлено Сухановым из *пыты*.

стра³⁰³ Римскаго³⁰⁴ на себе носит ныне, егоже по апостольскому явлению благочестивый царь Костянтин Великий зделал отцу своему папе Селиверстру³⁰⁵ вместо царьского³⁰⁶ венца. И всякий святительский чин (и священнический и ино)ческий в Московском (государстве красится, якоже исперва б)е в Рими³⁰⁷ и у вас. (И монастырей было у вас много и иноков), а ныне токмо (след знать. Церкви многия бусорманы³⁰⁸), завладели (и починили мечетами, христиане м)ногия побусур(манились³⁰⁹, якоже сербы и болгары), а Лаская³¹⁰ (земля и вся бусорманилася. Мощей) святых было у вас много, и вы их розносили по землям, и ныне у вас нету, а у нас стало много. Да и наша земли многих Бог прославил угодников своих, мощи их нетленны лежат и чудеса творят. И риза Спасителя нашего Бога Христа у нас же. // (стлб. 71)

И сверхъ того Арсений прочте им историю всю сполна о святительском белом клобуке, как явился Филофию³¹¹ патриарху Костянтинопольскому папа Селивестр³¹² и царь (Кос)тянтин.

Ис(тория). Патриарх же (Филоф)ей³¹³, ви(дя свята)го кло(бука, добротую сияюща, и мыслити нача, хотя удержати его в Костянтине граде и на своей главе носити). И о (сем часто приклоняся³¹⁴ к царю и хотя писати) к проч(им патриархом и к митрополитом), еже приити (им на собор. Бысть же в день) неделный, по пени(и утрен)нем, вн(ид)е па(триар)х во своя и по обычном правиле (седе³¹⁵) почити. И в тонок сон сведесе и виде в ви(де)нии: шедша к нему дверцами два мужа незнаемых³¹⁶, светлы зело, [един]³¹⁷ аки воин воо(ру)жен и венец царьский на главе имея, другой же святительския ризы нося на себе, честными седиными украшен. И рече патриарху: Филофие! Престани от помышления своего³¹⁸, еже носити тебе на главе своей белый клобук. Аще бы изволил Бог

³⁰³ Силивестра МГАМИД; Селиверста Ун1, Ув1, Б1 и 3, Н, Т.

³⁰⁴ Римскаго МГАМИД, А, Г, Т.

³⁰⁵ Силивестру МГАМИД; своему Селиверсту Б1, В, А, Г.

³⁰⁶ Царьскаго МГАМИД.

³⁰⁷ Рими МГАМИД.

³⁰⁸ Это чтение МГАМИД изменено в традиции на бусорманы.

³⁰⁹ Побусорманилися МГАМИД; бусурманилися Б1.

³¹⁰ Так Арх, МГАМИД и большая часть рукописей; в С2 правильное чтение исправлено на Лаитская; Ляцкая Ун1, ИП2; Лядская Б, Г.

³¹¹ В Арх ошибочно Философию; исправлено по МГАМИД. В традиции Филофию; иногда Филофею.

³¹² Силивестр МГАМИД; Селиверст В, Т.

³¹³ Филофие МГАМИД.

³¹⁴ Так МГАМИД, С1 и 2, ИП2, Ун1, Ув1 и 2, Б3, Н, Т; прекланяся Б1, Г; приклоняся В.

³¹⁵ Так МГАМИД, С1 и 2, ИП2, Ун1, Ув1, Б3, Н, Т; сяде В; ляже Ув2.

³¹⁶ Незнаемы МГАМИД, С1 и 2, ИП2, Т; незнаема Ун1, Ув1 и 2, Б1 и 3, Г, Н.

³¹⁷ Пропуск писца Арх, не исправленный Сухановым: 1 МГАМИД: един С1 и 2, ИП2, Ув1 и 2, Ун1, Б1 и 3, В, Н, Г, Т.

³¹⁸ Твоего МГАМИД, С1 и 2, ИП2, Ун1, Ув1 и 2, Б1 и 3, Т, Н, Г.

сему zde быти, то бы от начала в создании града сего сие сотворено было. Но древ(ле по я)влению света Господня, (сошедшаго с небесе) и Божия гласа бывшаго ко мне, вразумляем аз (и разумех хотящую латинскую³¹⁹ прелесть. (И сего ради не восхотех святого оногo клобука на главе своей носить и прочим) также зап(оведах. В царствующем же сем в Ко(нстантине)³²⁰ граде по неколицех временех обладати имут агаряне за умножение грехов человеческих, вся святая осквернят и истребят, якоже в создании града сего явлено бысть о сем. Ветхий бо Рим отпаде³²¹ от веры гордостию и своеволием. В новом же сем Риме, еже есть в Константине граде, насилствием агарянским также христианская³²² вера погибнет. На третьем же Риме, еже есть на Руской земли, благодать Святого Духа возсия. И да веси, Филофии, яко вся христианская³²³ царства приидут в конец и снудутся во едино царство Руское православия ради. В древняя убо лета изволением земнаго царя Константина Монаха от царствующаго сего града царский венец дан бысть рускому царю. Белый же сей клобук, изволением Царя Христа, ныне дан будет архиепископу Великаго Новаграда. И кольми сии честнее оногo, понеже архангелскаго чина царский венец есть и духовнаго. Суть же не умедли святого сего клобука послати в Рускую землю в Великий Новград, по первому тебе явлению святого ангела. И моим глаголом веруй. И да просветятся и похвалятся о сем тамо православнии и да не обладают им в сем граде внуцы Агарины погани, ни да опоругают его. Якоже бо от Рима благодать и слава и честь православия отъята бысть, также и от царствующаго сего града благодать Святого Духа отъимется в пленение агарянское. И вся святая предана будут от Бога велицей Рустей земли. И царя руского возвеличит Господь надо многими языки, и под властью их мнози царице будут от иноязычных. И патриаршеский великий чин от царствующаго сего града также дан будет Рустей земли во времена своя, и страна та изречется светлая Росия, Богу тако извол(ив)шу,³²⁴ тацями благодарении прославити Рускую землю, исполнити православия величество и честнейшу сотворити, паче первых сих, якоже глаголаю бысть: и будут первии последни и последнии первии.

Старец же Арсений говорил: слышите, греки, и внимайте, и не гордитесь, и не называйте себя источником, яко се ныне Господне слово

³¹⁹ *Латынскую В.*

³²⁰ Далее текст Арх утрачен до конца произведения; восстановлен по МГАМИД, с учетом традиции.

³²¹ *Отпаде* в МГАМИД два раза подряд, не зачеркнуто; в традиции повтора нет.

³²² Так МГАМИД; в традиции *христианская*.

³²³ Так МГАМИД; в традиции *христианския*.

³²⁴ В МГАМИД *изволишу* с выносным *л*; *извольшу В*; *изволившу С1 и 2, ИП2, Ув2, Б1, Н, Г*.

евангелское³²⁵ збылося на вас. Были вы первии, а ныне стали последни. А мы были последнии, а ныне первии³²⁶, сих ради двух начал³²⁷.

Арсений³²⁸ же греком говорил: был у Бога возлюбленный Израиль. И Израиля Бог отверже и предасть их в запустение. И в место Израиля приял Бог вас греков и прочих верующих. И церкви жидовския разорены, и в то место созданы быша³²⁹ христианския. И от того времени вы греки разгордестеся над многими и называете себе источником вере всем. И за ту вашу гордость и вас Бог отринул, якоже жидов, царство ваше отдал поганину, бусормином, и вас всех в неволю, и детей ваших емлют в янычария и неволю бусорманят³³⁰, и церкви ваши мечетами учинены, и жон³³¹ ваших бусорманы за себе берут. Ино какия вы нам учителя и источник? И сами у темной власти живете под началом у бусорман, и сами себя просветить не можете, а называетея всем вы источник! Скажите ми: кого вы своим учением просвещаете? Уже от вашего учения мало вы не все бусорманились. И церкви ваши помечетены, но токмо лише след мало знать.

Вы же патриархов своих сами меж себя удавливаете, а иных в воду сажаете; и ныне у вас в Цареграде 4 патриарха.

Греки говорили: патриархов турки переменяют.

Арсений говорил: турчин переменяет все по вашему прошению, а не собою.³³²

Текст по авторизованному списку Посольского приказа Арх: РГАДА. Ф. 52 (Сношения России с Грецией). Оп. 1. Св. 7157 г. № 8. Л. 37–71. Сверка по черновому автографу МГАМИД: РГАДА. Ф. 181 (Собрание МГАМИД). Оп. 1. № 659. л. 348–360. Разнотечения по рукописной традиции: *Белокуров С.А.* Арсений Суханов: Исследование. Ч. II. Вып. 1. С. 25–101. Обозначения: Рукописи I-й группы: Ув1 — ГИМ. Собрание А.С. Уварова. № 144; Ун1 — РГБ. Ф. 310

³²⁵ Вставлено в МГАМИД Ч-2 над строкой, не отразилось в традиции.

³²⁶ Завершение первоначального текста в МГАМИД. В традиции *первые*.

³²⁷ *Сих ради двух начал* вставлено в строку Ч-2. Далее знак вставки (крестик в круге) приписки Ч-2 на нижнем поле: *Тогда нам греки источник были, егда от них учение о вере истекало во всю землю, ино тогда вначале был Рим во благочестии и во всех патриаршеских епархиях все было христианство. А ныне все стало пусто, папа пад, а у вас многия бусорманились, а инья к папе отступили и ко иным ересям. У Александрийскаго толко патриарха адна церковь. Ино вам источник пересох, перешел к нам, и ныне и вы о нашем то...* (несколько слов утрачено). В Арх и традиции вставка была заменена развернутым текстом, помещенным выше.

³²⁸ Окончание текста: *Арсений ~ а не собою* — вписано Ч-2 на чистом месте, которое начиналось выше середины страницы, очень неровным почерком. Вставка вошла в протограф.

³²⁹ Вставлено в МГАМИД над строкой, не отражено в традиции.

³³⁰ Большая часть традиции *бусурманят*.

³³¹ *Жен* традиция.

³³² Завершение текста в МГАМИД и традиции.

(Собрание В.М. Ундольского). № 712; БЗ — из личного собрания С.Т. Большакова (продажная). XIX в. Не установлена; Н — из собрания Н.П. Никифорова в г. Горбатове Нижегородской губернии. XVIII в. Не установлена. Рукописи 2-й группы: С1 — РНБ. Соловецкое собрание. № 1138/1248; С2 — РНБ. Соловецкое собрание. № 897/978; ИП2 — РНБ. Q.IV.361. Рукописи 3-й группы: Б1 — РГБ. Ф. 37 (Собрание Т.Ф. Большакова). № 268; А — утраченная рукопись Московской духовной академии; Г — копия «Прений» XIX в. из собрания Григория епископа Калужского. № 12/1653, не установлена; Т — РГБ. Ф. 299 (Собрание Н.С. Тихонравова). № 210. Рукописи 4-й группы: ИП1 — РНБ. Q.XVII.20; М — неатрибутированная рукопись митрополита Макария; ПА — РНБ. Собрание СПбДА. № 427; Ф — Филарета (Гумилевского) архиепископа Черниговского, в Библиотеке Черниговской духовной семинарии № 197 — отсутствует. *Отдельный список В* — в личном владении П.П. Ведерникова в г. Городец Нижегородской губернии, не установлен.

Литература

Богданов А.П. «Прения с греками о вере» в русском державном самосознании. М., 2019. 566 с. (в печати)

Богданов А.П. Автограф «Прений с греками о вере» Арсения Суханова // Источниковедение отечественной истории: Сб. статей. 1989. М.: Наука, 1989. С. 175–205.

Богданов А.П. Патриарх Филарет. Тень за троном. М.: Вече, 2014. 256 с.

Богданов А.П. Судьба профессора духовной академии // Буганов В.И., Богданов А.П. Бунтари и правдоискатели в Русской православной церкви. М.: Издательство политической литературы, 1991. С. 493–517.

Богданов А.П. Царь-реформатор Федор Алексеевич: старший брат Петра I. М.: Академический проект, 2018. 760 с.

Каган М.Д. Арсений (в миру Антон Суханов) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3: XVII в. Ч. 1: А–З. СПб.: Дмитрий Буланин, 1992. С. 98–103.

Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М.: Наука, 1980. 312 с.

Костомаров Н.И. Раскол. Исторические монографии и исследования. М.: Чарли, 1994. 608 с.

Чичуров И.С. «Хождение апостола Андрея» в византийской и древнерусской церковно-идеологической традиции // Церковь, общество и государство в феодальной России. М.: Наука, 1990. С. 7–23.

References

Bogdanov A.P. “*Preniia s grekami o vere*” v *russkom derzhavnom samosoznanii* [“The Debate on Faith with the Greeks” in the Russian sovereign self-consciousness]. Moscow, 2019. 566 p. (in print) (In Russ.)

Bogdanov A.P. Avtograf «Prenii s grekami o vere» Arseniia Sukhanova [A manuscript of Arseny Sukhanov’s “The Debate on Faith with the Greeks”]. *Istochnikovedenie otechestvennoi istorii: Sb. statei. 1989* [Russian history source study: A collection of essays. 1989]. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 175–205. (In Russ.)

Bogdanov A.P. *Patriarkh Filaret. Ten' za tronom* [Patriarch Filaret. A shadow behind the throne]. Moscow, Veche Publ., 2014. 256 p. (In Russ.)

Bogdanov A.P. Sud'ba professora dukhovnoi akademii [The fate of a professor of the theological academy]. Buganov V.I., Bogdanov A.P. *Buntari i pravdoiskateli v Russkoi pravoslavnoi tserkvi* [Rebels and truth-seekers in the Russian Orthodox Church]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ., 1991, pp. 493–517. (In Russ.)

Bogdanov A.P. *Tsar'-reformator Fedor Alekseevich: starshii brat Petra I* [The tsar-reformer Fedor Alekseevich: the elder brother of Peter the Great]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2018. 760 p. (In Russ.)

Kagan M.D. Arsenii (v miru Anton Sukhanov) [Arseny (born Anton Sukhanov)]. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi. Vyp. 3: XVII v. Ch. 1: A–Z* [Bibliognosts and bookishness of Ancient Russia: Dictionary. Iss. 3: 18th century. Part. 1]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1992, pp. 98–103. (In Russ.)

Kloss B.M. *Nikonovskii svod i russkie letopisi XVI–XVII vekov* [Nikob Chronicle and Russian chronicles of 16th and 17th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 312 p. (In Russ.)

Kostomarov N.I. *Raskol. Istoricheskie monografii i issledovaniia* [Raskol. Historical monographs and studies]. Moscow, Charli Publ., 1994. 608 p. (In Russ.)

Chichurov I.S. “Khozhdenie apostola Andreia” v vizantiiskoi i drevnerusskoi tserkovno-ideologicheskoi traditsii [“St. Andrew’s Martyrdom” in the Byzantine and Old Russian ecclesiastical and ideological traditions]. *Tserkov', obshchestvo i gosudarstvo v feodal'noi Rossii* [Church, society and state in the feudal Russia]. Moscow, Nauka Publ., 1990, pp. 7–23. (In Russ.)

“The Debate on Faith with the Greeks” by Arseny Sukhanov: complete author’s text

© 2019, Andrei Bogdanov

Abstract: The publication introduces the original text of one of the most famous Russian publicistic works of the 17th century. Everyone knew this outstanding literary monument only from a scribal copy, dazzling with errors and scarcely corrected by the author, with the publishers freely filling in the vast lacunae according to the latest and most inappropriate copies. The reconstruction of the author’s text has become possible when Sukhanov’s draft manuscript had been discovered. It contains two early versions

of the text which allow to correct mistakes and fill in nearly all lacunae of the third, final version, as well as gives the key to select copies for filling in the remaining gaps in the final author's text. Less than 400 years after Arseny had put the manuscript into circulation, we may learn what he'd told to his readers in the lost protograph of the handwritten tradition.

Keywords: Arseny Sukhanov, “The Debate on Faith with the Greeks”, Russia's place in world Orthodoxy, Russian publicism of the 17th century, Raskol

Information about the author: Andrei Bogdanov, Doctor Hab. of History, Leading Research Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: bogdanovap@mail.ru

Citation: Bogdanov Andrei. “The Debate on Faith with the Greeks” by Arseny Sukhanov: complete author’s text. *Literary fact*, 2019, no. 2 (12), pp. 145–188. DOI 10.22455/2541-8297-2019-12-145-188

DOI 10.22455/2541-8297-2019-12-189-224
УДК 821.161.1

Феномен западничества в славянофильстве: взгляд Гоголя

© 2019, И.А. Виноградов

Аннотация: Статья посвящена определению места Гоголя в противостоянии славянофилов и западников. Привлекается обширный историко-литературный материал для характеристики славянофильского и западнического течений русской мысли, анализируются отдельные черты их сходства и различий. Главное внимание уделяется отношению к обеим идеологиям самого Гоголя. Рассматриваются взгляды ведущих представителей славянофильства, друзей писателя: С.Т. Аксакова, его сыновей Константина и Ивана, И.В. Киреевского, А.С. Хомякова, М.П. Погодина, С.П. Шевырева и др. Выявляются «точки соприкосновения» воззрений славянофилов со взглядами их оппонентов-западников: В.Г. Белинского, А.И. Герцена и др. В XIX в., развивавшемся главным образом под знаком декабризма, радикальными преобразовательными идеями были охвачены не только деятели западнического лагеря, но и славянофилы. Устанавливается, что принципиальная особенность Гоголя как мыслителя и художника заключается в том, что по своим взглядам он находился не «между» противоборствующими течениями — «между стульями» западничества и славянофильства (как это обычно принято думать), — но «над» тем и другим движениями, будучи носителем более традиционных и консервативных, более «правых» религиозно-политических убеждений, сравнительно не только с западниками, но и со своими приятелями-славянофилами. Не разделяя взгляды далеких от него по мировоззрению адептов западничества, определенные претензии Гоголь предъявлял и к отдельным представителям славянофильской партии, к которой принадлежал сам. Возражая на оппозиционные настроения друзей, Гоголь вслед за Н.М. Карамзиным и С.С. Уваровым во главу угла славянофильства ставил интересы России как уникального государства единственного славянского народа, сохранившего в истории свою независимость и самобытность. Это дает основание охарактеризовать Гоголя в контексте общественных движений его эпохи как убежденного славянофила-«государственника».

Ключевые слова: Гоголь, биография, творчество, общественная идеология, славянофильство, западничество, интерпретация, герменевтика, духовное наследие

Информация об авторе: Игорь Алексеевич Виноградов, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, ИМЛИ РАН, Москва, Россия.

E-mail: info@imli.ru

Цитирование: Виноградов И.А. Феномен западничества в славянофильстве: взгляд Гоголя // Литературный факт. 2019. № 2 (12). С. 189–224. DOI 10.22455/2541-8297-2019-12-189-224

Одной из актуальных задач изучения гоголевского наследия является давняя нерешенная проблема — определение места Гоголя в противостоянии славянофилов и западников. Вопрос этот тем более насущен, что писатель жил в эпоху становления и активного развития обеих идеологий. Отсутствие внятного представления о том, как оценивать наследие Гоголя в этом широком контексте, долгое время создавало, с одной стороны, иллюзию изолированности писателя, изъятости его из полемики славянофилов и западников, с другой, — породило мнение, будто Гоголь находился «между» двумя современными течениями, пытаясь якобы примирить «достоинства» обоих направлений.

О примирении всех русских людей во Христе Гоголь, действительно, размышлял начиная с самых ранних своих произведений. Об этом свидетельствуют сами эти произведения — «Страшная месть», «Тарас Бульба», «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» и др.¹ Однако это всегдашнее христианское стремление Гоголя к прекращению раздоров не имеет ничего общего со старанием «приблизить» писателя, под этим предлогом, к западнической идеологии. Мягкое, примирительное отношение к западникам определялось не этим, а заповедью «с кротостью наставлять противников, [...] чтобы они освободились от сети диавола» (2 Тим. 2, 25–26), — глубоким убеждением писателя, что «обратить [...] грешника ко Господу — [...] настоящая милость, за которую [...] можно надеяться получения небесного блаженства»². (Ср. Иак. 5, 19–20.)

В определении места Гоголя в полемике славянофильства и западничества чрезвычайно показательна эволюция взглядов на этот счет известного деятеля русской эмиграции, профессора протопресвитера Василия Зеньковского, почти полвека посвятившего изучению гоголевского наследия. Поначалу, в одной из своих ранних работ (1916), Зеньковский вообще отрицал наличие у Гоголя «славянофильской» проблематики. Зато впоследствии (1926, 1961) протоиерей Василий Зеньковский называл Гоголя не просто славянофилом, но «зачинателем» славянофильского течения русской мысли³.

¹ См.: *Виноградов И.А.* Блаженны миротворцы. От повести о двух Иванах к замыслу «Мертвых душ» // *Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология.* 2017. № 3. С. 7–18; № 4. С. 51–67.

² *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. (15 кн.) / Сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.; Киев, 2009. Т. XIV. С. 48. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием тома и страницы в круглых скобках.

³ См. подробнее: *Виноградов И.А.* Космополит или патриот? Концепция патриотизма в спорах с Гоголем и о Гоголе // *Проблемы исторической поэтики.* Петрозаводск, 2017. Т. 15. № 3. С. 55, 60.

Само формирование славянофильства и западничества было во многом обязано произведениям Гоголя — прежде всего выходу в свет повести «Тарас Бульба» (1835), восторженно встреченной не только С.П. Шевыревым и М.П. Погодиным, но и молодым В.Г. Белинским. Впоследствии эта повесть способствовала становлению национального самосознания славянства⁴. Современная Гоголю историография почти игнорировала славян, и сама славянская история оставалась в то время в значительной мере неизученной. За изучение истории славянства Гоголь принялся уже в конце 1820-х — первой половине 1830-х гг.⁵ — на несколько лет раньше А.С. Хомякова, который к составлению своей «Семирамиды» приступил лишь после обнародования известного «Философического письма» П.Я. Чаадаева. Не меньшее значение имела публикация в 1842 г. первого тома «Мертвых душ», полемика о котором Константина Аксакова и Белинского явилась *первым* публичным актом размежевания двух лагерей.⁶ Яркое выраженный славянофильский, анти-западнический характер носит итоговая книга Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847), — что очень хорошо понял сразу по ее выходе Белинский, впадший по этому поводу в «негодование и бешенство» (письмо к В.П. Боткину от 28 февраля 1847 г.)⁷.

Среди многочисленных свидетельств, указывающих на то, что Гоголь принадлежит к кругу славянофилов, наиболее показательной — и наиболее упоминаемой при рассмотрении этого вопроса — является в «Выбранных местах...» статья «Споры». Здесь Гоголь, призывая современников, «староверов и нововеров», к прекращению бесконечных споров, тем не менее со всей определенностью утверждает, что правды, «разумеется», «больше» на стороне славянофилов, чем западников. По словам Гоголя, западники «давно бы готовы были [...] отступиться» от своих убеждений, «сами начинают слышать многое», но «упорствуют» — только потому, что «не желают уступить слишком раскозырявшейся» противоположной стороне — «восточникам» (VI: 51–52).

⁴ См. подробнее: *Виноградов И.А.* Комментарий // Гоголь Н.В. Тарас Бульба: Автографы, прижизненные издания; Историко-литературный и текстологический комментарий / Изд. подгот. И.А. Виноградов. М., 2009. С. 494–495, 526–527, 554–556, 559–561, 569–574, 577, 580–581, 591–606.

⁵ См. подробнее: *Виноградов И.А.* «История государства Российского» в творческом наследии Гоголя // А.П. Сумароков и Н.М. Карамзин в литературном процессе России XVIII — первой трети XIX в. М., 2016. С. 141–183.

⁶ См.: *Виноградов И.А.* Спор К.С. Аксакова и В.Г. Белинского: Культурно-исторические аспекты полемики о жанре «Мертвых душ» // Гоголезнавчї студїї. Гоголеведческие студии. Ніжин, 2012. Вып. 2 (19). С. 17–75.

⁷ *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 12. М., 1956. С. 340.

В еще одной статье «Выбранных мест...», «О лиризме наших поэтов», Гоголь, подразумевая стихи Ивана Аксакова⁸, недвусмысленно выступает в защиту славянофилов, возражая против критического мнения о них В.А. Жуковского, полагавшего, будто «нынешняя молодежь, бредя славянскими началами и пророча о будущем России, следует какому-то модному поветрию» (VI: 40). Поправляя Жуковского, Гоголь замечает: «Зачем же ни Франция, ни Англия, ни Германия не заражены этим повертием и не пророчествуют о себе, а пророчествует только одна Россия?» (VI: 41).

Среди других свидетельств, проясняющих славянофильские взгляды Гоголя, следует указать на то, что в письме к С.Т. Аксакову Гоголь, работая над вторым томом «Мертвых душ», сообщал, что круг идей, занимающих славянофилов, волнует его не менее самого Константина Аксакова — старшего из аксаковских сыновей, отличавшегося наиболее радикальными взглядами (XV: 88; письмо от 8 июня 1848 г.).

Весьма значимым в этом ряду является также откровенно *восторженное* одобрение Гоголем в 1845 г. антизападнического стихотворения Н.М. Языкова «К ненашим», адресованного Т.Н. Грановскому, А.И. Герцену и, предположительно, П.Я. Чаадаеву. В 1846 г.⁹ Гоголь включил это стихотворение в список примеров «Учебной книги словесности для русского юношества» с названием «К нерусским» (VI: 337). В начале февраля 1845 г. Гоголь писал Языкову в ответ на присланное стихотворение: «Сам Бог внушил тебе прекрасные и чудные стихи “К не нашим”. Душа твоя была орган, а бряцали по нем другие персты. Они [...] сильнее всего, что у нас было писано доселе на Руси» (XIII: 29). В следующем письме к Языкову, от 12 февраля (н. ст.) 1845 г., Гоголь, имея в виду западника Александра И. Тургенева, брата декабриста Николая Тургенева, добавлял: «Тургенева видел раз и в другой мельком: он несет дичь. [...] Стихи твои “К не нашим” произвели такое же впечатление, как на меня самого, на моих знак[омых], т. е. на гр[афинь] Виельгорских и на гр[афа] [А.П.] Толстого, которые от них без ума, но Тургенев, кажется, закрутит [слишком] нос, а, может быть, даже и чихнет» (XIII: 30).

Отмечено, что «слово “ненаш” для читателя прошлого века предполагало дополнительный смысл, зафиксированный в волжских говорах и присутствующий в словаре Даля»: «”Ненаш — нечистый, недруг, лукавый, бес”. И в ходу была поговорка: “А *ненаш* его знает...” Сле-

⁸ См.: *Виноградов И.А.* Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852): В 7 т. Т. 5: 1845–1847. М., 2018. С. 259.

⁹ Там же. С. 176–177.

довательно, уже по названию это стихотворение прямо соотносилось с другим названием — «Бесы»¹⁰.

В 1847 г. Ф.Ф. Вигель сравнил, по содержанию, с языковским стихотворением «К ненашим» гоголевские «Выбранные места из переписки с друзьями» (XIV: 240).

Само по себе показательно то, что все друзья Гоголя были исключительно из славянофильского и консервативного лагеря. Западник П.В. Анненков, который некоторое время жил с Гоголем в Риме, другом ему так и не стал. Гоголь относил Анненкова к «господам, до излишества живущим в Европе» (XV: 443).

Между Гоголем и его друзьями-славянофилами возникали подчас и существенные разногласия по отдельным вопросам. Однако, как выясняется, порождались эти расхождения вовсе не симпатиями Гоголя к западнической идеологии, но, напротив, сугубой приверженностью писателя к традиционным взглядам — тем, что обсуждаемые проблемы он решал с еще более консервативной точки зрения. Сравнительно с воззрениями друзей, Гоголь отличался и большей религиозностью и, к тому же, как художник, обладал большей широтой и глубиной охвата явлений общественной жизни. Вследствие этого в полемике с приятелями Гоголь оказывался еще большим славянофилом, чем его оппоненты из того же лагеря. К примеру, значение для упрочения народного быта перевода В.А. Жуковского «Одиссеи» Гомера или такую же роль публикации «Домостроя» протопопа Сильвестра Гоголь ставил так высоко, что считал появление этих изданий делом куда более важным, чем отвлеченные рассуждения друзей о славянских началах. Аксаковы, как известно, весьма критично отнеслись к обеим книгам — и к переводу Жуковского (см.: XIII: 457)¹¹, и к изданию «Домостроя»¹².

Определенно «правее» своих друзей-славянофилов Гоголь был и в собственно политических взглядах. Хорошо известно, что славянофильству была присуща изрядная доля оппозиционности. В.Г. Белинский в письме к П.В. Анненкову 1848 г. замечал: «...Лучшие из славянофилов смотрят на народ совершенно так, как мой [...] друг [М.А. Бакунин]; они высосали эти понятия из социалистов, и в статьях своих цитируют

¹⁰ Кошелев В.А. Алексей Степанович Хомяков, жизнеописание в документах, в рассуждениях и разысканиях. М., 2000. С. 332.

¹¹ Ср.: Виноградов И.А. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств: В 3 т. Т. 2. М., 2012. С. 588, 602–603, 607, 651, 798, 849, 913; Пирожкова Т.Ф. Примечания // Аксаков И.С. Письма к родным. 1844–1849 / Изд. подгот. Т.Ф. Пирожкова. М., 1988. С. 633.

¹² См.: Виноградов И.А. Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Т. 5. С. 383–384.

Жоржа Занда и Луи Блана»¹³. Позднее, в 1864 г., Д.Н. Свербеев указывал, что именно «доктрина славянофилов, без их ведома, изобрела порох для огнедышащих против России орудий другой доктрины, доктрины Бакуниных, Огаревых, Герценов, Михайловых, Чернышевских и т. д., дала им в руки самые лучшие спички для их поджогов, приспособила самые прочные колеса для того паровоза, на котором Бакунин, Огарев и проч. желают мчать нас в пропасть, вместо той загадочной тележной тройки, в которой ухарски хотел прокатиться с нами Гоголь; его телега так и осталась не запряженной, а революционный паровоз уже скачет...»¹⁴

Ф.Ф. Вигель в 1847 г. обращался к самому Гоголю: «Мне кажется, вы где-то (в статье “Споры”. — И.В.) говорите о двух станах, о Славянистах и Европистах... [...]; я тоже что-то такое слышал, только не совсем так. Утверждают, что есть две какие-то партии, но ничего не упоминается ни о станах, ни о вражде, ни о ратоборстве. [...] ...У этих скакунов [...] одна цель, но только две разные дороги... [...] Эти две параллельные линии так близко одна от другой и так дружно бегут, что без напряженного внимания трудно одну от другой отличить. [...] Кто несет католицизм, кто гегелизм, кто коммунизм, кто во что горазд. Всё хладнокровно горячится, всё бредит Европой, всё прославляет ее, смешивает Россию с грязью...» (XIV: 241).

Сын Н.А. Полевого, Петр Николаевич Полевой, в 1887 г., в свою очередь, отмечал: «...Те партии, на которые наше общество сороковых годов распалось так резко и так определенно, смотрели на Гоголя одинаково благоприятно... [...] ...Его [...] сатира [...] пришлась всем по вкусу. [...] Недовольство современною русскою действительностью [...] было общим не только среди крайних и умеренных западников, но и среди славянофилов; при этом недовольстве [...], как у западников, так и у славянофилов, были уже наготове для будущего теоретически выработанные планы переустройства русской жизни; у западников они опирались на парламентаризм и последнем слове европейской политической и экономической науки, а у славянофилов на [...] идеализации древнерусских и народных начал»¹⁵.

На это же обстоятельство указывал еще в 1847 г. князь П.А. Вяземский — тоже применительно к творчеству Гоголя: «Что люди, провозглашающие наобум какое-то учение западных начал, искали в Гоголе союзника и оправдателя себе, это еще понятно. [...] Но что те, которые отказываются и предохраняют нас от влияния чужеземного, что те, кото-

¹³ *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 12. С. 468.

¹⁴ *Симонова И.А.* Федор Чижов. М., 2002. С. 198.

¹⁵ *Полевой П.Н.* Век нынешний и век минувший. (Из очерков будущей истории литературы) // Исторический вестник. 1887. № 4. С. 182–183.

рые хотят, чтобы мы шли к усовершенствованию своим путем, [...] чтобы те самые радовались картинам Гоголя, это для меня непостижимо»¹⁶.

Оппозиционно, порой почти революционно настроенное славянофильство, хотя внешне и черпало свой протест из будто бы духовных начал — из гегельянства и даже из православия, тем не менее объективно часто смыкалось с тогдашним отрицательным направлением. Идеалы, даже самые высокие, для многих тогдашних мыслителей служили лишь предлогом, подручным оправданием радикального неприятия современности. Известная оппозиционность к существующему порядку вещей отличала в XIX в. не только «европистов», но и «восточников». Будучи приверженцами начал православия и народности (и гораздо реже самодержавия), славянофилы именно поэтому часто были недовольны реальным течением дел на практике. Критика «справа» порой нечувствительно, но прочно смыкалась с критикой «слева»¹⁷. Даже С.П. Шевырев, ожидавший от Гоголя в последующих томах «Мертвых душ» «изображения высокой и прекрасной стороны жизни», был в целом согласен, хотя и с оговорками, с критическим пафосом первого тома. В 1887 г. И.С. Некрасов свидетельствовал: «У меня был в руках тот экземпляр, по которому в первый раз прочел “Мертвые души” Шевырев. Экземпляр весь испещрен был знаками восклицания и словами одобрения, но не было ни одного критического замечания»¹⁸.

Именно от своих приятелей-славянофилов из числа наиболее радикальных Гоголь, в частности, мог слышать доброжелательный отзыв о западнике А.И. Герцене. Об этом отзыве он упомянул в 1847 г. в письме к П.В. Анненкову: «Я слышал о нем [Герцене] очень много хорошего. О нем люди *всех партий* отзываются как о благороднейшем человеке» (XIV: 439–440). В свою очередь, Герцен в 1850 г. замечал: «...Социализм, который так решительно, так глубоко разделяет Европу на два враждебных лагеря, — разве не признан он славянофилами так же, как нами? Это мост, на котором мы можем подать друг другу руку»¹⁹.

Брошюра Герцена «О развитии революционных идей в России», откуда взяты эти строки, была встречена Гоголем крайне неодобрительно. В отличие от своих фрондирующих друзей «подать руку» западникам на *таком* основании Гоголь не мог. Свое отношение к теории, способной,

¹⁶ *Вяземский П.А., князь*. Языков. — Гоголь // Санктпетербургские ведомости. 1847. № 90, 24 апр. С. 418.

¹⁷ См. подробнее: *Виноградов И.А.* Поэма «Мертвые души»: проблемы истолкования // Гоголевский вестник. Вып. 1. М., 2007. С. 99–134.

¹⁸ *Некрасов И.С.* Значение Гоголя в истории русской литературы // Некрасов И.С. О значении Лермонтова и Гоголя в истории русской литературы. Две публичные лекции. Одесса, 1887. С. 34.

¹⁹ *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 7. М., 1956. С. 248.

по мнению Герцена, объединить славянофилов и западников, Гоголь вполне обозначил в 1847 г. в неотправленном письме к Белинскому, говоря о «нынешних ком[м]унистах и социалистах, объясняющих, что Христос повелел отнимать имущества и грабить тех, которые нажили себе состояние» (XIV: 388). Это же отношение Гоголь передал в упоминании во втором томе «Мертвых душ» об агитационном тезисе «каких-то бродяг», внушавших мужикам, будто «наступает такое время, что мужики должны [быть] помещики и нарядиться во фраки, а помещики нарядятся в армяки и будут мужики» (V: 476–477). Ни «социалистические» взгляды западников, ни оппозиционные настроения друзей-«восточников» Гоголь не разделял.

Отдельные расхождения Гоголя со славянофилами порой проявлялись даже на бытовом уровне. Так, несмотря на дружбу, чрезвычайно непростые отношения складывались у Гоголя с Константином Аксаковым. Взаимная отчужденность возникла между ними еще в 1840 г. — и сохранялась, вследствие разногласий, почти десятилетие. Доходило до того, что в 1849 г. Гоголь, вернувшийся в 1848 г. из-за границы, не был приглашен на именины К.С. Аксакова (21 мая), а двумя неделями ранее сам Константин Аксаков не явился на именины Гоголя (9 мая). В этот период Ольга Семеновна неоднократно жаловалась сыну Ивану, что Гоголь постоянно «говорит Консте (старшему сыну Константину. — *И.В.*) очень резкие вещи» — даже «оскорбляет» его (см. письма О.С. Аксаковой к сыну от 28 ноября 1848 г. и от апреля 1849 г.²⁰). 28 ноября 1848 г. сам Константин Аксаков сообщал брату: «...Столкновения мои с Гоголем часто неприятны; в его словах звучит часто ко мне недоброжелательство и оскорбительный тон»²¹.

Суровое отношение Гоголя к К.С. Аксакову носило, судя по всему, принципиальный характер. Оно было связано с их острым спором о значении для России единогодержавия. В «монархическом», чрезвычайно важном для Гоголя вопросе Аксаковы выступали единым фронтом против писателя — вполне «в ногу» со своим давним приятелем Белинским (переехавшим в 1839 г. в Петербург). Так, Ивана Аксакова «смущали» «похвалы дому Романовых» в гоголевской статье «О лиризме наших поэтов» в «Выбранных местах...»²². Вполне поддерживал сыновей Аксаков-отец, с которым они делились своими мнениями. Главное неприятие Аксаковых вызывали в гоголевской статье строки о «верховном Про-

²⁰ Гоголь в неизданной переписке современников (1833—1853) / Публ. и коммент. Л. Ланского // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 715–716.

²¹ Там же. С. 715.

²² См.: Аксаков И.С. Письма к родным. 1844–1849. С. 347–348. См. также: Виноградов И.А. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 2. С. 919.

мысле, который [...] явно слышен в судьбе нашего отечества», — слова, сказанные в непосредственной связи с убеждением, что «все события в нашем отечестве, начиная от порабощенья татарского, видимо клонятся к тому, чтобы собрать могущество в руки одного» (VI: 40, 46). В апреле 1848 г. Константин Аксаков в статье «Голос из Москвы», возражая на эти строки, заявлял: «...Россия никогда не обоготворяла Правительства [...], считая первостепенным делом *Веру* и спасение души... [...] Но [...] часть России, увлекшаяся Западом, [...] поклонилась пред Правительством, как пред кумиром... [...]. Я разумею здесь [вовсе не либералов только [...], но] всех, которые следуют какому бы то ни было Западному направлению, [...] всех, которые [...] оторваны от народа, теряют Русские основы быта и потому поневоле связаны с Западом и могут пойти его путем»²³. В письме к самому Гоголю К.С. Аксаков замечал: «Во всё, что вы писали [...] в книге вашей [...], вижу я [...] *ложь*. [...] ...Вы дошли до невероятных положений [...]. Таково письмо ваше к Жуковскому [“О лиризме наших поэтов”], письмо, так сильно противоречащее, по-моему, Вере Православной. [...] Книгу вашу считаю я полным выражением всего зла, охватившего вас на Западе» (XV: 81–83)²⁴.

Хотя, в отличие от Белинского, Аксаковы возражали на религиозно-политические взгляды Гоголя вроде бы с тех же духовных позиций, однако дела это не меняло. По уже отмеченному свойству критики, она приобретала единое направление, откуда бы изначально ни исходила, «слева» или «справа». Примечателен вывод, сделанный из споров с Аксаковыми А.О. Смирновой в письме к Гоголю 1847 г.: «Ненависть к власти, к общественным привилегиям, к высокому рождению и богатству — такова-то отвлеченная страсть к идеальному русскому, таящемуся в борде, — вот начало этих господ» (XIV: 165).

В 1852 г. в славянофильском «Московском сборнике» была опубликована некрологическая заметка И.С. Аксакова «Несколько слов о Гоголе». 9 мая 1852 г. министр народного просвещения князь П.А. Ширинский-Шихматов по поводу этой публикации писал попечителю Московского учебного округа В.И. Назимову: «...Кто дал сочинителю статьи

²³ Аксаков К.С. Голос из Москвы. (1848). Западная Европа и народность. [1849] / Подгот. текстов и примеч. В.А. Кошелева // Литература и история. Исторический процесс в творческом сознании русских писателей XVIII—XX вв. СПб., 1992. [Вып. 1]. С. 297–305.

²⁴ Статья К.С. Аксакова «Голос из Москвы» предназначалась для распространения; сохранилось шесть ее автографов. И Гоголь, очевидно, был знаком с ней. К.С. Аксаков в письме к брату Г.С. Аксакову писал: «Как жалею я, что Иван не взял с собою моей статьи “Не сотвори себе кумира (голос из Москвы)”»; эта статья дала бы вам ясное понятие о моих гражданских мыслях» (Кошелев В.А. К.С. Аксаков и западные революции. Публицистические статьи 1848 г. // Литература и история. Исторический процесс в творческом сознании русских писателей XVIII—XX вв. С. 308).

право клеймить всё современное общество печатью пошлости и ничтожества, от которых будто бы из наболевшей души Гоголя вырывались мучительные стоны. Судить по героям *Мертвых Душ* о целом Русском обществе — есть верх несправедливости, никому не дозволительной. [...] ...Сочинитель статьи не только безотчетно чернит всё современное общество, по его мнению, пошлое и ничтожное, но утверждает даже, что в нем не было ни одной светлой стороны, которая могла бы послужить Гоголю средством примирения с ним. Вот до чего доводит необдуманное желание возвысить Гоголя! [...] ...Статья под заглавием “Несколько слов о Гоголе” [...] безотчетным расточением выходящих из всякой меры похвал Гоголю [...] накидывает тень подозрения на его намерения и действия, которого покойный писатель наш не заслужил ни жизнью, ни христианскою своею кончиною...»²⁵

Примеры оппозиционности со стороны славянофилов, проявления их политического радикализма довольно многочисленны; эту свою отличительную черту они демонстрировали неоднократно²⁶. В конце 1845 г. Ю.Ф. Самарин не без иронии писал Константину Аксакову об их общих московских беседах: «Мы вели такие разговоры, [...] что не идти на другой день на Петербург войною значит дать шаг назад и уронить себя в общем мнении»²⁷. Даже И.В. Киреевский в 1855 г., к тому времени уже прочно связавший свою жизнь с Оптиной пустыней, принимавший участие в оптинских изданиях творений святых отцов, в письме к князю П.А. Вяземскому, говоря о покойном императоре Николае I, обличал его вполне по-герценовски: «...Хвалить его [государя] [...] за покровительство и сочувствие к просвещению и словесности — то же, что хвалить Сократа за правильный профиль. [...] Гоголю царь дал несколько денег на бедность, не зная хорошо, кто такой Гоголь, и не для него, а для тех, кто за него просили. Когда имя Гоголя и его громкое значение в нашей литературе сделались известными, то даже память о нем преследовалась как вещь, враждебная правительству. Спросите об этом Ивана Тургенева и Ивана Аксакова»²⁸.

Вопреки заявлениям Киреевского, сам Гоголь вряд ли согласился бы с такой интерпретацией отношений к нему монарха, — ни в изложении

²⁵ Дело о посмертном издании сочинений Гоголя // Литературный музей: Цензурные материалы I-го отд. IV секции Государственного архивного фонда / Под ред. А.С. Николаева и Ю.Г. Оксман. Т. 1. Пг., [1921]. С. 100, 102.

²⁶ Подробнее об известной «оппозиционности» к существующему положению вещей не только «европистов», но и «восточников» см.: *Виноградов И.А.* Космополит или патриот? Концепция патриотизма в спорах с Гоголем и о Гоголе. С. 35–69.

²⁷ Сочинения Юрия Федоровича Самарина: [в 12 т.] Т. 12: Письма, 1840–1853. М., 1911. С. 152.

²⁸ Цит. по: *Гиллельсон М.* Неизвестные публицистические выступления П.А. Вяземского и И.В. Киреевского // Русская литература. 1966. № 4. С. 132.

Киреевского или Аксакова²⁹, ни тем более со слов западника Тургенева³⁰. Будучи гораздо более основательным, чем его друзья, последователем славянофильского учения, Гоголь хорошо разбирался в разнообразных течениях этого общественного движения, отчасти нами сегодня подзабытых. Наибольший контраст гоголевским взглядам представляло славянофильство польских националистов, во главе с А. Мицкевичем. С этой ветвью славянофильства едва не смыкалось в негативном отношении к России отечественное западничество. Между тем сами славянофилы, в том числе московские, ощущали себя во многом принадлежащими к «единому» полю славянофильства. Тот же Самарин в начале апреля 1847 г. писал А.С. Хомякову: «Я узнал, что дано *весьма секретное* приказание схватить Чижова, Савича и Кулиша, как скоро они переедут нашу границу, запечатать всех их бумаги и препроводить их под надзором жандарма в Петербург. [...] ...Весьма может быть, что доберутся и до нас. [...] ...Как бы предупредить Чижова и прочих»³¹. — Спровоцированные тогда деятельностью Украина-славянского общества гонения на славянофилов затронули Ф.В. Чижова, А.С. Хомякова, И.С. Аксакова и самого Самарина. Упомянутые Самариним в письме Н.И. Савич и П.А. Кулиш, вместе с Т.Г. Шевченко и др., состояли в этом Украина-славянском обществе (организаторы называли свой кружок Обществом Святых Кирилла и Мефодия), объединявшем сепаратистски настроенных по отношению к российской государственности украинских славянофилов. В частности, в 1847 г., будучи за границей, Савич передал главе польских славянофилов А. Мицкевичу поэму Шевченко «Кавказ».

В отличие от славянофильского оппозиционного «единодушия» взгляды Гоголя как убежденного славянофила отличались не только от воззрений западников, но и от позиции более близких ему по духу современников. Не только над западным польским славянофильством, но и над сепаратистки ориентированным украинским славянофильством земляка О.М. Бодянского³², и над оппозиционной, критически

²⁹ См.: Виноградов И.А. «Спасен я был Государем». Неизвестное письмо Н.В. Гоголя к Императору Николаю Павловичу и его отношение к монархии // Литература в школе. 1998. № 7. С. 5–22; Виноградов И.А. Отеческое попечение: Император Николай I в судьбе Гоголя // Studia Litterarum. 2016. Т. 1. № 1–2. С. 269–277.

³⁰ См.: Виноградов И.А. Литературная проповедь Н.В. Гоголя: pro et contra // Проблемы исторической поэтики. 2018. Т. 16. № 2. С. 49–124.

³¹ Сочинения Юрия Федоровича Самарина. Т. 12. С. 422.

³² Виноградов И.А. Славянофильство русское, польское и украинское: Н.В. Гоголь, А. Мицкевич и О.М. Бодянский // Гоголь и славянский мир. Шестнадцатые Гоголевские чтения. М.; Новосибирск, 2017. С. 69–77; Виноградов И.А. Гоголь и западное славянофильство: К постановке проблемы // Studia Litterarum. 2017. № 4. С. 182–207. Как указывал позднее И.И. Срезневский, «выбор задачи» для защищенной в 1837 г. в Московском университете диссертации О.М. Бодянского «О народной

настроенной к «дому Романовых» частью московского славянофильства (Аксаковы), — над всеми этими друзьями и знакомыми из круга славянофилов Гоголь возвышается как последовательный славянофил-государственник. Вслед за Н.М. Карамзиным и С.С. Уваровым³³ во главу угла славянофильства Гоголь ставил интересы России как уникального государства единственного славянского народа, сохранившего в истории свою независимость и самобытность.

К сожалению, последующая история продемонстрировала дальнейшее смыкание оппозиционно-патриотического славянофильства с откровенно противостоящим русской государственности западничеством. Так, не случайно появление в балладе графа А.К. Толстого «Поток-богатырь» (1871) неприязненного образа славянофильствующего «аптекаря», мнимого патриота, ратующего — *одновременно* — и за народ, и за атеизм. От Константина Аксакова до давнего его друга Виссариона Белинского, провозглашавшего подобное смешение «народности» и атеизма в своем зальцбруннском письме к Гоголю, несмотря на принципиальные расхождения между горячим славянофилом и радикальным западником, — расстояние оказывалось весьма незначительным — почти таким, какое разделяло в давние времена фарисейство и саддукейство. Продолжатели Белинского и Аксаковых — нигилисты и отчасти «почвенники», а за ними и советские патриоты-атеисты — лишь повторяли заблуждения своих родоначальников. Неприятие реальной, исторической, самодержавной России объединяло в XIX в. и «правых», и «левых» (а в XX в. — и «белых», и «красных») — при всем их часто непримиримом противостоянии и так или иначе декларируемом патриотизме.

поэзии славянских племен» «не был решением только частного пристрастия к ней самого Бодянского: он был первым литературным последствием одного из нововведений Университетского устава 1835 года, которым в числе кафедр историко-филологического факультета дано место кафедре истории и литературы славянских наречий» (Срезневский И.И. На память о Бодянском, Григоровиче и Прейсе, первых преподавателях славянской филологии // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1878. Т. XVIII. № 6. С. 32). Однако, продолжал Срезневский, «почти непосредственно за преобразованием Московского университета на кафедру эту вошел [...] М.Т. Каченовский (перемещенный сюда, за свои резко «скептические» взгляды по поводу отечественного прошлого, с кафедры русской истории, которую вместо него возглавил М.П. Погодин. — *И.В.*)... [...] На виду у Каченовского как будущий помощник его по кафедре был Бодянский, ученик им любимый и по познаниям, и по трудолюбию, и как земляк. Каченовский стал поддерживать Бодянского в занятиях славянскими наречиями и был главным виновником выбора предмета для диссертации — если не в частности, то по крайней мере вообще» (Там же. С. 32–33). Таким образом, вопреки намерениям Уварова, его начинание — учреждение в университетах кафедр славянских наречий, призванное способствовать изучению славянства, с самого начала стало приобретать сепаратистский, оппозиционный характер.

³³ См.: *Виноградов И.А.* Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Т. 5. С. 385.

* * *

В изучении вопроса о месте Гоголя в полемике славянофилов и западников особый интерес представляет статья, включенная писателем в «Выбранные места из переписки с друзьями» с полемическим названием «Близорукому приятелю». Как это ни парадоксально, но вполне понятное по замыслу, это послание, несмотря на свой ярко выраженный славянофильский характер, никогда в качестве документа славянофильства не рассматривалось. Славянофильский пафос этой статьи вполне очевиден из самого обращения Гоголя к «близорукому приятелю»: «Россия не Франция; элементы французские — не русские. [...] Мысли твои о финансах основаны на чтенье иностранных книг да на английских журналах... [...] Стыдно тебе, [...] не войти до сих пор в собственный ум свой, который мог бы самобытно развиваться, а захламосить его чужеземным навозом. [...] ...Ты загромоздил сором свой ум [...] и сделал его чужестранцем самому себе» (VI: 134).

Судя по этим строкам, статья адресована прежде всего западникам — первоочередным сторонникам иностранных мнений. Именно западничество Гоголь называет в статье «взглядом современной близорукости» — напоминая этим свой отзыв о западниках в письме «Споры» — о тех, что рассуждают о России, подойдя «слишком близко к строению», «говорят довольно подробно и отчетливо о той стене, которая стоит перед их глазами» (VI: 52).

Тем не менее вопрос об адресате послания представляется более сложным. Кого лично подразумевал Гоголь в этом письме, до сих пор неизвестно. Однако обращает на себя внимание то, что, хотя статья адресована лицу, не совпадающему с писателем во взглядах, «близорукому», она определенно подразумевает человека, находящегося с Гоголем в общении, в переписке. Сам Гоголь упоминает в ней о послании, полученном от неизвестного (VI: 134). По содержанию статьи можно также отчасти судить, к какому кругу принадлежал гоголевский корреспондент, — и даже предположить, каких взглядов он придерживался. Свой ответ Гоголь пишет человеку служащему — и даже собирающемуся занять новую, более ответственную должность: «...Не сделаешь ты добра на своей должности... [...] Ты метишь в государственные люди... [...] Не заводи этих улучшений, которыми уже наполнилась твоя голова еще прежде, чем ты вступил в свою должность...» (VI: 134).

Еще важнее то, что Гоголь адресует свою критику лицу, патристически настроенному, определенно желающему работать на благо России. Словом, в статье «Близорукому приятелю» Гоголь критикует не столько посторонних, чуждых ему представителей западнического

лагеря (что, впрочем, тоже не исключается), но в бóльшей степени своих, близких ему людей — лиц, разделяющих его взгляды о служении России, но по недоразумению, вследствие увлечения чуждыми учениями, понимающих это служение превратно. Это именно статья из «Выбранных мест из переписки с друзьями» — книги, адресованной всей России, но обращенной к друзьям-единомышленникам. Такое — личное — обращение к современникам обусловило самый жанр гоголевской книги, представляющей собой ряд духовных наставлений и даже резких обличений, обращенных к приятелям и близким знакомым.

Так, друга и постоянного собеседника по конфессиональным вопросам графа А.П. Толстого (впоследствии, в 1856–1862 гг., — обер-прокурор Святейшего Синода) Гоголь обличает в книге как «лишнего человека»³⁴, не приносящего пользу России своей «бездейственной и праздной жизнью» (VI: 89; статья «Нужно любить Россию»). Давнему приятелю князю П.А. Вяземскому Гоголь в статье о русской поэзии указывает на «отсутствие» в его разнообразных литературных занятиях «большого и полного труда» — называя это «болезнью князя Вяземского» (VI: 178). Близкую знакомую графиню Л. К. Виельгорскую Гоголь обличает в статье «Страхи и ужасы России» за малодушное забвение интересов России. В статьях-письмах «Выбранных мест...» есть также поучения А. А. Иванову, А. О. Смирновой, С. П. Шевыреву, Н. М. Языкову, есть даже скрытые адресные назидания западнику В. Г. Белинскому³⁵, которого Гоголь тоже желает привлечь в число своих друзей, обратив его к прежней «примирительной» эпохе его критической деятельности. Название статьи «Близорукому приятелю», — тоже, судя по всему, вовсе не риторический прием.

В итоговой книге Гоголя есть, наряду с преобладающей антизападнической направленностью, и вполне очевидная критика в адрес друзей-славянофилов. В частности, в книге заключается весьма нелিপчатое обличение одного из видных, старейших представителей славянофильского лагеря М.П. Погодина. (Сам Гоголь зачитывался «Московским вестником» Погодина еще будучи в стенах Нежинской

³⁴ См. подробнее: *Виноградов И.А.* «Огорченные люди» в творчестве Н.В. Гоголя // Проблемы исторической поэтики. 2018. Т. 16. № 4. С. 29–114.

³⁵ *Виноградов И.А.* Неизвестная полемика Н.В. Гоголя о наследии М.Ю. Лермонтова // Светская и духовная словесность в России XVIII–XIX веков / Ред. М.И. Щербаква. М., 2018. С. 5–18.

гимназии³⁶.) Суровая критика литературной и научной деятельности Погодина содержится в статье «О том, что такое слово».

Но обращая внимание на эту статью, следует иметь в виду принципиальную особенность гоголевской критики Погодина. Как и адресат статьи «Близорукому приятелю», Погодин, — безусловно, патриот. Если в отношении к западничеству Гоголь не разделяет самих идей «европистов» — взглядов, почерпнутых из «иностранных книг» и «английских журналов» — согласно строкам статьи «Близорукому приятелю» (VI: 134), то применительно к славянофильству его позиция совершенно иная.

Обращаясь к «близорукому приятелю», Гоголь критикует не столько представителей западничества, сколько сами западные воззрения, которыми заражен его корреспондент. Напротив, в статье «О том, что такое слово» положения славянофильства Гоголь *защищает* — обличая лишь недостойного, недозревшего до подлинного понимания носителя этих взглядов. Критический пафос статьи «О том, что такое слово», будучи адресован представителю патриотического славянофильства, не содержит никакой критики в адрес самих славянофильских идей — вполне разделяемых Гоголем. Более того, обличение Погодина, друга и давнего единомышленника, еще раз свидетельствует о глубине и укорененности славянофильских убеждений Гоголя. Как явствует из содержания статьи, славянофильские, патриотические и верноподданнические воззрения Гоголю настолько дороги, что обличает он приятеля не за эти общие, одинаково разделяемые ими взгляды, но за их недопустимую профанацию. По гоголевской оценке, Погодин как профессор университета и как издатель журнала «Москвитянин» своей торопливостью, «неряшеством и неопрятностью» (VI: 21) компрометирует важнейшее для России, для всех русских людей дело — так же, как повредил этому делу сам Державин, который ради таких же дорогих, заветных убеждений, должен был, по оценке Гоголя, «сжечь по крайней мере целую половину од своих»: «Сколько усумнилось в искренности его чувств потому только, что нашли их во многих местах выраженными слабо и бездушно» (VI: 20). Гоголь говорит о Погодине: «...Я должен был [...] спорить [...] за чистоту самих намерений и за искренность слов его... [...] Заговорит ли он о патриотизме, он заговорит о нем так, что патриотизм его кажется подкупной; о любви к царю, которую питает он искренно и свято в душе своей, изъяснится он так, что это походит на одно раболепство и какое-то корыстное угождение. Его искренний, непритворный гнев противу всякого направления, вредного России, выразится у него так,

³⁶ См.: Виноградов И.А. «На поприще полемическом»: Гоголь — журналист и публицист // Очерки истории русской публицистики. М. (в печати).

как бы он подавал донос на каких-то некоторых, ему одному известных людей. Словом, на всяком шагу он сам свой клеветник. Опасно шутить писателю со словом. Слово гнило да не исходит из уст ваших!» (VI: 22).

Статья «Близорукому приятелю» — это недвусмысленная критика западничества, кто бы и в какой бы степени ни был заражен им: славянофилы-патриоты или «европисты»-западники. Обличительное слово Гоголя в адрес Погодина, друга и единомышленника, так же как критика *наиболее почитаемого*, с детства любимого поэта Державина, — слово в защиту дорогого, близкого душе дела.

Это обличение, мотивированное заботой об общем деле, стремлением уберечь его от профанации — не единственное критическое выступление Гоголя, направленное на конкретных представителей славянофильства — своих друзей. Таким же стремлением продиктовано сразу несколько гоголевских обличений — по разным поводам — в адрес славянофила Константина Аксакова. Об одном из них, по поводу «дома Романовых», уже говорилось. Обратимся к другим.

Когда Аксаков, радуя за народность, стал ходить в русском кафтане и отпустил бороду — не без вызова светскому обществу и самим правительственным постановлениям³⁷, то, по словам Гоголя, он «просто охаял», выставил на смех важнейшее начинание. Гоголь писал Н.М. Языкову 5 октября (н. ст.) 1846 г.: «Воспитай прежде себя для общего дела, чтобы уметь точно о нем говорить, как следу[ет]. А они: надел кафтан да запустил бороду, да и воображают, что распространяют этим русский дух по русской земле! Они просто охаивают этим всякую вещь, о которой действительно следует поговорить и о которой становится теперь стыдно говорить, потому [что] они обратили ее в смешную сторону» (XIII: 387–388).

Гоголевская критика Аксакова за его вызывающее поведение отнюдь не означала осуждения самих национальных традиций — вплоть до внешнего облика. Призывая в 1845 г. приятеля временно воздержаться от «ношения бороды, русского кафтана и проч.» (XIII: 216), Гоголь по-прежнему выказывал себя как последовательный славянофил-государственник. Судя по всему, писатель помнил слова св. пророка Софонии: «И будет, в день жертвы Господни, и отмщу на князи и на

³⁷ 2 апреля 1837 г. был издан специальный указ «О воспреещении гражданским чиновникам носить усы и бороду», где говорилось: «...Государь император, сверх доходящих до его величества из разных мест сведений, сам изволил заметить, что многие гражданские чиновники, в особенности вне столицы, дозволяют себе носить усы и не брить бороды по образцу жидов, или подражая французским модам. Его императорское величество изволил находить сие совершенно неприличным...» (Полн. собр. законов Российской империи. Собр. 2-е. СПб., 1838. Т. 12. Отд. 1. С. 206).

дом царский, и на вся оболченные во одеяния чуждая...» (гл. 1, ст. 8). Поэтому начало чаемых перемен и в этом случае Гоголь связывал с деятельностью монарха. Гоголь писал Аксакову 25 ноября (н. ст.) 1845 г.: «Я сам питаю отвращение к нашему обезьянскому европейскому наряду и глупому фраку и чувствую, что скоро мы все начнем носить наш наряд; но [...] у нас, в русском царстве [...] водится так, что царь — глава, и только то, что передастся через него [...] облекается в законность. Он первый подает знак — и всё вмиг облечется и во внешнюю Русь, не только во внутреннюю. [...] А потому я вас прошу убедительно и сильно [...] подумать [...] о той добродетели, которой у всех нас слишком мало; добродетель эта называется смирение» (XIII: 216–217). Как и в других случаях, особенность позиции Гоголя заключалась в том, что, разделяя основные положения славянофильства, он считал некоторые из славянофильских начинаний преждевременными³⁸.

За то же самое — за преждевременность и профанацию важного начинания — Гоголь критиковал Константина Аксакова и в связи с проповедуемыми последним взглядами о значении Москвы. Ю.Ф. Самарин, вспоминая о пребывании Гоголя в Москве в октябре 1841 — мае 1842 г., писал к К.С. Аксакову и А.С. Хомякову: «Мысль о современном значении Москвы, пущенная в ход Аксаковым³⁹, встретила между нами и даже в более широком кругу сочувствие и одобрение... [...] В это время уезжал Гоголь. Ты помнишь, Аксаков, то письмо, которое он написал к тебе? (Имеется в виду гоголевское письмо к Аксаковым от 28 ноября (н. ст.) 1842 г. — *И.В.*) Он упрекал тебя в том, что ты испортил ему то прекрасное, отрадное чувство, которое он питал к Москве; он просил тебя перестать толковать о значении Москвы, взяться за труд и т.д. Гоголь предчувствовал то, что теперь сбылось. Толки о Москве продолжались три года; вражда к Петербургу усилилась; на каждого выходца оттуда мы ополчались толпою и вымещали на нем наше негодование. Между тем, в продолжение этого времени Москва не явила ни одного плода своей умственной деятельности; таким образом она стала известна Петербургу и вообще всей России только с одной, чисто отрицательной стороны. Если бы мы меньше говорили о себе и больше заявляли прав

³⁸ См. подробнее: *Виноградов И.А.* Спор К.С. Аксакова и В.Г. Белинского... С. 32–36.

³⁹ См.: *Аксаков К.* Москве (Отрывок) // *Москвитянин*. 1845. № 2. С. 108; Ломоносов в истории русской литературы и русского языка: Рассуждение кандидата Московского университета Константина Аксакова, писанное на степень магистра философского факультета первого отделения. М., 1846. С. 44–46, 57–59; *Аксаков К.С.* Семисотлетие Москвы // *Московские ведомости*. 1846. № 49, 23 апр. С. 344–346.

на уважение, может быть, всеобщее внимание само собою обратилось бы на Москву»⁴⁰.

В письме к К.С. Аксакову от 28 ноября 1842 г. Гоголь характеризовал его как человека «праздного», тоже соответствующего категории «лишних людей»: «...Стряхните пустоту и праздность вашей жизни! [...] Займитесь [...] совершенно стороною внутреннею русского языка [...], мимо отношений его к судьбе России и Москвы, как бы это ни заманчиво было и как бы ни хотелось разгуляться на этом поле. [...] Чувствуете ли вы страшную истину сих слов: Не приемли имени Господа Бога твоего все?» (XII: 157–158).

Критикуя Погодина в статье «О том, что такое слово», Гоголь добавлял: «Чем истины выше, тем нужно быть осторожнее с ними... [...] Не столько зла произвели сами безбожники, сколько [...] неприготовленные проповедатели Бога, державшие произносить имя Его неосвященными устами» (VI: 21). Т. е. Аксаков своими поступками сделал именно то, за что Гоголь обличал и Погодина, и Державина, — «опозорил то, что стремился возвысить» (VI: 22).

Аксаков и Погодин, по оценке Гоголя, все, без должной ответственности затрагивали высокие истины. Эта перекличка между обличением Аксакова и критикой Погодина, находит себе дополнительное соответствие в общей характеристике деятельности неразумного «муравья» Погодина в статье «О том, что такое слово» и в критике таких же опрометчивых «муравьев»-«государственных людей» в письме «Близорукому приятелю». О Погодине Гоголь пишет: «Тридцать лет *работал* и хлопотал, как *муравей*, этот человек, торопясь *всю жизнь свою* передать поскорей [...], что ни находил на пользу просвещения [...] русского... И [...] ни одного признательного юноши я не встретил, который бы сказал, что он обязан ему каким-нибудь новым светом...» (VI: 21–22; курсив мой. — *И.В.*). «Близорукому приятелю» Гоголь выговаривает: «...Ты стремишься [...] быть похожим на тех государственных людей, [...] которые имели в себе всё для того, чтобы сделать множество добра, которые [...] *работали, как муравьи, всю свою жизнь*, и при всём том не осталось после них никакого следа...» (VI: 135; курсив мой. — *И.В.*).

«Близорукому приятелю» Гоголь указывает также на гордость: «Ты горд... [...] ты самоуверен [...]; ты думаешь, что уже никто и поучить тебя не может...» (VI: 135). Это же обличение в статье «Споры» Гоголь обращал и к «восточникам», и к западникам — обвиняя первых в этом грехе даже больше, чем вторых: «...Дух гордости обуял обоими. [...] Кичливости больше на стороне славянистов [...]; из них каждый вооб-

⁴⁰ Сочинения Юрия Федоровича Самарина. Т. 12. С. 149–150.

ражает о себе, что он открыл Америку...» (VI: 52). Едва ли не самого Константина Аксакова имел также в виду Гоголь в одном из «Четырех писем к разным лицам по поводу “Мертвых душ”» «Выбранных мест...», когда говорил о незрелости некоторых славянофильских начинаний, профанирующѣих важное дело: «Многие у нас уже и теперь, особенно между молодежью, стали хвастаться не в меру русскими доблестями и думают вовсе не о том, чтобы их углубить и воспитать в себе, но чтобы выставить их напоказ и сказать Европе: “Смотрите, немцы: мы лучше вас!” Это хвастовство — губитель всего. [...] Наилучшее дело можно превратить в грязь, если только им похвалишься и похвастаешь» (VI: 86–87).

Таким образом, обнаруживается, что гоголевская критика его друзей и знакомых — Погодина, в письме «О том, что такое слово»; «близорукую друга», в одноименном письме; Константина Аксакова, в целом ряде частных писем и в самой книге, во многом схожи — и почти повторяют критику в адрес западников. Даже Шевыреву, наиболее близкому Гоголю славянофилу, поэту, мыслителю и критику, писатель в послании от 21 апреля 1848 г., имея в виду полемику друга с либеральными журналистами по поводу своей «Выбранных мест...» (за что, казалось бы, он должен быть только благодарен Шевыреву), выговаривал: «Мне кажется подчас, что всё то, о чем так хлопочем и спорим, есть просто суета, как и всё в свете, и что об одной только *любви* следует нам заботиться. Она одна только есть истинно верная и доказанная *истина*» (XV: 50). «К спорам прислушивайся, но в них не вмешивайся. [...] Дух чистейшего незлобия и кротости должен проникать величавые речи старца...» — замечал Гоголь по поводу полемики «восточников» и западников в статье «Споры» (VI: 53). С этой христианской позиции писатель и оценивал *все* современные общественные движения, включая нарождающееся славянофильство.

Епископ Варнава (Беляев), говоря об идейных основах славянофильского учения, замечал: «Конечно, для знакомого с аскетической святоотеческой литературой учение славянофилов не представляет чего-нибудь нового, но для внешнего мира оно, безусловно, новая и доброкачественная мысль. Уже и сейчас, как она есть, эта школа достойна составить важную главу в истории русской философии, а если бы была поддержана и развита, то, возможно, произвела бы в ней настоящий переворот»⁴¹.

Однако эта характеристика славянофильства отражает лишь одну, самую позитивную из его сторон. Именно эта сторона была настолько близка Гоголю, что в этом отношении его с полным правом можно на-

⁴¹ Варнава (Беляев), епископ. Основы искусства святости: Опыт изложения православной аскетики: В 4 т. Нижний Новгород, 1996. Т. 1. С. 247.

звать славянофилом. Но наряду с позитивным началом, в славянофильском учении были, к сожалению, элементы иного, противоположного характера — прямо роднящие его с западничеством. Прежде всего, это касается истоков этого общественного течения.

И.В. Киреевский, прошедший в свое время западную выучку, слушавший в Германии лекции Шеллинга и Гегеля, в 1856 г., незадолго до смерти, указывал: «Если бы не узнала Россия Шеллинга и Гегеля, то как уничтожилось бы господство Вольтера и энциклопедистов над русскою образованностью?»⁴² Судя по всему, это самооправдание Киреевский почерпнул у самого А.С. Пушкина. В одной из глав незавершенного очерка о Радищеве, впервые напечатанного в отрывках в 1841 г., поэт замечал: «Философия немецкая, которая нашла в Москве, может быть, слишком много молодых последователей, кажется, начинает уступать духу более практическому. Тем не менее влияние ее было благотворно: она спасла нашу молодежь от холодного скептицизма французской философии...»⁴³

С этими важными пушкинскими размышлениями, затрагивающим истоки славянофильского «любомудрия», Гоголь, как выясняется, познакомился еще в 1836 г., прочтя их в рукописи. Уже тогда Гоголь, имея в виду замечание поэта о далекой от «практического» духа немецкой философии, в одной из рецензий, написанных для пушкинского «Современника», выступил с резкой критикой отвлеченных «рассуждений и трактатов», из которых «всё практическое», «взятое из жизни» изгонялось, ибо считалось «пустым и недостойным». Критикуя схоластические сочинения, Гоголь отмечал, что, несмотря на мнимую «питательность» этих книг, нравственность их читателей была «не очень чиста» (VII: 494) — наряду с отвлеченными «нравственными» произведениями появилась тогда масса откровенно безнравственных (VII: 494). К тому же туманная схоластика стала главной причиной «малого распространения охоты к чтению в нашем обществе» (VII: 494). Это неутешительный вывод Гоголь подводил как для предшествующего века, так и для своего времени: «Такой раздор теории с практикою был повсеместен в конце 18 столетия. В 19 столетии масонские и другие секты, отвлеченный мистицизм поддерживали существование подобных философских сочинений, рассуждений, увещаний и трактатов, хотя облеченных уже в другие формы» (VII: 494). Необходимость появления новых форм, в которые «облеклись», благодаря усилиям популяризаторов, новейшие трактаты, Гоголь объяснял самим характером немецкой философии: «Когда Кант,

⁴² Отрывки, найденные в бумагах И.В. Киреевского [Продолжение статьи «О необходимости и возможности новых начал для философии»] // Русская беседа. 1857. Кн. 5. № 1. Отд. 2. С. 7.

⁴³ Пушкин А.С. Москва // Соч. Александра Пушкина. СПб., 1841. Т. 11. С. 18.

Шеллинг, Гегель, Окен [...] обрабатывали науку, [...] их мнения распространялись только в кругу небольшом их слушателей...» (VII: 494). Но и обновленный «другими», более приемлемыми формами изложения «схоластизм», по наблюдениям Гоголя, в существе своем не изменился. Несмотря на то, что последователи немецких философов, «среднего класса люди», «без орлиной мысли и таланта», изложили их абстрактные рассуждения «общеупотребительным языком», — так что «приученные мистицизмом читатели брались охотно за эти книги» (VII: 494), — тем не менее удаленная от практики мысль осталась по-прежнему бесплодной. Яркой противоположностью тщетной схоластической философии, спасительным выходом из тупика, является, по убеждению Гоголя, «высший» род словесности (VI: 324) — подлинная, связанная с жизнью, проникнутая глубокой мыслью поэзия. В своей рецензии Гоголь, обращаясь еще раз к словам Пушкина о замене немецкой философии «духом более практическим», писал: «В наш век почти общим сочувствием была признана необходимость воплощения всякой мысли практически. [...] ...Дела более значат, нежели слова. Живой пример сильнее рассуждения, и никогда мысль не кажется нам так высока, [...] когда разрешается пред нами живым, знакомым миром, когда она, можно сказать, читается духовными нашими глазами из целого создания поэта. Божественный Учитель и Спаситель наш первый открыл эту высокую тайну, облекши святые божест[венные] мысли Свои в притчи, которые слушали и понимали тысячи народов» (VII: 494–496). — Можно заметить, что логика гоголевской рецензии, предназначавшейся для пушкинского «Современника», сама ее композиция, строится в точном соответствии со словами апостола: «Братие, блюдитесь, да никтоже вас будет прельщая философию [...], по стихиям мира, а не по Христе» (Кол. 2, 8). — «Итак, — заключает Гоголь, — мы, сделавши такие великие тысячелетние обходы, наконец возвращаемся к той истине, которая была сказана еще в глубине младенческих сердец наших. И вот уже история показывает умам соединение с философией и образует великое здание. И вот уже везде, во всех нынешних попытках романов и повестей, видно стремление осуществить, окрылить или доказать какую-нибудь мысль, и только посредственность бывает виною, что изысканная, неправильная мысль иногда предпочитается глубокой и простой» (VII: 495). Вскоре, в «Мертвых душах» Гоголь прямо повторил эти размышления: «Какие искривленные, [...] заносящие далеко в сторону дороги избирало человечество, стремясь достигнуть вечной истины, тогда как перед ним весь был открыт прямой путь... [...] Поди ты сладь с человеком! [...] пропустит мимо создание поэта, ясное как день, [...] а бросится именно на то, где какой-нибудь удалец напугает, наплетет, изломает, выворотит природу...» (V: 203,

200). — Вполне очевидно, что Гоголь уже в первой половине 1830-х гг. оторванную от жизни отвлеченность, «изысканность» схоластики определял, вслед за Пушкиным, как характерный признак ограниченности и «посредственности»⁴⁴. Уже тогда, в самом начале сближения Гоголя со славянофилами, наряду с единомышленником в общем понимании главных положений славянофильского учения, созревает гоголевская критика тех черт славянофильства, которые оказывались несовместимы с взглядами православного мыслителя.

В 1902 г., подразумевая цитированные слова Киреевского о «господстве Вольтера» — и об «уничтожении» этого «господства» Шеллингом и Гегелем, известный впоследствии патролог Н.И. Сагарда так объяснял связь славянофильства с немецкой философией: «Кумир, воздвигнутый Европой в лице Вольтера и французских энциклопедистов, был ниспровергнут вместе с французской революцией; но вскоре [...] на вновь воздвигнутом пьедестале [...] Шеллинг и Гегель сменили Вольтера. Русская передовая молодежь, привыкшая зорко следить за тем, что происходило у наших западных соседей, не замедлила ознакомиться с этими метафизическими системами... [...] Кто не знаком был с немецкой философией, [...] тот не признавался образованным человеком... [...] ...Особенно замечателен кружок, [...] собиравшийся в [...] доме А.П. Елагиной. [...] Наряду с [...] братьями Киреевскими, Хомяковым, К. Аксаковым, Ю. Самариным, Валуевым, И. Аксаковым и др. здесь можно было встретить и позднейших их антагонистов — [...] Герцена, Грановского, Белинского и др. [...] Содержание споров вращалось на том, что было тогда господствующим интересом нового литературного поколения, — это была немецкая философия... [...] По вопросу о национальной самобытности [...] особенно выдвинута была философия Шеллинга и Гегеля»⁴⁵.

Именно в критическом отношении к западной схоластике, «родной» для большинства славянофилов, заключается, наряду с отвержением оппозиционности и осуждением скороспелости начинаний, принципиальное размежевание Гоголя с его друзьями. Весьма характерно в этой связи то, что, когда весной 1840 г. Гоголь оказался непосредственно в кружке московских славянофилов, то именно Иван Киреевский не нашел с ним общего языка. Е.М. Хомякова сообщала тогда брату Н.М. Языкову: «Все

⁴⁴ О гоголевской критике схоластического мышления см. подробнее: *Виноградов И.А.* Гоголь о поэзии и схоластике (К авторскому определению жанра «Мертвых душ») // *Творчество Н.В. Гоголя и европейская культура. Пятнадцатые Гоголевские чтения / Под общ. ред. В.П. Викуловой.* М.; Новосибирск, 2016. С. 226–233.

⁴⁵ *Сагарда Н.И.* Славянофильство и его идеалы (Речь, произнесенная в актовом зале Полтавской духовной семинарии 11 Мая — в день памяти свв. первоучителей славян Кирилла и Мефодия) // *Полтавские епархиальные ведомости.* 1902. № 19, 1 июля. Часть неофициальная. С. 870–872.

здесь нападают на Гоголя, говоря, что, слушая его разговор, нельзя предполагать в нем чего-нибудь необыкновенного, Иван Васильевич Киреевский [говорит], что с ним почти говорить нельзя: до того он пуст. Я сержусь за это ужасно. У них кто не кричит, тот и глуп»⁴⁶.

Известно, что Гоголь предпочитал выражать свою точку зрения в многозначных художественных образах, а не в схоластических диспутах и «словопрениях» (2 Тим. 2, 14). В статье «Споры» он замечал: «Поверь, уже так заведено и нужно, чтобы передовые крикуны вдоволь выкричались [...], дабы умные могли [...] надуматься вдоволь» (VI: 53). Для «передового крикуна» Киреевского эта принципиальная особенность Гоголя осталась не понятой. Но о гоголевском критическом отношении к схоластическим и радикальным чертам славянофильства, сближающих это учение с западничеством, можно определенно судить по взаимоотношениям писателя с Константином Аксаковым, до которого сам Гоголь попытался донести свою позицию, — видимо, потому, что находился с ним в более близких отношениях.

На «немецкое» философствование К.С. Аксакова, по-прежнему объединявшее его (до определенной степени) с бывшим (до 1839 г.) московским приятелем, западником Белинским, Гоголь указывал — начиная с 1840 г. — не раз. Так, в письме к С.Т. Аксакову от 28 декабря (н. ст.) 1840 г. Гоголь, намекая на неизжитое пристрастие его сына Константина к немецкой учености, замечал: «Панов молодец во всех отношениях, и Италия ему много принесла пользы, какой бы он никогда не приобрел в Германии, в чем он совершенно убедился. Это не мешает довести, между прочим, до сведения кое-кого» (XI: 331). — В 1840 г. Панов вместе с Гоголем выехал из Москвы за границу. Накануне отъезда он заручился у западника А.И. Тургенева рекомендательным письмом к К.А. Фарнгагену фон Энзе в Берлин, однако в Германию попал только спустя год, проведя большую часть времени с Гоголем в Риме. Берлинский университет в качестве слушателя он посещал позднее, с мая 1841 г. до августа 1842 г.

Гоголю, безусловно, было хорошо известно, с какими восторженными впечатлениями вернулся Константин Аксаков в конце октября 1838 г. в Россию после нескольких месяцев пребывания за границей — в Германии и Швейцарии. В июле 1838 г. он писал родным из Дрездена: «Дрезден, Дрезден! [...] Здесь только явилась мне дорогая моя Германия [...]. Я русский, [...] но [...] только в Германии (т. е. в просвещении ее)

⁴⁶ Полн. собр. соч. Алексея Степановича Хомякова: [В 8 т.] М., 1900. Т. 8: Письма. С. 106.

могу находить [...] полную отраду»⁴⁷. В августе того же года, в письме из Базеля, Константин Аксаков добавлял: «...Германия не только не проиграла, но выиграла в моем путешествии: узнав ближе немцев, я больше полюбил их»⁴⁸.

О том, какова могла быть (или даже была, но осталась без подробных свидетельств) полемика Гоголя с Константином Аксаковым по поводу увлечения последнего Германией, можно, в частности, судить не только по поведению руководимого Гоголем Панова, но и по многолетнему, с 1838 по 1842 г., спору писателя по этому же вопросу со своей бывшей ученицей М.П. Балабиной⁴⁹.

Итог, который вынес сам Гоголь за время долгого изучения западной жизни в европейских странах, свидетельствует о глубине его религиозно-патриотических взглядов. В противном случае результат мог быть скорее обратным. О прочности убеждений писателя, но и, одновременно, об опасности, какой подвергались его друзья за границей, можно, в частности, судить по строкам одного из писем известного гоголевского современника, святителя Игнатия (Брянчанинова): «Я видел в Петербурге купцов, погостивших в Европе, и подивился тому удалению, той дикости, которые они начали являть к Церкви и духовенству. Видел там детей священнических, образованных по-европейски: то же самое!»⁵⁰

Увлечение своего друга Аксакова «отрадным» немецким «просвещением» не могло не насторожить Гоголя. Кроме Балабиной, перед его глазами был еще один разительный пример, когда влияние новейшей европейской философии отрицательно сказалось на взглядах близкого ему человека. Гоголь не мог не поразиться, сколько невразумительного, подчас еретического, осталось в размышлениях его друга художника А.А. Иванова⁵¹, создателя знаменитой картины «Явление Мессии» (1832–1857), после его знакомства и близкого общения в 1832–1833 гг. с московским «любомудром» Н.М. Рожалиным, приехавшим в Рим из Мюнхена после слушания там — вместе с И.В. Киреевским — лекций немецких профессоров.

⁴⁷ Неизданные письма из-за границы К.С. Аксакова, 1838 года, с примечаниями Г.М. Князева (продолжение) // *Космополис (Cosmopolis)*. 1898. Т. 10. № 4. С. 82–85.

⁴⁸ Неизданные письма из-за границы К.С. Аксакова, 1838 года, с примечаниями Г.М. Князева (продолжение) // *Космополис (Cosmopolis)*. 1898. Т. 11. № 7. С. 83.

⁴⁹ См.: *Виноградов И.А.* Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852): В 7 т. Т. 2: 1829–1836. М., 2017. С. 575–576.

⁵⁰ *Игнатий Брянчанинов, святитель*. Письма. М., 1993. Т. 7. С. 368.

⁵¹ См.: *Зуммер В.М.* О вере и храме А. Иванова. С IV таблицами (42 снимка). Киев, 1918. С. 19–20; *Аленов М.М.* Александр Андреевич Иванов. М., 1980. С. 150–151; *Виноградов И.А.* Александр Иванов в письмах, документах, воспоминаниях. М., 2001. С. 9, 83, 88–100, 113, 115–116, 131–132, 135, 144.

Лишь спустя несколько лет в письме к самому Аксакову от 25 марта (н. ст.) 1841 г. Гоголь выражает, наконец, удовлетворение, что тот, преодолев увлечение «немецкой философией», вступает на «прямо русскую дорогу» (XI: 343).

Добавим, что страстное увлечение Аксакова и других московских славянофилов немецкой философией было вполне очевидно для окружающих — и в те же годы было отмечено не одним Гоголем. Так, даже о самом выдающемся и, пожалуй, наиболее глубоко преданном вере и Церкви славянофиле А.С. Хомякове князь П.А. Вяземский в 1847 г. писал В.А. Жуковскому: «...Его народность и руссословие несколько отуманены немецким, или вообще нерусским направлением. [...] ...Эти отчаянные руссословы — более всего немцы и [...] коренная Русь, верно, их не понимает и не признает. Вот, например, Уваров, тот другое дело: он запряг себя в тройку самодержавие, православие и народность и дует по всем по трем»⁵². Другой современник, сенатор и литератор К.Н. Лебедев добавлял: «Из сочинений его [Хомякова] “Ермак” и “Дмитрий Самозванец” замечательны своею историческою неверностию, Германской идеализацией. [...] Я видывался с ним в 1850 г. у А.Е. Шиповой и М.П. Погодина. Мне не понравился он безусловным порицанием европейских заимствований и всех действий правительства, о которых он не имел даже приблизительно точных сведений»⁵³. Славянофил Ф.В. Чижов, возмущенный в 1836 г. запрещением периодического издания «Русский сборник» (Император, как известно, написал тогда на представлении: «и без того много»), в своем дневнике назвал Государя «коронованным скотом»⁵⁴.

Оппозиционность, «порицание европейских заимствований» — при собственной приверженности к западной схоластике, — все эти причудливо переплетавшиеся родовые черты славянофильства постоянно отмечал в своих друзьях в те же годы и Гоголь.

Характерны упреки Константину Аксакову в склонении к «немечине лукавой» Н.М. Языкова в стихотворном послании «К молодому человеку». Это послание во многом передает отношение к «молодому человеку» самого Гоголя, который оценил стихотворение (в письме к Языкову от 5 апреля (н. ст.) 1845 г.) как «нестерпимое количество света», поднесенное «к глазам» Аксакова (XIII: 85):

⁵² Гиллельсон М.И. П.А. Вяземский. Жизнь и творчество. Л., 1969. С. 296–297.

⁵³ Из записок сенатора К.Н. Лебедева // Русский архив. 1910. № 12. С. 573.

⁵⁴ Хроника жизни и творчества А.С. Пушкина: В 3 т. 1826–1837. Т. 3. Кн. 1: 1835 — сентябрь 1836 / Сост. Г.И. Долдобанов, И.С. Сидоров. М., 2016. С. 850.

Дай руку мне! Но ту же руку
 Ты дружелюбно подаешь
 Тому, кто гордую науку
 И торжествующую ложь
 Глубокомысленно ставит
 Превыше истины святой,
 Тому, кто нашу Русь злословит
 И ненавидит всей душой...⁵⁵

По поводу задуманной (и уже в 1839 г. вчерне законченной) Константином Аксаковым диссертации о Ломоносове славянофил С.П. Шевырев 4 октября 1845 г. писал Гоголю: «Хороший и большой труд [...]. Но Гегель подпустил дыму, иногда и в мысль, а всего более в слог. [...] Его дело было бы изучать народный быт, язык, песни, предания, пословицы. Но Гегель до сих пор всему мешает. Немцы напустили такого туману в эту славную русскую голову, что она до сих пор от того болит» (XIII: 198–199).

На это письмо Гоголь отвечал: «Что же касается до диссертации его, то, еще не читая ее, советовал ему не подавать ее, даже уничтожить ее вовсе, напечатав из нее одни только отрывки, как отдельные статьи» (XIII: 212). Гоголь имел в виду свое письмо к Аксаковым от 21 декабря (н. ст.) 1844 г., где, обличая увлечение Константина Аксакова «немецкой философией», сказавшееся в диссертации, писал Аксакову-отцу: «Черты ребячества и черты собачьей старости⁵⁶ будут в нем попадаться беспрепятственно одни подле других и будут служить вечным предметом насмешек журналистов, насмешек глупых, но в основании справедливых» (XII: 545).

Помимо «немецкого» «слога» диссертации Аксакова⁵⁷, Гоголя, по-видимому, во многом не устраивало в ней и само содержание. Скорее всего, писателю, со слов самого Аксакова, были известны те «задние мысли», с которыми он писал свою диссертацию и которые в нее не вошли. В своих позднейших статьях Аксаков так характеризовал весь тот период русской литературы, начало которому положил Ломоносов: «Отвлеченный стихотворный период, начавшийся [...] с Ломоносова,

⁵⁵ Жихарев М.И. Петр Яковлевич Чаадаев. Из воспоминаний современника. Статья вторая // Вестник Европы. 1871. № 9. С. 44–45.

⁵⁶ «Собачья старость» — народное название детского заболевания прогерии, при котором больной становится похож на старую собаку.

⁵⁷ См., в частности: «Отрицание само есть вместе и подтверждение; вспомним, что мы ничего не видим, кроме отрицания; в таком случае отрицающая вещь, мы ее признаем, и становим моментом самого отрицание» (Ломоносов в истории русской литературы и русского языка: Рассуждение кандидата Московского университета Константина Аксакова. С. 18).

давший много прекрасных, хотя отвлеченных, ненародных созданий и продолжавшийся до сих пор... [...] Бог с ним, с этими временем [...] отвлеченной и заемной умственной деятельности... [...] неискренней, чуждой родной почве поэзии...»⁵⁸; «Ломоносов [...], Карамзин и другие изображали русскую историю так, что в ней русского собственно ничего не было видно»⁵⁹.

Достаточно сравнить эти высказывания Аксакова с многочисленными отрицательными суждениями о Ломоносове Белинского, чтобы убедиться в их тождестве. Показательно, к примеру, рассуждение Белинского о негативном влиянии Ломоносова на русскую литературу, которое было напечатано в 1847 г. в первом номере некрасовского «Современника»: «Он дал ей направление книжное, подражательное, и оттого, по-видимому, бесплодное и безжизненное, следовательно, вредное и губительное»⁶⁰. С. Т. Аксаков, прочитав эту статью Белинского, 11 марта 1847 г. сообщал сыну Ивану, что «совершенно» с ней согласен, и заключал: «Не забавно ли, что в Петербурге свободно пропускают то в *журналах*, за что здесь преследуют ученые диссертации!»⁶¹ — Сам К. С. Аксаков, в самой диссертации — в той ее редакции, что была опубликована, — в частности, заявлял, что после Ломоносова в русском языке «образовался односторонний, тяжелый слог, удалявший простую форму фразы»: «Это противоречило совершенно существу русского языка... [...] Сумароков, Державин, Херасков и др., все имеют этот общий характер... [...] ...Этот отвлеченный, односторонний слог [...], противоречивший существу русского языка, стал тяготеть над русским словом. [...] Направление это было ложно...»⁶²

Как уже отмечалось, одной из причин составления Гоголем в период проживания в Москве осенью 1841 — весной 1842 г. обширного рукописного сборника «Сочинения Ломоносова и Державина» (XVII: 434–624) были критические отзывы об этих поэтах западника Белинского.⁶³ Показательно, что главным образом стихотворения Ломоносова и Державина представлены Гоголем и в числе «примеров» позднейшей «Учебной книги русской словесности для русского юношества». Исключительную

⁵⁸ Аксаков К. С. Обзорение современной Литературы // Русская беседа. 1857. Кн. 5. № 1. Отд. 4. С. 14.

⁵⁹ Аксаков К. С. О древнем быте у славян вообще и у русских в особенности (по поводу мнений о родовом быте) // Московский сборник. М., 1852. Т. 1. С. 52.

⁶⁰ В. Б. Взгляд на русскую литературу 1846 года // Современник. 1847. № 1. Отд. 3. С. 3.

⁶¹ Виноградов И. А. Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя (1809–1852). Т. 5. С. 512.

⁶² Ломоносов в истории русской литературы и русского языка: Рассуждение кандидата Московского университета Константина Аксакова. С. 385–386.

⁶³ См.: Виноградов И. А. Народная песня в творчестве Гоголя // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. Т. XVII. С. 703–704.

роль Ломоносова и Державина в развитии русской поэзии — и не только поэзии, но и русской жизни и государственности — Гоголь подчеркивал также в статьях «О лиризме наших поэтов» и «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» в «Выбранных местах из переписки с друзьями». Возражая радикальной критике, Гоголь писал: «Поэты наши [...] были не одними казначеями сокровищ наших, но отчасти даже и строителями нашими...» (VI: 191–192); «От множества гимнов и од царям поэзия наша, уже со времен Ломоносова и Державина, получила какое-то величественно-царственное выражение» (VI: 41); «Не говоря уже о Ломоносове и Державине, даже у Пушкина слышится этот строгий лиризм повсюду, где ни коснется он высоких предметов» (VI: 37–38).

Теперь выясняется, что для составления зимой 1841—1842 гг. сборника «Сочинения Ломоносова и Державина» из более чем пятидесяти их избранных стихотворений, у Гоголя был еще один, более близкий повод — сходные с мнениями Белинского высказывания о Ломоносове оппозиционного славянофила Аксакова. Явно подразумевая диссертацию последнего, отчасти даже соглашаясь с заключенной в ней критикой, Гоголь позднее, в статье «В чем же наконец существо русской поэзии...», замечал: «...Поэзия с первого стихотворения, появившегося в печати, приняла у нас торжествующее выражение, стремясь высказать в одно и то же время восхищенье от света, внесенного в Россию, изумленье от великого поприща, ей предстоящего, и благодарность царям, того виновникам. [...] Что такое Ломоносов, если рассмотреть его строго? [...] Случаем попал он в поэты: восторг от нашей новой победы заставил его набросать первую оду. Впопыхах занял он у соседей немцев размер и форму, какие у них на ту пору случились, не рассмотрев, приличны ли они русской речи. Нет и следов творчества в его риторически составленных одах, но восторг уже слышен в них повсюду... [...] Всякое прикосновение к любезной сердцу его России, на которую глядит он под углом ее сияющей будущности, исполняет его силы чудотворной. [...] Изумительней всего то, что, заключа стихотворную речь свою в узкие строфы немецкого ямба, он ничуть не стеснил языка: язык у него движется в узких строфах так же величественно и свободно, как полноводная река в нестесненных берегах» (VI: 157–158).

Имея в виду все перечисленные назидания Гоголя в адрес Константина Аксакова: и по поводу критики «Одиссеи» и «Домостроя», и по поводу нигилистического отношения к русской поэзии, начиная с Ломоносова, и на счет эпатирующего ношения кафтана и бороды, и против фарисейской «кичливости» и «хвастовства», с неразумной «прыткостью» и скороспелостью, и в опровержение неприязни приятеля

к «дому Романовых», и по поводу его «оппозиционного» противопоставления Москвы правительственному Петербургу, и для искоренения его пристрастия к немецкой схоластике, — подразумевая все эти гоголевские обличения, можно сделать вывод, что Константин Аксаков «с полным правом» мог заслужить от писателя в «Выбранных местах из переписки с друзьями» такое же пространное обличение в виде статьи, какое получил Погодин. Можно сказать, что статья «О том, что такое слово» хотя и адресована Погодину, но ее пафос вполне может быть отнесен и к Аксакову, который, на взгляд Гоголя, так же, как и Погодин, дискредитировал важные славянофильские начинания. Отчасти такая критика, по поводу «хвастовства» Аксакова «русскими доблестями», и была воплощена Гоголем в одном из «Четырех писем к разным лицам по поводу “Мертвых душ”». Аксакову как критику Ломоносова адресованы отчасти и две статьи о русской поэзии в «Переписке с друзьями». Не случайно одна из этих статей, «О лиризме наших поэтов», в 1848 г. вызвала, как уже говорилось, резкие возражения Аксакова — в связи с его спором с Гоголем о «доме Романовых».

Перечисленные обличения Гоголем Константина Аксакова вполне характеризуют последнего как одного из близких, но (увы!) «близоруких» приятелей писателя. Очевидно, что, «близоруки», хотя и в разной степени, по оценке Гоголя, и западники, и славянофилы. По этой причине в статье «Споры» Гоголь указывает на равно пагубные для государственного управления крайности и западничества, и славянофильства: «...Два противоположные мнения, находясь в таком еще незрелом и неопределенном виде, переходят уже в головы многих должностных людей. [...] ...Подчиненным чиновникам приходит беда: они не знают, кого слушаться. [...] ...Плуту оказалась теперь возможность [...] производить [...] плутни в качестве как поборника старины, так и поборника новизны» (VI: 52).

Сходным образом в статье «Близорукому приятелю» Гоголь советует своему корреспонденту — к какой бы партии он ни принадлежал, «староверов» или «нововеров», — держать при себе свои незрелые взгляды, не допуская их влияния на служебную деятельность. Пусть правды «больше на стороне славянистов», но скороспелость выводов, преждевременность начинаний, зараженность западным влиянием — все эти черты нарождающегося славянофильства могут, по Гоголю, навредить государственному делу, общенациональным преобразованиям, не меньше, чем западничество.

Таким образом, по сходству обличений Гоголя в адрес западников и славянофилов статья «Близорукому приятелю» с равным успехом может быть обращена не только к западникам, но и к славянофилам,

а именно к той их части, которая еще не вполне освободилась от влияния чужеземного воспитания и западных мнений. Вследствие обилия элементов западничества в формирующемся славянофильстве гоголевская статья, независимо от того, кем является ее конкретный адресат, адресована одновременно и «европистам», и «восточникам». Из последних «близорукими приятелями» могли быть для Гоголя и К.С. Аксаков, и Ю.Ф. Самарин, и даже сам Погодин — в том неприглядном, «профанирующем» славянофильстве виде, в каком он представлен в статье «О том, что такое слово».

Но в то же время вполне очевидно и то, что адресованная друзьям критика раздается не «слева» — не с чуждой — по самой своей сути неприемлемой для писателя — западнической позиции, а напротив, «справа» и «сверху», т. е. с еще более высокой, духовной точки зрения, с платформы еще более консервативных, «еще более славянофильских» взглядов. Из самого крайне заинтересованного, ангажированного участия Гоголя в судьбе славянофильского учения, из его резкой критики в адрес друзей явствует, что писатель был последовательным апологетом славянофильства. Именно поэтому в статье «Споры», подчеркивая преимущества этого учения перед западничеством, Гоголь без снисхождения критикует представителей обоих течений. Конечно, западники, по оценке писателя, только еще начинают сознавать свои заблуждения. Куда дальше вперед от них ушли «восточники». Но и те, будучи на пути к истине, достаточным потенциалом для выполнения задачи общенационального строительства еще не обладают. Хотя и в меньшей мере, они тоже не дозрели для того, чтобы быть достойными проводниками «русского духа по русской земле» (XIII: 388). Процесс только в самом начале: «...Мы начинаем просыпаться, но еще не вполне проснулись...» (VI: 51). Западники от истины дальше, но мировоззрение «славянистов» тоже не способно еще «внести в самые огрубелые души святыню» народной жизни — «вызвать нам [...] нашу русскую Россию: не ту, которую показывают нам грубо какие-нибудь квасные патриоты, и не ту, которую вызывают к нам из-за моря очужеземившиеся русские» (VI: 196).

Мнение об «изолированности» Гоголя от полемики славянофилов и западников и представление о будто бы промежуточном, «межеумочном» положении писателя в этом противостоянии — являются, очевидно, несостоятельными. Роль Гоголя в современных ему движениях была исключительной. Можно с полным правом утверждать, что, будучи твердым славянофилом-государственником, он находился не между двумя партиями — «между стульями» славянофильства и западничества, но «выше» и того, и другого направления, т. е. по целому ряду вопросов превосходил не только далеких от него «европейцев», но и гораздо

более близких ему «восточников» — которые тоже не «дотягивали» до масштабности и объективности гоголевского видения, связанного с особым, образным мышлением, присущим Гоголю как мыслителю и художнику. «Быть поэтом», — замечал, в частности, Гоголь в 1845 г. в письме к Н.М. Языкову, — значит, в отличие от полемиста, бросать «целые беспредельные пространства мыслей» (XIII: 86).

Уместно в этой связи напомнить проницательные слова Ф.М. Достоевского о А.С. Пушкине из письма к Н.Н. Страхову от 23 апреля (5 мая) 1871 г.: «Так свистун Пушкин вдруг, раньше всех Киреевских и Хомяковых, создает летописца в Чудовом монастыре, то есть раньше всех славянофилов высказывает всю их сущность и, мало того, — высказывает это несравненно глубже, чем все они до сих пор»⁶⁴. Эти слова вполне применимы и к создателю «Тараса Бульбы».

Литература

Аксаков И.С. Письма к родным. 1844–1849 / Изд. подгот. Т.Ф. Пирожкова. М.: Наука, 1988. 704 с.

Аксаков К.С. Голос из Москвы (1848). Западная Европа и народность. [1849] / Подгот. текстов и примечания В.А. Кошелева // Литература и история. Исторический процесс в творческом сознании русских писателей XVIII—XX вв. Вып. 1. СПб., 1992. С. 297–305.

Виноградов И.А. Александр Иванов в письмах, документах, воспоминаниях. М.: ИД «XXI век — Согласие», 2001. 776 с.

Виноградов И.А. Блаженны миротворцы. От повести о двух Иванах к замыслу «Мертвых душ» // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2017. № 3. С. 7–18.

Виноградов И.А. Блаженны миротворцы. От повести о двух Иванах к замыслу «Мертвых душ» (продолжение) // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2017. № 4. С. 51–67.

Виноградов И.А. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств: В 3 т. Т. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2012. 1032 с.

Виноградов И.А. Гоголь и западное славянофильство: К постановке проблемы // Studia Litterarum. 2017. № 4. С. 182–207.

Виноградов И.А. Гоголь о поэзии и схоластике (К авторскому определению жанра «Мертвых душ») // Творчество Н.В. Гоголя и европейская культура: Пятнадцатые Гоголевские чтения / Под общ. ред. В.П. Викуловой. М.; Новосибирск: Новосиб. изд. дом, 2016. С. 226–233.

⁶⁴ *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 29. Кн. 1. Л., 1986. С. 207.

Виноградов И.А. «История государства Российского» в творческом наследии Гоголя // А.П. Сумароков и Н.М. Карамзин в литературном процессе России XVIII — первой трети XIX в. М.: ИМЛИ РАН, 2016. С. 141–183.

Виноградов И.А. Комментарий // Гоголь Н.В. Тарас Бульба: Автографы, прижизненные издания. Историко-литературный и текстологический комментарий / Изд. подгот. И.А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 387–656.

Виноградов И.А. Космополит или патриот? Концепция патриотизма в спорах с Гоголем и о Гоголе // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск, 2017. Т. 15. № 3. С. 35–69.

Виноградов И.А. Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852): В 7 т. Т. 2: 1829–1836. М.: ИМЛИ РАН, 2017. 672 с.

Виноградов И.А. Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852): В 7 т. Т. 5: 1845–1847. М.: ИМЛИ РАН, 2018. 928 с.

Виноградов И.А. Литературная проповедь Н.В. Гоголя: pro et contra // Проблемы исторической поэтики. 2018. Т. 16. № 2. С. 49–124.

Виноградов И.А. «На поприще полемическом»: Гоголь — журналист и публицист // Очерки истории русской публицистики. М.: ИМЛИ РАН (принято в печать).

Виноградов И.А. Неизвестная полемика Н.В. Гоголя о наследии М.Ю. Лермонтова // Светская и духовная словесность в России XVIII–XIX веков / Ред. М.И. Щербакова. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 5–18.

Виноградов И.А. «Огорченные люди» в творчестве Н.В. Гоголя // Проблемы исторической поэтики. 2018. Т. 16. № 4. С. 29–114.

Виноградов И.А. Отеческое попечение: Император Николай I в судьбе Гоголя // *Studia Litterarum*. 2016. Т. 1. № 1–2. С. 269–277.

Виноградов И.А. Поэма «Мертвые души»: проблемы истолкования // Гоголевский вестник. Вып. 1. М.: Наука, 2007. С. 99–220.

Виноградов И.А. Славянофильство русское, польское и украинское: Н.В. Гоголь, А. Мицкевич и О.М. Бодянский // Гоголь и славянский мир: Шестнадцатые Гоголевские чтения / Под общ. ред. В.П. Викуловой. М.; Новосибирск: Новосибирский издательский дом, 2017. С. 69–77.

Виноградов И.А. «Спасен я был Государем». Неизвестное письмо Н.В. Гоголя к императору Николаю Павловичу и его отношение к монархии // Литература в школе. 1998. № 7. С. 5–22.

Виноградов И.А. Спор К.С. Аксакова и В.Г. Белинского: Культурно-исторические аспекты полемики о жанре «Мертвых душ» // Гоголезнавчі студії. Гоголеведческие студии. Ніжин, 2012. Вып. 2 (19). С. 17–75.

Гиллельсон М.И. П.А. Вяземский. Жизнь и творчество. Л.: Наука, 1969. 393 с.

Гиллельсон М. Неизвестные публицистические выступления П.А. Вяземского и И.В. Киреевского // Русская литература. 1966. № 4. С. 120–134.

Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 17 т., 15 кн. Т. V, VI, VII, XI, XII, XIII, XIV, XV, XVII / Сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010. 680, 744, 816, 488, 704, 592, 608, 624, 936 с.

Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публ. и коммент. Л. Ланского // Литературное наследство. Т. 58: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 533–772.

Кошелев В.А. К.С. Аксаков и западные революции. Публицистические статьи 1848 г. // Литература и история. Исторический процесс в творческом сознании русских писателей XVIII—XX вв. [Вып. 1]. СПб., 1992. С. 306–312.

Кошелев В.А. Алексей Степанович Хомяков, жизнеописание в документах, в рассуждениях и разысканиях. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 512 с.

Симонова И.А. Федор Чижов. М.: Молодая гвардия, 2002. 335 с.

Хроника жизни и творчества А.С. Пушкина: В 3 т. 1826–1837. Т. 3. Кн. 1: 1835 — сентябрь 1836 / Сост. Г.И. Долдобанов, И.С. Сидоров. М.: ИМЛИ РАН, 2016. 872 с.

References

Aksakov I.S. *Pis'ma k rodnym. 1844–1849* [Letters to relatives. 1844–1849], ed. by T.F. Pirozhkova. Moscow, Nauka Publ., 1988. 704 p. (In Russ.)

Aksakov K.S. *Golos iz Moskvy (1848). Zapadnaia Evropa i narodnost'. 1849* [Voice from Moscow (1848). Western Europe and national ethos. 1849], ed. and notes by V.A. Koshelev. *Literatura i istoriia. (Istoricheskii protsess v tvorcheskoi soznanii russkikh pisatelei XVIII–XX vekov). Вып. 1* [Literature and history. (The historical process in the creative consciousness of Russian writers in the 18–20th centuries). Issue 1]. St. Petersburg, 1992, pp. 297–305. (In Russ.)

Gillel'son M. Neizvestnye publitsisticheskie vystupleniia P.A. Viazemskogo i I.V. Kireevskogo [Unknown publicistic articles by P.A. Vyazemsky and I.V. Kireevsky]. *Russkaia literatura*, 1966, no. 4, pp. 120–134. (In Russ.)

Gillel'son M.I. *P.A. Viazemskii. Zhizn' i tvorchestvo* [P.A. Vyazemsky. Life and work]. Leningrad, Nauka Publ., 1969. 393 p. (In Russ.)

Gogol' N.V. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 17 t. (15 kn.)* T. V, VI, VII, XI, XII, XIII, XIV, XV, XVII [Complete works and letters in 17 vols. (15 books)]. Vol. 5, 6, 7, 11, 12, 13, 14, 15, 17], comp., ed. and comment. by I.A. Vinogradov, V.A. Voropaev. Moscow, Kiev, Moscow Patriarchy Publ., 2009–2010. 680, 744, 816, 488, 704, 592, 608, 624, 936 p. (In Russ.)

Gogol' v neizdannoi perepiske sovremennikov (1833–1853) [Gogol in unpublished correspondence of his contemporaries (1833–1853)], publ. and comment. by L. Lansky. *Literaturnoe nasledstvo. T. 58: Pushkin. Lermontov. Gogol'* [Literary heritage. Vol. 58: Pushkin. Lermontov. Gogol]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1952, pp. 533–772. (In Russ.)

Khronika zhizni i tvorchestva A.S. Pushkina: V 3 t. 1826–1837. T. 3. Kn. 1: 1835 — sentiabr' 1836 [Chronicle of A.S. Pushkin's life and work: In 3 vols. 1826–1837. Vol. 3, book 1: 1835 — September 1836], comp. by G.I. Doldobanov, I.S. Sidorov. Moscow, Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2016. 872 p. (In Russ.)

Koshelev V.A. *Aleksei Stepanovich Khomiakov, zhizneopisanie v dokumentakh, v rassuzhdeniiakh i razyskaniakh* [Alexey Stepanovich Khomyakov, his biography based on documents, reasoning and research]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2000. 512 p. (In Russ.)

Koshelev V.A. K.S. Aksakov i zapadnye revoliucii. Publicisticheskie stat'i 1848 g. [K.S. Aksakov and Western revolutions. Publicistic articles of 1848]. *Literatura i istoriia (Istoricheskii process v tvorcheskome soznanii russkikh pisatelei XVIII—XX vv.)*. Вып. 1 [Literature and history. (The historical process in the creative consciousness of Russian writers in the 18–20th centuries). Iss. 1]. St. Petersburg, 1992, pp. 306–312. (In Russ.)

Simonova I.A. *Fedor Chizhov*. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2002. 335 p. (In Russ.)

Vinogradov I.A. *Aleksandr Ivanov v pis'makh, dokumentakh, vospominaniakh* [Alexander Ivanov in letters, documents, memoirs]. Moscow, XXI vek — Soglasie Publ., 2001. 776 p. (In Russ.)

Vinogradov I.A. *Blazhenny mirotvortsy. Ot povesti o dvukh Ivanakh k zamyslu "Mertvykh dush"* [Blessed are the peacemakers. From the tale of two Ivans to the concept of "Dead Souls"]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 9: Philology*, 2017, no. 3, pp. 7–18. (In Russ.)

Vinogradov I.A. *Blazhenny mirotvortsy. Ot Povesti o dvukh Ivanakh k zamyslu "Mertvykh dush" (prodolzhenie)* [Blessed are the peacemakers. From the Tale of two Ivans to the concept of "Dead Souls" (continuation)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 9: Philology*, 2017, no. 4, pp. 51–67. (In Russ.)

Vinogradov I.A. Gogol' i zapadnoe slavianofil'stvo: K postanovke problemy [Gogol and the Western Slavophilia in critical perspective]. *Studia Litterarum*, 2017, no. 4, pp. 182–207. (In Russ.)

Vinogradov I.A. Gogol' o poezii i skholastike (*K avtorskomu opredeleniiu zhanra "Mertvykh dush"*) [Gogol on poetry and scholasticism (On the author's definition of the "Dead Souls" genre)]. *Tvorchestvo N.V. Gogolia i evropeiskaia kul'tura. Piatnadsatye Gogolevskie chteniia* [N.V. Gogol's works and European culture. Fifteenth Gogol proceedings], ed. by V.P. Vikulova. Moscow, Novosibirsk, Novosibirskii izdatel'skii dom Publ., 2016, pp. 226–233. (In Russ.)

Vinogradov I.A. *Gogol' v vospominaniakh, dnevnikakh, perepiske sovremennikov. Polnyi sistematicheskii svod dokumental'nykh svidetel'stv: V 3 t. T. 2* [Gogol in contemporaries' memoirs, diaries and correspondence. Full systematic set of documentary evidence. In 3 vols. Vol. 2]. Moscow, Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2013. 1032 p. (In Russ.)

Vinogradov I.A. "Istoriia gosudarstva Rossiiskogo" v tvorcheskome nasledii Gogolia ["The history of the Russian state" in Gogol's creative heritage]. *A.P. Sumarokov i N.M. Karamzin v literaturnom protsesse Rossii XVIII — pervoi treti XIX v.* [A.P. Sumarokov and N.M. Karamzin in the Russian literary process of the 18th — first third of the 19th century]. Moscow, Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2016, pp. 141–183.

Vinogradov I.A. Kommentarii [Comment]. Gogol' N.V. *Taras Bul'ba: Avtografy, prizhiznennye izdaniia. Istoriko-literaturnyi i tekstologicheskii kommentarii* [Taras Bulba: Manuscripts, lifetime editions. Historical, literary and textual commentary], ed. by I.A. Vinogradov. Moscow, Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2009, pp. 387–656. (In Russ.)

Vinogradov I.A. Kosmopolit ili patriot? Kontseptsiiia patriotizma v sporakh s Gogolem i o Gogole [Cosmopolitan or patriot? The concept of patriotism in disputes with Gogol and on Gogol]. *Problemy istoricheskoi poietiki*, Petrozavodsk, 2017, vol. 15, no. 3, pp. 35–69. (In Russ.)

Vinogradov I.A. *Letopis' zhizni i tvorchestva N.V. Gogolia (1809–1852): V 7 t. T. 2: 1829–1836* [Chronicle of N.V. Gogol's life and work (1809–1852). In 7 vols. Vol. 2: 1829–1836]. Moscow, Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2017. 672 p. (In Russ.)

Vinogradov I.A. *Letopis' zhizni i tvorchestva N.V. Gogolia (1809–1852): V 7 t. T. 5: 1845–1847* [Chronicle of N.V. Gogol's life and work (1809–1852). In 7 vols. Vol. 5: 1845–1847]. Moscow, Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2018. 928 p. (In Russ.)

Vinogradov I.A. Literaturnaia propoved' N.V. Gogolia: pro et contra [N.V. Gogol's literary sermon: pro et contra]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, 2018, vol. 16, no. 2, pp. 49–124. (In Russ.)

Vinogradov I.A. “Na poprishche polemicheskoi”: Gogol' — zhurnalist i publitsist [“In the field of polemic”: Gogol as a journalist and publicist]. *Ocherki istorii russkoi publitsistiki* [Essays on the history of Russian journalism]. Moscow, Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ. (in print). (In Russ.)

Vinogradov I.A. Neizvestnaia polemika N.V. Gogolia o nasledii M.Iu. Lermontova [N.V. Gogol's unknown polemic on M.Yu. Lermontov's heritage]. *Svetskaiia i dukhovnaia slovesnost' v Rossii XVIII–XIX vekov* [Secular and spiritual literature in Russia of the 18–19th centuries], ed. by M.I. Scherbakova. Moscow: Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2018, pp. 5–18. (In Russ.)

Vinogradov I.A. “Ogorchennye liudi” v tvorchestve N.V. Gogolia [“Distressed people” in N.V. Gogol's works]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, 2018, vol. 16, no. 4, pp. 29–114. (In Russ.)

Vinogradov I.A. Otecheskoe popechenie: Imperator Nikolai I v sud'be Gogolia [Paternal care: Emperor Nicolas I in Gogol's fate]. *Studia Litterarum*, 2016, vol. 1, no. 1–2, pp. 269–277. (In Russ.)

Vinogradov I.A. Poema “Mertvye dushi”: problemy istolkovaniia [The epic poem “Dead Souls”: problems of interpretation]. *Gogolevskii vestnik. Vyp. 1* [Gogol herald. Iss. 1]. Moscow, Nauka Publ., 2007, pp. 99–220. (In Russ.)

Vinogradov I.A. Slavianofil'stvo russkoe, pol'skoe i ukrainskoe: N.V. Gogol', A. Mitskevich i O.M. Bodianskii [Russian, Polish and Ukrainian Slavophilism: N.V. Gogol, A. Mickiewicz and O.M. Bodyansky]. *Gogol' i slavianskii mir: Shestnadcatye Gogolevskie chteniia* [Gogol and the Slavic world. Sixteenth Gogol proceedings], ed. by V.P. Vikulova. Moscow, Novosibirsk, Novosibirskii izdatel'skii dom Publ., 2017, pp. 69–77. (In Russ.)

Vinogradov I.A. “Spasen ia byl Gosudarem”. Neizvestnoe pis'mo N.V. Gogolia k Imperatoru Nikolaiu Pavlovichu i ego otnoshenie k monarkhii [“I was saved by the Sovereign”. N.V. Gogol's unknown letter to the Emperor Nikolay Pavlovich and his attitude to the monarchy]. *Literatura v shkole*, 1998, no. 7, pp. 5–22. (In Russ.)

Vinogradov I.A. Spor K.S. Aksakova i V.G. Belinskogo: Kul'turno-istoricheskie aspekty polemiki o zhanre “Mertvykh dush” [The dispute of K.S. Aksakov and V.G. Belinsky: Cultural and historical aspects of the polemic on the “Dead Souls” genre]. *Gogoleznavchii studii. Gogolevedcheskie studii*. Nezhin, 2012, iss. 2 (19), pp. 17–75. (In Russ.)

The phenomenon of Westernism in Slavophilism: Gogol's view

© 2019, Igor Vinogradov

Abstract: The article determines Gogol's place in the confrontation of Slavophiles and Westernizers. An extensive historical and literary material is drawn to characterize the Slavophil and Western movements of Russian thought, and individual features of their similarities and differences are analyzed. The main attention is paid to Gogol's attitude to both ideologies. The views of the leading representatives of Slavophilism, friends of the writer — Sergey Aksakov, his sons Konstantin and Ivan, I.V. Kireevsky, A.S. Khomyakov, M.P. Pogodin, S.P. Shevyrev and others — are considered. The “points of contact” of the views of the Slavophiles with those of their Westernist opponents V. Belinsky, A. Herzen and others are revealed. In the 19th century, which developed mainly under the sign of Decembrism, not only Westernizers, but also Slavophiles were imbued with radical transforming ideas. It is established that Gogol's principal feature as a thinker and artist is that according to his views he was not “between” the opposing currents — “between the chairs” of Westernism and Slavophilism (as is commonly thought) — but “above” these and other movements, being the follower of more traditional and conservative, more “right” religious and political convictions, compared not only with Westernizers, but also with his fellow Slavophiles. Not sharing the views of Westernizers who were far from him in terms of the worldview, Gogol was also critical of certain representatives of the Slavophil party to which he himself belonged. Objecting to the oppositional moods of his friends, Gogol, following N.M. Karamzin and S.S. Uvarov, put at the center of the Slavophilism the interests of Russia as a unique state of the only Slavic people, who retained its independence and originality in history. This gives grounds to characterize Gogol in the context of social movements of his era as a staunch Slavophile “statesman”.

Keywords: Gogol, biography, creativity, public ideology, Westernism, Slavophilism, interpretation, hermeneutics, a spiritual heritage

Information about the author: Igor Vinogradov, Doctor Hab. of Philology, Senior Research Fellow, Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: info@imli.ru

Citation: Vinogradov Igor. The phenomenon of Westernism in Slavophilism: Gogol's view. *Literary fact*, 2019, no. 2 (12), pp. 189–224. DOI 10.22455/2541-8297-2019-12-189-224

СТАТЬИ. ЗАМЕТКИ. СООБЩЕНИЯ

DOI 10.22455/2541-8297-2019-12-225-233

УДК 821.161.1

Композиция и изобразительные мотивы древнерусского пергаменного сборника конца XIV — начала XVI вв.

© 2019, А.С. Демин

Аннотация: Древнерусские рукописные сборники тоже могут являться литературными памятниками и пополнять историю литературы Древней Руси. В предлагаемой статье с литературоведческой точки зрения анализируется один из таких древних сборников, прежде всего — его композиция. Высказывается догадка о жизненном оптимизме анонимного составителя сборника после ожиданий конца света в 1492 г. (7000 г. по древнерусскому летоисчислению). В приложении публикуется еще не издававшееся анонимное поучение против пьянства с описанием отвратного поведения пьяниц.

Ключевые слова: древнерусская литература, сборники, композиция, изобразительность.

Информация об авторе: Анатолий Сергеевич Демин, д.ф.н., главный научный сотрудник, ИМЛИ РАН, Москва, Россия.

E-mail: anatolydemin@gmail.com

Цитирование: Демин А.С. Композиция и изобразительные мотивы древнерусского пергаменного сборника конца XIV — начала XVI вв. // Литературный факт. 2019. № 2 (12). С. 225–233. DOI 10.22455/2541-8297-2019-12-225-233

Продолжая рассмотрение древнерусских рукописных сборников как литературных источников¹, обратимся к пергаменному сборнику из собрания Свято-Троицкой Сергиевой лавры («Книга глаголемая Сборникъ»; НИОР РГБ, Троицк., Главн. собр., № 39, в лист, 242 л.). Он был описан иеромонахом Арсением² и содержит преимущественно поучения и жития. Его полный анализ сейчас не входит в нашу задачу. С литературной же точки зрения этот древний сборник интересен, в частности, множеством изобразительных описаний (правда, мелких) примерно в половине его статей, сгруппированных по темам.

Начнем с определения структуры сборника. По нашим предварительным наблюдениям, сборник, вернее, сборная рукопись, писан несколькими почерками и состоит из трех частей. Первая часть — л. 1–55, посвящена чтениям по неделям перед и после Великого поста и обрывается на полуслове самого начала «Почтения» Иоанна Златоуста. Вторая часть — самая большая, но уже по месяцам года, л. 55 об.–192 об., другим почерком, начинается с «Чуда Иоанна Богослова о Кунопе-волхве» и тоже обрывается на начале высказывания Тимена. Третья часть — л. 193–238 об., иным (третьим?) почерком, начинается без заглавия выписками из «Палеи» и тоже обрывается на начале высказывания пророка Илии. Конец сборника, л. 239–242 об., составляет писанное еще одним (четвертым?) почерком «Послание о рае» Василия Калики.

Иеромонах Арсений датировал сборник концом XIV в. Г.А. Лончакова прибавку списка «Послания о рае» отнесла к концу XV — первой половине XVI в.³ Таким образом, сборник окончательно сформировался в начале — первой половине XVI в.

Части сборника различаются не только по структуре, но и по преобладающему содержанию статей и изобразительных мотивов. В первой части выделяются статьи о человеческих и космических катастрофах. Во второй части большинство составляют статьи о мучениках и пустынноиках. Третья часть — более, скажем так, «бытовая» и «географическая».

Масштабно изобразительна первая («постная») часть сборника. Чаще всего в этой части нагнетаются потрясающие картины конца мира: «тогда огненная река съ яростью потечеть [...] камене пожигаючи, и источници и моря иссякнутъ от огня того, и въздухъ потрясется, и звезды съ небесе спадуть, солнце и луна въ кровь преложится»;

¹ См: Демин А.С. О жанровом составе рукописного сборника, принадлежавшего боярину М.П. Головину // Литературный факт. 2018. № 8. С. 160–175.

² Арсений. Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры. М., 1878. Ч. 1. С. 46–49.

³ Лончакова Г.А. Легенда о земном рае // Библиосфера. Новосибирск, 2011. № 1. С. 20.

«небеса жгома будуть, и стухия горяща растають»⁴. И соответственно описывается трагическая гибель человечества: «кости ваша будуть [...] во дровь место»; «не узрите стадь пасушихъ на горах, ни ратаи вашъ не воспоетъ на ниве, ни воль не понесеть на шии ярма»; «аки прахъ ветром, тако расею вы»; «въсплachtetся земля, аки девица красна» [л. 44–44 об., 45 об.–46, 47, 48. «Слово» пророка Исаии о последних днях].

Перед всеобщей катастрофой ужас охватит людей: «глас трубы от небеси, *страшно* возопиющее, услышимъ»; «яко громъ великъ будеть тогда, и кличь великъ, и гласъ *страшень*»; «вельми бо есть *страшно*», «*страшно* есть» [л. 8, 9, 11, 17 об. «Слово» Ефрема о втором пришествии]; и т. д. Последуют всяческие наказания: «песья мухи [...] начнуть [...] терзати зеньки младенцемъ вашимъ» [л. 46. «Слово» пророка Исаии о последних днях]; «готовъ преклонною шиєю хотящимъ его заклати» [л. 4 об. «Слово» Иоанна Златоуста о блудном сыне]; грешников «от судища изгонити начнуть, аки скоть [...] бьюще» [л. 15 об. «Слово» Ефрема о втором пришествии]; и пр.

Во второй («помесячной» или «житийной») части сборника, как и следовало ожидать, больше изобразительных деталей телесной бедности и мученичества отшельников и подвижников: «власы [...] тело покровено, яко же зверь страшень; бьяше бо одежею нагъ и листовиємъ быльяномъ въ чресла свои препоясанъ [...] пристрашень бывъ» [л. 139. Житие пустытника Ануфрия]; «повели камениемъ бити я в лице»; «дрекколиемъ пребивати голени ихъ» [л. 104 об., 109. Память о 40 мучениках]; «кровь же течааше на землю ис телесъ ихъ [...] главы же ихъ възнизашау на копища и поставляяху предъ враты града, враны же [...] паряху надъ стенами града» [л. 112. О семи ефесских отроках].

Наконец, третья («приземленная») часть сборника полна картинами «географическими» и жизненно-обыденными. Изображается великое земное пространство: «възиди на гору високу, воззри на [...] поля, и како тия узрятъ пасомая стада — не аки ли мравиеве и мшица суще? [...] Корабли, плавающие по морю, не хужьми ли всякого голуби мняться зраку твоему?» [л. 198. «Стихи» из Палеи]. Добавленное позже «Послание о рае» Василия Калики вполне соответствует третьей части сборника.

Люди благочестивые в третьей части кротко плачут: «слезами моими посылтею мою омочю»; «убрусецъ ж онъ, на очию его лежащъ, полнь слезъ сущъ» [л. 224, 236 об. Анастасия-мниха о шестом псалме]. Больные отвратительно болеют: «на гнои лежаща [...] и всю плотъ его червьми изьядающа» [л. 238 об. «Слово» о злых женах]; приходится

⁴ Рукописный сборник РГБ, Троицк., Главн. собр., № 39. Лл. 8–8 об., 17 об. «Слово» Ефрема о втором пришествии. Далее ссылки на листы сборника приводятся в скобках в тексте статьи.

«порты отирати гноя на собе, чрепомъ гребаше прыщье» [л. 235 об. «Слово» Кирилла Киприйского о злых духах]. А грешники безумствуют: даже «кроткый убо пьяница, аки болванъ, аки мерьтвецъ, валяется [...] и, домочився, смердить [...] нальввся, аки мехъ, до горла [...] не могши главы своя възвести, смрадом отрыгаа» [л. 231. «Слово» о пьянстве].

Трехчастную композицию сборника (Страшный суд — праведники — земля и грешники) можно объяснить тем, что составитель начала XVI в. собрал сборник из разных рукописей, точнее, из трех разных «блоков» статей. Предполагаемый смысл такой композиции у составителя: раз конца света пока не наступило, то жизнь продолжается. Поэтому оптимистичны первая и последняя статьи сборника: вступительная статья — о человеческом милосердии и доброте, а заключительная — о сохранении рая на земле.

Поэтому и какое-то тяготение к яркому предметно-изобразительному изложению проявилось у составителя сборника, отчего при отборе памятников возникли изобразительные переключки между частями сборника. Так, противоестественные, мучительные состояния и болезни людей изображались не только во второй и третьей частях сборника, но и в первой его части: например, персонаж «стоя въ великия мrazy, дондеже нозе его примерзасъта къ камени»; «оному же [...] вступль ногама босыма, ста на пламени» [л. 53 об., 54. «Слово» о Исакии-мнисе, иже в Кееве прелщену от бесовъ». Из «Повести временных лет»]. Возмутительное поведение грешников описывалось тоже не только в третьей части сборника, но и в первой: «горе пьющимъ съ гусльми, и сопелями, и с плясаниемъ» [л. 14 об. «Слово» Ефрема о втором пришествии]. Горе и слезы людей присутствовали опять же не только в третьей части, но и в первой: «прослезився и в персьи бия» [л. 15. «Слово» Ефрема о втором пришествии]; «руками биующися по персомъ» [л. 3. «Слово» Иоанна Златоуста о блудном сыне]. Бедность персонажей изображена не только во второй части, но и в первой: «азъ хожу въ овчинахъ и в козияхъ кожах, лишень, озлоблень» [л. 6. «Слово» Иоанна Златоуста о блудном сыне]. Кроме того, предметы, взятые из рая, упоминаются во второй части сборника, а потом в конце сборника: «от раа возьмъ [...] *ветвие* и иже листвие красное [...] *плоды* различны собе възша» [л. 180 об. Из Скитского патерика]. Ср.: «в раю былъ и три *яблока* възмя»; «принесе *ветвь* из раа» [л. 240, 243 об. Послание Василия Калики о рае].

Созданию некоторого единства трехчастного сборника, возможно, помогли традиционная изобразительность и традиционные предметные детали самих древних поучений и житий.

К сожалению, композиционных аналогий данному сборнику пока найти не удалось.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Поучение о пьянстве

Поучений против пьянства в древнерусских сборниках довольно много, но переводных. Русские — редки. У приводимого ниже анонимного поучения, которое иеромонах Арсений определил как русское, заголовков отсутствует. Список поучения в данном пергаменном сборнике по почерку можно датировать началом XV в. Скорее всего, поучение компилятивно, на что указывает сходство с предшествующим ему в сборнике тоже анонимным «Словом святыхъ отецъ о посте великомъ»,

Рукописный сборник РГБ, Троицк., Главн. собр., № 39. Л. xx

которое встречается в сборниках уже второй половины — конца XIV в.⁵ Кроме того, компилятивность подтверждается тем, что большой отрывок текста этого поучения о пьянстве от слов «поганых норовы держа и любя» [л. 230] и до слов «любит же подобныя себе» [л. 231 об.] кочевал уже по некоторым «Измарагдам» конца XV — начала XVI в., а кроме того находился в составе «Слова Иоанна Златоустаго о невестающих на

⁵ Например, в «Измарагде» РГБ, Рум., № 186 и в «Златой цепи» РГБ, Троицк., № 11.

утреню»⁶. Возможно, этот отрывок в поучении о пьянстве и был заимствован из приписываемого Иоанну Златоусту «Слова о невестающих на утреню»: ведь в пергаменном поучении о пьянстве вдруг однажды неожиданно упоминается заутреня: «Вижь, колико лиха дееси, пропиная заутреню» [л. 231]⁷. Отрывок же о «синих очах» пьяницы тоже был перенесен из «Слова о пьянстве» Антиоха. В результате поучение получилось довольно неуклюжим.

Древнерусский текст данного поучения о пьянстве не издавался. Деление текста на абзацы сделано по киноварным инициалам в рукописи.

(л. 229) Брате, не весте ли, яко пьянство Богу ненавидимо есть? Самъ Богъ рече своимъ апостоломъ: «Пьяници царства Божия не на (229 об.) следять, но уготована имъ мука с татми, съ прелюбодеи и съ разбоинику».

Иже бы не пити отинудь — того не възбраняет велми. Святеи бо отце не възбраниша намъ того пития ни ясти въ законъ и в подобно время, но отрекли обядения и пьянства. Не ядь бо, ни пья дияволь, но спаде съ небесь долу. А Павель-апостоль, ядь и пья, възыде на небеса. Еже бо не пити отинудь досажение есть бывши твари, от Бога сътворении.

Питье бо умнымъ есть на веселие, а несмысленымъ еже чясто упиватися въ пьянство — неизбытныи грехъ. Не рече бо Писание: «Не пити», но: «Да не упиваются, въ пьянство да не пьют».

Симъ подобает пити, еже может пьянство скрыти въ утробе и злая словеса въ устехъ удержати.

Иже бы безумны, упився, не блудиль, то могли быша сему и мервтивии подивитися.

О много пиющих бо речено есть сице: «Кому горе — пья (л. 230) ници; кому мятежь и молва, кому скаредия и мерзост, кому сини очи и носъ; кому горе и съкрушение вѣтще — не пребывающим ли въ вине, въ пьянстве, назирающих, где пирове бывають?»

Пьяница бо подобень есть свинии. Свинья бо аще где не внидеть, то рылом притѣкнеть. Тако и пьяница: аще где не внидет в пирь, то умомъ постоить. О, люте, брате, как уму въспримемъ, въ льготе живуще и лентящая къ церкви, пропинаяще вечернюю, и заутреню, и часъ молитве! Что творяши, человече, бесчинно и скаредно живыи, поганых норовы держа и любя! Техъ бо то есть веселие упиватися, а не християнином. А християнином когда отобедати, тогда и отпити. А ты седиши весь день,

⁶ См.: *Архангельский А. С.* Творения отцов церкви в древнерусской письменности. Казань, 1890. Т. 4. С. 41–42.

⁷ Ср. также сборник РГБ, Троицк., № 762, XV в., л. 152 и сл.

погубль си питьем, ни орудеи вмогии ка тому сътворити ни телесных, ни душевных, но все продая и на питье и душею, и теломъ.

Дивно бо есть поистине в чась брашна (л. 230 об.) наястися, а весь день погубити, пьюще.

То мню, яко бесловеснии скоте и зверие, ни Бога ведуше, ни орудеи имуще, ни Суду чяюще, от дель праздни. Но [н]и те смеють ми ся, аще и не глаголють, то, помышляю, глаголють: «Мы [не] несмыслении скоте, когда отобедаемъ, тогда и отпиемъ». А сию человеце несытии, егда ину утробу имуть брашну, а ину питию; покоя не имуть, пьюще, и льют, аки въ утель съсудъ, дондеже възбесуют от пьянства.

Две бо еста различьи пьянству. Единъ убо еже се мнози хвалять, ркуще: «То есть не пьяница, иже, упився, ляжетъ спати. Но то есть пьяница, иже, упився, толчетъ, биеться, ярится, лается.

Но аз же покушаюся указати о сихъ, яко кроткый, упився, съгрешаетъ, аще и спати ляжетъ. Не удоумею, к чему приложити пьянаго: скотину ли его нареку, но и того скотее; зверь ли его прозову, но и того (л. 231) зверья неразумнее.

Кроткый убо пьяница, аки болванъ, аки мерьтвецъ, валяется; многжды бо осквернився и домочився, смерьдитъ. Егде убо кроткый пьяница въ святый праздникъ лежить, [то] не могыи двигнутися, аки мертвъ, раслабивъ свое тело, мокръ, нальався, аки мехъ до горла.

Богобоязливый же, наслаждающимъ сердца въ церквах пения и чьстения, аки на небесе, мнятся стояще. А пьяница не могы и главы своая възвети, смрадомъ отрыгаа от многаго питья.

Чимъ есть разно поганых? Да умолкнете глаголющеи: «Аще упьюся, но не съворю греха лиха». Вижь, колико лиха дееши, пропивая заутреннюю и чась молитвы.

А кроткый убо пьяница, възлюбивъ пространство zde, а тамо съ богатымъ онемъ въ огне горети начнетъ, капля водная прося устудити языкъ, и не обрящеть, аще и смерть застанет в томъ.

Деряживый (*дерзкий*) же пьяница не токмо себе врежает, но и инехъ. А говеющимъ бого (л. 231 об.) любцемъ поносить и укаряет. Аще ли есть властель, то вся хочет повинуты своєї пагубе, бояся укора; ненавидит говейныхъ, любит же подобныя себе, иже и въведуть въ огонь, потакви творяще и блазьянщещи лестви.

Се перваго закона обычаи имеете празднующаго, новаго же благодатнаго: а не мно[го] трапезнаго, ни пивнаго, ни игръ съставимъ, яко же невернии. Наипаче убогыя накоръмляите, одеваите. Избавляите обидимыя. Беднымъ помагаите. Миръ и любовь межи собою держите. А брашною трапезою несть моления къ Богу. Богъ бо рече: «Не ямь мясь тельчих, ни крови козлиа пию. Пожри Богови жерьтву хвале

и въздажь вышьнему обеты твоя. Призови мя въ день печали твоя — избавлю тя. И прославиши мя». Жерътва Богу — душа съкрушена и сердце смирено. Богъ не уничижить, и паки близь есть Господь съкрушенных сердцемъ.

Спасаетъ ж единою сею жерътвою приемлющих чистою съвѣстною тело и кровь Христову. А бра (л. 232) шнаа трапеза и питвеная несть мольба.

Пиюще же въ упои, не подобаетъ призывать святых на помощь пьянствомъ, но трезвым умомъ призывать святыхъ на помощь молитвеную, о гресех Богу молящеся. А от пьянаго никоея же молббы (!) приемлетъ Богъ. Духъ святый пьянаго ненавидитъ, и бежит его аггель-хранитель. Яко и поганяя Богъ набдитъ, а пьяницъ ненавидитъ.

А убогыя ж Бога деля не до упоя напаяте, да мзды си не погубите. Рече Богъ: «Милости хошу, а не жерътвы». Се не упиватися велит, но многыя трапезы и многыя пьянства оставим жидомъ и еллином. Техъ бо есть се дело, а не християнско. Те ибо радуются праздникомъ церковнымъ, а не духовнымъ, бесовьстеи угоднице и поборьници им.

А намъ речено християномъ ясти и пити въ славу Божию и в подобно время. А не рыгати парюю объядъственою, смрадомъ пьянымъ. Паки же да питаемъ брашны святых книгъ, а в питья место — святых отецъ учения и сказаня. Се праздникъ (л. 232 об.) Богу, се святымъ радость, се душамъ спасение, се телу здравие, се ангилу-хранителю неотходное блюдение, се прогнание бесом.

Прияхомъ бо обычаи и научени есмы чрево работными учителя, им же богъ чрева и слава, потаковницы и лихоимцы. Сами преступающее святыя заповеди добытка деля погибелнаго и самовластнаго души на пагубу и на муку вечную.

А идеже есть съблюдение заповедемъ, ту душамъ спас[ние], и телесемъ съблюдение, грехомъ отдание. Богу нашему слава и (*конец фразы не дописан, что характерно для концовок статей данного сборника*).

Литература

Арсений. Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры. Ч. 1. М.: Тип. Т. Рис, 1878. 352 с.

Архангельский А.С. Творения отцов церкви в древнерусской письменности. Т. 4. Казань: Тип. имп. Казанского ун-та, 1890. 228 с.

Демин А.С. О жанровом составе рукописного сборника, принадлежавшего боярину М.П. Головину // Литературный факт. 2018. № 8. С. 160–175.

Лончакова Г.А. Легенда о земном рае // Библиосфера. Новосибирск, 2011. № 1. С. 19–26.

References

Arkhangel'skii A.S. *Tvoreniia otsov tserkvi v drevnerusskoi pis'mennosti. T. 4* [Church fathers' works in the Old Russian literature. Vol. 4]. Kazan, Kazan University Publ., 1890. 228 p. (In Russ.)

Arsenii. *Opisanie slavianskikh rukopisei biblioteki Sviato-Troitskoi Sergievoi lavry. Ch. 1* [Description of the Slavic manuscripts in the Trinity Lavra of St. Sergius library. Part 1]. Moscow, T. Ris Publ., 1878. 352 p. (In Russ.)

Demin A.S. O zhanrovom sostave rukopisnogo sbornika, prinadlezhashego boiarinu M.P. Golovinu [On the genre composition of a manuscript collection from M.P. Golovin's library]. *Literaturnyi fakt*, 2018, no. 8, pp. 160–175. (In Russ.)

Lonchakova G. A. Legenda o zemnom rae [The legend of earthly paradise]. *Bibliosfera*, Novosibirsk, 2011, no. 1, pp. 19–26. (In Russ.)

Composition and figurative motives of an Old Russian parchment collection of the late 14th — early 16th centuries

© 2019, Anatoly Demin

Abstract: Old Russian manuscript collections can also be literary monuments and enrich the history of literature of Kievan Rus'. In the present article, one of these ancient collections, and first of all its composition, is analyzed from literary point of view. A speculation about optimism of the anonymous compiler after the expectations of the end of the world in 1492 (7000, according to Old Russian chronology) is given. The appendix presents an unpublished anonymous premonition against drunkenness with a description of disgusting behavior of drunks.

Keywords: Old Russian literature, literary collections, composition, figurativeness

Information about the author: Anatoly Demin, Doctor Hab., chief research associate, RAS Institute of World Literature, Moscow, Russia. E-mail: anatolydemin@gmail.com

Citation: Demin A.S. Composition and figurative motifs of an Old Russian parchment collection of the late 14th early 16th centuries. *Literary fact*, 2019, no. 2 (12), pp. 225–233. DOI 10.22455/2541-8297-2019-12-225-233

DOI 10.22455/2541-8297-2019-12-234-244
УДК 821.161.1

«Несчастный любовник венчаемой девицы»: знакомый А.С. Пушкина Василий Васильевич Давыдов

© 2019, А.В. Курочкин

Аннотация: Статья посвящена поклоннику Натальи Николаевны Гончаровой-Пушкиной, которого поэт неоднократно упоминал в письмах к ней, называя лишь по фамилии — Давыдов. Его полное имя ранее не было известно исследователям. Автор статьи устанавливает личность пушкинского знакомого и приводит сведения о нем.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, Н.Н. Гончарова-Пушкина, письма, комментарий, В.В. Давыдов.

Информация об авторе: Александр Валентинович Курочкин, Всероссийский музей А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: alkurochkin@mail.ru

Цитирование: *Курочкин А.В.* «Несчастный любовник венчаемой девицы»: знакомый А.С. Пушкина Василий Васильевич Давыдов // Литературный факт. 2019. № 2 (12). С. 234–244. DOI 10.22455/2541-8297-2019-12-234-244

18 ноября 1830 г. Пушкин писал невесте из оцепленного карантинными болдинского имения: “Adieu, мой ангел, portez-vous bien, ne vous mariez pas à Mr Davidof, et pardonnez-moi ma mauvaise humeur”¹.

Комментируя это письмо, Б.Л. Модзалевский отмечал: «Какого Давыдова имеет в виду Пушкин, неизвестно. [...] Несомненно одно, — что это был какой-нибудь молодой богатый москвич, не из семьи Давыдовых, родственников Раевским или поэту-партизану Денису Давыдову»².

¹ *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. 14. [Л.], 1941. С. 125; перевод: «Прощайте, [мой ангел,] будьте здоровы, не выходите замуж за г-на Давыдова и извините мое скверное настроение» (Там же. С. 419).

² *Модзалевский Б.Л.* Примечания // Пушкин А.С. Письма: В 3 т. / Под ред. и с примеч. Б.Л. и Л.Б. Модзалевских. М.; Л., 1928. Т. 2: Письма 1826–1830. С. 481.

22 октября 1830 г. Н.М. Языков в письме к старшему брату Александру сообщал: «Свадьба Пушкина не состоялась: его Мадона выходит за князя Давыдова»³. Очевидно, что Давыдов был богат и разоренные Гончаровы считали его более подходящим женихом для Натали.

Впервые оставив молодую жену одну в Петербурге, Пушкин дает ей подробный отчет о своем пребывании в Москве. В письме от 16 декабря 1831 г. он упоминает о встрече с ее поклонником: «Жизнь моя однообразная, выезжаю редко. Зван был всюду, но был у одной Солдан, да у Вяземской, у которой увидел я твоего Давыдова — не женатого (утешься)»⁴.

Осенью 1832 г. Пушкин снова приезжает в Москву. В его письмах к Наталье Николаевне вновь возникает имя Давыдова. О нем поэт сообщает в письме от 25 сентября 1832 г.: «Твой Давыдов, говорят, женится на дурнушке. Вчера рассказали мне анекдот, который тебе сообщаю. В 1831 году, февр.[аля] 18 была свадьба на Никитской в приходе вознесения. Во время церемонии двое молодых людей разговаривали между собою. Один из них нежно утешал другого, несчастного любовника венчаемой девицы. А несчастный любовник, с воздыханием и слезами, надеялся со временем забыть безумную страсть etc. etc. etc. Княжны Вяз.[емские] слышали весь разговор и думают, что несчастный любовник был Давыдов. А я так думаю, Петушков или Буянов или паче Сорохтин. Ты как? не правда ли, интересный анекдот?»⁵ Пушкин вспомнил гостей Лариных из «Евгения Онегина» и еще одного поклонника Натали Николаевны — студента Сорохтина.

Намереваясь побывать в Московском университете на лекции профессора Ивана Ивановича Давыдова, Пушкин в письме к жене от 27 сентября не забывает сказать о ее воздыхателе: «Сегодня еду слушать Давыдова, не твоего супиранта, а профессора; но я ни до каких Давыдовых, кроме Дениса, не охотник — а в Московском университете я оглашенный»⁶.

Кто же такой Давыдов, о котором так часто упоминает Пушкин в письмах к Наталье Николаевне? А.А. Карпов в комментарии к языковскому письму высказал предположение, что под князем Давыдовым подразумевается князь Сергей Иванович Давыдов (1790–1878), витебский вице-губернатор, впоследствии вице-президент Академии наук⁷.

³ Языков Н.М. Письма к родным / Публ. и коммент. А.А. Карпова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. Л., 1978. С. 170.

⁴ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 249.

⁵ Там же. Т. 15. С. 31.

⁶ Там же. С. 32.

⁷ Языков Н.М. Письма к родным. С. 170.

В.П. Старк полагал, что Пушкин имел в виду графа Владимира Петровича Орлова-Давыдова (1809–1882)⁸.

С предложенными версиями трудно согласиться по ряду причин. В своих письмах Пушкин обычно старался указывать титул упоминаемой им персоны, и наверняка назвал бы Давыдова князем или графом, если он являлся таковым. Однако в болдинском письме к невесте поэт совершенно определенно указал: «Mr Davidof» — господин Давыдов. Упомянув о поклоннике Натальи Николаевны, Пушкин ставит рядом имена княгини и княжон Вяземских. Представляется очевидным, что Давыдов входил в их окружение, поэтому Языков мог и его назвать князем. Поэт встретил Давыдова именно в доме Вяземских, где молодого человека могли принимать на правах близкого знакомого. Княгине Вере Федоровне и ее дочерям, без сомнения, был хорошо знаком поклонник Натальи Николаевны, на роль которого едва ли подходил сорокалетний князь С.И. Давыдов. О тесных контактах С.И. Давыдова и В.П. Орлова-Давыдова с семейством Вяземских сведений не имеется. Из письма поэта следует, что поклонник жены был связан с Московским университетом, поэтому Пушкин поясняет, что едет слушать не его, а профессора Давыдова. В.П. Орлов-Давыдов юные годы провел за границей, получив прекрасное образование в европейских университетах. В июне 1832 г. он сочетался браком с миловидной княжной Ольгой Ивановной Барятинской (1814–1876), тогда как лишь в сентябре Пушкин сообщает Наталье Николаевне новость, по всей видимости, исходящую от Вяземских, что ее «супирант» только собирается жениться.

Указанные обстоятельства нельзя оставить без внимания. Они дают возможность с уверенностью назвать полное имя человека, о котором поэт упоминает в письмах к Наталье Николаевне. Им был Василий Васильевич Давыдов (1809–1858). Он женился на княжне Софье Андреевне Оболенской (1810–1871), дочери попечителя Московского учебного округа, князя Андрея Петровича Оболенского (1769–1852) от его второго брака (с 1804) с княжной Софьей Павловной Гагариной (1785–1860) и, таким образом, стал зятем двоюродной сестры Веры Федоровны Вяземской, урожденной Гагариной. Сестры князя Оболенского были женами генералов — героев Отечественной войны 1812 года: Мария Петровна — Д.С. Дохтурова, а Варвара Петровна — князя А.Ф. Щербатова. Теща Давыдова, Софья Павловна Гагарина-Оболенская, была дочерью князя Павла Сергеевича Гагарина (1747–1789) и племянницей Федора Сергеевича Гагарина (1757–1794), отца Веры Федоровны и тестя князя П.А. Вяземского.

⁸ Старк В.П. Жизнь с поэтом. Наталья Николаевна Пушкина: В 2 т. СПб., 2006. Т. 1. С. 417.

Среди светских знакомых А.С. и Н.Н. Пушкиных мы находим младшую сестру княжны Софьи Андреевны Оболенской-Давыдовой, Наталью Андреевну (1812–1901), о которой поэт упоминает в письме к жене от 20–22 апреля 1834 г.: «Кочубей сделан канцлером; множество милостей; шесть фрейлин, между прочими твоя приятельница Натали Оболенская, а наша Машенька Вяземская (княжна Мария Петровна Вяземская (1813–1849). — А.К.) всё нет. Жаль и досадно»⁹. Знал Пушкин и брата Софьи Андреевны, юного князя Василия Андреевича Оболенского (1818–1883), вместе с которым присутствовал на именинах князя П.А. Вяземского и его сына Павла 29 июня 1833 г.¹⁰

Василий Васильевич Давыдов принадлежал к старинному дворянскому роду. Его дед, Федор Андреевич Давыдов (1759–1837), был личностью примечательной. Сделав успешную военную карьеру, он сумел нажить большое состояние, хотя первоначально в усадьбе Гремятицы Боровичского уезда Новгородской губернии владел всего семью душами. Начав службу в 1780 г. в кронштадтских морских солдатских батальонах, Федор Давыдов дослужился до чина полковника Кавалергардского полка. Ему были пожалованы орден Св. Анны 2-й степени и имение Спасское при деревне Кулеватово в Моршанском уезде Тамбовской губернии с 1 000 душ. По выходе в отставку в 1797 г. Давыдов поселился в тамбовском имении, состоял уездным предводителем дворянства. Натура деятельная, «Ф.А. Давыдов энергично и умело занимался сельским хозяйством и привел пожалованное ему имение в блистательное состояние, увеличив его приобретением нескольких соседних земельных участков. Им были возведены каменная церковь, громадный каменный дом, с такими же многочисленными флигелями и службами, разбиты прекрасный парк и сады, и построены две мукомольные водяные мельницы»¹¹. Во время Отечественной войны 1812 г. дед Василия Васильевича возвращается на воинскую службу, участвует в Бородинском сражении. Федор Андреевич рано обзавелся семьей, женившись на дочери новгородского купца Дарье Дмитриевне Купиной. Его единственный сын Василий Федорович (1783–1812), лейтенант морской службы, также имел одного ребенка. Василий Васильевич Давыдов родился 13 декабря 1809 г.

После ранней смерти Василия Федоровича заботу о внуке взял на себя дед. Человек просвещенный, он собрал в усадьбе обширную

⁹ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 15. С. 130.

¹⁰ О присутствовавших на именинах гостей П.А. Вяземский сообщал в письме к жене от 30 июня: Литературное наследство. Т. 16–18: Александр Пушкин. М., 1934. С. 808.

¹¹ Панчулидзева С.А. Сборник биографий кавалергардов: В 4 т. СПб., 1904. Т. 2. С. 211.

библиотеку и стремился дать внуку хорошее образование¹². Василий Васильевич был творчески одаренной личностью. Его литературные способности в полной мере проявились во время обучения в Московском университетском пансионе и Московском университете. Молодой человек живо интересовался отечественной словесностью и литературными новинками. Фамилия «В. Давыдов» стоит под коллективной подпиской студентов на «Московский телеграф» и «Телескоп» на 1831 г.¹³ Студенты Московского университета выпускали и собственный рукописный журнал «Момус», в котором публиковались под вымышленными именами. Вполне вероятно, что Давыдов входил в их число. В помещенных в «Момусе» «Куплетах на 1831 год» мы встречаем следующие строки:

Что меж нами изменилось,
 Поглядим скорей, друзья:
 Сердце чье сильнее забилося,
 А чье сжалось стена?
 Любовь Фаева манила,
 Обещала вкусный плод,
 Но Лизета изменила...
 Фаев грустен в новый год¹⁴.

Кто скрывается за псевдонимом «Фаев» и почему влюбленный с грустью встречает Новый год? Завесу тайны приоткрывает вышедший в феврале 1831 г. третий номер «Момуса», в котором появилась «Элегия», сочиненная Фасевым:

Мне предпочла она другого!
 Другой прижмет ее к груди!..
 Былое, возвратися снова
 И сердцу счастье возврати!
 Нет! невозвратно... Боже! Боже!
 Не мне судьба ее хранит:
 Другой ей пояс в брачном ложе
 От груди полной отрешит;
 Она другого в час желанья
 Рукой лилейной обовьет

¹² Федор Андреевич оказывал поддержку и своему племяннику по сестре Ольге Андреевне — Иосифу Романовичу Грузинову (1812–1860), определив его в Московский университетский благородный пансион, где тот стал однокашником М.Ю. Лермонтова.

¹³ Щеголев П.Е. Свадьба Пушкина и московские студенты // Щеголев П.Е. Из жизни и творчества Пушкина. Изд. 3-е, испр. и доп. М.; Л., 1931. С. 302.

¹⁴ Там же. С. 305.

И с стоном, с пламенным лобзаньем
 Души любимцем назовет!..
 А я? Меня пожрет страданий пламень!..
 Быть может, раннею весной
 Гуляя с ним она отыщет камень –
 Друзья! могильный камень мой!..

Эраст Фаев.

2 генваря 1831.

Гранатный переулок¹⁵.

Следом за «Элегией» в «Момусе» размещен прозаический очерк — драматическая сценка «Два разговора об одном предмете», подписанная псевдонимом *Простодушный*:

Лето. Бульвар. Фарсин подбегает к Иксину.

Фарсин. Видел ли ты ее?

Иксин. Кого?

Фарсин. Профан! Ее: Надежду Изразцову?

Иксин. Видел. Что ж дальше?

Фарсин. Не правда ли, что она более, нежели божественна?

Иксин. Неправда. Она хороша, и только.

Фарсин. Вандал! Готтентот! Можно ли так относиться о лучшем произведении природы! О перле всего прекрасного, существующего на этой уродливой глыбе! Самый идеал красоты не может стоять выше Надежды. Ежели этот идеал чужд твоего воображения, обратись к творениям Тициана, которыми он стяжал себе бессмертие; смотри на них... Впрочем, они так далеки от совершенства: портреты кухарок, прачек... А моя Надежда? О! какое сравнение!

Иксин. Фарсин! Фарсин! Ты ли это? Что за энтузиазм! Растолкуй ради бога!

Фарсин. Ты просишь многого, но так и быть: я люблю Надежду, — и она меня любит.

Иксин. А! Теперь понимаю.

Семейство Изразцовых приближается; к ним подходит поэт Фузеин.

Иксин. Фузеин знаком с Изразцовыми?

Фарсин. Да, они его принимают. И есть за что: он вчера читал новую свою поэму — чудо! Все поэты от Музея и до Мицкевича включительно ничто перед Фузеиным.

¹⁵ Там же. С. 307.

Иксин. Ежели ты решил импровизировать панегирики всем и каждому, то не забудь о добром Увыхалкине, который так много страдал от тебя!

Фарсин. Теперь не до него: спешу к ней. Прощай. (*Уходя*). Ах, как она прекрасна!

Зима. Гулянье на набережной. Фарсин и Иксин.

Иксин. Вот и семейство Изразцовых. Фузеин рядом с Надеждой. Правда ли, что он на ней женится?

Фарсин (*протяжно*). Говорят... (*Со смехом*). Поддели молодца!..

Иксин. Как хочешь, думай обо мне, Фарсин, а я по-старому не нахожу ничего сверхъестественного в особе Надежды Петровны.

Фарсин. Признаюсь тебе, я сам то же думаю.

Иксин. Например, что за глаза, что за колорит?

Фарсин. О! что до глаз, так они просто косые; лицо же спорит с цветом светло-оранжевой шляпки ее возлюбленной сестрицы.

Иксин. Ну, а Фузеин-то — каков?

Фарсин. Сатир! Обезьяна!

Иксин. Зато любимец Феба.

Фарсин. Прочти-ка его новую трагедию, посвященную Изразцовым, — не то заговоришь. Это — нелепость невиданная, неслыханная! Планы трагедий Сумарокова гораздо сноснее, версификации Тредьяковского благозвучнее.

*Налетевшая пара бешеных лошадей помешала разговаривать*¹⁶.

В очерке под именем Надежды Петровны Изразцовой скрыта Наталья Николаевна Гончарова, в поэте Фузеине угадывается Пушкин. Гранатный переулок, место обитания влюбленного Эраста, расположен совсем рядом с Никитской улицей, где жили Гончаровы. Совершенно справедливым кажется высказанное Б.Л. Модзалевским предположение: «Принимая во внимание, что среди кружка лиц, близких к “Момусу”, был В. Давыдов и что сам Пушкин среди обожателей Натальи Николаевны называет некоего Давыдова [...], можно думать, что именно В. Давыдов имеется в виду и в “Элегии”, и в “Двух разговорах”, — в последнем под именем Фарсина»¹⁷. Стоит отметить, что помимо поэтических упражнений, у Давыдова было еще одно увлечение, о котором мы узнаем из объявления о журнале «Момус»: «К некоторым нумерам будут прилагаться

¹⁶ Там же. С. 308–309.

¹⁷ *Модзалевский Б.Л., Модзалевский Л.Б.* Примечания // Пушкин А.С. Письма. М.; Л., 1935. Т. 3: Письма 1831–1833. С. 159. Комментарий к данному эпизоду подготовил Б.Л. Модзалевский, опираясь на первую публикацию вышеуказанной статьи П.Е. Щеголева (см.: Исторический вестник. 1904. № 4. С. 207–222), в которой были приведены выдержки из «Момуса». Л.Б. Модзалевский оставил без изменения комментарий отца, добавив в него ссылку и на вторую публикацию щеголевской статьи (1931).

портреты, карикатуры, чертежи, очерки и снимки (facsimile) с почерков великих в своем муравейнике. Эту часть принял на себя известный рисовщик Э. Фаев»¹⁸.

В 1828 г. по окончании Благородного пансиона, продолжая обучение в университете, Василий Давыдов определился на службу в Правительствующий сенат. По службе ему оказывал покровительство дядя жены, князь Павел Павлович Гагарин (1789–1872), кузен В.Ф. Вяземской.

Семейная жизнь Давыдова сложилась удачно. Супруги Василий Васильевич и Софья Андреевна были счастливы в браке и имели семерых детей: Федора, Андрея, Елизавету, Екатерину, Владимира, Василия и Николая, известного юриста и близкого друга Л.Н. Толстого. Обосновавшись в Москве, семейство подолгу проживало и в Кулеватове¹⁹. Через Тамбовское имение Давыдовых 2 июля 1837 г. проезжал В.А. Жуковский, который знал Федора Андреевича²⁰.

В 1844 г., когда хозяином имения был уже Василий Васильевич, в Кулеватове гостил известный славянофил Иван Сергеевич Аксаков (1823–1886). В имение его привез Иродион Андреевич Оболенский (1820–1891) — младший брат С.А. Давыдовой. Аксаков поделился впечатлениями о встрече с Давыдовыми в письме к родным от 8 января 1844 г.: «Наконец, часу в 7-м вечера приехали мы в чудесное имение Давыдова, который принял нас с распростертыми объятиями. Отправившись в свою комнату и несколько пообчистившись там, сошел я в гостиную, где Софья Андреевна сейчас вошла ко мне навстречу и с первых слов поставила в свободную позицию. Какое прекраснейшее семейство! Давыдов (Василий Васильевич) человек лет 30, умный, образованный и притом совершенно русский человек, прост в обращении и вечно весел, радушен и гостеприимен донельзя. Он тот самый, с которым Вы играли, милый отесинька (С.Т. Аксаков. — *А.К.*), и просил поклониться Вам от него. Жена его женщина хоть не красивая собой, но премилая и предобрая, русская и москвичка, так же, как и он. Из разных разговоров заметил я, что оба не терпят Петербурга и очень любят нашу добрую Москву, как выражается m-me Давыдова. Она так любит брата (князя Иродиона. — *А.К.*), мужа и детей, такая славная хозяйка, такая бесцеремонная женщина, что понятно, почему Давыдов мог предпочесть ее прочим невестам. Вы знаете, что я нисколько не увлекаюсь и говорю это по долгом и здравом рассуждении. [...] Люди они богатые, в Кулеватове

¹⁸ Щеголев П.Е. Свадьба Пушкина и московские студенты. С. 302.

¹⁹ О поколениях Давыдовых — владельцев Кулеватова см.: Городнова Л.Е. Кулеватова. Об этой исчезнувшей старинной усадьбе и ее владельцах — помещиках Давыдовых // Московский журнал. История государства Российского. 2016. № 6 (306). С. 24–41.

²⁰ Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 14. М., 2004. С. 64.

до 1000 душ, леса и земли изобилие. Едят просто гастрономически. Вот так можно жить в деревне, как они живут, не отказывая себе ни в чем. Дом огромный и теплый, убран не роскошно, мебель старинная, но уж такой комфорт, что чудо. Вид чудесный, даже зимой. [...] В саду у них протекают две реки — Цна и Челновая! Вот роскошь-то! Теперь опишу вам, как у них проводят день. Чай пьют в 9. Потом остаются несколько времени, разговаривая и куря (здесь курьба непрерывная), играют на бильярде, на котором подвизался и я, чтобы изобличить свое невежество в этой игре; там каждый уходит и делает, что ему угодно. Часов в 12 завтрак, после которого гуляют, или читают, или каждый занимается своим делом. До обеда за час или меньше сходятся, играют в преферанс, разговаривают, обедают часа в 4. После обеда разговоры продолжают, играют на фортепьяно, поют, потом опять расходятся. Вечерний чай часу в 10-м. Впрочем, дети чай пьют раньше: видите, до какой степени я подробен! Кстати, о детях. Три по-русски одетые мальчика, добрые, веселые и нисколько не стесненные в своем развитии, играют и шумят целый день. За ними присматривает добрый, честный и глупый швейцарец. Есть еще маленькая девочка и еще что-то маленькое, которое С[офья] Анд[реевна] кормит сама, будучи необыкновенно нежною матерью, как я мог заметить. В удовлетворении прихотей себе Давыдовы не отказывают и живут поэтому совершенно как в городе, не стесняясь. Все окружные крестьяне хвалят очень Давыдова и именно за то, что он не оставляет отцовского имения»²¹. В числе множества подробностей о семейной жизни Василия Давыдова, из письма мы узнаем, что в младенчестве он знал С.Т. Аксакова, по-видимому, до его отъезда из Москвы во время Отечественной войны 1812 г.

Давыдов активно занимался общественной деятельностью. В чине коллежского асессора он находился на должности почетного смотрителя Моршанского уездного училища.

Скончался Василий Васильевич Давыдов 12 ноября 1858 г. и был похоронен в Москве на кладбище Донского монастыря. Софья Андреевна погребена рядом с мужем.

Таким образом, знакомый А.С. Пушкина, поклонник Натальи Николаевны, о котором поэт неоднократно упоминал в своих письмах — Давыдов, обретает наконец полное имя, что особенно актуально для уточнения сведений «Летописи жизни и творчества» поэта и подготовки комментария к переписке Пушкина в новом Полном академическом издании его сочинений.

²¹ Аксаков И.С. Письма к родным. 1844–1849 / Изд. подгот. Т.Ф. Пирожкова. М., 1988. С. 5–6 («Литературные памятники»).

Литература

Аксаков И.С. Письма к родным. 1844–1849 / Изд. подгот. Т. Ф. Пирожкова. М.: Наука, 1988. 704 с.

Городнова Л.Е. Кулеватово. Об этой исчезнувшей старинной усадьбе и ее владельцах — помещиках Давыдовых // Московский журнал. История государства Российского. 2016. № 6 (306). С. 24–41.

Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 14. М.: Языки русской культуры, 2004. 768 с.

Литературное наследство. Т. 16–18: Александр Пушкин. М.: Журнально-газетное объединение, 1934. 1184 с.

Старк В.П. Жизнь с поэтом. Наталья Николаевна Пушкина: В 2 т. Т. 1. СПб.: Вита Нова, 2006. 448 с.

Языков Н.М. Письма к родным / Публ. и коммент. А.А. Карпова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. Л.: Наука, 1978. С. 147–178.

References

Aksakov I.S. *Pis'ma k rodnym. 1844–1849* [Letters to relatives. 1844–1849], ed. by T.F. Pirozhkova. Moscow, Nauka Publ., 1988. 704 p. (In Russ.)

Gorodnova L.E. Kulevatovo. Ob etoi ischeznuvshei starinnoi usad'be i ee vladel'tsakh — pomeshchikakh Davydovykh [Kulevatovo. About the vanished ancient manor and its owners — landowners Davydovs]. *Moskovskii zhurnal. Istorii gosudarstva Rossiiskogo*, 2016, no. 6 (306), pp. 24–41. (In Russ.)

Iazykov N.M. *Pis'ma k rodnym* [Letters to relatives], publ. and comment. by A.A. Karpov. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1976 god* [Pushkin House Manuscript Department Annual for 1976]. Leningrad, Nauka Publ., 1978, pp. 147–178. (In Russ.)

Literaturnoe nasledstvo. T. 16–18: Aleksandr Pushkin [Literary heritage. Vol. 16–18: Alexander Pushkin]. Moscow, Zhurnal'no-gazetnoe ob'edinenie Publ., 1934. 1184 p. (In Russ.)

Stark V.P. *Zhizn' s poetom. Natal'ia Nikolaevna Pushkina: V 2 t. T. 1* [Life with the poet. Natalya Nikolaevna Pushkina: In 2 vols. Vol. 1]. St. Petersburg, Vita Nova Publ., 2006. 448 p. (In Russ.)

Zhukovskii V.A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 20 t. T. 14* [Complete works and letters: In 20 vols. Vol. 14]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2004. 768 p. (In Russ.)

**“The unhappy lover of the girl getting married”:
A.S. Pushkin’s acquaintance Vasily Vasilievich Davydov**

© 2019, Alexander Kurochkin

Abstract: The article is dedicated to the admirer of Natalya Nikolaevna Goncharova-Pushkina whom the poet repeatedly mentioned in his letters to her. Pushkin called him only by the last name — Davydov. His full name had not been known to scholars earlier. The author identifies the personality of Pushkin's acquaintance and provides the information about him.

Keywords: A.S. Pushkin, N.N. Goncharova-Pushkina, letters, commentary, V.V. Davydov.

Information about the author: Alexander Kurochkin, Pushkin National Museum, St. Petersburg, Russia.

E-mail: alkurochkin@mail.ru

Citation: Kurochkin Alexander. “The unhappy lover of the girl getting married”: A.S. Pushkin’s acquaintance Vasily Vasilievich Davydov. *Literary fact*, 2019, no. 2 (12), pp. 234–244. DOI 10.22455/2541-8297-2019-12-234-244

DOI 10.22455/2541-8297-2019-12-245-258
УДК 821.161.1

Из переписки В.Г. Бенедиктова с П.А. Вяземским. Неопубликованное стихотворение Бенедиктова «Обновы»*

© 2019, Н.Л. Васильев, Д.Н. Жаткин

Аннотация. Вводятся в научный оборот 6 писем В.Г. Бенедиктова к П.А. Вяземскому (с 1838 по 1861 г.), дополняющие представление о взаимоотношениях поэтов. В двух из них говорится о стихотворении Бенедиктова «Обновы», посвященном политической оттепели второй половины 1850-х гг., которое автор послал Вяземскому для редактирования. Вероятно, именно по идеологическим причинам это произведение не было напечатано при жизни Бенедиктова и впервые публикуется в настоящей статье с некоторыми комментариями.

Ключевые слова: В.Г. Бенедиктов, П.А. Вяземский, Александр II, письма.

Информация об авторах: Николай Леонидович Васильев, д. филол. н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, Саранск, Россия.

E-mail: nikolai_vasiliev@mail.ru;

Дмитрий Николаевич Жаткин, д. филол. н., профессор, Пензенский государственный технологический университет, Пенза, Россия.

E-mail: ivb40@yandex.ru

Цитирование: *Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н.* Из переписки В.Г. Бенедиктова с П.А. Вяземским. Неопубликованное стихотворение Бенедиктова «Обновы» // Литературный факт. 2019. № 2 (12). С. 245–258. DOI 10.22455/2541-8297-2019-12-245-258

Литературные фигуры П.А. Вяземского и В.Г. Бенедиктова, казалось бы, далеки друг от друга. Первый принадлежал к пушкинскому кругу поэтов, олицетворял «аристократическую» партию в русской словесности; творчество второго ассоциировалось с оппозицией к «школе гармонич-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-012-00168а «В.Г. Бенедиктов: неопубликованные и забытые произведения (библиография, текстология, поэтика)».

ческой точности», эстетическими вкусами «мещанской» писательской среды¹.

Вместе с тем известно, что Вяземский, как и многие его современники, восторженно приветствовал появление в печати произведений Бенедиктова, усматривая в них новые художественные веяния, что в некотором смысле воспринималось едва ли не как «предательство» Пушкина². На самом деле, Бенедиктов впитывал многие художественные черты, свойственные, в частности, поэтике Г. Державина, А. Мицкевича³, В. Гюго⁴ — с их стилистической независимостью, привлекавшей и самого Пушкина... Позже Вяземский воспринимал Бенедиктова если не в качестве единомышленника и статусно равного ему поэта, то, по крайней мере, как партнера в противостоянии с «искровцами», «шестидесятниками», революционно-демократической прессой, отчасти как наследника прежних литературных традиций. Отчетливо это проявилось на рубеже 1850–1860-х гг., в связи с празднованием 50-летия творческой деятельности Вяземского, вызвавшем негативную реакцию демократической прессы⁵.

Цель данной статьи — дополнить представления о «диалоге» Бенедиктова с Вяземским, ввести в научный оборот письма первого ко второму и политическое стихотворение Бенедиктова, отредактированное, по его просьбе Вяземским, но так и оставшееся, по каким-то причинам, неопубликованным.

Обширный эпистолярный и круг корреспондентов Вяземского изучен основательно⁶, тем не менее его письма к Бенедиктову неизвестны. Однако, например, в переписке с А.И. Тургеневым поэт не раз упоминает о молодом авторе, громко заявившем о себе в середине 1830-х гг.⁷: «Я еду

¹ См.: Гинзбург Л.Я. Пушкин и Бенедиктов // Гинзбург Л.Я. О старом и новом. Л., 1982. С. 133–134.

² Там же. С. 109, 138–139, 145.

³ См., напр.: Гинзбург Л.Я. Примечания // Бенедиктов В.Г. Стихотворения. Л., 1939. С. 327; Она же. Пушкин и Бенедиктов. С. 136; Илюшин А.А. Бенедиктов — переводчик Мицкевича // Польско-русские литературные связи. М., 1970. С. 235–241.

⁴ См.: [Драшусова Е.А.] Жизнь прожить не поле перейти. Записки неизвестной [Главы I–VII] // Русский вестник. 1881. Т. 155. № 9. С. 143.

⁵ См.: Гиллельсон М.И. П.А. Вяземский: Жизнь и творчество. Л., 1969. С. 344–345; Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Стихи В.Г. Бенедиктова на юбилей князя П.А. Вяземского. Текст и комментарий // Литературный факт. 2018. № 8. С. 196–212.

⁶ См., напр.: Снытко Н.В. Литературные корреспонденты П.А. Вяземского (По документам Остафьевского архива) // Встречи с прошлым. Вып. 3. М., 1986. С. 287–322.

⁷ Ср.: «Знали, что он писал стихи, но он никому их не показывал; наконец мы упростили его прочесть и были в восторге. Мой муж, как и я, страстно любил поэзию и был увлечен стихами Бенедиктова; он носился с ними, как с неожиданно найденным сокровищем, прочитал их многим литераторам, которым они также чрезвычайно понравились, и все радовались появлению в русской литературе нового поэта с таким выдающимся дарованием. Несмотря на огромный успех, который

к Жуковскому, который принимает меньшую литературскую братью по субботам. У нас проявился новый поэт, Бенедиктов⁸. Не знаю, успею ли отправить его к тебе⁹. Замечательное, живое, свежее, самобытное явление»; «Графине Шуваловой-Зубовой¹⁰ передай мой сердечный поклон. Что ее здоровье? Прочти ей от меня несколько стихотворений Бенедиктова» (30 ноября 1835 г.)¹¹; «Твои письма так и попадают в субботы Жуковского. Вчера начал я читать у него твое последнее от 2/14-го января при Бенедиктове, и в первых строках похвала ему, которою он был очень доволен. Радуюсь, что он понравился и графине Шуваловой; недаром полюбил я ее за ее поэтическое чувство, которое не охладело и не увяло на петербургском холоде. У меня нет теперь под глазами Бенедиктова, и потому не могу ни признать, ни отвергнуть эпитафию, выбранный ею для моего сердца» (19 января 1836 г.)¹². В письме от 8 февраля 1836 г. Вяземский цитирует стихотворение Е.П. Ростопчиной «Последний цвет» и интригуяще вопрошает: «Каковы стихи? Ты думаешь Бенедиктова? Могла [пьеса] бы быть Жуковского, Пушкина, Боратынского; уж верно не отказались бы они от них. Нет, сударь! И неужели сердце твое не забилось радостью Петровского и Чистых прудов, и не узнал ты голоса некогда Додо Сушковой, а ныне графини Ростопчиной? [...] Какое глубокое чувство, какая простота и сила в выражении и, между тем, сколько женского! Они напечатаны в последнем “Наблюдателе”»¹³.

Одновременно Вяземский сообщает о феномене Бенедиктова и другим корреспондентам, в частности 1 декабря 1835 г. А.О. Смирновой: “Voici deux lettres pour vous que j’ai eu le tems de demander hier à la soirée de Joukowski, qui a pri les Samedis, et Pletnew pour son épouse légitime et maitresse de maison à cette occasion. Vous aurez du plaisir à fair la connaissance de Bénédiktow. C’est une source vive et rafraichissante qui viente

имели в гостиных стихотворения Бенедиктова, он не решался печатать их, тем более что находился тогда в довольно стесненных обстоятельствах и не имел на это средств. Мой муж взялся напечатать на свой счет»; «Толик его стихотворений скоро был раскуплен, и они имели необыкновенный успех. О них везде говорили, их клали на музыку, учили наизусть» ([Драшусова Е.А.] Жизнь прожить не поле перейти. С. 141–142).

⁸ Ср.: «Все желали познакомиться с новым поэтом. Жуковский, который жил тогда в Зимнем Дворце и принимал по субботам, написал мужу премилую записку, прося его привезти непременно Бенедиктова», «Жуковский, Пушкин и Крылов высоко ставили поэтический дар Бенедиктова...» (Там же. С. 143).

⁹ Имеются в виду списки стихотворений Бенедиктова.

¹⁰ Т.И. Валентинович (1801–1873), польско-литовская красавица, в первом замужестве — Зубова (за князем П.А. Зубовым), во втором — Шувалова (за А.П. Шуваловым).

¹¹ Остафьевский архив князей Вяземских / Изд. С.Д. Шереметева; под ред. и с примеч. В.И. Сaitова. СПб., 1899. Т. 3. С. 280.

¹² Там же. С. 284.

¹³ Там же. С. 293.

de jaillir au moment où l'on s'y attendait le moins dans le desert de notre literature"; в переводе публикатора: «Прилагаются к вам два письма, которые я успел спросить вчера на вечере у Жуковского. У него Субботы, и по этому случаю он взял себе в законную супругу и домоправительницу Плетнева. Вам было бы приятно познакомиться с Бенедиктовым. Это живой и освежительный источник, пробившийся в пустыне нашей словесности, в такое время, когда можно было наименее ожидать того»¹⁴. 29 октября 1837 г. он обращается к С.П. Шевыреву, прося познакомить Бенедиктова с московскими авторами: «Перед вами Бенедиктов, живая грамота и живая рекомендация. Сведите его с Баратынским, Хомяковым, Павловым»¹⁵.

10 декабря 1836 г. Бенедиктов был в гостях у Вяземского, о чем сообщает в дневнике А.И. Тургенев: «Встретил Абр[ама] Норова, обедал в трактире, гулял с Бенедиктовым... Был в театре, в ложе Пушк[иных] (у коих был накануне) и веч[ером] у Вяземских с Бенедиктовым»¹⁶. 15 декабря 1836 г. А.И. Тургенев отмечает: «...вечер у Пушкиных до полуночи. Дал "Песнь о полку Игореве" для брата с надписью. О стихах его, Р[остопчиной] и Б[енедиктова]. Портрет его в подражании Державину: "весь я не умру"...»¹⁷

Итак, мы видим, что интерес к поэзии Бенедиктова даже в ближайшем пушкинском окружении был немалым, хотя сам классик и не вполне разделял восторженные оценки лирики младшего современника¹⁸.

В контексте этого интересны немногие письма Бенедиктова к Вяземскому, с которым он нередко общался при разных обстоятельствах в последующее время. Все они публикуются впервые: два из них относятся к 1838 г., одно к 1857 г., два к 1858 г. и одно — к 1861, т.е. охватывают с перерывом более 20 лет.

¹⁴ Письма князя Вяземского, из Петербурга в чужие края, к А.О. Смирновой / Публ. П. Б[артенева] // Русский архив. 1888. № 7. С. 293–294.

¹⁵ Письма князя П.А. Вяземского к С.П. Шевыреву // Русский архив. 1885. № 6. С. 305. Под впечатлением от увиденного в первопрестольной Бенедиктов написал стихотворение «Москва» (1838).

¹⁶ Щеголев П.Е. Дуэль и смерть Пушкина. Исследование и материалы. М., 1987. С. 236; ср.: А.С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. 3-е изд. СПб., 1998. Т. 2. С. 196.

¹⁷ Щеголев П.Е. Дуэль и смерть Пушкина. С. 236; ср.: А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 196.

¹⁸ См. также: Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. 2-е изд. Л., 1988. С. 35.

1

Милостивый государь князь Петр Андреевич!

Спешу доставить Вам стихи, написанные мною на праздник 2^е февраля¹⁹. От всего сердца прошу Вас, если найдете нужным что-либо изменить, наложить на них Вашу поэтическую руку; если ж признаете их не стоящими или неуместными при случае, для которого они писаны, — предать их, по принадлежности, потреблению. Уверенный, что на этот торжественный день будет много прекрасного, я почту себя счастливым, разделяя безмолвно чувства, которыми все будут исполнены.

С величайшим уважением и полною преданностью пребываю Вашего Сиятельства всепокорнейшим слугою,

В. Бенедиктов. 31 января 1838²⁰.

2

Имею честь доставить Вашему Сиятельству объявление о подписке для Крыловской стипендии²¹, подписанное графом Егором Францеви-

¹⁹ Стихотворение «На пятидесятилетний юбилей Крылова», опубликованное, в частности, в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду» (12 февр. 1838 г.) под названием «Пир 2 февраля 1838» — с небольшой правкой Вяземского в наборной рукописи (ОР РНБ. Ф. 539 (В.Ф. Одоевский). Ед. хр. 1482). См. также: *Бенедиктов В.Г.* Стихотворения / Сост., подгот. текста и коммент. Б.В. Мельгунова. Л., 1983. С. 156, 731–732 (коммент.). О подготовке и деталях этого мероприятия см., напр.: [*Драиусова Е.А.*] Жизнь прожить не поле перейти. [Главы VIII–XI] // *Русский вестник*. 1881. № 10. С. 723–729. Особенно любопытно в этом контексте сообщение В.А. Солоницына в письме к Е.П. Майковой: «Стихи Вяземского петы были Петровым и произвели общий восторг. Их заставили повторить, чего они и стоят. Стихи Бенедиктова читал министр внутренних дел Блудов, и — говорят — прекрасно» (*Бенедиктов В.Г.* Указ. соч. С. 732, примеч.). См. также: *Гродецкая А.Г.* Чувствительные и холодный (В.А. Солоницын и семья Майковых) // *Лица*. Биограф. альманах. [Вып.] 8. СПб., 2001. С. 5–49. Бенедиктов посвятил Майковой два послания: «Евгении Петровне Майковой» (1837), «Евгении Петровне Майковой» (1840?).

²⁰ РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1439. Л. 1.

²¹ В очерке «Жизнь и сочинения Ивана Андреевича Крылова» (1847) П.А. Плетнев цитирует объявление в «Коммерческой газете» после юбилея писателя: «Его Императорскому Величеству благоугодно было, в воспоминание совершившегося пятидесятилетия литературного поприща И.А. Крылова, изъять высочайшее соизволение не только на выбитие на счет казны медали с его портретом, но и на открытие подписки для учреждения стипендии под названием: *Крыловской*, чтобы проценты с собранной суммы были употребляемы на взнос в одно из учебных заведений для воспитания в нем, смотря по сумме, одного или нескольких молодых людей. Сообразно с сею высочайшею волею министр финансов [Е.Ф. Канкрин] приглашает желающих почтить знаменитого нашего баснописца, приняв участие в деле, которое с подвигом благотворительности связует одно из любезнейших для всякого Русского имен». См.: *Плетнев П.А.* Сочинения и переписка: [В 3 т.] / Издал Я. Грот. СПб., 1885. Т. 2. С. 103.

чем²². Граф приказал уведомить при сем, что он желает еще по этому делу с Вами объясниться, но не назначил времени и просит когда-нибудь на этих днях к нему пожаловать.

В. Бенедиктов. 10 марта 1838²³.

3

Глубоко согрела мою душу драгоценнейшая записка Ваша, Сиятельнейший князь, по случаю стихов моих, напечатанных в «Сыне отечества» под заглавием «Он»²⁴. Получение этой записки доставило мне один из тех светлых моментов, каких в жизни каждого человека немного, и моя обязанность — от всей души благодарить Вас за доставление мне такой отрадной, золотой минуты. С давнего уже времени я привык сердечно уважать Вас, как человека и поэта, и мне сладостно сохранить это чувство до конца, как нечто святое. На этом-то чувстве и основана та радость, которую принесли мне несколько обращенных ко мне благодушных слов Ваших.

Поспешаю доставить Вам пиэсу мою в полном ее виде. При печатании пропущен, без сомнения — от недосмотра, — стих, следующий после слова *на изготовке*: «Те перьями скрипят и пишут по диктовке». Со стороны цензуры тут преграды быть не могло. Корректурного листа ко мне не приносили, и потому этот недостаток, к сожалению, проскользнул. Вы, как поэт, его заметили, а другие, вероятно, и не заметят.

Повторяя искреннюю задушевную мою признательность за благоклонное Ваше внимание к стихам моим и их автору, имею честь быть Вашего Сиятельства покорнейшим и преданнейшим слугою.

В. Бенедиктов. 3 сентября 1857²⁵.

²² Е.Ф. Канкрин (1774–1845), министр финансов. Бенедиктов являлся его секретарем, написав позже проникновенное по лиризму стихотворение о покойном шефе — «Он», на которое обратил внимание Вяземский (см. ниже). Интересно, что Канкрин был сторонником выкупа государством крестьян и земли у помещиков с последующим использованием крестьянской общины для развития сельского хозяйства и создания на этой основе крупных коллективных хозяйств, т.е. в известном смысле идеологически способствовал подготовке будущего освобождения крепостных крестьян, положительные стороны чего приветствуются Бенедиктовым в стихотворении «Обновы» (см. далее).

²³ РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1439. Л. 2.

²⁴ Сын отечества. 1857. № 35. 31 авг. С. 845; *Бенедиктов В.Г.* Стихотворения. С. 435–437.

²⁵ РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1439. Л. 3–3 об.

4

Имею честь доставить Вашему Сиятельству известное Вам стихотворение в значительно сокращенном виде²⁶. Переделать все — мне было крайне трудно, и потому многие строфы я совсем исключил, а прибавил только одну, как изволите увидеть из прилагаемой черновой рукописи. Слово «громადнейшего», по замечанию Вашему, я заменил словом «державнейшего».

С глубочайшим почтением и преданностию имею честь быть Вашего Сиятельства покорнейшим слугою

В. Бенедиктов. 27 января 1858²⁷.

5

Меня тревожит одно опасение, не докучают ли Вам, Сиятельнейший князь, хлопоты с моими стихами, а отеческое терпение автора во всем, что касается судьбы его детища, неистошимо. По указанию Вашему я исключил восемь стихов, и весьма благодарен Вам за это указание, избавившее меня от переделывания их: Вам, как поэту, вполне известно, до какой степени переработка эта бывает иногда неподатлива и кропотлива.

При беспредельном уважении глубоко Вам преданный

В. Бенедиктов. 5 февраля 1858²⁸.

ОБНОВЫ²⁹

Откуда жизнь в делах и в слове?
Чем обновлен наш старый век?
Светлеют лица; Русь в обнове;
Отрадней дышит человек³⁰;

²⁶ Речь идет о том же стихотворении, что и в последующем письме. Очевидно, что ранее Бенедиктов передал или переслал Вяземскому первый вариант идеологически важного произведения, нуждаясь в совете опытного коллеги по перу. Практика взаимного «рецензирования» поэтических рукописей и даже расчет на их стилистическую правку в дружеском литературном кругу были распространенным явлением в те годы, и Бенедиктов в данном случае поступает не только в духе традиции, но и с расчетом на ответную реакцию Вяземского. Судя по всему, последний серьезно поработал над рукописью Бенедиктова, а также просмотрел третью редакцию стихотворения (см. ниже).

²⁷ РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1439. Л. 4.

²⁸ РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1439. Л. 5. Далее при письме следует текст стихотворения.

²⁹ Исключенные по совету Вяземского строки взяты нами в прямые скобки, остальные исправления оговариваются в примечаниях.

³⁰ Ср. в популярном стихотворении самого Вяземского: «Люблю, готов сознаться в том, / Ярмо привычек свергнув с выи, / Кидаться в новые стихии / И обновляться существом» («Коляска», 1826).

Проснулись люди; упований
Глагол коснулся сердца их;
Ряды прекрасных начинаний
Восстали в образах живых.

К кому признательное око
Мы обратить должны? Кому
Должны воздать поклон глубокой,
Земной поклон?.. Ему! Ему!³¹
За все нам радостные вести
Пред ним преклонимся душой!
В согласный хор похвал без лести
Да станут малый и большой!

Давно ль пленялись чуждым светом
Мы в детской горнице своей,
И все, что было под запретом,
Нас соблазняло, как детей?
И где застава, где преграда,
Дитя рвалось туда, скользя,
Любуясь тем, чего не надо,
Прельщаясь тем, чего нельзя.

И вот теперь, когда разумно
Нам мыслить вслух разрешено,
Что было прежде вольнодумно —
Порой нам кажется смешно;
И проходя через заставы,
И взор с усмешкой обратя
Назад — на прежние забавы,
В понятях выросло дитя.

И мы, с широким оборотом
Открытых глаз на Божий мир,
Тот край увидели под гнетом,
Где был свободы буйный пир, —
И сознаем среди смиренья,
Что за уваженный закон,
За теплоту повиновенья
Нам послан Богом некто — Он.

³¹ Об Александре II.

Хвала тому, кто непритворно
Пред Ним стоит слугой прямым
И соответствует покорно
Его намереньям благим;
Тому ж позор, кто задней дверью
Пытаясь милость заманить,
Его священному доверью
Способен низко изменить!³²

С высот верховных к земледельцам
Он взор свой отчий обратил,
И участь пахарей владельцам
Устроить к благу поручил, —
[Да видит глаз и внемлют уши!
И по воззванию Отца
Очеловечить эти души
Дворян да двинутся сердца!]

И³³ силой кротких разрешений
Наш ум пустив в свободный рост,
Нам через бездну потрясений
Спокойный перекинул мост.
[Пред свежим царства организмом
Зачем же, приходя в испуг,
С тупым и робким эгоизмом
Бледнеют лица неких слуг?]

Зачем же там, где Он, так внятно³⁴
Сказал «вперед» — иной глядит,
Нельзя ль пойти назад — попятно —³⁵
В глухой, недвижный, темный быт?

³² Ср. в стихотворении Е.П. Ростопчиной «От поэта к царям» (1856): «Не бойтесь нас, цари земные, / Не страшен искренний поэт, / Когда порой в дела мирские / Он вносит божьей правды свет», «Но бойтесь уст медоточивых / Низкопоклонников, льстецов, / Но бойтесь их доносов лживых / И их коварных полуслов!» (Ростопчина Е.П. Стихотворения: В 4 т. Т. 4. СПб., 1859. С. 289). Указанному стихотворению предшествовал эпитаф из послания Пушкина «Друзьям» («Нет, я не льстец, когда царю...»): «Беда стране, где раб и льстец / Одни допущены к престолу!.. А. Пушкин».

³³ В предшествующей редакции — *Он*.

³⁴ В предшествующей редакции — *Зачем, когда Он, полный благом*.

³⁵ В предшествующей редакции — *Нельзя ль пойти обратным шагом*.

Зачем иным противна гласность³⁶,
 Когда бы гласность та могла
 Пролить общественную ясность
 В притоны тьмы, в вертепы зла?

Зачем те чада недоверья
 Глядят сквозь черные очки,
 Когда идут в работу перья
 Или печатные станки,
 Когда наука иль поэма,
 Касаясь общих дел подчас
 И дав язык тому, что немо,
 Выводит правду напоказ?

Зачем немил им благородный
 Огонь, достойный алтаря?
 Зачем им страшен гимн народный
 Во славу Бога и Царя,
 Когда, в укор своекорыстью,
 Святому делу наконец
 Служить хотят — художник кистью
 И звонкой песнию певец?

Зачем, когда заря отчизны
 Глядит сквозь царское окно,
 Они не любят укоризны
 Тому, что криво иль черно,
 И, тайной с совестью разделкой
 Своей довольны, с ложью в ряд
 Дают лазейку правде мелкой,
 А³⁷ правды крупной не хотят?
 Но те противники движения,

³⁶ Ср. употребление этого слова в более поздних стихотворениях самого Вяземского, напр.: «Вы **гласность** любите, но в одиночку, с правом, / Чтoб голос ваш один руководил толпу; / Но голосу других, драконовским уставом, / Нет места в **гласности** у вас на откуп. // Неволи худшей нет свободы по заказу...» (1861); «Что так шумите вы? — Отстаиваем **гласность**. — / Бог в помощь вам; но шум и **гласность** — не одно: / Цель **гласности** — привесть дела скорее в ясность; / А в шуме истину расслушать мудрено. // Прекрасны могут быть и митинги и спичи, / И Македонский царь достоин похвалы; / Но как он ни велик, а прав и Городничий: / Нет повода ломать и стулья и столы» («Что так шумите вы? — Отстаиваем **гласность**...» (1862). См.: *Вяземский П.А.* Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб., 1887. Т. 11. С. 389–390, 426. Указанная лексема используется писателем 13 раз. См.: *Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н.* Словарь поэтического языка П.А. Вяземского (с приложением малоизвестных и неопубликованных его стихотворений). М., 2015. С. 77.

³⁷ В предшествующей редакции — *Но*.

Но те гонители идей
Уйдут в холодный мрак забвенья,
А клирос мыслящих людей
Провозгласит Тому «осанна»,
В ком так торжественно в наш век
Из-под державнейшего сана
Глядит открыто человек.

В. Бенедиктов³⁸

6

Глубокоуважаемый Князь Петр Андреевич!

До меня долетели слухи, что у Вас сегодня литературная вечеринка и что Вы упоминали обо мне и наведывались о моем адресе: я позволил себе истолковать это наименее приятным для себя образом, т. е. так, что Вы намерены не исключить меня из числа тех избранных, которые у Вас соберутся. Крепко дорожа Вашим благосклонным вниманием, как вниманием «Поэта» и «Человека» в высшем значении этих двух слов, я никак не пропустил бы случая воспользоваться несколькими часами жизни³⁹ у Вас, в соединяемом Вами обществе; но вчера на юбилейном обеде А.М. Княжевича⁴⁰ дал я слово непременно быть у него сегодня вечером. Во всяком случае, побывав там, я к Вам поспешу, если это не будет слишком поздно; а если не успею, то сочту это за невознаградимую для себя утрату.

Всегда всей душою Вам преданный Вашего сиятельства покорнейший слуга

В. Бенедиктов. 20 января 1861⁴¹.

Сделаем выводы. Письма Бенедиктова к Вяземскому отражают долговременные литературные связи писателей, основанные на внимании к творчеству друг друга и сотрудничестве в послепушкинскую эпоху. Стихотворение Бенедиктова «Обновы», посланное в черновом виде Вяземскому, было навеяно политическими событиями второй половины 1850-х гг. — относительной либерализацией общественных институтов, печати, подготовкой крестьянской реформы 1861 г., что связывалось с правлением Александра II. Вряд ли случайно Бенедиктов обратился

³⁸ РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1439. Л. 6–7 об.

³⁹ Подчеркнуто Бенедиктовым.

⁴⁰ А.М. Княжевич (1792–1872), в 1858–1862 гг. министр финансов.

⁴¹ РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1439. Л. 8–8 об.

при этом именно к Вяземскому: последний оставался одним из немногих, авторитетных для автора поэтов с гражданской доминантой. Реакция Вяземского на стихи Бенедиктова не известна; но он предложил многочисленные поправки к отдельным фрагментам произведения, в некоторой степени учтенные автором. Однако стихотворение не было напечатано. Причинами этого могли стать идеологические подтексты произведения, в равной мере неприемлемые для консервативной и демократической печати, или какие-то иные, пока не ясные нам обстоятельства, например стремление поэта остаться на «нейтральной территории», между двух враждующих станов...

Литература

А.С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. / Сост. В.Э. Вацуро, М.И. Гиллельсон, Р.В. Иезуитова и др. 3-е изд. СПб.: Академический. проект, 1998.

Бенедиктов В.Г. Стихотворения / Сост., подгот. текста и коммент. Б.В. Мельгунова. Л.: Сов. писатель. 1983. 816 с. (Библиотека поэта.)

Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Словарь поэтического языка П.А. Вяземского (с приложением малоизвестных и непубликовавшихся его стихотворений). М.: Флинта; Наука, 2015. 424 с.

Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Стихи В.Г. Бенедиктова на юбилей князя П.А. Вяземского. Текст и комментарий // Литературный факт. 2018. № 8. С. 196–212.

Гиллельсон М.И. П.А. Вяземский: Жизнь и творчество. Л.: Наука, 1969. 392 с.

Гинзбург Л.Я. Примечания // Бенедиктов В.Г. Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1939. С. 298–329. (Библиотека поэта.)

Гинзбург Л.Я. О старом и новом. Л.: Сов. писатель, 1982. 424 с.

Гродецкая А.Г. Чувствительные и холодный (В.А. Солоницын и семья Майковых) // Лица: Биографический альманах. [Вып.] 8. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 5–49.

Снытко Н.В. Литературные корреспонденты П.А. Вяземского (По документам Остафьевского архива) // Встречи с прошлым: Сб. материалов Центрального гос. архива литературы и искусства СССР. Вып. 3. М.: Сов. Россия, 1986. С. 287–322.

Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. 2-е изд. Л.: Наука, 1988. 544 с.

Щеголев П.Е. Дуэль и смерть Пушкина. Исследование и материалы. М.: Книга, 1987. 576 с.

References

A.S. Pushkin v vospominaniiaxh sovremennikov: V 2 t. [A.S. Pushkin in the memoirs of his contemporaries: In 2 vols.], comp. by V.E. Vatsuro, M.I. Gillelson, R.V. Iezuitova et al. 3d ed. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1998. (In Russ.)

Benediktov V.G. *Stihotvoreniia* [Poems], ed. and comment. by B.V. Melgunov. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1983. 816 p. (In Russ.)

Chereiskii L.A. *Pushkin i iego okruzhenie* [Pushkin and his entourage], 2nd ed. Leningrad, Nauka Publ., 1988. 544 p. (In Russ.)

Gillelson M.I. *P.A. Viazemskii: Zhizn' i tvorchestvo* [P.A. Vyazemsky. Life and work]. Leningrad, Nauka Publ., 1969. 392 p. (In Russ.)

Ginzburg L.Ia. Primechaniia [Notes]. Benediktov V.G. *Stihotvoreniia* [Poems]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1939, pp. 133–152. (In Russ.)

Ginzburg L.Ia. *O starom i novom* [On old and new]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1982. 424 p. (In Russ.)

Grodetskaia A.G. Chuvstvitel'nye i kholodnyi (V.A. Solonitsyn i sem'ia Maikovykh) [Sensitive and the cold one (V.A. Solonitsyn and the Maikov family)]. *Litsa: Biograficheskii almanakh. Vyp. 8* [Faces: Biographical almanach. Iss. 8]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2001, pp. 5–49. (In Russ.)

Shchegolev P.E. *Duel' i smert' Pushkina. Issledovaniie i materialy* [Pushkin's duel and death. Research and materials]. Moscow, Kniga Publ., 1987. 576 p. (In Russ.)

Snytko N.V. Literaturnye korrespondenty P.A. Viazemskogo (Po dokumentam Ostafievskogo arkhiva) [P.A. Vyazemsky's literary correspondents (Based on papers from the Ostafiev archive)]. *Vstrechi s proshlym: Sbornik materialov Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva literatury i iskusstva SSSR. Vyp. 3* [Encounters with the past: Proc. of the USSR Central State Archive of Literature and Art. Iss. 3]. Moscow, Sovetskaiia Rossia Publ., 1986, pp. 287–322. (In Russ.)

Vasilyev N.L., Zhatkin D.N. Stikhi V.G. Benediktova na iubilei kniazia P.A. Viazemskogo. Tekst i kommentarii [V.G. Benediktov's poem on the anniversary of Prince P.A. Vyazemsky. Text and commentary]. *Literaturnyj fakt*, 2018, no. 8, pp. 196–212. (In Russ.)

Vasilyev N.L., Zhatkin D.N. *Slovar' poeticheskogo iazyka P.A. Viazemskogo (s prilozheniem maloizvestnykh i nepublikovavshih'sia iego stihotvoreni)* [Dictionary of P.A. Vyazemsky's poetic language (accompanied by his little-known and unpublished poems)]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2015. 424 p. (In Russ.)

From the correspondence of V.G. Benediktov with P.A. Vyazemsky. Benediktov's unpublished poem "Novelties"

© 2019, Nikolay Vasilyev, Dmitry Zhatkin

Abstract: 6 letters of V.G. Benediktov to P.A. Vyazemsky (from 1838 to 1861), supplementing the idea of relationship of poets, are introduced into scientific use. Two of them refer to Benediktov's poem "Obnovy" (Novelties), dedicated to the political thaw of the second half of the 1850s, which the author sent to Vyazemsky for editing. It is probably for ideological reasons that this work was not published during the life of Benediktov, and is first published in this article with some comments.

Keywords: V.G. Benediktov, P.A. Vyazemsky, Alexander II, letters.

Information about the authors: Nikolay L. Vasilyev, Doctor of Philology, Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia. E-mail: nikolai_vasilev@mail.ru

Dmitry N. Zhatkin, Doctor of Philology, Professor, Penza State Technological University, Penza, Russia. E-mail: ivb40@yandex.ru

Citation: Vasilyev Nikolay, Zhatkin Dmitry. From the correspondence of V.G. Benediktov with P.A. Vyazemsky. Benediktov's unpublished poem "Novelties". *Literary fact*, 2019, no. 2 (12), pp. 245–258. DOI 10.22455/2541-8297-2019-12-245-258

DOI 10.22455/2541-8297-2019-12-259-284
УДК 821.161.1

Андрей Белый и Е.Ф. Книпович

© 2019, Б.Н. Романов

Аннотация: В статье, основанной как на известных источниках, так и на неопубликованных материалах, прослеживаются отношения Андрея Белого и Е.Ф. Книпович, эволюция ее взглядов на символизм, а также впервые публикуются письма А.А. Тургеневой, В.В. Егорьева к А. Белому и А. Белого, А.Д. Бугаевой к Е.Ф. Книпович, сохранившиеся в ее архиве.

Ключевые слова: Андрей Белый, Е.Ф. Книпович, М.А. Бекетова, А.А. Блок, О.Д. Форш, Л.Б. Каменев, символизм, Ассоциация по изучению творчества А. Блока

Информация об авторе: Борис Николаевич Романов, независимый исследователь, Москва, Россия. E-mail: bnrroma@yandex.ru

Цитирование: Романов Б.Н. Андрей Белый и Е.Ф. Книпович // Литературный факт. 2019. № 2 (12). С. 259–284. DOI 10.22455/2541-8297-2019-12-259-284

Советский критик Евгения Федоровна Книпович (1898–1988) была близка в 1918–1921 гг. к А.А. Блоку и его семье, в 1923–1929 гг. руководила Ассоциацией (с 1927 г. Комиссия) по изучению творчества Александра Блока в составе ГАХН (Государственной академии художественных наук). Была знакома и с Андреем Белым. В записной книжке Блока помечено: «1920. 6 мая. 8 час. вечера — А. Белый, Е. Книпович»¹. Вряд ли эта встреча стала памятной для Е.Ф.К. (так Блок чаще всего именует Книпович в «Записных книжках»), тем более для Андрея Белого. Отношения с Белым, как и с некоторыми другими из блоковского окружения, по признанию Е.Ф.К., «стали многосторонними и личными уже после смерти Блока»². В эпистолярии Андрея Белого следов этих от-

¹ Блок А. Записные книжки: 1901–1920. М., 1965. С. 492.

² Книпович Е. Об Александре Блоке: Воспоминания. Дневники. Комментарии. М., 1987. С. 27.

ношений почти нет, да и в воспоминаниях Е.Ф.К. о них сказано мельком. Тем, на первый взгляд, удивительнее, что в письме Иванову-Разумнику от 17 декабря 1923 г. Белый называет ее имя среди людей, действительно ему близких: «...своими ощущаю К.Н. Васильеву³, Нилендера⁴, С.М. Соловьеву⁵, Столярова⁶, пожалуй Е.Ф. Книпович, которая часто бывает у Нилендера»⁷. Упоминание кажется случайным. И всё же это пусть кратковременное, но искреннее «ощущение» той поры, когда Андрей Белый, измученный пережитым за два берлинских года, попал в московское бездомье и чутко воспринимал всякую доброжелательность⁸. Тогда, собственно, и началось их знакомство. Не случайно, что и сближение Белого с П.Н. Зайцевым⁹, отношения с которым продолжались до конца жизни, началось тогда же¹⁰.

24 августа 1921 г., обращаясь к Белому, близкий знакомый Е.Ф.К. напоминает ему о той, «которую Вы знаете и считаете артисткой» (см. ниже письмо В.В. Егорьева). Действительно, тогда Белый только-только узнал ее фамилию. Сразу после смерти Блока, 9 августа, в записях «К материалам о Блоке» он пометил: «Очень трогательно себя вел Алянский¹¹ и барышня, которая последние года всегда с ними (не знаю ее фамилии)»¹². Чуть позже (20 августа) Белый со слов матери Блока записывает, что тот, «показывая какую-то бумажку Книпович, сказал ей “Видите, готовлюсь

³ Васильева Клавдия Николаевна (урожд. Алексеева, во втором браке Бугаева; 1886–1970) — спутница (с 1923), затем жена (официально с 1931) Белого, автор воспоминаний о нем.

⁴ Нилендер Владимир Оттонович (1883–1965) — филолог-классик, переводчик, поэт; давний друг Белого, его университетский сокурник. С ним Е.Ф.К., очевидно, встречалась и позднее, поскольку Нилендер, работавший в Библиотеке им. В.И. Ленина (1923–1931) и в ИМЛИ (1936–1941), ряд лет был ее сослуживцем.

⁵ Соловьев Сергей Михайлович (1885–1942) — поэт, прозаик, переводчик, религиозный публицист; близкий друг Белого с детских лет.

⁶ Столяров Михаил Павлович (1888–1937) — философ, литератор; член совета Антропософского общества.

⁷ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. / Публ., вступ. ст. и коммент. А.В. Лаврова и Дж. Мальмстада; подгот. текста Т.В. Павловой, А.В. Лаврова и Дж. Мальмстада. СПб., 1998. С. 270.

⁸ По свидетельству П.Н. Зайцева, первые недели после приезда «Белый находился в состоянии подъема. Он был восхищен общим, не входя в подробности» (Зайцев П.Н. Воспоминания / Сост. М.Л. Спивак; вступ. ст. и примеч. Дж. Мальмстада, М.Л. Спивак. М., 2008. С. 48).

⁹ Зайцев Петр Никанорович (1889–1970) — поэт, издательский работник, близкий друг Белого.

¹⁰ Зайцев П.Н. Воспоминания. С. 45–46.

¹¹ Алянский Самуил Миронович (1891–1974) — издатель и редактор, владелец и руководитель издательства «Алконост» (1918–1923). См.: Андрей Белый и С.М. Алянский: переписка / Предисл. и публ. Дж. Мальмстада // Лица: Биографический альманах. 9. СПб., 2002. С. 67–115.

¹² См.: *Белый А.* Дневниковые записи / Предисл. и публ. С.С. Гречишкина и А.В. Лаврова // Литературное наследство. Т. 92: Александр Блок: Новые материалы и исследования. Кн. 3. М., 1982. С. 797.

к смерти»¹³. 1 сентября Е.Ф.К. участвует вместе с близкими поэта и Белым, перечислившим присутствовавших в дневнике¹⁴, в заседании Комитета по увековечению памяти Александра Блока¹⁵.

В своих воспоминаниях, предназначенных для блоковского тома «Литературного наследства»¹⁶, Е.Ф.К. лишь кратко сообщает об отношении Блока к Белому: налицо осмотрительность советской критикессы, приученной редактировать прошедшее.

«Разговоры шли и о прошлом, и о сегодняшнем дне, о литературе и о людях, о друзьях юности — Андрее Белом и Сергее Соловьеве [...] И несмотря на всю доброжелательность рассказов, вывод Блока о друзьях юности был однозначен: “Мы с мамой — искони здоровые; они — искони больные”». Так повествует Е.Ф.К. Но признается: «Блок научил меня любить творчество Андрея Белого, особенно его прозу. Не только “Петербург”, но и “Серебряного голубя”, которого я раньше не знала»¹⁷.

Из этого же ряда упоминание о том, что К.И. Чуковский¹⁸ уговаривал ее «не общаться с Андреем Белым и не ходить в Вольфилу». Высказывание Чуковского кажется достоверным: в Вольфиле он почти не появлялся¹⁹, с Белым близок не был. Но вот высказывание Чуковского из письма к А.А. Кублицкой-Пиоттух (24 января 1922): «...кроме Андрея Белого, нет сейчас на земле человека, который мог бы дать характеристику Александра Блока»²⁰. Е.Ф.К. хорошо помнила, что об участниках Вольфилы официально говорилось так: «большинство стояло на платформе реакционного идеализма и мистицизма»²¹. А она, ступив на критическую стезю, до конца долгой жизни воевала именно с «идеализмом и мистицизмом».

Во второй части воспоминаний, написанной позднее²², но включившей давние дневниковые записи, она становится раскованней и добавляет, что Блок «говорил об Андрее Белом и об их близости: “Он другой — в жизни другой, *здесь* — я с ним не могу...” — “А *там* по

¹³ Там же. С. 802.

¹⁴ Там же. С. 812.

¹⁵ Там же. С. 822 (примеч.).

¹⁶ Литературное наследство. Т. 92: Александр Блок: Новые материалы и исследования. Кн. 1. М., 1980. С. 16–43.

¹⁷ Книпович Е. Об Александре Блоке. С. 20–21.

¹⁸ О знакомстве с ним Е.Ф.К. см: Книпович Е. Об Александре Блоке. С. 53–54.

¹⁹ Там же. С. 54. Можно вспомнить позднюю (1960-е) реплику Чуковского: «...я дожил до таких лет, потому что я никогда не ходил на собрания. Всегда считал, что главное — написанная строка» (Орлова Р., Копелев Л. Мы жили в Москве: 1956–1980. М., 1990. С. 313).

²⁰ Чуковский К. Собр соч.: В 15 т. Т. 14: Письма (1903–1925). М., 2008. С. 495. В письме М.А. Волошину и М.С. Володиной в Коктебель (21 июня 1924) Чуковский писал: «Рад за своих детей, что они с Вами. Это великое счастье — в 20 лет попасть в общество Андрея Белого...» (Там же. С. 584).

²¹ Большая советская энциклопедия. Т. 13. М., 1929. Стлб. 48.

²² Впервые: Книпович Е. Мои встречи с Блоком // Октябрь. 1986. № 8. С. 191–202.

пути?» — спросила я. «Даже не по пути, а один путь»²³. Это из времени, когда она соглашалась, что кроме «здесь» может существовать «там».

Тут же Е.Ф.К. рассказывает, как они с Н.Н. Федоровичем²⁴, сослуживцем по ТЕО, «импровизировали мистерию о гибели культуры, причем он, не зная второй симфонии Андрея Белого, сам додумался до “грядущего негра”»²⁵. В комментарии она добавляет, что импровизированная мистерия была пародийной²⁶, видимо, стараясь подчеркнуть, что «мистерию» (в отличие от символистов) и тогда могла воспринимать только иронически; к тому же она путает вторую, «драматическую» симфонию с первой, называя ее «героической».

Перезжая в январе 1922 г. в Москву, Е.Ф.К. принимает поручения матери Белого, жившей в ту зиму в Петрограде, выполняет их, а после возвращения А.Д. Бугаевой в Москву встречается с ней²⁷. Вероятно, тому, что Белый называет Е.Ф.К. среди «близких», способствовало и ее внимательное отношение к его матери.

Не случайно имя Белого возникает в переписке Е.Ф.К. с М.А. Бекетовой²⁸, которая уже во втором письме (23 сентября 1922 г.) интересуется известиями о нем, не скрывая интереса к подробностям: «Насчет Андрея Белого мы кое-что слышали: про Асин m'ezalliance²⁹. Пишите, пожалуйста, еще и побольше». Вскоре, 15 октября 1922 г., спрашивает: «А читали Вы статьи Троцкого о Белом и Блоке³⁰? [...] Что скажете? В ругани об

²³ Книпович Е. Об Александре Блоке. С. 72.

²⁴ О Николае Николаевиче Федоровиче см.: Книпович Е. Об Александре Блоке. С. 19, 80.

²⁵ Книпович Е. Об Александре Блоке. С. 80.

²⁶ Там же. С. 62–63.

²⁷ Книпович Е. Об Александре Блоке. С. 28. Здесь она отмечает в ее облике «профессорски-светское». Ходасевич вспоминал, что застал мать Белого «уже пожилою, несколько полною женщиной со следами несомненной красоты и повадками записной кокетки» (Ходасевич В. Собр. соч. В 4 т. Т. 4: Некрополь. Воспоминания. Письма. М., 1997. С. 43).

²⁸ Бекетова Мария Андреевна (1862–1938) — тетка А.А. Блока и его биограф, переводчица и автор книг для детей; в архиве Е.Ф.К. (частное собрание; далее все материалы из него цитируются без указания источника) сохранилось 38 писем Бекетовой (1922–1926).

²⁹ Тургенева Анна (Ася) Алексеевна (1890–1960) — художница; первая жена А. Белого. Белый расстался с ней в августе 1916 г., уехав из Дорнаха в Москву, а в конце 1921 г. в Берлине узнал, что она стала спутницей поэта-имажиниста А.Б. Кусикова. Слухи об этом быстро распространились среди знакомых Белого. К. Локс вспоминал: «В 21-м году (более вероятно, что в начале 1922. — Б.Р.) я встретил Нилендера и спросил его о Белом. — Он в Берлине, — ответил Нилендер, — с ним такое несчастье, — здесь Нилендер закатил глаза, — Ася ушла от него. — Да с кем же сочувственно спросил я. — С Кусиковым. Вы подумайте, гитарист, пьяница, бьет женщин, и Ася ради него бросила Б.Н.» (Локс К. Повесть об одном десятилетии (1907–1917) / Публ. Е.В. Пастернак и К.М. Поливанова // Минувшее: Исторический альманах. 15. СПб., 1994. С. 139).

³⁰ Троцкий Л. Вне-октябрьская литература. А. Белый. А. Блок // Правда. 1922. № 221, 1 окт.; статьи затем вошли в книгу Троцкого «Литература и революция»

Андрее Белом много верного, хотя конечно очень односторонне...» А 18 декабря того же года сообщает, что Е.П. Иванов³¹ «будет читать в Вольфиле доклад о “Глоссолалии”³² Андрея Белого. Говорит, что она гениальна, но кое-что имеет возразить».

Встретившись с Белым почти сразу после его появления в Москве, Е.Ф.К. налаживает с ним достаточно близкие отношения. Возможно, способствовал этому и Иванов-Разумник обращенным к Белому письмом (12 ноября 1923): «...пишу Вам это второе, “деловое” (посылаемое через Е.Ф. Книпович)»³³. Дальнейшее ее общение с Белым связано с организацией «Блоковского кружка», ставшего «Ассоциацией по изучению творчества Александра Блока» в структуре ГАХН³⁴. Ассоциацию возглавила Е.Ф.К. В письме Е.П. Иванову (12 ноября 1923) она сообщает: «С “Блоковским кружком” дело как будто налаживается. Белый обещал ближайшее участие, и у него уже готов доклад³⁵, Нилендер и Соловьев тоже подойдут к Блоку со своими темами³⁶, специалисты поставят работу над ритмикой, историей текстов и т.д., молодежь набирается хорошая...»³⁷

К тому же времени, очевидно, относится их разговор о Блоке, из которого одно замечание Белого она привела в воспоминаниях: «Несколько лет спустя, уже в Москве, Андрей Белый сказал мне, что Розанов так

(М., 1923), где статья «А. Белый» (с. 34–40) заключает раздел «I. Вне-октябрьская литература», а статья о Блоке (с. 84–90) выделена в самостоятельный третий раздел.

³¹ Иванов Евгений Павлович (1879–1942) — публицист, детский писатель; друг А.А. Блока. Е.Ф.К. поддерживала знакомство и переписку с ним вплоть до 1941 г.: см.: Александр Блок в дневнике Е.П. Иванова (1903–1941) / Подгот. текста, вступ. ст. и коммент. О.Л. Фетисенко // Александр Блок: Исследования и материалы. СПб., 2011. С. 407.

³² Доклад читался 31 декабря 1922 г.; см.: Белоус В. Вольфила: В 2 кн. Кн. 2: Хроника. Портреты. М., 2005. С. 379.

³³ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 252.

³⁴ Первое организационное заседание Ассоциации по изучению Александра Блока в ГАХН прошло 8 ноября 1923 г.; см.: Государственная Академия художественных наук. Отчет 1921–1925. М., 1926. С. 104.

³⁵ См.: «План к лекциям о Блоке в Москве 1923 г.» А. Белого (Магомедова Д. Автобиографический миф в творчестве Александра Блока. М., 1997. С. 84). По характеристике автора, «план лекции в обнаженном виде воспроизводит схему прочтения эволюции Блока через валентинианский вариант гностического мифа» (Там же). Явно «теософский» уклон вряд ли в ту пору насторожил Е.Ф.К., и причины того, что доклад Белого в рамках Блоковской ассоциации не состоялся, очевидно, не в этом.

³⁶ Ни В.О. Нилендер, ни С.М. Соловьев не делали докладов в Блоковской ассоциации, хотя впоследствии и участвовали в ее работе; доклад Соловьева «Жуковский и символизм», близкий к «блоковской» теме, был сделан в ГАХН не в Блоковской ассоциации, а в Подсекции истории русской литературы 8 октября 1926 г.

³⁷ Цит. по: *Ильюнина Л.И.* Московская ассоциация по изучению творчества А. Блока // Александр Блок: Исследования и материалы. Л., 1991. С. 218–219.

определял внешность Блока: античная маска, за которой прячется лицо колдуна из “Страшной мести”³⁸.

Узнав о возвращении Белого, Бекетова торопится разузнать о нем именно у Е.Ф.К. и пишет (1 декабря 1923), не жалея восхищенных слов: «Пожалуйста, милая, напишите мне про Андрея Белого, хоть мне и рассказывали, что Вы о нем писали, я хочу еще знать. Несмотря на то, что он писал про меня в “Juven[ta]”³⁹, изображая какую-то глупую тетеньку⁴⁰, я считаю, что только в нем вся наша надежда, слава, честь, Господи! Что он идет всё вперед, а не назад, и, думаю, что он, наверное, стал еще лучше прежнего, т.е. проще, искреннее и глубже, а талант его блеска не теряет. Ужасно хочу его видеть и слышать, конечно. Скажите ему, чтобы он к нам зашел непременно, хотя и нет больше матери Блока⁴¹. Ведь я все-таки некая тень Аллаха на земле и последний из могижан. Сережу [Соловьёва — Б.Р.] тоже очень хочу видеть. Обоим от меня передайте горячий привет. Андрею Белому, скажите, что я счастлива, что он вернулся домой и “Россия не без него”. Помните в письме ко мне: “Как ни хорошо всё, что он говорит, это все же слова, а главное он сам, его пафос и т.д. Россия теперь без него...”⁴²».

Е.Ф.К. сообщает Бекетовой о своих встречах с Белым. Та, отвечая (12 декабря 1923), благодарит: «Спасибо Вам за сведения о кружке и об Андрее Белом. Думаю, однако, что ритмикой своей он Вас закачает⁴³.

³⁸ Книпович Е. Об Александре Блоке. С. 21. В статье «Загадки Гоголя» (1909) Розанов приводит рассказ о снятии посмертной маски с Гоголя, а следом замечает: «...живой и вдохновенный Гоголь напоминает пана-колдуна из “Страшной мести”» (Розанов В.В. О писательстве и писателях / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М., 1995. С. 336). Позже Е.М. Тагер, рассказывая об исключении Розанова из Религиозно-философского общества, вспоминала о присутствовавшем там Блоке: «...не лицо, а строгая античная маска» (Тагер Е.М. Блок в 1915 году // Александр Блок в воспоминаниях современников. В 2 т. М., 1980. Т. 2. С. 103). В «Воспоминаниях о Блоке» Белого этот образ повторяется, например, в связи с поэмой «Возмездие» в таком контексте: «...колдун “Страшной Мести” — чудовище зла потому, что — последний в грехом отягощаемом роде: он — декадент, жалкий выродок и прижизненный труп...» (Белый А. Воспоминания о Блоке / Под ред. В.М. Пискунова. М., 1995. С. 424).

³⁹ Юность (лат.).

⁴⁰ Возможно, имеется в виду следующее место из описания первого приезда Белого в Шахматово: «...нас встретили две, как казалось нам, невысокого роста растерянных дамы; они были худы, нервны и порывисты (мать поэта и тетка поэта)...» (Белый А. Воспоминания о Блоке // Эпопея. 1922. № 1. С. 240; см. также: Эпопея. № 2. С. 164).

⁴¹ Кублицкая-Пиотгух Александра Андреевна (урожд. Бекетова, в первом браке Блок; 1860–1923) — переводчица, литератор; умерла 25 февраля 1923 г.

⁴² Цитата из письма А.А. Кублицкой-Пиотгух к М.А. Бекетовой 22 июля 1920 г. (Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок: Новые материалы и исследования. Кн. 3. С. 505).

⁴³ 17 декабря 1923 г. А. Белый, сообщая Иванову-Разумнику, над чем он работал «последние недели», в первую очередь называет работу «над трехдольниками поэтов

Это очень специально. Разве в его собственном изложении оно будет вразумительно и интересно».

Бекетова поддерживает занятия Блоковским кружком в связи с отношениями с Белым: «С кем же, как не с Вами обсуждать дела кружка Андрею Белому? Ведь Вы же его душа. Ведь очень знаменательно, что и “бабушка”⁴⁴ Ваша и Люба обе считают, что Вы понимаете Блока так, как никто из посторонних. Сначала это знали только они, с другими Вы все молчали, да покуривали, иные даже на Вас косились и недоумевали, но теперь все друзья Блока, с которыми я имею дело, желают, чтобы Вы были в Петербурге, и относятся к Вам совсем особенно и многого от Вас ждут. Я думаю, что Ваши мысли созрели и вполне оформились, и Вы можете сказать то, что другие не могут знать, Вы знаете самую сущность Блока, знаете и чувствуете, а при этом ведь Вы очень умны и интеллигентны, да еще и образованны. Конечно, Андрею Белому говорил про Вас и Сережа [Соловьев — *Б.Р.*]».

Участовавший в работе Блоковского кружка А.К. Горский писал М.М. Шкапской (24 ноября 1923) вскоре после приезда в Москву Белого: «...друзья опекающие его, решили куда держать под спудом и нигде публично не показывать. Даже в наш блоковский кружок решено привести его на третье или четвертое собрание, когда дело окончательно станет на рельсы»⁴⁵.

Судить об отношении Е.Ф.К. к Андрею Белому по письмам Бекетовой можно лишь опосредованно, поскольку ее письма нам неизвестны. Ясно только, что она заинтересована в поддержании контактов с Белым и что для начала работы Блоковской ассоциации его участие значило бы многое. В «Заявлении в Литературную секцию Российской академии художественных наук» о присоединении Блоковского кружка к РАХН в его составе названо и имя Белого (как и имя К.Н. Васильевой)⁴⁶. В ее письме (25 января 1924) к Е.П. Иванову Белый упоминается в сообщении о «кружке» (как его участники еще именуют Ассоциацию): «...Планов много и работы много — но очень тревожно. Скоро первое открытое заседание — выступление Белого. Часто его вижу...»⁴⁷

В связи с подготовкой этого заседания 8 февраля она едет в Петроград и везет по просьбе Белого его письмо к Иванову-Разумнику. В нем Белый,

(в частности Блока [...])» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 270); выше в том же письме упомянута Книпович.

⁴⁴ Как вспоминала Книпович, мать Блока «попросила, чтобы я не звала ее по имени-отчеству, а называла бабушкой» (*Книпович Е.* Об Александре Блоке. С. 20).

⁴⁵ *Горский А.К.* Сочинения и письма: В 2 кн. / Сост., подгот. текста, коммент. А.Г. Гачевой. М., 2018. Кн. 2. С. 352.

⁴⁶ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 19. Л. 9–10.

⁴⁷ Цит. по: *Ильюнина Л.И.* Московская ассоциация по изучению творчества А. Блока. С. 219.

в частности, писал: «В несурзности вываливания перед Вами материала данного состояния сознания моего сказала только настоятельнейшая, горящая потребность личного общения с Вами “*вопреки всему*” и мысль, что это письмо повезет Вам в пятницу Книпович⁴⁸ и, стало быть, “*бочку Данаид*” минует письмо»⁴⁹. Очевидно, что эта оказия важна для Белого, который через день после ее отъезда также выехал в Петроград.

Вскоре (20 февраля 1924) Белый выступил на вечере памяти Блока в Политехническом музее, но его выступление в первом публичном заседании Блоковской Ассоциации 19 марта не состоялось и на афише⁵⁰ его имя не появилось. Не участвовал Белый и в повторении этого заседания 27 марта⁵¹. Возможно, это было связано и с его поездкой (24 февраля — 7 марта) в Киев⁵², и со спешной работой над драмой «Петербург». Но существенно, что и в дальнейшем в работе Блоковской ассоциации Белый никакого участия не принимал.

3 марта 1924 г. Бекетова делится с Е.Ф.К. впечатлениями от февральских выступлений Андрея Белого в Ленинграде (14 февраля — «Одна из обителей теней» и 18 — «Поэзия Блока»): «Была я на лекциях А. Белого. Мне понравились обе, но вторая гораздо лучше. Я должна сказать, что самый вид и присутствие А. Белого уже меня как-то особенно волнует и умиляет. Он один у нас остался, он так близок к Саше, и такие у него мысли, и так он их выражает, что я готова слушать его без конца. Ужасно его люблю. Были ли Вы на его лекциях? Мне даже трудно выразить, что именно во мне происходит, когда я слушаю А. Белого. Вы, может быть, это и так понимаете».

В письме Иванову-Разумнику (17 июля 1924) Белый упоминает, что о «последних судьбах Вольфильты» ему кое-что «передала Евг[ения] Федор[овна]»⁵³. Это могло произойти только перед самым отъездом Белого

⁴⁸ О поездке Е.Ф. Книпович в Петроград упоминается также в письме к ней Бекетовой от 3 марта 1924 г.

⁴⁹ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 288.

⁵⁰ Воспроизведение афиши, ошибочно датированной 1923 г., см.: Андрей Белый. Александр Блок. Москва / Сост. М.Л. Спивак, Е.В. Наседкина А.Э. Рудник, М.Б. Шапошников. М., 2005. С. 286. Первое публичное заседание Ассоциации по изучению творчества Александра Блока 17 марта прошло под председательством Л.П. Гроссмана. На нем прозвучали доклады В.В. Гольцева «Задачи Ассоциации», Е.Ф. Книпович «Путь к “Возмездно”», были прочитаны статья Блока «Без божества, без вдохновенья» (вступительное слово к ней М.В. Бабенчикова, обозначенное на афише, не прозвучало) и «Дневник Александра Блока за 1918 г.».

⁵¹ В заседании 27 марта кроме прежних докладчиков принял участие П.Н. Зайцев, что, возможно, как-то связано с отсутствием А. Белого. См.: Государственная Академия художественных наук. Отчет 1921–1925. С. 115.

⁵² См.: Андрей Белый. Хронологическая канва жизни и творчества / Сост. А.В. Лавров // Андрей Белый. Проблемы творчества: Статьи. Воспоминания. Публикации / Сост. Ст. Лесневский, Ал. Михайлов. М., 1988. С. 797.

⁵³ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 296.

в Коктебель, то есть в конце мая 1924 г. Е.Ф.К. знала о конце Вольфилы из письма М.А. Бекетовой (20 мая 1924): «Дорогая Женя, вчера было последнее заседание Вольфилы, ее существование кончено⁵⁴. Читался дневник Блока 19-го года, имеющий отношение к открытию Вольфилы и к “Крушению гуманизма”. Были скучные прения, сказал несколько слов Пинес⁵⁵ и Разумник. Эту неделю была речь о том, чтобы в помещении Вольфилы устроить Блоковский кружок, подобрать новых людей, т.к. прежние не могут быть учредителями. Люба не захотела быть одной из учредительниц, как ей предлагали, нашла, что не нужно кружка, неприлично притягивать за волосы, что было только потому, что у Вольфилы есть 70 стульев и помещение, и т.д. Посылали Ев[гения] Павл[овича] к Медведеву⁵⁶ для переговоров, он тоже не сочувствует. Так что мысль о кружке оставлена. Мне очень жаль, что Вольфила окончилась, я люблю ее дух, ее благородство, бесконечно благодарна за отношение к Блоку, единственное в своем роде, но вчера увидела, что она отжила свое и в ней появились нежелательные элементы, нарушающие ее дух. Не надо больше Вольфилы».

В начале 1925 г. наконец вышел сборник «Современная литература» (он должен был выйти год назад), где статья Е.Ф.К. «Дело Блока» (написанная, очевидно, в конце 1923 г.⁵⁷) помещена вслед за статьей (фрагментом из «Воспоминаний о Блоке») Андрея Белого «“Снежная маска” А. Блока». Составитель Иванов-Разумник (в книге его имя отсутствовало по цензурным причинам) ввел начинающую Е.Ф.К., известную лишь публикацией двух предисловий к «Путевым картинам» Гейне⁵⁸ под редакцией Блока, в круг значительных литературных имен, явно учитывая ее близость к поэту. Белому он писал (28 января 1924):

⁵⁴ 30 апреля 1924 г. датирована резолюция об отказе перерегистрировать Вольфилу как научное общество, а 7 мая уведомление об отказе; см.: *Белоус В. Вольфила*. Кн. 2. С. 406, 413.

⁵⁵ Пинес Дмитрий Михайлович (1891–1937, расстрелян) — историк литературы, библиограф, секретарь Вольфилы (1922–1924); исследователь творчества А. Блока и А. Белого. Его имя часто встречается в письмах М.А. Бекетовой к Е.Ф.К., с которой Пинес также обменивался письмами (см. письма Е.Ф.К. к нему: РГАЛИ. Ф. 391. Оп. 1. Ед. хр. 121) и встречался во время приездов в Москву.

⁵⁶ Медведев Павел Николаевич (1891–1938, расстрелян) — теоретик и историк литературы, критик; автор многих работ о Блоке, публикатор его наследия.

⁵⁷ 22 ноября 1923 г. на втором заседании Ассоциации ею сделан доклад «Дело Блока»; см.: Государственная Академия художественных наук. Отчет 1921–1925. С. 105.

⁵⁸ *Гейне Г. Избранные сочинения: В 7 т. Т. VI: Путевые картины. Ч. 3 и 4 / Пер. В. Зоргенфрея, с предисл. Е. Книпович. Пб., 1922. С. 7–18, 179–191. Е.Ф.К. всюду указывала, что начала печататься в 1918 г., видимо, имея в виду статью «Два спектакля», написанную для редактировавшегося Блоком сборника «Репертуар», но он не увидел света; см. об этом: *Иванова Е. Александр Блок: последние годы жизни*. СПб.; М., 2012. С. 268–274.*

«...очень милая девушка, немного *par trop*⁵⁹ декадентизирующая Блока и символизм, я бы сказал даже — зашибленная Блоком, но очень милая и верная»⁶⁰. Ее велеречивые размышления о *деле Блока* подтверждали это впечатление. Но в пору появления сборника взгляды Е.Ф.К. не только на блоковское творчество, а и на символизм уже начали меняться.

В 1924 г. появилась статья Е.Ф.К. «О литературном наследии Блока»⁶¹. Здесь она говорит о «характерном для Блока последнего периода творчества устремлении к реализму и человеческой конкретности»⁶², о его уходе «от лирического субъективного творчества», о трагедии «художника переходного времени, принадлежащего двум эпохам»⁶³. Это уже почти согласно с Троцким: «...Блок не наш. Но он рванулся к нам»⁶⁴. И тут в связи с ее отношениями с Белым существенно то, что сказано Е.Ф.К. о «Балаганчике», в статье названном «краткой сказкой [...] о том, чем может кончиться собрание людей, постаравшихся спрятать себя как можно глубже и оттуда понимать такого же другого»⁶⁵. «Собрание людей» — это, конечно, символисты. Теперь уже Белый вряд ли мог бы повторить слова об ощущении их близости. И дело не столько в былой, резко отрицательной реакции на «Балаганчик» Белого, утверждавшего и в 1928 г., что он «всегда был символистом»⁶⁶, или в его антропософских убеждениях, сколько в очевидной идейной эволюции Е.Ф.К. периода чисток и «перековки» интеллигенции. В свое время, говоря об отношении Андрея Белого к В.В. Гольцеву⁶⁷, заместителю Е.Ф.К. в Блоковской ассоциации, П.Н. Зайцев писал, что тот «когда-то слушал лекции Бориса Николаевича, увлекался философией (был «бергсонианцем», как отмечал Зайцев в подготовительных записях. — *Б.Р.*), изучал творчество А. Блока, а когда повяло РАППом и ВАППом, стал полегоньку свертывать паруса и поворачивать свой кораблик по ветру»⁶⁸. Почти то же самое можно сказать и о Е.Ф.К.

Последний раз Бекетова упоминает имя Белого в письме к Е.Ф.К. от 9 июня 1926 г. (в это время Белый находился в Ленинграде или Детском

⁵⁹ Чересчур (*фр.*).

⁶⁰ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 281.

⁶¹ Книпович Е. О литературном наследии Блока // Книга о книгах. 1924. № 7–8. С. 23–26.

⁶² Там же. С. 25.

⁶³ Там же. С. 26.

⁶⁴ Троцкий Л. Литература и революция. М., 1923. С. 90.

⁶⁵ Книпович Е. О литературном наследии Блока. С. 25.

⁶⁶ Белый А. Почему я стал символистом и почему я не перестал им быть во всех фазах моего идейного и художественного развития // Белый А. Символизм как миропонимание / Сост., вступ. ст. и примеч. Л.А. Сугай. М., 1994. С. 418.

⁶⁷ Гольцев Виктор Викторович (1901–1955) — критик, литературовед; заместитель председателя Ассоциации по изучению творчества А. Блока ГАХН.

⁶⁸ Зайцев П.Н. Воспоминания. С. 137; см. также примеч. на с. 645.

селе): «Слыхала от Сережи Соловьева (т.е. он мне написал), что Вы окончательно разошлись с А. Белым. Писать об этом конечно нельзя, надо поговорить, но мне это жаль. Я все-таки считаю, что его отношение к Блоку не холодное и не теплое и несравненно лучше отношения, например, Серг[ея] Мих[айловича]. Я начинаю понимать, за что сердилась на него мать Блока, сама его, т.е. Сер[гея] Мих[айловича] очень люблю. Его католицизма, преувелич[ивания] семейственности и равнодушия во многих важных случаях я не понимаю. Но человек он замечательный и очень милый. А Вас, не равнодушную я еще раз крепко целую».

Бекетова, очевидно, полагала, что причина расхождения Е.Ф.К. и Белого — разногласия в отношении к Блоку. Но это могло быть лишь одной из причин⁶⁹, тем более что работа Ассоциации, переименованной в Комиссию Литературной секции ГАХН, переживала трудности.

Прежде занятая только Блоковской ассоциацией и службой в Публичной библиотеке им. Ленина (с апреля 1925), в конце 1927 г. Е.Ф.К. начала сотрудничество с «Красной Новью» рецензией на подготовленный Бекетовой первый том «Писем Александра Блока к родным». Некоторый выпад в сторону Белого можно усмотреть в ее в общем резонном утверждении, что письма «разрушают много легенд, созданных современниками Блока в опубликованных ими воспоминаниях», и в том, что у Блока «товарищеской близости, единства замыслов и работы не было ни с кем»⁷⁰.

В следующем, 1928 г. вышли два тома «Дневников» Блока под редакцией П.Н. Медведева, вызвавшие ожесточенные споры. Это издание возмутило Белого. По воспоминаниям Зайцева, он находил «что опубликование дневников за эти именно годы, без связи с остальными, было бестактным»⁷¹. Своим возмущением он делился с Ивановым-Разумником (16 апреля 1928): «Могу сказать: кратко: читал-кричал! Т.е. прочтешь страничку, и — взорешь от негодования»⁷². Негодовал он и на Медведева, назвав прохвостом, и даже на Блока, восклицая: «...но где была “жена”, где была “тетя”, где была “Блоковская академия” (т.е. Ассоциация — Б.Р.). Даже... Книпович опустила голову; даже...

⁶⁹ Косвенно изменившееся отношение Е.Ф.К. к Белому поясняет эпизод его размолвки с Гольцевым, ее заместителем и ближайшим соратником по Блоковской ассоциации, поведенный П.Н. Зайцевым: «Как-то раз В.В. Гольцев, приехав в Кучино, несколько учительно, по-профессорски наставлял Бориса Николаевича, учил его уму-разуму. Белый вскипел, отчитал Гольцева ...» (*Зайцев П.Н. Воспоминания. С. 137*).

⁷⁰ *Книпович Е. Письма Александра Блока к родным. Т. 1 // Красная новь. 1927. № 12. С. 225.*

⁷¹ *Зайцев П.Н. Воспоминания. С. 103.*

⁷² Андрей Белый и Иванов Разумник. Переписка. С. 587.

она стыдится»⁷³. Тут важно слово «даже», хотя его можно истолковать по-разному.

У Е.Ф.К. нашлись свои претензии к изданию «Дневников». Она высказала их во вступительном слове на заседании Комиссии литературной секции ГАХН по изучению творчества Блока (22 ноября 1928 г.)⁷⁴. То, что возмутило Белого и было очевидно многим, она обозначила в самом начале: «Оставим в стороне вопрос [...] возможно ли издавать историко-литературный документ в виде фрагментов, с большими пропусками, зачастую искажающими самый смысл, самые настроения данной эпохи»⁷⁵. Дальше она заявляет, что «настоящий спор о Блоке ... решится не нами»⁷⁶. Но, по долгу советского критика, она особенно рьяно нападает на религиозное, мистическое: «... в том-то и ужас, что яд, отравлявший Блока, был очень тонким, очень невещественным, и проникал он поэтому очень глубоко». Все эти рассуждения, опять-таки, подтверждение вывода Троцкого: «Блок не наш»⁷⁷. Здесь она явно прилаживается к рапповскому хору. А о Белом цитирует запись Блока: «...слишком во многом нас жизнь развела»⁷⁸.

В год «великого перелома» и «успешного наступления на капиталистические элементы» недвусмысленное отречение от опасного прошлого, от снисходительности к символизму, к его поэтам понятны. Вновь писать о Блоке она соберется только через полвека.

В письме к сестре В.Ф. Книпович⁷⁹ (5 мая 1932), рассказывая о прощании с П.С. Коганом⁸⁰, умершим 2 мая, Е.Ф.К. упоминает Белого: «Два раза стояла в почетном карауле. Один раз сменяла старую суку Андрея Белого⁸¹, который увидев меня закланялся (в карауле!) и едва не брякнулся в обморок». Здесь уже слышится неприязнь, а не идейные разногласия.

После смерти Андрея Белого она обратится к символизму и символистам в отклике на роман Ольги Форш «Ворон»⁸² (первый вариант

⁷³ Там же. С. 588.

⁷⁴ Опубл.: *Книпович Е.* Александр Блок в его «Дневниках» // Печать и революция. 1929. № 2/3. С. 91–103.

⁷⁵ Там же. С. 91.

⁷⁶ Там же. С. 92.

⁷⁷ *Троцкий Л.* Литература и революция. С. 90.

⁷⁸ *Книпович Е.* Александр Блок в его «Дневниках». С. 94.

⁷⁹ Книпович Вера Федоровна (1894–1983); в 1929–1937 г. замужем за историком Б.Ф. Поршневым.

⁸⁰ Коган Петр Семенович (1872–1932) — историк западноевропейской и русской литературы, критик, переводчик; президент ГАХН; не раз писал о творчестве Белого.

⁸¹ См.: Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 312.

⁸² Форш (урожд. Комарова) Ольга Дмитриевна (1873–1961) — писательница; ее роман «Ворон» (Л., 1934) при жизни автора не переиздавался.

в журнальной публикации появился под названием «Символисты»⁸³). Почему она откликнулась на этот роман? О чем хотела сказать? Можно лишь высказать предположения. Дело в том, что с Форш, с которой ее некогда познакомила мать Блока⁸⁴, Е.Ф.К. связывали дружеские отношения. 16 июля 1931 г. она сообщает о ней сестре Вере: «Была проездом с Кавказа наша возлюбленная старуха. [...] Она привезла роман — больше скверный, чем хороший». Видимо, речь идет именно о романе «Символисты» в его ранней редакции. Е.Ф.К. хорошо знает о «теософском»⁸⁵ и «символистском» прошлом Форш, о том, что, несмотря на все разноречия, ей остался духовно близок Андрей Белый. Ольга Форш так же, как и он, переживала эти годы в попытках приспособиться к режиму, стараясь, в меру сил не изменяя себе, оставаться в литературном процессе. Форш это не без потерь, но удалось. Будучи признанной советской писательницей, она говорила в конце жизни: «Я отдала дань символизму. Остановись мое развитие на нем, я была бы опустошена. Подобные примеры были у меня на глазах. Не знаю, что стало бы со мной, если бы не Октябрь»⁸⁶. Но, несмотря на подобные «юбилейные» высказывания, убеждение, что революционное и мистическое связаны, кажется, осталось в ней навсегда. В ноябре 1942 г. Форш говорила Всеволоду Иванову: «Робеспьер, Демулен и прочие вожди французской революции родились в масонских клубах. Там получили они идеи, которые подали народу [...] Где-то там, в теософических кругах, родился и воспитан этот истерик, марионетка Гитлер, за спиной которого стоят не теософы ли. Это ужасно интересно»⁸⁷.

В пору появления в «Звезде» «Символистов» шла критическая проработка ее романа «Сумасшедший корабль». Е.Ф.К. не может промолчать и о нем, в рецензии «Символизм и современность»⁸⁸ под-

⁸³ Форш О. Символисты // Звезда. 1933. №№ 1, 5, 9, 10.

⁸⁴ См. запись Блока 20 декабря 1920 г.: «Масса гостей (О. Форш у мамы, Е.Ф. Книпович [...])» (Блок А. Записные книжки. С. 510).

⁸⁵ О.Д. Форш и ее муж Б.Э. Форш состояли в Теософском обществе, известны их публикации в «Теософском вестнике». В 1924 г. в автобиографии Форш прямо писала о «полосе временного увлечения научным оккультизмом» (Писатели: Автобиографии и портреты современных русских прозаиков / Под ред. Вл. Лидина. М., 1928. С. 356). См. также: Нутрихин Р. Ольга Форш: советский мистик из Ставрополя. Пятигорск, 2014; Чистобаев А.В. Творчество О. Форш 1910–1930-х гг. в контексте русской культуры начала XX в. / Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2015. С. 10–43.

⁸⁶ Славентантор Д. У Ольги Форш: К 85-летию со дня рождения // Литературная газета. 1958. № 063 (3874), 27 мая. С. 2.

⁸⁷ Ольга Форш в воспоминаниях современников. Л., 1974. С. 172; см. полный текст дневника: Иванов Вс. Московские тетради: Из дневников военного времени / Предисл. Вяч. Вс. Иванова // Дружба народов. 2001. № 8.

⁸⁸ Книпович Е. Символизм и современность // Художественная литература. 1934. № 10. С. 8–11.

дакивая обличителям «реакционной повести», называет ее «идейной и творческой неудачей»⁸⁹, чтобы — в противовес? — объявить лучшими страницами романа «Ворон» «описание празднования 15-летия Октябрьской революции в Ленинграде». И умиляет рецензентку в этом описании «огненная, бегущая по небу полоска: — “Пятнадцать лет по ленинскому пути”»⁹⁰. Вывод: писательница не безнадежна, она на пути преодоления «ценностей символизма». Возможно, здесь крылся благородный замысел защитить «возлюбленную старуху» — для тех времен логика защиты понятна. Стоит лишь вспомнить, что тогда говорилось о «Сумасшедшем корабле». В.В. Ермилов заявлял в докладе: «...идея романа О. Форш объективно есть идея победы буржуазной культуры над пролетарской»⁹¹, а Б.С. Рюриков в статейке, озаглавленной «Куда идет корабль», называл роман буржуазной теорией «ликвидации искусства в стране строящегося социализма»⁹².

В опубликованном несколько месяцев спустя расширенном и переработанном варианте рецензии на «Ворона»⁹³ Е.Ф.К. старается более убедительно выгородить автора, убеждая, что тема «символизма как поведения» «еще [...] получит в ее творчестве [...] не “богоборческое”, а “безбожное” освещение». Она, конечно, молчит о дореволюционных поисках «высшей реальности» Ольгой Дмитриевной, знавшей Штейнера, состоявшей в теософском обществе. И последовательно отделяет Форш от символизма, обличая и развенчивая. Здесь уже появляется имя Андрея Белого, названного «защитником и апологетом символизма». И всё же Е.Ф.К. предлагает не смешивать Белого, как и Блока с Брюсовым, «с “мародерами” эпохи реакции»⁹⁴, но клеймит Сологуба и Вячеслава Иванова, а главное, демонстрирует превосходство «революционной теории» не только над Форш и Белым, но и над Блоком (который, как она сожалела через полвека, ее не знал «и не верил в ее значение»⁹⁵). Не обходит и того, что Белый, как и Форш, связывает символизм с революцией:

«Мемуары [...] и особенно тонкие, злые, умные мемуары Белого, в сущности преследуют одну им ту же цель — счесться родней между Октябрьской революцией и так называемым русским символизмом.

Не все авторы делают это наивно и обнаженно. Так, книги Андрея Белого “На рубеже двух столетий” и “Начало века” несомненно “антиклерикальны”. Автор довольно жестоко расправляется со жрецами

⁸⁹ Там же. С. 11.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ На литературном посту. 1932. № 3. С. 12.

⁹² Там же. С. 19.

⁹³ Книпович Е. Сопrotивление материала // Красная новь. 1935. № 3. С. 225–234.

⁹⁴ Книпович Е. Сопrotивление материала. С. 227.

⁹⁵ Книпович Е. Об Александре Блоке. С. 4.

и “теургами”, но только для того, чтобы спасти самое “божество”. [...] Символизм в изображении Андрея Белого оказывается непризнанным союзником русского рабочего движения, действующим другими методами и в иной плоскости, родным братом революционного марксизма»⁹⁶.

Уверовав в «революционную теорию», Е.Ф.К. обличает символизм как «веру»: «Символизм, который декларировался как мироощущение и миропонимание, как содержание собственной жизни, или, говоря по честности, как своеобразная религия (о том, что символизм был задан именно так, говорят и статья Белого “Символизм, как мировоззрение”, и статья Блока “О символизме”, и статья Брюсова) [...]»⁹⁷

В одном из главных героев «Ворона» Лагоде очевидно сливаются две ипостаси — Андрея Белого и автора. Е.Ф.К., понимая это, говорит о «чудаковатом учителе Лагоде», «антике», «которого автор до известной степени сделал своим “рупором”»⁹⁸, и связывает его с героем «Сумасшедшего корабля», «тоже учителем» Сохатым, «который ухитрился написать поистине блестящую статью о “романе итогов” (то есть о “Петербурге” Андрея Белого), которая в 1925 году была напечатана под названием “Пропетый гербарий” за подписью Ольги Форш»⁹⁹. Лагода на протяжении всего романа играет навыками упраздненного символизма, [...] он пишет сочинение о Гоголе — “отце символизма” [...]»¹⁰⁰

Е.Ф.К. здесь отсылает к «Мастерству Гоголя» (1934) Андрея Белого. Л.Б. Каменев в предисловии к этой книге (сглаженном по сравнению с предисловием к «Началу века», где символизм назван явлением «творческой деградации и вырождения», продуктом «загнивания русской буржуазной культуры») в своем «марксистском» презрении назвал взгляды Белого «отрыжкой» «мистико-идеалистических представлений»¹⁰¹.

⁹⁶ Там же. С. 225. Еще Бунин в 1918 г. замечал, что Андрей Белый «сочетает свой большевизм с обычной для него теософией» (цит. по: *Бунин И.А.* Публицистика 1918–1953 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова. М., 2000. С. 21). То же писал о Белом Н.К. Чуковский в воспоминаниях, относящихся к 1924 г.: «...в его уме каким-то таинственным образом марксизм уживался с антропософией» (*Чуковский Н.* Литературные воспоминания. М., 1989. С. 142), а В.П. Веригина вспоминала (о 1908 г.): «Андрей Белый знакомил меня с марксизмом» (Театральные воспоминания о Блоке В.П. Веригиной и Н.Н. Волоховой / Публ. Д.Е. Максимова и З.Г. Минц, коммент. З.Г. Минц // Ученые записки Тартуского гос. университета: Труды по русской и славянской филологии. IV. Вып. 104. Тарту, 1961. С. 339).

⁹⁷ *Книпович Е.* Сопrotивление материала. С. 228.

⁹⁸ Там же. С. 229.

⁹⁹ *Форш О.* «Пропетый Гербарий» // Современная литература. Сб. статей. Л., 1925. С. 31–47; любопытно, что статье Форш предшествует вполне «символистская» статья Е.Ф.К. «Дело Блока» (с. 23–30).

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ *Белый А.* Мастерство Гоголя. М.; Л., 1924. С. VIII. Белый, к тому времени, видимо, привыкший к уничижительным формулировкам и тону «марксистской» критики, счел это высокомерно-резкое предисловие приемлемым, записав в дневнике: «статья вполне приличная, приятная для меня» (Литературное

Впрочем, Каменев, в те поры чувствовавший себя волком в загоне, мечтавший о том, чтобы Сталин забыл о нем, лишь повторил не раз сказанное. Троцкий давно насадил Андрея Белого на большевистскую булавку, объявив, что в нем «упадочная по настроениям и захвату, утончавшаяся по технике, индивидуалистическая, символическая, мистическая литература находит наиболее сгущенное свое выражение...»¹⁰², и закрыл тему приговором: «Белый — покойник, и ни в каком духе он не воскреснет»¹⁰³.

В рецензии на роман Ольги Форш Е.Ф.К. выступила как верная соратница Каменева. Собственно, она и была ею, хотя, по понятным причинам, нигде о своих отношениях с павшим вождем не упоминала. В письме (судя по сохранившемуся конверту, посланному не по почте) она пишет сестре (30 января 1932): «Я всё плотнее запутываюсь в сетях Каменева. Он таким старым Черномором меня обольщает и убеждает, что литература и критика — тлен, что рапповцы — глупые мальчишки, и что с ним, занимаясь историческими делами, я буду как у Христа “в запасе”, никто меня не тронет и т. д. Он втягивает меня во все новые и новые предприятия и деньги, теперь, вероятно, будут постоянно и отпуск обеспечится». Из письма 13 июля 1932 г.: «Каменев уезжает в Тиберду, но надавал мне массу дел по Асадемии». Есть упоминания Каменева и в других ее письмах того времени, в частности, о помощи Льву Борисовичу в его занятиях наследием Герцена.

Пожалуй, защита «пламенной старухи» Е.Ф.К. удалась, судя хотя бы по такой характеристике романа, вскоре появившейся в советской энциклопедии: «...Форш обнажает и разоблачает символизм как буржуазно-упадочное сугубо индивидуалистическое искусство и подходит к более правильному пониманию проблемы коллективизма и личности в Советском Союзе»¹⁰⁴. Но видится здесь и карьерный расчет критикессы, некогда близкой к Блоку, а теперь «революционно» разделяющей с символизмом.

О Белом, как и о Блоке, Е.Ф.К. станет вспоминать уже совсем в иные времена, но так же, как и большинство советских литературоведов, изображая их «дружбу-вражду» главным образом противопоставлениями. Ее статья «Мой Вагнер» (1985) наглядно это демонстрирует. «Любопытно, насколько по-разному трактовали тему “пожара Валгаллы” и “гибели

наследство. Т. 105: Андрей Белый. Автобиографические своды: Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / Отв. ред. А.Ю. Галушкин, О.А. Коростелев; науч. ред. М.Л. Спивак; сост. А.В. Лавров, Дж. Малмстад; подгот. текста А.В. Лаврова, Дж. Малмстада, Т.В. Павловой, М.Л. Спивак; статьи и коммент. А.В. Лаврова, Дж. Малмстада, М.Л. Спивак. М., 2016. С. 1004).

¹⁰² Троцкий Л. Литература и революция. С. 34–35.

¹⁰³ Там же. С. 40.

¹⁰⁴ Большая советская энциклопедия. Т. 58. М., 1936. Стлб. 261.

богов” Блок и Андрей Белый», — говорит Е.Ф.К. и приводит слова Блока, вырванные из контекста переписки с Белым: «Я не мистик, а всегда был хулиганом, я думаю. Для меня и место-то, может быть, не совсем с Тобой, Провидцем, знающим пути, а с М. Горьким...». Тут же она замечает, что для Андрея Белого «тема “гибели богов” теснейшим образом слилась с учением “доктора”¹⁰⁵ — пророка антропософии». И добавляет, что «даже приветствуя Октябрь (что навсегда останется в биографии Белого), он по-своему “брал под защиту” Валгаллу»¹⁰⁶.

«Октябрь», отношение к нему для Е.Ф.К., «бойца идеологического фронта», — главное в оценке современников Блока, и это обозначение большевистской революции как заклинание многожды (тут она не оригинальна) повторяется в ее текстах. В статье «Читая Ленина», борясь с «упразднителями марксизма-ленинизма за рубежом»¹⁰⁷ и осуждая предпочтения западных славистов, она недовольно говорит о «холодке» в их отношении к Горькому или Фадееву¹⁰⁸ и удивляется такому же «холодку» в отношении к Блоку в противоположность Андрею Белому, вызывающему «горячее и всеобщее поклонение»¹⁰⁹, или Леониду Андрееву. И тут же встает на защиту «советского» Белого, который, в отличие от Андреева, «по-своему, в религиозных образах, но воспел [...] “неописуемый, огненный год”», и этим «как и автор “Двенадцати”, поставил себя в ту пору вне рядов буржуазной интеллигенции ...»¹¹⁰

За долгую жизнь Е.Ф.К. сделала карьеру советского критика, недреманного стража идейности и партийности. Ахматова в 1960-е гг. назвала ее «настоящей леди Макбет»¹¹¹, имея в виду деятельность Е.Ф.К. как издательского рецензента (она помешала, например, выходу поэтических книг Д. Кедрина¹¹², М. Петровых¹¹³, А. Тарковского¹¹⁴ и др.). Но годы ее молодости были озарены близостью к Александру Блоку и его совре-

¹⁰⁵ Так последователи называли Рудольфа Штейнера (1861–1925), философа-мистика, основателя и руководителя Антропософского общества.

¹⁰⁶ Книпович Е. Об Александре Блоке. С. 117.

¹⁰⁷ Книпович Е. За 20 лет: Статьи. М., 1978. С. 19.

¹⁰⁸ Там же. С. 12.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой: В 3 т. М., 1997. Т. 2: 1952–1962. С. 210.

¹¹² См.: Кедрин С.Д. Жизнь вопреки всему: Тайна рождения и тайна смерти поэта Дмитрия Кедрина. Днепропетровск, 2006. С. 249.

¹¹³ См.: Ефимов Е. Мария Петровых. Неизданные стихи // Знамя. 1998. № 12. С. 127.

¹¹⁴ «А. Тарковский принадлежит к адептам того “черного пантеона”, который воздвигнут в умах и сердцах довольно многих его сверстников. Гумилев, Мандельштам, Ходасевич соблазнили немало народу...» — писала Е.Ф.К. в рецензии, помешавшей выходу первой книги стихов поэта (цит. по: Тименчик Р. Сергей Спасский и Ахматова // Toronto Slavic Quarterly. № 50. URL: http://sites.utoronto.ca/tsq/50/tsq50_timenchik.pdf).

менникам. Публикуемые ниже письма А.А. Тургеневой, А.Д. Бугаевой, В.В. Егорьева и Андрея Белого, сохранившиеся в ее архиве, говорят именно об этом недолгом времени и добавляют немногие, но живые подробности к биографии выдающегося писателя начала XX в.

1

Письмо А.А. Тургеневой Андрею Белому

[декабрь 1917]¹¹⁵

Боринька, эти недели пишу тебе реже так всё неуверенно. Не знаю дойдет ли хоть что-нибудь. Спасибо за телеграмму. Я хоть не беспокоилась всё же уверенней. Сейчас у нас начинается предрождественская суэта, репетиции приготовления. Но я не участвую из предосторожности. Мастерскую плохо топят и все не вылезают из насморков¹¹⁶.

Сижу дома. Много рисую, граввирую. Кончила композицию в 5 фигур¹¹⁷. Постараюсь ее прислать. Теперь работаю над портретом Д[окто]р[а]. К несчастью по фотографии. На днях меня позовут работать на группе. Она совсем кончена в пластилине. Составляют дерево. Вышла задержка, потому что надо было сделать новую фигуру, для равновесия¹¹⁸. Вышло очень хорошо. Это элементарное существо с крыльями

¹¹⁵ Письмо не датировано, конверт отсутствует. Авторство и дата установлены по содержанию и почерку. Письмо отправлено из Дорнаха (Швейцария), где А.А. Тургенева осталась после отъезда Белого в Россию в середине августа 1916 г. Каким образом письмо оказалось в архиве Е.Ф. Книпович, установить не удалось. В воспоминаниях «Андрей Белый и Рудольф Штейнер» А. Тургенева писала: «Из-за условий его жизни переписка с ним вскоре прекратилась...» (*Тургенева А. Андрей Белый и Рудольф Штейнер // Воспоминания об Андрее Белом / Сост. и вступ. ст. В.М. Пискунова. М., 1995. С. 200*). Письма Белого А.А. Тургеневой после их расставания см.: *Andrej Belyj at Home and Abroad (1917–1923): Materials for a Biography // Europa Orientalis. 1989. № 8. P. 430–450*; а также: Письма Аси Тургеневой Андрею Белому // «Люблю тебя нежно...»: Письма Андрея Белого к матери: 1899–1922 / Сост., предисл., вступ. ст., подгот. текста и коммент. С.Д. Воронина. М., 2013. С. 257–258.

¹¹⁶ Речь идет не только о репетициях, но и об упоминающейся ниже работе над скульптурной группой Р. Штейнера и Эдит Марион для Гётенаума, выполнявшейся в дереве. Тургенева вспоминала: «Из-за холода нам часто приходилось репетировать в пальто, и наши стамески на морозе ломались. Надо было экономить на еде; мы были вынуждены оплачивать из собственного тощего кармана единственного оставшегося рабочего...» (*Тургенева А. Воспоминания о Рудольфе Штейнере и строительстве первого Гётенаума. М., 2002. С. 103*).

¹¹⁷ Тургенева работала над оконными витражами Гётенаума по эскизам Р. Штейнера.

¹¹⁸ Она рассказывает об этом в воспоминаниях, приводя слова Штейнера: «... для выравнивания мне надо слева еще что-то изобразить...» (*Тургенева А. Указ. соч. С. 119*).

выходящими из головы, которое сверху наклоняется и смотрит на происходящее.

Очень мы рады, что вы решили устроить серию лекций¹¹⁹. Лишь бы вам удалось это провести.

Ты прав исторические события не охватываются абстрактной логикой. Они были доступны чувству, но в чувство наше сознание не проникает, там мы слепы и нас ведет что — мы не знаем. И как легко спутать эти подсознательные импульсы с ожившей мыслью. Критическая мысль залог нашей свободы. Она спасает от этого моря чувств в кот[орых] так легко захлебнуться, но свобода связана с ошибкой. Выведут нас из хаоса только те, кто смогут подняться до подлинно творческих мыслей. Не «научные» проэскты помогут, а нимфа Эгерия¹²⁰. Но не будем болтуна называть солнцем и золотую корову — свободой. Свобода всегда внутри человека и всегда в будущем.

Боринька, ты опять пишешь совершенные глупости о моем стиле. Если бы я вздумала писать дифирамбы Лойд Джорджу¹²¹ или Керенскому¹²², я бы там и поставила восклицательные знаки. Это не трудно. Наивен то ты. У нас поселился котенок совершенно из своей воли пришел кривой — его собаки должно быть покусали. Теперь глаз лучше, только с бельмом. Много с ним играю. Последние деньги получила в августе. Ты их выслал кажется в июле¹²³. С грехом пополам живем. Что курс пал естественно, раз и в России деньги ничего не стоят.

¹¹⁹ Очевидно, имеется в виду курс лекций «Мир духа», читавшихся Белым в московском отделении Антропософского общества в декабре 1917 — феврале 1918 гг.

¹²⁰ Эгерия — в рим. миф. нимфа-прорицательница источника; супруга римского царя Нумы Помпилия, после смерти которого превратилась в источник. Очевидно, что здесь Эгерия предстает в истолковании Штейнера, например, в одной из лекций (Дорнах, 5 января 1918) он говорил: «...совместная жизнь людей на Земле тоже мыслилась в соединении с [...] микро-макро-космической связью. *Нума Помпилий (римский царь)* пришел к нимфе Эгерии, чтобы получить от нее резюме, выводы о том, как должен он установить отношения, социальные отношения в Римском государстве. Это означало ничто иное, как: он позволил сообщить ему звездную мудрость, он позволил сообщить ему то, что говорят звезды о том, как должен человек устанавливать социальные отношения» (*Штейнер Р. Мистериальные истины и импульс Рождества: Древние мифы и их значение. Шестнадцать лекций, прочитанных в Базеле 23 декабря 1917 г. и в Дорнахе от 24 декабря 1917 г. по 24 января 1918 / Пер. с нем. А. Демидова. URL: http://samlib.ru/d/demidow_a_a/11-180.shtml*).

¹²¹ Ллойд-Джордж Дэвид (1863–1945) — премьер-министр Великобритании в 1916–1922 гг.

¹²² Керенский Александр Федорович (1881–1970) — министр-председатель Временного правительства с 11 июля 1917 г.

¹²³ 27 июля 1917 г. Белый писал Иванову-Разумнику: «...не поеду [в Царское Село — Б.Р.]... пока не переведу Асе деньги (к середине августа)» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 124).

Я просила главным образом твои газетные статьи, их пересылать можно. О рукописи глупо было беспокоиться, они были посланы по просьбе и рекомендации Моргенштерн¹²⁴ и давно вернулись.

Милый, стихи хороши, но не несуществовавших гитар я люблю в Монреале¹²⁵. Они их портят.

Целую мой Боринька. Не грусти.

2

Письмо В.В. Егорьева¹²⁶ Андрею Белому

Товарищ Белый

я послал Вам записку, что посылаю деньги. Т.к. она была написана на улице и к тому же деньги я не успел передать, то я извиняюсь за причиненное Вам беспокойство.

Теперь, посылая Вам 120 000 рублей, обращаюсь к Вам с более обстоятельной просьбой. В Петрограде есть некая Евгения Федоровна Книпович, которую Вы знаете и считаете артисткой. Она большой друг семейства А. А. Блока.

Я был бы Вам бесконечно благодарен, если бы Вы не отказались передать эти деньги ей или в семейство А.А., которых Вы, вероятно, видите.

Я надеюсь, что Вы извините мою смелость обратиться к Вам — совершенно незнакомому человеку, но я рискую это сделать только потому, что деньги эти очень нужны, по почте будут идти бесконечно, а с отъез-

¹²⁴ Очевидно, имеется в виду вдова немецкого поэта Кристиана Моргенштерна (1871–1914), антропософка Маргарете Моргенштерн (урожд. Гозебрух фон Лихтенштерн; 1879–1968), способствовавшая изданию немецкого перевода романа Андрея Белого «Петербург» (1919).

¹²⁵ Речь идет о стихотворении Андрея Белого «Асе» («В безгневном сне, в гнетуще-грустной неге...»), написанном в июне 1917 г. в Демьянове (впервые: Скрижаль. Сб. 1. Пг., 1918. С. 58, затем вошло в книгу «Звезда»), и о строках его последней строфы: «Сицилия... И — страстные гитары... / Палермо, Монреаль... Радес... / Люблю!...» *Монреаль* (Монреале) — городок близ Палермо, где Белый и А.А. Тургенева жили во второй половине декабря 1910 г.

¹²⁶ Егорьев Владимир Владимирович (1896–1943) — юрист, автор работ по международному праву, сотрудник НКВД; сын генерал-лейтенанта В.Н. Егорьева, ставшего советским военачальником, в гражданскую войну командовавшего фронтом. В 1939 г. арестован, умер в лагере. См. о нем: Лицейская энциклопедия. Т. 2: Императорский Александровский лицей (1844–1917) / Под ред. С.М. Некрасова. СПб., 2013. С. 217–218; *Аксакова-Сиверс Т.А.* Семейная хроника. Кн. 2. Париж, 1988. С. 247–248. После отъезда из Харькова, с декабря 1920 г. до марта 1921 г. мать Е.Ф. Книпович и ее брат Сергей жили в квартире Егорьевых (Трубниковский пер., д. 30, кв. 14), имя Егорьева встречается в переписке Книповичей в разные годы. Очевидно, что в денежной помощи семье А.А. Блока (о ее результатах нам неизвестно) Егорьев участвовал по просьбе Е.Ф.К. Письмо (с ошибочной датой) частично опубликовано: *Чепик-Юренева И.* Моя любовь. Мои напечатления: 1941–2013. М., 2013. С. 203–204.

дом из Петрограда С. П. Ремизовой в Управлении Упол[номоченного] НКВД никого знакомых не остается¹²⁷.

Уважающий Вас В. Егорьев
Москва 24. 8. 21 г.

P.S. Если бы Вы не нашли возможным передать письма, то не откажите вызвать к себе Е.Ф. и, в крайнем случае, известить меня по адресу «Москва НКВД эксперту В.В. Егорьеву» через курьера.

3

Письмо А.Д. Бугаевой к Е.Ф. Книпович

Без даты [зима 1922]¹²⁸

Многоуважаемая Евгения Федоровна

Не нахожу слов как мне благодарить за Вашу доброту и те хлопоты что Вы берете на себя, ходя по несколько раз в мою квартиру за справкой. Я ничего не понимаю, что все это значит, это упорное нежелание отвечать мне на мой запрос о моем доме, со стороны моих жильцов. Я решила на этот раз обратиться к жене управляющего нашего дома А.И. Граховской¹²⁹. Будьте так добры дорогая Евгения Федоровна передать ей это письмо адресованное на ее имя. Это в нашем же доме по Никольскому пер. 21¹³⁰. Номер ее квартиры я забыла. Надо войти в дверь и там их

¹²⁷ Ремизова-Довгелло Серафима Павловна (1876–1943) — палеограф; жена А.М. Ремизова; до отъезда 5 августа 1921 г. за границу служила в библиотеке Наркоминдела. «Если мамочка уедет, мы с Верой поселимся у Алексея Ремизова. Он и его жена мои большие друзья», — писала Е.Ф. Книпович брату, К.Ф. Книпович, 29 января 1920 г. Сохранились 8 писем С.П. Ремизовой-Довгелло к Е.Ф. Книпович за 1922–1926 гг. (Гос. мемориальный музей-заповедник Д.И. Менделеева и А.А. Блока).

¹²⁸ Бугаева Александра Дмитриевна (урожд. Егорова; 1858–1922) — мать Андрея Белого. Упоминание о знакомстве с ней Е.Ф.К. см.: *Книпович Е.* Об Александре Блюке. С. 28. См. также: «Люблю тебя нежно...»: Письма Андрея Белого к матери (1899–1922) / Сост. предисл., подгот. текстов и коммент. С.Д. Воронина. М., 2013. Е.Ф. Книпович переехала в Москву в январе 1922 г., уже, очевидно, имея просьбы и поручения А.Д. Бугаевой, жившей с 9 декабря 1921, видимо, до поздней весны 1922 г. в Петрограде в квартире Б.Г. Каплуна и беспокоившейся за оставленную в Москве квартиру, о чем идет речь в письме, которое можно датировать февралем — началом марта 1922 г.; см. также запись К.И. Чуковского от 19 декабря 1921 г.: «Белицкий приютил мамашу Андрея Белого...» (*Чуковский К.* Дневник: 1901–1921. М., 2011. С. 370).

¹²⁹ Сведений об А.Н. Гроховской разыскать не удалось.

¹³⁰ Никольский (ныне Плотников) пер., д. 21, кв. 7; в эту квартиру в дом Новикова в августе-сентябре 1906 г. А.Д. Бугаева переехала с сыном, где жила до кончины 20 октября 1922 г. «С ее смертью кончилась жизнь в Никольском переулке на Арбате.

подъезд с левой стороны на самом верху. Я прошу её ответ дать с Вами и Клара Гитманов[на]¹³¹ привезет его мне сюда. Ее лучше заставить от семи до девяти вечера. И еще к Вам просьба: занести письмо на Кудринскую Садовую д. 6¹³². И если можно чтоб дали также ответ с Вами, или же принесли Вам на Вашу квартиру.

Это письмо важно по делу, и я буду Вам безгранично признательна.
Всего Вам доброго

А. Бугаева

4

Письмо Андрея Белого к Е.Ф. Книпович

[4 или 5 (?) февраля 1924]¹³³

Дорогая Евгения Федоровна,

Я слышал, что в пятницу¹³⁴ Вы едете в Петербург. У меня к Вам огромная просьба. Передайте оба прилагаемых письма Р.В. Иванову (одно ему лично: мне очень важно, чтоб он его получил¹³⁵); второе — для дня чествования Сологуба от имени «Вольфи́лы»¹³⁶ (написанное по просьбе Разумника: для 11 февраля¹³⁷). Буду Вам крайне благодарен, если Вы оба письма доставите в «Вольфилу». Если бы Вы не поехали

Их старая квартира была занята новыми жильцами» (*Зайцев П.* Воспоминания. С. 46).

¹³¹ Каплун Клара Гитмановна (1892–1953) — сестра Б.Г. Каплуна, издателя С.Г. Каплуна, скульптора С.Г. Спасской (жены поэта С.Д. Спасского), близких Андрею Белому; была начальницей Белого по службе в Фундаментальной библиотеке Наркомата иностранных дел с 3 апреля до начала июня 1921 г.; позднее стала второй женой С.Д. Спасского.

¹³² В доме 6 кв. 2 на Садовой-Кудринской помещалось московское отделение Русского Антропософского общества (см.: *Жемчужникова М.Н.* Воспоминания о московском Антропософском обществе (1917–23 гг.) / Публ. Дж. Мальмстада // *Минувшее: Исторический альманах.* 6. М., 1992. С. 16), куда Андрей Белый переехал вместе с А.С. Петровским из квартиры матери 14–15 февраля 1918 г. и прожил с перерывами до 26 августа 1919 г. Возможно, упоминаемое письмо А.Д. Бугаевой было обращено к А.С. Петровскому.

¹³³ Письмо на тетрадном листе в клетку, без даты (датируется по содержанию), послано не по почте, на конверте рукой Белого: «Евгении Федоровне Книпович (от А. Белого)».

¹³⁴ 8 февраля 1924 г.

¹³⁵ Письмо от 6 февраля 1924 г.; см.: Андрей Белый и Иванов-Разумник. *Переписка.* С. 283–289.

¹³⁶ «Черновой набросок приветственного слова от имени “Вольфи́лы”» см.: Андрей Белый и Иванов-Разумник. *Переписка.* С. 279–280.

¹³⁷ Юбилейное чествование Федора Сологуба по случаю сорокалетия его литературной деятельности состоялось 11 февраля 1924 г. в Государственном Академическом Драматическом театре в Ленинграде.

в Петербург, то, может быть, письма Вы занесли бы к Нилендеру¹³⁸ (тогда я бы одно из писем сам бы свез 13 в Петербург, если туда поеду: еще не знаю, поеду ли¹³⁹). Простите за беспокойство. Счастливого путешествия. Остаюсь искренне преданный Вам

Борис Бугаев

Литература

Александр Блок в дневнике Е.П. Иванова (1903–1941) / Подгот. текста, вступ. ст. и коммент. О.Л. Фетисенко // Александр Блок: Исследования и материалы. СПб.: Пушкинский дом, 2011. С. 311–436.

Андрей Белый. Александр Блок. Москва / Сост. М.Л. Спивак, Е.В. Наседкина, А.Э. Рудник, М.Б. Шапошников. М.: Московские учебники и картолитогрфия, 2005. 376 с.

Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. / Публ., вступ. ст. и коммент. А.В. Лаврова и Дж. Мальмстада; подгот. текста Т.В. Павловой, А.В. Лаврова и Дж. Мальмстада. СПб.: Atheneum; Феникс, 1998. 736 с.

Андрей Белый. Хронологическая канва жизни и творчества / Сост. А.В. Лавров // Андрей Белый: Проблемы творчества: Статьи, воспоминания, публикации. Сб. / Сост. С.С. Лесневский, А.А. Михайлов. М.: Советский писатель, 1986. С. 773–805.

Белоус В. Вольфила: В 2 кн. Кн. 2: Хроника. Портреты. М.: Модест Колеров и «Три Квадрата», 2005. 800 с.

Белый А. Дневниковые записи / Предисл. и публ. С.С. Гречишкина и А.В. Лаврова // Литературное наследство. Т. 92: Александр Блок: Новые материалы и исследования. Кн. 3. М.: Наука, 1982. С. 788–830.

Жемчужникова М.Н. Воспоминания о московском Антропософском обществе (1917–23 гг.) / Публ. Дж. Мальмстада // Минувшее: Исторический альманах. 6. СПб.: Феникс, 1992. С. 7–53.

Зайцев П.Н. Воспоминания / Сост. М.Л. Спивак; вступ. ст. и примеч. Дж. Малмстада, М.Л. Спивак. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 752 с.

Ильюнина Л.И. Московская ассоциация по изучению творчества А. Блока // Александр Блок: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1991. С. 213–220.

Книпович Е. Об Александре Блоке: Воспоминания. Дневники. Комментарии. М.: Сов. писатель, 1987. 178 с.

Литературное наследство. Т. 105: Андрей Белый. Автобиографические своды. Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники

¹³⁸ У В.О. Нилендера (Ваганьковский пер., д. 6, кв. 12) Белый останавливался, приехав из Берлина в Москву, бывал у него время от времени и оставался ночевать.

¹³⁹ Речь идет о предполагавшихся лекциях Белого в Ленинграде 14 и 16 февраля 1924 г.; см.: Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 293. Белый выехал в Ленинград раньше — 10 февраля и пробыл там до 19-го, 11 февраля выступив на чествовании Сологуба и прочитав две лекции: 14 — «Одна из обителей теней» и 18 — «Поэзия Блока».

1930-х годов / Сост. А.В. Лавров, Дж. Малмстад; науч. ред. М.Л. Спивак; отв. ред. А.Ю. Галушкин, О.А. Коростелев. М.: Наука, 2016. 1120 с.

Локс К. Повесть об одном десятилетии (1907–1917) / Публ. Е.В. Пастернак и К.М. Поливанова // *Минувшее: Исторический альманах*. 15. СПб.: Atheneum; Феникс, 1994. С. 7–162.

«Люблю тебя нежно...»: Письма Андрея Белого к матери: 1899–1922 / Сост., предисл., вступ. ст., подгот. текста и коммент. С.Д. Воронина. М.: Река Времени, 2013. 272 с.

Магомедова Д. Автобиографический миф в творчестве Александра Блока. М.: Мартин, 1997. 221 с.

Театральные воспоминания о Блоке В.П. Веригиной и Н.Н. Волоховой / Публ. Д.Е. Максимова и З.Г. Минц, коммент. З.Г. Минц // *Ученые записки Тартуского гос. университета*. Вып. 104: Труды по русской и славянской филологии. IV. Тарту, 1961. С. 304–378.

Тименчик П. Сергей Спасский и Ахматова // *Toronto Slavic Quarterly*. 2014. № 50. URL: http://sites.utoronto.ca/tsq/50/tsq50_timenchik.pdf (дата обращения: 02.04.2019)

References

Aleksandr Blok v dnevnikе E.P. Ivanova (1903–1941) [Alexander Blok in E.P. Ivanov's diary (1903–1941)], ed., intro. and comment. by O.L. Fetisenko. *Aleksandr Blok: Issledovaniia i materialy* [Alexander Blok: Studies and materials]. St. Petersburg, Pushkin House Publ., 2011, pp. 311–436. (In Russ.)

Andrei Belyi i Ivanov-Razumnik. Perepiska [Andrei Bely and Ivanov-Razumnik. Correspondence], publ., intro., comment. by A.V. Lavrov and J. Malmstad, ed. by T.V. Pavlova, A.V. Lavrov, J. Malmstad. St. Petersburg, Atheneum Publ., Feniks Publ., 1998. 736 p. (In Russ.)

Andrei Belyi. Aleksandr Blok. Moskva [Andrei Bely. Alexander Blok. Moscow], comp. by M.L. Spivak, E.V. Nasedkina, A.E. Rudnik, M.B. Shaposhnikov. Moscow, Moskovskie uchebniki i kartolitografiia Publ., 2005. 376 p. (In Russ.)

Andrei Belyi. Khronologicheskaiia kanva zhizni i tvorchestva [Andrei Bely. Chronology of life and work], comp. by A.V. Lavrov. *Andrei Belyi: Problemy tvorchestva: Stat'i, vospomaniia, publikatsii. Sb.* [Andrei Bely: Problems of creative work: Articles, memoirs, publications. A collection], comp. by S.S. Lesnevsky, A.A. Mikhaylov. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1986, pp. 773–805. (In Russ.)

Belous V. *Vol'fila: V 2 kn. Kn. 2: Khronika. Portrety* [Vol'fila: In 2 books. Book 2: Chronicle. Portraits]. Moscow, Modest Kolerov i "Tri Kvadrata" Publ., 2005. 800 p. (In Russ.)

Belyi A. Dnevnikovye zapisi [Diary notes], intro. and publ. by S.S. Grechishkin and A.V. Lavrova. *Literaturnoe nasledstvo. T. 92: Aleksandr Blok: Nove materialy i issledovaniia. Kn. 3* [Literary heritage. Vol. 92: Alexander Blok: New materials and studies. Book 3]. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 788–830. (In Russ.)

Il'iunina L.I. Moskovskaia assotsiatsiia po izucheniiu tvorchestva A. Bloka [Moscow association for the study of A. Blok's works]. *Aleksandr Blok: Issledovaniia i materialy*

[Alexander Blok: Studies and materials]. Leningrad, Nauka Publ., 1991, pp. 213–220. (In Russ.)

“*Liubliu tebia nezžno...*”: *Pis'ma Andreia Belogo k materi: 1899–1922* [“I love you dearly...”: Andrei Bely’s letters to his mother: 1899–1922], comp., intro., ed. and comment. by S.D. Voronin. Moscow, Reka Vremen Publ., 2013. 272 p. (In Russ.)

Knipovich E. *Ob Aleksandre Bloke: Vospominaniia. Dnevnik. Kommentarii* [About Alexander Blok: Memoirs. Diaries. Comments]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1987. 178 p. (In Russ.)

Literaturnoe nasledstvo. T. 105: Andrei Belyi. Avtobiograficheskie svody: Material k biografii. Rakurs k dnevniku. Registratsionnye zapisi. Dnevnik 1930-kh godov [Literary heritage. Vol. 105: Andrei Bely. Autobiographical codes: Biography material. An aspect for the diary. Registration records. 1930s diaries], comp. by A.V. Lavrov, J. Malmstad, ed. by M.L. Spivak. Moscow, Nauka Publ., 2016. 1120 p. (In Russ.)

Loks K. *Povest' ob odnom desiatiletii (1907–1917)* [A tale of a decade (1907–1917)], publ. by E.V. Pasternak and K.M. Polivanov. *Minvshee: Istoricheskii al'manakh. 15* [The past: Historical almanac. 15]. St. Petersburg, Atheneum Publ., Feniks Publ., 1994, pp. 7–162. (In Russ.)

Magomedova D. *Avtobiograficheskii mif v tvorchestve Aleksandra Bloka* [Autobiographical myth in Alexander Blok’s works]. Moscow, Martin, 1997. 221 p. (In Russ.)

Teatral'nye vospominaniia o Bloke V.P. Veriginoi i N.N. Volokhovoi [Theatrical memoirs of Blok by V.P. Verigina and N.N. Volokhova], publ. by D.E. Maksimov and Z.G. Mints, comment. by Z.G. Mints. *Uchenye zapiski Tartuskogo gos. universiteta. Vyp. 104: Trudy po russkoi i slavianskoi filologii. IV* [Proc. Tartu State Univ. Iss. 104: Studies on Russian and Slavic philology. IV]. Tartu, 1961, pp. 304–378. (In Russ.)

Timenchik R. *Sergei Spasskii i Akhmatova* [Sergei Spassky and Akhmatova]. *Toronto Slavic Quarterly, 2014, no. 50*. Available at: http://sites.utoronto.ca/tsq/50/tsq50_timenchik.pdf (accessed: 02.04.2019) (In Russ.)

Zaitsev P.N. *Vospominaniia* [Memoirs], comp. by M.L. Spivak, intro. and notes by J. Malmstad, M.L. Spivak. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2008. 752 p. (In Russ.)

Zhemchuzhnikova M.N. *Vospominaniia o moskovskom Antroposofskom obshchestve (1917–23 gg.)* [Memories of the Moscow Anthroposophical Society (1917–23)], publ. by J. Malmstad. *Minvshee: Istoricheskii al'manakh. 6* [The past: Historical almanac. 6]. St. Petersburg, Feniks Publ., 1992, pp. 7–53. (In Russ.)

Andrei Bely and E.F. Knipovich

© 2019, Boris Romanov

Abstract: Based on both well-known sources and unpublished materials, the article follows the relations between Andrei Bely and Ye.F. Knipovich and the evolution of her views on Symbolism. Letters of A.A. Turgeneva and V.V. Yegoryev to A. Bely and letters of A. Bely and A.D. Bugaeva to E.F. Knipovich, preserved in her archives, are being published for the first time.

Keywords: Andrei Bely, E.F. Knipovich, M.A. Beketova, A.A. Blok, O.D. Forsh, L.B. Kamenev, Symbolism, Association for the study of A. Blok's works

Information about the author: Boris Romanov, independent researcher, Moscow, Russia. E-mail: bnroma@yandex.ru

Citation: Romanov Boris. Andrei Bely and E.F. Knipovich. *Literary fact*, 2019, no. 2 (12), pp. 259–284. DOI 10.22455/2541-8297-2019-12-259-284

DOI 10.22455/2541-8297-2019-12-285-316
УДК 821.161.1

О людях и куклах: Пьеса «Вторник Мэри» и писательские стратегии М.А. Кузмина рубежа 1910–1920-х гг.

© 2019, А.С. Пахомова

Аннотация: В статье рассматривается контекст создания и публикации пьесы М.А. Кузмина «Вторник Мэри». Анализ пьесы и связанных с ней текстов демонстрирует, что одной из ключевых в творчестве Кузмина конца 1910-х — начала 1920-х гг. была тема «кукольности», уподобления людей куклам и автоматам. Рассмотрение пьесы на фоне литературной и общественной ситуаций 1917 г. (времени написания) и 1921 г. (времени публикации) показывает, как изменялась писательская стратегия Кузмина в первые пореволюционные годы.

Ключевые слова: М.А. Кузмин, «Вторник Мэри», кукольный театр, тема «кукольности», А.А. Блок

Информация об авторе: Александра Сергеевна Пахомова, докторант, Тартуский университет, Тарту, Эстония.

E-mail: aleks.pakhomova@gmail.com

Цитирование: Пахомова А.С. О людях и куклах: Пьеса «Вторник Мэри» и писательские стратегии М.А. Кузмина рубежа 1910–1920-х гг. // Литературный факт. 2019. № 2 (12). С. 285–316. DOI 10.22455/2541-8297-2019-12-285-316

В 1921 г. в издательстве «Петрополис»¹ вышла небольшая, изящно изданная, украшенная обложкой работы М.В. Добужинского, книжечка — пьеса М.А. Кузмина «Вторник Мэри». В печати появилось четыре рецензии на пьесу, в двух из которых отмечено новаторство формы, находящейся, по мнению критиков, под сильным влиянием кинематографа². Эрих Голлербах назвал «Вторник Мэри» «кинематографической

¹ О взаимоотношениях Кузмина с издательством см.: Тимофеев А.Г. Михаил Кузмин и издательство «Петрополис» (Новые материалы по истории «русского Берлина») // Русская литература. 1991. № 1. С. 189–204.

² Л. К[ириллов] (псевдоним Г.О. Винокура). [Рец. на:] Кузмин М. Вторник Мэри // Новый путь. 1921. № 125, 6 июля. С. 4.

фильмой, конспективно рассказанной на тридцати семи страницах (размером с ладонь)»³.

«Вторник Мэри» никогда не ставился на сцене, не переиздавался и во многом поэтому остался несколько в стороне как для читателей Кузмина, так и для литературоведов⁴. Пьеса словно затерялась в творчестве автора — сложная как для постановки, так и для понимания, она остается таковой и поныне. Мы попытаемся предложить несколько объяснений ее особенностям.

Пьеса Кузмина вышла отдельным изданием, которых в творчестве автора было немного. В 1922 г. в издательстве «Неопалимая купина» выйдет схожая книга — «Лесок. Лирическая поэма для музыки с объяснительной прозой в трех частях»: тонкая пьеса трудно поддающегося определению жанра в обложке, выполненной известным художником А.И. Божеряновым. Несмотря на то, что к 1921 г. Кузмин был известен как автор многих пьес и водевилей, единственной отдельной публикацией его пьесы было издание «Венецианские безумцы» (М., 1915)⁵. Этот факт выделяет «Вторник Мэри» из корпуса текстов Кузмина: сам автор по какой-то причине посчитал эту небольшую пьесу настолько значимой, что решил опубликовать отдельным изданием.

Внимательное чтение «Вторника Мэри» заставляет обратить внимание на несколько особенностей. Прежде всего, подзаголовок — «Представление в трех частях для кукол живых или деревянных» — мало похож на обычные подзаголовки пьес Кузмина, указывающие на жанр и количество сцен: «Голландка Лиза. Пастораль в одном действии с танцами и пением» (1910), «Танцмейстер с Херестрита. Водевиль в 1-ом действии с пением и танцами» (1917). На первый взгляд кажется, что пьеса с таким подзаголовком предназначена для кукольного театра. В творчестве Кузмина был и такой прецедент: «Кот в сапогах. Сказка для кукольного театра в 3-ех действиях» (1923), однако заметно, что типологически подзаголовок «Вторника Мэри» отличается и от него. «Представление в трех частях для кукол живых или деревянных» не отвечает на вопрос о постановке, а ставит другие: «куклы деревянные» — это марионетки, но кто тогда «куклы живые»? Если это актеры, то зачем скрывать их за сложной метонимией? Каков жанр постановки, указанной

³ Э[рих] Г[оллербах]. [Рец. на:] Кузмин М. Вторник Мэри // Книга и революция. 1921, № 12, июнь. С. 42.

⁴ Все известные сведения о творческой истории пьесы суммированы в: Тимофеев А.Г. Примечания // Кузмин М.А. Театр: В 4 т. (В 2 кн.) / Сост. примеч., ст. А.Г. Тимофеева; под ред. В. Маркова и Ж. Шерона. Oakland, 1994. Т. IV. [Кн. 2.] С. 336–340. Едва ли не единственная работа, посвященная анализу пьесы: Дмитриев П.В. Примечания / Кузмин М.А. Вторник Мэри // Сорокопут [Lanius Excubitor]. 2013. № 1. С. 40–42.

⁵ Тимофеев А.Г. Примечания. С. 328.

как «Представление» (на фоне обычных для Кузмина «водевиля», «пасторали», «комедии»)? За этими вопросами кроется не противоречащий множеству интерпретаций ответ: подзаголовок принадлежит не миру постановки, а миру текста, он — неотъемлемая часть художественного целого пьесы. Остается непонятным, для чего подобная игра могла понадобиться автору.

Любовная коллизия пьесы не скрывает за собой традиционный для драматургии начала XX в. любовный треугольник: печальный Пьеро — молодой человек, совершающий в итоге самоубийство, пронырливый и успешный в любви Арлекин-Пилот, Коломбина-Мэри⁶. Эту историю дублирует представление в театре, исполняемое персонажами комедии-дель-арте: «На сцене Пьеро вздыхает в кукольном саду при маленькой луне. Коломбина склоняется к нему и замирает банально, пока не затренькала гитара Арлекина...»⁷ Появление в пьесе вставного театра отсылает к другим произведениям Кузмина со схожим сюжетом: комедии «Венецианские безумцы» (1912)⁸ и пантомиме «Духов день в Толедо» (1915). Автор «Вторника Мэри» будто бы намеренно обращает читателя к более ранним своим текстам, заставляя актуализировать контекст литературы и культуры 1910-х гг. В перспективе подобное обращение уводит еще дальше, к самому известному любовному треугольнику театра модернизма — «Балаганчику» А.А. Блока. Любопытно, что это происходит в 1921 г.: в это время у Кузмина сложилась определенная литературная репутация, в какой-то степени дистанцировавшая его от ситуации начала века⁹, однако сам автор, поверх прошедших лет, возвращает читателя именно к этой эпохе.

Наконец, нельзя не отметить, что «Вторник Мэри» меньше всего похож именно на пьесу, т.е. на представление, которое можно сыграть на сцене. В нем отсутствуют традиционные композиционные части драматургического текста (что нехарактерно для драматургии Кузмина): нет списка действующих лиц (что делает невозможным подсчет их точного количества: например, шофер в начале и в конце третьей части — это

⁶ Что отметили и критики: «Канва старая, очень старая, но рисунок новый и тонкий. Он любит ее, она любит другого, и довольный и торжествующий третий. Арлекинада, в которой элемент комедии всегда темно переплетается с элементом трагедии» (*Кричевская Е.* [Рец. на:] М. Кузмин «Вторник Мэри» // *Новый мир* (Берлин). 1921. № 152, 21 июля. С. 7) и др.

⁷ Здесь и далее тексты пьес Кузмина цит. по: *Кузмин М.А.* Театр: В 4 т. (В 2 кн.).

⁸ См. об этом: *Винокуров Ф.* Любовная коллизия и автобиографический подтекст пьесы-стилизации М. Кузмина «Венецианские безумцы» // *Русская филология: Сб. научных работ молодых филологов.* Вып. 15. Тарту, 2004. С. 93–99.

⁹ «К тому времени Кузмин воспринимался читающей публикой как безусловный живой классик, долженствующий освящать своим присутствием всякое литературное предприятие в Петербурге» (*Богомолов Н.А.* Литературная репутация и эпоха // *Богомолов Н.А.* Михаил Кузмин: Статьи и материалы. М., 1995. С. 63).

один и тот же шофер или два разных?), нет деления на сцены и действия. События пьесы укладываются в один день, что отличает ее от небольших, односюжетных водевилей автора и роднит с более протяженными во времени сценическими произведениями, такими как «Комедия о Мартиниане» (1907) или «Счастливейший день, или Два брата» (1918). Обилие «интермедий» и монологов случайных персонажей усложняет развитие действия, постоянно замедляя его. Приемы, требующие дополнительных средств визуализации (разговор по телефону, включающий в себя изображение оживленной улицы между говорящими), метафорические описания («сон танцует над Мэри»), сочетание крупных и общих планов делают этот текст совершенно не сценическим ни на кукольной, ни на «живой» сценах. Вероятно, именно поэтому критики отмечали «кинематографичность» пьесы, пытаясь нащупать и обосновать сложность ее формы.

Суммируя всё вышесказанное, можно сделать вывод, что «Вторник Мэри» — пьеса, с одной стороны, очень «кузминская», с другой — при внимательном рассмотрении — несомненно, выделяющаяся как не имеющая прецедентов в творчестве автора.

Интересна и творческая история нашей пьесы. От «Вторника Мэри» не сохранилось ни автографов, ни черновиков, ни набросков; следы работы над пьесой с таким заглавием обнаруживаются только в авторских списках произведений Кузмина, в которых она упоминается как созданная в 1917 г.¹⁰ Согласно авторскому расположению пунктов в списке (Кузмин долгие годы составлял перечни написанного, тщательно воспроизводя хронологию своей работы), создание «Вторника Мэри» следует локализовать второй половиной года: пьеса завершает перечень созданных в 1917 г. драматических произведений и находится после пантомимы «Два танца», которая была исполнена 2 августа на премьере новой программы «Привала комедиантов»¹¹.

Отметим, что литературная репутация Кузмина к 1917 г. была несколько отлична от репутации начала 1920-х гг., когда его воспринимали как «живого классика». После выхода прославивших автора романа «Крылья» (1906) и сборника «Сети» (1908) Кузмин создал множество произведений различного рода (к 1916 г. вышло восемь томов собрания сочинений Кузмина, которые составляла проза). Большая часть стихотворений, однако, не поднялась до уровня «Сетей», а рассказы, выходявшие в популярных журналах («Аргус», «Огонек», «Лукоморье»), вписывались скорее в русло беллетристической литературы того времени. Сам Кузмин, по всей видимости, культивировал жанр «безделки», делая это

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 5об., 11об.

¹¹ Тимофеев А.Г. Примечания. С. 407.

частью своей творческой стратегии: «Все великие произведения имеют избитые и банальные сюжеты, предоставляя необычайные вещам посредственным. Лучшая проба таланта — писать ни о чем, что так умеет делать Ан. Франс, величайший художник наших дней [...] Едва ли применимы в области искусства выражения “гениальный сюжет”, “талантливая мысль”»¹². Кузмин-драматург в это время — автор легких, занятых водевилей, комедий и пасторалей, которые широко известны театральному Петербургу. Иными словами, очередная небольшая пьеса Кузмина с любовным сюжетом — «Вторник Мэри» — была вполне в духе его дореволюционного творчества и органично бы в него вписалась, тем более что написанные параллельно с пьесой водевиль «Танцмейстер с Херестрита» и пантомима «Два танца» сразу же предполагались к постановке.

Однако актуализации пьесы не произошло ни в 1917 г., ни позднее. Около двух лет Кузмин о ней не вспоминал или не имел возможности опубликовать. Только в 1919 г. вновь возникает след «Вторника Мэри»: 12 апреля Кузмин заключил с З.И. Гржебиным договор на издание своих сочинений в 11 книгах¹³. Последний том этого собрания должны были составить пьесы, в числе которых был и «Вторник Мэри»¹⁴, однако этому проекту не суждено было увидеть свет. Следующий договор на публикацию пьесы Кузмин заключает с владельцем «Петрополиса» Я.Н. Блохом 31 мая 1920 г.¹⁵ и примерно в то же время выступает с ее чтением на вечере в Доме литераторов. Пьеса была воспринята как «изысканный пустяк», находящийся, однако, под влиянием актуальных в послереволюционное время контекстов: «стиль письма повторяет манеру Маяковского, а порою переходит в частушку»¹⁶. Только спустя год после появления «Вторника Мэри» в числе известных текстов Кузмина, в конце апреля 1921 г., в Дневнике появляются упоминания о хлопотах, связанных с изданием пьесы¹⁷, которая вышла в свет 4 июня¹⁸.

¹² Кузмин М.А. Раздумья и недоумения Петра Отшельника // Проза и эссеистика: В 3 т. / Сост., подгот. текстов и коммент. Е.Г. Домогацкой, Е.А. Певак. М., 2000. Т. 3: Эссеистика. Критика. С. 363 (далее статьи Кузмина цитируются по этому изданию с указанием номера страницы). Впервые: Петроградские вечера. Кн. 3. [Пг.], 1914. С. 213–217.

¹³ ЦГАЛИ СПб. Ф. 437. Оп. 1. Ед. хр. 170. Л. 20–21.

¹⁴ Там же. Л. 20.

¹⁵ Там же. Л. 25.

¹⁶ *Джигиль*. Вечер М.А. Кузмина (Дом Литераторов) // Жизнь искусства. 1920. № 462, 27 мая. С. 1.

¹⁷ См. дневниковые записи от 8 февраля, 12 мая, 4 и 5 июня (Кузмин М.А. Дневник 1921 года / Публ. Н.А. Богомолова и С.В. Шумихина // Минувшее: Исторический альманах. Т. 12. 1991. С. 444, 470; Т. 13. 1993. С. 458), а также письмо Кузмина Добужинскому (впервые: Тимофеев А.Г. Михаил Кузмин и издательство «Петрополис». С. 201).

¹⁸ Жизнь искусства. 1921. № 746–748, 8–10 июня. С. 2.

С публикацией пьесы ее творческая история не прекращается: в начале 1920-х гг. Кузмин, увлеченный экспрессионизмом, создает собственную литературную группу эмоционалистов, в которую привлекает театрального режиссера С.Э. Радлова. На Первом вечере современной драматургии, состоявшемся 18 января 1923 г., было устроено «режиссированное чтение» (режиссер Радлов) пьес эмоционалистов — «Вторника Мэри» Кузмина и пьесы Анны Радловой «Богородицын корабль»¹⁹. Так «Вторник Мэри» был актуализирован автором еще в одном контексте — на сей раз как пример новой театральной формы.

Можно заметить, что написанный в 1917 г. текст не был забыт — Кузмин включил пьесу в несколько издательских контрактов, устраивал чтения и добился публикации. Складывается впечатление, что для него было чрезвычайно важно издать этот текст даже спустя несколько лет после написания²⁰. Такое упорство само по себе примечательно, однако еще примечательнее оказывается исторический контекст, на котором разворачиваются описываемые перипетии: «Вторник Мэри», написанный в атмосфере близящегося (или уже свершившегося) большевистского переворота, был опубликован на заре нэпа, а затем ненадолго возвращен в культурный процесс в 1923 — какая-то нить, сквозной сюжет делал возможным такую долгую историю небольшой пьесы.

Соположение разнородных подтекстов и претекстов во «Вторнике Мэри» тесно настолько, что сама пьеса кажется кристаллизованным культурным контекстом начала XX в. Попытке понять, как мог появиться «Вторник Мэри», что вызвало выбор его сюжета и формы и сделало возможным долгую творческую судьбу, как эта пьеса связана с писательской стратегией Кузмина рубежа первых десятилетий XX в., и посвящена настоящая работа.

Подзаголовок «Вторника Мэри» — «Представление в трех частях для кукол живых или деревянных» — обращает на себя внимание прежде всего потенциальной связью с практикой кукольного театра. В этот контекст пьеса встраивалась до настоящего времени. Деятельность Кузмина как автора и теоретика кукольного театра описана Н.А. Богомоловым и Дж.Э. Малмстадом²¹, специальную работу отношению Кузмина к ку-

¹⁹ См. об этом: *Тимофеев А.Г.* Вокруг альманаха «Абраксас»: (Из материалов к истории издания) // Русская литература. 1997. № 4. С. 203.

²⁰ Мы исходим из предположения, которое, ввиду отсутствия автографов и черновиков, не представляется возможным ни подтвердить, ни опровергнуть: что «Вторник Мэри», написанный в 1917 г., и пьеса, опубликованная в 1921 г., — это один и тот же текст (или хотя бы близкие друг другу в основных сюжетных линиях и реализованных творческих приемах тексты).

²¹ *Богомолов Н.А., Малмстад Дж.Э.* Михаил Кузмин. М., 2013. С. 255–257.

кольному театру посвятил Ж. Шерон²², публикация и комментирование большинства пьес Кузмина — заслуга многолетней работы А.Г. Тимофеева²³. Не пытаясь оспорить выводы предшественников, мы в своей попытке проанализировать место «Вторника Мэри» в творчестве Кузмина хотим пристальной взглянуть на связь автора с кукольным театром, чтобы понять, каковы действительные основания для однозначного рассмотрения «Вторника Мэри» в подобном контексте.

До 1917 г. деятельность Кузмина для кукольного (или примыкающего к нему) театра ограничилась лишь двумя эпизодами. В начале века на театральной сцене произошло заметное оживление «кукольной» темы²⁴, несмотря на то что пьесы разыгрывались не марионетками, а загримированными актерами. Своеобразной кульминацией этой тенденции становится постановка Вс.Э. Мейерхольдом драмы А.А. Блока «Балаганчик» на сцене Театра В.Ф. Комиссаржевской в декабре 1906 г. с музыкой Кузмина²⁵. Второй эпизод — создание в 1912 г. мистерии «Вертеп кукольный» (в которой слово «кукольный» не указывает на способ постановки, а служит жанровым определением, отсылая к традиции рождественского вертепа), поставленной актерами в «Бродячей Собаке» в сочельник 6 января 1913 г. (пост. К.М. Миклашевского). Отметим, что, несмотря на интенсивные поиски в области кукольного театра (попытки Мейерхольда создать «условный театр», сочетающий в себе театр актера и театр марионетки²⁶, — идея, нашедшая отклик В.Я. Брюсова и др.²⁷; перевод в 1912 г. книги Г. Крэга «Искусство театра» и концепция актера-«сверхмарионетки»²⁸; полемика с Крэгом будущего режиссера кукольного теа-

²² Cheron G. Михаил Кузмин и кукольный театр: Хроника одного интереса // Marionette theater of the Symbolist era / Ed. by K. Tribble. Lewiston etc., 2002. P. 265–280. См. ту же статью в сокращенном варианте: Кукарт. 2004. № 9. С. 46–48.

²³ Кузмин М.А. Театр: В 4 т. (В 2 кн.); Кузмин М.А. Кот в сапогах: Сказка для кукольного театра в 3-х действиях / Публ. А.Г. Тимофеева // Всемирное слово. 1992. № 2. С. 37–41.

²⁴ См. об этом: Уварова И. Вертеп: Мистерия Рождества. М., 2012. С. 267–273; Сендерович С.Я., Шварц Е.М. Кукольная театральность мира: К характеристике Серебряного века. (Опыт феноменологии одной культурной эпохи) // Сендерович С.Я. Фигура сокрытия: Избранные работы: [В 2 т.]. М., 2012. Т. 1. С. 541–596.

²⁵ Об отношениях Кузмина и Мейерхольда см.: Переписка М.А. Кузмина и Вс.Э. Мейерхольда: 1906–1933 / Публ. и примеч. П.В. Дмитриева // Минувшее: Исторический альманах. Т. 20. М.; СПб., 1996. С. 337–388.

²⁶ Мейерхольд Вс.Э. Статьи, письма, речи, беседы: В 2 ч. / Комментар. А.В. Февральского. М., 1968. Ч. 1: 1891–1917. С. 141–142.

²⁷ «...нет никакого сомнения, что современный “условный” театр по самому прямому пути ведет к театру марионеток» (Брюсов В.Я. Реализм и условность на сцене (Наброски и отрывки) // Театр. Книга о новом театре. М., 1908. С. 253. См. там же статью Ф. Сологуба).

²⁸ Крэг Э.Г. Актер и сверхмарионетка // Крэг Э.Г. Воспоминания, статьи, письма. М., 1988. С. 212–233.

тра Ю.Л. Слонимской, впервые заговорившей о самостоятельном пути развития кукольного театра²⁹), собственно кукольные представления были редки: первый кукольный спектакль прошел в Петербурге только в 1916 г.³⁰

Революция изменила отношение к театру: советский театр, как и любое другое искусство, должен был содействовать коммунистической пропаганде. Для решения этой задачи было создано сразу несколько театральных площадок и организаций. Летом 1918 г. был образован Театральный отдел Народного комиссариата просвещения (ТЕО Наркомпроса) «для осуществления культурно-просветительных задач в области театра и зрелищ»³¹. Самостоятельной частью советского театра стал кукольный театр: студия кукольного театра была образована при ТЕО в октябре 1918 г. Важность кукольного театра обосновывалась органичностью его формы народной среде: «Значение кукольного театра в деле воспитания народных масс неоспоримо. Привлекательность и очарование его сцены дает ему в руки могучее орудие для проведения в жизнь здоровых идей»³². Кукольный театр первых пореволюционных лет использовался прежде всего для агитации среди крестьян и мещан, куклы использовались при театрализованных представлениях, приуроченных к революционным праздникам³³.

После 1917 г. Кузмин включается в театральную жизнь не только в качестве автора: он примыкает к нескольким культурным организациям, вызванным к жизни октябрьскими событиями. Так, по инициативе Наркомпроса летом 1918 г. в Петрограде открылся первый в России профессиональный детский театр, руководителем которого был назначен Н.А. Лебедев³⁴. Программа этого недолго просуществовавшего театра открылась переложением для кукольного театра сказки Г.-Х. Андерсена «Пастушка и трубочист», для которой Кузмин написал «Пролог» и «Эпилог»³⁵.

В том же году в Петрограде было создано другое театральное предприятие, в котором участвовал Кузмин, — Студия Коммунальных театров (Театр-Студия). Студия задумывалась как экспериментальная площадка

²⁹ Слонимская Ю. Марionетка // Аполлон. 1916. № 3. С. 1–45.

³⁰ Тихвинская Л.И. Повседневная жизнь театральной богемы Серебряного века: Кабаре и театры миниатюр в России. 1908–1917. М., 2005. С. 166–168.

³¹ Положение о ТЕО Наркомпроса // Советский театр. Документы и материалы: Русский советский театр. 1917–1921. [Т. 1] / Отв. ред. А.З. Юфит. Л., 1968. С. 41.

³² Воззвание работников кукольного театра // Временник театрального отдела Народного Комиссариата по просвещению. 1919. Вып. 2. С. 50.

³³ См. об этом: Смирнова Н.И. Советский театр кукол. 1918–1932. М., 1963. С. 59 и далее.

³⁴ Театры для детей / Введение, сост. и примеч. Л.Г. Шпет // Советский театр. Документы и материалы. С. 291–292 (примеч. 37).

³⁵ См. историю постановки: Тимофеев А.Г. Примечания. С. 407–408.

в составе трех отделов: народного театра, детского театра и кукольного театра³⁶. Особая роль в этом эксперименте отводилась последнему: «связанный всеми своими элементами с народным творчеством, он [кукольный театр — А.П.] будет служить пробным камнем для установления истинно народного репертуара и для выработки тех театральных приемов, которые приведут к неразрывному слиянию сцены с народной аудиторией»³⁷. Кузмин был назначен заведующим литературной частью Студии детского и кукольного театра и впоследствии сделал доклад о возможных перспективах его развития, предложив список произведений для постановки³⁸. К этому же времени относится сближение Кузмина с А.И. Пиотровским и С.Э. Радловым, которые через пять лет станут его соратниками по объединению эмоционалистов и продвижению на сцене советского театра экспрессионистских идей. Одной из первых постановок студии кукольного театра стал «Вертеп кукольный» Кузмина³⁹ (пост. Л.Я. Шапориной), выбранный вследствие острой нехватки пьес для специфического театра. Театр-студия, как и многие пореволюционные проекты, закрылся спустя несколько месяцев.

Нам доподлинно не известно отношение Кузмина к своей работе над пьесами для детского театра и к самому такому театру — его можно лишь отчасти восстановить из разрозненных замечаний, проскальзывающих в критической прозе. В поздней рецензии (1926) Кузмин, в целом невысоко отзываясь о детском театре, пишет о необходимости особого подхода к его репертуару: для детского театра, по мнению автора, следует отбирать только первоклассные пьесы, дабы приучать юных зрителей, не могущих отличить качественные постановки, к хорошему театру⁴⁰. Однако на момент создания пьес для возникших в пореволюционной России детских театров (1918–1919 гг.) Кузмин, по-видимому, не относился к этой работе серьезно. Хотя в статьях он пишет о необходимости выделения детского театра в особую сферу, в этих текстах проглядывает неразличение детского и «взрослого» репертуаров⁴¹: «Вот

³⁶ Из докладной записки К.Ю. Ляндау в Отдел театров и зрелищ Комиссариата просвещения СКСО об организации Студии коммунальных театров (Театра-студии) с разделами драматического театра для детей и кукольного театра // Советский театр. Документы и материалы. С. 287.

³⁷ Там же.

³⁸ Богомолов Н.А., Малмстад Дж.Э. Михаил Кузмин. С. 256. Список см.: Театр-Студия // Жизнь искусства. 1918. № 24, 27 нояб. С. 4.

³⁹ Из воспоминаний Л.В. Яковлевой-Шапориной об организации и работе театра Марионеток при Петроградском театре-студии // Советский театр. Документы и материалы. С. 288.

⁴⁰ Кузмин М.А. «Тиль Уленшпигель» (Театр Юных зрителей). С. 328. Впервые: Красная газета. 1926. № 122 (1126), 26 мая (веч. вып.). С. 4.

⁴¹ См. в стихотворении «Елка» (1917): «Люди все бывают дети / Хоть однажды в долгий год».

второй детский идеальный спектакль не в детском театре. А хотелось бы, чтобы дети его видели, хотя тут и идет речь о супружеской неверности, а не о Бабе-яге»⁴². Более того, в составленном репертуаре для Театра-студии собственно детских пьес нет⁴³. Отчасти такое отношение подтверждает и история постановок произведений Кузмина в детских театрах. В рецензии А.А. Блока на пьесу Кузмина «Счастливые день, или Два брата» можно отметить сомнения рецензента не только в уместности содержания пьесы на сцене детского театра, но и в выбранной для постановки форме, сложной и «опасной» для детского восприятия: «Форма эта — обычная для автора: легкий яд, пленительное лукавство, дыхание артистичности, веселость под едва приметной дымкой грусти, но и... невыносимая грубость и тривиальность [...] всё так пропитано пряностью, что я бы детей и близко не подпустил»⁴⁴. Так, детский театр не казался Кузьмину самостоятельной единицей искусства.

То же можно сказать и об отношении Кузмина к другой театральной области, получившей распространение сразу после революции, — специфическому «народному театру». В 1918–1919 гг. в газете «Жизнь искусства» Кузмин публикует несколько статей. Положения статьи «Рампа героизма» перекликаются с основными идеями создаваемого в то же время Театра-студии. Основатель Театра-студии Ляндау выражает одну из центральных идей эпохи — демократизацию искусства, — говоря о необходимости создать народный театр, освобожденный «от перегруженности психологической отвлеченностью, близкий и своим репертуаром, и техникой исполнения народному пониманию [...] Подлинная театральность, подлинная зрелищность будут положены в основу театра, и он, утратив характер вымысленности, войдет в народную жизнь...»⁴⁵. Зрелищность и отсутствие сложного психологизма называет основными характеристиками нового послереволюционного театра и Кузмин: «Наше время, очевидно, зовет к трагедии, высокой комедии, аристофановской фантастической пародии, психологии преувеличенной и упрощенной (т. е. мелодраме) и зрелищам пантомимно-феерического характера»⁴⁶. Близкими к положениям Театра-студии становятся и идеи использования кукольного театра для создания подобной зрелищности: «Из более мелких видов театральных представлений я бы упомянул о ярмарочных

⁴² Кузмин М.А. Студии: I. О чем пел чайник? II. Новый Салтан. С. 577. Впервые: Жизнь искусства. 1919. № 129, 6 мая.

⁴³ Театр-студия // Жизнь искусства. 1918. № 24, 27 нояб. С. 4.

⁴⁴ Блок А.А. [Рец. на:] М. Кузмин. Два брата, или Счастливые день // Полн. собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 6: Проза 1918–1921. С. 314, 315.

⁴⁵ Из докладной записки К.Ю. Ляндау... С. 287.

⁴⁶ Кузмин М.А. Рампа героизма. С. 529. Впервые: Жизнь искусства. 1918. № 18, 20 нояб. С. 2.

пьесах (фиксированных и импровизационных) и кукольном театре...»⁴⁷ Однако в этих схождениях существует и принципиальное отличие, выделяющее позицию Кузмина по отношению к «народному театру»⁴⁸. Кузмину в эти годы (1918) не были близки идеи «народного театра» как особого театра, требующего специфической формы, идей и содержания: «Я не думаю, чтобы был специально “народный” театр, но я вижу, что вот подлинно народный спектакль для всякого возраста, для всякого состояния, волнующий, потрясающий, поучительный»⁴⁹. В этой точке зрения Кузмина также проявляется отсутствие стремления к разделению театрального искусства на своеобразные области, маркирующие аудиторию; «народной», по Кузмину, может стать любая постановка, потенциально интересная и поучительная для большой разнородной аудитории.

Представляется едва ли возможным, чтобы Кузмина интересовал и кукольный театр с точки зрения его «народности». В процитированном выше отрывке из «Рампы героизма» он отмечает прежде всего технические особенности, отделяющие кукольный театр от театра «актера» («...недоступные для живой сцены механические возможности»⁵⁰) и могущие стать более приемлемыми для создания определенных постановок, которые позднее будут названы «поэтическая сказка, сильная трагедия или современная сатира»⁵¹. В следующих статьях эта идея будет развиваться, в существе своем оставаясь неизменной: кукольный театр интересует Кузмина прежде всего как театр, чьи приемы подходят для воплощения на сцене разного рода эффектов, а не как более соответствующий требованиям определенной аудитории (детский театр, народный театр).

В рецензиях на кукольные спектакли (май 1919 г.) Кузмин пытается обобщить наблюдения над кукольным представлением и конкретизирует недоступные «для живой сцены» возможности, обозначенные ранее: «Несомненно, это совершенно особый род театрального искусства с особой техникой и с особым репертуаром. Мне кажется искусственным и неправильным для кукол исходить из человеческого жеста, [...] Исходя из кукольных, специально кукольных возможностей, можно достигнуть совершенно своеобразных эффектов...»⁵² Размышляя о причинах воз-

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Что было предметом размышлений как деятелей культуры начала века («соборный театр» Вяч. Иванова), так и официальную позицию раннесоветских культурных организаций (см. выше).

⁴⁹ Кузмин М.А. «Царь Эдип». С. 157. Впервые: Жизнь искусства. 1918. № 13, 14 нояб. С. 3.

⁵⁰ Кузмин М.А. Рампа героизма. С. 529.

⁵¹ Кузмин М.А. Мирок иронии, фантастики и сатиры: (Кукольный театр). С. 538. Впервые: Жизнь искусства. 1919. № 127/128, 3–4 мая. С. 1.

⁵² Там же.

действия кукольного театра на зрителя, Кузмин пишет: «Может быть, никакой другой род театральных представлений не давал столько поводов к философским размышлениям, романтическим мечтаниям, не служил орудием едкой сатиры, парадоксального блеска, не уводил так всецело в сказочное царство, как театр марионеток. [...] всегда таинственное, поэтическое и насмешливое повторение человеческих жестов, поступков и страстей производит странное и неотразимое впечатление»⁵³. Так, кукольный театр предстает для Кузмина способом ухода «всецело в сказочное царство», неким идеальным театром, полностью погруженным в условный мир. С точки зрения «условности» художественного языка, именно кукольный театр оказывается предельным воплощением театрального искусства.

Несмотря на бытующее в исследовательской литературе мнение, что процитированная выше статья Кузмина является для него программной и отражающей особое мнение «по кукольному вопросу»⁵⁴, в ней без труда обнаруживаются следы дискуссий о кукольном театре начала XX в., с которыми Кузмин, без сомнения, был знаком. Основное положение Кузмина — о присущих только кукольному театру художественных особенностях — имеет явную параллель с идеями Мейерхольда, в которых тот, в свою очередь, наследует Г. Крэгу, уподобляя актера кукле, которая «не хотела быть полным подобием человека потому, что ею изображаемый мир — чудесный мир вымысла, ею представляемый человек — выдуманный человек, подмостки, по которым движется кукла, — дека, на которой лежат струны ее мастерства. На ее подмостках так, а не иначе, не потому, что так в природе, а потому, что так она хочет, а хочет она — не копировать, а творить»⁵⁵. В утверждении значимости кукольной техники обнаруживаются следы положений Слонимской, которая писала: «Все, что сообщают ей [марионетке — *А.П.*] извне, всякому движению и жесту, марионетка придает тот неуловимый, ей одной присущий оттенок»⁵⁶. За рассуждениями об особой технике марионеток угадываются идеи Мейерхольда и Крэга о желательной игре актера, при которой тот сможет свободно управлять своими эмоциями: «Со сцены будет изгнана живая фигура, которая запутывала нас, побуждая смешивать действительность с искусством, — живая фигура, в которой были заметны слабость и трепет человеческой плоти»⁵⁷. Когда Кузмин пишет про репертуар кукольного театра, он вспоминает пьесы Метерлинка

⁵³ Там же. С. 537.

⁵⁴ См.: *Cheron G.* Михаил Кузмин и кукольный театр: Хроника одного интереса.

⁵⁵ *Мейерхольд Вс.Э.* Балаган (1912 г.) // Мейерхольд Вс.Э. Статьи, письма, речи, беседы. Ч. 1. С. 216.

⁵⁶ *Слонимская Ю.* Марионетка. С. 28.

⁵⁷ *Крэг Э.Г.* Актер и сверхмарионетка. С. 227.

(«в сущности, для кукольного театра и написанные...»⁵⁸), что неизбежно отсылает к раннему творчеству Мейерхольда (постановка «Чудо святого Антония» (1906 г.) в Товариществе новой драмы). За теми положениями, с которыми Кузмин не соглашается (кукольный театр — как театр народный/детский), и теми, которым он явно наследует (кукольный театр как особый вид театрального искусства), угадывается точка зрения самого автора: кукольный театр для него становится воплощением театрального искусства, апофеозом театральных возможностей и «условной» сцены.

Интересы Кузмина в эти годы всё более смещаются в сторону условного искусства: в конце 1919 г. он начнет писать статью «Условности», ставшую для автора этапным текстом (так же был назван единственный прижизненный сборник критической прозы). В ней Кузмин высказывается против натурализма в искусстве, против требований миметичности, правдоподобия и любых приложений к искусству критериев, не исходящих внутренне от него самого: «Может быть, нет такого искусства, где чувствовалась бы более осязательно условность, как в театре. И там же более всего действуют два врага искусства — натурализм и традиция. Вероятно, это происходит вследствие того, что материалом для театрального искусства служат актеры, т.е. живые люди, притом же связанные кастовыми и внешними условиями»⁵⁹. Обращение к кукольному театру стало одним из шагов по направлению к «условному» искусству. В связи с этим мы можем утверждать, что взгляды Кузмина в некоторой степени расходились с его практикой — сотрудничеством с постреволюционными организациями, проводившими в жизнь принципы народного или детского театров. Кузмина интересовала не связь кукольного театра с народными зрелищами, не его особая близость искусству для детей, а именно технические особенности этого вида театра, которые служат наиболее точным выражением «условного» искусства. Оставаясь внешне в струе магистральных идей эпохи, Кузмин через них обращается к наследию дореволюционного театра, которое становится для него чрезвычайно важным в первые пореволюционные годы.

Итак, можно говорить о том, что кукольный театр сам по себе не интересовал Кузмина — его интересовал театр условный, наиболее полное воплощение немиметического искусства. Однако интересно то, как именно Кузмин описывает кукольный театр: для него такой театр, помимо зрелищности и пригодности для постановок разного рода, — «повторение человеческих жестов», производящее «странное и неотразимое» впечатление. Марионетки на сцене, по мнению Кузмина, именно

⁵⁸ Кузмин М.А. Мирок иронии, фантастики и сатиры. С. 537.

⁵⁹ Кузмин М.А. Условности. С. 520. Впервые: Жизнь искусства. 1920. № 341, 13 янв. С. 1.

подражают людям, и это подражание — одновременно зрелищное и поучительное — производит *странное* впечатление⁶⁰. Взгляд на кукол, разыгрывающих сцены, которые обычно исполняют люди, ведет, наряду с пониманием их технического совершенства, к осознанию странности, невозможности — и пугающего смысла их действий. Возможно, этим вызвана следующая фраза рецензента, разводящая театры кукольный и «живой» для нейтрализации этого пугающего эффекта: «Мне кажется искусственным и *неправильным* [курсив мой — А.П.] для кукол исходить от человеческого жеста»⁶¹. Так Кузмин обуславливает требование особого репертуара для театра кукол и необходимость создания определенной техники игры ненатуральных актеров, еще больше подчеркивающей их искусственность. Парадоксальным образом кукольный театр — идеальный театр, более техничный, чем театр живых актеров, — одновременно и интересуется, и пугает Кузмина своим подобием жизни. Выше мы показали, насколько важны для Кузмина поиски в области кукольного театра начала XX в.: можно предположить, что из них же Кузмин заимствует идею пугающего актера-марионетки, подобного человеку, но управляемого свыше театральным режиссером. В связи с этим необходимо понять генезис этой идеи и развитие ее в творчестве Кузмина.

Возвращаясь к интересующему нас «Вторнику Мэри», можно отметить, что в нем нет никаких указаний на то, что пьеса повествует о куклах или должна разыгрываться куклами: герои — обыкновенные люди, их мысли и чувства тривиальны, а сюжет не специфичен для театра марионеток. Но обойти вниманием заявленную в подзаголовке «кукольную» тему нельзя, тем более что она образует композиционное кольцо: начинающаяся подзаголовком «представление ... для кукол» пьеса заканчивается также возвращением к кукольной теме: «Вор, кот или кукольный кумир». Мы будем рассматривать «кукольность» как тему, образуемую специфическими мотивами (мотивы «ожившей куклы», «куклы, управляемой кукловодом» и т.д.) и образами, проследив, в каких еще произведениях Кузмина разных лет возникает подобная тема, какие смыслы она актуализирует и какое место в ряду таких произведений занимает «Вторник Мэри».

До создания «Вторника Мэри» в стихах, прозе и драматургии Кузмина «кукольная» тема на разных уровнях (мотивы «кукольности», «игрушечности», превращение людей в кукол) не появлялась. Первый

⁶⁰ В другой рецензии Кузмина слово «странное» в подобной формуле близко по значению слову «пугающее»: «И безмысленный хохот голубых солдат, визги женщин, появление Фтататиты, и дикая, пугающая музыка, небывалое судейкинское небо и яркие сапуновские паруса производили странное и неожиданное впечатление» (Кузмин М.А. «Цезарь и Клеопатра» // Аполлон. 1910. № 4. С. 78–79)

⁶¹ Кузмин М.А. Мирок иронии, фантастики и сатиры. С. 538.

ее след обнаруживается в рассказе 1916 г. «Смертельная роза»⁶², главная героиня которого сравнивается с «жуткой» куклой: «Из-за белой кисеи явственно, с каждой секундой всё яснее и яснее, выступало лицо прекрасной женщины [...] Даже на портрете казалось, что женщина держится неподвижно до странности, до какой-то жуткой кукольности»⁶³. В этом рассказе при описании той же героини впервые появляется соотношение мотивов «кукольности» и «механистичности»: «С этого дня все мысли музыканта были заняты странной дамой. Но теперь его привлекала не видимая ее кукольность и автоматичность, а наоборот, ему хотелось, чтобы движения Розалии сделались гибкими и нежно выразительными, чтобы черты ее изменялись сообразно изменению чувств, чтобы эти стоячие, словно пустые, глаза загорались и потухали от любви, чтобы голос приобрел больше, хотя бы и более обыкновенных, оттенков».

Связь «кукольности» и автоматизма появляется и в водевиле 1917 г. «Танцмейстер с Херестрита» (героиню которого также зовут Мэри). Хотя, на первый взгляд, финал водевиля счастливый (Мэри соединяется со своим возлюбленным Эдуардом), заглавный монолог танцмейстера не позволяет трактовать этот сюжет однозначно:

Герой пришел тут деловой,
 Плод американизма:
 Он объяснит аффект любой
 Посредством механизма,
 Он чувствами не дорожит,
 Их гонит вон за двери...

В нем отчетлива связь «американизма» и «механизма», выраженная также на уровне рифмы: успех Эдуарда («американского молодого человека») обусловлен пренебрежением чувствами, которые он отвергает ради «механизма». «Механистичность» героя, прямо не явленная в тексте, присутствует в нем как бы постфактум — на нее указывает его американское происхождение. Таковы первые подступы Кузмина к теме соположения искусственного и живого.

В 1918 г. Кузмин пишет «Пролог к сказке Андерсена “Пастушка и трубочист”» и «Эпилог» к ней же⁶⁴. Это первое произведение авто-

⁶² Датировка по: Списки поэтических, беллетристических и музыкальных произведений М.А. Кузмина... Л. 5, 11. Впервые: Северные записки. 1917. № 1. С. 7–19.

⁶³ Прозаические произведения Кузмина здесь и далее цит. по: *Кузмин М.А. Проза: [В 9 т.] / Ред. и примеч. В. Маркова и др.; вступ. ст. В. Маркова. Berkeley, 1984–1990.*

⁶⁴ Несмотря на то, что творчество Г.-Х. Андерсена важно для культурного сознания эпохи, критическая рефлексия над творчеством датского сказочника не

ра, непосредственно посвященное куклам. Пролог обыгрывает сюжет сказки, которой он предпослан, в нем Сказочник рассказывает о куклах, оживающих, когда их никто не видит:

Верьте, куклы могут жить,
Двигаться и говорить,
Могут плакать и смеяться,
Но на все есть свой же час,
И живут они без нас,
А при нас всего боятся.⁶⁵

Эпилог логично обрамляет повествование, вновь намекая на одушевленность кукол:

Уж скоро солнце заиграет,
Стирать придет служанка пыль
И ни за что не угадает,
Все это сказка или быль.
Все на местах: китаец, рожа,
И поза все одна и та ж,
Но у пастушки, ах, похоже,
Помят фарфоровый корсаж...

В 1918 г. Кузмин пишет другую пьесу для детского театра — «Счастливейший день, или Два брата». Пьеса была поставлена в Мастерской Передвижного театра режиссером А.А. Брянцевым 1 января 1919 г. Хотя в самой пьесе не содержится указаний на то, что постановка совершается куклами или в кукольном театре, сценическое решение, предложенное Брянцевым в декорациях О.Ю. Клевера, обыгрывало именно эту тему: «Постановка выдержана в игрушечном стиле. Декорация представляет собою китайский ящичек из-под чая. В этом ящичке и нашли себе приют все действующие лица драмы. При начале представления зрители видят

слишком характерна для Кузмина, однако его имя встречается в статьях, всегда отсылая к сказочным темам (*Кузмин М.А.* К.А. Сомов. С. 627. Впервые: К.А. Сомов: [Альбом]. Пг., 1916 [1921]. С. 3–7). См также рецензию на постановку сказок Андерсена К.К. Тверским и М.В. Добужинским в «Привале комедиантов», которую Кузмин помогал организовать (*Кузмин М.А.* Андерсеновский Добужинский. С. 172. Впервые: Жизнь искусства. 1919. № 123, 29 апр. С. 1). Эта рецензия предшествует рассуждениям Кузмина о кукольном театре. См. также обращение Кузмина к сюжету сказки Андерсена «Соловей» в рассказе «Зеленый соловей» (1915) и пьесе для детского театра «Соловей» (1922).

⁶⁵ Здесь и далее стихотворения Кузмина цит. по: *Кузмин М.А.* Стихотворения / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Н.А. Богомолова. М., 1999 («Новая библиотека поэта»).

ящик лежащим крышкой вверх, затем приходят двое слуг-китайцев и переворачивают его крышкой к зрителям... крышка раздвигается, и из ящика появляются действующие лица. По окончании каждого действия они опять уходят в ящик и задвигают крышку»⁶⁶. Такая сценография повторяет идею Пролога из «Пастушки и трубочиста». Несмотря на то, что мы не можем с точностью утверждать, имел ли какое-то отношение к выбору сценографии «Счастливого дня» сам автор, постановка двух пьес, написанных (полностью или частично) в стиле кукольных постановок, кажется симптоматичной, особенно на фоне оживившегося интереса к этой теме самого Кузмина.

Центральный сюжет «Пролога» — оживание кукол; эта тема сопровождается мотивом взаимопроникновения живого и неживого, невозможности отличить одно от другого («И ни за что не угадает, / Всё это сказка или быль»). Такой же мотив присутствует как в подзаголовке «Вторника Мэри» («...кукол живых или деревянных»), так и в тексте пьесы, безотносительной к тому, играют ее люди или куклы, потому что «куклами» в подзаголовке были объявлены все живые существа⁶⁷. Эту концепцию поддерживает появление «ненужных» на первый взгляд персонажей — продавца газет, маникюрши, трубочиста, шофера. Каждый из них произносит отдельный монолог, в котором содержится указание на механистичность, повторяемость их действий: «стою на своем месте я» (продавец газет), «ногти, ногти замшей тру» (маникюрша), «Я по крышам крысой лажу, / Трубы чищу, чищу сажу» (трубочист). Любовная коллизия «Вторника Мэри» дублируется не просто приемом “mise en abyme” — в роли второй пьесы выступает именно пьеса кукольного театра, что, с одной стороны, размывает мир, делает его еще более условным, с другой — подчеркивает сходство кукольной и «человеческой» драм, с третьей — отсылает читателя к сюжету сказки Андерсена «Пастушка и трубочист», к работе над «Прологом» к которой Кузмин приступит спустя какое-то время. В этой сказке сбежавшие возлюбленные-статуэтки попадают в ящик и видят представление: «В пьесе изображались страдания влюбленной парочки, которую разлучали. Пастушка заплакала: Это была ведь точь-в-точь их собственная история»⁶⁸. Обратим внимание на

⁶⁶ *Брянцев А.А.* Опрошение театральной декорации. Опыты художественной схематизации в работах Общедоступного и Передвижного Театра. Изд. 2-ое, испр. и доп. [Пг.], 1919. С. 34, 36. Воспроизведено в: *Кузмин М.А.* Театр. Т. I. С. 72–73. См. также: *Тимофеев А.Г.* Неопубликованная пьеса М.А. Кузмина «Соловей» // Русская литература. 1991. № 4. С. 168–169; *[Брянцев А.А.]* В мастерской // Записки передвижного общедоступного театра. 1918. Вып. 16, дек. С. 15. Цит. по: *Тимофеев А.Г.* Примечания. С. 326.

⁶⁷ Первые отмечено в: *Дмитриев П.В.* Примечания. С. 41.

⁶⁸ *Андерсен Х.-К.* Пастушка и трубочист // Андерсен Х.-К. Сказки, рассказанные детям. Новые сказки. М., 1983. С. 199. («Литературные памятники»)

разницу оценок: в «Прологе», в соответствии с задачами автора, «кукольность» не оценивается ни позитивно, ни негативно: она — только свойство, присущее куклам. В то же время в произведениях Кузмина 1917 г. «кукольность» — определенная характеристика, указывающая на механистичность и ненатуральность⁶⁹.

После написания «Пролога» Кузмин не возвращается к теме кукол и кукольного театра вплоть до 1921 г., когда один за другим выходят тексты, вновь актуализирующие эту тему: «Вторник Мэри» (июнь 1921), стихотворения из сборника «Нездешние вечера» (июнь 1921), раздел «Кукольная эстрада» в сборнике «Эхо» (начало сентября 1921).

Куклы вновь возникают в творчестве Кузмина в стихотворении «Адам» ([1920]) из сборника «Нездешние вечера»⁷⁰; в этом стихотворении мотив «ожившей куклы» радикально переосмыслен. Вместо андерсеновской сказочности Кузмин обращается к жутковатым алхимическим опытам. Гомункулы оживают по велению алхимика, разыгрывают историю человечества в стеклянной колбе и затем исчезают. Финал стихотворения пессимистичен — автор уподобляет людей «человечкам», уравнивая живое и неживое:

О, маленькие душики!
А мы, а мы, а мы?!
Летучие игрушки
Непробужденной тьмы.

Уподобление живого неживому, сравнение людей с «игрушками» («Под колпаком стеклянным / Игрушка там видна: / За ограждением странным / Мужчина и жена»; «Жена льяные косы / Как куколка, плетет»; «А мы, а мы, а мы?! / Летучие игрушки / Непробужденной тьмы») находит прямые аналогии во «Вторнике Мэри». С пьесой «Адама» роднит и другой мотив — предначертанности событий, их вечного повторения. Гомункулы в колбе проживают историю грехопадения, повторяя историю людей (подобно тому, как куклы из статей Кузмина 1919 г. «повторяют человеческие жесты»), вновь проживая одни и те же события. В финальных строках стихотворения невозможность

⁶⁹ См. также строки из стихотворения «Несовершенство мира — милость Божья!» (1919): «Автоматичность — вряд ли добродетель, / Без тела тупы и восторг, и боль».

⁷⁰ Богомолов Н.А. Примечания // Кузмин М.А. Стихотворения. СПб., 1999. С. 752. См. также анализ этого стихотворения: Богомолов Н.А. Из комментария к стихам двадцатых годов // Богомолов Н.А. Михаил Кузмин: Статьи и материалы. С. 151–158; Богомолов Н.А. Тетушка искусств. Окультизм в поэзии Кузмина // Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999. С. 145–185.

самостоятельно располагать своей судьбой проецируется на всех живущих («мы»)⁷¹. Это также можно соотносить с лейтмотивом «Вторника Мэри» — невозможности изменить свою судьбу. В пьесе он проявляется в монологах-интермедиях трубочиста («Всё ведь вылетит в трубу, / От всего золу сгребу»), шофера («Всё завезет нежным снегом, / Не найдешь весенних ям») и, наконец, в финале пьесы — втором монологе шофера: «...цель поставлена не нами!» (отметим схожую лексику в финальных строках пьесы и стихотворения: «нами» и «мы»). Во «Вторнике Мэри», как и в «Адаме», этот мотив сопрягается с мотивом повторения событий в разных временах, своеобразного «вечного возвращения». Например, в монологе трубочиста: «На ухо скажу вороне: / “Что бывало при Нероне, / Будет через сотню лет, — / Черной сажки липкий след!”», в реплике Мэри: «Традиционно и старо, / Что смотрим мы из темной ложи / На вечно грустного Пьеро», в финальном монологе шофера: «Троянцы пали, пала Троя!» Средоточие этих мотивов — последние строки: «Вор, кот, иль кукольный кумир, / Скрипач, банкир, / Самоубийца ль, — та же плата!»⁷²

Несмотря на отсутствие прямых указаний на «кукольность» мира «Вторника Мэри», намеки на его искусственность, сотворенность, выдуманность находятся в тексте пьесы. Например, экспозиция, представленная начальным монологом газетчика, одновременно рекламирующего свою газету и рассказывающего о произошедших в мире событиях, как бы заключает всё происходящее в газетные строки, опрокидывая их в мир ирреального, написанного на страницах прессы, подобно тому, как в стихотворении «Адам» всё происходящее заключено в стеклянную колбу⁷³. В монологе маникюрши убийство молодого человека, предвосхищающее сюжет всей пьесы, заключается в фикциональные рамки как кинофильма, так и литературы — «Выстрел был не очень тих, / Словно стих, / Стих тупой Эмиль Верхарна» (отметим словоупотребление «тупой», которое одновременно и характеризует поэзию Верхарна, и описывает выстрел — звук, производимый им, глухой и короткий, «ту-

⁷¹ Наша интерпретация в целом согласуется с анализом Н.А. Богомолова, который пишет: «Именно жизнь этого кабинета, а не жизнь внутри колбы, уже заранее известная по библейскому преданию, интересует в первую очередь поэта. Не только те двое, что находятся в колбе и в очередной раз проигрывают навеки предугазанную историю, но и наблюдающие за ними обречены жестокой судьбе [...] Творец малого мира сам оказывается в положении искусственных Адама и Евы, сам подвержен действию высшей силы, с которой бороться бесполезно, пусть даже она является “непробужденной тьмой”» (Богомолов Н.А. Тетушка искусств. Оккультные коды в поэзии Кузмина. С. 157–158).

⁷² См. мотив «расплат» в стихотворении «Колдовство», написанном в мае 1917 г.: «Отплата за обиды, / Желанье — всё в одно».

⁷³ См. схожий мотив в стихотворении «Колдовство»: «В игольчатом сверкании / Занеженных зеркал — / Нездешнее исканье / И демонский оскал».

пой», — и содержит в себе идею ограниченности познания: стих-выстрел упирается в незримую преграду). Пейзаж, который видят Мэри и Пилот из окна самолета, описывается в категориях рисунка: «как раскрашенная географическая карта. Странно, что птицы не крупнее и не видать на солнце рожи», тот же прием — в финальном монологе шофера: «В окне карикатуры пар».

«Вторник Мэри» написан минимум на три года раньше «Адама», однако очевидная связь этих текстов позволяет говорить о возвращении автора в начале 1920-х гг. к кукольной тематике. В этом контексте интересным представляется обратиться к разделу «Кукольная эстрада» из поэтического сборника «Эхо». Этот раздел составлен из стихотворений, включенных Кузминым в состав своих пьес и водевилей. Однако собственно кукольная пьеса, к которой относятся выбранные стихи, только одна — уже упомянутая выше «Пастушка и трубочист»: из нее в раздел перешли «Пролог» и «Эпилог». «Ноктюрн» «изъят» из стилизации под Боккаччо — пьесы «Все довольны» (1915), «Симонетта» — из пьесы «Волшебная груша» (1915), «Романс» — из пьесы 1917 г. «Муж, вор и любовник, каких не бывало», первая и третья «Китайские песенки» были включены в текст детской пьесы «Счастливый день или два брата» (1918), вторая — в незаконченную «Китайскую [пьесу]» (1915). Таким образом, автор соединяет в сборнике 1921 г. свои старые тексты и актуализирует их в новом контексте — контексте кукольной постановки⁷⁴. Отметим, что в этот раздел, однако, не попала песенка из «Вторника Мэри» («Пчелка летает / За сладким медком...»): возможно, причиной тому был параллельный выход в печати «Вторника Мэри», что, в отсутствие временной дистанции, делало невозможной повторную актуализацию текста из пьесы.

Романсы и другие «песенки», написанные для «живых» актеров, в контексте раздела «Кукольная эстрада» переадресуются куклам. Как нам представляется, смысл заглавия раздела проясняется при сопоставлении с другими текстами, вышедшими в 1921 г.: это эстрада, на которой разыгрывают представление «куклы живые или деревянные», т.е. все люди. Лейтмотив «Вторника Мэри», усиленный финалом «Адама», придает идее «кукольной эстрады» дополнительное измерение: все живущие — лишь куклы, которыми управляет «непробужденная тьма».

⁷⁴ Большинство стихотворений-песенок, включенных в пьесы, написано довольно редким для Кузмина размером — трехстопным ямбом с чередованием женских и мужских окончаний (против обычно преобладающего у него пятистопного ямба). Таковы песенки из «Кукольной эстрады»: «Колдовство», «Ноктюрн» («Симонетта» написано еще реже встречающимся двустопным ямбом), этим же размером написан «Адам», а также связанные с темой театра стихотворения «Летающий мальчик», «Зеленая птичка», «Музыка».

Из всего вышесказанного следует, что «Вторник Мэри» можно назвать текстом «кукольным», но не текстом для кукольного театра. В творчестве Кузмина можно отчетливо проследить линию развития «кукольных» образов и мотивов, в которую успешно встраивается «Вторник Мэри» как на этапе своего создания (1917), так и на этапе публикации (1921). В то же время с пьесами Кузмина для кукольного театра «Вторник Мэри» очевидно расходится как по прагматике, так и по отношению к «кукольному» миру. Пьесы Кузмина, написанные для кукольного театра, представляют собой вариации на андерсеновские темы «оживших кукол». Эта тема решается в свойственном детскому театру сказочном, фантастическом ключе, что расходится с творческой практикой Кузмина и его отношением к миру кукол в собственном творчестве. В 1917 г. Кузмин пишет несколько текстов, в которых противопоставление «живого-неживого» и «настоящего-искусственного» реализуется путем уподобления второй части оппозиции куклам, игрушкам, автоматам. Размышляя о природе кукольного театра в 1919 г., Кузмин вновь осторожно проводит ту же идею: кукольный театр — особый театр, потому что свершается силами существ, подражающих людям, неподвластным им. Затем «кукольность» снова оказывается важной для автора темой, обогащается дополнительными смыслами (люди бесправны в собственной судьбе, подобно тому, как бесправны куклы, управляемые кукловодом), и к 1921 г. «куклами» Кузмин называет и людей: «Вторник Мэри» смыкается с «Адамом». Здесь же можно отметить, что программа эмоционализма, развиваемого Кузминым в 1922–1923 гг., отчасти была направлена именно на изживание ненатуральности, механистичности: «Нужно отношение к нему [художественному произведению — *А.П.*], пристрастность в ту или другую сторону, следствие эмоционального действия. Нужно полюбить или ужаснуться — вот что значит понять. Для тех же людей, что тупо стремятся движения живого человека, их эмоциональные импульсы, таинственное назначение объяснить часовым механизмом, этот живой человек обернется трупом или восковой куклой»⁷⁵.

Однако наш анализ пока не объясняет, почему для разработки «кукольной» темы во «Вторнике Мэри» была выбрана именно классическая история Коломбины-Пьеро-Арлекина, как не объясняет и того, почему Кузмин публикует в 1921 г. пьесу, отсылающую к его (и не только его) произведениям прошлых лет. Это невозможно объяснить наивностью автора или только желанием издать текст. Кузмин понимает сложившуюся

⁷⁵ Кузмин М.А. Эмоциональность как основной элемент искусства. С. 378–379. Впервые: Арена: Театральный альманах. Пг., 1924. С. 7–12.

к первым пореволюционным годам культурную ситуацию: в рецензии на пьесу Р. Лотара «Король-Арлекин» (март 1919 г.) он с иронией высказывается о попытке реанимации на сцене постановки, сопровождаемой всеми атрибутами «театральных исканий 1906–1907 годов»: «Конечно, пьеса символическая; конечно, действуют персонажи итальянской комедии; конечно, постановка условная; конечно, введен щедро пантомимический элемент; конечно, застывшие позы и истошная декламация, которая считалась необходимой спутницей пьес Метерлинка и Пшибышевского...»⁷⁶ И хотя о самой постановке театральный критик говорит как о «цельной интересной работе», он, тем не менее, ставит под сомнение необходимость подобного воскрешения театра уже прочно забытого времени: «Во всяком случае заставить с интересом смотреть в сотый раз коломбин и арлекинов — задача нелегкая и выполнена искусно. Другой вопрос — стоит ли игра свеч. Я не знаю. Вероятно, стоит, раз люди этим занимаются»⁷⁷.

Но в следующем же месяце, в апреле 1919 г., Кузмин пытается впервые опубликовать «Вторник Мэри», подписывая договор с Гржебиным. В одно и то же время Кузмин-рецензент отказывает театру «арлекин и коломбин» в актуальном существовании, говоря о его неуместности в новых условиях, а Кузмин-драматург готовит для первой публикации свою пьесу, в которой невозможно не слышать отзвуки самой известной драмы, поставленной как раз в упомянутый им сезон 1906/1907, — «Балаганчика» Блока.

Не нуждается в специальном комментарии хорошо описанная «кукольная» природа действующих лиц «Балаганчика»⁷⁸. Кузмин в своей пьесе перенимает классический сюжет именно в изводе Блока (разыгрываемый марионетками в нарисованном мире) и доводит до предела «кукольность», которую пытался воплотить в своей постановке Мейерхольд (в том числе при помощи музыки самого Кузмина). Актеры «Вторника Мэри» названы «куклами живыми или деревянными», события дублируются кукольным спектаклем, а пейзаж, над которым пролетают Мэри и пилот, назван «раскрашенной географической картой» (подобно тому, как даль, в которую прыгает Арлекин из окна, оказывается нарисованной).

⁷⁶ Кузмин М.А. «Король-Арлекин». С. 168. Впервые: Жизнь искусства. 1919. № 103, 25 марта. С. 1–2.

⁷⁷ Там же. С. 169.

⁷⁸ См. Громов П.П. А. Блок, его предшественники и современники. М., Л., 1966. С. 522 и далее; Федоров А.В. Театр Блока и драматургия его времени. Л., 1972. С. 349; см. также комментарий О.А. Кузнецовой: Блок А.А. Собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 2: Стихотворения. Книга вторая (1904–1908). М., 1997. С. 776.

Однако диалог с Блоком⁷⁹ ведется Кузминым не только на поле «Балаганчика», он глубже и разнообразнее. Так, несомненное влияние Блока можно обнаружить в повторяющемся образе «Вторника Мэри» — образе «зеленой звезды». Впервые она появляется в монологе маникюрши («А зеленая звезда, / Как всегда, / Холодна и лучезарна»), затем упоминается, что Молодой человек сидит в конторе «под зеленой лампой»; в посмертном письме этого же героя — «Что при лампе зеленоватой / Мое сердце по вас изныло?» и затем, в финальном монологе шофера — дважды: «...пассажир / Разбужен утренней звездой» и «Над садом, там, видна всегда / Одна звезда, — / Мороженный осколок злата». Частотность упоминания этой детали в небольшом произведении примечательна сама по себе, однако интерпретировать ее становится возможным потому, что образ «зеленой звезды» — один из постоянных образов в творчестве Блока.

Анализу контекстов зеленого цвета в лирике Блока посвящена известная работа К.Ф. Тарановского⁸⁰, в которой сделан следующий вывод о символике цвета: «*зеленый свет* (курсив автора — *А.П.*) в поэзии Блока неоднозначен: часто он связан с загадочными, пугающими образами и даже является деталью контекста, говорящего о смерти и вечном покое»⁸¹. Автокомментарием к такой трактовке этого образа, по мнению Тарановского, является статья Блока «Безвременье» (1906), в которой автор описывает русскую действительность как «бесцельное стремление всадника на усталом коне, заблудившегося ночью среди болот. [...] И пока ночь мирно свивает и развивает концы своих волос-вервий, — мерно качается и кружится всадник. Глаза его, закинутые вверх, видят на своде небесном одну только большую зеленую звезду»⁸².

В лирике Кузмина зеленый колорит разительно отличается от блоковского. Если у Блока естественный зеленый цвет «неприятный, устрашающий»⁸³, то природный зеленый у Кузмина окрашен нейтрально или положительно: «Сквозь зелени веселые / Луга видны давно» («Пасха», 1910). Начиная с 1910-х гг. («Оттепель», 1911: «Но так пленителен твой глаз зеленоватый, / И клоуна нос, и губ разрез! / Так хочется обнять и неж-

⁷⁹ Проблеме «Кузмин и Блок» посвящена известная статья: *Шмаков Г.Г.* Блок и Кузмин (Новые материалы) // Блоковский сборник: Труды Второй научной конференции, посвященной изучению жизни и творчества А.А. Блока. Тарту, 1972. С. 341–364.

⁸⁰ *Тарановский К.Ф.* Зеленые звезды и поющие воды в лирике Блока // Тарановский К.Ф. О поэзии и поэтике / Сост. М.Л. Гаспаров. М., 2000. С. 330–342.

⁸¹ *Тарановский К.Ф.* Зеленые звезды и поющие воды в лирике Блока. С. 331. См. также примеч. 4 на с. 341–342.

⁸² *Блок А.А.* Безвременье // Полн. собр. соч.: В 8 т. Т. 5: Проза 1903–1917 / Подгот. текста и примеч. Д.Е. Максимова и Г.А. Шабельской. С. 75.

⁸³ *Тарановский К.Ф.* Зеленые звезды и поющие воды в лирике Блока. С. 342.

но прикоснуться») образ «зеленых глаз» будет постоянной приметой возлюбленного: «Малиновый, зеленый, желтый цвет — Твои цвета. Увидишь ли привет?» («Бисерные кошельки», 1912; см. «зеленый доломан» из цикла «Холм вдали», 1912). В колористике Кузмина зеленый — также цвет предрассветного неба: «Солнце тускло, сонно смотрит из-за розовых завес, / А меж туч яснеет холод зеленеющих небес» (Из цикла «Флейта Вафилла», 1907); «В раскосый блеск зеркал забросив сети, / Склонился я к заре зеленоватой» («В раскосый блеск зеркал...», 1922) и т.д.

Образ зеленой звезды, связанный как с небом, так и с цветом возлюбленного, появляется в лирике Кузмина в 1910–1912 гг. «Зеленая звезда» сопутствует любовным утехам и похождениям: «И спутницей любви неколебимой / Лучит звезда зеленый свет, любимый» (Из цикла «Осенний май», 1910). Однако использование этого образа во «Вторнике Мэри» идет вразрез с таким его пониманием. В пьесе «звезда» выступает субститутом невидимых сил, управляющих людьми и их судьбами, взирающих на них отстраненно свысока, безучастных к происходящему («холодна и лучезарна»). Такое изменение образа можно объяснить только перениманием чужой традиции — внимательное наблюдение за текстом показывает, что этой традицией была именно блоковская.

Характерен ультрасимволистский контекст, в котором образ звезды впервые появляется во «Вторнике Мэри»: «Выстрел был не очень тих, / Словно стих, / Стих тупой Эмиль Верхарна, / А зеленая звезда, / Как всегда, / Холодна и лучезарна». В одной небольшой строфе собраны имя одного из родоначальников французского символизма, характерно-блоковский образ и эпитет «лучезарный», также вызывающий в памяти лирику начала 1900-х гг. Кузмин закладывает в текст пьесы дополнительный контекст, который легко прочитывается реципиентом, знакомым с символистской системой образов.

Займствуя образ «зеленой звезды» у Блока, Кузмин, таким образом, обозначает свое отношение к миру, изображенному в пьесе: этот мир людей-марионеток бесцелен и заранее определен. Подобно тому, как в статье Блока всадник, обреченный видеть всегда одну-единственную зеленую звезду, бесцельно блуждает по болоту, зеленую звезду уготовано видеть («Над садом, там, видна всегда, / Одна звезда...») героям «Вторника Мэри», кукольный мир которых также не имеет смысла. В этом мире происходят различные события, но все они определены заранее (самоубийство молодого человека предвещают маникюрша и постановка в театре) и, произойдя, ничего не меняют: «Вор, кот, иль кукольный кумир, / Скрипач, банкир, / Самоубийца ль, — та же плата!» Так, можно утверждать, что тема рока, маркером которой служит образ «зеленой звезды», появилась у Кузмина под влиянием Блока и стала

одной из центральных тем в творчестве автора в 1917 г. Так, например, в стихотворении Кузмина «Белая ночь» (1917):

Загоризонтное светило
И звуков звучное отсутствие
Зеркальной зеленью пронзило
Остекленелое предчувствие.
И дремлет медленная воля —
Секунды навсегда отстукала, —
Небесно-палевое поле —
Подземного приемник купола.
Глядит, невидящее око,
В стоячем и прозрачном мреяньи.
И только за небом, высоко,
Дрожит эфирной жизни веянье.

также упоминается зеленый цвет: «светило пронзает зеркальной зеленью». Небо и землю Кузмин метафорически уподобляет куполу (см. позднее «колпак стеклянный» в стихотворении «Адам»), последние строки стихотворения повторяют тему «...видна всегда / Одна звезда»: светило глядит *как око*, но имеется инстанция еще более высокая (во всех смыслах) — «эфирной жизни веянье».

Блоковский подтекст пьесы бросает ответ и на другие ее приметные детали, например на имя героини. Несмотря на семантическую нагруженность имени Мэри в традиции символизма⁸⁴, Кузмин в своей лирике до 1917 г. упоминает его только как имя Девы Марии (см. цикл «Праздники Пресвятой Богородицы» (1909), стихотворение «Мария Египетская» (1912) и др.). Именно в 1917 г. в творчестве Кузмина появляются сразу две Мэри — наша и героиня «Танцмейстера с Херестрита». Соположение «Вторника Мэри» и «Балаганчика» позволяет говорить о важности именно блоковских коннотаций имени Мэри⁸⁵. Как известно, первоначально имя Маша носила Коломбина из «Балаганчика»⁸⁶, также имя Мария выбирает себе Незнакомка из одноименной пьесы. Это имя

⁸⁴ Об этом см. комментарий Ю.К. Герасимова и Д.М. Магомедовой: *Блок А.А. Собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 6.1: Драматические произведения (1906–1908)*. С. 515–516. См. также: *Безродный М.В.* Из комментария к драме Блока «Незнакомка» // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 857: Биография и творчество в русской культуре начала XX века. (Блоковский сборник: IX). Тарту, 1989. С. 58–70.

⁸⁵ На связь двух Мэри указал и Голлербах: «Мэри Кузмина ничем не напоминает Мэри Блока и еще менее ту Мэри, за здоровье которой пил при закрытых дверях Пушкин. Кузминская Мэри — дама петербургская, всем слишком хорошо знакомая и уже потому не очень занятая» (*Э[рих] Г[оллербах]*. [Рец. на:] Кузмин М. Вторник Мэри. С. 42.)

⁸⁶ *Блок А.А. Балаганчик // Собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 6.1. С. 168.*

будет изменено Хозяйкой салона на Мэри, причем к нему присоединятся низменные коннотации — Марию из «Незнакомки» принимают за проститутку⁸⁷ (хотя статус и профессия Мэри Кузмина не определен, ее реплика «Мадам я Butterfly» вызывает в памяти род занятий героини одноименной оперы Пуччини).

Можно отметить и повторяющийся во «Вторнике Мэри» мотив «заметания снегом»: «Всё завевает нежным снегом, / Не найдешь весенних ям», «И разрезаемый эфир заблещет, / Как снег зимы» и т.д., который можно связать с мотивом разгула «метельной стихии» в сборнике Блока 1907 г. «Снежная маска»⁸⁸. Отметим, что вторая часть этого сборника — «Маски» — также содержит указание на выдуманность, ненатуральность мира («Ах, вы сами в сказке, рыцарь!» («Тени на стене»)). Наконец, строка «В стекле мелькнет летучий мир» очевидно имеет претекст в первой строке одноименного стихотворения Блока: «Миры летят. Года летят...». Продолжение этой строки: «...Пустая / Вселенная глядит в нас мраком глаз» развивает ту же идею трагичности, бессцельности существования, бездумно проживаемого «...в смене пестрой / Придуманных причин, пространств, времен». Жизнь у Блока — «...безумный, неизвестный / И за сердце хватающий полет», что придает дополнительный смысл сцене полета Мэри и пилота («А я одни полеты знаю, — страсти, / Полет мечты»), а также находит аналогию в финальном монологе шофера: «Ах, всё равно, летим, летим, / Куда хотим [...] / Как мерен вверх упор резин! / Дыми, бензин, / Отяжеленный облаками!»

Можно множить примеры и дальше, однако все они будут лишь подтверждать нашу гипотезу: «Вторник Мэри» писался Кузминым с оглядкой на творчество Блока. Автор развивает блоковскую идею «кукольного» мира, обреченного на трагически бессцельное существование, управляемое свыше неизвестными силами: начатая во «Вторнике Мэри» тема предначертанности событий, соединившись с темой «кукольности», оживших кукол, управляемых кукловодом, получила развитие в текстах Кузмина конца 1910-х — начала 1920-х гг.

Как нам представляется, именно «кукольная» тема, заявленная во «Вторнике Мэри», может прояснить замысел Кузмина: написание пьесы со всеми атрибутами литературы середины 1900-х в 1917 г. и публикацию ее в 1921 г. Тема людей-кукол, управляемых волей рока, которую Кузмин разрабатывал в своих произведениях 1910-х — начала 1920-х гг.,

⁸⁷ См. рецензию на «Незнакомку»: «Сначала были у него [Блока — А.П.] проникновенные гимны “Прекрасной Даме”, к Деве Марии, а затем Мария превратилась каким-то фокусом в Мэри, героиню “Незнакомки”» (*Философов Д.В. Дела домашние // Товарищ. 1907. № 379, 23 сент.*).

⁸⁸ Об этом см.: *Минц З.Г. Лирика Александра Блока // Минц З.Г. Поэтика Александра Блока. СПб., 1999. С. 99–179.*

неизбежно (поскольку была инспирирована творчеством Блока) отсылала к символистскому театру, однако общая настороженность отношения культурной среды второй половины 1910-х гг. к такому театру и очевидная несовременность его скорректировали замысел Кузмина. «Вторник Мэри», собственный «Балаганчик» Кузмина, хотя и снабжен всеми приметам символистской пьесы, перемещает эту образность на кукольную сцену. Кузмин создает подчеркнуто неактуальный текст, мотивируя его возникновение принадлежностью к кукольному театру, с которым сотрудничает в этот период. Неудивительно, что столь несовременная пьеса сразу начала восприниматься не как «пьеса для сцены», а либо как кукольное представление (инерция чего дошла и до наших дней), либо как «кинематографическая фильма».

В эту концепцию встраивается, кажется, единственный пример рецепции «Вторника Мэри». В.В. Маяковский в очерке «Семидневный смотр французской живописи» (1922) писал следующее: «Яковлев. Портрет. Сидит дама. Живая. В руках и на столе книжки: Кузьмин “Вторник Мери”, Ахматова “Подорожник”. Заглавийки книжек выведены с потрясающей добросовестностью»⁸⁹.

Речь, по всей видимости, идет о выставке картин художников А.Е. Яковлева и В.И. Шухаева в 1922 г. в парижской галерее Барбазанж. Яковлев, известный портретист, представил на выставке один из своих портретов — к сожалению, эта картина не обнаружена в дошедших до нас списках полотен и каталогах художника. Соположение на портрете издания пьесы Кузмина и вышедшего в 1921 г. сборника стихов А.А. Ахматовой «Подорожник» демонстрировало привязанность портретируемой новейшей литературе, эстетизм и элитизм. Примечательно, что обе изображенные книги вышли в 1921 г. в издательстве «Петрополис», обложки для обеих книг выполнил Добужинский; внешне они очень похожи — миниатюрные изящные издания признанных поэтов⁹⁰.

Шаг Кузмина — выпуск в 1921 г. пьесы, атмосфера которой пропитана духом начала века (влюбленность, полеты, зала театра, самоубийство из-за несчастной любви и т.д.), представляется необычным. Автор словно сознательно замыкает себя в круге ассоциируемых с ним тем, образов

⁸⁹ *Маяковский В.В.* Семидневный смотр французской живописи // Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1957. Т. 4. С. 242. Впервые указано: *Селезнев Л.* Михаил Кузмин и Владимир Маяковский // Вопросы литературы. 1989. № 11. С. 86.

⁹⁰ Ахматова и Кузмин в критике 1920-х гг. нередко упоминались рядом. Поэты давали совместные литературные вечера (см., например, вечер 26 июля 1922 г.: Хроника // Жизнь искусства. 1922. № 29 (852), 25 июля. С. 5), а чуть позже возглавили список главных поэтов Петрограда: «В Петербурге есть три общепризнанных поэта: Сологуб, Ахматова и Кузмин» (*Адамович Г.* Русская поэзия // Жизнь искусства. 1923. № 2 (876), 16 янв. С. 3).

и жанров⁹¹. Вместе с тем, как мы показали ранее, в пьесе отражаются взгляды Кузмина на искусство («условный» театр), действительность, а потенциально — и на общественную ситуацию, но в произведении всё это неминуемо уходит в подтекст и требует детального восстановления контекста создания пьесы. Особенность «Вторника Мэри» в том, что эта пьеса одновременно и очень несовременная, о чем свидетельствуют ее сюжет и поэтика, и подчеркнуто актуальная, так как связана с практиками кино и кукольного театра. Оставаясь внешне в кругу «характерных» для него тем и сюжетов, автор создает текст с «двойной прагматикой», который может быть прочитан двояко в зависимости от точки зрения реципиента.

Последний вопрос, на который необходимо ответить в рамках разрабатываемого сюжета, — почему «кукольная тема» появляется в лирике Кузмина именно на рубеже 1916–1917 гг.?

Мы разделяем предположение биографов Кузмина о том, что для его творчества 1917 г. в целом был характерен эскапизм, уход в область искусства и поэзии, максимально оторванной от общественной ситуации⁹². Если в первой половине революционного года Кузмин пишет «гражданскую» лирику (стихотворения «Русская революция», «Волынский полк» и т.д.), то к осени такие настроения автора пропадают и он работает над гностическими («София»), эротическими («Занавешенные картинки»), бытовыми («Двум») стихотворениями. С этой точкой зрения хорошо согласуется как «уход» автора в область «кукольного» театра, так и обращение к культуре начала XX в. Однако мы можем предложить еще одно объяснение. Темы «кукольного мира» и неспособности человека-куклы противиться воле рока неслучайно появляются в творчестве Кузмина именно в революционный год и оживляются в пореволюционное время — по-видимому, эти темы до какой-то степени отражали мироощущение автора в этот период. «Кукольность», ненатуральность происходящего на протяжении 1917–1921 гг. всё более и более воспринимаются автором как свойства окружающего его мира. Связанные темы рока, предначертанности событий начнут занимать всё большее место

⁹¹ В задуманном в 1919 г. в издательстве Гржебина 11-томном Собрании сочинений Кузмина «Вторник Мэри» входил в последний том наряду с водевилями и небольшими пьесами: «1/ Куранты любви, 2/ Вторник Мэри, 3/ Голландка Лиза, 4/ Принц с Мызы, 5/ Алиса, которая боялась мышей, 6/ Снежный болван, 7/ Фея, фагот и машинист, 8/ Танцмейстер из Херстрита, 9/ Муж, вор и любовник, каких не бывало» (ЦГАЛИ СПб. Ф. 437. Оп. 1. Ед. хр. 170. Л. 20), что отчасти проясняет жанр, в котором сам Кузмин мыслил свою пьесу.

⁹² Богомолов Н.А., Малмстад Дж.Э. Михаил Кузмин. С. 247–252. См. также: Богомолов Н.А. Незданный Кузмин из частного архива // Богомолов Н.А. Русская литература первой трети XX века: Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск, 1999. С. 543–546.

в творчестве Кузмина, чтобы к концу 1920-х гг. стать доминирующими (драма «Смерть Нерона», 1924–1929). Так «кукольность» мира становится метафорой пореволюционной жизни.

В настоящей работе, вразрез с существующей исследовательской традицией, трактующей деятельность Кузмина 1920-х гг. как попытку «выжить» в советских условиях⁹³, мы постарались показать, насколько целенаправленны и продуманны были попытки автора сохранить сложившуюся к 1920-м гг. литературную репутацию и преумножить ее. В первые пореволюционные годы Кузмин переосмысляет свое творчество и свою деятельность (неслучайно именно в эти годы появляются не свойственные ему прежде попытки вступать в литературные союзы, организовывать литературные группы), умело используя уже имеющуюся у него репутацию автора определенных текстов и мастера определенных тем. Случай «Вторника Мэри» показывает, как текст, созданный в одну художественную эпоху и «воскрешенный» уже в другом историко-литературном контексте, с одной стороны, используется автором для выражения своего отношения к идеям современного ему культурного процесса, а с другой — демонстрирует внутреннюю эволюцию творческой системы Кузмина.

Литература

Безродный М.В. Из комментария к драме Блока «Незнакомка» // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 857: Биография и творчество в русской культуре начала XX века (Блоковский сборник: IX). Тарту, 1989. С. 58–70.

Богомолов Н.А. Литературная репутация и эпоха // Богомолов Н.А. Михаил Кузмин: Статьи и материалы. М.: Новое литературное обозрение, 1995. С. 57–66.

Богомолов Н.А. Тетушка искусств. Оккультные коды в поэзии Кузмина // Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М.: Новое литературное обозрение, 1999. С. 145–185.

Богомолов Н.А., Малмстад Дж.Э. Михаил Кузмин. М.: Молодая гвардия, 2013. 395 с.

Богомолов Н.А., Шумихин С.В. М. Кузмин. Дневник 1921 года // Минувшее: Исторический альманах. 1993. Т. 12. С. 423–494; 1993. Т. 13. С. 457–524.

Кузмин М.А. Вторник Мэри / Примеч. П.В. Дмитриева // Сорокопут [Lanius Excubitor]. 2013. № 1. С. 40–42.

Кузмин М.А. Проза и эссеистика: В 3 т. Т. 3: Эссеистика. Критика. / Сост., подгот. текстов и коммент. Е.Г. Домогацкой, Е.А. Певак. М.: Аграф, 2000. 768 с.

⁹³ Исключением является работа Г.А. Морева, в которой автор высказывается против подобного «упрощения биографии» Кузмина (*Морев Г.А.* Советские отношения М. Кузмина // Новое литературное обозрение. 1997. № 23. С. 78–86).

Кузмин М.А. Проза: В 9 т. / Ред. и примеч. В. Маркова и др.; вступ. ст. В. Маркова. Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 1984–1990.

Кузмин М.А. Стихотворения / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Н.А. Богомолова. СПб.: Академический проект, 1999. 831 с.

Кузмин М.А. Театр: В 4 т. (В 2 кн.) / Сост, примеч., ст. А.Г. Тимофеева; под ред. В. Маркова и Ж. Шерона. Oakland: Berkeley slavic specialties, 1994.

Морев Г.А. Советские отношения М. Кузмина // Новое литературное обозрение. 1997. № 23. С. 78–86.

Селезнев Л. Михаил Кузмин и Владимир Маяковский // Вопросы литературы. 1989. № 11. С. 66–87.

Советский театр. Документы и материалы: Русский советский театр. 1917–1921 / Отв. ред. А.З. Юфит. Л.: Искусство, 1968. 548 с.

Тарановский К.Ф. О поэзии и поэтике / Сост. М.Л. Гаспаров. М.: Языки русской культуры, 2000. 432 с.

Тимофеев А.Г. Вокруг альманаха «Абракас» (Из материалов к истории издания) // Русская литература. 1997. № 4. С. 190–205.

Тимофеев А.Г. Михаил Кузмин и издательство «Петрополис» (Новые материалы по истории «русского Берлина» // Русская литература. 1991. № 1. С. 189–204.

Тихвинская Л.И. Повседневная жизнь театральной богемы Серебряного века: Кабаре и театры миниатюр в России. 1908–1917. М.: Молодая гвардия, 2005. 527 с.

Cheron G. Михаил Кузмин и кукольный театр: Хроника одного интереса // Marionette theater of the Symbolist era / Ed. by K. Tribble. Lewiston etc.: The Edwin Mellen Press, 2002. P. 265–280.

References

Bezrodnyi M.V. Iz kommentariia k drame Bloka “Neznakomka” [From the commentary on A. Blok’s drama “Neznakomka”]. *Uch. zap. Tartuskogo gos. un-ta. Vyp. 857: Biografiia i tvorcestvo v russkoi kul'ture nachala XX veka (Blovskii sbornik: IX)* [Proc. Tartu State Univ. Iss. 857: Biography and creativity in Russian culture of the early 20th century (Blok collection: IX)]. Tartu, 1989, pp. 58–70. (In Russ.)

Bogomolov N.A. Literaturnaia reputatsiia i epokha [Literary reputation and the epoch]. Bogomolov N.A. *Mikhail Kuzmin: Stat'i i materialy* [Mikhail Kuzmin: Articles and materials]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1995, pp. 57–66. (In Russ.)

Bogomolov N.A. Tetushka iskusstv. Okkul'tnye kody v poezii Kuzmina [Auntie of all arts: Occult codes in Kuzmin's poetry]. Bogomolov N.A. *Russkaia literatura nachala XX veka i okkul'tizm* [Russian literature of the early 20th century and occultism]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1999, pp. 145–185. (In Russ.)

Bogomolov N.A., Malmstad J.E. *Mikhail Kuzmin*. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2013. 395 p. (In Russ.)

Bogomolov N.A., Shumikhin S.V. M. Kuzmin. Dnevnik 1921 goda [Mikhail Kuzmin's diary of 1921]. *Minuvshee: Istoricheskii al'manakh* [The past: Historical almanac]. 1993, vol. 12, pp. 423–494; 1993, vol. 13, pp. 457–524. (In Russ.)

Cheron G. Mikhail Kuzmin i kukol'nyi teatr: Khronika odnogo interesa [Mikhail Kuzmin and puppet theater: The chronicle of one interest]. *Marionette theater of the Symbolist era*, ed. by K. Tribble. Lewiston etc., The Edwin Mellen Press, 2002, pp. 265–280. (In Russ.)

Kuzmin M.A. *Proza: V 9 t.* [Prose: In 9 vols.], intro. by V. Markov, ed. and comment. by V. Markov et al. Berkeley, Berkeley Slavic Specialties, 1984–1990. (In Russ.)

Kuzmin M.A. *Proza i esseistika: V 3 t. T. 3: Esseistika. Kritika.* [Prose and essays: In 3 vols. Vol. 3: Essays. Critical works], ed. and comment. by E.G. Domogatskaya, E.A. Pevak. Moscow, Agraf Publ., 2000. 768 p. (In Russ.)

Kuzmin M.A. *Stikhotvoreniia* [Poems], intro, ed. and comment. by N.A. Bogomolov. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1999. 831 p. (In Russ.)

Kuzmin M.A. *Teatr: V 4 t. (V 2 kn.)* [Theater: In 4 vols.], intro, ed. and comment. by A.G. Timofeev, ed. by V. Markov and G. Cheron. Oakland, Berkeley Slavic Specialties, 1994. (In Russ.)

Kuzmin M.A. Vtornik Meri [Mary's Tuesday], notes by P.V. Dmitriev. *Sorokoput [Lanius Excubitor]*, 2013, no 1, pp. 40–42. (In Russ.)

Morev G.A. Sovetskie otnosheniia M. Kuzmina [M. Kuzmin's Soviet ties]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1997, no. 23, pp. 78–86. (In Russ.)

Seleznev L. Mikhail Kuzmin i Vladimir Maiakovskii [Mikhail Kuzmin and Vladimir Mayakovsky]. *Voprosy literatury*, 1989, no. 11, pp. 66–87. (In Russ.)

Sovetskii teatr. Dokumenty i materialy: Russkii sovetskii teatr. 1917–1921 [Soviet Theater. Documents and Materials: Russian Soviet Theater. 1917–1921], ed. by A.Z. Yufit. Leningrad, Iskusstvo Publ., 1968. 548 p. (In Russ.)

Taranovskij K.F. *O poezii i poetike* [On poetry and poetics], ed. by M.L. Gasparov. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2000. 432 p. (In Russ.)

Tikhvinskaia L.I. *Povsednevnaia zhizn' teatral'noi bogemy Serebrianaogo veka: Kabare i teatry miniatiur v Rossii. 1908–1917* [The daily life of the theatrical Bohemia of the Silver Age: Cabarets and revue theaters in Russia. 1908–1917]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2005. 527 p. (In Russ.)

Timofeev A.G. Mikhail Kuzmin i izdatel'stvo “Petropolis” (Novye materialy po istorii “russkogo Berlina”) [Mikhail Kuzmin and the “Petropolis” publishing house (New materials on the history of “Russian Berlin”)]. *Russkaia literatura*, 1991, no. 1, pp. 189–204. (In Russ.)

Timofeev A.G. Vokrug al'manakha “Abraksas” (Iz materialov k istorii izdaniia) [Around the “Abraksas” almanac (Materials to the history of publication)]. *Russkaia literatura*, 1997, no. 4, pp. 190–205. (In Russ.)

On people and puppets: The play “Mary’s Tuesday” and M.A. Kuzmin’s literary strategies of late 1910s and early 1920s

© 2019, Alexandra Pakhomova

Abstract: This article discusses context of creation and publication of “Mary’s Tuesday”, a play by Mikhail Kuzmin. As examination of the play and other related texts demonstrates, one of the key issues of Kuzmin’s work at that period of time (i.e. late 1910s — early 1920s) was similarity of people and puppets. Having considered the background of literary and social realms of 1917, a year when the play was finished, and 1921, when it was published, it is possible to conclude that Kuzmin’s literary strategy had been changing in the first post-revolutionary years.

Keywords: Mikhail Kuzmin, “Mary’s Tuesday”, puppet theater, puppet-like motif, Alexander Blok.

Information about the author: Alexandra Pakhomova, PhD-student, University of Tartu (Tartu Ülikool), Tartu, Estonia. E-mail: aleks.pakhomova@gmail.com

Citation: Pakhomova Alexandra. On people and puppets: The play “Mary’s Tuesday” and M.A. Kuzmin’s literary strategies of late 1910s and early 1920s. *Literary fact*, 2019, no. 2 (12), pp. 285–316. DOI 10.22455/2541-8297-2019-12-285-316

DOI 10.22455/2541-8297-2019-12-317-331

УДК 821.161.1

Три заметки к биографии Осипа Мандельштама

© 2019, А.Г. Мец

Аннотация: В заметке I рассматриваются биографии членов семей Синани (1851–1941) и Монвиж-Монтвидов (1890-е — 1941), в заметке II — «эсеровский контекст» описанной Мандельштамом поездки на конспиративную сходку в Райволу. В заметке III обсуждается жанровая отнесенность мандельштамовского эпитафия к стихотворению В.К. Шилейко “Deligium” и эпитафия самого Шилейко к шумеро-ассирийскому заговору. К рассмотрению и аргументации привлекаются архивные материалы из фонда Особого отдела Департамента полиции, материалы I и II Съездов партии эсеров.

Ключевые слова: О.Э. Мандельштам, семья Синани, семья Монвиж-Монтвид, Г.А. Гершуни, В.К. Шилейко, ассирийский амулет.

Информация об авторе: Александр Григорьевич Мец, независимый исследователь, Гатчина, Россия. E-mail: agmets@mail.ru

Цитирование: Мец А.Г. Три заметки к биографии Осипа Мандельштама // Литературный факт. 2019. № 2 (12). С. 317–331. DOI 10.22455/2541-8297-2019-12-317-331

I

О судьбах членов семей Синани и Монвиж-Монтвидов

В семьях Синани и Монвиж-Монтвидов Осип Мандельштам бывал в юношеские годы (приблизительно 1907–1911), с чем связан наш непосредственный интерес к ним. Биографические данные о них имеются в воспоминаниях современников и обнаруживаются в архивных документах, однако неравномерно по персоналиям и биографическим периодам. В 2016–2018 гг. эти материалы пополнились справками, помещенными на сайте «GENi» и в «Википедии»¹, что позволяет выстроить более полную картину. Материалы эти с приложением фотографий опу-

¹ Далее при ссылках на эти материалы указывается только название сайта.

бликовали Александр Владимирович Добровольский² (внук Евгении Борисовны Синани), Андрей Николаевич Красильников, Марианна и Шарлотта Якоби (Jacoby). Попытаемся обрисовать выяснившиеся биографические моменты, привлекая также другие источники.

В статье «Википедии» о Борисе Наумовиче Синани годом смерти указан 1922. Этот год и раньше иногда указывался в справках о нем, но источник этой даты неясен. Нам представляется более надежной дата, сообщенная литератором Абрамом Борисовичем Дерманом (1880–1952). Он был близким знакомым А.Г. Горнфельда, принимал участие в его литературных делах³, а 17 мая 1936 г. писал ему: «У меня находится дневник Б.Н. Синани о Г.И. Успенском. Он подарил мне его незадолго до смерти в полное владение. Использовать мне его не довелось и вижу, что едва ли доведется в силу ряда обстоятельств. Теперь ко мне (через Глинку-Волжского⁴) пристают, чтобы я его продал. И сделать это надо. Но вот вопрос — как употребить деньги? Я поставил две цели: устроить могилу Б.Н. Синани и остаток отдать его дочерям. Относительно первого я уже предпринял кой-какие шаги, но вот — как быть с дочерьми? Никаких зацепок у меня нет, родственники их (Крымские) ничего не знают»⁵. 14 мая 1937 г. Дерман возвращается к этой теме: «А знаете, я нашел какие-то хвосты адреса дочери Синани. Пишу сегодня — авось отыщется след Тарасов. И могилу его в Симферополе тоже разыскал и камень заказал»⁶. 13 октября 1938 г.: «Объявился адрес дочери Б.Н. Синани и его внука, последний живет в Ленинграде. Эта находка будет мне стоить 3 500 р. Но все-таки я доволен»⁷. Дневник Б.Н. Синани был продан в Гослитмузей, в «Летописях» которого Дерман и привел дату смерти Синани: октябрь 1920 г.⁸

² В справке о Б.Н. Синани он дает год смерти 1922 (GENi).

³ Был доверенным лицом Горнфельда в ходе заседаний комиссий Федерации объединений советских писателей (ФОСП) во время тяжбы Мандельштама и Д. Заславского, см.: Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама. СПб., 2019. С. 326, 336, 339, 340.

⁴ А.И. Глинка (1878–1940), псевд. «Волжский». В течение ряда лет собирал материалы о жизни и творчестве Г.И. Успенского. Издал книгу «Г.И. Успенский в жизни: по воспоминаниям, переписке и документам» (М., 1935), в которой неоднократно упоминается Синани и цитируется его дневник.

⁵ РГАЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 298. Л. 41.

⁶ Там же. Ед. хр. 299. Л. 16 об.

⁷ Там же. Л. 69 об. По-видимому, речь идет о Евгении Синани (в замужестве Монвиж-Монтвид) и ее сыне Вадиме Алексеевиче Синани.

⁸ Глеб Успенский. М., 1939. С. 608 (Летописи / Гос. лит. музей; Кн. 4). Б.Н. Синани скончался в Симферополе, куда переехал ок. 1917 г. и где жил последние годы жизни вместе с дочерью Еленой (1893–1964, GENi). В Симферополе жил в те годы и А.Б. Дерман. Симферополь был взят частями Красной армии в середине ноября 1920 г.

Очень мало сведений имеется о жене Б.Н. Синани и матери его детей, Варваре Лукиничне Попадичевой. Неизвестны год ее рождения и дата смерти. В агентурной информации, поступавшей в Особый отдел Департамента полиции, имелись сведения о том, что она училась в Бернском университете⁹. В одном из полузабытых справочных изданий имеются сведения о революционной деятельности Б.Н. Синани, свидетельствующие об их знакомстве: «Синани Берах (Борис) Бабакович (Наумович), еврей-караим. Окончил Одесск. гимназию и в с[е]ред. 1870-х г.г. был студентом Мед.-Хир. ак[адем]ии. Проживая в Петербурге вместе с В. Колосовым, К. Бендеровским, был обыскан 25 апр. 1875 г. в связи с делом о пропаганде среди рабочих и солдат Московск. полка (дело Дьякова-Сирякова); при обыске обнаружены запрещен. книги. Освобожден из тюрьмы в мае т[ого же?] г. и обязан подпискою о невыезде. Вторично обыскан 22 ноября 1876 г. вместе с Н. Худадовым, с которым жил на одной квартире. В 1877 г. окончил ак[адем]ию со званием лекаря. До 1880 г. был воен. врачом; в 1880 г. был земск. врачом в Корочанск. у[езде] (Курск. губ.); уволен вследствие политическ. неблагонадежности и поступил на должность врача в с. Ямтесове (Новгородск. у[езде] и губ.). В апр. 1881 г. снова был обыскан в связи с розыском В. Попадичевой¹⁰; подчинен негласн. наблюдению»¹¹. Брак ее с Б.Н. Синани не был зарегистрирован, что явствует из копии метрической выписи в студенческом деле ее сына Бориса, где сказано, что он родился «незаконно»¹². По справочнику «Весь С.-Петербург на 1901 г.» нам недавно удалось определить время и место ее кончины с точностью до одного года: не раньше второй половины 1900 г., не позднее первой половины 1901 г. (ранее мы писали, что она умерла в Колмове). По тому же справочнику определяется, что семья переехала из Колмова в С.-Петербург не позднее 1899 г. и первые годы занимала квартиру по адресу: Пушкинская ул., д. 4.

Участие отца (а возможно, и матери) в революционном движении сказалось на биографии детей. Биографические данные о сыне Борисе с достаточной полнотой отражены комментаторами «Шума времени» Мандельштама¹³. Его сестра Евгения (1886–1941, GENi), училась в гим-

⁹ ГАРФ. ДПОО [Департ. полиции, Особый отд.]. 1910 г. Д. 9, ч. 1. Л. 347.

¹⁰ Данную формулировку в справке (нам неизвестны материалы, на которой она основывается) невозможно интерпретировать однозначно: то ли она была, как и Б.Н. Синани, прикосновенной к революционному движению и потому разыскивалась полицией, то ли скрывалась от родительской семьи.

¹¹ Деятели революционного движения в России: Библиографический словарь: От предшественников декабристов до падения царизма: [В 5 т.]. Т. 2, вып. IV (С–Я). М., 1932. Стб. 1497–1498.

¹² ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Ед. хр. 51591.

¹³ См. также: *Мец А.Г.* Тенишевское училище // *Мец А.Г.* Осип Мандельштам и его время. Анализ текстов. СПб., 2011. С. 18, 26–44.

назии Стоюниной. По данным В.Б. Некрасовой¹⁴, по окончании гимназии для продолжения образования уехала в Париж, где познакомилась с политэмигрантом, эсером А.П. Кудрявцевым¹⁵, от которого вне брака уже по возвращении в Петербург родила дочь Галю¹⁶ и сына Вадима¹⁷. По-видимому, под его влиянием во время революции 1905–1907 гг. принимала активное участие в партийной деятельности эсеров: была партийной пропагандисткой района, «на обыске у ней была обнаружена партийная литература, рукописи и прокламации», в связи с чем она была арестована и с 17 апреля по 20 июня 1906 г. находилась в Доме предварительного заключения¹⁸. В 1915 г. она вышла замуж за тенишевского выпускника Виктора Монвиж-Монтвида¹⁹, в браке родилась дочь Маина (1927–2014, GENi).

Когда именно Синани сблизилась с Монвиж-Монтвидами, установить не удастся. В беседе со мной 19 сентября 1976 г. Ксения (1889–1980, GENi) и Анатолий (1904–2004, GENi) Монвиж-Монтвиды вспоминали о неоднократном появлении в их доме О. Мандельштама вместе с Борисом Синани²⁰. В 1909 г. Борис Синани женился на младшей дочери, Александре Эдуардовне (Але, род. 1892). В 1910 г. родился их сын Игорь, а весной 1911 г. Борис скоропостижно скончался. После смерти мужа Аля переехала жить к Б.Н. Синани. Дальнейшая судьба Али сложилась драматически. В августе того же 1911 г. покончил с собой ее отец, Эдуард Станиславович²¹. Аля переехала жить в его родовое имение Адамполь в Витебской губернии. Вскоре она познакомилась с Адолием Адольфовичем фон Дёлле, оставившим свою семью в Петербурге, и в 1912 г. вместе с сыном поехала жить в его наследственное имение вблизи Веймарна. Здесь в 1914 г. она родила сына Евгения (ум. 1984, GENi). В 1916 г. Адолий оставил ее и вскоре воссоединился с семьей.

¹⁴ Некрасова В.Б. О семье Синани // Сохрани мою речь: Мандельштамовский сб. М., 1991. С. 62. Автор — жена внука Б.Н. Синани, Игоря.

¹⁵ Алексей Павлович Кудрявцев (1881–1931). В молодости примкнул к народофильскому движению, арестовывался. С 1901 в эмиграции; учился в университете Берна, затем в Сорбонне (см.: http://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=631). В 1905–1907 гг. в России на подпольном положении. Видный член партии эсеров, входил в состав Боевой организации (БО), см.: *Леонов М.И.* Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., 1997. С. 272, 375. После революции снова в эмиграции, в 1917 вернулся в Россию.

¹⁶ О ее судьбе сведений не получено; вероятно, она умерла в раннем возрасте.

¹⁷ Вадим Алексеевич Синани (1909–1984, GENi), впоследствии художник.

¹⁸ *Мец А.Г.* Указ. соч. С. 33.

¹⁹ См.: *Мец А.Г.* Указ. соч. С. 104. С 1915 г. Евгения жила вместе с отцом и сестрой Еленой по адресу: Тверская ул., 29. Вскоре к ним присоединился Виктор. По этому адресу они жили до отъезда Б.Н. и Елены Синани в Симферополь.

²⁰ См.: *Мец А.Г.* Указ. соч. С. 34.

²¹ Сообщение о смерти: Известия книжных магазинов Товарищества М.О. Вольф по литературе, наукам и библиографии и вестник литературы. 1911. № 11. Стб. 164.

Аля тем временем сошлась с В.В. Демьяновским и родила сына Юрия. Адолий в это время жил в имении матери Пестка (вблизи селения Струги Белые). В 1919 г. в период наступления Красных войск он был убит. В том же году Аля и ее сын Юрий умерли от тифа в лагере беженцев в Нарве. Оставшиеся в живых дети, Игорь и Евгений, попали в эстонскую миссию Красного Креста. Игоря взял на попечение Виктор Монвиж-Монтвид, Евгений был усыновлен семьей Якоби²².

II

К вопросу о поездке Мандельштама в Райволу

Это самая непроясненная с точки зрения реального комментария страничка воспоминаний Осипа Мандельштама из главы «Семья Сина-ни» «Шума времени»²³. Настолько непроясненная, что один из комментаторов даже усомнился: а была ли такая поездка?²⁴

Мандельштам писал:

«Поздняя осень в Финляндии, глухая дача в Райволе. Всё заколочено, калитки забиты, псы-волкодавы ворчат возле пустых дач. Осенние пальто и старенькие пледы. Жар керосиновой лампы на холодном балконе. Лисья мордочка молодого Т., живущего отраженной славой отца-цекиста. Не хозяйка, а робкое чахоточное существо, которому даже не позволено глядеть в лицо гостям. По одному из дачной темени подходят в английских пальто и котелках. Смирно сидеть, наверх не ходить. Проходя через кухню, заметил большую стриженую голову Гершуни.

“Война и мир” продолжается. Намокшие крылья славы бьют в стекло: и честолюбие, и та же жажда чести! Ночное солнце в ослепшей от дождя Финляндии, конспиративное солнце нового Ау-стерлица! Умирая, Борис бредил Финляндией, переездом в Райволу и какими-то веревками для упаковки клад. Здесь мы играли в городки, и, лежа на финских покосах, он любил глядеть на простые небеса холодно-удивленными глазами князя Андрея» (с. 212).

Комментаторы ставили своей задачей выяснить прикрепленность описанного события к тому или иному эпизоду истории партии эсеров

²² История жизни Александры после 1912 г. изложена на сайте GENi в приложении к статье об Адолии фон Дёлле (на англ. яз.).

²³ Цитаты из «Шума времени» приводятся по: *Мандельштам О.* Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. Т. 2. СПб.: Интернет-издание, 2020, с указанием страниц в тексте статьи (в скобках).

²⁴ *Сальман М.Г.* О разных смыслах автобиографичности у О.Э. Мандельштама: на примере «Шума времени» // *AvtobiografiЯ.* 2013. № 2. С. 135–149.

и относили его или к 1907 (А.А. Морозов²⁵) или 1906 г. (А.Г. Мец²⁶). После 1991 г. появилось немало работ, посвященных истории партии эсеров, написанных на ранее неизвестных читателю материалах, в том числе архивов охранки. Это обстоятельство обязывает применить новые материалы к нуждам нашего комментария.

Прежде всего — о Райволе. В указанный период это был небольшой поселок из двух частей — русской (с населением состоятельным) и финской (с населением бедным). Всего населения — ок. 2000 чел. Железнодорожная станция на пути в Выборг. Несколько в стороне от русской части — недавно образовавшийся дачный поселок, заселявшийся летом и пустевший к осени. Это к нему в мандельштамовском пассаже относится пейзаж: «Всё заколочено, калитки забиты, псы-волкодавы ворчат возле пустых дач». Выше двухэтажных строений в поселке нет.

Характеризуя состояние партии эсеров в 1906 г., М.И. Леонов пишет: «1906 г. — время многочисленных съездов: *областных, губернских, городских, уездных, волостных, районных*, а также крестьянских и военных пропагандистов. Партийные комитеты и группы впервые стали регулярно отчитываться о своей деятельности. Партийная статистика: учет количества организаций и их членов, издания прокламаций и другой литературы, сфер деятельности, боевых дружин и вооружения, проведенных митингов, агитационных мероприятий среди рабочих, крестьян, солдат, студентов — ведет свое начало именно с 1906 г. Во всем этом, на наш взгляд, выразились качественные изменения, произошедшие в партии с 1905 г. Из совокупности малочисленных кружков, которые таили свое внутреннее состояние, она, по внешним признакам, превращалась в типовую нелегальную партию II Интернационала с характерными чертами массовой организации, всё более и более сближаясь в этом отношении с российской социал-демократией»²⁷. После поражения в декабре 1905 г., пишет на той же странице автор, партия возрождается: «Инфраструктура ее в 1906 г. чрезвычайно разветвилась: рабочая, студенческая, *ученическая*, военная, боевая, пропагандистская и многие другие организации насчитывали в совокупности до трех тысяч человек» (курсив наш. — А.М.).

В упомянутом труде представляются существенными сведения о численности Съездов и Советов партии. По перечислению организаций, на I Съезде делегатов было около 100 человек плюс приглашенные и гости, на II (экстренном) — несколько больше. По II Совету партии

²⁵ Мандельштам О. Шум времени / Подгот. текста С. Василенко; коммент. А. Морозова. М., 2002. С. 254.

²⁶ Мец А.Г. Осип Мандельштам и его время. Анализ текстов. СПб., 2005. С. 46–47, примеч. 88.

²⁷ Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. С. 249–250 (курсив наш. — А.М.).

сведений о численности нет, но по данным о представительстве можно говорить о не менее чем пятидесяти участниках.

Имеющиеся в труде М.И. Леонова сведения о численности, мерах охраны, трудоемкости и длительности предварительной подготовки позволяют утверждать, что Райвола не могла быть избрана местом проведения Съезда, Совета или сколько-нибудь крупной партийной конференции. Скажем также, что в известной нам литературе о деятельности эсеров (в том числе с учетом архивных данных Департамента полиции) Райвола не называлась. Наиболее вероятно, с такой точки зрения, что в этом поселке могла проводиться немногочисленная конференция низового организационного уровня, например районная (возможно, та самая, в которую входили Евгения и Борис Синани)²⁸. Если согласиться с данной трактовкой, то возникнет вопрос, мог ли Мандельштам увидеть на такой сходке Григория Гершуни. Вопрос о местопребывании Гершуни осенью 1906 г., начиная с бегства из Акатуя в октябре, несмотря на его собственные воспоминания²⁹, также не может считаться окончательно решенным ввиду принимаемых, как обычно в подобных случаях, мер самоцензурного характера³⁰. Хотя настоятельных побуждений к сомнению в достоверности этих воспоминаний у нас не имеется, упомянем, что уже в конце октября 1906 г. ходили слухи о нахождении Гершуни в Петербурге³¹, так что появление имени Гершуни в «Шуме времени» могло быть не одним лишь результатом напряженного желания Мандельштама увидеть его воочию, но поддерживалось указанными слухами. Прибавим, что до Райволы Мандельштам не мог видеть Гершуни в лицо, и этим также могла быть вызвана ошибка в опознании. Мандельштам в том же эпизоде называет еще одного участника — «молодого Т., живущего отраженной славой отца-цекиста». А.А. Морозов считал, что подразумевался сын видного «цекиста» Н.С. Тютчева — Сергей Николаевич Тютчев³². Сейчас известны его годы жизни — 1886–1918 — и то, что он был офицером лейб-гвардии Саперного батальона. Присутствовал ли он на сходке в Райволе, можно судить только гадательно.

²⁸ О принадлежности к «району» (как сектору деятельности) в качестве партийного агитатора Мандельштам упоминал в разговорах с С.П. Каблуковым в 1910 г. (*Мандельштам О.* Камень. Л., 1990. С. 241).

²⁹ *Гершуни Г.* Из недавнего прошлого. Париж, 1908; то же: М., Л., 1928.

³⁰ Так, в позднейших работах до сих пор нет сведений ни о группе, организовавшей побег, ни о конкретных лицах, с которыми он встречался во время пребывания в Японии и США.

³¹ В делах Особого отдела Департамента полиции имеется донесение об этом с приложением вырезки из газеты «Утренняя почта» от 1 ноября и упоминанием газеты «Страна» за то же число (ГАРФ. Ф. 102. Год 1906. Д. 666. Л. 15 об.). Ранее Департаментом была получена телеграмма о побеге Гершуни из Акатуйской тюрьмы 14 октября 1906 г.

³² *Мандельштам О.* Шум времени. С. 254.

Есть в творчестве Мандельштама еще одно произведение, связанное сюжетом с той поездкой в Райволу. Приведем его:

Пусть в душевной комнате, где ключья серой ваты
И стклянки с кислотой, часы хрипят и бьют, —
Гигантские шаги, с которых петли сняты, —
В туманной памяти виденья оживут.

И лихорадочный больной, тоской распятый,
Худыми пальцами свивая тонкий жгут,
Сжимает свой платок, как талисман крылатый,
И с отвращением глядит на круг минут...

То было в сентябре, вертелись флюгера,
И ставни хлопали — но буйная игра
Гигантов и детей пророческой казалась,

И тело нежное — то плавно подымалось,
То грузно падало: среди пестрого двора
Живая карусель без музыки вращалась!

Апрель 1912³³

Первые два катрена этого стихотворения в сонетной форме говорят о болезни Бориса Синани, его скоропостижной смерти весной 1911 г. и напоминают о цитированном выше месте «Шума времени»: «Умирая, Борис бредил Финляндией, переездом в Райволу и какими-то веревками для упаковки клад», — а два терцета дают пейзаж той осени в Райволе, в уже покинутом дачниками поселке³⁴. Отметим разноречие во времени проведения сходки в Райволе между стихотворением и «Шумом времени»: в первом — «То было в сентябре», во втором — «Поздняя осень», что предполагает вторую половину осени. К тому же как раз в октябре (20-го) 1906 г. созывался II Совет партии эсеров, но не в Райволе, а на Иматре³⁵. Примыкающий к нему II Съезд ПСР «проходил с 12 по

³³ Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. СПб.: Интернет-издание, 2020. С. 253–254.

³⁴ Впервые на связь этого стихотворения с поездкой в Райволу указал А.А. Морозов в комментарии к публикации: Мандельштам в записях дневника С.П. Каблукова // Вестник русского христианского движения. 1979. № 129. С. 136–137. Последний его комментарий по этому поводу: Мандельштам О. Шум времени. С. 254.

³⁵ Савинков Б. Воспоминания террориста. М., 2002. С. 302. См. также: «Окончательные решения по важнейшим проблемам тактики принял созданный 20 октября 1906 г. II Совет партии, в работе которого принимали участие члены и уполномоченные ЦК, представители восьми областных комитетов, Москвы и Петербурга, Центральной Крестьянской комиссии, Петербургской Военной

15 февраля [1907 г.] в Таммерфорсе в помещении рабочего общества. В заседаниях съезда принимали участие 68 человек с решающим и 49 с совещательным голосом, которые представляли 50 местных, 13 областных (включая Москву и Петербург) организаций, ЦК, Военную и Заграничные организации, представителя партии в Бюро Интернационала, 2 представителей Организации партийных литераторов, Избирательной комиссии “Земля и Воля”, газет “Труд” и “Голос рабочего”, Оргбюро съезда, 20 приглашенных ЦК и съездом членов и уполномоченных ЦК (в их числе Гершуни, Брешко-Брешковская, Чернов, Натансон, Ракитников) <...> Кроме того, по информации Финляндского жандармского управления, в качестве гостей без права голоса на съезде присутствовало около 100 проживавших в Таммерфорсе русских революционеров»³⁶.

Приходится признать, что однозначного решения вопроса о том, в 1906 или 1907 г. происходила сходка в Райволе, не имеется.

«В начале 1907 г. власть твердой рукой наводила порядок. Смуты и волнения, сотрясавшие страну, прекратились, единичные антиправительственные действия уже не представляли опасности. П.А. Столыпин искренне желал сотрудничать с Думой, но та, за исключением правых и октябристов, не услышала разумного призыва. Вновь шли бесконечные дебаты о политической амнистии, большинство отказалось осудить

организации, редакции газеты “Труд”, авторитетные деятели партии (15 решающих и 25 совещательных голосов). На Совет пригласили несколько крестьян-трудовиков, руководителей ВКС и других родственных организаций. С докладом “По поводу участия в выборах во 2-ю Государственную думу” выступил М.А. Натансон» (*Леонов М.И.* Указ. соч. С. 346).

³⁶ Интересны сведения об организации съезда: «Устройство съезда было поручено М.А. Натансону и П.П. Крафту, руководителю Центрального Организационного бюро. Натансон привлек в помощь ЦК Финляндских социал-демократов, партию активного сопротивления и Таммерфорский рабочий союз. Хотя место проведения съезда держалось в большом секрете, так что о нем до последнего момента не знали такие осведомленные люди, как А. Минор и В.К. Агафонов, полиция благодаря агентам сумела напасть на его след. По словам Я.Л. Юделевского, В.Л. Бурцев через своих информаторов в Департаменте полиции имел исчерпывающие сведения о программе съезда, о видных его участниках, о том, что на съезд прибудет Г.А. Гершуни (это держалось в глубокой тайне). Когда Бурцев сразу по окончании съезда рассказал об этом П.П. Крафту, тот “рвал на себе волосы”. Товарищ Министра внутренних дел 12 февраля 1907 г. послал Финляндскому генерал-губернатору телеграмму: “Прошу Ваше высокопревосходительство о принятии мер к недопущению этого съезда”. С Натансоном “очень приятствовал” в то время Таммерфорский полицмейстер, швед по происхождению, страстный финляндский патриот. Изю всех сил он укрывал съезд, но русские власти были настроены настолько решительно, что ему пришлось сообщить Натансону о грозившей опасности и необходимости прекращения дискуссий. Финны организовали экстренный поезд от Таммерфорса до станции Таветти близ Выборга, который охраняли гвардейцы Финской партии активного сопротивления. Участники съезда группами выходили на промежуточных станциях и пересаживались в другие поезда, так что, когда поезд прибыл на конечную станцию, то в нем оказалось всего несколько человек, отнюдь не тех, кого ожидала русская полиция» (*Леонов М.И.* Указ. соч. С. 349).

революционный террор, были выставлены неприемлемые для власти аграрные законопроекты. Думская аграрная комиссия в конце мая 1907 г. высказалась за необходимость обязательного отчуждения помещичьих земель — это был вызов правительству. Стало ясно, Дума такого состава неспособна к конструктивной деятельности.

По поручению Столыпина был подготовлен законопроект, который, не нарушая общей схемы выборов, обеспечивал преимущество в Думе крупных землевладельцев и предпринимателей. Составляя менее 1% населения, они получали возможность выдвигать 2/3 выборщиков. В конце мая Николай II одобрил этот проект. Нашелся и повод: дело «о военном заговоре», заговоре против государственного строя социал-демократической фракции.

В ночь со 2 на 3 июня Николай II подписал Манифест о роспуске Думы и новый закон о выборах, который нарушал «Основные законы». Однако власти не видели иного пути укрепления российской государственности и проведения необходимых преобразований. Страна отнеслась к разгону II Думы спокойно. 3 июня 1907 г. революция окончилась»³⁷. Далее в 1907 г. деятельность партии эсеров проходила под знаком депрессии. Поэтому для партийной сходки в Райволе, о которой писал Мандельштам, 1907 г. маловероятен, хотя вовсе не исключен. Следует также принять во внимание сведения о том, что в училище у Мандельштама с сентября по середину ноября 1906 г. было 14 прогулов³⁸, что могло быть связано с проводившейся им партийной работой.

Укажем еще материал к поднятому М. Сальман вопросу о том, принимали ли в партию эсеров учеников средних учебных заведений: «Студенческие эсеровские организации в 1905–1907 гг. были созданы во всех городах, где имелись высшие учебные заведения. Наиболее крупными были организации в Петербурге (800 чел.), в Москве, а также в Томске (300 чел.), где студенчеству комитет уделял наибольшее внимание. Школьные группы и союзы имелись во всех губернских городах Европейской России и в крупных уездных городах. Часто в школьных группах числилось 50–70 человек (Орел, Пенза, Самара), реже — 100–200 человек (Воронеж, Вятка). Особенно много было молодежи в организациях Северо-Запада, где учащиеся составляли ядро организаций ряда уездных городов и местечек»³⁹. На конференции Петербургской организации партии эсеров 4 февраля 1907 г. среди около 100 делегатов был один

³⁷ *Леонов М.И.* Указ соч. С. 378–379.

³⁸ Согласно протоколу заседания Пед. комитета 18 ноября: «у Зарубина 18 пропущенных дней, у Мандельштама и К<аменского> по 14» (*Мец А.Г.* Тенишевское училище и другие работы об Осипе Мандельштаме и его времени. СПб., 2020. С. 42).

³⁹ *Леонов М.И.* Указ. соч. С. 50. Курсив наш. — *А.М.*

«гимназист 8 класса»⁴⁰. Из последнего сообщения видно, что надежда Мандельштама увидеть на конспиративном собрании Г. Гершуни была не вовсе безосновательна.

III

«Есть кто-то черный; он догонит»

В заглавие нами вынесена строка Мандельштама, взятая В.К. Шилейко эпиграфом для своего стихотворения “Delirium”⁴¹. Имеющаяся для исследователя «интрига» заключается в том, что в литературном наследии Мандельштама текст, ставший источником эпиграфа, до сих пор не обнаружен, как не обнаружены и какие-либо связи, позволяющие как-то его интерпретировать. Приведем стихотворение Шилейко, открывающееся этим эпиграфом:

Delirium

Еще не порываю нить,
Меня скрепляющую с вами;
Еще умею говорить
Обыкновенными словами;
Но чувствую уже недуг,
Уже речам внимаю странно,
И непонятно, бездыханно
Глаза остановил испуг...

26 сентября 1914⁴²

В.В. Емельянов в главке «Таинственный эпиграф» своей содержательной и интереснейшей работы⁴³ привлекает к исследованию процитированное стихотворение Шилейко и мандельштамовский эпиграф к нему. Увязывая метафору «черный» эпиграфа с той же метафорой в стихотворении Мандельштама «Как черный ангел на снегу...» и, далее, со строкой «Черных ангелов крылья остры...» из стихотворения Ахматовой «Как ты можешь смотреть на Неву...», В. Емельянов приходит к предположению, что “Delirium” Шилейко обращен к Ахматовой⁴⁴. Но здесь исследователь не обратил внимания на то, что Шилейко использовал и другой эпиграф,

⁴⁰ Там же. С. 63.

⁴¹ Шилейко В. Пометки на полях / Публ. И. Платоновой-Лозинской; вступ. ст. А.Г. Меца, И.Г. Кравцовой; подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. СПб., 1999. С. 94.

⁴² Шилейко В.К. Указ. соч. С. 94.

⁴³ Емельянов В.В. SUMERO-ROSSICA // Летняя школа по русской литературе. 2017, Т. 13. № 3. С. 245–249.

⁴⁴ Там же. С. 247–248.

заимствованный из стихотворения Мандельштама «Автопортрет», приложив его к обращенному к Мандельштаму же стихотворению «Смущенно думаю о нем...» (1914)⁴⁵. В то же время заметно, что у Шилейко было обыкновение предварять стихи, обращенные к кому-либо из друзей, эпиграфами из их же стихотворений: таковы «Его любовь переборолась...» (М. Лозинскому, 1914), «Еще дрожат пустые воды...» (Гумилеву, 1916), «Еще болезненно-свежа...» (Ахматовой, 1914)⁴⁶. Из того и другого просистекает необходимость первоочередным шагом проверить, не обращен ли “Delirium” не к кому иному, как к Мандельштаму. С другой стороны, с обращенными к Ахматовой в том же сентябре 1914 г. стихотворениями Шилейко «Уста Любви истомлены...», «Муза» и «Сафо» (6 октября 1914) ни мотивами, ни эмоциональным тоном “Delirium” никак не перекликается. Таким образом, как представляется, есть достаточные основания считать “Delirium” обращенным к Мандельштаму.

Вернемся теперь к шумеро-ассирийскому заговору. В одном из вариантов описания амулета Шилейко предпосылает статье эпиграф, первая строка которого, с изменением, соответствует вынесенной нами в заглавие мандельштамовской строке, а вторая и третья, как установил В.В. Емельянов, перифразируют строки стихотворения Тютчева «По равнине вод лазурной...». В целом его текст следующий:

Есть кто-то страшный, он догонит,
Его уносит через сны
Корабль магической луны

(у Тютчева: «Сны играют на просторе / Под магической луной...»).

В. Емельянов называет мандельштамовский эпиграф составной частью его утраченного стихотворения, но ограничивается голословным утверждением⁴⁷. Также не приводит он никаких доводов тому, что обработка тютчевского текста во второй и третьей строке — работа Мандельштама. Оснований так считать мы не усматриваем, и для нас очевидно, что это работа Шилейко.

⁴⁵ Шилейко В.К. Указ. соч. С. 9, 133 (коммент.).

⁴⁶ Там же. С. 10–12; см. также коммент., с. 133–134.

⁴⁷ Емельянов В. Указ. соч. С. 246–247. Здесь он пишет: «Можно предположить, что стихотворение существовало, но было впоследствии уничтожено», чем и ограничивается. Чуть ниже: «Все образы этих строк взяты Мандельштамом из стихотворения Ф.И. Тютчева “По равнине вод лазурной...” (1849): “Уносил нас змей морской...”; “Сны играют на просторе / Под магической луной...”. Но если у Тютчева это описание поездки по морю на корабле, то Мандельштам связал взятые им напрокат образы с кем-то черным, кто “догонит”, по-видимому, намекая на существо демонической природы» (Там же. С. 248. Курсив наш. — А.М.).

Настолько же очевидно для нас, что Шилейко, объединяя чуть измененный мандельштамовской эпиграф и творчески переработанные тютчевские строки в целостную в смысловом отношении конструкцию, умысла восстановить якобы существовавшее мандельштамовское стихотворение не имел.

Стремление Мандельштама, начиная с юности, к созданию афористических изречений (в основном, правда, в шуточном роде⁴⁸), иногда сохранившихся только в памяти современников и дошедших до нас в поздних воспоминаниях, позволяет высказать предположение, что фраза, взятая Шилейко эпиграфом к “Delirium’y”, была пословичным речением Мандельштама, существовавшим только в устной форме и закрепленным одним только Шилейко.

В заключение хотим отдать должное В.В. Емельянову за энтузиастическое собрание и изучение научного и литературного наследия В.К. Шилейко.

Литература

Емельянов В.В. SUMERO-ROSSICA // Летняя школа по русской литературе. 2017. Т. 13. № 3. С. 239–259.

Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М.: РОССПЭН, 1997. 512 с.

Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама / Сост. А. Меца при участии С.В. Василенко, Л.М. Видгофа, Д.И. Зубарева, Е.И. Лубянской, П. Мицнера. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Интернет-издание, 2019. 512 с.

Мандельштам О. Камень / Изд. подгот. Л.Я. Гинзбург, А.Г. Мец, С.В. Василенко, Ю.Л. Фрейдин. Л.: Наука, 1990. 398 с.

Мандельштам О. Шум времени / Подгот. текста С. Василенко; коммент. А. Морозова. М.: Вагриус, 2002. 302 с.

Мец А.Г. Осип Мандельштам и его время. Анализ текстов. СПб.: Гиперион, 2005. 304 с.

Мец А.Г. Осип Мандельштам и его время. Анализ текстов. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Интернет-издание, 2011. 273 с.

Некрасова В.Б. О семье Синани // Сохрани мою речь: Мандельштамовский сб. М.: Обновление, 1991. С. 60–65.

⁴⁸ К примеру, придуманные им «пол-анекдота»: «Один еврей стоит на месте, а другой всё время вокруг него бегаёт» (<http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/vospominaniya/ardov-ordynka/glava-vii.htm>), или: «Однажды прапорщик-заика / К своей прабабушке пришел» (*Мандельштам О.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. С. 325, 646).

Сальман М.Г. О разных смыслах автобиографичности у О.Э. Мандельштама: на примере «Шума времени» // *Avtobiografiya*. 2013. № 2. С. 135–149.

Шилейко В. Пометки на полях / Публ. И. Платоновой-Лозинской; вступ. ст. А.Г. Меца, И.Г. Кравцовой; подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1999. 160 с.

References

Emel'ianov V.V. SUMERO-ROSSICA. *Letniiaia shkola po russkoi literature* [Summer school on Russian literature], 2017, vol. 13, no. 3, pp. 239–259. (In Russ.)

Leonov M.I. *Partiia sotsialistov-revoliutsionerov v 1905–1907 gg.* [The Socialist Revolutionary Party in 1905–1907]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1997. 512 p. (In Russ.)

Letopis' zhizni i tvorchestva O.E. Mandel'shtama [Chronicle of Osip Mandelstam's life and work], comp. by A. Mets with the participation of S.V. Vasilenko, L.M. Vidgof, D.I. Zubarev, E.I. Lubyannikova, P. Mitsner. 3rd ed., corr. and add. St. Petersburg, Internet-izdanie Publ., 2019. 512 p. (In Russ.)

Mandel'shtam O. *Kamen'* [The Stone], ed. by L.Ia. Ginzburg, A.G. Mets, S.V. Vasilenko, Iu.L. Freidin. Leningrad, Nauka Publ., 1990. 398 p. (In Russ.)

Mandel'shtam O. *Shum vremeni* [The Noise of Time], ed. by S. Vasilenko, comment. by A. Morozov. Moscow, Vagrius Publ., 2002. 302 p. (In Russ.)

Mets A.G. *Osip Mandel'shtam i ego vremia. Analiz tekstov* [Osip Mandelstam and his time. Text analysis]. St. Petersburg, Giperion Publ., 2005. 304 p. (In Russ.)

Mets A.G. *Osip Mandel'shtam i ego vremia. Analiz tekstov* [Osip Mandelstam and his time. Text analysis]. 2nd ed., corr. and add. St. Petersburg, Internet-izdanie Publ., 2011. 273 p. (In Russ.)

Nekrasova V.B. O sem'e Sinani [On Sinani family]. *Sokhrani moi rech': Mandel'shtamovskii sb.* [Preserve my speech: Mandelstam collection]. Moscow, Obnovlenie Publ., 1991, pp. 60–65. (In Russ.)

Sal'man M.G. O raznykh smyslakh avtobiografichnosti u O.E. Mandel'shtama: na primere “Shuma vremeni” [On different meanings of O.E. Mandelstam's autobiographical nature: evidence from “The Noise of Time”]. *Avtobiografiia*, 2013, no. 2, pp. 135–149. (In Russ.)

Shileiko V. *Pometki na poliakh* [Notes in the margin], publ. by I. Platonova-Lozinskaya, intro. by A.G. Mets, I.G. Kravtsova, ed. and comment. by A.G. Mets. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 1999. 160 p. (In Russ.)

Three notes on Osip Mandelstam's biography

© 2019, Alexander Mets

Abstract: The first note discusses biographies of the Sinani (1851–1941) and Monvizh-Montvid (1890s — 1941) family members. The second note discusses the “Social Revolutionary context” of the trip to a secret meeting in Rayvola described by Mandelstam. The third note discusses the genre relatedness of Mandelstam's epigraph to the poem “Delirium” by V.K. Shileiko and Shileiko's epigraph to the Sumerian-Assyrian incantation. Archival materials of Police Department Special Division and of the 1st and 2nd Socialist Revolutionary Party Congresses are involved in the consideration and argumentation.

Keywords: O.E. Mandelstam, the Sinani family, the Monvizh-Montvid family, G.A. Gershuni, V.K. Shileyko, Assyrian amulet.

Information about the author: Alexander Mets, independent researcher, Gatchina, Russia. E-mail: agmets@mail.ru

Citation: Mets Alexander. Three notes on Osip Mandelstam's biography. *Literary fact*, 2019, no. 2 (12), pp. 317–331. DOI 10.22455/2541-8297-2019-12-317-331

DOI 10.22455/2541-8297-2019-12-332-347
УДК 821.161.1

Заметки комментатора

9. Два неопубликованных футуристических стихотворения об Одессе

© 2019, Р.Д. Тименчик

Аннотация: Публикуются два неизданных стихотворения Сергея Боброва, вписывающихся в историю проекции общеевропейского урбанистического топоса на конкретный локус — южнорусский порт. В ряду поэтов, приступавших к этой задаче в 1910-е гг., — Владимир Маяковский, Николай Гумилев, Константин Большаков, Давид Бурлюк, молодые одесские стихотворцы София Прегель и Елизавета Фурман-Стырская.

Ключевые слова: стиховая одессика начала XX в., Иван Бунин, Ольга Розанова, Эмиль Верхарн, вортицизм, Сергей Бобров, поэзия футуризма, архивные публикации

Информация об авторе: Роман Давидович Тименчик, профессор, Еврейский университет, Иерусалим, Израиль. E-mail: suzirom@gmail.com

Цитирование: *Тименчик Р.Д.* Заметки комментатора. 9. Два неопубликованных футуристических стихотворения об Одессе // Литературный факт. 2019. № 2 (12). С. 332–347. DOI 10.22455/2541-8297-2019-12-332-347

«Одессу звучными стихами» со времен помянутого Пушкиным Туманского (у которого «с пеной по морю расходятся ладьи») описывали не раз. В интересующие меня 1910-е гг. поэтические наезды на южный город совершали иногда петербуржцы с москвичами, например приобретший двусмысленную славу пародией Евгения Венского и отзывом Гумилева эксцентричный и плодовитый Модест Дружинин¹:

¹ Пародию см.: *Венский Е.* Мое копыто: Книга великого пасквиля. Изд. 2-е. СПб., 1911. С. 91; Гумилев процитировал из этого автора, стоящего «вне литературы, как бы ни было широко значение этого злосчастного слова», стихотворение, призывающее «не накладывать на чувственность узды»: «...Модеста Дружинина, совершенно лишённого не только поэтического темперамента и знания техники творчества, но и элементарного чувства иронии, что позволяет ему обращаться к своей возлюбленной с такого рода “Мольбой”»:

Одесса

Высоко на горе раскинулась красиво
 Громадами домов, палаццо и церквей,
 И волны светлые лазурного залива
 Поют неумолчно могучий гимн морей.
 На улицах в тени каштанов и акаций
 В твоих кафэ, трамваях и садах
 Мелькают профили и облики всех наций
 И слышен разговор на разных языках.
 Когда настанет ночь и мощь дневного жара
 Не будет тяготить и дышится полней,
 Как хорошо пройтись аллеями бульвара,
 Как хорошо тогда в тени его аллей.
 Вот звуки музыки полились на эстраде,
 Вдали горит маяк, как красная звезда,
 А там внизу, в порту, по длинной эстакаде
 С немолчным грохотом несутся поезда.
 Душа не ощутит подавленного стона,
 Лишь тихой грустию она еще полна,
 И нежно плещется спокойная волна
 С немую ласкою о берег Ланжерона.

1913²

(Увиденную сверху эстакаду назвал и Александр Грин, вспоминавший почти три десятилетия спустя свой первый приезд в Одессу и «свои путешествия в порт, упиваясь музыкой рева и грома, свистков и криков,

...Зачем тебе хранить свою невинность,
 Себя напрасно страстию терзать,
 Отдай природе дань, отдай эту повинность
 И мне позволь тобою обладать!»

(Гумилев Н. Письма о русской поэзии // Аполлон. 1911. № 4. С. 83). Как представляется, чувство иронии у автора водилось, см., например, заключительные строки последнего стихотворения («Моления о славе») в одном из его ранних сборников (*Дружинин М. Стихотворения*. СПб., 1910): «О помогите мне, не оттолкните брата! / О Господи! Пошли мне славу Герострата!» Но выдержать стилистическую балансировку гаерства ему не удавалось. См. предисловие в предпоследнем из семи его сборников (*Дружинин М.М. Напевные грезы*. Пг., 1916. Кн. 2: Созвездие стихотворений): «...призванный милостью Музы к служению ей, я гордо прохожу через холод и мрак жизни, сознавая, что создаю и творю прекрасное. Мои песни — мои гимны, которые я, ее жрец, ей пою и которыми ее прославляю, составляют блестящее “Созвездие стихотворений”».

² *Дружинин М. Напевные грезы*. Пг., 1914. [Кн. 1]. С. 47.

лызга вагонов на эстакаде и звона якорных цепей — и голубым заревом свободного, за волнорезом, за маяком синего Черного Моря»³.)

В первую декаду апреля того же 1913 г. в одесский порт на пути в Африку попал Николай Гумилев, и это отразилось в его написанном на месте стихотворении:

Я сегодня опять услышал,
Как тяжелый якорь ползет,
И я видел, как в море вышел
Пятипалубный пароход.
Оттого-то и солнце дышит,
А земля говорит, поет.

Косвенный намек на место написания этого «дневникового» стихотворения дан утаенным греческим именем гомеровского героя (по местной легенде, имя Одессе было дано по древнегреческому селению Одиссос или Ордессос) во второй строфе, которая первоначально мыслилась как песнь земли (первая сначала оканчивалась двоеточием):

Неужель хоть одна есть крыса
В грязной кухне, иль червь в норе,
Хоть один беззубый и лысый
И помешанный на добре,
Что не слышат песен Улисса,
Призывающего к игре?⁴

В конце апреля он писал Ахматовой уже из Джibuти: «На пароходе попробовал однажды писать в стиле Гилеи, но не смог. Это подняло мое уважение к ней»⁵. В качестве комментаторской вольности предположим,

³ *Грин А.* По закону (1924) // Одесса — Москва — Одесса. Юго-западный ветер в русской литературе / Сост., послесл. В.В. Калмыковой; сост., предисл., коммент. В.Г. Перельмутера. М., 2014. С. 161. Эстакаду вспоминал в эмиграции Николай Дзевановский (Болеслиц): «Я помню окрик в рокоте лебедек, / тяжелый шелест жаркого зерна, / рядами бочки и на бочках деготь, / и деготь солнцем плавил весна. / Я помню кости черной эстакады / и бурный дым...» (Поэты пражского «Скита»: Стихотворные произведения / Сост., вступ. ст., коммент. О. Малевича. СПб., 2005. С. 52).

⁴ Первоначальный вариант: *Бронгулеев В.В.* Посредине странствия земного: Документальная повесть о жизни и творчестве Николая Гумилева. Годы: 1886–1913. М.: Мысль, 1995. С. 291. О полемическом импульсе к созданию этого стихотворения см.: *Тименчик Р.* Подземные классики: Иннокентий Анненский. Николай Гумилев. М.; Иерусалим, 2017. С. 488–489. О намечающемся втором одесском стихотворении Гумилев писал Ахматовой 9 апреля: «Милая Аника, я уже в Одессе и в кафе почти заграничном. Напишу тебе, потом попробую писать стихи». Возможно, речь шла о будущем стихотворении «Когда зеленый луч, последний на закате...».

⁵ *Гумилев Н.* Сочинения: В 3 т. Т. 3. М., 1991. С. 237.

что это неудавшееся стихотворение должно было иметь предметом одесский порт и отплытие из него. Стиль кубофутуристской группы «Гилея» Гумилев знал по альманаху «Садок судей», который перед отъездом в Африку через Одессу рецензировал, отметив, что группа «внушает к себе доверие [...] несомненной своей революционностью в области слова». Он выделил Хлебникова и Николая Бурлюка, а о Маяковском заметил, что тот «имеет много общего с эго-футуристами»⁶. Именно стихотворение Маяковского (навеянное впечатлениями порта в Николаеве в декабре 1912 г.) могло стать вызовом на состязание:

Отплытие

простыню вод под брюхом крылий
 порвал на волны белый зуб
 был вой трубы как запах лилий
 любовь кричавших медью труб.
 и взвизг сирен забыл у входов
 недоуменье фонарей
 в ушах оглохших пароходов
 горели серьги якорей⁷

Юный поэт-одессит узнал в этом стихотворении знакомые места и предметы:

И вдруг я, воспитанный на классиках, уже слегка прикоснувшийся к волшебному реализму Бунина, прочитав эти футуристические строчки, увидел поразительно яркое изображение порта и услышал так хорошо мне знакомый пароходный гудок столь низкого, басового тона и столь пронзительно свистящей силы, что едва он начинал гудеть, как из брандспойта выпуская струю прозрачно-раскаленного пара, которая лишь через некоторое время превращалась над головой в плотное облако, морозящее теплым дождем на головы и лица пассажира, которые в ужасе затыкали пальцами уши и разевали рты для того, чтобы спасти свои барабанные перепонки, как в мире воцарялась

⁶ Н.Г[умилев]. Рец.: Садок Судей. II. Изд. «Журавль». СПб. б[ез] о[бозначения] г[ода] // Гиперборей. 1913. № 5. С. 29.

⁷ Садок судей. II. [СПб., 1913]. С. 62. Позднее Маяковский навел правку: «Простыни вод под брюхом были. / Их рвал на волны белый зуб. / Был вой трубы — как будто лили / любовь и похоть медью труб. / Прижались лодки в люльках входов / к сосцам железных матерей. / В ушах оглохших пароходов / горели серьги якорей». Мотив судовой эротики (ср. «Как взревет медноголосина» в стихотворении о флирте миноносцев «Военно-морская любовь») в этом варианте усилен и, может быть, проясняет зависимость от дерзкого стихотворения Михаила Зенкевича «Смерть лося» («Дыханье мощное в жерло трубы лилось, / Как будто медное влагалище зывало, / Иссохнув и изныв...»).

тишина. Поэтому пароходный гудок всегда ассоциировался с внезапно наступившим на рейде безмолвием, с всеобщей подавляющей глухотой.

Я понял, что оглохшие пароходы были вовсе не футуристическим изыском, а поразительно верным реалистическим изображением, инверсией — по тому времени совершенно новым приемом, поэтическим открытием, заключавшимся в том, что ощущение глухоты переносилось с человека на вещь. Пароходы превращались в живые существа, в железных женщин с серьгами якорей в оглохших ушах.

Что же касается любви и похоти (в последующей редакции), которые они со страшным воем лили из своих якобы медных труб, то это было совершенно гениальное наблюдение поэта, проникшего в самые глубины подсознательного: пароходный гудок ревел, и впрямь вызывая нечто похожее на половое чувство, от которого как бы содрогался рейд со всеми своими таможенными катерами, буксирами, баржами, тузиками, флагами, белым маяком...⁸

В 1914 г. одесский порт посетил другой футурист, Константин Большаков, и воспел в стихах то, как, по слову впоследствии писавшего другого певца того же порта, Владимира Агатова, «кричали грузчики в порту»: «дремлют губами на ругани люди» — строка, которую Борис Пастернак обозвал «вычурным протоколизмом»⁹:

Огни портовой таверны,
Бриллианты улыбок и ругань.
В волосы звуков вечерних.
Пыль вплетена. Сон запуган.

Дремлют губами на ругани люди.
Вечер, как узкий рельеф.
Безмолвно-окунутый спит в изумруде
Кем-то потерянный гнев.

Кокетки-звезды вдоль гавани.
Мертво за стражею парусов.
Над молом фонарь в белом саване
Задвинул безмолвья засов.

⁸ Катаев В. Трава забвенья // Катаев В. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 9. М., 1972. С. 274–275.

⁹ Письмо от 25 июня 1916 г. (Борис Пастернак и Сергей Бобров: Письма четырех десятилетий / Публ. и предисл. М.А. Рашковской // Встречи с прошлым. Вып. 8. М.: Русская книга, 1996. С. 236).

Ночь, женщиной еще не причесанной,
 Морю склоняясь на плечо,
 Задумалась, и, тысячу поз она
 Принимая, дышала в лицо горячо.

июль 1914, Одесса¹⁰

Ко времени мировой войны славословия портам, начатые литанией верхарновского “Le Port” 1895 г.¹¹ (в переводе Георгия Шенгели: «...И порт раскинулся в мучительных огнях, / Что с кранов в высоте роняют рдяный прах. / И порт щетинится зубцами башен спящих, / В чьих недрах — вечное течение вод хрипящих. / И порт отяжелел от глыб, где взор горгон / Сплетеньем черных змей, как нимбом, окружен. / И порт — как сказочный, в нем смутно сквозь туманы / Под бушпритом судов богинь белеют станы...») стали визитными карточками европейского модернизма, например, в стихотворении немецкого экспрессиониста Якоба ван Годдиса (1887–1942) “Morgens” (1914):

...Утреннее солнце закоптелое.
 На дамбе ревут локомотивы.
 Ангельские золотые плуги ходят в облаках небесной нивы.
 Сильный ветер над городом бледным.
 В грязном теченьи проснулся пароходов и лебедек хор.
 Раздраженно бьет в колокола изветрелый [sic!] собор¹².

Или в стихотворениях итальянского футуриста Паоло Буцци о кильском порте (Al porto di Kiel, 1912) и о гамбургском порте (Al porto di Amburgo), в котором

¹⁰ *Большаков К.* Солнце на излете: Вторая книга стихов. 1913–1916. М., 1916. С. 47–48; ср. воспоминания о ругани в одесском порту у Софьи Прегель: «Опускаясь, скрипели грузы, / И медь сверкала винта, / И мелькали матросские блузы / Из некрашеного холста. / Мешки летели упруго / В зияющий желтый трюм. / Великолепную ругань / Капитан отпускал, угрюм» (*Прегель С.* Разговор с памятью. В 2 т. Т. I: Стихи, проза, очерки и статьи / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. Хазана. М., 2017. С. 219).

¹¹ См. разбор: *Thum R.H.* The City: Baudelaire, Rimbaud, Verhaeren (Studies on Themes and Motifs in Literature. Vol. 1). P. Lang, 1994. P. 257–258.

¹² *Ван Ходис Я.* Утром. Пер. с нем. О. Брошниковская // Современный Запад. 1923. Кн. 2. С. 30; в оригинале: “Die Morgensonne rußig. Auf Dämmen donnern Züge. / Durch Wolken pflügen goldne Engelpflüge. / Starker Wind über der bleichen Stadt. / Dampfer und Kräne erwachen am schmutzig fließenden Strom. / Verdrossen klopfen die Glocken am verwitterten Dom”.

вода черна и замаслена
 совсем, как смазка машины: она бормочет, дегтярная мазь
 под вращение пароводного винта.
 Пена источает серные и угольные пары¹³.

В 1913 г., открыв для себя «футуристический динамизм, ритмический “сдвиг”, диссонанс»¹⁴, русская художница Ольга Розанова, наделенная от природы «основным, футуристическим» («Ухо, открытое всем шорохам и грохотам городской жизни, глаз, подхватывающий скрещения и вспышки комнатных огней и уличных зарев»¹⁵), пишет на холсте «Порт» (Коллекция В. Мерцбахера, Швейцария) — переплетение снастей, крюков, зубчатых колес, труб¹⁶, а в 1915 г. помещает в альманахе «Стрелец» образцово кубистическую композицию из лестниц, плоскостей и труб — «Пристань»¹⁷.

«Вортицистский манифест» английского художника и писателя Уиндема Льюиса (1914) включал в себя «Благословение всем портам», где на журнальной странице шрифтовой игрой в манере аполлинеровских «каллиграмм» противопоставлялись «чистое жидкое пространство» бухты и переполненный берег гавани: драги, монотонные краны, маяки, нарезающие бурю, как пирог, тяжелый хаос пирсов, носы маленьких лодок, крутые стены фабрик¹⁸. Этот перечень суммировал накопленные со времен Верхарна компоненты топоса «порт», что было замечено российской обозревателем: «Во всех же своих [...] проклятиях

¹³ См. в оригинале: “L’acqua è negra ed unta / come un grasso di macchina : ciangotta, pasta di pece, / al frullar dell’elica battelliera. / Le schiume esalano vapori di solfo e di carbone”. Об этом стихотворении как образчике футуристского поиска нового языка для маринистики см.: *Podavini D. The Anthology “Poeti futuristi”: Poetry of Transition // The History of Futurism: The Precursors, Protagonists, and Legacies*, ed. G. Buelens, N. Hendrix, and M. Jansen. Lanham, 2012. P. 36.

¹⁴ *Гурьянова Н. Живопись Ольги Розановой // Olga Rozanova / Ольга Розанова. 1886–1918. Helsinki, 1992. С. 89.*

¹⁵ *Эфрос А. Вослед уходящим // Москва. 1919. № 3. С. 4;* далее Эфросом сказано: «Футуризм бесплоден и неумен, как отвлеченная школа искусства, притязанная на господство. Но футуризм значителен и прекрасен, как пластическая исповедь художника, чувствующего себя растворенным в приборах, отливах и водоворотках жизни города».

¹⁶ См. содержательный разбор этого полотна: *Aronov I. Olga Rozanova. The Harbour // The Joy of Color: The Merzbacher Collection / Ed. by Stephanie Rachum. The Israel Museum / DuMont, 1998. P. 254.*

¹⁷ Бульварная критика писала: «Впрочем, этот рисунок можно бы с одинаковым успехом назвать и “Ловля трески в Средиземном море”, и “Развалины домов в Калише”. Как угодно можно назвать, всё равно ничего на рисунке не разберешь» (*Васильевский И.М. Веселые мертвецы // Петроградский курьер. 1915, 1 марта; Розанова О. «Лефанта чиол...» // Вступ. ст., публ. писем и коммент. к ним В. Терехиной; сост. «Хроники жизни и творчества» А. Сарабьянова и В. Терехиной. М., 2002. С. 310).*

¹⁸ *Wees W.C. Vorticism and the English avant-garde. Toronto, 1972. P. 175–176.*

и благословениях широковещательные пророки “Blast”-а лишь грозно и многошрифтно повторяют давно и достаточно сказанное до них. Они проклинают английских эстетов [...] И с таким же видом новых открытий они благословляют Англию за морские порты и перечисляют при этом все портовые сооружения»¹⁹.

В марте 1916 г. приезжает в Одессу москвич Сергей Бобров²⁰, поэт, выбравший судьбу «младших богов» в качестве того самоумаления, которое паче гордости²¹:

...Поэт молчит, строфу дописывая,
Обожествляя свой напев,
Но я смеюсь, свой труд оканчивая,
Встречая новую зарю: —
Мне радостна судьба обманчивая
Туманского и Деларю²².

К этому времени местный порт описан²³ обитателями, начиная с академика, произведшего некоторый фурор:

¹⁹ Венгерова З. Английские футуристы // Стрелец. 1915. № 1. С. 99.

²⁰ См. для первого знакомства: *Гельперин Ю.М.* Бобров Сергей Павлович (1889–1971) // Русские писатели. 1800–1817: Биографический словарь. Т. 1: А — Г. М., 1989. С. 293–294; см. также: *Постоутенко К.* Об одном псевдониме С.П. Боброва (Мар Иолэн) // Темы и вариации: Сб. статей и материалов к 50-летию Лазаря Флейшмана. Stanford, 1994. С. 276–282; *Безродный М.* Между двух антологий (Поэтическая карьера Сергея Боброва) // Модернизм и постмодернизм в русской литературе и культуре. Helsinki, 1996. (Slavica Helsingiensia, 16; Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia, V). С. 189–202; *Соболев А.Л.* Стихотворения Сергея Боброва: забытое, неизданное, несобранное. URL: <https://lucas-v-leyden.livejournal.com/152111.html>; Борис Пастернак и Сергей Бобров: Письма четырех десятилетий... С. 195–309; «Я безумно любил Бюрю...»: Переписка С.П. Боброва и Ж.Л. Пастернак. 1960–1970-е годы / Публ., предисл. и примеч. М.А. Рашковской // Наше наследие. 2015. № 113. С. 90–107.

²¹ Ср. признание, передоверенное рассказчику в его прозе конца 1910-х гг.: «Мое решение — прославить мое очаровательное имя (правда, чуточку подмоченное Семеном Бобровым, — Майков в его академическом издании Пушкина назвал Сергеем — каково!) — твердо и определенно» (*Бобров С.* Пляс Фантазуса. Париж, 2002. С. 2).

²² *Бобров С.* Вертоградари над лозами. М., 1913. С. 88.

²³ Полагаю, что влиятельнейшим образцом и для поэтов, и для прозаиков была картина одесского (и, возможно, николаевского) порта в рассказе Горького «Челкаш», выделенная авторитетным городоведем из многих других (*Анциферовы Н. и Т.* Книга о городе: Жизнь города. Л., 1927. С. 174–175). Пройти мимо одного из главнейших урбанистических топосов не мог и знакомый с южно-русскими портами Давид Бурлюк: «Звените тяжкими цепями / Бросая груз далеких стран / Охвачен хватю пристанями / Судов пахучих караван / Коричневой спиной матросы / В сетчатку впутались снастей / Где облака тиранят тросы / Где на борту не ждут гостей / Меж малахитовых огней. / Вот здесь в тюках пахучая корица / Орловец с палкою обходит их / Вот: пробка, финики, лесов заморских птица / Все чем нагружен черный бриг» (*Бурлюк Д.* Сувениры / Публ. Е. Деменка // Зеркало (Тель-Авив). 2019. № 53. С. 102–103).

Огромный, красный, старый пароход
 У мола стал, вернувшись из Сиднея.
 Белеет мол и, радостно синея,
 Безоблачный сияет небосвод.

В тиши, в тепле, на солнце, в изумрудной
 Сквозной воде, склоняясь на левый борт,
 Гигант уснул. И спит пахучий порт,
 Спят грузчики. Белеет мол безлюдный.

В воде прозрачной виден узкий киль.
 Весь в ракушках. Их слой зелено-ржавый
 Нарос давно... У Суматры, у Явы,
 В Великом океане... в зной и штиль.

Мальчишка-негр в турецкой грязной феске
 Висит в бадье, по борту, красит бак —
 И от воды на свежий красный лак
 Зеркальные восходят арабски.

И лак блестит под черною рукой,
 Слепит глаза... И мальчик-обезьяна
 Сквозь сон поет... Простой напев Судана
 Звучит в тиши всем чуждою тоской²⁴.

«Это удивительно типичное стихотворение для характера поэзии Бунина: ни одного намека, ни одного слова, ни одной строки, рисующей настроение поэта, его переживания. Бунин сознательно устранил себя, чтобы выпуклее нарисовать картину, вдумчиво выбрал красочные детали, силою творческой интуиции настолько оживил картину, что довел ее до зрительной галлюцинации. Без малейшего усилия вы видите воочию этот старый красный пароход, видите его в жаркий полдень в порту, видите и порт, и мол, т.-е. то, что можете охватить глазом в действительности.

²⁴ Бунин И. Стихотворения: В 2 т. / Вступ. ст., сост., подгот. текста, примеч. Т.М. Двинятиной. СПб., 2014. Т. 2. С. 18. Идущий в стихах вослед Бунину Александр Федоров воссоздавал заморский порт, как представляется, с оглядкой на одесский: «Порт чужеземный. Берег новый. / Корабль наш замер, не дымя. / — Отдать! — И якорь стопудовый / На дно обрушился, гремя. / За ним сползает цепь удавом. / Под ней воронкой глубина. / Запахло вдруг железом ржавым / И сыростью морского дна. / Гляжу растерянно и жадно / На золотые скаты гор, / На порт, кипящий шумно, чадно, / На город, белый, как фарфор. / По раскачавшемуся трапу / Спускаюсь в шлюпку. С головы / Едва не сносит ветер шляпу. / Над бездной — бездна синевы. / Гремят железные лебедки. / Из борта в трюм идут мешки. / На борт и на воду и лодки / Летят просевы от муки. / Многоголосый шум и говор / Стоит над светлою волной. / В иллюминатор бросил повар / Обрезки зелени цветной. / И ловят чайки с детским плачем / Отбросы кухни на лету. / А от воды лучом горячим / Струится отблеск на борту» (Федоров А.М. Порт // Друкарь: Литературный сб. Под ред. Н.Д. Телешова. М., 1910. С. 95–96).

И вы совсем забываете о поэте, об его “я”: это субъективизм очень яркий и именно субъективизм формы, а не содержания, в котором Бунин вполне объективен, хотя вы и в плену у него и видите то, что он заставляет вас видеть, и видите так, как он хочет. Этого Бунин достигает и выбором темы, и красками, и освещением, и деталями... И поэт вызвал у вас те представления, какие желал, путем полной объективации содержания»²⁵.

И его же стихотворение «На рейде», вызвавшее похвалу М.О. Гершензона:

Люблю сухой, горячий блеск червонца,
Когда его уронят с корабля,
И он, скользнув лучистой каплей солнца,
Прорежет волны у руля.
Склонясь с бортов, с невольною улыбкой
Все смотрят вниз. А он уже исчез.
Вверх по корме струится глянец зыбкий
От волн, от солнца и небес.
Как жар горят червонной медью гайки
Под серебристым тентом корабля.
И плавают на снежных крыльях чайки,
Косясь на волны у руля.²⁶

За академиком туда же отправилась поэтическая молодежь:

...Туда, туда, где флаг на пароходе,
Где пестрый порт в тумане, как панно!
Там сердце радо вспыхнуть на свободе
И пить простора алое вино...

Вот парус-птица... Берег миновала
Рыбачья лодка и плывет вдали...
А берег дышит свежестью подвала
И свежестью оттаявшей земли!..²⁷

²⁵ Милль [К]. Астры (Творчество И.А. Бунина) // Лебедь. 1908. № 3. С. 39.

²⁶ Бунин И. Стихотворения: В 2 т. Т. 2. С. 27–28; М. Гершензон писал: «Взгляните вниз с кормы корабля, когда он неподвижно стоит в гавани в яркое летнее утро; можно ли точнее изобразить текучий блеск кормы, чем это сделано в двух стихах г. Бунина» (Там же. С. 359).

²⁷ Фурман Е. Весенняя прогулка // Южная мысль (Одесса). 1915, 22 марта; о Елизавете Яковлевне Фурман-Стырской (1898–1947) см.: *Соболев А.Л.* Летейская библиотека: Очерки и материалы по истории русской литературы XX века: В 2 т. Т. I: Биографические очерки. М., 2013. С. 355–378.

Заезжему москвичу, который в тот свой период «практически в каждом стихотворении использует особый стиль, желая показать, что футуризм есть нечто большее, чем набор литературных приемов. [...] Все здесь просчитано, все подчиняется законам риторики; порой возникает тема запутанности, но именно тема, а не запутанность сама по себе. Отказ от повторяемости доведен Бобровым до логического предела»,²⁸ предстояло состязаться с локальной традицией, например, со снимком чайки у того же академика:

Вон чайка села в бухточке скалистой, —
Как поплавок. Взлетает иногда,
И видно, как струею серебристой
Сбегает с лапок розовых вода²⁹.

Если великому князю понравилось, что в стихотворении сем «поэт уподобился [...] живописцу»³⁰, то и Бобров, спутник московских авангардистов, построил свою «кубистическую» чайку из резких, острых углов и визгов — вклеив, подобно обрывку газеты у Пикассо и его последователей³¹, клочок обывательской речи («Да, на эту гадость лучше не смотреть») — и, возможно, из комбинации паронимических и этимологических ассоциаций, где запах ржавого железа, замеченный в портах Буниным и Федоровым, ведет к оржавине, болоту, содержащему железную руду, и это превращение морского ландшафта в ивняк строится на паронимии «пена — пень»:

Чайка

Зигзаги ее заостренных
И под острым углом белых крыльев!

²⁸ Марков В.Ф. История русского футуризма / Пер. с англ. В. Кучерявкина, Б. Останина. СПб., 2017. С. 226–227.

²⁹ Бунин И. «Всё море — как жемчужное зеркало...» // Бунин И. Стихотворения: В 2 т. Т. 1. С. 306, 527. В цитированном выше пассаже из катаевской «Гравы забвения» говорилось: «Я даже не запомнил фамилии футуриста, написавшего эти строчки, но картина порта, созданная его могучим воображением, навсегда врезалась в память где-то рядом с поплачком бунинской чайки». Ср. в цитированном выше стихотворении Софии Прегель «В порту»: «Там чайки следили зорко / Добычу свою в глубине».

³⁰ См.: Бунин И. Стихотворения: В 2 т. Т. 1. С. 527.

³¹ См. у соратника Боброва по «Центрифуге» Ивана Аксенова о «приеме Пикассо, введшего газету в объемно выраженный мир своей картины» (Аксенов И.А. Пикассо и окрестности: С 12 мещотинтогравюрами с картин мастера. М., 1917. С. 12).

И тогда глаза запенились,
 Курчаво пеняясь, ивными пнями —
 Да, как таяло, маяло,
 Да, зарезы острее стлались —
 И визги ее под углом острым.
 И серая стена оржава,
 Оржава она, мудрена и лукава,
 Черный абрис человека, —
 Да на эту гадость лучше не смотреть.

Оржава — она морская пава,
 И глаз мудреных замыслы:
 Завизги ее заостренные.

16. III. 916

Одесса³²

И в другом стихотворении, «Морской город», датированном тем же днем, «со свойственн[ой] ему легкой деформацией синтаксиса»³³, и столь же композиционно децентрализованном, как и предыдущее, что уже в ранних стихах Боброва претило будущему акмеисту³⁴, нас снова встречает ржавость порта (и «языки» его моллов) в попытке разгадать душу города на его немногочисленных летних залетейских улицах, через его изнанку — бланки накладных (нелюбимый Бобровым современник, поэт Потемкин писал Иннокентию Анненскому «Мне даже кажется — не будь у города обманчивой фантастической личины, разгадай все его изнанку — рецепты да счета, убедись в том, что кроме них ничего нет в городе, никто и жить бы в нем не стал»³⁵) и, может быть, кучки трамвайных билетов («не фиалки»).

Язык закидывается в море,
 Где ржавлен транспорта серый фас,
 Улиц вышелушенных плоскогорье
 Посмертно катит нас.
 Букет трамвайных — ах, так это не фиалки! —

³² РГАЛИ. Ф. 2554. Оп. 2. Ед. хр. 8. Л. 7. Из предполагавшегося и анонсированного сборника «Дельта».

³³ Сергей Бобров / Публ. Д. Кузьмина // Вавилон: Вестник молодой литературы. Вып. 2 (18). М., 1993. С. 72.

³⁴ 21 сентября 1909 г. Бобров писал Андрею Белому: «Гумилев говорит, что ему “кажется, что мое творчество не имеет внутренних мотивов для своего существования”» (Письма С.П. Боброва к Андрею Белому. 1909–1912 / Вступ. ст., публ. и коммент. К.Ю. Постоутенко // Лица: Биографический альманах. 1. М.; СПб., 1992. С. 140; речь, видимо, идет об ответе на стихи, присланные для журнала «Остров»).

³⁵ Тименчик Р. Петр Петрович Потемкин // Родник. 1989. № 7. С. 13.

Над грязью ренессансных дворцов:
 Но кто же видел бежавший ялик
 За чайкой визгом пеновалов —
 Зафрахтован запах сельди поспешно
 Моря подозрительная накладная —
 Презрительное — медлительно...
 Маяк проэцирует дали³⁶.

Сим эти две пьесы передаются в руки краеведов для дальнейшей комментаторской расшифровки «кубизированной» Одессы в ознаменовании намечившегося подступа к антологизации стихотворной одессики³⁷.

Литература

Безродный М. Между двух антологий (Поэтическая карьера Сергея Боброва) // Модернизм и постмодернизм в русской литературе и культуре. Helsinki, 1996. (Slavica Helsingiensia, 16; Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia, V). С. 189–202.

Борис Пастернак и Сергей Бобров: Письма четырех десятилетий / Публ. и предисл. М.А. Рашковской // Встречи с прошлым. Вып. 8. М.: Русская книга, 1996. С. 195–309.

Бронгулеев В.В. Посредине странствия земного: Документальная повесть о жизни и творчестве Николая Гумилева. Годы: 1886–1913. М.: Мысль, 1995. 351 с.

Бунин И. Стихотворения: В 2 т. / Вступ. ст., сост., подгот. текста, примеч. Т.М. Двинятиной. СПб.: Издательство Пушкинского Дома, Вита Нова, 2014. 1088 с.

Гельперин Ю.М. Бобров Сергей Павлович (1889–1971) // Русские писатели. 1800–1817: Биографический словарь. Т. 1: А — Г. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 293–294.

Марков В.Ф. История русского футуризма / Пер. с англ. В. Кучерявкина, Б. Останина. СПб.: Алетейя, 2017. 440 с.

Письма С.П. Боброва к Андрею Белому. 1909–1912 / Вступ. ст., публ. и коммент. К.Ю. Постоутенко // Лица: Биографический альманах. 1. М.; СПб.: Феникс; Atheneum, 1992. С. 113–169.

Постоутенко К. Об одном псевдониме С.П. Боброва (Мар Иолэн) // Темы и вариации: Сб. статей и материалов к 50-летию Лазаря Флейшмана. Stanford, 1994. С. 276–282.

Поэты пражского «Скита»: Стихотворные произведения / Сост., вступ. ст., коммент. О. Малевича. СПб.: Росток, 2005. 544 с.

³⁶ *Бобров С.* Три книги стихов // РГАЛИ. Ф. 2554. Оп. 2. Ед. хр. 9. Л. 30. В машинописном варианте (там же. Ед. хр. 8. Л. 20) «пеновалов» исправлено на «миновалов» (вероятно, «миновать» + «вал»?). Наверное, «пеновал» набежал из любимого Бобровым Языкова («вал белоголовый»).

³⁷ См., например: Одесса в русской поэзии: Поэтическая антология / Сост. А.М. Рапопорт. М., 2009.

Прегель С. Разговор с памятью. В 2 т. Т. I: Стихи, проза, очерки и статьи / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. Хазана. М.: Водолей, 2017. 692 с.

Розанова О. «Лефанта чиол...» / Вступ. ст., публ. писем и коммент. к ним В. Терехиной; сост. «Хроники жизни и творчества» А. Сарабянова и В. Терехиной. М.: RA, 2002. 392 с.

Соболев А.Л. Летейская библиотека: Очерки и материалы по истории русской литературы XX века: В 2 т. Т. I: Биографические очерки. М.: Трутень, 2013. 496 с.

Соболев А.Л. Стихотворения Сергея Боброва: забытое, неизданное, несобранное. URL: <https://lucas-v-leyden.livejournal.com/152111.html> (дата обращения: 29.03.2019).

Тименчик Р. Подземные классики: Иннокентий Анненский. Николай Гумилев. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2017. 776 с.

«Я безумно любил Бору...»: Переписка С.П. Боброва и Ж.Л. Пастернак. 1960–1970-е годы / Публ., предисл. и примеч. М.А. Рашковской // Наше наследие. 2015. № 113. С. 90–107.

Podavini D. The Anthology “Poeti futuristi”: Poetry of Transition // The History of Futurism: The Precursors, Protagonists, and Legacies / Ed. by G. Buelens, H. Hendrix, and M. Jansen. Lanham, MD: Lexington Books, 2012. P. 33–52.

Thum R.H. The City: Baudelaire, Rimbaud, Verhaeren (Studies on Themes and Motifs in Literature. Vol. 1). P. Lang, 1994. 364 p.

Wees W.C. Vorticism and the English avant-garde. Toronto: Manchester University Press, 1972. 285 p.

References

Bezrodnii M. Mezhdru dvukh antologii (Poeticheskaia kar'era Sergeia Bobrova) [Between two anthologies. Sergei Bobrov's career as a poet]. *Modernizm i postmodernizm v russkoi literature i kul'ture* [Modernism and postmodernism in Russian literature and culture]. Helsinki, 1996 (Slavica Helsingensia, 16; Studia Russica Helsingensia et Tartuensia, V), pp. 189–202. (In Russ.)

Boris Pasternak i Sergei Bobrov: Pis'ma chetyrekh desiatiletii [Boris Pasternak and Sergei Bobrov: Letters of four decades], publ. and intro. by M.A. Rashkovskaya. *Vstrechi s proshlym. Vyp. 8* [Encounters with the past. Iss. 8]. Moscow, Russkaia kniga Publ., 1996, pp. 195–309. (In Russ.)

Bronguleev V.V. *Posredine stranstva zemnogo: Dokumental'naia povest' o zhizni i tvorchestve Nikolaia Gumileva. Gody: 1886–1913* [In the middle of the earthly journey: A documentary narrative about Nikolay Gumilyov's life and work. Years: 1886–1913]. Moscow, Mysl' Publ., 1995. 351 p. (In Russ.)

Bunin I. *Stikhovoreniia: V 2 t.* [Poems: In 2 vols.], intro., comp., ed., notes by T.M. Dviniatina. St. Petersburg, Pushkin House Publ., Vita Nova Publ., 2014. 1088 p. (In Russ.)

Gel'perin Iu.M. Bobrov Sergei Pavlovich (1889–1971). *Russkie pisateli. 1800–1817: Biograficheskii slovar'. T. I: A — G* [Russian writers. 1800–1917: Biographical dictionary. Vol. 1: A — G]. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1989, pp. 293–294. (In Russ.)

“Ia bezumno liubil Boriu...”: Perepiska S.P. Bobrova i Zh.L. Pasternak. 1960–1970-e gody [“I loved Boria madly...”: Correspondence of S.P. Bobrov and Zh.L. Pasternak. 1960–1970s], publ., intro. and notes by M.A. Rashkovskaya. *Nashe nasledie*, 2015, no. 113, pp. 90–107. (In Russ.)

Markov V.F. *Istoriia russkogo futurizma* [The history of Russian Futurism], transl. by V. Kucheriavkin, B. Ostanin. St. Petersburg, Aleteia Publ., 2017. 440 p. (In Russ.)

Pis'ma S.P. Bobrova k Andreiu Belomu. 1909–1912 [Sergei Bobrov's letters to Andrei Bely. 1909–1912], intro., publ. and comment. by K.Iu. Postoutenko. *Litsa: Biograficheskii al'manakh. 1* [Faces: Biographical almanac. 1]. Moscow, St. Petersburg, Feniks Publ., Atheneum Publ., 1992, pp. 113–169. (In Russ.)

Podavini D. The Anthology “Poeti futuristi”: Poetry of Transition. *The History of Futurism: The Precursors, Protagonists, and Legacies*, ed. by G. Buelens, H. Hendrix, and M. Jansen. Lanham, MD, Lexington Books, 2012, pp. 33–52.

Poety prazhskogo “Skita”: Stikhotvornye proizvedeniia [Poets of the Prague group “Skit”: Poetic works], comp., intro., comment. by O. Malevich. St. Petersburg, Rostok Publ., 2005. 544 p. (In Russ.)

Postoutenko K. Ob odnom psevdonime S.P. Bobrova (Mar Iolen) [On one of S.P. Bobrov's pseudonyms (Mar Iolen)]. *Temy i variatsii: Sb. statei i materialov k 50-letiiu Lazaria Fleishmana* [Themes and variations: A collection of essays and materials to the 50th anniversary of Lazar Fleishman]. Stanford, 1994, pp. 276–282. (In Russ.)

Pregel' S. *Razgovor s pamiat'iu. V 2 t. T. I: Stikhi, proza, ocherki i stat'i* [Conversation with memory. In 2 vols. Vol. I: Poems, prose, essays and articles], comp., ed., intro. and comment. by V. Khazan. Moscow, Vodolei Publ., 2017. 692 p. (In Russ.)

Rozanova O. “Lefanta chiol...” , intro., publ. of letters and comment. by V. Terekhina; comp. of “Chronicle of life and work” by A. Sarabianov and V. Terekhina. Moscow, RA Publ., 2002. 392 p. (In Russ.)

Sobolev A.L. *Leteiskaia biblioteka: Ocherki i materialy po istorii russkoi literatury XX veka: V 2 t. T. I: Biograficheskie ocherki* [Lethe library: Essays and materials on the history of Russian literature of the 20th century: In 2 vols. Vol. I: Biographical essays]. Moscow, Truten' Publ., 2013. 496 p. (In Russ.)

Sobolev A.L. *Stikhotvoreniia Sergeia Bobrova: zabytoe, neizdannoe, nesobrannoe* [Sergei Bobrov's poems: forgotten, unpublished, uncollected]. Available at: <https://lucas-v-leyden.livejournal.com/152111.html> (accessed: 29.03.2019). (In Russ.)

Thum R.H. *The City: Baudelaire, Rimbaud, Verhaeren* (Studies on Themes and Motifs in Literature. Vol. 1). P. Lang, 1994. 364 p.

Timenchik R. *Podzemnye klassiki: Innokentii Annenskii. Nikolai Gumilev* [Underground classics: Innokenty Annensky. Nikolay Gumilyov]. Moscow, Mosty kul'tury Publ., Gesharim Publ., 2017. 776 p. (In Russ.)

Wees W.C. *Vorticism and the English avant-garde*. Toronto, Manchester University Press, 1972. 285 p.

Notes of a commentator

9. Two unpublished futuristic poems about Odessa

© 2019, Roman Timenchik

Abstract: The article presents two unpublished poems by Sergey Bobrov, which fit into the history of projection of the common European urban topos to a specific locus — the South Russian port. Among the poets who embarked on this task in the 1910s are Vladimir Mayakovsky, Nikolai Gumilev, Konstantin Bolshakov, David Burliuk, young Odessa poets Sophia Pregel and Elizaveta Furman-Styrskaya. Futuristic poetics minimized the connection with poetic descriptions of the city common for Pushkin's time (used by “traditionalists” of the 1910s, such as Modest Druzhinin) and neglected the centuries-old Odessa mythological allusions (inevitable Odysseus recalled by Gumilyov).

Keywords: poems related to Odessa in the early 20th century, Ivan Bunin, Olga Rozanova, Emile Verhaeren, vorticism, Sergey Bobrov, Futuristic poetry, archival publications

Information about the author: Roman Timenchik, Prof., Hebrew University, Jerusalem, Israel. E-mail: suzirom@gmail.com

Citation: Timenchik Roman. Notes of a commentator. 9. Two unpublished futuristic poems about Odessa. *Literary fact*, 2019, no. 2 (12), pp. 332–347. DOI 10.22455/2541-8297-2019-12-332-347

DOI 10.22455/2541-8297-2019-12-348-383

УДК 821.161.1

**«Отрывок из письма [к Д.]» А.С. Пушкина:
адресат, функция, датировка**

© 2019, О.А. Проскурин

Аннотация: В статье предпринята попытка доказать, что текст Пушкина, печатавшийся при жизни автора под заголовком «Отрывок из письма А.С. Пушкина к Д.» (1825) и считавшийся адресованным А.А. Дельвигу, задумывался и создавался как письмо к брату — Л.С. Пушкину. В статье пересматриваются датировка и прагматика этого сочинения, по-новому определяется его связь с литературным и биографическим контекстом.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, Л.С. Пушкин, А.А. Дельвиг, текстология, датировка, проблема адресата, история текста, поэма «Бахчисарайский фонтан», Крым

Информация об авторе: Олег Анатольевич Проскурин, к.ф.н., Visiting Whitney J. Oates Fellow, Принстонский университет, Принстон (Нью-Джерси), США. NJ, USA. E-mail: proskurin.oleg@gmail.com

Цитирование: *Проскурин О.А.* «Отрывок из письма [к Д.]» А.С. Пушкина: адресат, функция, датировка // *Литературный факт.* 2019. № 2 (12). С. 348–383 DOI 10.22455/2541-8297-2019-12-348-383

«Заказ Дельвига»?

Сочинение, впервые опубликованное в «Северных Цветах на 1826 год» под заголовком «Отрывок из письма А.С. Пушкина к Д.» и при жизни автора неоднократно переиздававшееся, трудно отнести к числу обойденных исследовательским вниманием: к нему постоянно обращались и обращаются биографы Пушкина, исследователи его прозы и поэзии, краеведы, историки, археологи и даже ботаники. И тем не менее нельзя отнести его и к числу хорошо изученных и даже к числу хорошо понятых: оно во многом остается загадочным и в плане генезиса, и в плане назначения.

«Письмо» сохранилось как в печатных, так и в рукописных источниках. Рукописные представлены черновиком в тетради № 835 («Второй масонской»), ныне хранящейся в Пушкинском Доме, и беловым текстом, послужившим основой для публикации в «Северных цветах на 1826 год» (ПД № 249), с поправками, зачеркиваниями и припиской в конце: «Пожалуйста не показывай этого письма никому, даже и друзьям моим (разве переписав уже), а начала в самом деле не нужно». Существует три печатных версии текста, к публикации которых Пушкин был в той или иной степени причастен¹.

Г.О. Винокур первым отметил не прагматический (коммуникативный), а *литературный* характер этого «письма», заставляющий относиться к нему именно как к литературному тексту, а не как к документальному свидетельству. Он же связал этот текст с исполнением литературного заказа: «Дело в том, что это не “простое”, а именно литературное письмо, литературное произведение, написанное в ответ на прямой заказ Дельвига прислать что-нибудь для “Северных цветов”. Именно, 10 сентября 1824 г. Дельвиг писал Пушкину: “Да нет ли, брат, у тебя какой прозы, удобо-пропускаемой цензурою? Пришли, коли есть”. Интересно, что за исполнение просьбы Пушкин принялся только в декабре, т.е. уже после получения книги Муравьева от брата»².

К сходному выводу, хотя и без прямого упоминания издательского «заказа», пришел Б.В. Томашевский: «Пушкин предполагал опубликовать этот отрывок в “Северных цветах” на 1825 г., но, по-видимому, послал его слишком поздно, и он появился только в “Северных цветах” на 1826 г.»³.

Похожую картину нарисовал и В.Э. Вацуру в книге, посвященной истории альманаха «Северные цветы»:

Вероятно, еще в конце 1824 года, прочитав книгу И.М. Муравьева «Путешествие по Тавриде в 1820 году», он (Пушкин. — *О.П.*) начал набрасывать письмо к Дельвигу, точнее статью в форме письма, где

¹ В т.н. Большом академическом Полном собрании сочинений Пушкина (М.; Л., 1937–1959; далее ссылки на это издание будут даваться непосредственно в тексте статьи, с обозначением римской цифрой — тома, арабской — страницы) текст «письма» опубликован *трижды*, причем в разных версиях: текст «Северных цветов» — в томе прозы (VIII, кн. 1, 435–439; черновой текст и варианты — VIII, кн. 2, 997–1001), текст последней прижизненной публикации (1835) — в виде приложения к поэме «Бахчисарайский фонтан» (IV, 175–176), наконец, беловой автограф — в томе переписки, как письмо Пушкина к А.А. Дельвигу (XIII, 250–252).

² *Винокур Г.О.* Из комментариев к Пушкину / Публ. О. Проскурина // *Временник Пушкинской комиссии.* Вып. 32. СПб., 2016. С. 47–48 (автограф: РГАЛИ. Ф. 2164. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 37). До этой публикации честь открытия «литературного» характера пушкинского письма неизменно приписывалась Д.Д. Благому.

³ *Томашевский Б.* Пушкин. Кн. первая: 1813–1824. М.; Л., 1956. С. 480–481.

рассказывал о впечатлениях, легших в основу «Бахчисарайского фонтана». Это «письмо» можно было сделать потом предисловием к поэме — Пушкин любил этот прием и позднее хотел проделать то же с «Борисом Годуновым». Нужно думать, что он предназначал эту статью-письмо еще для первой книги «Цветов», когда Дельвигу тоже нужна была проза, — но не окончил к сроку⁴.

Не всё, однако, в этих заключениях — отличающихся в деталях, но сходных в основной идее — представляется достаточно убедительным.

Прочитываем более полно фрагмент письма Дельвига Пушкину от 10 сентября 1824 г., который приводит Винокур: «Да нет ли, брат, у тебя какой прозы, удобопропускаемой цензурой? Пришли, коли есть. Есть еще у меня не просьба, но только спрос: не вздумаешь ли ты дать мне стихов двадцать из “Евгения Онегина”?» (XIII, 108)⁵.

Ответ на это письмо не сохранился, но, судя по письму Дельвига от 28 сентября 1824 г., Пушкин откликнулся сразу. Он согласился дать для альманаха фрагмент из второй главы «Евгения Онегина», на что Дельвиг отвечал: «Благодарю за “Онегина”» (XIII, 110). Благодарностей за прозу (или за обещание прозы) Дельвиг не шлет, что и неудивительно: в сентябре 1824 г. Пушкин ничего не мог предложить издателю «Северных цветов»; крымское письмо отсутствовало даже в замысле.

Работу над ним ближайшим образом стимулировало знакомство Пушкина с книгой И.М. Муравьева-Апостола «Путешествие в Тавриду в 1820 году» (1823). В письме к брату Льву, писанном в 10-х числах ноября⁶, Пушкин просил прислать в Михайловское несколько книг, среди прочего и «Путешествие по Тавриде Муравьева» (XIII, 118–119). О своей просьбе он напомнил в начале 20-х чисел ноября (XIII, 123).

Просьба прислать книгу Муравьева-Апостола последовала примерно через *два месяца* после запроса Дельвига. Винокур находил это обстоятельно «интересным»; вернее было бы назвать его настораживающим: оно во всяком случае свидетельствует, что Пушкин — вопреки мнению Винокура — не рассматривал сентябрьский запрос Дельвига как «заказ»,

⁴ Вацура В. Э. «Северные цветы»: История альманаха Дельвига — Пушкина. М., 1978. С. 49. В сжатом виде повторено в позднейшем комментарии В. Вацура к «крымскому» письму: «Предназначалось для СЦ на 1825 г., однако опоздало и попало только в следующую книжку» (Переписка А.С. Пушкина: В 2 т. М., 1982. Т. 1. С. 387).

⁵ К тому времени Дельвигом уже были получены от Пушкина три стихотворения для альманаха: «Демон», «Песнь о Вещем Олеге» и «Прозерпина».

⁶ В Полном собрании сочинений письмо датируется 1–10 ноября 1824 г. (XIII, 250), что несколько противоречит ныне принятым датировкам событий из жизни Пушкина и его окружения: Лев Сергеевич покинул Михайловское около 5 ноября; письмо передано ему с сестрой Ольгой, которая выехала из Михайловского в столицу предположительно около 12 ноября.

иначе он бы, конечно, намного раньше озаботился получением книги, насущно необходимой ему для работы над крымским текстом.

Запрошенные книги прибыли в Михайловское в начале декабря 1824 г., как следует из письма Пушкина к Левушке от 4 декабря: «Мих.<айло> привез мне всё благополучно, а библии нет» (XIII, 127). Таким образом, Пушкин, судя по всему, получает возможность познакомиться с «Путешествием в Тавриду...» только на первой неделе декабря. Соответственно, приступить к работе над крымским письмом он мог не ранее декабря (что подтверждается положением черновика в тетради № 835).

Между тем «Северные цветы на 1825 год» начали печататься уже в сентябре. К исходу ноября, согласно планам издателя, альманах должен был быть готов к выходу. Об этих намерениях Пушкин хорошо знал: в письме к нему от 10 сентября (т.е. в том самом, в котором содержался вопрос о прозе и о «Евгении Онегине») Дельвиг сообщал: «Цветы мои печатаются. В первых числах декабря увидишь их» (XIII, 108). 28 сентября Дельвиг уведомлял, что работа над альманахом близится к концу: «Спешу скорее отделаться от Цветов, чтоб обнять тебя физически» (XIII, 110). Следовательно, в десятых числах ноября, когда Пушкин просил Левушку прислать «Путешествие по Тавриде...», он должен был предполагать, что альманах выйдет в самом скором времени. Так же считал и издатель: когда в начале ноября Николай Полевой прислал в «Северные Цветы» обещанную повесть, Дельвиг был вынужден ответить ему отказом — альманах уже был целиком собран и, видимо, в основном отпечатан. 10 ноября повесть Полевого, не поспевшую в альманах Дельвига, уже просил А.Ф. Воейков для редактировавшихся им «Новостей литературы»⁷.

Выход альманаха задержало петербургское наводнение, случившееся 7 ноября 1824 г.: вода проникла в типографию, и уже отпечатанный тираж «Северных Цветов» пришлось перепечатывать (по-видимому, частично; сколько-нибудь определенными сведениями на этот счет мы не располагаем). В письме Льву от начала 20-х чисел ноября Пушкин сожалел о случившейся неприятности, но вместе с тем выражал надежду все-таки увидеть Дельвига в Михайловском в скором будущем: «Жаль мне Цветов Дельвига; да надолго ли это его задержит в тине петербургской? [...] Торопи Дельвига [...]» (XIII, 122, 123). 4 декабря в приписке к письму, в котором сообщалось о прибытии в Михайловское заказанных книг, Пушкин повторяет: «Торопи Дельвига; надеюсь, что не претерпел он убытку» (XIII, 128). Это означает, что и в конце ноября, и в начале

⁷ См.: Вацуро В.Э. «Северные цветы». С. 40, 256.

декабря (едва только получив «Путешествие по Тавриде...») и, по-видимому, еще не приступив к чтению) Пушкин был уверен, что подготовка тиража «Северных Цветов» в общем завершена и что Дельвига можно поторапливать. Он был недалек от истины: неделей позже, 12 декабря, «Санкт-Петербургские Ведомости» сообщали, что «Северные Цветы» «появятся в свет в последних числах нынешнего месяца»⁸. 20 декабря Пушкин уже просит брата поскорее прислать новую книжку альманаха в Михайловское (XIII, 131).

Всё изложенное заставляет признать ясную и на первый взгляд убедительную до очевидности картину событий, нарисованную Г.О. Винокуром, Б.В. Томашевским и В.Э. Вацуру, очень мало правдоподобной. Пушкин обратился к брату с просьбой прислать книгу Муравьева-Апостола в то время, когда выход «Северных цветов» ожидался с недели на неделю. Работа же над черновиком письма-статьи приходится на время, когда выход альманаха (а равно и приезд Дельвига в Михайловское) ожидался со дня на день.

Таким образом, непредвзятое сопоставление давно и хорошо известных фактов позволяет заключить, что Пушкин, приступив к сочинению крымского письма, *не откликнулся* на заказ Дельвига и *не предназначал* своего сочинения для «Северных Цветов на 1825 год»: в эту книжку альманаха он не мог успеть ни при каких обстоятельствах, что прекрасно понимал.

Еще более запутан вопрос с датировкой беловой версии письма, отправленной, как считается, Дельвигу для публикации в новом выпуске «Северных цветов».

Текст беловой рукописи «письма» в XIII томе Полного собрания сочинений⁹ датирован чрезвычайно широко: серединой декабря 1824 г. — первой половиной декабря 1825 г., т.е. временем от предполагаемого окончания работы над черновым текстом статьи до полного укомплектования «Северных Цветов на 1826 год»¹⁰. Такая датировка, в сущности, означала отказ от сколько-нибудь определенного ответа на вопрос о времени создания белового текста.

⁸ Цявловский М.А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. [Т.] I. М., 1951. С. 26.

⁹ XIII том был сдан в набор 8 августа 1936 г. Его готовил Д.Д. Благой, но многие важные вопросы, касающиеся датировки писем, обсуждались и решались коллегиально.

¹⁰ Поскольку текстологический комментарий в этом академическом издании по известным причинам отсутствует, об основаниях датировки можно только строить предположения. Альманах «Северные цветы на 1826 г.» был собран к январю; по ряду причин он получил цензурное разрешение только 25 февраля и вышел в свет 7 апреля 1826 г. См.: Сиявский Н., Цявловский М. Пушкин в печати: Хронологический указатель произведений Пушкина, напечатанных при его жизни. Изд. 2-е, испр. М.: 1938. С. 38.; Вацуро В.Э. «Северные цветы». С. 72.

Два выдающихся пушкиниста — М.А. Цявловский и В.Э. Вацуро — попытались сузить и конкретизировать датировку академического издания: они отнесли создание белового текста, соответственно, к *началу* и к *концу* неопределенно длинного периода, обозначенного в Полном собрании сочинений.

М.А. Цявловский максимально приблизил время завершения беловика к предполагаемому времени работы Пушкина над черновиком. В «Летописи жизни и творчества А.С. Пушкина» под датой «1824. Декабрь 10 ... 31» значится: «Письмо к Дельвигу в Петербург, заключающее в себе “отрывок из письма к Д.”»¹¹. Из этой датировки, между прочим, следует, что письмо определенно не могло предназначаться для «Северных цветов на 1825 г.», в этот период не только полностью подготовленных, но и вышедших из печати (Цявловский, однако, этого вывода не сделал). Эта датировка никак не проясняла и вопрос о том, зачем Пушкин послал «письмо» Дельвигу то ли в канун выхода альманаха, то ли сразу после его выхода, при этом с нетерпением ожидая приезда издателя в Михайловское.

В.Э. Вацуро (считавший, как мы помним, что Пушкин в альманахе «не поспел»), напротив, относил беловик «письма к Дельвигу» к декабрю 1825 г. Рассказав о пребывании Дельвига в Михайловском и упомянув начатое Пушкиным в конце 1824 г. крымское письмо, он заключал: «И теперь еще, в апреле 1825 года, письмо не было окончено; Пушкин прислал его только в декабре с припиской, из которой как будто следует, что речь о напечатании его уже шла: “начала в самом деле не нужно”»¹². К сожалению, В.Э. Вацуро (по условиям жанра) очень неясно мотивировал свое понимание хода работы Пушкина над текстом. Вероятно, логика его была примерно такой: авторская приписка, сопровождавшая беловик письма («в самом деле не нужно»), могла указывать на отголоски былых обсуждений (споров?), которые всего вероятнее могли происходить в апреле 1825 г., когда Дельвиг гостил у Пушкина в Михайловском. Значит, письмо написано после апреля. Но почему декабрь? Возможно, потому, что упоминаний о крымском письме — и вообще о какой бы то ни было пушкинской «прозе» — в сохранившейся переписке Пушкина с Дельвигом за 1825 г. не содержится. Дельвиг, с мая по сентябрь занятый почти исключительно предстоящей женитьбой, приступил к подготовке новой книжки альманаха только осенью. Сохранилось письмо Пушкина от конца октября или первой половины ноября с позволением напечатать

¹¹ Цявловский М.А. Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. С. 543.

¹² Вацуро В.Э. «Северные цветы». С. 49. При публикации письма в двухтомной «Переписке Пушкина» Вацуро воспроизвел, однако, «широкую» датировку академического издания: декабрь 1824 — декабрь 1825 (возможно, в соответствии с издательскими требованиями).

в альманахе новый фрагмент из «Евгения Онегина» (XIII, 241). О «прозе» и в этом письме нет речи; следовательно, *можно предположить*, что Пушкин обсуждал с Дельвигом вопрос о прозе после этого письма, а уже потом прислал ему готовый текст. Какие-либо дополнительные аргументы в пользу декабря подыскать трудно.

В 1980–1990-е гг. вопросом о происхождении, назначении и судьбе «письма» занялась Я.Л. Левкович. По ее предположению, дошедший до нас беловик — не первая, а уже *вторая* беловая версия пушкинского письма: «Просьба не выпускать письма из рук, пока оно не будет переписано, может значить, что однажды текст письма был утерян Дельвигом, т.е. что Пушкин уже посылал его в Петербург (или отдал в руки самому Дельвигу)»¹³. Представления исследовательницы о времени создания сохранившегося (в ее интерпретации — «второго») беловика нашли отражение во втором издании «Летописи жизни и творчества А.С. Пушкина» М. Цявловского, вышедшей под редакцией Я. Левкович в 1991 г. Левкович пересмотрела и изменила датировку, содержащуюся в первом издании книги Цявловского: теперь к декабрю 1824 г. («Декабрь, 4... 10») был отнесен только *черновик* письма, *беловик* же датировался временем с мая (Левкович, по-видимому, приняла предположение Вацура о том, что «в самом деле не нужно» — это отголосок апрельских разговоров в Михайловском) до декабря 1825 г.¹⁴ Впрочем, так и осталось неясным, когда же Пушкин послал письмо Дельвигу «в первый раз» и когда легкомысленный Дельвиг его потерял¹⁵.

Последние уточнения к творческой истории «письма» сделаны в статье Н.Г. Охотина и А.И. Роговой в «Пушкинской энциклопедии». Авторы в общем принимают традиционную версию, связывающую начало работы над текстом с намерением поместить его в альманах «Северные цветы на 1825 год»: согласно статье, Пушкин начал работу над очерком в декабре, но «не успевал отделать и отослать его к сроку». «[П]оэтому, — продолжают авторы, — работа над очерком была отложена и завершена, вероятно, во время пребывания Дельвига в Михайловском (конец апреля — начало июня 1825 года): в беловом автографе

¹³ Левкович Я.Л. Автобиографическая проза и письма Пушкина. Л., 1988. С. 252, 253.

¹⁴ Цявловский М.А. Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. 1799–1826. Изд. 2-е, испр. и доп. / Отв. ред. Я.Л. Левкович. Л., 1991. С. 481.

¹⁵ Следует заметить, что догадки исследовательницы о легкомысленно утерянном первом письме опираются не столько на историческую личность Дельвига (успешного литературного предпринимателя, ведущего свое дело вполне рационально), сколько на образ лирического субъекта его поэзии — беззаботного и беспечного «ленивца».

видны следы обсуждения текста с его будущим издателем»¹⁶. Беловой автограф соавторы датируют «предположительно концом апреля (после 24–25-го) — началом июня 1825 г. (верхняя граница устанавливается по времени отъезда Дельвига из Михайловского, нижняя — по бумаге, которая использовалась Пушкиным для писем этого периода)»¹⁷. Уточнение нижней хронологической границы на основании палеографических особенностей рукописи представляется чрезвычайно важным и продуктивным. По условиям энциклопедического жанра соавторы могли коснуться этого вопроса лишь в общем виде; нам предоставится возможность остановиться на нем подробнее.

Но и после итоговой во многих отношениях статьи Н.Г. Охотина и А.И. Роговой важные вопросы, связанные с т.н. «Отрывком из письма Д.», остаются не разрешенными до конца.

Почему осенью 1824 г. Пушкин вдруг пожелал прочесть «Путешествие по Тавриде в 1820 году»?

Исследователи настолько привыкли к неразрывной связи пушкинского письма с «Путешествием по Тавриде...» Муравьева-Апостола, что практически не задаются вопросом: почему в 10-х числа ноября Пушкин вдруг запросил у совсем недавно приехавшего в Петербург брата эту книгу, скорее всего еще не зная, что он вообще будет писать о Крыме, и уж совершенно точно не зная, что всё его письмо будет построено как диалог-полемика с Муравьевым?

Неожиданная помощь в ответе на этот вопрос приходит со стороны поэзии. В тетради 835 на л. 38 содержатся наброски трех пушкинских стихотворений, окрашенных «крымским» колоритом: «Пока супруг тебя, красавицу младую...», «Фонтану Бахчисарайского дворца» и «Виноград». Первое не было закончено и осталось в рукописи, два последних будут опубликованы в «Стихотворениях Александра Пушкина» (1826) с мистифицирующей датировкой: 1820 г. С.А. Фомичев, посвятивший описанию и интерпретации материалов из тетради 835 специальную статью, совершенно справедливо отметил явную переключку стихотворения «Фонтану Бахчисарайского дворца» («Хвалу стране прочел я дальней, / Но о Зареме ты молчал») с муравьевским «Путешествием по Тавриде...»: «В книге Муравьева-Апостола приводится перевод “любопытной

¹⁶ Вероятно, в ходе редакционной подготовки в формулировку вкралась двусмысленность: если «конец апреля — начало июня 1825 года», то «после пребывания Дельвига в Михайловском».

¹⁷ Охотин Н.Г., Рогова А.И. «Отрывок из письма к Д.» // Пушкинская энциклопедия: Произведения. Вып. 3: Л — О. СПб., 2017. С. 591, 594.

надписи” над фонтаном (она опущена в отрывке из книги, приложенном ко второму изданию поэмы “Бахчисарайский фонтан”)...»¹⁸ По положению в тетради, заполнявшейся в ту пору в общем последовательно, в хронологическом порядке, стихотворения (в частности «Фонтану...») должны датироваться ноябрем 1824 г. Из сопоставления наличных фактов С.А. Фомичев сделал вывод: «Вероятно, к концу ноября эта книга (“Путешествие по Тавриде...” — *О.П.*) была уже получена и откликом на нее послужило третье, центральное четверостишие»¹⁹.

Пушкин, как мы помним, сообщил о получении посылки из Петербурга 4-го декабря. Фомичев, таким образом, предполагает, что книги пришли в Михайловское существенно раньше, а Пушкин по каким-то причинам сообщил брату об их получении с большим запозданием: к концу ноября он не только прочитал «Путешествие по Тавриде...», но и создал стихи, навеянные этим чтением.

Однако из положения стихотворений в тетради и их соотношения с другими текстами в ней следует, что они написаны не в конце, а в *начале* ноября, не только до получения книги Муравьева-Апостола, но и до отправки запроса о ней брату: наброски стихотворений на л. 38 появляются сразу за черновиком письма к Жуковскому от 31 октября 1824 г. (л. 36 об.–37)²⁰. В недавней статье А.Ю. Балакин обратил внимание еще на одну деталь рукописи, противоречащую хронологическим выкладкам С. Фомичева: «на л. 39 об. (т.е. через полторы страницы от стихов. — *О.П.*) находится список вещей (“карты / Пугачев / allumetes”), о присылке которых Пушкин просил брата в упомянутом выше письме (т.е. письме от 10-х чисел ноября. — *О.П.*). Следовательно, черновики названных стихотворений появились в тетради не позднее 10-х чисел ноября; после отправки письма в этой записи не было бы никакого смысла»²¹.

В той же статье А. Балакин остроумно и убедительно разъяснил связь между стихотворением «Фонтану Бахчисарайского дворца» и со-

¹⁸ *Фомичев С.А.* Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 835: (Из текстологических наблюдений) // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1983. Т. 11. С. 58. В изложении С.А. Фомичева вкралась неточность: отрывок из книги Муравьева-Апостола был приложен уже к *первому* изданию «Бахчисарайского фонтана».

¹⁹ Там же.

²⁰ За крымскими стихами идут черновик и беловик двух стихотворений из «Подражаний Корану»: «Торгуя совестью...» (38 об.), «И путник усталый на бога роптал...» (л. 39–39 об.) — видимо, к ним относится сообщение в письме Льву, писанном, судя по всему, в десятых числах ноября: «Я тружусь во славу Корана и написал еще кое-что — лень прислать» (XIII, 119). Лишь на л. 40 находится черновик письма к Вяземскому от 29 ноября 1824 г., а на л. 42 об. начинается черновик крымского письма.

²¹ *Балакин А.Ю.* А.С. Пушкин и книга И.М. Муравьева-Апостола «Путешествие по Тавриде в 1820 году» // Русская литература. 2017. № 2. С. 30; то же: *Балакин А.* Близко к тексту: Разыскания и предположения. СПб., 2017. С. 42.

держанием книги Муравьева-Апостола. Он обратил внимание на то, что летом 1824 г. сразу два журнала — «Отечественные записки» и «Новости литературы» — в откликах-рецензиях на «Путешествие по Тавриде» привели большие выдержки из муравьевской книги, в частности из «бахчисарайской» главы, в которой содержится описание фонтана и надписи²². Балакин резюмирует: «Знакомство Пушкина с этими журнальными перепечатками из “Путешествия по Тавриде” весьма вероятно, и нельзя исключать, что оно могло актуализировать крымские воспоминания поэта»²³.

Эти наблюдения не только удовлетворительно объясняют появление стихов, наполненных «крымскими» реалиями, до того, как Пушкин прочел «Путешествие по Тавриде...»²⁴, но и помогают понять, почему у Пуш-

²² В. О нововышедшей книге: Путешествие по Тавриде, соч. И.М. Муравьева-Апостола // Новости литературы. 1824. Ч. 8. № 20. С. 116–126 (ценз. разрешение 3 июня); окончание — № 21. С. 129–140; Отечественные записки. 1824. Ч. 19. № 51, июль. С. 75–100; текст выписки: С. 84–100 (выход в свет 20–25 июня).

²³ Балакин А.Ю. А.С. Пушкин и книга И.М. Муравьева-Апостола. С. 30; Балакин А. Близко к тексту. С. 42. Автор считает более вероятным, что для Пушкина источником сведений стали «Отечественные записки». Мы склонны думать, что это скорее «Новости литературы», издатель которых А.Ф. Воейков, в ту пору искавший (и скоро добившийся) сотрудничества Пушкина, наверняка стал присылать в Михайловское номера своего журнала, в том числе и вышедшие ранее, накануне приезда Пушкина. В библиотеке Пушкина сохранились четыре разрозненные книжки «Новостей литературы» за 1825–1826 г. (*Модзалевский Б.Л.* Библиотека А.С. Пушкина: (Библиографическое описание) // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб., 1910. Вып. IX–X. С. 129). Комплект «Отечественных записок» за 1820–1830 г. (сохранился не полностью) был приобретен Пушкиным позже (Там же. С. 129–130). Впрочем, применительно к нашему сюжету вопрос об источнике знакомства Пушкина с неизвестными ему прежде «бахчисарайскими» страницами книги Муравьева-Апостола, сам по себе незначительный, не имеет принципиального значения.

²⁴ Незаконченное стихотворение «Пока супруг тебя, красавицу младую...», расположенное на том же л. 38, С. Фомичев отнес к тому же времени, что и «Фонтану Бахчисарайского дворца», — к ноябрю 1824 г., однако стихотворение «Виноград», набросанное карандашом (в сопровождении выразительной графической иллюстрации) непосредственно под стихотворением «Фонтану Бахчисарайского дворца» (л. 38), и стихотворение «О дева-роза, я в оковах...», записанное на одном из предыдущих листов (л. 35), Фомичев отнес к марту — маю 1825 г. на том основании, что они вошли в рукопись, переданную в цензуру в мае, но не числятся в перечне стихов (для готовящегося издания) в Капнистовской тетради, отосланной Пушкиным в Петербург 15 марта 1825 г. (*Фомичев С.А.* Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 835. С. 58, 63). Однако в этот перечень не вошло и стихотворение «Фонтану Бахчисарайского дворца», уверенно отнесенное Фомичевым к ноябрю 1824 г. Отсутствие в первоначальном перечне этих стихотворений, по-видимому, означает, что Пушкин, начав писать их в ноябре 1824 г. («О дева-роза, я в оковах...»), судя по расположению в тетради, еще в октябре), окончательно отделал их уже после отправки Капнистовской тетради в Петербург. Все эти тексты в «Стихотворениях Александра Пушкина» будут датированы 1820 г. По мнению Фомичева, эта датировка «свидетельствует, конечно, не о времени создания произведения, а о жизненных впечатлениях, в нем отразившихся». Правильнее видеть в этой датировке целенаправленную творческую мистификацию Пушкина.

кина возникло желание прочесть книгу Муравьева-Апостола целиком: если даже отрывки из нее, приведенные в журнальной рецензии, смогли пробудить поэтическое вдохновение, то не следует ли ожидать большего от знакомства с оригиналом?.. Не исключено, разумеется, и то, что в процессе чтения журнальных фрагментов в сознании Пушкина могли вырисовываться и предварительные контуры прозаического крымского замысла... Впрочем, каковы бы ни были творческие намерения и побуждения Пушкина, чтение книги Муравьева-Апостола оказалось важным и продуктивным не для Пушкина-поэта, а для Пушкина-прозаика.

«...кажется я писал тебе»

Едва прочитав книгу Муравьева-Апостола, Пушкин сразу садится набрасывать в рабочей тетради отклик на нее в форме письма.

Травелог в эпистолярной форме в России стал популярным после «Писем русского путешественника» Карамзина. В виде писем к друзьям было оформлено и «Путешествие по Тавриде» Муравьева-Апостола. Эпистолярная форма давала широкие возможности перемежать «этнографический» материал «биографическим», соединить описание впечатлений от внешнего мира с рассказом о жизни души. Именно поэтому жанр выдвинулся на первый план в сентиментальную эпоху и не умер (хотя и модифицировался) в эпоху романтическую, с их особым вниманием к личности автора.

По сравнению с образом автора-рассказчика образ адресата выполнял в эпистолярной скорее вспомогательную функцию. Иногда адресат являл собою чистую, неприкрытую фикцию, откровенную жанровую условность; иногда же приобретал более определенные личностные черты, заставлял соотносить литературного адресата с реальным лицом. Адресат пушкинского письма (особенно в том виде, в каком он явлен в черновике и в первом, направленном слое беловика) ближе к последнему типу.

Я.Л. Левкович, характеризуя первый слой беловика пушкинского текста, уверенно заключает: «адресат (причем адресат не “предполагаемый”, а вполне конкретный — друг Пушкина и издатель “Северных цветов” Дельвиг) появляется уже в первом абзаце»²⁵. Это заключение как будто не должно вызывать никаких возражений. Кому еще может быть адресовано письмо, адресат которого в печати обозначен как «Д.»?..

Иногда, однако, исследователю полезно взглянуть на «очевидное» свежим и непредвзятым взором, «проблематизировать» его — и тогда

²⁵ Левкович Я.Л. Автобиографическая проза и письма Пушкина. С. 252.

в очевидном может неожиданно обнаружиться содержание, требующее нового осмысления. В частности, и в черновой, и в первой белой редакции адресат «письма» предстает как лицо, прекрасно осведомленное в таких деталях биографии автора, о которых Дельвиг не знал. Так, адресату известно, что Пушкин только недавно получил возможность познакомиться с книгой Муравьева-Апостола и только что прочел ее. Это позволяет автору начать рассказ о крымских «впечатлениях» без каких-либо предисловий: «*Путешествие по Тавриде* прочел я с чрезвычайным удовольствием». О том, что Пушкин недавно получил и недавно прочел «*Путешествие по Тавриде...*», в декабре 1824 и в начале 1825 г. было известно только одному человеку. Это был не барон Дельвиг, а брат поэта, Лев Сергеевич Пушкин, который и прислал эту книгу в Михайловское. Письмо — своего рода творческий отчет о прочитанном.

Тому, что набрасывавшееся в тетради № 835 «крымское» письмо адресовалось Льву Сергеевичу, есть вполне недвусмысленное подтверждение в его черновом тексте. В первом абзаце после фразы «Но знаешь ли, что более всего поразило меня в этой книге? различие наших впечатлений» первоначально стояла точка с запятой; далее следовало: «кажется я писал тебе из К--<ишинева> о Кавказе и Тавриде — как говорится с горяча — если письмо мое сохранилось дост...²⁶ Жалею...»²⁷ Пушкин сразу заменил «кажется» на «помнится», затем густо зачеркнул исправление, вписал между строк «сколько упомяну», а потом зачеркнул и весь пассаж, продолжив: «Посуди сам». Дальнейший черновой текст в общем соответствует тексту беловика.

Этот черновой вариант не является тайной ни для исследователей, ни для читателей: он опубликован в ряде пушкинских изданий, в том числе в Большом академическом Полном собрании сочинений (правда, в разделе «Другие редакции и варианты», причем не в основном тексте, а в подстрочной сноске). Однако до последнего времени он не привлекал к себе внимания и не получил сколько-нибудь внятных истолкований²⁸.

Между тем известно только *одно* пушкинское «письмо о Кавказе и Тавриде», написанное из Кишинева. Это письмо Льву Сергеевичу Пушкину от 24 сентября 1820 г., содержащее рассказ о путешествии автора с семейством Раевских по Кавказу и Крыму (XIII, 17–20). Письмо

²⁶ Слово не дописано; в Полном собрании сочинений предположительно прочитано как *дост<авь>* (VIII, кн 2. С. 998, примеч. 10); более вероятным, однако, представляется чтение *дост<ань>*: Пушкин предлагает корреспонденту сравнить два текста, а не переслать старое письмо.

²⁷ ПД 835. Л. 42 об. (ср. VIII, кн 2. С. 998, примеч. 10)

²⁸ Даже в комментированном издании писем Пушкина под редакцией Б.Л. Модзалевского, где вычеркнутые строки воспроизведены в *основном корпусе*, они никак не объяснены.

Левушке завершалось так: «Прости. Обними же за меня Кюхе<ль>б<е-кера> и Дельв.<ига>» (XIII, 20). Эта концовка позволяет уверенно заключить, что Дельвигу (как и Кюхельбекеру) Пушкин о своих южных приключениях отдельно не писал и писать не собирался: зная характер и привычки брата, он рассчитывал на то, что тот незамедлительно познакомит с полученным письмом обоим друзьям поэта.

Лишь Н.Н. Петрунина, насколько нам известно, обратила внимание на зачеркнутую фразу в черновике пушкинского «письма» и сделала в общем правильный, хотя и очень осторожно сформулированный вывод (к сожалению, также изложенный не в основном тексте, а в подстрочном примечании): «Ранний слой черного автографа [...] позволяет [...] думать, что поначалу образ адресата письма (будь он реальный или литературный) не только рисовался с большей определенностью, но и соотносился в сознании автора с Л.С. Пушкиным»²⁹. Вместе с тем исследовательница считает, что адресат утратил конкретные черты и превратился в литературную фикцию еще на самой ранней стадии работы: «...Пушкин устранил из черного текста всё, позволявшее видеть в нем письмо, адресованное определенному лицу, Л.С. Пушкину»³⁰.

Между тем у нас есть достаточно оснований полагать, что адресат письма «соотносился в сознании автора с Л.С. Пушкиным» не только на начальной стадии работы, но и в то время, когда А.С. Пушкин завершал свой текст, переписывал его набело и отправлял в Петербург.

«...даже и друзьям моим»

Отправленное в столицу письмо, как мы помним, сопровождалось припиской-инструкцией. Сейчас нас будет занимать ее начало: «Пожалуйста не показывай этого письма никому, даже и друзьям моим (разве переписав у же)» (XIII, 252).

Я.Л. Левкович увидела в этом требовании «просьбу не выпускать письма из рук, пока оно не будет переписано» (из этого толкования и родилась экстравагантная версия с потерянным письмом). Между тем «не показывай» не означает «не выпускай из рук». Это требование означает: «не давай никому читать». Пушкин опасался не того, что «письмо»

²⁹ Петрунина Н.Н. Проза Пушкина: пути эволюции. Л., 1987. С. 38 (примеч. 53). Это наблюдение, кажется, заставило исследовательницу усомниться и в том, что и в окончательной редакции текст превратился в «письмо к Дельвигу». Но свои сомнения Н. Петрунина высказала не очень ясно, только в связи с включением «письма» в эпистолярный том Полного собрания сочинений: «кому бы ни отправлял Пушкин белой автограф отрывка в 1825 г., его получателю была адресована лишь приписка, сопровождавшая предназначенный для печати текст» (Там же. С. 44).

³⁰ Там же. С. 44.

потеряется (или его украдут), а того, что содержание его станет известно до публикации³¹.

Пушкин не раз обращался к своим корреспондентам с подобными просьбами — сохранять в тайне от посторонних глаз содержание пересылаемых сочинений. Такие просьбы обычно появлялись у него в двух случаях: когда текст по тем или иным соображениям не предназначался для широкого распространения³² или когда распространение текста в рукописи могло повредить его успеху в печати³³. По отношению к «крымскому письму» первая причина может быть исключена сразу: письмо предназначалось не для циркуляции в узком кружке посвященных, а для обнародования в печати. Столь же невероятна и вторая причина: издатель «Северных цветов» более других был заинтересован в том, чтобы сочинение, предназначенное для его альманаха (и, следовательно, призванное содействовать его коммерческому успеху), не стало известно до публикации³⁴.

Иначе говоря, с какой точки зрения ни посмотреть на наложенный запрет, выглядит он весьма загадочно. Ощущение загадочности усугубляется тем, что Пушкин требует от адресата не показывать письмо «даже друзьям моим». На основании эпистолярных, дневниковых и прочих документальных данных можно довольно точно установить, с кем из друзей Пушкина (понимая эту дефиницию достаточно широко) Дельвиг общался в пору подготовки «Северных цветов на 1826 год». Это В.А. Жуковский, Е.А. Боратынский, П.А. Плетнев, Н.И. Гнедич, И.И. Козлов, В.К. Кюхельбекер, П.А. Вяземский (дважды проезжавший через столицу). С этими друзьями Пушкин в первые месяцы 1825 г. щедро делится разнообразными плодами своего творчества — не предназначенными для печати рукописными эпиграммами (см. письмо

³¹ Уступительная конструкция «разве переписав уже», по-видимому, означает, что, снисходя к желаниям адресата, Пушкин позволяет показывать письмо только после изготовления цензурной копии, т.е. в самый канун отправки текста в печать.

³² Так, сообщая в письме Вяземскому от 25 января 1825 г. эпиграмму на Федора Глинку («Наш друг *Фита*, Кутейкин в эполетах...»), Пушкин добавлял: «Не выдавай меня, милый; не показывай этого никому: *Фита* бо друг сердца моего, муж благ, незлобив, удаляйся от всякия скверны» (XIII, 137).

³³ Просьбы, обусловленные этой причиной, начали появляться в письмах Пушкина с 1824 г. когда стихи стали приносить не только литературную славу, но и материальный доход. Особенно много их в 1825 г. См., например, письмо Вяземскому от 20-х чисел апреля 1825 г.: «Дельвиг у меня. Через него пересылаю тебе 2 главу Онегина (тебе единственно и только для тебя переписанного). За разг.-овор> с няней [и письмо Тани] без письма брат получил 600 р. — ты видишь, что это деньги, следств. должно держать их под ключом» (XIII, 165).

³⁴ Факты свидетельствуют, что Дельвиг не нуждался в подобных предупреждениях. В. Вацуро отметил, что отрывки из второй главы «Евгения Онегина», присланные Пушкиным в конце сентября 1824 г. (в ответ на запрос Дельвига) для альманаха на 1825 г., Дельвиг держал в секрете до самой публикации. См.: Вацуро В.Э. «Северные цветы». С. 34.

Вяземскому от 25 января), неопубликованными отрывками из «Цыган», неопубликованной главой «Евгения Онегина»; он даже обсуждает с ними свою опасную политическую поэзию (разъясняя смысл «Кинжала» в письме Жуковскому от 20-х чисел апреля 1825 г.), не говоря уже о том, что в руках Плетнева к весне 1825 г. сосредоточились вообще все поэтические тексты — как опубликованные, так и неопубликованные, — предназначенные для готовившегося издания «Стихотворений». Почему же от этих друзей требовалось скрывать крымское «письмо»? Чем оно отличалось от других пушкинских сочинений?..

Удовлетворительно разрешить возникшую загадку нам поможет анализ самой дефиниции *друзья*, использованной Пушкиным в приписке к письму.

В конце февраля 1825 г. Пушкин отвечал на недоуменные вопросы брата из не дошедшего до нас письма: «Ты спрашиваешь, зачем пишу я Булгарину? потому что он мне друг. Есть у меня еще друзья: Сабуров Яшка, Муханов, Давыдов и проч. Эти друзья не в пример хуже Б.<улгарина>. Они на днях меня зарежут — покамест я почтенному Фаддею Венедиктовичу послал 2 отрывка из Онегина, которых нет ни у Дельвига, ни у Бестужева не было и не будет... а кто виноват? всё друзья, всё треклятые друзья». И дальше: «Кланяйся моему другу Воейкову» (XIII, 146).

В этом письме *шесть раз* упомянуты «друзья», и каждый раз в очень специфическом контексте и в особом эмоционально-смысловом ореоле («Они на днях меня зарежут»; «друзья не в пример хуже Б.»; «треклятые друзья»). Что же это за друзья? Чем вызван сарказм Пушкина?.. Сейчас не все намеки февральского письма вполне ясны, даже не все из упомянутых «друзей» поддаются точной идентификации (в частности, не до конца ясно, какой именно из знакомых Пушкину Давыдовых имеется в виду; кандидатура Дениса Давыдова считается наиболее вероятной, однако не единственной), но всё же большинство лиц, как и большинство поводов к их упоминанию, можно идентифицировать и объяснить.

«Друг» Муханов — это адъютант генерала Н.Н. Раевского, член Союза благоденствия и Северного общества (осужденный впоследствии на 12 лет каторги) Петр Александрович Муханов, в 1823 — начале 1824 г. общавшийся с Пушкиным в Одессе, где тот читал ему «Евгения Онегина». Десять стихов из «Онегина» (ст. 5–14 XX строфы 1-й главы) Муханов сообщил Ф.В. Булгарину, который и напечатал их в № 4 «Литературных листков» за 1824 г. (номер вышел 3 марта 1824 г.³⁵) с указанием, что стихи

35 *Могиланский А.П.* К уточнению некоторых данных первого тома «Летописи жизни и творчества А.С. Пушкина» // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1956. Т. 1. С. 394.

получены из Киева от «одного просвещенного любителя словесности». Публикация не была санкционирована Пушкиным и появилась до того, как он завершил обработку первой главы «Евгения Онегина» для печати.

Через некоторое время в руках Муханова оказалось и начало поэмы «Цыганы». В № 15 «Северной пчелы» за 1825 г. (от 3 февраля), в статье «Петербургские Записки. Письмо в Москву к Петру Александровичу Мух—ву», появившейся за подписью «Д.Р.К.» (по всей вероятности, того же Ф. Булгарина), между прочим сообщалось: «Некоторые друзья А.С. Пушкина имеют у себя отрывки из сочиняемой им Поэмы *Цыгане*. Я не читал их, но один просвещенный любитель Словесности уверял меня, что эта Поэма будет выше всего того, что доньше написал Пушкин, следовательно — возможное совершенство».

Скорее всего, Булгарин излагал сведения о «Цыганах», восходящие к А. Бестужеву и К. Рылееву (Пушкин передал отрывок из поэмы для публикации в их «Полярную звезду»): оценка поэмы, данная от лица «одного просвещенного любителя словесности», практически *дословно совпадает* с характеристикой «Цыган» в письме Бестужева к В. Туманскому от 15 января 1825 г.: «Это выше всего, что он писал доселе»³⁶. Но, по всей видимости, Пушкин заподозрил в распространении текста самого Муханова — адресата письма, а в заявлении Д.Р.К. усмотрел обычную болгаринскую мистификацию, тем более что формулировка «один просвещенный любитель словесности» дословно повторяла характеристику Муханова в «Литературных листках». Во всяком случае, 19 февраля раздраженный Пушкин, которому «Северную пчелу» присылали в Михайловское сами издатели, писал Вяземскому: «Скажи от меня Муханову (в ту пору находившемуся в Москве. — *О.П.*), что ему грех шутить со мною шутки журнальные. Он без спросу взял у меня начало Цыганов и распустил его по свету. Варвар! ведь это кровь моя, ведь это деньги! теперь я должен и Цыганов распечатать, а вовсе не во-время» (ХІІІ, 144). Слова насчет «крови» были метафорой и гиперболой, слова о деньгах — жизненной правдой: начало «Цыганов», как уже упоминалось, было запродано в «Полярную звезду».

Факт несанкционированного распространения новой поэмы приобретал особый оттенок в свете недавнего скандала, связанного с еще одним «другом» Пушкина, упомянутым в том же письме Левушке, — А.Ф. Воейковым. В издаваемых им «Новостях литературы» (1824. Кн. 9, июль. С. 12–13; вышла со значительным запозданием: ц.р. — 20 августа,

³⁶ Н.Ш. [Шугуров Н.В.]. Туманский и Мицкевич // Киевская старина. 1899. Март. С. 300.

фактический выход — 3 сентября³⁷) появилась статья издателя «Путешествие из Сарепты на развалины Шери-Сарая, бывшей столицы ханов Золотой Орды...», куда вошел большой отрывок (первые 35 стихов) из поэмы «Братья разбойники», проданной Пушкиным в «Полярную звезду». Рылеев и Бестужев, издатели альманаха, 15 сентября отправили Воейкову гневное письмо, в котором сообщили, что порывают с ним всякие отношения³⁸; копию письма Бестужев 20 сентября переслал Вяземскому с жалобой на интриги Воейкова³⁹. Дружественный издателям Булгарин «поспешил объявить печатно, что Воейков напечатал стихи, предназначенные в “Полярную звезду”»⁴⁰. 3 ноября 1824 г. Бестужев спрашивал Вяземского: «Советуете ли Вы напечатать “Разбойников” или нет? Я в сомнении, ибо Воейков подвел нас»⁴¹. «Разбойники» в итоге всё же увидели свет на страницах «Полярной звезды», но Пушкину пришлось пережить немало неприятных минут.

Наконец, еще один друг — Яков Иванович Сабуров, знакомец Пушкина и близкий приятель Льва, — оказался причастен к распространению каких-то не предназначенных для публики (и, возможно, не вполне достоверных) сведений о Пушкине⁴². Слухи о «нескромности» Сабурова скоро дошли и до Михайловского. Еще в начале 20-х чисел ноября 1824 г. Пушкин писал Левушке: «Скажи Сабурову, чтоб он не дурачился, усовести его» (XIII, 123). Примерно тогда же Пушкин набрасывает черновик незаконченного стихотворного послания Сабурову («Сабуров, ты оклеветал / Мои гусарские затеи...»; П-1, 350), который по содержанию и расположению в тетради (ПД № 835. Л. 35 об.) датируется концом октября — началом ноября 1824 г. Несколько месяцев спустя, в письме Льву от 22–23 апреля 1825 г., Пушкин повторит свое требование: «Если Сабуров не уехал еще в Одессу⁴³, то попроси его обо мне там ничего не врать. Жалею, что не могу быть уверену и в твоей молчаливости» (XIII, 163).

³⁷ *Могилянский А.П.* К уточнению некоторых данных первого тома «Летописи жизни и творчества А.С. Пушкина». С. 394; в тексте явная опечатка: 3 ноября.

³⁸ Письмо издателей «Полярной звезды» к А.Ф. Воейкову / Публ. Н.И. Мордовченко // Литературный архив: Материалы по истории литературы и общественного движения. [Вып.] 1. М.; Л., 1938. С. 422.

³⁹ Письма Александра Бестужева к П.А. Вяземскому (1823–1825) / Публ. и коммент. К.П. Богаевской // Литературное наследство. Т. 60: Кн. 1. Декабристы-литераторы. П. М., 1956. С. 223.

⁴⁰ *Вацуро В.Э.* «Северные цветы». С. 31

⁴¹ Письма Александра Бестужева к П.А. Вяземскому. С. 226.

⁴² О завидной осведомленности Сабурова в обстоятельствах биографии молодого Пушкина свидетельствуют, между прочим, записи, сделанные с его слов П.В. Анненковым в начале 1850-х гг. См.: *Модзалевский Б.Л.* Пушкин и его современники. СПб., 1999. С. 480–481.

⁴³ Сабуров получил назначение чиновником при Воронцове; сюжет обсуждался еще летом; см. письмо Вяземского Пушкину из Ревеля от 4 августа 1825 г. (XIII, 201).

Почему же Пушкин называет всех этих лиц «друзьями» и какой смысл вкладывает в эту характеристику?.. Ближайшим образом выражение «мои друзья» отсылало, по-видимому, к заметке Д.Р.К. (Булгарина) в недавнем номере «Северной пчелы» от 3 февраля 1825 г. («Некоторые друзья А.С. Пушкина имеют у себя отрывки из сочиняемой им Поэмы “Цыгане”»), заставившей Пушкина обрушиться на Муханова. Вполне возможно вместе с тем, что слово «друзья» было неосторожно употреблено Львом Сергеевичем в порядке самооправдания (мол, если и даю читать и списывать, то только друзьям), что и стимулировало пушкинский сарказм⁴⁴.

За этими смысловыми пластами просвечивал еще один план, также связанный с несанкционированным распространением рукописей. В конце января или начале февраля 1824 г. Пушкин писал Левушке из Одессы: «Плетнев пишет мне, что Бахч.<исарайский> Фонт.<ан> у всех в руках. Благодарю вас, друзья мои, за ваше милостивое попечение о моей славе! благодарю в особенности Тургенева, моего благодетеля; благодарю Воейкова, моего высокого покровителя и знаменитого друга! Остается узнать, раскупится ли хоть один экземпляр печатный теми, у которых есть полные рукописи...» (XIII, 86). Как следует из саркастической характеристики Воейкова, тема *друзей* обнаруживает здесь связь с популярным выражением «знаменитые друзья».

В 1821 г., в редакционном примечании к стихотворению П.А. Вяземского «Песня», опубликованному в «Сыне отечества» (Воейков редактировал журнал в 1820–21 гг. по договору с Н.И. Гречем), появилась информация: «Наши знаменитые друзья, В.А. Жуковский, П.А. Вяземский, обогащают, по своему обещанию, наш журнал превосходными своими стихотворениями»⁴⁵. Это хвастливое сообщение вызвало непредвиденный эффект: выражение «знаменитые друзья» сразу же превратилось в своеобразный «мем» 1820-х гг. (ср. письмо М.Н. Загоскина к Н.И. Гнедичу от 2 мая 1821 г.: «Выражение “знаменитые друзья” насмешило всю Москву»⁴⁶), переходило из уст в уста, активно использовалось в журнальных полемиках и эпиграмматических войнах; оно прочно врезалось в память современников и помнилось многие

⁴⁴ Ср. в письме Левушке от 1 апреля 1824 г., в связи с распространением списков «Бахчисарайского фонтана»: «Таким образом обязан я за всё про всё — друзьям *моей славы* — чорт их возьми и с нею; тут смотри как бы с голоду не околеть, а они кричат *слава!*» (XIII, 90). По всей вероятности, курсивное выделение — цитата из не дошедшего до нас письма Л.С. Пушкина.

⁴⁵ *Сын отечества*. 1821. № 13. С. 277.

⁴⁶ *Загоскин М.Н.* Сочинения: В 2 т. Т. 2 / Сост., подгот. текста и коммент. С. Панова и А. Пескова. М., 1987. С. 703.

десятилетия после своего возникновения⁴⁷. Отголоски полемического шума вокруг «знаменитых друзей», бесспорно, слышатся в пушкинском письме от февраля 1824 г., где образ, примененный к самому Воейкову, заиграл новыми красками. Эти отголоски, по-видимому, слышны и в февральском письме 1825 г.

Итак, анализ мотива «друзей» в письмах Пушкина брату позволяет заключить, что выражение «мои друзья» не имеет отношения ни к Жуковскому, ни к Плетневу, ни к Кюхельбекеру. Это выражение использовано в нем не в буквальном, а в ироническом значении и подразумевает «друзей» совершенно особого рода⁴⁸. Все поименованные (и подразумеваемые) «друзья» — это лица, виновные в несанкционированном распространении сочинений Пушкина либо в передаче информации, наносящей ущерб его интересам.

Друзья и брат

В письмах Левушке саркастические выпады против «друзей» приобретали и дополнительный смысл, прекрасно понятный адресату: они метили... в него самого.

Лев Сергеевич имел роковую страсть знакомить публику с еще не изданными сочинениями брата: он читал их публично (как правило, неоднократно), позволял списывать, а иногда и сам изготовлял копии для желающих. Пушкин называл эту страсть «чтениебесием», а произведенные ею последствия — «пакостями» (см письмо Л.С. Пушкину от 27 марта 1825 г. — XIII, 157). Эта страсть приводила к тому, что многие пушкинские сочинения еще до появления в печати широко расходились в публике. Так случилось уже с «Бахчисарайским фонтаном» (ср. приведенное выше письмо Льву от января — начала февраля 1824 г.), но особенно впечатляющих масштабов активность Левушки-чтеца достиг-

⁴⁷ См.: Николай Полевой: Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов / Ред., вступ. ст. и коммент. Вл. Орлова. Л., 1934. С. 153–154.

⁴⁸ Ирония эта, как правило, не распознается биографами Пушкина. См, напр.: «Пушкин упоминает М. <уханова> в письмах к П.А. Вяземскому от 19 февр. и 15 сент. 1825 и к Л.С. Пушкину от конца февр. 1825, причисляя его к своим друзьям» (*Черейский Л.А.* Пушкин и его окружение. 2-е изд., доп. и перераб. Л., 1989. С. 278). Иногда буквальное чтение письма приводило к курьезным толкованиям — в нем видели чуть ли не свидетельство неразборчивости Пушкина в связях: «Легкомыслие, между прочим, способствовало возникновению легкости контактов. [...] в результате среди его друзей мы находим даже Фаддея Булгарина»; далее — ссылка на февральское письмо Пушкина брату: «Ты спрашиваешь, зачем пишу я Булгарину? Потому что он мне друг» (*Могилянский А.П.* Личность Пушкина. СПб., 1995. С. 15). Нам известен единственный автор, который отметил (и тонко обыграл) иронический характер пушкинского письма, см: *Кац Б.А.* Одиннадцать вопросов к Пушкину. СПб., 2008. С. 52.

ла в связи с «Цыганами». 17 ноября 1824 г. он читает поэму у Карамзина (в присутствии Д. Северина и К. Сербиновича), 1 декабря — там же повторно, в январе 1825 г. — у И.М. Муравьева-Апостола (того самого, автора «Путешествия по Тавриде...»), и тоже дважды: 9-го (среди слушателей — И.И. Козлов и Н.И. Гнедич) и 23-го, а 29 января — на дне рождения Жуковского⁴⁹.

Сведения об исполнительской активности Левушки доходят до Пушкина и вызывают у него ожидаемую реакцию. В конце января 1825 г. он пишет А. Бестужеву: «Пожури моего брата за то, что он не сдержал своего слова — я не хотел, чтоб эта поэма известна была прежде времени — теперь нечего делать — принужден ее напечатать, пока не растаскают ее по клочкам» (XIII, 137–138). В самом конце января — начале февраля Пушкин пишет уже самому Левушке, используя красноречивую фигуру умолчания: «Я с тобою не бранюсь (хоть и хочется) по 18 причинам: 1) потому что это было бы напрасно..... Цыганов, нечего делать, перепишу и пришлю к вам, а вы их тисните» (XIII, 142). А уже в следующем февральском письме появляется пассаж о «треклятых друзьях» с откровенными намеками-упреками, задевающими адресата. Левушка был вынужден несколько умерить свою активность. 26 февраля 1825 г. А.И. Тургенев писал Вяземскому: «Два раза уже слышал “Цыган” Пушкина и два раза восхищался ими. Не мне одному кажется, что это лучшее его произведение. С брата, который читает их наизусть, взял автор честное слово, что он списывать ни для кого не будет; иначе бы я тебя побаловал и прислал бы тебе “Цыган” его вместо крепкого бульона на тощий, если уже не больной, желудок»⁵⁰. Однако исполнительский пыл Льва Сергеевича не остыл и после очередного «честного слова»: уже в апреле он читает «Цыганов» на вечере у Плетнева, в присутствии Кюхельбекера и Рылеева⁵¹.

Итак, словцо *друзья*, отсылающее к очень определенному контексту (несанкционированное распространение рукописных сочинений), наделенное саркастическим смыслом («друзья» как вредители) и подразумевающее «второй план» («чтеньебесие» самого Льва Сер-

⁴⁹ См.: Цявловский М.А. Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. 1799–1826. Изд. 2-е, испр. и доп. С. 476, 480, 491, 495, 498.

⁵⁰ Остафьевский архив князей Вяземских / Подред. и с примеч. В.И. Саитова. Т. III. СПб., 1899. С. 99–100. Запрет на списывание, способный хоть в некоторой степени воспрепятствовать распространению поэмы, оказался совершенно непригодным для спасения от подобной участи мелких стихотворений. 28 июля 1825 г. раздраженный Пушкин осыпал брата упреками: «Я отослал тебе мои рукописи в марте — они еще не собраны, не цензурованы. Ты читаешь их своим приятелям до тех пор, что они наизусть передают их моск.<овской> публике. Благодарю» (XIII, 194).

⁵¹ См. письмо Рылеева Пушкину от конца апреля 1825 г. (XIII, 168); между прочим, Рылеев сообщает, что на этом чтении слушал «Цыганов» уже в четвертый (!) раз.

геевича), характерно именно для переписки Пушкина с братом. Тема мнимых *друзей* — часть той домашней семантики, которой пронизана переписка между братьями за 1824 — первую половину 1825 г. В переписке Пушкина с другими корреспондентами за соответствующий период мы ничего подобного не найдем. Поэтому с достаточной уверенностью можно утверждать, что и приписка-инструкция к так называемому «письму к Д.» адресована Льву Сергеевичу. Упомянутые в ней «друзья», которым нельзя показывать письмо, — не Жуковский или Плетнев и вообще не кто-либо из действительных друзей Пушкина, а те представители сословия «треклятых друзей» (отчасти *те самые* «треклятые друзья»), которые упоминались Пушкиным в других письмах брату, в частности в письме от второй половины февраля 1825 г.

Требование никому не показывать посылаемый текст, которое звучало бы нелепо в письме к издателю, больше других заинтересованному в сохранении тайны, выглядит совершенно естественно в письме к любителю распространять пушкинские сочинения до появления их в печати. Предписание же не показывать письма «даже друзьям», способное вызвать только недоумение, если бы речь шла о *настоящих* друзьях поэта, оказывается вполне уместным по отношению к «минутным друзьям» («друзьям моей славы»), способным приносить интересы автора в жертву собственному тщеславию, праздному любопытству и легкомыслию.

Если мы признаем, что приписка к беловику крымского письма обращена к Льву Сергеевичу Пушкину, то с неизбежностью должны будем признать, что и само письмо, по отношению к которому приписка служила руководством-инструкцией, не только адресовалось Л.С. Пушкину, но и послано было ему, а не барону Дельвигу. Иными словами, мы должны будем признать, что Лев Сергеевич не только оставался литературным адресатом «крымского письма», но был и его *реальным* адресатом, равно как и его реальным получателем.

Зачем и когда было написано, переписано и отправлено пушкинское «письмо»?

В пушкинистике давно и прочно утвердилось представление о связи «Письма к Д.» в первую очередь, если не исключительно, с поэмой «Бахчисарайский фонтан». Вот как, например, В.Э. Вацуро описывает действия и намерения Пушкина после прочтения им книги Муравьева-Апостола: «...он начал набрасывать письмо к Дельвигу, точнее статью в форме письма, где рассказывал о впечатлениях, легших в основу

“Бахчисарайского фонтана”. Это “письмо” можно было сделать потом предисловием к поэме...»⁵²

Я.Л. Левкович пошла много дальше. По ее заключению, пушкинское «Письмо...» было задумано как полемический отклик на статью П.А. Вяземского «Разговор между издателем и классиком...» (предварявшую первое издание «Бахчисарайского фонтана»), которой Пушкин, по мнению исследовательницы, был «явно недоволен» и с которой был «решительно... не согласен». Недовольство и несогласие подогревались еще одним щекотливым обстоятельством: «Предисловие Вяземского напечатано в книге без подписи, т.е. вполне могло быть приписано самому Пушкину». Поэтому «нейтрализовать предисловие Вяземского, отключить его от поэмы и вместе с тем определенно заявить о праве поэта на вымысел он (Пушкин. — О.П.) считает необходимым. На этом фоне и появляется “Отрывок из письма к Д.”. Пушкин спешит дополнить издание поэмы этим своеобразным предисловием к ней»⁵³. Правда, Я.Л. Левкович вынуждена была отметить, что не устроившее Пушкина предисловие Вяземского к «Бахчисарайскому фонтану» почему-то появилось и во втором издании поэмы (1827), а «Отрывок из письма к Д.», которым он якобы «спешит» дополнить поэму и посредством которого стремится «нейтрализовать предисловие Вяземского», — только в третьем (1830). Этому обстоятельству исследовательница нашла такое объяснение: Пушкин перепечатал предисловие Вяземского в новом издании, «потому что это облегчило прохождение поэмы через цензуру» (?! — О.П.)⁵⁴, «Отрывок» же не попал туда потому, что «еще свеж был в памяти читателей». Удовлетворившись этим странным разъяснением, Левкович суммирует: «Таким образом, “Отрывок” с самого начала сопутствовал изданию поэмы, имел утилитарное значение, был своеобразным послесловием к ней, только это послесловие не сразу было включено в книгу, а вышло вслед за ней»⁵⁵.

⁵² Вацуро В.Э. «Северные цветы». С. 49.

⁵³ Левкович Я.Л. Автобиографическая проза и письма Пушкина. С. 240.

⁵⁴ Этот аргумент удивителен: устранение из издания статьи Вяземского не вызвало бы никаких цензурных затруднений.

⁵⁵ Левкович Я.Л. Автобиографическая проза и письма Пушкина. С. 240–241. В скором времени исследовательница вообще вытеснила из памяти реальность, мешавшую ее концепции. В комментариях к изданию автобиографической прозы Пушкина она не только изложила свои домыслы как твердо установленный факт, но и уверенной рукой перенесла «Отрывок из письма...» из третьего во второе издание поэмы: «Пушкин, недовольный предисловием Вяземского к первому изданию “Бахчисарайского фонтана” в 1824 г., решил вдогонку к этому изданию напечатать свое “послесловие” в альманахе Дельвига “Северные цветы” на 1825 г., но текст, очевидно, был утерян или не дошел до Дельвига, и Пушкин послал ему его второй раз. В качестве приложения к поэме оно попало во все ее издания после 1826 г.» (Пушкин А.С. Дневник. Записки / Изд. подгот. Я.Л. Левкович. СПб., 1995. С. 304).

Между тем Пушкину не было никакой нужды «отключать» предисловие Вяземского от «Бахчисарайского фонтана»: при разногласиях в некоторых теоретических пунктах (в частности, в понимании романтизма) он был в общем доволен статьей, во всяком случае настолько, что в «Письме к издателю “Сына отечества”» выступил в защиту автора от критических нападок Мих. Дмитриева (Сын отечества. 1824. № 18). Никаких *опровержений* статьи Вяземского ни «письмо к издателю», ни «крымское письмо» не содержали, утверждавшееся же в последнем «право на вымысел» не опровергало, а развивало положения «Разговора...». И уж совсем удивительно звучит предположение, будто Пушкин опасался того, что статью Вяземского «могут принять» за его собственную: авторство «Разговора...», в общем изначально ни для кого не составлявшее секрета, было печатно раскрыто самим Вяземским еще в марте 1824 г., в статье «О литературных мистификациях» (Дамский журнал. 1824. № 7); соответственно, и Пушкин в письме к издателю «Сына отечества» прямо называет Вяземского автором «Разговора...».

О том, что крымское письмо вовсе не осознавалось Пушкиным как приложение (в форме послесловия или предисловия) к «Бахчисарайскому фонтану», наглядно свидетельствует и еще одно обстоятельство. Предполагая в 1825 г. выпустить «Бахчисарайский фонтан» вторым изданием (по предложению книгопродавца Селивановского; план не осуществился), Пушкин действительно хотел снабдить его *особым предисловием*. По этому поводу он писал Льву Сергеевичу в первой половине мая 1825 г.: «А между тем пришли мне тот № В.<естника> Евр.<опы>, где напечатан 2-ой разговор лже-Дмитриева, это мне нужно для предисловия к *Бахч.<исарайскому> Фонт.<ану>*. Не худо бы мне переслать и весь процес (и Вестн.<ик> и Дамс.<кий> Жур.<нал>))» (XIII, 174). Как следует из этой просьбы, задуманное предисловие должно было строиться вокруг литературно-эстетических вопросов, затронутых в полемике вокруг поэмы в 1824 г.⁵⁶ Никакого отношения к сюжетам «крымского письма» этот нереализованный замысел не имел.

Для второго издания «Бахчисарайского фонтана» (1827), которое было запродано Смирдину и готовилось под надзором Плетнева, Пушкин собственного предисловия писать не стал, сохранив в качестве приложения «Разговор...» Вяземского. Значит, и в это время предисловие Вяземского Пушкина устраивает и он вовсе не «спешит» (вопреки мнению Я.Л. Левкович) чем-либо его заменять.

⁵⁶ Именно такой характер будет иметь, например, пушкинское предисловие ко второму изданию «Руслана и Людмилы» (1828), представляющее собой разбор критических отзывов о поэме. Подробнее см. наш комментарий в изд.: Пушкин А.С. Сочинения: Комментированное изд. / Под общ. ред. Дэвида М. Бетеа. Вып. 1: Поэмы и повести. Ч. I. М., 2007. С. 73–79 (2-й паг.).

Впервые «крымское» письмо появляется только в третьем издании «Бахчисарайского фонтана» (1830), подготовленном П.А. Плетневым. Вопросы о «классицизме» и «романтизме», поднятые Вяземским в «Разговоре...» и вызвавшие в свое время литературную бурю, теперь утратили для Пушкина остроту и актуальность. В порядке «моральной компенсации» Пушкин намеревался посвятить Вяземскому в новом издании саму поэму, однако в печати посвящение не появилось; 2 мая 1830 г. Пушкин писал Вяземскому: «Отчего не напечатано мое посвящение тебе в третьем изд.<ании> Фонтана? Не уж то мой цензор не пропустил? Это для меня очень досадно. Узнай, пожалуйста, как и за чем» (XIV, 87; было ли посвящение действительно запрещено цензурой или осторожный Плетнев решил не рисковать — неясно). Устранение статьи Вяземского резко уменьшало объем издания (в издании 1827 г. «Разговор...» занимал 19 страниц), что могло вызвать недоразумения материального порядка в отношениях с издателем. Писать взамен новое, собственное послесловие у Пушкина не было ни времени, ни желания: «не тем в то время сердце полно было» (14 марта он отправился в Москву и уже 6 апреля сделал официальное предложение Н. Гончаровой). Тогда — мы не знаем в точности, у самого Пушкина или у Плетнева — и родилась счастливая идея: для частичной компенсации устраненной статьи Вяземского перепечатать в новом издании поэмы «Отрывок из письма...» (он занял стр. 41–46). Это был явный паллиатив: в письме «бахчисарайский» эпизод был лишь одним из нескольких сюжетов, причем далеко не главным, он занимает меньше места, чем рассказы о «полуденном берегу» и о посещении Георгиевского монастыря и «развалин храма Дианы» (именно последний эпизод, якобы заставивший автора «думать стихами», изначально был семантическим центром письма). Судьба этого издательского компромисса сложилась удачно: в читательском, а потом и в исследовательском сознании «письмо» прочно слилось с крымской поэмой.

У нас, однако, достаточно оснований полагать, что пушкинское письмо, *превращенное* в 1830 г. в приложение к «Бахчисарайскому фонтану» (может быть, даже без личного участия автора, во всяком случае — без его активного участия), изначально было связано с иным литературным контекстом и, соответственно, должно было выполнять иные функции.

Еще в Одессе, надеясь получить отставку и уверовав (после успеха «Бахчисарайского фонтана») в возможность материально обеспечить свою жизнь литературным трудом, Пушкин начал вынашивать несколько издательских планов. По приезде в Михайловское эти планы вылились, в частности, в намерение за короткий срок подготовить сборник «Разных стихотворений». Уже в начале ноября 1824 г. Пушкин передал с Левуш-

кой, уезжавшим из Михайловского в Петербург, письмо к Никите Всеволожскому, предлагая выкупить у того некогда проигранную в карты тетрадь со стихами (собственно, не столько тетрадь как материальный предмет, сколько *право на издание* вошедших в нее стихов⁵⁷). 29 ноября Пушкин пишет Вяземскому: «Теперь поручил я брату отыскать и перекупить мою рукопись, и тогда приступим к изданию элегий, посланий и смеси» (XIII, 125). Еще до получения согласия Всеволожского Пушкин приступает к переписыванию старых стихов по имеющимся у него источникам в т.н. Капнистовскую тетрадь⁵⁸. С начальной стадией подготовки задуманного издания стихотворений и связано, по нашему мнению, начало работы Пушкина над «крымским письмом».

Пушкин понимал, что для читательского успеха запланированной поэтической книги недостаточно только стихов, пусть и превосходных. Эпоха требовала от поэта *биографии*. «Биография становится не просто реальным фактом, а фактом долженствующим», — точно писал в этой связи Б.В. Томашевский⁵⁹. Слухи о неординарной судьбе молодого Пушкина широко циркулировали в обществе. Сам поэт подтверждал, распространял и усиленно подпитывал эти слухи — как с помощью квази-биографических аллюзий в своих стихах, так и с помощью продуманной эпистолярной стратегии⁶⁰. Письмо, посвященное крымскому путешествию — одному из самых «романтических» и загадочных эпизодов южной биографии Пушкина, — давало прекрасную возможность внести новые яркие штрихи в образ поэта-изгнанника, «русского Байрона», путешествующего по стране, в которой чудесным образом соединились природа полуденных краев, воспоминания античной древности и остатки экзотического «мира востока». Крымское письмо создавало и образ поэта⁶¹, и соответствующий биографический контекст (по большей части фиктивный) для южного творчества Пушкина, в особенности же — для «крымских» стихотворений, большинство из которых специально сочиняется в 1824 — начале 1825 г.⁶² Письмо должно было сопутствовать

⁵⁷ См.: *Томашевский Б.В.* История тетради Всеволожского // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 20 т. Т. 2. Кн. 1. СПб., 2004. С. 306.

⁵⁸ «Пушкин приступил к работе, не дожидаясь рукописи Всеволожского: очевидно, во всем этом деле согласие Всеволожского было важнее самой рукописи» (Там же. С. 307).

⁵⁹ *Томашевский Б.* Пушкин: Современные проблемы историко-литературного изучения. Л., 1925. С. 62.

⁶⁰ Так, в частности, Пушкиным был выстроен один из центральных для его южного творчества биографических мифов — миф об «утаенной любви».

⁶¹ См. тонкую характеристику героя-повествователя: *Охотин Н.Г., Рогова А.И.* Отырок из письма к Д. С. 593.

⁶² Самое значительное из них — послание «К Ч<аадаеву>» («К чему холодные сомненья...»), начатое в Одессе в конце весны 1824 г. и завершенное в конце года в Михайловском. В «письме» подробно рассказывается об обстоятельствах его

готовящейся книге стихотворений, в идеале — предвирать ее, задавать ориентиры для ее восприятия⁶³.

14 марта 1825 г. Пушкин, узнав о согласии Всеволожского, пишет брату: «Элегии мои переписаны — потом послания, потом смесь, потом благословясь и в цензуру» (XIII, 151). В тот же день он получил и тетрадь Всеволожского — и 15 марта писал Льву и Плетневу: «Сегодня отсылаю все мои новые и старые стихи» (XIII, 153). В тот же или на следующий день он послал в Петербург так называемую Капнистовскую тетрадь с переписанными текстами и указаниями, какие тексты из доступных корреспондентам источников включать в собрание. Судя по подробным техническим инструкциям, данным в этом же письме Льву и Плетневу (относительно композиции текстов, виньетки, оформления, расположения стихов на листе, шрифта и т.п.), Пушкин был исполнен оптимизма и надеялся завершить подготовку издания очень быстро. Вероятно, примерно в это же время — одновременно с отправкой в Петербург стихов — Пушкин завершает и отделяет «крымское письмо» и в свою очередь отправляет его в Петербург.

У нас есть основания и для более точной его датировки. Как мы помним, Н. Охотин и А. Рогова первыми отметили (по необходимости суммарно) особый характер бумаги, на которой написан беловик пушкинского «письма». Пришло время охарактеризовать эту бумагу более подробно.

Крымское «письмо» написано на бумаге с золотым обрезом, с водяным знаком фабрики Л. Сазонова (по классификации Л. Модзалевского и Б. Томашевского — бумага № 58⁶⁴). На этой же бумаге написано несколько «настоящих» пушкинских писем: Л.С. Пушкину от 27 марта 1825 г. (XIII, 157–159), Вяземскому от конца марта — начала апреля (XIII, 159), Л.С. Пушкину от 22 и 23 апреля (XIII, 163–164) и А.А. Бестужеву от конца мая — начала июня 1825 г. (XIII, 177–180)⁶⁵. Среди них

создания — якобы в 1820 г., на морском берегу Тавриды. В этом рассказе ни одно слово не соответствует реальности. Подробнее см. наш комментарий: *Пушкин А.С. Сочинения: Комментированное издание. Вып. 1: Поэмы и повести. Ч. 1. С. 358–361* (2-й pag.).

⁶³ И вместе с тем — но именно что *вместе с тем* — бросать определенный ответ на уже опубликованный «Бахчисарайский фонтан».

⁶⁴ *Модзалевский Л.Б., Томашевский Б.В.* Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме: Научное описание. М., 1937. С. 97.

⁶⁵ См.: *Пушкин А.С. Письма* / Под ред. и с примеч. Б.Л. Модзалевского. М.; Л., 1926. Т. 1. С. 429; *Модзалевский Л.Б., Томашевский Б.В.* Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме. С. 185; Бумаги А.С. Пушкина в автографах его, хранящиеся в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина / Сост. Л.Б. Модзалевский и Б.В. Томашевский. Л., 1936 (машинопис в ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН). За сообщение данных из последнего источника приношу сердечную благодарность А.С. Бодровой.

нет писем Дельвигу, зато есть два, адресованных Льву Сергеевичу Пушкину. Два письма из четырех (самые ранние) связаны непосредственно с подготовкой издания стихотворений: Л.С. Пушкину от 27 марта 1825 г., с планом-проспектом предисловия к книге (в значительной степени адресованным Плетневу), и П.А. Вяземскому от конца марта — начала апреля⁶⁶, с извещением о готовящемся собрании стихотворений («Стихотворения мои отосланы в Пет<ер>б.<ург> под Бирукова»). «Крымское письмо», в свою очередь тесно связанное с планирующимся изданием стихотворений, органически встраивается в этот ряд и, по-видимому, должно быть датировано мартом 1825 г.

Дополнительным аргументом в пользу такой датировки выступает подробно разобранный нами тема мнимых «друзей» в приписке-инструкции, которая специально поднималась Пушкиным в письме Левушке от конца февраля. Чтобы адресат понял намек с полуслова, между письмами не должно было быть большого временного зазора; отнесение «крымского письма» к более позднему времени такой зазор увеличивает.

Поскольку, по нашему мнению, это «письмо» должно было предварять выход книги пушкинских стихотворений (или, по крайней мере, сопутствовать ей), Пушкин никак не мог намереваться опубликовать его в «Северных цветах на 1826 год»: при самом благоприятном стечении обстоятельств новая книжка альманаха, не начавшая даже собираться, могла увидеть свет только на исходе года⁶⁷. Конечно, Пушкин предполагал опубликовать «письмо» в оперативном периодическом издании — в журнале. С расчетом на журнальную публикацию оно и было отправлено Льву Сергеевичу.

Пушкин нередко посылал Левушке свои стихи, с тем чтобы тот устраивал их в журналы и альманахи по собственному усмотрению и к собственной выгоде. По всей вероятности, и в случае с «крымским письмом» никаких прямых предписаний и определенных указаний насчет места публикации Лев Сергеевич не получил: ему была предоставлена свобода выбора. Указания, касающиеся состава текста⁶⁸, и позволение

⁶⁶ Вероятнее всё же — от конца марта. Письмо Вяземскому тесно связано по содержанию с письмом Льву Сергеевичу от 27 марта и писано едва ли не в тот же день.

⁶⁷ Обстоятельства, напомним, сложились неблагоприятно: альманах вышел с существенным запозданием, лишь в апреле 1826 г.

⁶⁸ Пушкин перечеркнул первый и последний абзацы, но в приписке обозначил необходимость устранения только первого («Начала в самом деле не нужно»). Как мы помним, В.Э. Вацуру, считавший письмо адресованным Дельвигу, предполагал здесь следы обсуждения статьи в Михайловском. Нам же представляется, что этим указанием Пушкин предупреждал и как бы заранее аннулировал возможное недоумение и вопросы корреспондента, посвященного в историю обретения и чтения Пушкиным книги Муравьева-Апостола: вычеркнутый первый абзац — единственный явный знак адресата, Льва Сергеевича. Сосредоточившись на

показывать письмо после изготовления цензурной копии («разве переписав уже...») говорят о том, что Пушкин рассчитывал увидеть «письмо» в печати в самом недалеком будущем.

Однако Левушка, получив от Пушкина письмо, должен был испытать известное смущение. Он хорошо знал, что и как делать с пушкинскими стихами. Стихи шли нарасхват; еще 17 января 1826 г. Лев Сергеевич писал С. Соболевскому, разясняя, почему он отказывается принять предложение Н. Полевого ежемесячно поставлять в «Московский телеграф» пушкинские сочинения на определенных финансовых условиях: «...я их продавая другим журналистам получаю 10 и более рублей за стих; вся годовая сумма Полевова равняется с платой, которую предлагает мне Аладин за одну пьесу брата»⁶⁹. Но совсем не ясно было, что делать с «крымским письмом», кого можно им заинтересовать, кому и на каких условиях его предлагать: и публика, и издатели ждали от Пушкина «сладкозвучных творений», а не «почтовой прозы»⁷⁰. Судя по всему, письмо на какое-то время легло в секретер Левушки.

Д. отсутствует, появляется и исчезает

А где же все эти месяцы находился «канонический» адресат пушкинского письма, прочно утвержденный в этой роли традицией, — А.А. Дельвиг?

Пушкин тщетно ожидал приезда Дельвига в Михайловское на протяжении осени, зимы и начала весны: сначала того задерживали дела альма-нашные, а на первой неделе февраля к нему из витебского имения прибыл отец, о возможных последствиях чего Пушкина известил П.А. Плетнев 7 февраля 1825 г.: «Дельвиг к тебе не скоро будет. К нему приехал отец»

этом пункте, Пушкин не дал никаких комментариев по поводу вычеркнутого последнего абзаца, что впоследствии было понято публикаторами как санкция на его сохранение — может быть, ошибочно, о чем свидетельствует последнее исключение его самим Пушкиным (см. ниже).

⁶⁹ Пушкин в переписке С.А. Соболевского / Публ. и примеч. М. Светловой // Лит. наследство. Т. 16/18: Александр Пушкин. М., 1934. С. 730.

⁷⁰ Показательно в этом отношении мнение Н.М. Языкова, писавшего 25 апреля 1826 г. родным о публикации «Отрывка из письма к Д.» в «Северных цветах»: «Дельвиг сделал немалую глупость, напечатав письмо Пушкина о Бахчисарае» (Письма Н.М. Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822–1829) / Под ред. и с объяснит. примеч. Е. В. Петухова. СПб., 1913. (Языковский архив. Вып. I). С. 247). Завистливый Языков относился к Пушкину с ревнивой неприязнью, особенно до личного знакомства, но в данном случае им, по-видимому, руководило искреннее недоумение: Языков, судя по всему, действительно не мог понять и оценить литературного значения пушкинской прозы. Лишь в 1830-х гг. «Отрывок из письма...» был признан в своем роде образцовым. Под названием «К Д. о Тавриде» пушкинский текст был опубликован в разделе «Письма» в кн.: *Ленинский И.* Российская хрестоматия, или Отборные сочинения отечественных писателей в прозе и стихах. Ч. 1. СПб., 1833. С. 294–297.

(XIII, 141). Около 12 февраля Дельвиг вместе с отцом покинул столицу и отправился в Витебск «по домашним делам». Пушкин, кажется, не вполне поверил житейской мудрости Плетнева и не потерял надежды, о чем свидетельствуют письма Левушке от конца февраля («Дельвига с нетерпением ожидаю», XIII, 146), 14 марта («Дельвига жду [...] Мочи нет, хочется Дельвига», XIII, 151, 152) и 27 марта («Дельвига нет еще!», XIII, 158). Издатель «Северных цветов» дал о себе знать почти через шесть недель после отъезда: в письме Пушкину из Витебска от 20 марта, дошедшем до Михайловского, видимо, в самом конце месяца, он рассказал о внезапной «горячке» («с воспалением в правом боку и груди»), нарушившей его жизненные планы и задержавшей давно ожидавшийся приезд в пушкинскую деревню (XIII, 154).

Только на второй неделе апреля (после 8 числа) Дельвиг наконец добрался до Михайловского, где провел две с небольшим недели⁷¹. Конечно, в Михайловском Пушкин с Дельвигом активно обсуждали литературные дела, на очередь естественным образом встал и вопрос о материалах для новой книжки «Северных цветов». Живые отголоски михайловских разговоров звучат в письме Пушкина к Вяземскому от 20-х чисел апреля: «К стати: зачем ты не хотел отвечать на письма Дельвига? он человек, достойный уважения во всех отношениях, и не чета нашей литературной С.<анкт> П.<етер> Бургской сволочи. Пожалуйста, ради меня, поддержи его *Цветы** на след. год. Мы все об них постараемся». В специальном примечании-выноске к фразе «поддержи его *Цветы*» Пушкин («уже просто под диктовку Дельвига»⁷²) спрашивает адресата: «Да нет ли у тебя и прозы?» (XIII, 166).

Проза — извечный альманашный дефицит. Заручившись обещанием Вяземского, полученным благодаря Пушкину, Дельвиг повторил просьбу о прозе в письме к князю от 22 ноября 1825 г. («ежели вы всё еще добры по-прежнему к Дельвигу, то поспешите прислать ему и прозу, вами обещанную...»)⁷³, но так ничего и не дождался: у Вяземского, увлеченного в ту пору сотрудничеством с «Московским телеграфом», свободной «прозы» не нашлось.

Зато у Пушкина проза теперь имелась. Это было «крымское письмо», которое лежало в петербургском секретере Левушки, дожидаясь своего часа. Откликаясь на просьбы Дельвига и желая его «поддержать», Пушкин, по-видимому, сразу согласился передать письмо в новую книж-

⁷¹ «27 апреля имя Дельвига вновь появляется в дневнике Козлова: он вернулся в Петербург» (Вацуро В. Э. «Северные цветы». С. 49).

⁷² Там же. С. 48.

⁷³ Дельвиг А. А. Сочинения / Сост., вступ. ст., коммент. В. Вацуро. Л., 1986. С. 307.

ку «Северных цветов»: запланированная синхронность выхода книги стихов и публикации письма была принесена в жертву дружбе.

Разумеется, о том, чтобы заново переписать письмо, пользуясь имеющимся черновиком (в сущности, это означало бы создание новой редакции), и вручить его издателю прямо в Михайловском, речи идти не могло: это было не в правилах Пушкина⁷⁴. Пушкин, скорее всего, велел Дельвигу обратиться за письмом к Левушке, что издатель «Северных цветов», должно быть, и поспешил сделать сразу по прибытии в Петербург в самом конце апреля или в начале мая⁷⁵.

Лев Сергеевич к переписыванию текста письма не приступал, он — надо думать, не без душевного облегчения — передал Дельвигу пушкинский оригинал⁷⁶. Текст оказался воспроизведен в «Северных цветах на 1826 год» очень аккуратно, с учетом инструкций, данных Левушке. В альманахе появился лишь один элемент, отсутствовавший в авторской рукописи, — заголовок «Отрывок из письма А.С. Пушкина к Д.». Неясно, было ли согласовано с автором жанровое обозначение («Отрывок»). В инициале же «Д» читатели должны были безошибочно узнать самого

⁷⁴ Совершенно экстраординарным событием стало переписывание для Вяземского второй главы «Евгения Онегина», но этот беспрецедентный поступок был актом дружеской моральной поддержки: Вяземский находился в состоянии глубокой депрессии после смерти сына. Зато, согласившись дать Дельвигу фрагмент из этой главы для «Северных цветов на 1826 год» (см. письмо Дельвигу от октября — первой пол. ноября 1825 г.), Пушкин уже не утруждал себя переписыванием. 22 ноября 1825 г. Дельвиг из Петербурга обращается к Вяземскому с просьбой: «Велите мне списать или препоручите это Баратынскому два отрывка из 2-й песни “Онегина”» (*Дельвиг А.А. Сочинения. С. 307*). Вяземский находился в это время в Остафьево и пообещал выслать желаемые отрывки по возвращении в Москву (см. письмо Вяземского Дельвигу от 7 декабря 1825 г. // *Труды Черниговской губернской архивной комиссии. 1899–1900. Отд. 1. С. 14*). Как следует из письма Дельвига Пушкину от начала февраля 1826 г. (XIII, 260), отрывки в конце концов собственноручно переписала и прислала Дельвигу кн. В.Ф. Вяземская. Итак, изготовление копии потребовало корреспонденции между Москвой, Петербургом и Остафьевым, вовлекло в процесс трех лиц (и едва не вовлекло четвертого) и заняло более двух месяцев (и каких! На них приходится восстание на Сенатской площади, аресты членов тайного общества и начало следствия; письма — особенно таких подозрительных лиц, как князь Вяземский, — в этот период, конечно, усиленно перлюстрировались). Между тем речь шла об отрывке в 20 стихов, переписывание которого отняло бы у Пушкина не более десяти минут.

⁷⁵ В первые месяцы после возвращения в Петербург Дельвиг общается с Левушкой очень часто: только на вечерах у И.И. Козлова они встречаются 28 апреля, 3 мая, 9 мая, 12 мая, 25 мая, 29 мая, 1 июня, 5 июня, 12 июня, 17 июня (*Вацуро В.Э. «Северные цветы»*. С. 50, 52; дневник Козлова за вторую половину года утрачен). При этом не приходится сомневаться, что встречами у Козлова общение Дельвига и Льва Сергеевича в ту пору не ограничивалось.

⁷⁶ В противном случае оригинальный текст должен был бы сохраниться среди пушкинских писем Льву, перешедших от него к С.А. Соболевскому, который — к неудовольствию Вяземского — опубликовал их в «Библиографических записках» (1858. Т. 1). Характеристику этого комплекса писем, объединенных Соболевским в особый альбом, см.: *Соловьева О.С. Рукописи Пушкина, поступившие в Пушкинский Дом после 1937 года: Краткое описание. М.; Л., 1964. С. 51–53.*

барона Дельвига. Услышав сообщение Пушкина о наличии у него «прозы» для альманаха, а затем ознакомившись с текстом «крымского» письма, Дельвиг должен был заключить, что письмо и обращено к нему, издателю «Северных цветов». То, что оно оказалось в руках Левушки, его не должно было ни удивить, ни смутить: в ситуации, когда самого издателя долго не было в Петербурге, Пушкину естественно было использовать брата в качестве посредника, «впрок» посылая ему сочинения для отсутствующего корреспондента⁷⁷.

Альманах «Северные цветы на 1826 год», в котором впервые был опубликован «Отрывок из письма...», вышел в апреле 1826 г. А через четыре года, в начале апреля 1830 г., увидело свет третье издание «Бахчисарайского фонтана». Это издание, как отмечалось, готовил к печати П.А. Плетнев, превратившийся к тому времени в главного литературного комиссионера Пушкина. В новом издании «Отрывок из письма...» — возможно, по рекомендации и инициативе Плетнева — впервые опубликован в качестве приложения к поэме, заместив собою полемическое предисловие Вяземского. Текст был перепечатан из «Северных цветов», сразу за сделанной Вяземским для первого издания выпиской из «Путешествия по Тавриде», без альманашного заголовка, но в сопровождении преамбулы «От издателей». В преамбуле сообщалось: «Желая познакомиться читателей, не бывавших в Тавриде, со сценою повествования Поэта нашего, предлагаем им здесь 1) выписку из любопытного и занимательного Путешествия по Тавриде, изданного И.М. Муравьевым-Апостолом, 2) отрывок из письма самого Автора к Д***»⁷⁸. Заглавие, вводная сентенция и первый пункт преамбулы почти дословно повторяли текст заметки «От издателей» (написанной П.А. Вяземским) в первом издании «Бахчисарайского Фонтана»⁷⁹; второй же пункт, вновь добавленный, воспроизводил заголовок «отрывка из письма к Д.» в «Северных цветах» (с единственной переменной: «А.С. Пушкин» был заменен на «самого Автора»). Текст «отрывка из письма» практически не отличался от альманашного, за исключением нескольких мелких пунктуационных уточнений⁸⁰. Вся эта редакторская работа производилась Плетневым без участия Пушкина.

⁷⁷ Ср. в многократно цитировавшемся выше письме от конца февраля 1825 г.: «Если придет тебе пакет на имя Дельвига, то распечатай — позволяю» (ХІІІ, 146).

⁷⁸ Пушкин А.С. Бахчисарайский фонтан. СПб., 1830. С. [32].

⁷⁹ Редактура была минимальной: устранено одно слово (в предыдущем издании: «недавно изданного»), в инициалах Муравьева-Апостола исправлена опечатка (в первом издании И.М. вместо И.М.).

⁸⁰ Н.Н. Петрунина допустила здесь странную ошибку: «[...] “Отрывок” в приложении к третьему изданию “Бахчисарайского фонтана” был напечатан без стихов к Чаадаеву. Это-то и наводит на мысль, что в публикации 1830 г. своеобразным замещением послания, принявшим на себя его функцию, явилась

В 1835 г., через четыре года после безвременной кончины Дельвига, «Бахчисарайский фонтан» печатается в *четвертый раз*, но теперь уже не отдельной книжкой, а в составе двухтомного собрания «Поэмы и повести Александра Пушкина» (цензурное разрешение — 12 января 1835 г.). «Крымское письмо» и здесь было помещено в качестве приложения к поэме.

У издания 1835 г., изобилующего опечатками и иными типографскими огрехами, в кругу пушкинистов давно установилась не лучшая репутация⁸¹; участие самого Пушкина в его подготовке представлялось — в общем, по-видимому, справедливо — незначительным⁸². По формулировке Н.Г. Охотина, для Пушкина это издание «было скорее рутинным коммерческим предприятием, нежели самостоятельным литературным проектом»⁸³.

Тем примечательнее изменения, которые коснулись в этом издании «крымского письма». «Письмо» — едва ли не *единственный* текст в «Поэмах и повестях», несущий на себе следы активного и очень основательного авторского вмешательства. Основные его результаты оказались следующими:

— Удалено послание к Чадаеву («К чему холодные сомненья?...») и, соответственно, вводящий его прозаический текст. О причинах этого удаления пока можно строить только более-менее правдоподобные догадки⁸⁴;

— Исключен финальный, «лирико-биографический» абзац («Рас-толкуй мне теперь, почему полуденный берег и Бахчисарай имеют для меня прелесть неизъяснимую?» и т.д.). Сокращение радикально изменило структуру, композицию и жанр текста: полностью исчез лирически окрашенный образ автора (и его интимный диалог с адресатом), текст

поэма — другой плод поэтического вдохновения автора» (*Петрунина Н.Н.* Проза Пушкина. С. 42–43). Это утверждение, на котором выстроена целая концепция, не соответствует действительности: в тексте «Отрывка из письма», приложенном к третьему изданию поэмы, послание Чадаеву напечатано полностью (на стр. 44).

⁸¹ Характерно замечание Н.В. Измайлова, высказанное 25 марта 1936 г. при обсуждении в Пушкинской комиссии доклада Г.О. Винокура о работе над комментарием к «Бахчисарайскому фонтану»: «Издание 1835 г. плохое» (РГАЛИ. Ф. 2164. Оп. 1. Ед. хр. № 57. Л. 22. Замечание Измайлова — наряду с репликами и комментариями других слушателей, выступавших в прениях по докладу, — законспектировано Г.О. Винокуром).

⁸² Отсутствием надлежащего авторского надзора объяснялись многочисленные опечатки, технические небрежности и просчеты, вплоть до исчезновения эпитафий (которыми Пушкин очень дорожил) к «Бахчисарайскому фонтану» и «Полтаве». См. опубликованные нами соображения Г.О. Винокура по этому поводу: *Пушкин А.С.* Сочинения: Комментированное издание. Вып. 1: Поэмы и повести. Ч. I. С. 306–307 (2-й паг.).

⁸³ Там же. С. 12 (2-й паг.).

⁸⁴ См. наши предположения в комментарии: Там же. С. 361 (2-й паг.).

действительно превратился в «отрывок», соотносящийся с эмоционально скупой пушкинской прозой 1830-х гг.;

— Наконец, заголовок в издании «Поэм и повестей» давался не в сопроводительной заметке от издателей, как в третьем издании «Бахчисарайского фонтана», а прямо перед текстом, как в публикации «Северных цветов». По сравнению с альманахом заголовок претерпел формально незначительную, но содержательно радикальную трансформацию: теперь текст назывался не «Отрывок из письма к Д.», а просто «Отрывок из письма». Иначе говоря, обозначение адресата из заголовка исчезло.

Эту перемену невозможно объяснить ни случайными техническими причинами, ни внешними, «нетворческими» соображениями (или обострившимися идейными разногласиями). Сокращения, превращающие письмо в «отрывок», сами по себе не требовали устранения имени (вернее — инициала имени) адресата. Устранение это может объясняться — и, как мы стремились показать всем ходом нашего изложения, *должно* объясняться — тем, что А.А. Дельвиг адресатом пушкинского письма никогда не мыслился и, соответственно, никогда им не был. Адресат у письма был *другим*, что имело для автора *литературное* значение. Произведенные структурные изменения позволили Пушкину-литератору сравнительно безболезненно изъять неавторское (и ошибочное) обозначение адресата, не нанося посмертной обиды другу, потерю которого Пушкин-человек оплакивал.

В будущем электронном собрании сочинений Пушкина, направленном не на установление «подлинного» текста, а на демонстрацию его динамической вариативности, жизнь и судьба «крымского письма» должны будут обрести впечатляющую наглядность.

Литература

Балакин А.Ю. А.С. Пушкин и книга И.М. Муравьева-Апостола «Путешествие по Тавриде в 1820 году» // Русская литература. 2017. № 2. С. 19–30.

Балакин А. Ближе к тексту: Разыскания и предположения. СПб.: Пальмира, 2017. 357 с.

Вацуро В.Э. «Северные цветы»: История альманаха Дельвига — Пушкина. М.: Книга, 1978. 288 с.

Винокур Г.О. Из комментариев к Пушкину / Публ. О.А. Проскурина // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 32. СПб.: Российская академия наук; Росток, 2016. С. 47–54.

Кац Б.А. Одиннадцать вопросов к Пушкину. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. 160 с.

Левкович Я.Л. Автобиографическая проза и письма Пушкина. Л.: Наука, 1988. 328 с.

Могилянский А.П. Личность Пушкина. СПб.: Элмор, 1995. 111 с.

Хотин Н.Г., Рогова А.И. «Отрывок из письма к Д.» // Пушкинская энциклопедия: Произведения. Вып. 3: Л — О. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 590–595.

Петрунина Н.Н. Проза Пушкина: пути эволюции. Л.: Наука, 1987. 335 с.

Письма Александра Бестужева к П.А. Вяземскому (1823–1825) / Публ. и коммент. К.П. Богаевской; Вступ. ст. Н.Л. Степанова // Литературное наследство. Т. 60. Кн. 1. Декабристы-литераторы. II. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 191–230.

Пушкин А.С. Дневник. Записки / Изд. подготовила Я.Л. Левкович. СПб.: Наука, 1995. 336 с.

Пушкин А.С. Сочинения: Комментированное издание / Под общ. ред. Дэвида М. Бетеа. Вып. 1: Поэмы и повести. Ч. I. М.: Новое издательство, 2007. 248 + 400 с.

Пушкин в переписке С.А. Соболевского / Публ. и примеч. М. Светловой // Литературное наследство. Т. 16/18: Александр Пушкин. М.: Журнально-газетное объединение, 1934. С. 725–757.

Томашевский Б.В. История тетради Всеволожского // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 20 т. Т. 2. Кн. 1. СПб.: Наука, 2004. С. 303–324.

Фомичев С.А. Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 835: (Из текстологических наблюдений) // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 11. Л.: Наука, 1983. С. 27–65.

Цявловский М.А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. 1799–1826. Изд. 2-е, испр. и доп. / Отв. ред. Я.Л. Левкович. Л.: Наука, 1991. 785 с.

Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. 2-е изд., доп. и перераб. Л.: Наука, 1989. 544 с.

References

Balakin A. *Blizko k tekstu: Razyskaniia i predpolozheniia* [Close to the text: Research and assumptions]. St. Petersburg, Pal'mira Publ., 2017. 357 p. (In Russ.)

Balakin A.Iu. A.S. Pushkin i kniga I.M. Murav'eva-Apostola "Puteshestvie po Tavride v 1820 gode" [A.S. Pushkin and I.M. Muravyov-Apostol's book "The Journey to Tauris in 1820"]. *Russkaia literatura*, 2017, no. 2, pp. 19–30. (In Russ.)

Chereiskii L.A. *Pushkin i ego okruzhenie* [Pushkin and his entourage]. 2nd ed. Leningrad, Nauka Publ., 1989. 544 p. (In Russ.)

Fomichev S.A. Rabochaia tetrad' Pushkina PD № 835: (Iz tekstologicheskikh nabludeniĭ) [Pushkin's workbook PD 835: (From textual observations)]. *Pushkin: Issledovaniia i materialy. T. 11* [Pushkin. Studies and materials. Vol. 11]. Leningrad, Nauka Publ., 1983, pp. 27–65. (In Russ.)

Kats B.A. *Odinnadtsat' voprosov k Pushkinu* [Eleven questions to Pushkin]. St. Petersburg, European University in St. Petersburg Publ., 2008. 160 p. (In Russ.)

Levkovich Ia.L. *Avtobiograficheskaia proza i pis'ma Pushkina* [Pushkin's autobiographical prose and letters]. Leningrad, Nauka Publ., 1988. 328 p. (In Russ.)

Mogilianskii A.P. *Lichnost' Pushkina* [Pushkin's personality]. St. Petersburg, Elmor Publ., 1995. 111 p. (In Russ.)

Okhotin N.G., Rogova A.I. "Otryvok iz pis'ma k D'" ["An excerpt from the letter to D'"]. *Pushkinskaia entsiklopediia: Proizvedeniia. Vyp. 3: L — O* [Pushkin encyclopedia: Works. Iss. 3: L — O]. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2017, pp. 590–595. (In Russ.)

Petrunina N.N. *Proza Pushkina: puti evoliutsii* [Pushkin's prose: paths of evolution]. Leningrad, Nauka Publ., 1987. 335 p. (In Russ.)

Pis'ma Aleksandra Bestuzheva k P.A. Viazemskomu (1823–1825) [Alexander Bestuzhev's letters to P.A. Vyazemsky (1823–1825)], publ. and comment. by K.P. Bogaevskaya, intro. by N.L. Stepanov. *Literaturnoe nasledstvo. T. 60. Kn. 1. Dekabristy-literatory. II* [Literary heritage. Vol. 60. Book 1: Decembrists — men of letters. II]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1956, pp. 191–230. (In Russ.)

Pushkin A.S. *Dnevnik. Zapiski* [Diary. Notes], ed. by Ia.L. Levkovich. St. Petersburg, Nauka Publ., 1995. 336 p. (In Russ.)

Pushkin A.S. *Sochineniia: Kommentirovannoe izdanie* [Works: Commented edition], ed. by David M. Beta. *Vyp. 1: Poemy i povesti. Ch. I* [Iss. 1: Narrative poems and stories. Part 1]. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2007. 248 + 400 p. (In Russ.)

Pushkin v perepiske S.A. Sobolevskogo [Pushkin in S.A. Sobolevsky's correspondence], publ. and notes by M. Svetlova. *Literaturnoe nasledstvo. T. 16/18: Aleksandr Pushkin* [Literary heritage. Vol. 16/18: Alexander Pushkin]. Moscow, Zhurnal'no-gazetnoe ob"edinenie Publ., 1934, pp. 725–757. (In Russ.)

Tomashevskii B. V. *Istoriia tetradi Vsevolozhskogo* [The story of Vsevolozhsky's copybook]. Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochinenii: B 20 t. T. 2. Kn. 1* [Complete works: In 20 vols. Vol. 2. Book 1]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2004, pp. 303–324. (In Russ.)

Tsiavlovskii M.A. *Letopis' zhizni i tvorchestva A. S. Pushkina. 1799–1826* [Chronicle of A.S. Pushkin's life and work. 1799–1826], 2nd ed., ed. by Ia.L. Levkovich. Leningrad, Nauka Publ., 1991. 785 p. (In Russ.)

Vatsuro V.E. "Severnoye tsvety": *Istoriia al'manakha Del'viga — Pushkina* ["Northern Flowers": The story of the Delvig-Pushkin almanac]. Moscow, Kniga Publ., 1978. 288 p. (In Russ.)

Vinokur G.O. *Iz kommentariiev k Pushkinu* [From the commentary to Pushkin's work], publ. by O.A. Proskurin. *Vremennik Pushkinskoi komissii. Vyp. 32* [Pushkin Commission Chronicle. Iss. 32]. St. Petersburg, Russian Academy of Sciences Publ., Rostok Publ., 2016, pp. 47–54. (In Russ.)

**“An excerpt from the letter [to D.]” by A.S. Pushkin:
addressee, function, dating**

© 2019, Oleg Proskurin

Abstract: The article proves that the text, published in the literary almanac “Northern Flowers for 1826” under the title “An excerpt from A. Pushkin’s letter to D[elvig]”, was, in fact, created as a letter to Pushkin’s brother Leo (Lev Sergeevich). The article revises the date and pragmatics of this work, its connection with the literary and biographical context. The article contains a detailed critical analysis of the interpretations of the topic introduced by leading Pushkin scholars: Boris Modzalevsky, Mstislav Tsiavlovsky, Grigorii Vinokur, Vadim Vatsuro, Sergei Fomichev, and Yanina Levkovich. The conclusions of the author are based on a thorough study of the history of the text of the “letter”: its draft manuscript copy in the “Second Masonic notebook”, its fair copy, and all lifetime publications.

Keywords: Alexander Pushkin, Lev Pushkin, Anton Delvig, text criticism, dating, addressee problem, text history, narrative poem “The Fountain of Bakhchisarai”, Crimea

Information about the author: Oleg Proskurin, PhD, Visiting Whitney J. Oates Fellow, Princeton University. Princeton, NJ, USA. E-mail: proskurin.oleg@gmail.com

Citation: Proskurin Oleg. “An excerpt from the letter [to D.]” by A.S. Pushkin: addressee, function, dating. *Literary fact*, 2019, no. 2 (12), pp. 348–383. DOI 10.22455/2541-8297-2019-12-348-383

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ
Научный журнал

2019 № 2 (12)

Основан в 2016 г.
Выходит 4 номера в год

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
связи и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 — 67296 от 30 сентября 2016 г.
Подписной индекс по каталогу «Роспечать» 80039
ISSN 2541-8297

Адрес редакции: Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук. 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
Телефон: +7 (495) 690-50-30
Сайт: www.litfact.ru

Дизайн обложки А.В. Белоусова
Компьютерная верстка Н.Э. Чайковская
Подписано в печать 31.05.2019

Формат 60×90 1/16
Усл.-печ. л. 24,0
Тираж 500 экз.

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6
Заказ №